

12+

Наталья
Землянская

Хроники Шеридана

Наталья Николаевна Землянская

Хроники Шеридана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56820530

SelfPub; 2020

Аннотация

Городок Зелёная Чаша расположен в аномальной зоне, где сверхъестественное переплелось с обыденным. Его жители и не подозревают, что может быть по-другому, – кроме полицейского комиссара Рэга Шеридана: и вот новое запутанное дело – старинный замок, привидение, загадочные гости, древнее проклятье, путешествия в параллельные миры, и девочка Мэрион, всюду сующая свой нос... Она обнаруживает, что известная художница пишет картины, с помощью которых можно проникнуть за пределы обычного пространства. За художницей начинают охоту Тёмные Силы. Но в игру вступает могущественный чародей, из-за ошибки которого и началась эта история...

...Был тот волшебный час, когда Долина и небо остались наедине друг с другом. Жёлтое всевидящее око догорало где-то у самого края земли, его прощальные лучи дарили облакам новые одежды, а к коричневым Холмам, ограждающим Долину на востоке, подкрадывались на цыпочках мягкие весенние сумерки.

– Тебе пора домой, Мэрион, – сказал Священник, когда последний вздох старенького органа растаял под куполом церкви. Человек прислушался, точно ожидая чего-то ещё, но не дождался, и убрал руки с клавиш. – Пора, малышка, – повторил он и улыбнулся.

Девочка лет десяти нехотя слезла со стула, сунула подмышку мячик, и серьёзно пообещала, сдвинув брови:

– Завтра я опять приду!

– Обязательно, – подтвердил Священник, и в высохших уголках его глаз собрались веселые морщинки.

Девочка затопала к выходу, стуча мячом по жёлтым квадратам света на некрашенных сосновых половицах. В дверях она обернулась:

– А жалко, что я ещё не доросла до педалей, правда?

– Ничего, уже скоро! – пообещал он, – Ну, беги, да не забудь передать привет Бабушке!

Насвистывая, – Бабушка строго-настрого запрещала ей свистеть, но здесь же никто не услышит! – девочка спустилась с холма, вершину которого венчала церквушка, и запрыгала по одной из многочисленных тропинок, извивающихся

по дну Долины в направлении Города. Мячик послушно скакал впереди, пока не устал, тогда он просто покатился рядом.

– Эх, ты! – презрительно фыркнула хозяйка. Мяч обиделся и укатился в траву. – Думаешь, я стану тебя искать? – крикнула она вдогонку. – Как бы ни так!

Впрочем, она и не смогла бы этого сделать: густые зеленые стебли, обступившие дорожку, доставали ей едва не до плеча. Она уже собиралась бежать дальше, как вдруг услышала:

– Девочка-девочка! Куда ты идешь?.. – тоненький голосишко, старавшийся казаться «очень страшным», никак не мог принадлежать ее резиновому приятелю. Она заинтересованно огляделась, а тут и ещё один запищал точно эхо: – Девочка-девочка!

– А вы где? – в ответ захихикали. Мэрион надула губы: – Ну и пожалуйста! Смейтесь, хоть до утра, а я пошла...

И вдруг она увидела: возле самых ее ног лежат два зеленых шарика, чуть поменьше кулака, и тарашат на нее синие глазки-пуговики в оправе красноватых белков.

– Ой, какие... какие зелепусики!!! – на мгновенье задохнувшись от неожиданности, восторженно завопила девочка. «Зелепусики» польщёно переглянулись. Она присела на корточки и потыкала одного из них пальцем: он был теплым и упругим.

Не ожидавшие подобной прыти зелёные шарахнулись в траву.

– Вы откуда такие? – спросила Мэрион, и на четвереньках

подползла ближе.

– *Оттуда!* – многозначительно сообщили они.

Словечко это, ничего толком не проясняющее, прозвучало на зависть восхитительно и таинственно. Она постаралась сделать равнодушное лицо, словно ничего такого особенного и не услышала, и сказала небрежно:

– Так я вам и поверила! А я вот зато живу в замке! Настоящем! С привидениями! Кстати, я – Мэрион. А друзья и родные зовут меня Рио, – так прикольное...

Тут она приврала: привидение было всего одно, да и то его никогда никто не видел. Но слышали многие, – а это, сами понимаете, что-нибудь да и значит.

Но «Зелепусиков» интересовало совсем другое:

– Мы есть хотим... – сообщили они. Это прозвучало немного зловеще.

Проворно отползя назад на тропинку, Рио выпрямилась, стряхнула с колен налипшие комочки земли и травинки, и с опаской уточнила:

– Думаю, вам вряд ли сгодится на ужин такая тощая девочка?

– О нет, конечно! – поспешно и учтиво заверили голубоглазые. – Мы не едим чего попало.

Рио нахмурилась. Ей не понравилось такое определение. Но, может, оно и к лучшему... Мимолётное возмущение тотчас уступило место любопытству:

– Кто же вы такие?

– Мы тебе расскажем. После... Если ты нам понравишься, – отвечал один, а второй добавил: – Ты случайно не хочешь ли пригласить нас в гости?

– Может быть. Если вы мне понравитесь... – в тон отозвалась она, соображая, как поступить.

Очень уж ей хотелось прихватить с собой загадочных симпатяшек: она заранее представляла, какой фурор произведет ее появление среди друзей с такими зелепусами в кармане! Хотя в карман они, пожалуй, не влезут... Да и не в этом дело. В каком качестве представить новых знакомых? В роли домашних питомцев?.. Мама вряд ли обрадуется, тем более что у нее уже есть кот и удав. Последний, правда, жил в доме на подпольных правах, точнее, на подкроватных. Вдруг ей вовсе не разрешат *завести* зелепусиков? Да и Папа... А уж Бабушка!.. Не стоит даже и заикаться об этом. Если же представить зелененьких в качестве гостей...

В их доме постоянно гостили полчища родственников и знакомых – некоторые даже оставались жить годами как, например, тетка Люсильда или дядя Винки. Но они все были людьми, а эти...

– Ну?! – нетерпеливо спросили они. – Ты покажешь нам поразительный пример гостеприимства и радушия или нам придется горько разочароваться?

«А! Была, не была!» – подумала Мэрион. В конце концов, дома полно еды, места – и того больше, и вовсе необязательно докладывать всем подряд, что у тебя завелись новые при-

атели.

Тропинка плавно перешла в мощеную белым камнем дорожку, а та – в широкую мостовую. В домах уже зажигали огни, и девочка прибавила ходу. Зелепусики, сжавшись до размера шариков для пинг-понга, лежали в кармане ее джинсовых шорт. Мэрион услышала, как часы на Городской Ратуше пробили девять.

– Опаздываю... – пробормотала она.

Бабушка терпеть не могла, когда кто-нибудь задерживался к ужину.

Но как ни озабочена была Мэрион, как она ни спешила, от ее внимания не ускользнуло одно необычайное обстоятельство: Центральный перекресток – самое оживленное место Города, место, где сходились все дороги, все улицы – был тихим и пустынным, точно все вокруг вымерло. Это в пятницу-то вечером!.. Не звенели трамваи, не шуршали шины полицейских авто, не цокали подковы конных экипажей, не слышно было ни голосов, ни шороха шагов, даже жалюзи в кондитерской Папаши Дю были опущены. Уши девочки уловили лишь слабые отблески обычной вечерней жизни: приглушенное звяканье посуды за полуоткрытыми окнами, далекую, еле различимую мелодию да шепот опавших листьев по тротуару... Весенний вечер словно окутал все вокруг мягкой сиреневой вуалью, поглотившей звуки и движенья, напоившей воздух сладкой успокоительной истомой – день кончен, грядет покой, – но сквозь это умиротворение сочилась

едва уловимая тревога.

И тут Мэрион заметила неподвижно стоящего высокого человека, одетого в темное: длинный до земли плащ, высокие сапоги и широкая шляпа конусом, скрывавшая лицо. В какую-то долю секунды ей показалось, что у него и вовсе нет лица, – только сгусток темноты под обвисшими полями. Но ей некогда было его разглядывать, и она бегом свернула в переулок, унося в душе ощущение непонятного мимолетного беспокойства, а в памяти – видение: гаснущий вечер, пустая улица, тишина, ветер, листья – и острый темный силуэт, словно гвоздь, вбитый в самое сердце Города...

У входа ее поджидал убежавший мячик.

– Как там моя старушка? – торопливо спросила девочка, слегка запыхавшись. Она уже забыла увиденное, и беспокоилась совсем о другом. – Небось, закипела?.. – мячик в ответ покачнулся.

Многочисленные обитатели Замка Лостхед уже были в сборе. Во главе стола, следуя раз и навсегда заведенному порядку, восседала Бабушка, по правую руку от нее сидел Папа, слева – Дедушка, напротив отца – Мама. Все остальные – Красавчик, Карапуз, Зануда, тетка Люсильда и прочие, человек двадцать, – расположились в произвольном порядке. Возле самой двери оказался свободный стул, и Мэрион надеялась, что ей удастся присоединиться к почтенному обществу незаметно: Бабушка разливала суп и была, казалось,

всецело поглощена этой процедурой. Но едва внучка коснулась сиденья, как прозвучало грозное:

– Руки?!

Девочка тяжело вздохнула и поплелась в ванную. Руки, как назло, отмывались плохо. И где она успела так извозиться?.. Из кармана выглянул Зелепус и плотоядно уставился на кусок розового мыла:

– Это едят?

– Нет... – слегка раздраженно отозвалась она. – Потерпите немного.

– Потерпеть? Но у нас скоро начнет бурчать в животах!

Рио не оценила всей серьезности этой угрозы, но откуда ей было знать?.. И когда за столом вдруг раздались «очень-неприличные-звуки», она поначалу удивилась не меньше других. Дело как раз шло к десерту, а эти звуки становились громче и громче; разговоры как-то разом смолкли, и она обнаружила, что все смотрят в ее сторону. Кто-то хихикнул.

– Простите... – пробормотала она, покраснев, и поспешно вылезла из-за стола.

Поднявшись к себе в комнату, она сердито вытряхнула Зелепусов в коробку, стоявшую на письменном столе.

– Мы есть хотим. Хотим есть! – нудно напомнили ей из коробки.

– Сейчас спущусь вниз и чего-нибудь принесу. Сидите тихо! – и она бросилась к двери, но уже на пороге резко вернулась обратно. Подбежав к кровати, – Зелепусы с надеждой

неотрывно следили за ней, вращая выпуклыми глазками, – она пошарила под ней и вытащила оттуда нечто длинное и пятнистое.

– Мы такое не едим! – в панике воскликнули новые знакомые. Она подтащила удава поближе, – он спал, – и постучала его головой о столешницу.

– У?..

– Доди, – строго отчеканила хозяйка, – это не едят! – и потыкала его мордой в окаменевших от страха гостей.

– Точно? – усомнился тот. – Выглядит вполне аппетитно. Девчонка без долгих разговоров показала ему кулак.

– Как скажешь, – тотчас кротко согласился Доди.

Оставив веселую компанию знакомиться, Мэрион вприпрыжку помчалась вниз. Но пирожных ей уже не досталось.

Пришла ночь... Полная луна повисла на ветвях старой ивы. Темная река наполнилась текучим серебром, и под грустные трели сверчков Город погрузился в сон. Уснули холмы и рощи, вороны в кронах дубов, Старый мост и вода в реке. Уснули часы на башнях и яблоневые сады, – и только огромный филин вдруг тревожно крикнул, бесшумно взмыл в ночное небо и, распластав крылья, тенью скользнул сквозь залитую лунным светом пустоту к чернеющему вдаль лесу.

Там, чуть в стороне от того места, где сходятся дорога, ведущая в Залесье и тропинка, бегущая от моста, и где однажды Джоэлю-сапожнику привиделась летящая ведьма –

впрочем, утверждали, что он был изрядно пьян, – там, на поляне вдруг зашевелился огромный белый валун.

Филин глухо гугукнул: «Пора!..»

Взметнулось вверх земляное крошево, и на зов хищной птицы вытекла из-под каменной глыбы огромная змея. Трижды три раза обернулась она вокруг камня, свет луны заиграл на ее скользких боках... И стала гадина сжимать свои кольца, и трескался камень, и лопалась от страшного напряжения змеиная чешуя, но она лишь сильнее сдавливала валун и яростнее терлась об его острые края. Движения ее становились все более судорожными и стремительными – и вот, наконец, выползла из лоскутьев змеиной кожи черноволосая нагая женщина, и затихла без сил на жесткой измятой траве.

Филин повертел головой, – в его круглых глазищах отразилась луна, – слетел вниз и стал терзать клювом остатки змеиной плоти, настороженно поглядывая на неподвижное, молочно белеющее тело. Осмелев, он подобрался ближе и с шумом взлетел на голову лежащей, но она мгновенно ухватила его за толстые, обросшие пухом лапы. Птица дернулась и запуталась в длинных густых волосах своей мнимой жертвы, и вероломные руки тотчас безжалостно разодрали её пополам. Женщина запрокинула вверх лицо, залитое птичьей кровью, из ее груди вырвалось громкое шипение, но зрачки, устремленные в небо, остались пусты и черны – луна не отразилась в них...

Наутро Мэрион проснулась намного раньше обычного. Немного понежившись в постели, она внезапно осознала причину своего столь раннего пробуждения: Зелепусы!.. Теперь она вовсе не была так уж уверена, что поступила правильно, никому не сказав о вчерашней встрече, – ведь они все-таки *неизвестно кто*. А вдруг это – пришельцы?.. При этой мысли она прямо подпрыгнула. И если они – эти самые, то с какой целью они сюда «пришелились»?.. А может они какие-нибудь ... ну, эти, как его... вирусы? Или бактерии?.. О тех и о других у нее было смутное представление. Поразмыслив, она поднялась, и осторожно, на цыпочках подкралась к коробке.

Зелепусы мирно похрапывали себе на кошачьей подушечке, и, кажется, не замыслили ничего дурного. «Лапусечки!..» – умилилась Мэрион. Но природная практичность тут же взяла верх: «Надо бы показать их кому-нибудь...» Тут она ненароком чихнула, и на нее тотчас уставились две пары блестящих голубых глаз. Ей стало неловко, что её застукали за таким делом, как подглядывание, и она торопливо предложила:

– Идемте пить чай с Бабушкой... Доброе утро.

Зелепусы переглянулись и, немного посоветовавшись, вежливо ответили:

– Спасибо, но чай с бабушкой, пожалуй, нет. Лучше – с конфеткой.

Когда Мэрион спустилась вниз, Бабушка – седая, сухопа-

рая, высокая и не по годам энергичная дама – уже была на Кухне. Она всегда вставала раньше остальных – никто, кажется, вообще не видел ее спящей.

Кухня представляла собой огромный круглый полутемный зал; его стены уходили вверх и в темноту. Откуда-то сверху из этой темноты свисал на толстых цепях большой котел, под ним был устроен очаг – самый настоящий, как раньше. В стенах были прорезаны узкие стрельчатые окна, между ними вдоль стен – старинная мебель: все крепкое, дубовое, украшенное искусной резьбой и цветными витражами. На полках среди посуды и всяких безделиц из серебра, хрусталя и фарфора, вид которых без лишних слов свидетельствовал о старинном происхождении, глаза ваши напрасно искали бы хоть малейшие следы века нынешнего: Бабушка не признавала никаких «электрических штучек», к тому же в Замке постоянно были перебои с электричеством. Единственное, с чем она смирилась на *своей Кухне* – так это газовая плита, стеснительно жавшаяся где-то в самом темном углу, да огромный двухдверный холодильник – бабушкин любимец.

Вот и теперь Бабушка – в длинном, отделанном кружевом платье, точно сошедшая со старинного портрета, – стояла перед котлом с серебряным черпаком в руке. Под крышкой котла громко булькала каша.

– Овсянка? – сморщила нос Мэрион.

– И тебе доброе утро, деточка! – укоризненно отозвалась Бабушка.

Тут каша забормотала еще громче и решительно полезла наружу. Бабушка сердито чмякнула её черпаком, овсянка испуганно спряталась обратно.

– Все равно ведь не съедят! – булькнула каша обиженно.

– Цыц!.. – строго ответила старая хозяйка.

Тут в Кухню вбежал Папа – в плаще и шляпе, но без ботинок. Прижимая к груди кейс, он потребовал себе гренок с сыром и мармеладом. Проглотив их штук пять и угостившись чашечкой кофе, он убежал. Папа всегда был слишком занят, обеспечивая своему семейству и куче нахлебников «достойный образ жизни». Он являлся главным управляющим местного филиала гигантской корпорации «Каролина», специализирующейся, главным образом, в области туризма, отдыха и развлечений. Долина славилась своими целебными водами и климатом – это-то и привлекло в свое время внимание Корпорации. Под началом Папы была сеть отелей, пансионатов, клиник, ресторанов, кафе и прочего, что обеспечивало обслуживание туристов, чьи деньги были практически единственным источником существования Города и его тридцати тысячного населения. В Городе отца уважали, – и не только за принадлежность к старой аристократической фамилии: он прилагал немало усилий, чтобы маленький городок процветал.

Вслед за Папой появился Карапуз. Заспанный, в длинной ночной рубашке, с горшком в руках. Бережно поставив посудину под стол, – не дай бог забудешь где, потом не сыскать! –

он молча вскарабкался на высокий табурет и плеснул себе в чашечку кофейку. Для своих трёх лет её младший братик был на редкость самостоятельным ребенком. Поневоле... А как же иначе, когда не менее дюжины тетушек – своих и чужих – ежеминутно норовят принять участие в твоём воспитании! Почему-то, правда, ребенок при этом вечно оставался беспризорным.

Подперев кулачком толстую щеку, он принялся звонко болтать в чашке серебряной ложечкой. Бабушка поморщилась: что за манеры! Сестра же забрала у него чашку и пододвинула бокал с молоком. Умяв последовательно тарелку овсянки, пару плюшек и яблоко, Карапуз получил в награду шоколадку и, зажав ее в кулачке, сполз с табурета.

– Что нужно сказать, молодой человек? – напомнила Бабушка.

Карапуз приостановился. Подумал.

– Съем сам, никому не дам! – и удалился вперевалочку, волоча за собой горшок.

Мэрион поглядела ему вслед и небрежно заметила:

– Если мне дадут пару монет, – тут она картинно вздохнула, – я, так и быть, пригляжу за ним сегодня.

Но заработать ей не удалось. В Кухню ворвалась разноцветная разноголосая толпа – обитатели Замка спешили к завтраку. Почему-то утром все любили попить чайку здесь, а не в столовой. По-семейному, так сказать.

Последним приковылял Дедушка и с ходу потребовал

«нацедить ему кружечку», на что Бабушка сухо заметила, что «ещё рановато!»

– А тортик? – с надеждой спросил дедуля.

– На ужин! – отрезала она.

Дедушка захныкал, но на это никто не обратил внимания. С тех незапамятных времен, как он внезапно появился в Замке – дальний разорившийся родственник, не оставлять же его на улице! – к его чудачествам и нытью привыкли. Собственно, он приходился Бабушке внучатым племянником, Дедушкой же его называли из-за почтенного возраста: лет ему было около девяноста... Вы спросите, сколько же Бабушке? Считалось, что бабушке где-то сто двадцать, но наверняка она кокетничала.

Круглый зал наполнился голосами, звяканьем посуды. Обсуждали последние сплетни и свежие новости. В основном, все разговоры сводились к грядущему Летнему Карнавалу. Это событие обычно привлекало массу туристов, но и для жителей Города дни Карнавала были не только работой, но и праздником. Дамы обсуждали предстоящие развлечения и свои будущие наряды, мужчины – прошедшие скачки. В нестройный гул голосов рефреном вплеталось тоненькое: «Тор-ти-ик!..»

Спустя час с чаепитием было покончено, всё стихло, и за столом остался только Дедушка, словно рыба, выброшенная на берег схлынувшим приливом. Оглядев разгромленный стол, он сложил худые ручки на толстом животике, и в

последний раз тихонечко спросил:

– Тортик?.. – в его надтреснутом голосе слышалось легкое торжество: последнее слово осталось за ним.

Из котла выглянула каша. Не заметив дедушку, она осторожно полезла наружу.

– Говорила ведь: есть не станут!.. – пробурчала она, шлепая к выходу. На полу после нее оставались влажные следы.

Дедушка озадаченно проводил ее взглядом, хотел что-то сказать, но, не вспомнив нужных слов, безнадежно махнул рукой, кряхтя, поднялся, прихватил из чьей-то чашки размокший кусок плюшки и заковылял следом. В опустевшей Кухне воцарилась тишина.

Зелепусы, подкрепившись остатками ее завтрака, снова спали. Рио заглянула под кровать:

– Присмотри-ка тут за ними, да не попадайся нашим на глаза!

– А что будет? – любопытствовал удав.

– Ну-у... – задумчиво протянула она, – у Мамаы случится очередной обморок, у тетки Люсильды – инфаркт. А остальные покинут наш дом навсегда. Вот было бы здорово!.. Главное, чтоб тебя Бабушка не застукала, а то она сразу найдет тебе Полезное Применение. Так что не высовывайся, если не хочешь остаток дней провести в качестве ... м-мм... веревки для белья.

Удав не ответил, подобное он выслушивал по сто раз на

дню. Он считал себя умнее девчонки, просто никогда не говорил ей об этом: он был вежливый.

Нахлобучив панаму, Рио спустилась во двор. На каменных плитах, поросших травой, играл Карапуз: лежа на животе, все еще в ночной рубашке, он сосредоточенно возил по выщербленным камням маленький автомобильчик. При этом он так громко рычал, что казалось, будто во дворе Замка происходит настоящее авторалли.

– Пойдем погуляем? – предложила сестра.

Малыш с готовностью поднялся и протянул грязную ручонку:

– Идем!

– Фу, какой ты замарашка! – сморщилась Рио и вытерла ему замурзанную мордашку подолом его же рубашки. – Ну вот, так гораздо лучше, – удовлетворенно заметила она, когда грязь была размазана равномерно и уже не так бросалась в глаза. – Надо бы тебя переодеть...

Но ей так не хотелось возвращаться назад – чего доброго попадешься Бабушке на глаза, а уж та непременно придумает тебе какое-нибудь Полезное Дело, способное испортить весь выходной. Бабуля в этом плане отличалась буйной и неистощимой фантазией.

– Сделаем вот что! – сама себе сказала Рио, и с этими словами подвязала ему концы рубашки. Получился странного вида балахон. – Ничего, – утешила она себя, – прикинемся, что так модно.

Карапузу было все равно, лишь бы выйти за Ворота.

Спустя полчаса они уже сидели за столиком в кондитерской Папаши Дю. Перед Карапузом стояло блюдечко с пирожными и вазочка ванильного: три восхитительных розовых шарика, усыпанные орехами, шоколадом и карамелью. Рио сидела напротив, и вяло ковыряла ложечкой кусок шоколадного торта, рассматривая сверкающие витрины: горы шоколада, конфет, разноцветного мороженого, всевозможных булочек, печений и пряников. Когда-то она искренне считала Толстяка Дю – сына хозяина кондитерской и своего лучшего друга – самым счастливым человеком на свете. Пока не узнала, что у него аллергия на сладкое.

Звякнул колокольчик входной двери. В кафе ввалилась стайка ребятишек постарше. Рио помрачнела: среди пришедших она увидела Хендрию Свинуса. Они терпеть не могли друг друга. Впрочем, Хендрия не представлял серьезной опасности: высокий, но тощий и трусливый, он побаивался маленькую и отчаянную Мэрион.

– Салют, малявка! – крикнул он, заметив девочку. – Что это за бродяжка с тобой? Решила заняться благотворительностью?

Рио против воли густо покраснела: грязный, в испачканном непонятном одеянии, Карапуз и впрямь напоминал маленького оборванца. Она готова была провалиться сквозь землю, а противный Хендрия не унимался:

– В каком мусорном баке ты его откопала?

Обычно Рио в карман за словом не лезла, но тут что-то растерялась.

– Заткнись, конопатый! – прошипела она и только.

Но ей повезло: из-за стеклянного прилавка выкатился толстый, почти круглый, румяный мальчишка. Белобрысый, белокожий и красноглазый Дю-младший – точная копия своего отца. Завидев его, Свинус предпочел умолкнуть.

– Есть дело! – заговорщически шепнул Толстяк Дю, подкатившись к столику, где сидела раскрасневшаяся Рио. Она вдруг ощутила, как неожиданно громко и сильно трепыхнулось её сердечко. – Пошли! – скомандовал мальчишка.

Выдернув Карапуза из-за стола, Рио последовала за ним, делая вид, будто ничего не произошло. Свинус мерзко хихикнул ей в спину.

– Я тебе все утро звонил, – на ходу сообщил Толстяк, – да все время попадал на какую-нибудь тетушку.

Они прошли за стойку и перед самой дверью, ведущей в запретные для посторонних внутренности кондитерской, Рио обернулась и, схватив с блюда огромный апельсин, ловко запустила им в противника. Негодующий вопль подсказал ей, что бросок достиг цели. Но она уже была недосыгаема – Дю и его гости скрылись из виду.

Миновав кухню и кладовые, они прошли мимо морозильных камер, и по узенькой лесенке поднялись в уютную квартиру, где обитало семейство её приятеля. В гостиной они столкнулись с мадам Дю. В отличие от своих мужчин, она

была маленькой и хрупкой.

– Добрый день, мадам, – очень вежливо сказала Рио, стараясь спиной прикрыть братца.

– Пришли поиграть? – благожелательно улыбнулась та, но тут из-за спины Рио высунулся Карапуз:

– Здасьте, тетя!.. – и приветственно помахал грязной лапкой.

«Тетя» онемела. Продолжая по инерции кивать головой, она лихорадочно пыталась понять: что это за существо перед ней, и как оно очутилось в ее ухоженной квартире?! Дети же быстренько двинулись вперед. Прежде чем свернуть в боковой коридор, Рио обернулась: мадам Дю все кивала, точно маятник. «Надо же, как ее!» – подумала она, а вслух сказала:

– Эй, Толстяк, по-моему, твоей мамочке сегодня нездоровится...

Он ничего не ответил, увлекая их все дальше. Наконец, дети остановились:

– Вот!

В его голосе Рио уловила завораживающие нотки таинственности.

Каково же было разочарование, когда она узнала, что предметом её внимания должна стать обыкновенная картина! То есть, картина-то была хороша: река, Старый мост, кусочек прилегающей рощи; и рама была красивая, и нарисовано так, что каждая травинка словно живая... Но это было совсем не то, чего она ожидала.

– Смотри! – сказал Дю и, забравшись с ногами на диван, над которым висела картина, вдруг просунул прямо *туда* голову, плечи, неловко перекувырнулся через раму точно через перекладину турника и... исчез.

Рио не успела закрыть рот, как Толстяк, тяжело дыша, перевалился обратно. Не удержавшись, он съехал прямо на пол. Его руки были испачканы землей.

– Интересненько! – протянула она. – Я тоже так хочу! – и быстро вскарабкалась на диван. Карапуз, сопя, полез за ней.

– Подожди, – сипло сказал мальчишка, – его надо оставить тут. *Там* – нехорошо.

– Ты что-то видел? – Рио замерла в охотничьей стойке.

– Нет, но...

– Тогда о чем речь?

– А вдруг что-нибудь случится?!

– Что-нибудь случится, если твоя мамочка найдет его здесь! – заявила Рио. – Держу пари, она поставит на уши всю городскую дезинфекционную команду,. А если она его ещё и узнает, то через три секунды здесь будет моя бабуля! – и от вашего дома останутся руины, прежде чем она разберется, что к чему.

– Как знаешь... – неохотно поддался Толстяк, поднимаясь, и влезая вслед за ними на диван. – Только я бы все же оставил малыша дома... Постой, дай я первый!

Когда он исчез, Рио запихнула в картину братца, а потом, набрав в грудь побольше воздуха, словно ей предстояло ныр-

нуть в воду, зажмурила глаза и...

...Она почувствовала, что лежит на траве. На мокрой прохладной траве. Открыв глаза, Рио поднялась и огляделась.

Здесь было раннее-раннее утро... Солнце ещё только просыпалось. Над рекой поднимался пар. Трава блестела от росы. Свежо, прохладно, тихо... За мостом в молчаливом ожидании замерла роща.

– Идём? – неуверенно предложила Рио, зябко ежась.

– Погоди... – отозвался Толстяк. Он достал из кармана кусок бечевки и, шаря руками, точно слепой, привязал его к воздуху, – там, где осталась невидимая отсюда рама. – А то еще заблудимся, – пояснил он. Стянув через голову футболку, Дю надел её на малыша, который дрожал от холода. Крепко зажав в руке его ладошку, Толстяк скомандовал: – Вперёд! – Дю всегда поступал правильно и осмотрительно – качества, которых Рио была лишена, и сейчас он остался верен себе. Это успокаивало.

Она с наслаждением потянулась, словно только что проснувшись, и жадно вдохнула свежую прохладу:

– Хорошо-то как!.. – и сбежала с небольшого пригорка вниз.

Вокруг и впрямь было чудесно!.. Этот уголок Долины недаром славился как один из самых живописных. Рио часто бывала здесь *по-настоящему*, но сейчас всё отчего-то казалось иным, незнакомым. Может оттого, что было очень тихо?.. Не пели птицы, река беззвучно катила свои воды,

не шуршала трава под ногами, – только тихий-тихий шепот ветра. Она ощутила, как взволнованно забилося сердце, ей вдруг захотелось взлететь – так стало вдруг радостно и легко!

Спустились к реке.

У моста Рио нагнулась, зачерпнула воды, ополоснула разгоряченное лицо и – застыла... Что-то неуловимо изменилось вокруг. Она осторожно выпрямилась и прислушалась. Ей чудилось, будто шепот листьев складывается в слова, но никак не могла их разобрать.

– Слышите?..

Дю и Карапуз топтались рядом.

– Неуютно тут... – отозвался Толстяк. – Вернемся, а?..

Ей и самой захотелось тотчас повернуть назад, но любопытство и упрямство взяли верх.

– Пройдемся до оврага – и назад!– решительно сказала она.

Ветер все усиливался... Рио задумчиво посмотрела на следы, оставленные ими на влажном речном песке.

– Как думаешь, – спросила она, – мы в самой картине или с ее помощью переместились в пространстве? К *настоящему мосту*?

– Не знаю, но если бы мы попали к мосту *по-настоящему*, то вон там бы торчала верхушка церкви. Но её – нет.

Это замечание уязвило Мэрион: как она сама-то не додумалась! Из вредности она хотела было поспорить, но вдруг отчетливо разобрала в звуках ветра ясный шепот:

*... не ходи за Старый мост,
седым мхом он порос...*

Рио вздрогнула: ее рука как раз легла на замшелые деревянные перила моста. Она неуверенно сделала шаг, другой...

*... тени призрачных видений
жаждут перевоплощений...*

Она оглянулась на Толстяка. Было заметно, что ему не по себе.

– Да что тут может случиться? – нарочито громко сказала она и затопала вперед.

Шагая по бревнам, они перебрались за реку, прошли через рощу, – притихшие, оцепеневшие дубы, настоженные липы, – и вышли к оврагу. Бледное утреннее солнце рассеяло предрассветный туман, но его остатки ещё прятались на дне огромного оврага, уходящего широкой дугой к лесу.

Путешественники подобралась к его краю, поросшему орешником, и осторожно заглянули вниз. Белесые клочья тумана стлались по самому дну впадины, быстро перемещаясь, точно подгоняемые невидимой рукой, и казалось, будто там кипит странная призрачная река. Причудливая прихоть света и тени порой вылепляла из её бушующих волн занятные фигуры. Завороженные, дети не могли оторваться от этой игры, и воображение вносило свою лепту: вот прямо под ними проплывает, лениво покачивая перепончатыми крыльями, белый дракон... А вот рыцарь с копьем на коне ... Утопая в волнах, туманные фигуры скрываются за поворотом;

на ветвях боярышника, которым так густо заросло дно оврага, остаются белые клочья, – призрачный всадник изорвал свой плащ... Туман между тем рождает все новых и новых всадников. И снова вдруг мерзким холодком заполз в душу шепот:

*... и не сможет Солнца свет
уберечь тебя от бед...*

– Смотри! Смотри!!.. – вскрикнул Толстяк.

Один из рожденных туманом всадников – огромный, безликий, – отделился от поверхности мутной безмолвной реки и заскользил вверх по склону. Прямо на них!

В едином порыве, не сговариваясь, дети развернулись и, спотыкаясь, помчались прочь – к мосту. Только там, приободренные ярким после полутьмы оврага и роци солнцем, они остановились и, прислонившись к перилам, перевели дух.

– Вот дураки-то! – натянуто, через силу, засмеялась Рио, чувствуя облегчение, какое бывает после сильного испуга. – Померещится же!.. – и оборвала себя на полуслове, заметив выпученные глаза приятеля.

Повинуясь его застывшему взгляду, она обернулась назад.

От роци к мосту, не касаясь земли, бесшумно мчался давешний рыцарь с копьём наперевес. За ним шлейфом стлался развевающийся плащ, а в прорезях шлема вспыхивали синеватые огоньки.

– Мамочки!!! – на разрыв лёгких завизжала Рио.

Этот крик подстегнул их, словно плетью, и через несколько секунд они кубарем скатились на пол гостиной.

– Кажется, мы уже дома... – пробормотал Толстяк.

На стене громко тикали часы. Этот звук, такой громкий после безмолвия нарисованного утра, вернул её к ощущению реальности. Рио облизала пересохшие губы и посмотрела на картину: хоть бы листочек шелохнулся!

– Вдруг он вылезет? – осипшим голосом спросила она.

Толстяк пожал плечами. Рио поднялась, забралась на диван, потрогала картину: пальцы ощутили шероховатую поверхность холста – и ничего больше. Только с рамы свисала грязная веревочка... Она отвязала её и бросила на пол.

– У меня мокрые станы! – застенчиво сообщил Карапуз.

Это заявление окончательно привело её в чувство, и на ум пришли вещи практические: Бабушка, обед, диван... Да, диван. Гм... Он выглядел неважно. Новенькая дорогая обивка была измазана землёй и глиной. Ковёр возле дивана – тоже.

– Знаешь, Толстяк, я тут вспомнила... Нам срочно пора домой! – бодро сказала она, хватая Карапуза. – Короче, пока! – и торопливо удалилась, предоставив приятелю самому разбираться с его мамочкой и испорченным диваном.

**

Они бы успели к обеду, но братишка выглядел ужасно. Приключения не сделали его чище, к тому же он потерял башмак. Пробираться домой им пришлось окольными путя-

ми: не дай бог, увидит кто из знакомых! Поэтому, когда уже умытые и переодетые они вошли в столовую, там оставалась только Бабушка.

Несомненно, Рио получила бы нагоняй, но тут появилась Мама: она только что проснулась, потому что вела преимущественно ночной образ жизни, и вставала «немножечко позже остальных».

Когда-то в молодости Мама была балериной. Подающей большие надежды балериной... Потом она встретила Папу. Папа тоже был ничего. Даже очень... Умный, красивый, хорошо воспитанный, – воспитанием занималась Бабушка лично! Аристократ, одним словом... Наверное, было в нём и что-то ещё, потому как просто умных и красивых вокруг Мама вилоось пруд пруди. Некоторые из них тоже были неплохо воспитаны, и даже богаты... Но именно ради Папы она бросила свой балет. Или может, он ей наобещал чего-нибудь с три короба, – знаете же, как это бывает. Теперь она его этим попрекала. Иногда. Так тоже бывает... Из «подающей большие надежды» балерины, – а это ведь ненадёжная штука: то ли выйдет, то ли нет, – получился хороший педагог. В Танцевальную Школу, где она вела мастер-классы, приезжали ученики со всего света. Днём Мама была занята в Школе, вечерами – в Театре. И Театр, и Школа, так же как Летний Карнавал и целебные источники, составляли предмет гордости Города и основу его финансового достатка.

Спектакли обычно заканчивались поздно. Вот и теперь

Мама была ещё не причесана, в халатике и в пуантах – забыла снять с вечера или уже надела?.. Зевнув, она рассеянно поковырялась ложечкой в тарелке и отставила ее в сторону: необходимо следить за фигурой.

Бабушка же очень не любила, когда отвергали её стряпню, и потому сразу перешла в наступление:

– Не жнём, не сеем... – скрипуче начала она, – ещё и нос воротим! Повозились бы на кухне с моё!

Мама заморгала и непонимающе посмотрела сквозь неё.

– О чём это Вы?

– Да всё о том же! – процедила Бабушка сквозь зубы. – Знаете ли вы, милочка, сколько времени и сил уходит на то, чтобы содержать такой огромный дом в порядке?!

Мама не знала. Её это вообще не интересовало... Она была человеком воздушным, романтическим, и обыденные вещи её не занимали. Она их просто не замечала.

– Ах, бросьте! Опять Вы за своё! – досадливо отмахнулась она, становясь на цыпочки и делая «па»: мыслями она уже была совсем в других мирах.

Надо сказать, что Мама несколько неудачно выбрала место для разминки, и потому поддала ногой стол. Фарфоровый кофейник нервно вздрогнул и брякнулся в обморок. На пол, конечно.

– Между прочим, это – вельдокская глина! – рассердилась Бабушка. – Я уж не говорю о том, что сервиз этот был подарен мне ко дню свадьбы вдовствующей Королевой!

– Надо же, какое старье! – парировала Мама. – Ну, так продайте его в Музей и на вырученные деньги наймите служанку! – с этими словами Мама запрыгала дальше, напевая: – Там-па-па-па-пам...

Спор о прислуге был давним и серьёзным. Собственно, артачилась по этому поводу только сама Бабушка: то она заявляла, что ей нужна помощница, то говорила, что они не могут себе этого позволить; в следующий раз она кричала, что они вполне могут завести хоть дюжину слуг разом, но разве найдешь сегодня приличную прислугу? – а она не допустит в свой дом кого попало! У них был приходящий садовник, да один из постоянно живущих в Замке дальних родственников – страстный лошажник – добровольно исполнял роль конюха. Случалось, нанимали всё-таки иногда служанок, но они не уживались с Бабушкой.

– Тогда давайте уж и няньку детям заведём! – добавила Бабушка. – Пусть все знают, что в нашей семье за ними некому присмотреть!

– Как некому? – удивилась Мама, тяжело приземляясь возле шкафа с посудой. В шкафу что-то тоненько звякнуло. – А вы?

– Простите великодушно, я уже старовата за ними бегать!

– Разве это так трудно? – неуверенно возразила Мама.

Ее представление о том, что такое «дети», было весьма приблизительным: кружева, бантики, крошечные ручонки, запах молока...

– Их у вас трое, мадам! Тро-е!.. Причем Рио стоит десятых!

Мама надула губки. Её глаза подозрительно заблестели:

– Меня здесь никогда никто не понимал! – заявила она трагическим голосом. – Вам не объять моей души! – подобно многим творческим личностям, она любила при случае пожаловаться на одиночество и непонимание. – Мне душно здесь! Мне тесно!.. – и с этими словами упорхнула в окно. Такое с ней случалось иногда...

Все подобные размолвки с Бабушкой заканчивались одинаково: полетав немного по двору, Мама присаживалась на ветку старой липы и успокаивалась. Домашним было строго настрого запрещено рассказывать кому-либо об этих полетах. Все, правда, и так всё знали. В этом городке мало чему удивлялись.

Но на этот раз вышла маленькая осечка: Мама зацепилась полёй халатика за гвоздь, торчавший из ставни, и беспомощно повисла на стене под окном. Услыхав треск материи, Бабушка и Рио с интересом высунулись в окно.

– Замечательно! – подытожила бабуля. – Прикажете вызвать пожарную команду?

Маме не хотелось иметь дело с целой командой посторонних в таком неприбранном виде, и она отчаянно замахала головой:

– Я сама!

– Ну-ну!.. – саркастически отозвалась старуха.

Но долгое злорадство не было свойственно Бабушке, и она попросила Рио принести швабру. Высунув затем швабру в окно, они вдвоём попытались втащить незадачливую летунью назад, но у них не хватило силенок.

– Попробуем садовую лестницу! – азартно предложила Бабушка, входя во вкус, и они бегом отправились вниз.

Но распахнув входную дверь, спасатели тотчас забыли, куда и зачем направлялись: на пороге, видимо, как раз собираясь постучать, стояла молодая черноволосая девица. Дав им время прийти в себя, она вежливо поинтересовалась:

– Извините, мне сказали в бюро по найму, что здесь требуется прислуга?

Бабушка, распалённая недавней стычкой, не задумываясь, выпалила:

– О, да!.. Очень даже требуется!– и пригласила незнакомку войти. – А я уж думала – очередные родственники! – со смешком добавила она.

Рио из любопытства потащила следом за ними. После обстоятельной полуторачасовой беседы за чаем Бабушка решила, что Орфа – так звали новенькую, – как раз то, что нужно. Девушка оказалась на редкость учливой и обаятельной, а её рекомендации – вполне солидными. О себе она рассказала ещё, что изучает историю и философию в одном из старинных немецких университетов, а в Город приехала на каникулы – отдохнуть и заодно покопаться в местной библиотеке. Поскольку же особых средств у неё нет, решила заодно

подработать: она всегда так делает, когда путешествует – это очень выгодно.

– Вот и славно, что на каникулы, – заметила Бабушка простодушно, – меня всё равно ни одна прислуга долго не выдерживает. Можете приступить прямо сегодня. За ужином я представлю вас нашему семейству... А что это за крики у нас во дворе?..

– А у вас там за окном какая-то женщина висит, – напомнила Орфа. – Ещё украдет чего...

Бабушка схватилась за голову:

– Я же совсем забыла!.. – и вприпрыжку помчалась вниз. Рио и Орфа – следом.

Мама ещё висела на гвозде, но когда они уже подставили лестницу, старый гвоздь не выдержал, и с рёвом подбитого бомбардировщика несостоявшаяся прима рухнула вниз. Падать было невысоко, но она подвернула ногу.

Это имело самые неприятные последствия для Рио: Мама осталась дома. Видимо от сильного сотрясения ей пришлось в голову проверить её тетради и дневник. Наверное, она просто хотела уделить дочери немного внимания, но не таким же образом, правда?..

Выскользнув, наконец, из дома под каким-то благовидным предлогом, Рио, не мешкая, отправилась к Холмам: ей хотелось поговорить с отцом Себастьяном. Из всех взрослых она только ему доверяла свои маленькие и большие тайны,

и только ему никогда не врала.

Старик окапывал розы у церковной ограды.

– Здравствуй!– он был рад её видеть. – Похоже, что-то случилось?

Рио иной раз казалось, что Священник умеет читать чужие мысли. Она немного помолчала для пущей важности, а потом на одном дыхании выложила всё, что приключилось утром. Переведя дух, она умолкла: чего доброго он решит теперь, что она спятила! Священник коснулся сухой ладонью её лба, потом пригладил взъерошенные детские кудряшки.

– Скорее всего, тебе просто почудилось, – ласково сказал он. – Сын кондитера – хороший мальчик. Вы ведь ничем не баловались?.. – он пытливо заглянул ей в глаза. – Сегодняшние дети легко попадают в когти дьявола...

– Что мы, глупые? – обиделась Рио. – Мы даже не курим ещё!

– Ещё? – он невесело улыбнулся.

– Ну, я хотела сказать... – тут она запуталась, и подумал про себя: «Кстати, а почему?..» Священник точно почувал неладное и погрозил ей длинным тонким пальцем. Рио отвела глаза. – И всё-таки, – спохватилась она, – это было на самом деле! Было!.. И там кто-то шептал всё время – что-то про тени и про солнечный свет...

Если бы она в тот момент всмотрелась в лицо своего собеседника, то поразились бы перемене, которая произошла с ним. Но Рио смотрела вдаль, где над излучиной реки темнел

лес, а над лесом – серебрился рожок юного месяца.

– Тебе показалось... – ласково повторил он, и положил руку ей на голову.

Он говорил что-то ещё, его голос журчал, точно ручеек по камешкам, проникая все глубже, глубже и глубже в её сознание, завораживая, усыпляя... Глаза ребенка закатились, тело одеревенело. Рио стояла теперь перед ним, неестественно замерев и вытянувшись, напряжённая точно струна. Священник срезал едва распустившуюся розу и, осторожно вложив стебель цветка в её безвольную руку, легонько сжал ей пальцы.

– Ай!.. – вскрикнула она, очнувшись. – Какая колючая!

– Красивая... – поправил он тихо.

Срезав ещё несколько цветов, он протянул их девочке.

– Спасибо!

Рио поглядела на розы, потом на зеленеющую под ногами Долину. Далеко на западе плыли к закату сиреневые облака, подсвеченные понизу красноватым. Солнце почти скрылось. Потянуло прохладой. Запели сверчки, от реки доносилось лягушачье кваканье...

– Мне пора...

Священник провожал взглядом маленькую тёмную фигурку, пока она не достигла городских садов. Потом постоял немного, глядя на вечеряющее небо. Его лоб прорезала новая морщинка: Зелёная Долина далеко не всегда была тихим и прекрасным местом. Только мало кто теперь помнил

об этом. И мысли унесли его в далекое прошлое...

...Он летел, наслаждаясь неохватностью и покоем небесного простора. Внизу рваным пушистым ковром плыли подгоняемые ветром облака. Они скрывали собою горы и долины, курчавые девственные леса и политые людским потом крохотные лоскутки полей, редкие города, окружённые толстыми стенами, серебряные сабли рек и синие пятна озёр... Там, внизу, было пасмурно, а здесь над облаками – ослепительно сияло солнце, и ему совсем не хотелось спускаться ниже – в хмурый день, пропитанный влагой дождя и мирскими заботами, бессмысленными и пустыми, как казалось ему с высоты...

В облаках стали чаще просветы, и вскоре бескрайняя водная гладь слилась у горизонта с небесным сводом. Он нашёл взглядом маленький остров – светлую родинку на мерно вздымающейся груди океана – конечную цель своего странствия и, возможно, последнее своё пристанище.

Рожденный подземным вулканом, островок не успел ещё зарости зеленью – он был совсем юным, но пролетающие птицы уже полюбили его песчаные пляжи. А какие закаты рождало новому ребенку Земли уходящее солнце!.. А как ласковы были с ним волны!.. И тысячи его белых песчинок ночами гляделись в бездонную высь, мечтая когда-нибудь тоже стать звёздами.

Только напрасно всё – между островком и небом несокру-

шимой преградой встала Башня. Так похожая на песочный замок, что любят строить дети у кромки воды, она упиралась своим острием прямо в небеса, бросая им вызов, – такая же гордая, одинокая и самонадеянная, как и её создатель. Ей предстояло стать приговором – острову, небу, тем двенадцати, что слетались к ней сейчас, – приговором всему существу. И началом нового...

Он опустился на песок, поднялся по ступеням и коснулся рукой прозрачного диска, висевшего на стене у высокой арки, служившей входом: чужой не смог бы попасть внутрь – диск и арка были связаны заклатьем.

Внутри Башня представляла собой огромный полый конус, абсолютно пустой – никаких этажей или перекрытий – только узкая винтовая лестница, идущая вверх по кругу вдоль стены – до самой вершины. Шум прибоя, крики чачек... На каменном полу – лужицы, пятна гниющих водорослей. Он заметил нескольких крабов: вороватыми перебежками они двигались в поисках выхода, – видимо, вода схлынула отсюда совсем недавно. У него вдруг возникло ощущение, что он вернулся домой... Только некому зарезать ягнёнка в честь его возвращения – и более того: агнцем должен стать он сам.

В проёме арки возникла длинная тень.

– Ахайя?

– Брат Або! – и к нему шагнул худой человек в белых одеждах, светловолосый и темноглазый. Лицо его произво-

дило странное впечатление: высокие, туго обтянутые кожей скулы, прямой нос, необычайно выпуклый лоб, тонкие нервные губы, – и печальный, недобрый свет глубоко посаженных глаз.

Человек поднял руку в знак приветствия и, подойдя, коснулся губами его лба.

– Ты прибыл последним... – сказал он. Голос его, властный и звучный, отдался от стен гулким эхом. – Твои сомнения задержали тебя, я знаю. И знаю всё, что ты хочешь сказать. Потому не трать слов, я все равно отвечу «нет».

Они стали неспешно подниматься по ступеням лестницы, уводящей вверх.

– Близится час затмения, – говорил, чуть нараспев, Ахайя, – пора осуществить наш замысел.

– Твой замысел! – перебил его Або, сделав упор на слове «твой».

Ахайя словно не заметил этого выпада, и продолжал подниматься, медленно и торжественно, как человек, идущий в последний путь.

– Наш замысел, – повторил он невозмутимо, – ибо все вы несёте моё дыхание. Я подарил вам жизни, подобно Творцу, но в отличие от него – приобщил вас к сути Мироздания, – и он резко обернулся, приостановившись. – И я не понимаю, почему ты хочешь оставить всё как есть? Тебе так нравится *этот* мир? У тебя было достаточно времени убедиться в его несовершенстве, ведь я дал тебе на это века!

Або молчал, опустив голову.

– Опыт Творца не удался! – продолжал Ахайя. – И я... Я! – он ударил себя кулаком в грудь. – Я исправлю его ошибки! Я создам новый мир – лучше и чище.

– Так было уже, – не поднимая головы, ответил Або. – И где же теперь тот восставший безумец? Низвергнут в Бездну и правит Тьмой – и страшен лик мира, порождённого им, и ужасны создания, населяющие его.

– Э-э! – отмахнулся Ахайя. – Он хотел власти и могущества – большего, чем дано было ему. Вассал, восставший на господина. Житейская история.

– А ты? Ты разве не власти хочешь?! Не к могуществу ли стремишься?.. Познав малое – всего лишь толику Сущего – его рост и движение, физические законы, управляющие ими... Но постиг ли ты *истинную суть*? То первоначало, что стало основой всего?

– Ерунда! – жёстко усмехнулся Ахайя, – Я узнал достаточно. Веришь ли, – доверительно продолжал он, – ведь я как-то разговаривал в пустыне с Великим Плотником!

– И что? – с трепетом спросил Або.

– Ничего! – расхохотался тот. – Он не сообщил мне ничего нового. Увы, он не проникся моими идеями, а жаль... Я был в толпе, провожавшей его на Голгофу, эти глупцы улюлюкали и глумились над ним.

– Но воскресение...

– И что с того? – невозмутимо парировал Ахайя. – Ты

тоже воскрес. Забыл?.. Если мне не изменяет память... мм-м... тебя я подобрал на Каталлаунских полях. Ты был почти изрублен на куски!.. Кстати, на чьей стороне ты сражался?

Но Або пропустил вопрос мимо ушей и настырно продолжал:

– Ты говоришь, что Создатель кругом не прав, но что у тебя самого есть, чего бы ты получил не от Него?

– Хватит! – резко перебил его наставник. – Тебе не переубедить меня – и покончим на том. Тебе придется помочь мне! Я дал тебе свое дыхание – дал жизнь. Ты мне должен, и пришло время вернуть долги.

– А люди? Что будет с ними?!

За разговором они достигли вершины Башни – намного быстрее, чем для того понадобилось бы на самом деле, и через отверстие выбрались наружу – на маленькую площадку. Гладь океана ослепительно искрилась, и Або прикрыл глаза ладонью.

– Люди?.. – задумчиво переспросил Ахайя. – Останься здесь! – приказал он жёстко. – Посидишь, посмотришь. Подумаешь...

Тонкая цепь сама собой обвила члены Або.

– Пришлешь орла клевать мою печень? – невесело усмехнулся он.

– Обитатели Олимпа были правы! – огрызнулся Ахайя. – Если бы тот выскочка не украл огонь, возможно всё пошло по-другому: люди стали бы развивать свою духовную суть, а

так... Путь, приведший в тупик.

Або сел, обхватив руками колени.

– Смотри же! – склонился к нему наставник, указывая куда-то вдаль. – Смотри внимательно! – и с этими словами исчез, растворившись в воздухе.

Або остался на вершине Башни. От нагретых солнцем камней исходило тепло, наполняя тело приятной истомой. Далеко внизу кричали чайки... Ему захотелось спать.

Он смежил веки, но солнечный свет проникал сквозь тонкую кожу и перед его внутренним взором вспыхивали разноцветные искры. Тогда он открыл глаза – даль неуловимо изменилась... Чем больше он всматривался, тем более странные картины разворачивались перед ним. Казалось, что земля расстелилась, словно лист бумаги, испещрённый пятнами и таинственными знаками: весь земной мир был как на ладони – от Южных льдов до Северных. Сначала он различал только горы, реки, равнины. Потом словно кто-то навел резкость... Он видел всё одновременно: пожары, наводнения, войны, созидание новых городов... На его глазах рождались и умирали цивилизации. Лавина звуков: плач, стенания, грохот орудий, смех, любовные стоны, звон золота, скрип виселиц, слова молитв и проклятий, крики новорожденных и умирающих, – всё смешалось и сгустилось в одно, и он пожалел Всевышнего: каково слышать *это* целую вечность?.. Он заткнул уши и закрыл глаза, но не помогло – он по-прежнему всё видел и слышал...

Не будучи уже по сути своей человеком, обладая гораздо большими возможностями, – он никогда не испытывал к людям презрения, никогда не относился к ним свысока. Люди вызывали у него чувство сострадания и гордости: слабое существо, вдобавок обременённое чрезмерным рассудком и тяжким трудом, – человек сумел выстоять, и радоваться этой жизни ей же вопреки.

Теперь Або почувствовал что-то иное.

Вдруг ему стало больно – и он очнулся... Вокруг по-прежнему расстилался океан, но рядом сидел человек, и покалывал его острием шпаги, приговаривая: «Очнись... очнись!» Его голубые глаза-льдинки с холодным любопытством взирали на выходящего из транса Або.

– Старик тебе свои картинки показывал? – фыркнул он, увидев, что тот пришёл в себя.

– Брат Кайенн... Рад видеть тебя, – слабо отозвался Або, ощущая в себе самом непонятную перемену.

– Рад?... Пожалуй, я тоже, – отвечал Кайенн. – Ты – единственный из оставшихся в живых Посвященных, кто ещё способен думать и рассуждать по-своему. Я знаю – Ахайя опасается тебя: боится, что ты выступишь против и помешаешь ему. Я предлагаю тебе встать на мою сторону!

Або молчал. Тогда Кайенн склонился к нему ближе и горячо зашептал:

– Вспомни, сколько нас было? – тысячи! Осталось – десяток! Мы страдали и гибли ради него!.. А скольких уничтожи-

ла инквизиция?! Нас жгли, убивали, гнали! И все ради чего? Просто потому что он *хотел знать!*.. Не слишком ли большая цена за возможность ещё немного пожить после смерти?

– Немного?.. Ничего себе!

– А то, что мы больше не принадлежим себе? – с жаром возразил Кайенн. – Он, возможно, лишил наши души бессмертия! Теперь же хочет забрать и то, что осталось – нашу жизненную силу, нашу энергию!

– Но он лишь вернет своё, – устало ответил Або, не понимая, куда клонит собеседник.

– Ладно! – решительно сказал Кайенн. – Спорить я не хочу. Знай же: есть силы, которые могут помочь нам обрести свободу.

Або внимательнее взгляделся в говорившего и вдруг понял, что смущало его в облике названного брата: он больше не отбрасывал тени!.. Кайенн проследил направление его взгляда, но ничуть не смутился:

– Догадлив. Так что ты ответишь мне, брат?

– Ты хочешь помешать Ахайе? – Кайенн кивнул. – И как же?

– Солнечное затмение случится немного раньше. Всего несколько минут разницы, но поверь мне – результат будет совсем иным!

– Сожалею... – медленно произнес Або, – но ты опоздал. Меня уже нельзя купить. Ахайя – безумец, но те, кому продался ты... – и он покачал головой.

Голубые льдинки Кайенна налились кровью:

– Ты пожалеешь об этом!

– Нет, – просто ответил Або. – Не успею.

Он чувствовал, как жизненные силы покидают его, невидимо перетекая к тому, чьей власти он был обязан своим столь долгим существованием.

– Так пропади же ты пропадом!.. – злобно выкрикнул Кайенн, и ногой толкнул его вниз.

Падая, Або видел, как на вершину мерным шагом поднимаются люди в белом, как маленькая фигурка отталкивается от края Башни и взлетает, но вдруг обращается в пепел и черные снежинки хлопьями падают вниз... Люди становятся в круг, кладя руки друг другу на плечи. Между ними в центре – огромный блестящий диск... Монетку Солнца поедает тень – чернеет и край диска, с его пылающей поверхности срывается синеватый луч... Рушится небо, падая во вздыбившийся океан, и две стихии сходятся в последних объятьях... Башня превращается в гигантский столп света, соединяя недра и космос, и они взрываются, не вынеся соприкосновения... Бешеный смерч подхватывает его безвольное тело – и он погружается в небытие...

Вернувшись домой, Рио столкнулась в холле с Красавчиком. Стоя перед зеркалом, молодой человек придирчиво рассматривал свое отражение.

– Будь так любезна, соплявка, – обратился он к ней, – пе-

редай моей мамочке, что сегодня я буду поздно.

Красавчик приходился ей кузеном. Он был единственным и обожаемым чадом тётки Люсильды. Тётка в нем души не чаяла, а сынуля вил из наивной и доброй женщины веревки.

– Я тебе не почтальон! – огрызнулась Рио.

Нельзя сказать, чтобы она совсем уж не выносила своего кузена. В самой глубине души, где потихоньку расцветала маленькая женщина, он отчаянно ей нравился: юноша недаром заслужил своё прозвище, – он был очень хорош собой, и прекрасно умел этим пользоваться. Но интуитивно она чувствовала, что ему наплевать на всех, кроме себя самого, и потому никогда не выказывала кузену особого расположения, а при всяком удобном случае норовила устроить какую-нибудь каверзу. Она вообще обожала строить козни домашним: такое у ребенка было чувство юмора... Это обстоятельство заставляло Красавчика считаться с её существованием.

– Ишь, вырядился!.. – буркнула она. – Чего это ты напялил папин пиджак?

Красавчик поскуцнел и демонстративно отвернулся к зеркалу. Искусственно зевнув, он прикрыл рот рукой, – на холеном пальце сверкнул дорогой перстень, – и направился к выходу, размышляя, как убить очередной вечер. Зелёная Чаша – так назывался их городок, – была уютным и прелестным местечком. К нему вполне можно было отнести строки, сказанные поэтом, фамилии которого Красавчик не помнил: «Здесь хорошо бы жить – и умереть!». И он был впол-

не согласен, что умереть *здесь* – вполне возможно. Со скуки... Этот двадцатилетний оболтус успел проучиться год в столичном университете, прежде чем его исключили за прогулы, и считал местную жизнь пресной и провинциальной, а себя самого – достойным большего, нежели места мелкого клерка в управлении Корпорации, выхлопотанного ему матерью через отца Рио.

Когда кузен удалился, – Рио ухитрилась незаметно приладить ему сзади на брюки колючку репейника, прицепившуюся к ней по дороге, – она помчалась на кухню: надо поставить цветы в воду. О чем это она разговаривала с отцом Себастьяном?.. Странно, никак не вспомнить... Но тут из коридора она услышала на Кухне голоса – там, судя по всему, были Папа и Бабушка. Рио любила подслушивать. Ну, не нарочно, а так, когда случайно получалось. Она, правда, не знала ещё, что в таких случаях рискуешь не только узнать интересненькое, но и какую-нибудь гадость о себе. Но речь шла совсем не о ней.

– Мы могли бы продать Замок, и переехать в дом подешевле, – сказал Папа, – ведь содержать эти развалины очень накладно.

– Развалины?! – возмутилась Бабушка. – Продать наше фамильное гнездо?!

– Необязательно продавать. Городской совет давно предлагает передать Замок на баланс Города...

– Спасибо! – негодуяще фыркнула старуха. – Чтоб у меня

тут под ногами вертелись стаи пронырливых туристов, а мы бы сами жили здесь вроде как из милости?!

– Послушайте, необязательно так сердиться! Никто же Вас не заставляет съезжать отсюда, – начал заводиться и Папа.

Тут Рио услышала чьи-то шаги, и ей пришлось войти. Вслед за ней появилась, прихрамывая, Мама. В вечернем платье, красиво причёсанная и покрашенная, она выглядела совершенной красавицей. Рио любила видеть ее такой.

Мама недовольно сморщила носик:

– Как, ты еще не готов?! – она собиралась утащить Папу в гости: нельзя же допустить, чтобы вечер окончательно пропал.

– Что-то я не могу найти свой новый пиджак, – попытался отбиться отец. – Может, ты съездишь без меня?

– Твой пиджачок Красавчик одолжил! – наябедничала дочь.

– Вот видишь! – обрадовался Папа. – Я лучше останусь дома, разберу бумаги, проведу вечеров с детьми... – он терпеть не мог светские визиты.

– Это как? – удивилась супруга. – У детей есть уроки. Вполне достаточно.

Услышав про уроки, Рио испугалась, как бы разговор не перетёк в другое русло, но, к счастью, Бабушка всё не могла успокоиться:

– Представляете, милочка, он предлагает продать Замок!

Давайте уж тогда и наше фамильное привидение продадим!

Отец поднялся из-за стола, давая понять, что более не намерен спорить. Уходя, он бросил через плечо:

– А Вы уверены, что оно вообще существует, привидение-то?..

От этих слов Бабушка почему-то опешила, и Папа, пользуясь заминкой, удалился. За ним прошуршала шлейфом мать. Рио пристроила цветы – и тоже ушла.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов, старуха надолго о чём-то задумалась. Занятая своими мыслями, она даже нисколько не удивилась, когда перед ней очутились двое каких-то маленьких, круглых и зелёных.

– Добрый вечер, старая мадам, – очень вежливо сказали они хором. Это были Зелепусы, уставшие ждать, когда же Рио вспомнит о них и накормит.

– Добрый... – рассеянно отозвалась Бабушка.

Она в тот момент вряд ли осознавала, с кем вообще имеет дело, но бабушкинские рефлексy взяли своё: при виде всего живого – детей, кошек, собак и прочего – она первым делом старалась их покормить, независимо от того, хотелось им или нет. Поэтому она, не глядя, пошарила рукой по столу и, не найдя там ничего подходящего, взяла большой кухонный нож и, двигаясь точно лунатик, отправилась к холодильнику.

– Сейчас я вам чего-нибудь отрежу, – пообещала она.

Зелёненькие были не прочь перекусить, – они всегда бы-

ли не прочь! – но её слова, им показалось, прозвучали двусмысленно.

– Спасибо, не надо!.. – торопливо отказались они. На всякий случай.

Бабуля терпеть не могла, когда кто-либо отказывался от еды – это было для неё делом принципа! Поэтому она тотчас пришла в себя, и, опомнившись, очень удивилась, обнаружив на своей Кухне – священном, можно сказать, месте! – каких-то... каких-то...

– Может, это уже начались экскурсии? – подумала она вслух. Зелёные тем временем благополучно укатились. – Нет, – сердито сказала она сама себе, – это у вас, дорогая, галлюцинации на почве старческого маразма!

Вынеся сама себе такой приговор, она страшно расстроилась и ушла, забыв закрыть холодильник.

Из-за полуоткрытой дверцы на полу вскоре намело целые сугробы...

Спустя какое-то время в Кухню прокрался Дедушка.

– Тортик... – озабоченно шамкал он, пробираясь по снегу к заветной цели. – Тортик-тортик... – и, бормоча, скрылся во внутренностях холодильника.

Собираясь утром в школу, Рио запихнула в сумку Зелепусов: «Покажу их учителю биологии...» С улицы раздался громкий свист: посреди двора, придерживая велосипед, стоял Толстяк.

– Я сейчас!.. – она весело помахала ему рукой. Настроение у неё, несмотря на понедельник, было прекрасным.

Схватив сумку, она спустилась к нему.

– Что это ты поднялся ни свет ни заря? Я ещё даже не завтракала...

– Слушай, Рио, – вид у Толстяка был озабоченный, – я что-то себе прямо места не нахожу после вчерашнего...

– А что было вчера? – заинтересовалась девочка, забыв про сумку.

– ?.. – Толстяк на всякий случай оглянулся по сторонам: – Брось издеваться! – он запыхтел, раздувая ноздри.

– Что?! – Рио мгновенно ошетичилась.

– Картина! – напомнил приятель, стараясь оставаться спокойным. Рио по-прежнему ничего не понимала. – Картина... – ещё раз произнес он. – Ну же!

Она пожала плечами.

– Ладно, – разворачивая велосипед, совершенно спокойно сказал Дю. – Не хочешь – не надо. Испугалась – так и скажи! Правильно говорит мой отец: с женщинами не стоит ввязываться ни в какие авантюры.

Теперь рассердилась Рио, но ответить ему не успела. Толстяк вдруг сильно побледнел: его взгляд устремился куда-то выше её головы. Она обернулась и увидела: над входной дверью, там, где прибит был их родовой герб, торчало длинное белое копьё.

– Что это такое?.. – прошептала Рио.

Дю бросил велосипед, звонок на руле жалобно тренькнул. Пыхтя, он живо схватил прислоненную под окном садовую лестницу и, переставив ее, проворно вскарабкался вверх.

– Копьё пробило камень! – негромко сказал он.

– Осторожней!

Дю попробовал вытащить копьё. Это получилось у него с большим трудом.

– Ну, что я тебе говорил?! – торжествующе воскликнул он, едва не свалившись с лестницы.

На конце копья Рио увидела маленькую сандалию.

– Да ведь это башмак Карапуза! – ахнула она, присмотревшись. – Что за шутки?!

– Какие шутки! – вконец разозлился белобрысый. – Я тебе уже битый час толкую, глупая ты курица! Он ведь потерял его *там* вчера...

Видя, что разговаривать дальше бесполезно, Толстяк пересказал ей их недавнее приключение. Рио даже рот раскрыла:

– Я ничего не помню!.. – потрясенно сказала она.

– Ты головой вниз никогда не падала? – хмуро поинтересовался он, вертя в руках находку. Края дырки в подошве были обуглены, точно её проткнули чем-то раскаленным. – Смотри! – и они увидели, как таинственное копьё медленно тает в воздухе, словно туман.

– Теперь нам никто не поверит! – разочарованно вздохнул Толстяк. – Не понимаю только, как же ты ничего не пом-

нишь? Мне за диван влетело, между прочим!..

Рио похлопала ресницами, и на всякий случай не стала уточнять, при чем здесь какой-то диван?

За завтраком Рио была не в своей тарелке: путала соль с сахаром, забывала говорить «спасибо-пожалуйста-будьте любезны», клала локти на стол, и, в конце концов, перевернула чашку с чаем чуть ли Красавчику не на колени. Когда возмущение кузена поутихло, в дело вступила тяжелая артиллерия: Бабушка описала ей будущее «девицы с дурными манерами» такими яркими красками и с такими леденящими душу подробностями, что Рио на секундочку стало стыдно. Но потом бабуля допустила промашку: сказала, что такая девица сильно рискует, ибо «ни один порядочный молодой человек не возьмет её замуж».

– И не надо! – тут же воспрянула духом внучка. – Я туда вообще не собираюсь. Ещё нарвёшься на какого-нибудь... – и она выразительно покосилась на кузена.

На это Бабушка ответила, что «данный экземпляр, по её мнению, к порядочным не относится». Тут возмутилась тётка Люсильда.

За столом послышались смешки. Поднялся лёгкий гул. Неблагодарным обитателям Замка порядком надоели уже бабушкины нравоучения, и они поспешили устроить бунт на корабле. Узурпаторша с каменным лицом выслушала всё, что сочла нужным, приговаривая лишь изредка «так-так» или «ну-ну», а потом, легонько хлопнув ладонью по столу, –

тишина наступила тотчас же! – ехидно осведомилась

– Хорошо. Все, значит, такие умные и порядочные... Кто же тогда опустошил тайком холодильник?! А?.. – и подойдя к сиротливо белеющему гиганту, с торжествующим видом распахнула дверцу, точно фокусник в цирке. – Кто это был у нас такой голодный?.. – и обвела подозрительным взглядом притихшее собрание.

Глазам присутствующих предстали сверкающие в электрическом свете совершенно пустые полки. Рио подумала, что, кажется, она догадывается, чьих это рук дело, но благо-разумно промолчала...

Первым уроком была математика.

Рио обожала этот предмет: вот уже два года она беззнака-занно изводила преподавателя, прикидываясь, что не может толком даже сложить две цифры. «А зачем всё усложнять? Я ведь знаю, где кнопка на калькуляторе!..» Бедняга и не дога-дывался, что она спокойненько решает задачки на три клас-са вперед – для своего приятеля Дю, которому эта наука и впрямь давалась с трудом. Просто ей нравилось превращать каждый урок в цирк.

Но на перемене её ждали неприятности.

Когда прозвенел звонок, класс быстро опустел. Рио за-держалась, ей надо было проверить Зелепусов. Распахнулась дверь. На пороге появился Хендря и еще трое... Под глазом Свинуса красовался великолепнейший синяк, отливающий

всеми цветами радуги. Не синяк, а художественная вещь! Рио не смогла удержаться от довольной улыбки.

– Ты попала, малявка! – зловеще сообщил неприятель.

Его сообщники встали у дверей. Рио не стала дожидаться развития событий, и молча ринулась в бой. Не ожидавший подобной прыти, Свинус мигом оказался на полу, а она усе-лась верхом и принялась его мутузить. Ему на выручку кину-лись было приятели, но тут в класс вошла мадам Сколопенд-ра – преподавательница истории и классная дама Рио. При-ятели Свинуса тотчас испарились: сольные концерты Ско-лопендры совсем не пользовались в школе популярностью, она недаром заслужила свое прозвище. Красный и зарёван-ный Свинус вскочил, стряхнув с себя маленькую фурию, но, поднимаясь, задел ногой стул, где стояла сумка Рио... Сум-ка упала, и оттуда к ногам разгневанной учительницы вы-катились два зеленых шара. От неожиданности та громко взвизгнула... Внезапно и грубо разбуженные Зелепусы, до того мирно дремавшие в уютной полутьме, перепугались не меньше!.. Они заметались по полу и вдруг, слившись вме-сте, непостижимым образом превратились в точное подобие госпожи учительницы. Новоявленный двойник завизжал не менее старательно, чем его прообраз. Оказавшись нос к но-су со своей копией, Сколопендра на миг остолбенела, потом в её груди что-то заклокотало, и, издав дикий, какой-то со-вершенно неприличный утробный вопль, она рухнула в об-морок.

Придя в себя, Сколопендра почему-то изъявила прямо-таки жгучее желание повидаться с родителями Рио.

– Чего она так разбушевалась?.. – искренне удивлялась девочка по дороге домой. – Никогда себя в зеркало не видела, что ли?

Вечером Родители отправились в Театр на премьеру, Красавчик – в казино; Карапуза почему-то рано удалось отправить спать, – и по такому случаю Бабушка с тётками уселись в карты.

Зануда – старшая сестра Рио – вцепилась в очередной том из необъятной домашней библиотеки. Обычно она хватала с полки первую попавшуюся книгу, открывала ее наугад – никогда с начала! – и, нервно перелистывая, быстро пробежала глазами несколько страниц. Лицо у неё при этом становилось сосредоточенным и отрешённым, губы шевелились в такт истекающим с листов словам. Наконец, какая-нибудь фраза приковывала ее внимание и всё: она становилась безвозвратно потерянной для этого мира на ближайшие пять-шесть часов, в течение которых она не слышала и не чувствовала ничего извне, замерев на том же месте и в той же позе, как её, по выражению Бабушки, «прихватило». Вывести Зануду из «чтейного столбняка», – как именовала это состояние Рио, – могло только сильное чувство голода. Очнувшись, Зануда вздрагивала, роняла недочитанную книгу на пол, – к ней она уже не вернётся, – удивленно озиралась вокруг, и

немедленно отправлялась на Кухню. У неё просыпался зверский аппетит, однако, мысли девушки ещё какое-то время блуждали где-то далеко. Поэтому, двигаясь точно во сне и, глядя куда-то в неведомое, она часто промахивалась ложкой мимо тарелки, сыпала в кофе соль вместо сахара, могла, не поморщившись, съесть целое блюдо горчицы, услужливо подставленное кем-нибудь из младших, и откалывала прочие занятные штуки... Но потом, видимо, под действием желудочных соков разум её прояснялся, и она становилась прежней – нудной, педантичной, брюзгливой, аккуратной и немислимо скучной.

Словом, в тот вечер дома некому было составить Рио компанию, и она отправилась в кондитерскую Папаши Дю.

В Городе имелось много мест, считавшихся более модными, нежели это, но знатоки утверждали, что здесь подают самый вкусный кофе и лучшую в мире сдобу. Папаша Дю не раз занимал призовые места на разных престижных кулинарных конкурсах. Ему предлагали место шеф-повара в ресторанах столицы, но он неизменно отвечал, что предпочитает быть хозяином самому себе.

В кондитерской было полно народу. Рио поискала глазами Толстяка: тот суетился за стойкой. Она помахала ему, но он лишь кивнул в ответ, загружая очередной поднос.

Девочка оглядела зал... Неподальёку за столиком сидела весёлая компания – человек пять. Рядом с ними было как раз свободное местечко. Один из этой компании – с длин-

ными тёмными волосами и аккуратной бородкой, – поймал её взгляд и приглашающе качнул головой. Едва она присела, рядом возник официант. Не успела Рио открыть рот, как тот, что пригласил её, распорядился:

– Двойную порцию шоколадного и молочный коктейль! – и подмигнув, уточнил: – Я не ошибся?..

Остальные за столом не обратили на неё никакого внимания, шумно и весело обсуждая какие-то свои дела. «Борода», как окрестила щедрого незнакомца Рио, не принимал участия в общей беседе. Чуть ссутулясь и подперев рукой голову, он одобрительно наблюдал, как она уплетает мороженое.

– Вкуснятина, верно? – Рио молча кивнула. – Как тебя зовут, парнишка?

Рио поперхнулась: он принял её за мальчишку!

– Санни... – тотчас соврала она.

– Ты местный или приехал отдохнуть?

– Ага, – кивнула Рио, – местный.

– Занятно тут у вас, – задумчиво заметил Борода.

Рио пожала плечами: мол, ничего особенного.

– А вы откуда?

– Мы – люди столичные, – ответил он, и скороговоркой представил остальных:

– Жаклин, Питер, Лилу, Этьен...

Бородатый заказал ещё мороженого, и принялся расспрашивать.

– Мы здесь всего три дня, – пояснил он.

Рио рассказывала охотно – Борода понравился ей. Жаль только он неподходящ для неё: ему, поди, уж лет тридцать – совсем старый. И наверняка у него есть подружка, а может, и не одна – вон какие у него глаза: голубые-голубые...

Поедая мороженое, она заученно протараторила всё, что любой приезжий мог почерпнуть из рекламных буклетов, раздаваемых туристам в отелях. Основано тогда-то... географические и климатические особенности... уникальные минеральные источники... архитектурные памятники и местные достопримечательности – Замок Лостхед, Городская Ратуша, Северные ворота, Оперный театр, собор Святого Августина, Школа танцев, Центральная площадь, Летний Карнавал... Что ещё?.. Куча сувенирных лавок, антикварных и ювелирных магазинчиков, казино, фонтаны, полсотни ресторанчиков и ещё больше баров помельче. Трехэтажные домики с красными крышами и белыми рамами окон. Улочки, густо обсаженные акациями, вязами и каштанами: всюду цветники, клумбы, где только возможно. По улочкам – конные экипажи да звонкие жёлтые трамвайчики вместо автомобилей: мэрия строго ограничивает количество последних, разрешая только «скорые» и полицейские машины – воздух Долины должен остаться лучшим в мире, это её капитал!.. Ещё есть река. За рекой – дремучие девственные леса вплоть до самых Западных гор, а в другую сторону – Холмы, между ними и Городом – сады; на Холмах старая-старая церковь, виноградники... Ах, да! Где-то на самой верхушке Западных

гор есть еще Обсерватория. Там работает несколько чудиков, они спускаются иногда со своей горы в Город как на праздник – в белых рубашечках и галстуках – и вечно всюду суют свой нос: говорят, они там у себя сделали что-то вроде музeya, собирают всякие безделушки и местные сплетни.

Борода слушал с вежливым интересом, кивал, иногда что-то переспрашивая, а когда Рио наконец умолкла, сказал:

– Всё это замечательно – городок у вас и впрямь славный. Но, понимаешь, Санни, мы – я и мои друзья – путешествуем по миру в поисках экзотики, – он со скучающим видом оглядел зал. – Хочется чего-то необычного, а у вас тут, если тебя послушать, всё как у всех. Кажется, зря мы сюда притащились...

Рио надулась:

– Уж прям как у всех!

Собеседник лукаво усмехнулся:

– А разве нет?..

Рио замялась... Одно дело обсуждать всякие небылицы среди домашних и одноклассников, и совсем другое – заливать первому встречному. Она-то, конечно, быстренько сообразила, на что намекает её новый знакомый. Все эти сказки про коридоры времени, что местный люд попросту именовал Провалами, про вернувшихся оттуда и пропавших навсегда; байки о потусторонних созданиях, блуждающих по Лесу; всякая нечисть, нет-нет, да и вылезающая на свет божий; странные происшествия, будто бы случающиеся с че-

рескур уж любопытными, – словом, весь городской фольклор, щедро питаемый фантазией его обитателей, старинными легендами Долины и кошельками доверчивых туристов, – всё это Рио прекрасно знала. За примером и ходить далеко не надо: их Замок сам по себе служил источником множества досужих вымыслов ещё с тех времен, когда её далёкий предок барон Юстэс фон Гилленхарт, вернувшись из дальних странствий во славу Креста, обосновался в разорённом отцовском гнезде, превратив захудалую крепостёнку в богатую цитадель. О происхождении его богатств ходили разные слухи, а ещё больше домыслов было о том, куда подевались потом несметные сокровища, которыми обладал барон.

Но только Рио усвоила прочно: ей и другим строго-настрого было запрещено привлекать излишнее внимание к истории семьи.

Было ли в прошлом рода Гилленхартов нечто тёмное или постыдное?.. Или семья просто защищала свой покой, что едва сумела обрести, после того, как Замок едва не был сожжён и разрушен разгневанными горожанами и воинами короля по указу Святой инквизиции, а немногие из уцелевших тогда Гилленхартов, чудом избежав смерти, разбрелись по свету?.. Этого никто толком не знал. Зато Бабушка о тех страшных днях всегда рассказывала так, будто собственными глазами видела кровавое зарево пожара над стенами Замка.

Лостхед вернулся к своим законным владельцам лишь

спустя два столетия. Потомки опального барона не сумели воссоздать былой роскоши родового гнезда, да и особыми милостями Двора и Церкви не пользовались – видать, были тому веские причины.

Это *теперь* всё превратилось в красивую сказку, а тогда...

Но бородатый сам вывел её из затруднительного положения:

– Слушай, – нагнувшись к ней поближе, он заговорил свистящим театральным шепотом, – а правда, что у вас за городом недавно сожгли всамделишную ведьму?..

При этих словах Рио фыркнула в свой стакан так, что молочная пена усами осела у неё на верхней губе.

В Городе постоянно плодились самые невероятные слухи. Их источником служили сами жители, ведь многие из них на этом неплохо зарабатывали: чуть не на каждом углу можно было увидеть вывеску, приглашающую доверчивых простофиль посетить «профессионального» колдуна, гадалку или ещё кого-нибудь в этом роде, а уж торговля всякого рода сувенирами и вовсе приносила некоторым целое состояние. Прощлым летом, например, Рио и её приятель Дю неплохо заработали, продав престарелой парочке американских туристов младенческую пинетку Карапуза, до этого без толку пылившуюся в чулане, выдав ее за гномий башмак.

Вот и теперь в воздухе запахло лёгкой наживой.

– Нельзя ли как-то достать угольков с такого пепелища?.. – продолжал между тем Борода.

«Угольков-то я тебе достану – хоть целый мешок! Из Бабушкиного очага, скажем...» – подумала Рио, а вслух сказала:

– Ну, я не знаю... Да и к чему это вам?

Борода улыбнулся. Улыбка у него вышла какая-то уж... Но Рио не обратила на это внимания.

– Люблю интересные вещи, – просто объяснил он. – Может, у тебя или твоих друзей есть что-нибудь эдакое... Например, зуб дракона... м-мм... или... Ну, ты понимаешь?.. Я бы неплохо заплатил! – и он выразительно потер большим пальцем два соседних.

Еще бы она не понимала!.. Похоже, и этим летом не придется клянчить у родителей деньги на мороженое. Для верности Рио решила набить цену:

– Разве вы не знаете? – она сделала «страшные» глаза. – Это же запрещено! А если вас застукают при отъезде?..

Тут надо пояснить, что из Города можно было выехать, равно, как и въехать, только одной дорогой – через Северные Ворота, – так как он лежал в излучине реки, а за рекой простирались дремучие, нехоженые леса – вплоть до самых гор. Поскольку же Долина официально являлась историческим и природным заповедником, то у Ворот было устроено что-то вроде таможни. Иногда там и вправду вспыхивали скандалы, когда Смотрители, как именовали себя тамошние служители, обнаруживали что-нибудь ценное... Правда, никто ни разу не слышал, чтобы какая-нибудь безделушка из задержан-

ной контрабанды оказалась действительно артефактом: так, в лучшем случае, только отпечатки Неведомого.

– Это уже не твоя забота, – мягко ответил Борода. – Только учти, мне нужна настоящая вещь. На-сто-я-ща-я! Слышишь? – раздельно повторил он, глядя ей прямо в глаза.

Но Рио трудно было смутить.

– Конечно! – серьезно подтвердила она. – О чём разговор! – ещё и покивала для солидности.

– Смотри!.. – и бородатый шутливо погрозил ей пальцем.

Тут Рио совершенно некстати снова вспомнила свою прошлогоднюю махинацию. Обман?.. Ну и что?.. Ведь все же остались довольны – и одураченные туристы в том числе. Это просто такая игра. Им хотелось иметь что-нибудь *этакое* на память о Долине, и они это получили. Обувка её братца небось до сих пор стоит у них где-нибудь на каминной полке на почётном месте среди прочих безделушек. При этой мысли она едва не захихикала, но сумела удержаться. Борода тем временем что-то нацарапал на салфетке:

– Вот номер моего телефона в гостинице, – сказал он, подвигая салфетку к ней поближе, но не давая в руки. – Легко запоминается...

Она взглянула: три чёрные жирные девятки на мятой бумаге и через чёрточку – ещё три такие же. Он скомкал бумажку и сунул её в пепельницу.

– Я пробуду тут ещё недели две...

– Поздновато уже, – проямлила Рио. Ей не терпелось за-

кончить разговор и начать действовать, пока бородатого не перехватил кто-нибудь половчее.

– Будь здоров! – дружелюбно отозвался тот.

В дверях она обернулась, желая еще раз кивнуть напоследок, но мужчина не смотрел в её сторону. Он успел вставить в рот сигару и, прикуривая, поджёг спичкой беленький комочек в пепельнице.

Вернувшись домой, Рио напрямик направилась в Кухню.

В огромном зале было темно... Околдованная сумерками, Рио невольно замерла на пороге. Ступеньки терялись во тьме. Лунный свет из высоких узких окон бледными полосами дрожал на каменных плитах, по стенам бродили причудливые тени деревьев. Знакомые при солнечном свете предметы таяли и растворялись в вязкой темноте... Лишь цепи котла над очагом всё так же уходили ввысь – их кольца посеребрила ночь, и сотнями багровых глаз вглядывался в наплывающую черноту угасающий очаг.

Девочка осторожно спустилась вниз, на цыпочках прокралась к обеденному столу и зажгла свечу. Тени тотчас разбежались по углам.

– То-то же!..

Стараясь не шуметь, ей нравилась эта таинственная тишина, она отыскала в одном из ящичков пачку фольги, в которой обычно запекали мясо, и, оторвав кусок блестящей бумаги, свернула кулёк. Наполнив его углями из очага, она вспомни-

ла давешний разговор с бородатым и радостно хихикнула. Звук вышел больше похожим на хрюканье. Это рассмешило её ещё больше. Очарование ночи тотчас улетучилось, всё встало на свои места, и, продолжая похрюкивать, Рио уже совершенно спокойно собиралась уйти.

В это мгновение лунную дорожку на каменном полу пересекла чья-то тень – она скорее почувствовала это, нежели увидела. Девочка быстро обернулась, но невозмутимая луна в окне по-прежнему висела на своём месте.

Затаив дыхание, Рио задула свечу и, подойдя к окну, прижалась лицом к стеклу. Её сердечко колотилось точно бешеное, удары пульса тяжело отдавались в висках... Но чёрные деревья в саду, залитом лунным светом, стояли тихо, убаюканные треском сверчков. Ей казалось, она простояла так целую вечность. «Верно, совы...» Она медленно попятилась назад, не спуская на всякий случай глаз с окна, достигла ступенек и, развернувшись, помчалась вверх, чувствуя, как ожила и зашевелилась темнота за спиной...

Одним махом оказавшись на своём этаже, Рио успокоилась. Она и раньше совершала подобные вылазки. Ей нравилось бродить по ночному Замку – это смахивало на настоящее приключение! Во время таких странствий ей случалось пугаться, но утром всё оказывалось простым недоразумением. Несколько раз ей доводилось слышать стоны и вздохи Привидения, а прошлой зимой – даже звон его цепей!.. Впрочем, другие обитатели Замка тоже могли этим похва-

статья, поэтому она никого не удивила.

Пройдя по длинному коридору, освещённому вделанными в стену светильниками, Рио очутилась у своей комнаты. Открыла дверь – и замерла...

На подоконнике распахнутого окна сидела огромная чёрная птица. Тёмные перья отливали стальным блеском. Ворочая головой, птица поглядывала на неё то одним, то другим глазом – злым, чёрным и блестящим.

– П...птичка... – пересохшими губами прошелестела Рио, – Птичка... кыш!.. Кыш!!! – она махнула рукой с кульком, желая прогнать незваную, и угли разлетелись по всей комнате.

Птица раскрыла клюв, и девочка услышала шипение.

– Отдай!.. – вдруг отчётливо проскрипела птица человеческим голосом.

Это было так неожиданно и так страшно!

– Кыш!!! Пошла!.. – завопила Рио.

Птица тяжело захлопала крыльями и снялась с места, словно собираясь улететь, но вместо этого вдруг с удивительным проворством бросилась на неё!

Рио успела прикрыть лицо руками, но получила такой удар по голове, что сознание её померкло... Проваливаясь куда-то в темноту, она ещё увидела, как в комнату вбежала Орфа – простоволосая, в длинной ночной рубашке, – за ней ещё кто-то, и ещё... И свет погас...

...Очнулась она в своей постели. Возле кровати на ма-

леньком пуфике сидел человек. Она узнала его: доктор Сибелиус. Он лечил всю малышню в Городе. За его спиной толпились домашние.

– Только постельный режим! – заявил Сибелиус, закончив осмотр. – И лучше в больнице. Травма может оказаться серьезной... Необходимо сделать снимок и всё такое...

Рио хотела возразить, но от малейшего усилия перед глазамиплыли зелёные круги, а к горлу подкатывала тошнота. Откуда-то появились чужие люди, её переложили на носилки. Рио закрыла глаза – так было легче, и поплыла в темноту...

Госпиталь Св. Лаврентия – место светлое и тихое: несколько белых кубиков, разбросанных прямо посреди густого яблоневого сада; за садом – горушка, поросшая берёзами, осинками и молодым ельничком, понизу бежит ручей, довольно глубокий и прозрачный, студёный даже летом. Если подняться на горку – перед тобой как на ладони вся Зелёная Чаша: красно-коричневые островерхие крыши среди буйной зелени, вокруг – синяя подкова реки, и снова – зелень, зелень, зелень! – до самого края мира. И облака...

Ей не разрешали вставать, и она лежала, целыми днями бездумно глядя в окно, где купались в солнце незрелые ещё яблоки, и синева неба едва пробивалась сквозь листву. Почему-то ей было очень хорошо, словно она долго перед тем бежала, – на износ, до разрыва легких, – и остановилась, на-

конец, и бежать ей больше никуда не надо.

Потом к ней стали пускать посетителей – и яблонева идилия кончилась. Потянулась бесконечная череда тётушек: охи-ахи, корзиночки с печеньем, шоколад, и снова – ахи-охи... Все были с ней ужасно милы, ужасно болтливы и ужасно-ужасно скучны. Часами просиживая у её кровати, они вели бесконечные разговоры между собой: ей казалось – гигантские шмели залетели из сада и гудят, гудят, гудят... Она засыпала под их гудение, просыпалась, – они даже не замечали! Стоило бы пожаловаться доктору Сибелиусу, но – лень. Да и обидятся... И она снова засыпала.

Ей снились странные сны...

Она видела Долину – полчища тёмных всадников терзали её леса. Дикие, совсем не похожие на людей, они выжигали селения, убивая всё живое: человечье мясо выковыривали они из жёлтых, нарочно заточенных зубов длинными кривыми когтями, и кровь побеждённых бурыми комьями запекалась в их шерсти. Чёрной тучей, словно саранча, прокатились они по Великой Равнине, уничтожая жизнь – до последней травинки! – и вдруг исчезли...

И пришла тишина. Мёртвая тишина над огромной выжженной пустошью. Девочка навсегда запомнит ощущение этой тишины.

А сны продолжались...

Она видела, как первый раз над погибшей равниной восстало Солнце: сколько же долгих дней не могло оно пробить-

ся сквозь клубы дыма! Но напрасно искало светило хоть единую пару глаз, в чьих глубинах нашли бы ответ его лучи. Искала их и Луна, пришедшая вослед, но так и осталась одинокой в ночи, и холодные бесконечные выси вокруг, населённые облаками и звёздами, казались куда более обжитыми, чем беззвучная твердь у неё под ногами...

Первыми вернулись растения – сначала трава, потом деревья. Вернулись птицы... Немногие уцелевшие люди, – те кто успел убежать в горы, – не торопились возвращаться. Они выстроили в горах деревушки, и лишь редкие смельчаки спускались в Долину, рассказывая, будто по ночам там до сих пор можно услышать приглушенное конское ржание и гулкий мерный топот, словно движется куда-то несметная конная рать...

Однажды ей приснилось, будто она сама стоит ночью на верхушке одной из дозорных горных вышек, и до боли в глазах всматривается вниз, в Долину – и ей мерещатся огоньки костров: кто и зачем зажигает их?.. А другой раз она вдруг увидела себя сидящей у такого костра – и с нею были ещё люди, человек семь. Один из них, собирая сухие ветки на корм огню, наткнулся на странный череп. Неприбранные кости частенько попадались здесь, но этот – обугленный, приплюснутый, с косо вырезанными овальными глазницами, не принадлежал ни человеку, ни животному.

– Череп нигильга... – сказал кто-то, и нашедший испуганно отбросил ногой страшную находку.

Так Мэрион узнала имя неведомого племени, что пришло ниоткуда и исчезло в никуда. Череп подкатился к ногам старика, сидевшего у костра вместе с остальными. Старик долго смотрел в пустые глазницы, потом взял череп в руки, оглядел ставшие каменными кости, и сказал:

– Зло ушло отсюда...

– Конечно, ведь он умер, – эхом откликнулся кто-то, но старик покачал головой:

– Нет, не то. Я хотел сказать, *они* ушли совсем.

– И не вернуться?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Если никто не откроет Врата...

– Какие врата? О чем ты говоришь, старик?..

Но тот смотрел сквозь вопрошавших невидящим взором, точно вслушиваясь в неведомую речь, текущую к нему через пальцы, сжимавшие чужие кости.

– Кто-то открыл Врата, – повторил он, спустя какое-то время, – нарочно, а может, случайно... И они пришли.

Мэрион проснулась тогда со странным ощущением, что знает этого старика, и он часто потом снился ей, но она так и не вспомнила, кто он.

Навещала её и Бабушка. Приходила и Орфа, тоже с корзиночкой. Что-то говорила, но мало... Рио все глядела на неё и удивлялась: такая изящная, хрупкая, и кинулась против Птицы. В память девочке крепко врезалась картина: тонкий белый силуэт на фоне огромных черных крыльев... А

волосы у Орфы – того же цвета.

Несколько раз приходила Зануда. Одна... Обе чувствовали себя неловко и больше молчали: обычный их разговор – с взаимными колкостями, подковырками и претензиями – явно был здесь ни к месту.

– Что читаешь? – спросила как-то младшая сестра у старшей, заметив торчащий у той из сумочки золотисто-коричневый корешок.

– Так... – неопределенно отозвалась та. И вдруг в каком-то внезапном порыве склонившись к её уху, прошептала: – Понимаешь, я вот всё ищу в этих книгах, ищу чего-то... Что-то, мне кажется, очень важное. Не знаю что, не помню... Иногда кажется, вот-вот ухвачу, но никак!..

В палату вошла медсестра, и Зануда резко откачнулась назад, точно её застали на месте преступления.

Потом она скупко поведала, что наутро после происшествия с Рио приезжали полицейские, а вместе с ними – два Смотрителя и какой-то чудик из Обсерватории. Они долго изучали с помощью всяких штучек окно в её комнате, но оно оказалось в полном порядке – обыкновенное окно, а не какая-нибудь Дыра или Провал. На полу, правда, нашли много углей, – тут Рио промолчала, – и чудик сунул парочку себе в карман... А потом полицейские долго приставали к Бабушке – по поводу пропажи дедули. Оказывается, тётя Розалия как раз накануне написала в полицию заявление об его исчезновении. Этим они привели старуху в замешательство – она

как-то в суматохе забыла о нём... И не только она, впрочем.

– Может, у вас ещё кто-нибудь исчез? – допытывался Рэг Шеридан – глава полицейских, – неодобрительно взирая на любопытных, постоянно заглядывающих в комнату, где шла беседа. – Вон сколько народу – прямо постоялый двор!..

Бабушка лишь пожала плечами.

– У нас не гостиница, сударь, – оскорблённо заметила она. – Мы своих гостей не регистрируем.

– Неужели? – съехидничал тот. – А весьма похоже!

– И вообще, – перешла в атаку Бабушка, – люди пропадают не только в Замке! И всем это прекрасно известно! Мэрия же и в ус не дует, дабы предпринять что-либо!

Неизвестно, до чего они договорились бы, но тут совершенно некстати в комнату с воплями ворвалась Орфа. Оказывается, убираясь в бабушкиных покоях, она обнаружила в её гардеробе кучу скелетов.

– Милочка, – спокойно отозвалась на её вопли Бабушка, – у каждого есть свои скелеты в шкафу, и чем дольше живешь, тем их больше.

Служители закона были вполне согласны с мнением хозяйки, но все же не поленились пойти посмотреть. Разумеется, среди платьев и шляпок они ничего не обнаружили и, в конце концов, были вынуждены откланяться, оставив слушанку в полном недоумении.

– Видишь ли, дорогая, – любезно пояснила ей Бабушка, – некоторые фразы иногда обретают буквальный смысл.

Домой из больницы Рио забирали Красавчик и тетка Люсьда. Была суббота.

– Родителям что, сильно некогда?.. – обиженно буркнула девочка, забираясь в поданный экипаж.

Красавчик загадочно ухмыльнулся. Тётка нахмурилась, и легонько шлёпнула сына сложенным зонтом, с которым никогда не расставалась, но тот продолжал улыбаться. Его явно рапирали какие-то новости, но Рио сделала непроницаемое лицо и отвернулась.

Лошадка неторопливо цокала по мостовой. Утро – нежное, прохладное – благоухало цветущими садами. Тенистые улочки были ещё пусты... Рио почувствовала, как её душу заполняет удивительный покой, словно внутри распрымялась некая огромная пружина, мешавшая с того самого времени, как она стала видеть странные сны.

Блаженство длилось недолго...

В Замке царила страшная суматоха! Всё огромное семейство носилось по дому взад и вперед, захлопывая бесчисленные окна, которые тут же почему-то снова оказывались распахнутыми. Папа, вооруженный огромной шваброй, с воинственным видом высовывался в очередное окно и грозился кого-то убить. Тетушки вопили, счастливые дети – свои и чужие – радостно им помогали. Мама валялась на диване с компрессом на голове, Зануда суетилась вокруг неё с наштаырем, – та героически отбивалась... В углу гостиной, в

кресле, мирно похрапывал доктор Сибелиус...

И только Бабушка оставалась спокойной посреди всего этого бедлама. Помешивая в котле неизменную овсянку, она неодобрительно наблюдала за происходящим:

– Ну-ну...

У её ног сидели, преданно заглядывая ей в глаза, два очередных приبلудных кота.

– У нас что за праздник сегодня? – поинтересовалась Рио, усаживаясь за стол.

– Ничего особенного, – флегматично отозвалась Бабушка, – просто Аист хочет подарить твоим нового ребенка.

– ?..

Вместо ответа бабуля указала черпаком в окно. Рио подбежала к подоконнику и выглянула на улицу: над Замком и впрямь кружил огромный белый аист. Выглядел он уже изрядно уставшим, но сдаваться, судя по всему, не собирался...

– Прочь! Прочь, негодный! – шумели на него из окон, но он упрямо кружил и кружил в воздухе, надеясь отыскать брешь в обороне противника.

В клюве у него болтался маленький голубой сверток.

– Окно!.. – предупреждающе воскликнула Бабушка, но было поздно.

Заметив образовавшуюся лазейку, Аист со свистом спикировал вниз, на бреющем полете ворвался на Кухню, сметая всё на своем пути, с шумом описал круг над котлом, и,

выронив сверток, стремглав вылетел наружу: торопиться ему надо было – судя по крикам, Папа раздобыл ружье.

Грянул выстрел...

Аист испуганно шарахнулся вбок, задел крылом ветку яблони, шлёпнулся оземь. Папа, сверкая очками, издал дикий торжествующий рёв... Аист пешком улепётывал к воротам, обитатели Замка гурьбой бросились за ним. Тут раздался второй выстрел, за ним – ещё!.. Аист скрылся прочь. Домочадцы, успевшие выбежать на двор, залегли кто где... Еще выстрел!..

– Да заберите же у него ружье!!! – истошно завопил кто-то. – Он нас всех поубивает!

Вдалеке завывла полицейская сирена.

Бабушка между тем, охая-ахая, ловко выудила из котла орущий свёрток, и бережно перенесла его на стол. Удивительное дело: кипящая овсянка не причинила подкидышу никакого вреда – орал он больше от испуга или потому, что так было положено.

Рио увидела, как у ворот остановилась полицейская машина, оттуда вышли двое в форме и подошли к парадному.

Пока остальные общались с представителями власти, Бабушка и внучка разглядывали новоприобретенного члена семьи. Заглянувшую к ним Орфу – совершенно обалдевшую от происходящего всякий раз в этом доме – послали будить доктора.

– Если он не сбежал ещё, то веди-ка его сюда! – распоря-

дилась хозяйка.

Сибелиус и не думал сбегать – на своём веку в этом Городе он и не такое видал! – и служанке понадобилось некоторое время, чтобы растолкать его.

Осмотрев ребёнка, доктор остался доволен:

– Славный малыш! Какие умненькие глазки!

Вокруг уже собирались домашние, толкаясь и заглядывая друг другу через плечо. Младенец затих и, суча ножонками, в свою очередь настороженно рассматривал новую родню, посапывая крохотным розовым носиком. Последним в Кухню спустился Папа: полицейские уехали, конфисковав его лучшее старинное ружье. Взамен, правда, они пообещали по возможности не поднимать шума. Хотя стрельба среди бела дня, в городе, набитом туристами... Так что теперь Папа не знал даже, что его больше огорчает: потеря коллекционного ружья или приобретение новой прорехи в семейном бюджете в лице нечаянного младенца.

Протиснувшись к столу, Папа мрачно воззрился на новое чадо. Подкидыш застенчиво засунул кулачок в рот. За спиной отца перешептывались тётушки, обсуждая глазки, носик, ушки и тому подобные прелести дитяти.

– Ну, почему к нам? – попробовал возмутиться Папа, но поймав мрачный взгляд супруги, поспешно поправился: – То есть, я хотел сказать, у нас своих хватает!..

Папе – доброму и славному человеку по сути своей – просто не хотелось лишней, в буквальном смысле внезапно сва-

лившейся на голову, ответственности. Дети – это же, ну, сами понимаете... И неизвестно, что из всего этого выйдет.

Но затравленно оглядевшись по сторонам, он понял, что сочувствия ему не найти: тётка Люсильда укоризненно поджала губы, Красавчик улыбался, Бабушка и дочери взирали на младенца с любопытством и симпатией, в глазах остальных читалось явное осуждение и сладкое предвкушение скандала, вздумай только он выставить кроху за дверь...

Папа снова посмотрел на младенца. Тот победно улыбнулся и забулькал.

– А! Какая разница... – отец махнул рукой и, неловко взяв ребёнка в охапку, с независимым видом удалился.

Из-за утреннего происшествия чай сели пить позже обычного и чаепитие изрядно затянулось. Кое-кто вскользь поздравил Рио с выздоровлением, но большинство даже не обратили внимания на её возвращение. Ей, правда, и в голову не пришло обидеться. Она привыкла, что в доме у них вечно было как на вокзале: кто-то приезжал, кто-то уезжал, – родственники, друзья, знакомые, друзья и родственники друзей и знакомых и, как иногда подозревала Рио, совсем уж посторонние люди – иных ведь не могла признать даже Бабушка!.. Некоторые из постояльцев жили у них всего недельку-другую, благодарили за гостеприимство и уезжали. Другие же, как, например, тётка Люсильда или дядя Винки и еще несколько человек, оставались жить годами. Вся эта толпа,

а за обеденным столом порой сиживало человек до двадцати, не считая приглашенных, вполне комфортно умещалась в старом Замке, которому это, похоже, нравилось.

Рио давно догадалась, что Замок живёт своей жизнью, наблюдая за происходящим и развлекаясь по-своему: он будто отрачивал сам собой новые комнаты, спальни, лесенки, кладовые и коридорчики, когда вдруг жильцам не хватало места, поэтому даже его законные владельцы не смогли бы представить точного плана своего жилища, если бы вдруг это потребовалось. Рио знала несколько потайных ходов и дверей, с помощью которых устраивала «сладкую» жизнь тем из постояльцев, которые не особенно ей нравились, и это тоже относили на счет Замка, (хотя Бабушка и Красавчик отлично догадывались, чьих это рук дело!) Но чаще случались странные и загадочные вещи, к которым Рио не имела никакого отношения.

С обеда вдруг нахмурилось и зарядил ливень... Серые тучи висели плотно и низко, точно хотели придавить собою Долину. Бледно-голубые длинные молнии вонзались в почерневшие Холмы, и спустя долгие секунды доносилось ленивое ворчание летнего грома. Сад потемнел и посвежел, благодарно подставляя тяжёлым каплям зеленые ладони; пронзительно запахло травой и землей, на каменных плитах двора вскипели серебряные лужицы... Все звуки сделались тише, словно растворились, – только капли по стеклу, только шорох дождя по листьям, и лишь изредка – приглушённый

быстрый смех пробегающих прохожих, да стук проезжей кареты под аккомпанемент подков...

Рио сделалось скучно. Она поиграла с Карапузом, попробовала пристать с какими-то глупостями к Зануде, но та сбегала от неё в библиотеку, и уткнулась в очередную толстую книгу. Поднявшись к себе, девочка включила было телевизор, но тут же выключила его, такая же участь постигла и компьютер, а потом и вовсе свет погас – во время грозы такое бывало нередко.

В Замке засуветились, стали зажигать свечи, во множестве заготовленные специально для подобных случаев. Кто-то предложил разжечь камин в гостиной – в старом Замке, несмотря на начало июня, к вечеру становилось прохладно. И вот по стенам заплясали вытянутые тени и жёлтые отблески свечей, в дальних коридорах сгустились сумерки, и обитатели Замка стали подтягиваться в гостиную, привлеченные теплом огромного камина.

Рио любила такие вечера и настроение у неё поднялось. Она заняла ближайшее к огню кресло – ей всегда нравилось наблюдать игру пламени. Из Кухни поплыл аромат свежей сдобы, и уже расставляли на огромном круглом столе к чаю. Кто-то сел за рояль – звучные арпеджио разогнали остатки её грусти – и нежный женский голос начал старинный романс, к нему тотчас присоединился мужской баритон. Сделалось совсем хорошо и уютно, и все это почувствовали – и от этого стало ещё лучше... За стенами вовсю бушевал ли-

вень, надвинувшийся с Холмов, но тщетно пыталась непогода пробиться сквозь толстые камни – старый Замок надёжно укрывал своих питомцев, – и чем больше злилась гроза, тем сильнее разгоралось веселье в самом его сердце.

Убаюканная теплом камина, Рио прикрыла глаза – очарование вечера и музыки заполнили её душу, как вдруг чьи-то пальцы грубо вцепились ей в плечо.

– Уступи-ка мне место!.. – произнёс простуженный голос, и её бесцеремонно, точно куклу, вытащили из уютного кресла, которое тотчас жалобно заскрипело: огромная туша, пропахшая дорогим табаком и одеколоном, обрушилась в его недра, и засопела, устраиваясь удобнее. Это был дядя Винки.

От обиды Рио чуть не заплакала! Покраснев от злости, она с бессильной ненавистью смотрела на его рыжие бакенбарды, мясистый нос, обрюзгшие щёки.

– Марш спать! – приказал дядя, видя, что она застыла рядом, и занялся своей трубкой, тут же забыв о её существовании.

Вечер погиб...

Крутанувшись на пятке, Рио помчалась вон, пытаясь опередить поступающие слезы. Но настоящая развязка этого длинного дня наступила несколько позже.

После чая, многие обитатели Замка покинули гостиную, но большинство остались – очень уж славно сидеть вот так, при свечах, в хорошей компании, слушать дождь за окном, и

вести неспешную беседу, тем более что на столе появились графины с домашней наливочкой. Как водится, разговоры свелись к дням давно минувшим, да было бы и удивительно, если в подобной обстановке речь зашла бы о чем-то другом.

– Правда ли, что голова барона была похищена?.. – спросил кто-то из недавно приехавших гостей.

В ответ Бабушка в тысячный раз пересказала историю о том, как тело Юстэса фон Гилленхарта -предка нынешних хозяев Замка – сраженного насмерть неизвестным рыцарем на турнире, самым варварским способом обезглавили прямо в гробу ночью в часовне перед отпеванием.

– Вероятно, это сделал тот, кто его убил?.. – предположил один из сидевших за столом. – Насколько мне известно, убивший Гилленхарта исчез из города.

– А я читал в хрониках, что голова была похищена вовсе не у барона, а у его отца! – перебил говорившего другой гость.

– И не у отца вовсе! А у его наперсника и боевого товарища, что прибыл с ним с Востока! – вмешался в спор третий.

Собравшиеся в гостиной загомонили, перебивая друг друга: за время, утекшее с тех давних пор, история о похищении головы мертвеца обросла множеством противоречивых деталей. Красавчик подлил масла в огонь:

– Гораздо интереснее, куда исчезли сокровища барона, нежели его пустая башка... – заметил он негромко, однако голос его был услышан спорившими.

– Нельзя же так о покойном! – возмутилась было тётя Розалия, но ее перебили:

– Действительно, куда?

– Надо бы спросить у барона, – посоветовал кто-то.

– Спросишь его, как же!..

– Что если устроить спиритический сеанс?!

– Вздор!..

– Нет, отчего же!

Слово за слово – и неожиданная идея обрела своё воплощение. Ликеры и наливки мигом перекочевали на маленький столик в углу комнаты. На их месте расстелили белый лист бумаги с наспех нарисованными буквами алфавита и пентаграммой, расставили свечи, приготовили блюдце и большую иглу. Правда, толком никто из участников точно и не представлял себе, что и как нужно... На роль медиума согласилась Зелла Амстьен – та самая, что пела романсы.

Расселись кругом стола. Помолчали... Кто-то заметил, что, кажется, всем нужно взяться за руки – так и сделали.

Возникла пауза...

Можно было услышать, как вздыхают поленья в камине. Зрители, добрая половина которых последовала за наливками, тихо перешептывались в отдалении и негромко звенели бокалами... По углам словно бы стало ещё темнее. Шум дождя и ветра усилился...

Постепенно разговоры совсем умолкли, и наступившую тишину нарушало лишь потрескивание поленьев в камине.

За окном беззвучно сверкнула молния.

– Начинаяте же!.. – громко прошипел кто-то, не выдержав.

Сидящие за столом разом оборотились на Зеллу. Она придала лицу мрачное и торжественное выражение, набрала в грудь воздуха и, внезапно смутившись, обиженно спросила:

– А что говорить-то?..

Ее голос вдруг показался всем таким обыденным, что наступившее напряжение тотчас спало. Всеобщий выдох, по залу побежали смешки, люди за столом тоже расслабились... Но тут донеслись запоздалые раскаты грома – и все тут же вновь испуганно притихли.

– Именем чистых сил неба заклинаю!... – нараспев, низким голосом неуверенно начала импровизировать Зелла, театралью завывая. – Да пребудет с нами святая сила...

– По-моему, она что-то не то говорит, причем же здесь *святые* силы?.. – шепнула на ухо своей соседке тётя Розалия, сидевшая на стуле у самых дверей, но та лишь шикнула в ответ.

Снова свернула молния – необычайно яркая...

– Дух барона фон Гилленхарта! Появись!.. – входя в роль, продолжала певица. – Приди к нам!!.. – её голос поднялся до крика. – Приди!!!..

И тут, недовольно ёрзавшая на своём месте, тётя Розалия услышала за дверью шаги... Вскочив, она с грохотом опрокинула стул, – все тотчас обернулись на неё... Ударил гром –

кто-то вскрикнул... Медленно и беззвучно отворились тяжёлые двери – и сквозь проём, освещённый бледным призрачным светом молний, все увидели приближающийся странный чёрный силуэт...

– Каг-гла фон Гил-л-ленха-арт!!!.. – нестерпимо громко и раскатисто вдруг прогремело где-то под самым потолком, и эхо многократно ударилось о стены – и голос этот не мог принадлежать никому из находящихся в зале! – и многие божились потом, будто в *самый этот* момент сбоку от дверей на несколько кратких мгновений возник некто в белом парике и старинном камзоле, и ударил жезлом мажордома в каменный пол...

Буря распахнула окно, послышался звон разбитого стекла... Все закричали, повскакивали со своих мест, опрокидывая бокалы и стулья... Ворвавшийся ветер, гася свечи, подхватил со стола исчерченный белый лист с пентаграммой, и тот зловещей бабочкой вылетел в окно...

И вдруг... дали свет!

В ярких электрических огнях глазам потрясённых очевидцев предстала маленькая, насквозь промокшая горбунья в тёмном плаще с капюшоном, нагруженная дорожными сумками и чемоданами.

Несколько ошеломленная, она некоторое время молча исподлобья взидала на перепуганное сборище – многих поразили её огромные, удивительно яркие синие глаза, – а потом сказала:

– Лучше бы, конечно, кто-нибудь встретил меня на вокзале. Но всё равно – спасибо!..

(В этом месте – истерический смех и занавес...)

... Рио не знала, что месть – это блюдо, которое должно остыть, такие тонкости были ей не по возрасту, поэтому принялась за дядюшку сразу же.

Дядя Винки к этому времени прожил в доме Гилленхартов около пяти лет, лишь изредка отлучаясь куда-то по своим делам, и она достаточно хорошо изучила его привычки. Самым слабым местом противника была его страсть к обжорству. Ещё он любил дорогой парфюм, курительную трубку, красоток из кабаре «Фламинго», и свою красивую морскую фуражку – до того, как обосноваться в Зелёной Чаше, дядюшка четверть века прослужил капитаном небольшого торгового судна.

Фуражку и красоток обиженная племянница отложила на будущее, а вот с трубкой разделалась сразу, подсыпав в табак пороху. Дядюшка обычно курил на веранде, выходящей в сад, и сидя у себя в комнате возле открытого окна, Рио вдоволь насладились его чертыханиями.

Но этого ей показалось мало... Когда-то Толстяк Дю по-приятельски поделился с ней секретом приготовления адской смеси, основным компонентом которой был горький перец. Настало время использовать полученные знания. Собственноручно приготовив приправу, – потом ещё с неде-

лю слезала кожа на кончиках пальцев, – Рио терпеливо дожидалась подходящего момента. И он не заставил себя долго ждать... Как-то после обеда дядя Винки спустился в Кухню за добавкой. Шлёпнув себе на тарелку огромный кусок жареного мяса, украсив его зеленью и горкой гарнира величинной с маленькую Джомолунгму, дядюшка отвлёкся на мгновение к пивному бочонку. Это его и погубило...

Присев рядышком на другом краю стола, Рио и Карапуз – брат не был полностью посвящен в детали преступления, ему отводилась роль зрителя, – чинно трудились над яблочным пирогом. Дядя, орудуя огромным ножом и вилкой, отправил в пасть первый кусок мяса, засопел, зачавкал... По его лицу градом катил пот – денек выдался жарким. Внезапно он побагровел и выпучил глаза.

– Что с вами? – испугалась тётка Матильда: она как раз присела напротив, чтобы выпить чашечку кофе.

Дядя замычал, не раскрывая рта, и замахал рукой – ничего, мол, не приставайте!.. Дети тихо прыснули со смеху.

– Может, водички? – не унималась Матильда. Втайне – и совершенно безответно – она питала к обжоре возвышенные чувства.

Дядя замычал еще яростнее и пропихнул в рот второй кусок – глаза его совершенно вылезли из орбит. Тогда Матильда – тоненькая, сухая, жеманная, – поднялась со своего места, дробно стуча каблучками обежала вокруг стола, и узкой ладошкой игриво пошлёпала дядюшку по необъятной жир-

ной спине. Всё равно, что слона пощекотала соломинкой.

– А-ха-аа!.. – негодуяще выдохнул дядюшка. Из рта его вырвался язык пламени. – Ха-а... – нечаянно выдохнул он ещё раз, поворачиваясь в сторону назойливой помощницы, и огонь начисто слизал длинные локоны её парика.

– Караул!.. – завопила подлиза, срывая с головы опалённые остатки былой роскоши. Недолго думая, она бросилась к раковине и засунула голову под кран. – Хам!! Подлец!..

Не обращая внимания на её вопли, дядя Винки залил пожар во рту добрым глотком пива, и упрямо отрезал себе ещё мяса – не пропадать же добру!

Матильда, высоко подняв голову, с оскорблённым видом проследовала к выходу, неся в вытянутой руке обгоревший парик. Её каблуки высекали из каменного пола искры.

Дядя проводил её сердитым взглядом – глаза его, как-то слишком уж выпученные, налились кровью, – и снова уткнулся в тарелку. Сопя, кряхтя и постанывая, он расправлялся с её содержимым, точно полководец с неприятелем в захваченном городе – никакой пощады! – и нож скрежетал по фарфору, и яростными копьями вонзались в противника зубья вилки, и пиво расплескалось по столу, – и близок, близок конец сражения!.. Вот-вот запоют фанфары, рассыпется барабанная дробь, объявляя победу! Но тут дядюшкины глазки выпали прямо в тарелку...

Рио поперхнулась собственным смехом и замерла. Карапуз засунул большой палец в рот. Дядя Винки, не переставая

жевать, машинально пошарил рукой перед собою и, найдя, облизал и засунул глаза туда, где им и полагалось находиться. Он даже не понял, что случилось:

– Надо же, какой острый соус... – пробормотал он. – Прямо глаза на лоб!..

Рио нахмурилась: да уж, ничего себе!

Дядя, наконец, справился с мясом и потянулся за пивом.

– Что?.. – сердито спросил он, заметив детей. – Что, негодники?!

– Ничего... – буркнула Рио, вылезая из-за стола. – У вас петрушка вон из глаза торчит. Приятного аппетита!

Маленькая горбунья подошла к распахнутому окну. Родственники любезно отвели ей комнату почти на самом вер-ху западной башни Замка – её любимую комнату. Приятно, когда кто-то помнит, что тебе нравится.

Ей хотелось тишины. Хотелось покоя и одиночества. Лостхед – совершенно неподходящее для этого место, но ей просто негде больше укрыться. Да и как убежишь от самой себя?

За окном далеко внизу – стена, крепостной ров, дорога, остатки сторожевой вышки. Дальше – изумрудный луг, река, синяя стена леса, горы. По небу – огромные облака-корабли... Она невольно засмотрелась на их причудливые формы: уплыть бы вот так вместе с ними! Вокруг башни ре-

зали свистом воздух ласточки. Каггла подняла голову: вон сколько гнезд под крышей!.. Смотреть вверх было неудобно, она вскарабкалась на широкий подоконник, села, прильнув спиной к стене... А дышится-то как! С наслаждением вздохнула, набрав полную грудь, и задержала дыхание: такой воздух, казалось, можно пить. В дали на лугу показались всадники в ярких одеждах – в округе начинался сезон охоты. Горбунья залюбовалась грациозными движениями наездников.

– Ни один из них не станет твоим... Ну и что?

Привычка разговаривать с собой появилась у неё давно, и вовсе не от одиночества. Вокруг всегда крутилось множество прихлебателей, жаждущих поживиться за её счет: сначала те, кого привлекали деньги её отца, потом – когда пришли первые успехи – любители погреться в лучах чужой славы, бульварные писаки, разного рода дельцы от искусства, какие-то неудачники, просто проходимцы... К счастью, она вовремя догадалась, что никому из них нельзя доверять. Особенно мысли и чувства.

Горбунья спустилась с подоконника, подошла к зеркалу. Огромный, медный, до блеска отполированный диск принадлежал ещё кому-то из предков барона. Каггла посмотрела на своё отражение и ударила по зеркалу кулаком. Металл отозвался глухим гулом... Горбунья усмехнулась: Бабушке прекрасно известна её скверная привычка бить зеркала. Она взглянула на свой сжатый кулак: ребро ладони украшали ста-

рые белые шрамы.

В дверь постучали. Вошла высокая черноволосая девушка с кувшином и полотенцами в руках.

– Пожалуйста умыться с дороги... – вежливо сказала она, поздоровавшись. – Да спускайтесь вниз, завтракать!

Водопровода в этой части старого Замка не было, и вчера в суматохе про это как-то забыли, но она была настолько уставшей с дороги, что переодевшись в сухое, уснула, едва добравшись до кровати.

– Я скоро буду, спасибо, – ответила Каггла, быстро окидывая взглядом вошедшую, и профессионально схватывая все детали: прекрасная фигура, красивые волосы; черты лица, правда, мелковаты. Вышла бы неплохая натурщица. Вот только руки, точнее, кисти рук, грубой лепки...

Служанка ушла, но гостя не торопилась следовать за ней. Распаковала свои вещи: одежда заняла место в шкафах, мелочи расселились по ящичкам комода. Последней она извлекла из чемодана деревянную коробку. Присев на кровати, и откинув украшенную затейливой резьбой крышку, Каггла принялась перебирать ее содержимое... Карандаши, сангина, кисти... Тонкие пальцы бережно ласкали столь дорогие ещё недавно её сердцу вещи, но взамен прежнего трепетного волнения она ощущала пустоту.

Легкий хруст нарушил её оцепенение и, очнувшись, она с удивлением посмотрела на сломанную кисть в своих руках.

– О, черт! – и сердито отбросив обломки, вскочила и вы-

бежала из комнаты.

По случаю воскресенья в столовой было малоллюдно: большая часть гостей уже отправилась развлекаться в город. Пока разливали чай, Каггла рассматривала собравшихся за столом. Многих она хорошо знала, другие были незнакомы. «Бабушка совсем не изменилась...» – подумалось ей. Зато дети здорово подросли: в голенастой худенькой девчонке с озорными глазами она с трудом узнала того пухлого и симпатичного малыша, каким помнила свою племянницу Мэрион; старшая девочка – кажется, когда-то ее дразнили Занудой, – превратилась в совершенную красавицу, а Карапуза Каггла и вовсе видела впервые – ведь последний раз она приезжала в Зелёную Чашу пять лет назад.

– А у нас еще ребенок появился! – сообщила ей Рио, когда закончился официальный обмен любезностями. – Аист принес.

– Вот как? – вежливо удивилась Каггла. – Ну да, действительно, кто же еще? – она посчитала слова племянницы обычным детским невежеством.

– Зато тебя, детка, видимо, принес дятел, – раздался чей-то насмешливый голос, и Каггла увидела входящего в столовую красивого молодого человека.

Его карие глаза всего лишь на одно мгновение встретились взглядом с глазами горбуны – и это стоило ей сердца.

– А тебя – пингвин! – огрызнулась девочка, и схватив яблоко, выскользнула из-за стола вслед за толстяком с рыжими

бакенбардами.

Вошедший занял её место и, наливая чай, с улыбкой обратился к Каггле:

– Как спалось на новом месте? Привидения не мешали? Вы вчера так эффектно появились...

– Да, кстати, дорогая, – вмешалась сидевшая рядом с ним высокая рыжеволосая дама в розовом, – а чем вы приехали? – в её голосе явственно сквозили нотки подозрительности.

– Поездом... – ответила Каггла, пытаясь унять сердцебиение.

– Но в это время *нет* проходящих поездов! – торжествующе заявила дама.

– Я приехала на поезде до Рудгари, и на станции взяла такси.

– Такси?! – недоверчиво протянула рыжеволосая. – В такую даль?..

– Но что было делать? – пожала плечами горбунья. – Перед самым Карнавалом всегда проблема с билетами, а я поздно спохватилась. К тому же я давала телеграмму...

– Телеграмму? – удивилась Бабушка. – Но мы ничего не получали...

– А какой был номер у машины? – продолжала упорствовать дама в розовом.

– Рита, перестань! – вполголоса прошипел сидевший рядом с ней мужчина. Маленький, щупленький, с тараканьи-

ми усиками, – он тоже улыбнулся Каггле, обнажив ряд маленьких белых зубов. Рыжая хотела ещё что-то сказать, но он чуть ли не силой вытащил её из-за стола, и увёл под руку, оглядываясь, и продолжая показывать зубы.

– Противная парочка... – рассеянно отметила Бабушка. – Кто это вообще такие?

– Что? – засмеялся молодой человек, – вы их не знаете?

– Нет, – спокойно ответила старуха без малейшей тени смущения. – Но они тут уже давно.

– Понятно! – хмыкнул юноша. – Тогда хотя бы представьте меня нашей новой гостье, – и он в упор посмотрел на Кагглу.

У горбуны перехватило дыханье, но она постаралась выглядеть равнодушной.

Бабушка с сомнением уставилась на внука.

– Ах, только не говорите, что и меня не знаете! – с притворным испугом замахал тот руками.

– То-то и оно, что я тебя слишком *хорошо* знаю, – тихо, словно про себя, молвила старая женщина, и тут же совсем другим тоном добавила: – Познакомься, моя дорогая, это – Даниэль. Сын тёти Люсильды. Мы все обычно зовем его Красавчиком. Как видишь, он оправдывает свое прозвище. Хотя я бы нарекла его Балбесом.

Красавчик сделал вид, что смущен, и, встав, церемонно поклонился.

– Я много о вас слышал, – быстро проговорил он, снова садясь на свое место. – Писали, что ваша последняя выставка

наделала шуму: столь необычная подача материала и странные, пугающие сюжеты...

– Ничего особенного, – сухо ответила Каггла. Она уже сумела справиться с волнением, и теперь ей хотелось уйти к себе.

– А вы согласны с тем, что вас называют последовательницей Босха?

– Нет.

– Что же привело вас к нам, в провинцию? – не унимался юноша.

– Хочу отдохнуть от болтунов! – отрезала Каггла. «Он – просто пустышка» – думала она, – «Но почему же я... Зачем?!» – и чувствовала, как тонет в его глазах.

А он видел перед собой маленькую, некрасивую калеку – редкую птичку, случайно залетевшую сюда, в старую клетку. Невзрачную серую птичку, которой почему-то досталась та жизнь, о которой мечтает он, и которую она, похоже, совсем не ценит... И не замечал, как одухотворено её лицо, как прекрасны её глаза.

В столовую спустилась Мама, и вместе с ней – Кора Амьстен, сестра Зеллы. Они о чём-то разговаривали между собой, но, увидев Кагглу, Кора тотчас оставила собеседницу, и, подбежав, радостно обняла её за плечи:

– Каггла, милая, как я рада видеть тебя здесь! – склонившись, она на секунду прижалась щекой к её лицу, и Каггла уловила тонкий аромат. – Мы с сестрой здесь уже месяц, но,

к сожалению, ей придётся скоро уехать в Милан... А меня вот уговаривают остаться, – и она кивком головы указала на Маму.

– Да, в Театре нужна хорошая пианистка, – подтвердила Мама, пододвигая к себе кофейник.

– Боюсь, Элен, я не смогу принять твоё предложение: ты ведь знаешь, сестра не хочет искать другого аккомпаниатора... Тем более, что мы всю жизнь выступаем вместе. Вот если бы она тоже осталась здесь, но – увы! – в Милане у неё контракт, – разговаривая, Кора уселась рядом с горбуньей.

С сестрами Амсьен Каггла познакомилась прошлой зимой в Париже на одной из богемных вечеринок. Зелла ей не понравилась: голосом она обладала поистине чудесным, но характер у неё оказался «звёздным». Зато Кора сразу пленила искренностью и обаянием. Совершенно околдованная ею, Каггла согласилась написать её портрет, и провела несколько недель, наслаждаясь тонкой, изысканной красотой. Тогда-то, кстати, на правах члена семьи она и пригласила сестёр в Лостхед.

Теперь же, заметив, как менялось лицо Красавчика, когда он смотрел на её прекрасную соседку, она вдруг горько пожалела о своем приглашении. Почти физически ощущая исходящую от Кору волну очарования, она еще острее чувствовала свое собственное убожество, и ей хотелось исчезнуть. «Зачем я только приехала сюда!..»

Закончив чаепитие, многие перешли на открытый воздух

в сад, и Каггле невольно пришлось подчиниться общему течению. Расположились в беседке; горбунья заняла место у выхода, немного поодаль от остальных. Она всегда старалась держаться особняком. Выбранная позиция позволяла ей незаметно наблюдать за окружающими и, конечно, от неё не укрылось, какими глазами смотрел на Кору Даниэль, как он пытался словно бы невзначай завладеть её рукой...

На веранде зашёлся кашлем толстяк в старомодных бакенбардах – Каггла видела его раньше в столовой. Теперь он курил трубку и, очевидно, что-то было не так: она успела заметить в окне наверху сияющую физиономию Мэрион – девочка явно устроила толстяку гадость! Она улыбнулась племяннице и незаметно погрозила пальцем, а потом потихоньку покинула беседку и поднялась к себе.

За окном её комнаты радостно и громко свистели птицы. «Хорошо вам...» – подумала горбунья. Рухнув на кровать, она уткнулась лицом в подушку. Рука нащупала что-то твёрдое: дорожная Библия. Открыла наугад, пытаясь найти утешение в строках. «Возлюби ближнего своего, как самого себя... Господи! Да как же мне *себя-то* полюбить?.. Тело мое – храм твой, Господи, но почему вместо светлых стен душа моя заключена в гробнице? Почему руины эти – прибежище мое?... Почему? Зачем испытываешь меня?.. Дар чудесный Ты вложил в мои руки, глаза мои наслаждаются красотой мира, созданного Тобою, холсты мои воспевают её, но я, Господи, не принадлежу ей... И я – ненавижу её!..»

– Зачем же по каждому пустяку тревожить Всевышнего? – раздался вдруг знакомый спокойный голос.

Каггла подняла голову от подушки: в кресле у окна сидела черноволосая женщина. Её неожиданное появление, словно из неоткуда, неприятно удивило художницу.

– Как вы сюда вошли? Уйдите, я хочу побыть одна...

– Разве тебе действительно хочется одиночества? – удивилась незваная гостья. Она встала и, подойдя, села рядом. Каггла вдруг ощутила страх. – Не бойся меня! – вкрадчиво приказала та, и взяла девушку за руки: прикосновение гостьи было неприятным – пальцы слишком гладкие и прохладные, словно в перчатках из змеиной кожи.

– Что вам тут надо? – нервно повторила Каггла.

– Воздержание телесное – полезно для здоровья, а вот не исполненные желания порой разрушают душу, верно? – не обращая никакого внимания на её волнение, проговорила женщина. Глаза гостьи точно гипнотизировали свою жертву, и Каггла чувствовала, как исчезает страх, и вместе с ним – уходит ощущение собственного «Я». – Мы могли бы заключить обоюдовыгодную сделку...

– Кто вы на самом деле? – прошептала Каггла, зачарованно наблюдая, как сквозь красивые черты черноволосой проступает её истинная суть. Но наваждение тотчас исчезло.

– Узнаешь. Когда-нибудь... А сейчас тебе важно знать только одно: я многое могу. Ну, так как? – она выпустила её запястья, и горбунья тотчас машинально вытерла ладони

об одежду. Гостья заметила этот жест, и уголок её рта чуть дернулся.

Каггла быстро встала и отошла на всякий случай к двери:

– И что вы хотите мне предложить?

– Сущие пустяки, – небрежно отвечала гостья. – Я возвращаю тебе нормальный человеческий облик, а ты... Ты отдашь мне свой дар.

– Что-то я плохо понимаю... Допустим, вы избавляете меня от этого проклятого горба, – Каггла зашагала по комнате. – Я повторяю – допустим... Хотя врачи и костоправы от меня давно уже отказались, и, следовательно, мне в самом деле остаётся только уповать на чудо... Хорошо. А я, значит, что же, взамен должна научить вас рисовать?

– Примерно так, – со скучающим видом отозвалась женщина, разглядывая свои ногти. – Ты уловила суть. Но всё будет гораздо проще: когда я выполню своё обещание, согласно условиям нашей сделки тебе просто нужно будет сказать «да»...

– Уходите! – решительно заявила Каггла, распахивая дверь.

– Ты отказываешься? – глаза гостьи потемнели.

– Нет... – заколебалась горбунья. – Но мне надо подумать...

– Это разумный ход. Подумай! – легко согласилась собеседница, но в её голосе слышалась насмешка: мол, думай не думай, а будет по-моему.

Уходя, она приостановилась рядом с Кагглой, и коснулась пальцами её непослушных локонов, точно желая поправить ей волосы:

– Я не прощаюсь... – шепнула она, шагнула за порог, и скрылась во тьме длинного коридора, точно растаяла.

Каггла какое-то время оцепенело всматривалась в темноту, потом, опомнившись, быстро захлопнула дверь и несколько раз повернула ключ. Но что-то подсказывало, что никакие запоры теперь не помогут...

– А тебе никогда не приходило в голову, что ваш дом внутри гораздо больше, чем снаружи?

– Замок-то?.. Если это так, я и не удивлюсь.

Рио и Толстяк Дю болтали на скамеечке у ворот Замка, наблюдая, как в подъехавший экипаж загружают вещи тётки Матильды: после инцидента на Кухне, тётка заявила, что ноги её здесь больше не будет!.. Папа, узнав, в чём дело, потребовал от дяди Винки извинений. Но тот лишь развёл руками: он не виноват, дескать, что в этом доме не умеют готовить, да и вообще рад, что так получилось, поскольку «некоторые особы в своем стремлении заполучить в мужья порядочного человека чересчур уж настырны». Матильда, присутствовавшая при том, разозлилась окончательно – её влюбленность, видимо, сгорела вместе с париком, – и ответила, что «завести себе такого мужа как он, можно только из любви к животным»

– Теперь у вас станет чуть просторнее, – заметил Дюмладший.

– Не думаю. Наверняка ещё кто-нибудь заявится, – равнодушно отозвалась Рио. – Пойдем лучше куда-нибудь.

Они поднялись вверх по улице, свернули в тенистый боковой переулок, прошли мимо книжной лавки, мимо подвальчика, торговавшего антиквариатом, миновали ресторан, где на открытом воздухе за столиками в тени каштанов прохладжались парочки, вышли к остановке на пересечении улиц, и минут через двадцать веселый звенящий трамвай вынес их к Центральной площади.

Здесь среди зелени огромных старых деревьев и затейливых цветочных клумб, пылающих самыми немислимыми оттенками, и облитых гранитом фонтанов, было царство уличных музыкантов, художников, бродячих артистов, фокусников, гадалычиков, коробейников, торгующих всякой всячиной, назойливых фотографов, и карманных воришек... Здесь можно было приобрести самые удивительные вещи, за пару монет узнать свое будущее, запросто встретить какую-нибудь знаменитость, в прилежащих погребках – отведать чудеснейшего вина со страшным названием «Кровь императора», послушать импровизации какого-нибудь джаз-банда, концерты которого в Европе и Америке собирают аншлаг, но тут ребята играют вот так запросто, поставив инструменты на отполированные тысячами ног плиты тротуара, для собственного удовольствия... Здесь какой-нибудь ху-

дожник напишет углём ваш портрет – и как знать, может, через годы этот набросок окажется шедевром признанного мастера... Здесь можно попасть в лапы умелых шарлатанов, именующих себя магами или колдунами, завести шашни с какой-нибудь мнимой, но очень милой ведьмочкой... Наконец, тут можно встретить свою любовь.

Но если даже ничего такого с вами не случится, пьянящая атмосфера вечного праздника и волшебства оставит долгий след в вашей памяти.

Потолкавшись среди туристов и праздных горожан по аллеям примыкающего к площади парка, дети уселись за столом кафе. Порывшись в карманах, они подсчитали наличность: хватало только на лимонад и пару бутербродов.

– Негусто! – подытожила Рио.

С реки донесся призывный гудок прогулочного пароходика.

– Хорошо бы сейчас на катере покататься, – мечтательно сказал Толстяк, вытирая салфеткой взмокший лоб, – или съездить за реку поплавать...

– В лес на пикничок не хочешь? – буркнула подруга. – В лапы к гоблинам?..

– Да ерунда это всё! – со снисходительностью старшего отозвался мальчишка. – Все эти Провалы и прочее... Туристов заманивают.

– Почему же ерунда? – пылко возразила Рио.

– Нет, ну когда-то что-то здесь конечно было. Вон, ведь-

мы на шабаш собирались, и вообще, даром что ли Церковь накладывала на город интердикт?

– Чего? – не поняла она.

– Интердикт, говорю... Это когда от церкви отлучают. Из-за твоего барона, между прочим!

– Мою семью не трогай! – серьезно предупредила Рио. – Сами-то хороши... Или теперь ты мне скажешь, что всё придумал тогда про картину?..

Лицо Толстяка помрачнело.

– Я никогда не вру, а картина... Чёрт её знает, откуда она взялась. По-моему, отец купил её когда-то как раз здесь, на площади.

– Надо бы проверить твои сказки, – решила Рио, дожёвывая бутерброд, – что-то я всё-таки не помню ничего.

– Не выйдет.

– Это почему? Трусишь что ли? Или врешь?

– Картина-то тю-тю! – развел руками приятель. – Ее у нас отец Себастьян выкупил.

Но Рио не услышала последних слов: её глаза выхватили в праздной толпе гуляющих знакомое бородатое лицо. Как же она забыла про него?!

– Слушай, дружище, – повеселев, сказала она Толстяку, – я знаю, как нам подзаработать!.. – и, показав ему Бородатого, поведала о встрече в кондитерской.

– Что ты хочешь ему подсунуть? – заинтересовался Дюмладший. – На прошлой неделе, представляешь, Свинус и

пара его дружков продали какому-то дурню кусок медвежьей шкуры под видом шерсти оборотня... Вот смеху-то было! Родители, правда, всыпали ему за испорченную шкуру. Зато хватило на классную видеокарту и новые ролики!

Рио между тем наблюдала, как Борода под руку с какой-то симпатичной брюнеткой сел в экипаж и уехал.

– Ничего, – пробормотала Рио, – у меня есть его телефон... Чего мы тут сидим? – вскинулась она, чувствуя, как в ней просыпается её всегдашняя тяга к авантюрам. – Поехали скорее к нам!...

Обратный путь дети проделали раза в два быстрее.

Вихрем ворвавшись в холл, Рио, не сбавляя хода, помчалась на Кухню, оставив Толстяка отвлекать Бабушку. Она хотела опять набрать углей, но под котлом вовсю бушевало пламя.

– Чёрт!... – ругнулась Рио, и тут же воровато оглянулась – не услышала ли кто?..

Усевшись за обеденный стол, она забарабанила пальцами по столешнице. И тут её озарило.

Воровато оглядевшись по сторонам, Рио направилась в самый дальний угол Кухни. Там, на одном из многочисленных настенных шкафчиков висел массивный замок. Вытащив из кармана кусок проволоки, она принялась ковыряться в замке. Из шкафчика между тем доносились попискивание, стук, шорохи, пытение... Прислушавшись к этим звукам, Рио оставила свою работу и, пошарив на полках, отыс-

кала стеклянную банку с крышкой. Поставив банку рядом с собой, она вновь принялась терзать замок. Спустя несколько минут её упорство было вознаграждено: что-то щелкнуло, и дужка замка подалась вверх. Затаив дыхание, Рио чуть приоткрыла дверцу. В образовавшуюся щель тотчас высунулся чей-то зеленый хвостик. Подобно кошке, охотящейся на мышей, девочка молниеносно вцепилась в него, дернула, – и через мгновение обладатель хвоста оказался в банке под крышкой.

Навалившись плечом на дверцу шкафчика, Рио проворно защелкнула замок и прижалась ухом к деревянной поверхности. Внутри пищали и ругались. Она хихикнула и легонько постучала – в ответ тут же забарабанили десятки маленьких лапок.

– А ну, тихо!.. – по-хозяйски прикрикнула Рио и шлепнула ладонью по дверце. Там примолкли, потом снова завозились, но она уже потеряла к шкафу всякий интерес. Взяв банку, спрятала её в бумажный пакет, и отправилась искать Толстяка.

Дю-младший с сонным видом сидел в холле на диванчике, наблюдая за перепалкой между Бабушкой и служанкой. Старая хозяйка выговаривала Орфе за какие-то мелочи, на что та резонно возразила, что, мол, «вас много, а я – одна и вообще». На это Бабушка в сердцах ответила, что «ежели она – вообще, то пусть и совсем!». Эта туманная фраза несколько озадачила бойкую служанку, и Бабушка пояснила: она может

покинуть их дом хоть сейчас!.. Но Орфа нахально заявила, что ей тут очень нравится, поскольку «жутко весело и такого дурдома она еще не встречала», а потому она пока остаётся.

– Ну и ладно, – совершенно спокойно согласилась старуха. – Надоест – сама уйдешь...

И они принялись мирно обсуждать список текущих дел, как-то: отдать грязное белье в прачечную, вызвать полоте-ра и мойщика окон, заказать продукты из супермаркета... Рио не стала дослушивать: подобные перебранки между хозяйкой и служанкой уже стали привычными и доставляли удовольствие им обеим. Вместо этого она незаметно указала Толстяку на выход, и спустя несколько минут они уже были в укромном уголке в саду.

– Видал? – хвастливо спросила Рио, садясь на траву под деревом и демонстрируя ему свою добычу.

– Класс!.. – восхитился приятель, вертя в руках банку с трофеем.

Там, в стеклянном плену метался толстый зелёный чёртик размером с полевую мышку. Он грозил им крохотными рожками, стучал копытцами, плевался и что-то пищал.

– Что он говорит? – опасливо спросил Толстяк.

– А!.. – небрежно отмахнулась Рио, – Ругается... Они больше ничего не умеют говорить.

Чёртик состроил рожу и высунул длинный язык. Девочка щёлкнула по стеклу. Пленник вздрогнул, но тут же, повернувшись к ним задом, согнулся в неприличной позе, и

азартно похлопал себя по филейной части. Рио встряхнула банку, чёртик покатился кувырком, но радостно захихикал и закривлялся.

– Где ты раздобыла эту гадость? – рассмеявшись, спросил Толстяк.

– У Бабушки на Кухне.

– Ну, разумеется, где же ещё? – с серьезным видом кивнул мальчишка. – Там, где у нормальных людей – мыши, в Замке Лостхед разводят чертей.

– Вовсе нет! – слегка обиделась Рио. – Это осталось от одного заезжего. Помнишь лорда Пальмера?

Этот самый пресловутый Пальмер был давним другом отца Рио – еще со студенческих времен. Помимо титула, огромного состояния и массы прочих достоинств, лорд, к сожалению, унаследовал проклятье своей семьи – пристрастие к горячительным напиткам. От этого изъяна больше страдали окружающие, нежели он сам: будучи в трезвом уме, Пальмер являлся человеком самого благородного поведения, но во хмелю был буен и сумасброден. Семья лорда постоянно рисковала репутацией и состоянием из-за его выходок, и тратила огромные деньги на его лечение, но, выйдя из очередной клиники, Пальмер тут же принимался за старое с новыми силами. И только Замок Лостхед поставил в этой бесконечной карусели решительную и жирную точку.

В один из своих приездов лорд изрядно опустошил винные запасы местных погребов, и с ним приключилась бе-

лая горячка. Общими усилиями буяна заперли в его комнате. Спутница лорда умоляла не вызывать врача – семье не хотелось лишний раз становиться мишенью для бульварной прессы. Пальмер же, человек с богатой и буйной фантазией, упился в тот раз, как выяснилось позже, в буквальном смысле до зелёных чёртиков. Будучи под парами, он всю ночь развлекался, лупя по ним из пистолета, но каково же было его негодование, когда наутро, протрезвев, он обнаружил, что мерзкие создания и не думают исчезать! Мало того, они ухитрились испортить ему весь гардероб, погрызли обувь, и съели бумажник вместе с кредитными карточками! К вечеру маленькие пакостники довели своего создателя до изнеможения: карабкаясь по одежде, они щипали его, кусали, дергали за волосы, кололи беднягу иголками, гадили в пищу, плевались дымящейся серой, верещали ему прямо в ухо разные непристойности – словом, маленькая преисподняя на дому! Пришлось вызвать священника...

В тот же день лорд Пальмер торжественно поклялся бросить пить, занял денег на обратную дорогу, и навсегда исчез из Замка. По слухам, он сдержал свою клятву.

– Хорошо, ему не привиделось чего-нибудь похуже... – философски заметила тогда Бабушка. – Вот было бы мороки!

Лорд уехал, а мелкая нечисть долго ещё досаждала обитателям Замка, пока Зануда не вычитала в какой-то старой книге специальное заклинание и не заманила её остатки в

пустую винную бутылку. Отец Себастьян предлагал принять радикальные меры, но Бабушке стало жаль малышню, и она распорядилась поставить бутылку в шкафчик и запереть его на замок:

– Да откупорьте пробку, а то вдруг задохнутся!..

В ответ же на вопрос, к чему ей в доме такая зараза, она лукаво заметила, что хорошей хозяйке все сгодится. С тех самых пор винные черти и жили в шкафчике на Кухне, и, как подозревали домашние, Бабушка порой подбрасывала парочку-другую тем из гостей, которые ей не очень нравились...

– Как думаешь, – деловито спросила Рио, закончив свой рассказ, – сколько можно за него выручить?

Толстяк пожал плечами:

– Проси больше – тогда, глядишь, получишь сколько нужно.

– Дай-ка мне свой телефон! – сказала она и, нахмутив брови, набрала запомнившийся номер: три девятки ... и еще три девятки...

Моргая, она слушала неторопливые гудки. Один, второй, третий...

– Алло? – отозвался наконец чей-то голос.

Тут только Рио сообразила, что не знает, как зовут Бородатого. Представляя свою компанию тогда за столиком, он, кажется, не назвал своего имени. Или она забыла?

– Гм... – неуверенно откашлялась девочка. – Это – Сан-

ни...

– Санни? – удивился голос. – Ах, да! Привет, дружище! Чем обрадуешь?

– Есть кое-что... – заговорщически начала она, но собеседник тут же резко перебил ее:

– В семь, у Театра, – и в трубке снова раздались гудки.

Рио обиженно выпятила губы:

– Тоже мне, Джеймс Бонд!

– Надо бы узнать, кто он такой, – лениво проговорил Толстяк. Откинувшись на спину, он лежал на траве и, щурясь, смотрел на проплывавшие облака.

– Зачем? – удивилась она.

– Так... На всякий случай.

До назначенного времени оставался ещё час, но, посоветовавшись, дети решили отправиться в условленное место заранее – понаблюдать за противником.

Борода появился точнехонько в семь – возник вдруг откуда-то из толпы вместе с последним ударом часов на Городской Ратуше. Одет он был по-вечернему: костюм, белая рубашка, галстук, блестящие туфли, дорогие запонки...

– Добрый вечер, коллеги! – он был просто сама галантность.

– Здравствуйте! – испытывая вдруг неловкость за свои потертые джинсы и простенькие футболки, вразнобой поздоровались дети.

– Ну-с?.. – Борода вопросительно уставился на Рио.

Мэрион огляделась по сторонам.

– Отойдем?..

– Только быстренько, – согласился Бородатый, – у меня билеты на вечерний спектакль.

Они прошли по аллее парка – навстречу им катились пестрые волны гуляющих. Смех, музыка, ароматы...

Свернули под деревья, туда, где поменьше людей, и, присев на скамеечку, надежно укрытую от лишних взглядов кустами сирени, Рио торжественно предъявила банку.

Лицо Бородатого сразу изменилось – всего лишь на мгновение, но Рио успела заметить, как сверкнули его глаза.

– Что это?... – пробормотал он, вертя в руках стекляшку. – Неужели винный чёртик?

– Откуда вы знаете? – насторожилась Рио.

– Кто же их не знает? – усмехнулся Борода. Сняв крышку, он двумя пальцами ловко вытащил чертёнка за хвост, и приподнял его над головой, разглядывая.

– Осторожно! – предупредила Рио. – Цапнет...

Но вместо этого пленник изловчился и пустил тонкую пахучую струйку – прямо покупателю на белую рубашку.

– Вот гад!.. – беззлобно возмутился Бородатый, поспешно доставая платок и засовывая рогатика обратно в банку. – Сколько же ты хочешь за это чудо?..

Рио задумчиво посмотрела в небо. Толстяк незаметно пихнул её локтем в бок.

– Надо бы новый велосипед ... – словно сама себе сказала

она. – Спортивный... Два!

– Идём, купим... – тотчас по-военному быстро согласился Борода.

Рио подскочила на скамейке и, не веря, уставилась на него. Покупатель истолковал её взгляд по-своему.

– Идём! – повторил он. – Я сам куплю вам велики. Денег не дам, а то потратите на какие-нибудь глупости...

Они почти бегом покинули парк и, спустя каких-то пару часов, Рио и её приятель стали обладателями замечательных спортивных красавцев. Борода получил свою банку и удалился.

– Звони... – кинул он на прощанье.

– Чудак! – прошептала Рио ему вслед, всё еще не веря их удаче.

Толстяк же, хмуро глядя вслед уходящему, буркнул:

– Надо было просить машину...

Бородатый, отшагав два квартала, свернул в какую-то подворотню. Достал из пакета стекляшку: на его руке сверкнул перстень, – дети могли бы поклясться, что ранее его там не было. Несколько минут он изучающе разглядывал содержимое банки – и его лицо приобрело строгое и брезгливое выражение. Пленник внутри замер, увидев перстень на руке, сжимавшей его темницу, а потом затрясся, беззвучно разевая рот.

– Ага! – кровожадно оскалился новый хозяин. – Видно, знаешь, что это такое... – и с этими словами направил пер-

стеню прямо на несчастного хвостатого. Перстень полыхнул коротко и ярко, и на дне банки осталась лишь серая кучка. Человек задумчиво высыпал пепел на землю.

– Дела-а... – вздохнул он, и выкинул банку в урну.

Как обычно, каждый раз в начале летнего сезона мэрия устраивала торжественный прием в честь наиболее именитых гостей города – так называемую «Большую субботу». Каггла фон Гилленхарт, разумеется, была в списке VIP.

– Что-то мне не хочется идти, – призналась она Бабушке. – Надоели эти великосветские сборища.

– Не ходи... – коротко ответила старуха. – Хотя Виктору и Элен было бы приятно.

После этих слов она поняла, что должна принять приглашение.

«Большая суббота» этого лета собрала на редкость богатую коллекцию знаменитостей, и Каггла с некоторым удовольствием отметила, что на неё обращают не меньше внимания, чем на звезд кино или эстрады. За какие-нибудь полчаса ей представили около дюжины поклонников её творчества, жаждавших личного знакомства с мастером. Бокал превосходного шампанского и прекрасная музыка – вечер сопровождал знаменитый симфонический оркестр из России – окончательно подняли её настроение. И она позволила себе расслабиться, не думать *о себе*, не ощущать себя, – так, словно бы стала совсем другим человеком, смеха ради на-

цепившем странный маскарадный наряд. Глаза её засияли, лучась неведомым светом, придавая ей волшебный облик, и многим в тот вечер казалось, что за спиной у неё – просто сложенные крылья.

Но вдруг знакомый женский голос прошипел прямо в ухо.

– Не обольщайся: ты для них – всего лишь забавная умная обезьянка!

И крылья снова превратились в горб.

Каггла резко обернулась, но обидчица уже смешалась с толпой. Горбунья бросилась за ней вслед, расталкивая встречных и на ходу бормоча извинения. Её душила бессильная ярость. Она готова была убить! – и неизвестно, каким скандалом закончился бы этот вечер, но на её пути возник официант с подносом. Бедняга не успел увернуться и все двенадцать бокалов дружно поехали прямехонько в сторону какого-то черноволосого молодого мужчины. Тот ловко отскочил, и налетел на виновницу происшествия.

– Простите... – сконфуженно прошептала горбунья.

– Пустяки! – весело отозвался он, и наградил её такой улыбкой, что ее гнев мгновенно улетучился.

Официанты быстренько кинулись собирать осколки, а незнакомец, продолжая улыбаться, сказал:

– Теперь вы моя должница! Придется вам подарить мне вальс...

– Но я никогда... никогда не танцевала! – испугалась Каггла. – Это невозможно!...

Но он уже подхватил её и закружил под звуки бессмертного творения Штрауса.

– Макс Линд. Журналист, – представился он, когда стихли последние аккорды.

– Вы – итальянец? – предположила она, с любопытством разглядывая его смуглое лицо, обрамленное модной бородкой. Этот Линд определенно вызывал у неё симпатию.

– О, в моих жилах течёт кровь многих племён, – с живостью отозвался он. – Испанцы, арабы, немцы, ирландцы... Итальянцы тоже были в числе моих предков. Я – дитя мира! – и он снова наградил её ослепительной улыбкой. – Но, если верить слухам, ваша генеалогия представляет куда больший интерес!

Они проболтали весь остаток вечера. Макс был очень мил и остроумен, Каггла чувствовала, что ему в самом деле интересно, и в том не было никакой фальши или снисходительности, но всё равно ей было прескверно: она постоянно ожидала мерзкого шепотка за спиной... Глаза её невольно блуждали по залу, и она почти не понимала иногда, о чём он рассказывает.

– Вас что-то тревожит? – участливо спросил Линд, заметив её состояние.

– Нет, – соврала Каггла и вздрогнула: та, которую она искала, сидела прямо против неё на маленьком диванчике у стены. Её глаза смотрели холодно и дерзко, она словно бросала ей вызов!

– Что с вами? – голос Линда вернул её из бездны. Каггла почувствовала прикосновение его теплой руки.

– Всё нормально, – и добавила, желая отвлечь его внимание: – У вас красивый перстень!

– Семейная драгоценность, – небрежно пояснил он, и тут же совсем иным тоном спросил снова: – И все-таки, что же вас так беспокоит? – пытаюсь её расшевелить, он предложил вдруг: – Хотите, я вам погадаю? Моя прапрабабка по матери была цыганкой! – и со смехом перевернул её кисть ладонью вверх.

Он нёс какую-то милую чепуху, но она не слушала, хотя её обидчица исчезла.

– Вам сделали какое-то предложение. Очень необычное!.. – вещал между тем Линд. – Но линии говорят, что вам не стоит его принимать.

Каггла почувствовала, как на неё накатывается огромная усталость.

– Извините, мне пора, – проговорила она тихо. – Было очень приятно познакомиться с вами. Вы – милый. Но мне, правда, пора! – и, высвободив свою руку, встала и направилась к выходу.

Линд что-то ещё говорил ей вслед, но его слова вязли в наполненном музыкой пространстве, и она почему-то уже забыла о нём, и не понимала: что это за люди вокруг, и почему им так хорошо, и зачем она здесь, и почему всё плывет в глазах?.. Близкая к обмороку, она покинула вдруг ставшие

душными залы, и выбралась наружу.

Ночь бросилась ей в лицо яркими звёздами, свежая прохлада вернула ясность рассудка. Усталость сменилась отрешенным спокойствием человека, принявшего после мучительной борьбы окончательное решение. Теперь всё просто, всё ясно... Из темноты возникла знакомая фигура – Каггла поняла, что ждала её появления.

– Через три дня... – произнесла та. – Смотри, не передумай, больше такого шанса не будет! – и чужой смех рассыпался стеклянными бусинками.

Горбунья не удостоила искусительницу ответом.

Подали экипаж. В этот момент ударили пушки на стенах, небеса над ночным Городом вдруг вспухли разноцветным огнём, и под треск фейерверка Каггла унеслась в ночь...

Пользуясь тем, что большинство взрослых отправились на приём, Рио решила устроить дяде Винки ещё какую-нибудь каверзу. Она уже не очень сердилась на него, но ей было жаль Матильду – тётушка по сравнению с другими была вполне ничего. Лучше бы уж этот противный капитанишка сам убрался восвояси!..

У девочки не было определённого плана действий, и она решила придумать что-нибудь прямо на ходу. Прихватив Зелепусов, Рио отправилась разыскивать свою жертву, надеясь устроить дядюшке нечто вроде того, что случилось со Сколопендрой, а может, и получше. Но дядя-грубиян как сквозь

землю провалился.

– Сегодня же суббота! – спохватилась Рио. – Верно, отправился в какую-нибудь пивнушку...

Развлечение, похоже, откладывалось.

Но, проходя мимо его комнаты, она заметила, что дверь приоткрыта. «Интересненько...» – подумала маленькая хулиганка. Обычно, уходя, дядя всегда запирает свое жилище. «Может, он всё-таки дома?» – и она осторожно заглянула в щель. Внутри было темно.

– Есть кто-нибудь?.. Эй, дядя Винки-и...ку-ку! – сладким голоском пропела девочка, и, поняв, что там никого нет, прибавила басом: – Ку-ку, старый дурак!..

Потоптавшись немного у двери, – нет, она прекрасно знала, что лезть без спроса в чужую комнату... Но ведь всё-таки это её дом.... А она в этой комнате никогда не была! Борьба с совестью длилась недолго.

Споткнувшись обо что-то у самого порога, Рио нашарила выключатель.

– Уютненько! – подвела она итог, бегло оглядевшись.

Логово морского волка выгодно отличалось от комнат других жильцов массой занимательных вещей. У окна стоял большой телескоп, рядом на подоконнике она заметила огромный морской бинокль. В углу пылился гигантский, выше её роста, глобус, стилизованный под старину. По стенам были развешаны всякие обалденные сувениры – маски, стрелы, луки, старинные пистолеты... На полках она насчитала

больше десятка прекрасных моделей парусников, каждая деталька которых была выполнена с большой тщательностью. На массивном письменном столе покоились какие-то приборы – Рио не знала их названий и назначения, сумев угадать только песочные часы: толстое стекло в серебряной оправе, внутри вместо песка – какой-то голубоватый светящийся порошок.

Маленькая разбойница подумала, что здесь всё так здорово, что даже неловко как-то... И всё же руки у нее так и чесались!

И тут ей на глаза попалась знаменитая капитанская фуражка. Дядя очень чванился ею.

– Эге!.. – обрадовалась пакостница.

Чтобы достать её, Рио пришлось встать на кровать. Фуражка висела рядом с картиной, изображавшей Замок. Она отметила про себя, что дядя не удосужился заправить постель: простыни и подушки были смяты так, словно кто-то уже становился на них ногами.

– Неряха! – презрительно фыркнула Рио. – Прыгал он тут что ли?..

Её воображение живо нарисовало забавную сценку: толстый и пыхтящий дядя Винки, с трубкой во рту скачет по кровати как какой-нибудь шkodливый мальчишка.... Это её рассмешило. Похрюкивая, Рио влезла на кровать, – критикуя её владельца, она сама не сняла обуви, – и потянулась за дядюшкиной реликвией. Пружинный матрас – ненадежная

опора. Покачнувшись, она инстинктивно выставила вперед руку и... ощутила пустоту! Рука прошла сквозь поверхность картины как через воздух!.. Едва не упав, Рио резко отпрянула назад, и отдернула руку.

Сказать, что она испугалась, значит, не сказать ничего.

Но испуг тут же сменился жгучим любопытством: так вот о чём говорил Толстяк!

Её сердечко заколотилось как бешеное, она дышала, точно за ней гнались, и ей очень-очень захотелось поскорее уйти отсюда. Но внутренний голос говорил, что ведь следующего раза может и не быть... Безрассудство взяло верх, и, прихватив со стены тяжеленный длинный меч в дорогих ножнах, Рио, умирая от страха, упрямо полезла вперед.

...Оглядевшись, она поняла, что находится возле сторожевой вышки. Было пасмурно и тихо. Дорога, огибавшая вышку, вела вдаль, к темнеющему лесу. «Туда я не пойду...» – решила Рио. На толстом слое дорожной пыли отпечатались чьи-то следы. Они шли в сторону Замка. «Кто это здесь бродит?..» Осторожно вытащив меч, она повесила ножны на куст рядом с собой, чтобы не заблудиться на обратном пути. В кармане у неё вдруг что-то зашевелилось, и она чуть не завизжала, но вовремя вспомнила, что положила туда Зелепусов.

– Тихо!.. – приказала она шёпотом, но они вылезли наружу и уселись ей на плечо.

– Где это мы? – громко спросил один, а второй зевнул во

весь рот.

– Тс-с!.. – разозлилась Рио.

Волоча меч по земле, она крадучись пошла по обочине дороги, стараясь на всякий случай держаться за кустами. Следы привели к крепостному рву. Она остановилась.

Замок выглядел безжизненным. Закопчённые стены, сумеречные глазницы выбитых окон, ржавые цепи подъемного моста... Сквозь распахнутые ворота виднелся поросший могучим бурьяном двор. Кругом, куда ни посмотри, лежала печать страшного запустения.

– Боже, что здесь случилось? – в страхе прошептала она.

Её охватила паника: что, если всё это – взаправду?! Но что же тогда с её родителями? С малышами?.. А может, это только *должно* случиться?..

– Спокойно! – приказала она себе. – Надо подняться на холм и посмотреть, что с Городом... Может, это наоборот – прошлое? Тогда всё нормально.

Тут она вспомнила о следах на дороге. Возможно, в Замке есть кто-то... Но кто?.. Присев на землю, она до боли в глазах всматривалась в лежавшие перед ней руины Замка, но так и не уловила ни малейших признаков жизни. В небе раздалось печальное и нежное курлыканье: там, высоко-высоко тянулся к лесу журавлиный клин. Осень?.. Она теперь только заметила, что и кусты и деревья одеты пожелтелой, местами подёрнутой багрянцем, листвою. А ведь она пришла сюда *из лета!*.. Летящие журавли навели её и на другое умо-

заключение: ведь кроме них здесь могут быть и *другие* живые существа. Волки, например... Она читала, что во время эпидемии чумы, унесшей почти всё население Долины, волков в здешних лесах было в десятки раз больше, чем людей.... Угораздило же её! Теперь ей казалось, будто за ней наблюдают тысячи маленьких враждебных глаз, и оставаться на месте стало просто невозможным. Но открытое пространство между кустами, где она пряталась, и воротами Замка пугало не меньше.

– Хорошо, – наконец решила она. – Дойду до ворот, загляну одним глазком – и назад!

Поминутно озираясь, она добралась до подъемного моста. Ей казалось, прошла целая вечность. «А вдруг здесь время течет по-другому? – спохватилась незадачливая путешественница. – Вернусь домой, а там все уже умерли?..» Но она прогнала эту мысль – и без того тошно!..

Перебравшись на другую сторону рва, девочка короткими перебежками подобралась вплотную к воротам. Прижавшись к шершавой холодной стене, Рио перевела дух: пока с ней ничего не случилось и это обнадеживало. Сжав покрепче тяжеленный меч, – он был в два раза длиннее, чем она сама! – девочка осторожно поглядела в щель между каменной кладкой и створкой ворот. Отсюда ей было видно, что масштабы разрушений гораздо больше, чем это казалось издали: практически все дворовые постройки были разрушены чьей-то безжалостной рукой. Или пожаром... «Про это мы

тоже слышали...» – подумала она.

– Сюда кто-то летит... – безмятежно сообщил один из Зелепусов.

– Где?!

Над лесом чернелась какая-то точка. У Рио разом пересохло в горле. Она вдруг вспомнила чёрную птицу, напавшую на неё ночью в Замке. Ладони стали мокрыми и холодными, она бросила своё оружие, и, пытаясь унять мелкую противную дрожь, вытерла руки о траву.

– Это – не птица... – сказал второй. – Это какая-то крылатая тварь. А на ней кто-то сидит...

– О... откуда ты знаешь? – шепотом спросила она, снова подбирая меч.

– Пора сматываться отсюда! – вместо пояснения ответил глазастый. – А то будем висеть, как этот...

– Как кто? – не поняла Рио.

Вместо ответа её спутники молча указали наверх. Она подняла глаза – и окаменела!

То, что она издалека приняла за длинную тряпку, болтавшуюся на ветвях дерева рядом с воротами, на деле оказалось человеком. Он висел, точно воздушный шарик, из которого выпустили воздух: только высохшая кожа да остатки одежды, словно кто-то высосал всё его брэнное содержимое, оставив оболочку. Ветер медленно качнул, поворачивая, останки погибшего, и Рио увидела его лицо...

– Ведь это был не твой дядюшка! – неловко утешали девочку Зелепусы, когда спустя несколько часов, она рыдала у себя в комнате. – И вообще, может, это все понарошку?

– Пусть это и не дядя Винки, – всхлипывала в ответ Рио, – но ведь *я его знаю!*..

У неё, правда, тоже оставалась слабая надежда, что всё её приключение – плод воображения.

Следующим же днём, пользуясь очередным отсутствием дядюшки, она снова проникла в его комнату – на сей раз, вскрыв замок, – и утащила картину. Опасное полотно нашло свой конец в костре, который они с Толстяком развели в укромном месте на берегу реки.

– Вдруг он хватится? – спросил белобрысый.

– Ему какое дело? – угрюмо ответила Рио. – Картина принадлежит моей семье.

У Бабушки она потом узнала как бы невзначай, что картина эта была написана Кагглой, ещё «в самом начале творческого пути, когда она только пробовала свои силы как художник».

– А почему Каггла стала рисовать? – задала вопрос внучка.

Бабушка удивилась:

– Но она всегда рисовала – с самого детства. Ведь ей, бедняжке, недоступны были другие игры. Потом кто-то из людей сведущих сказал её родителям, что у девочки – несомненный талант.

– А Каггла, она – злая? – не унималась Рио.

Бабушка задумалась.

– Нет... Может, она и досадует на свою судьбу, но никого в этом не винит. Хотя...

– Что?

– Ничего. Почему ты спрашиваешь?

Но Рио ничего ей не рассказала.

Потом она спросила у Кагглы:

– Почему ты рисуешь *такие* картины?

Ответом ей был недоумевающий взгляд синих глаз.

Промолчала Мэрион и тогда, когда рыжеволосая Рита заявила об исчезновении своего мужа – того самого, с тараканьими усиками: вышел, дескать, купить сигарет и с концами. Оказалось, пропавший был какой-то шишкой из отдела обеспечения секретности информации в Корпорации – у отца Рио могли возникнуть неприятности, вот она и промолчала. Да и кто бы ей поверил?..

Каггла думала, что они отправятся ночью, но особа, сделавшая ей столь странное предложение, заявила к ней рано утром.

– Идём!.. – весело сказала она, словно речь шла об утренней прогулке перед завтраком.

– Как? Уже?.. – удивилась горбунья, пораженная обыденностью ее тона. – Сейчас?!

– Давай-давай шевелись, а то не успеем! – приказала го-

стья. – Ничего брать с собой не нужно! – чуть раздраженно заметила она, видя, что Каггла начала копать в шкафу.

– Так прямо в ночной рубашке и пойду?.. – огрызнулась художница.

Спустившись вниз, они прошли в сад, и через заднюю калитку незамеченными вышли на улицу. Обогнув Замок по периметру, спутницы перебрались через крепостной ров, миновали разрушенную сторожевую вышку, дошли до ближайшей рощи, а там их уже ожидала пара стреноженных лошадей.

– Я никогда не ездила верхом! – огорчилась горбунья. – Боюсь, мне даже не влезть в седло – слишком высоко...

– Что-то я об этом не подумала, – хмыкнула ее попутчица. – Значит, пойдём пешком.

– Далеко? – растерялась Каггла. Она уже немного устала от ходьбы.

– Захочешь – дойдешь! – заявила напарница.

Сначала Каггле даже нравилась эта незапланированная прогулка. Они шли по Холмам, потом вдоль реки – до Старого моста, потом перелеском мимо Большого оврага, но по мере того как солнце поднималось выше, она чувствовала себя хуже и хуже. Хотелось пить, ломило спину, да вдобавок она в кровь стёрла ноги, но её спутница, неумоимо шагавшая впереди, и не думала сбавлять ход.

– Я больше не могу!.. – взмолилась горбунья ей в спину.

– Можешь.

– Не могу! – простонала Каггла, останавливаясь, и цепляясь за тоненькое молодое деревце, чтобы не упасть. Но её спутница даже не обернулась. Каггла в отчаянии смотрела, как она уходит всё дальше и дальше по лесной тропинке, усыпанной старой хвоей. Вот её фигура уже почти скрылась между деревьями... Каггла сжала кулаки и побежала вслед за ушедшей.

Каменная площадка, появившаяся внезапно перед ними, поросла мхом. На одном её краю лежал плоский круглый камень с выступом в центре. За ним Каггла увидела что-то вроде арки: два больших камня, стоящих вертикально, и один, лежащий на них, как перекладина.

– Местный Стоунхендж? – из последних сил пошутила Каггла, увидев странное сооружение.

– Это – один из порталов, – ответила проводница и, прищурившись, добавила: – Их ещё называют Провалами. Многие отдали бы всё, чтоб отыскать такое!

При этих словах она испытующе посмотрела на горбунью, но та молча опустила на траву и, тяжело дыша, привалилась боком к дереву.

– Я бы отдала сейчас всё что угодно за глоток воды, – проворчала она, чуть отдышавшись.

– Что, на этом и сторгуемся? – хрипло засмеялась проводжата, присаживаясь рядом.

Сколько они просидели так, Каггла не знала. Она поняла только, что её товарка следит за тенью, отбрасываемой вы-

ступом в середине лежащего круглого камня. «Часы!..» – догадалась горбунья.

– Теперь можно! – сказала наконец та, что привела ее сюда.

Четыре откормленные вороны весьма нахального вида мирно дремали на ветвях крепкого раскидистого дуба, росшего посреди огромного луга на краю гнилого болотца. Высоко в небе плавилось солнце, в траве сонно стрекотали кузнечики, а вдаль, в дрожащем знойном мареве густел дремучий лес.

Вороны что-то изредка хрипло бормотали сквозь дрему, кляня жару, как вдруг из недр голубых раскалённых небес вывалились два больших продолговатых предмета и, со свистом рассекая сгустившийся от жары воздух, шумно плюхнулись в коричневую жижу болотца... Сон разом улетучился и четыре пары блестящих глаз с нетерпеливым любопытством уставились на непонятное, внимательно наблюдая, как на топкий берег выбираются двое, облепленные грязью и болотной тиной.

– Это просто две гр-рязные девицы! – разочарованно объявила одна из ворон.

– Гр-рязные! Гр-рязные!.. – подтвердили её подруги.

– Навер-рняка они не из пр-риличных семей! – продолжала свои умозаключения первая, и карги принялись оживленно обсуждать возможную родословную нелепых пришелиц,

не стесняясь в своих предположениях.

Злобно отплёвываясь, одна из них, что была постройней, начала стаскивать мокрые одежды, и вдруг, неестественно высоко подпрыгнув, поймала одну из беззастенчивых сплетниц за хвост.

– Вот и обед! – злорадно сказала она. –гляди, какая жирная пташка!

– Я не так жирна, как кажусь! – запротестовала несчастная птица.

Три другие, нервно каркая, грузно поднялись в воздух и улетели, тяжело хлопая крыльями.

– Если бы вы знали, какой гадостью я питаюсь! – проникновенно продолжала ворона, провожая улетевших тоскливым взглядом.

– Ничего, мы не из брезгливых! – утешила её охотница.

Каггла, расстелив мокрую одежду на траве, поморщилась:

– Ты будешь её есть?

– Уже ем, – отозвалась спутница, крепкими зубами откусывая вороне голову.

Кагглу передёрнуло от отвращения. Она внимательнее присмотрелась к своей наперснице: грязная, со спутанными мокрыми волосами, из которых торчали гниющие водоросли, с губами, измазанными птичьей кровью, искусительница утратила свою красоту и больше напоминала безобразную ведьму. «Небось, ведьма и есть!..» – подумала Каггла. Но отступить теперь поздно.

– Мы немного промахнулись, – сообщила черноволосая, продолжая жевать, и ткнула грязным пальцем в сторону леса. – Нам надо во-он туда!..

Просушив одежду, они кое-как привели себя в порядок, и снова отправились в путь.

Когда они, наконец, вступили под сень векового леса, Каггла была потрясена: молчаливые гигантские деревья неохватной толщины вздымали свои кроны на немыслимую высоту, так что шум трепещущих листьев почти не был слышен внизу у подножий. Их узловатые ветви изгибались причудливыми волнами, а могучие корни, толщиной с человека, переплетаясь, уходили в землю до самого её сердца.

– Сколько же им лет? – зачарованная суровой красотой, прошептала горбунья.

– Они родились очень давно... – приглушённо отозвалась спутница, в её голосе слышался благоговейный трепет.

Они брели, с трудом пробираясь через древесные волны корней и молодую зелёную поросль. Каггла вдруг увидела странного зверька, в локоть высотой, одетого в блестящую коричневую шубку. По виду он смахивал на бобра, только вот ярко-жёлтые глаза его были чересчур большими и круглыми. Эти глазищи очень заинтересованно рассматривали путешественниц. Её товарка тоже заметила зверька и схватила палку.

– Кусачий? – испугалась горбунья.

– А то! – сердито отозвалась черноволосая. – Это – Грыз-

ля. Укусит, потом всю жизнь будешь только правду говорить.

Прикинув возможные последствия такого неудобства, Каггла тоже вооружилась, но Грызля всё равно последовала за ними, держась на расстоянии. Напрасно девицы по очереди грозили ей палками всякий раз, когда, оглядываясь на неё, спотыкались о камни: она только уморительно пищала в ответ:

– Брехушки! Брехушки! Брехушки!.. – и строила рожи. Потом ей это надоело, и она отстала.

Проплутав по лесу, они вышли на поляну, где торчал большой пенёк.

– Теперь гляди в оба! – предупредила провожатая.

Каггла замерла на месте. Лес тоже выжидающе притих... Со всех сторон из зелёных глубин таращились на них чьи-то призрачные глаза. Или ей так только казалось?.. Внезапно вверх взметнулись комья земли, и со всех сторон к ним устремились ожившие корни, на ходу увенчиваясь шипящими змеиными мордами. Каггла оцепенела... Ведьма вырвала клочок волос, и прошептала какое-то заклинание: тут же всё исчезло-успокоилось, как и не было!.. Ведьма шагнула к пню, но из густых ветвей сверху бесшумно спланировал крылатый, обросший рыжей шерстью козёл, и недобро выпучил красные зенки, преграждая ей путь.

– Пшел с дороги! – рассердилась она. Каггла вцепилась в её руку.

Козёл в ответ оскалился:

– Зачем пожаловали?

Но тут из ветвей высунулась чья-то гнусная харя и прогундосила:

– Свои!.. Свои!

Козел топнул ногой и исчез.

Ведьма добралась до пня, зачерпнула из широкой трещины на деревянной макушке стоялой дождевой воды и побрызгала по сторонам, нараспев выговаривая непонятные, грубо звучащие слова.

Горбунью была мелкая нервная дрожь...

Пень, – огромный, старый пень – вдруг зашевелился... Послышались треск и пыхтение. В ветвях возбужденно зашелестели неразборчивые голоса. Пень, между тем, словно живой приподнялся на мёртвых, давно ненужных корнях, и взору спутниц открылся широкий, уходящий в тёмную глубину, лаз. Ни слова ни говоря, ведьма полезла в образовавшееся отверстие. Каггла последовала за ней, что еще ей оставалось?... Сзади замелькали неясные тени. Она зажмурилась и внезапно почувствовала под ногами пустоту. В спину ей ударила волна звуков, в которой самым невозможным образом смешались вой, плач, визг, хохот...

Она успела ухватиться рукой за развевающийся подол своей провожатой, и в кромешной темноте их с бешеной силой понесло почему-то вверх...

Встречный ветер свистел в ушах, обжигая распяленный в беззвучном крике рот. По лицу неожиданно хлестнули вет-

ви, и вдруг перед глазами заплясала тёмно-жёлтая луна, а вслед за ней, кривляясь и подмигивая, неслись яркие звёзды, кажется, они даже пели что-то нестройное и разухабистое, и жутко – именно жутко! – весёлое... Горбунья давно уже выпустила из рук чужой подол, и свободно кувыркалась в ночном воздухе, словно осенний лист на ветру, и луна со своей свитой оказывалась у неё попеременно то в головах, то далеко внизу под ногами. Мимо, хохоча и повизгивая, пронеслись какие-то чёрные тени. Она почувствовала, как внутри неё закипает пузырьками безумное веселье, смешанное со сладостной жутью, и захотелось, чтобы этот полет никогда-никогда не кончался!..

Потом луна и звезды исчезли, и она очутилась в огромной пещере.

Трескучие языки костра лизали блестящие своды, выхватывая из полумрака причудливые лики её обитателей. Многие из них были откровенно страшны, но попадались и довольно забавные рожицы. Рядом шумно дышала её проводница: ветер вздыбил ей черную гриву, и пряди волос торчали во все стороны, словно пики... Никто не обращал на них внимания. Собравшиеся вели себя чинно, точно званые гости, собравшиеся на большой семейный праздник. Между ними сновали на задних лапах большие ежи, обнося желающих объёмистыми деревянными кружками, в которых пенилась тёмная жидкость. Каггла постеснялась спросить себе, зато ведьма влила в свою утробу сразу две кружки подряд,

и оконфузилась, звучно икнув, – при том изо рта её вылетел и громко лопнул большой радужный пузырь. Она торопливо прикрыла рот ладошкой, но икота не оставляла её – вылетела целая вереница пузыриков, и кое-кто уже откровенно похихикивал. Но тут очень кстати раздался чей-то громкий высокий голос:

– К столу, друзья!.. Прошу пожаловать к столу!

И вся честная компания, разом отбросив приличия, с шумом и гамом, дробно топоча лапами, устремилась вглубь пещеры, где стояли длинные столы, изнывающие под тяжестью съестного. В суматохе многих посбивали с ног и немножко помяли, но в конце концов, толкаясь и смешно переругиваясь, все расселись по местам, жадными глазами пожирая расставленные кушанья, возбужденно перешептываясь, и подталкивая друг друга локтями. Каггла почувствовала, что, оказывается, изрядно проголодалась. Слева от себя она обнаружила свою попутчицу, а справа... Грызлю. В ответ на её испуганный взгляд, Грызля расплылась в улыбке, и словно бы невзначай, обнажила ряд мелких острых зубов.

– Только попробуй!.. – предупредила горбунья, и для пущей убедительности показала соседке кулак.

Грызля обиделась и отвернулась.

В этот момент все разом притихли, и всё тот же звонкий голос произнес:

– Так наполним же кубки, друзья, добрым игристым вином, и воспоём славу покровительнице нашей Луне!..

Каггла увидела во главе стола толстого тролля, поднявшего в лапе кубок. Все одобрительно зашумели, поднялось радостное оживление, но тут вдруг в полу пещеры разверзлась зеленовато-багровая дыра, и полезли оттуда бледные, мерзкие создания, коим и не знают названия живущие под властью Солнца.

Костер тревожно замигал, потянуло гнилью и холодом, и Каггла ощутила, как в сердце заползает чёрный, сосущий страх: неведомо откуда, но осознала она, что вот *этих-то* и следует бояться!.. Её спутница дернула горбунью за руку и потянула под стол.

– Сиди тихо!.. – почти беззвучно приказала она.

Каггле приказаний и не требовалось – она даже дышать боялась!.. Зато остальная братия оказалась неробкого десятка: похватав, что под руку пришлось, всё застолье бросилось на пришельцев.

Завязалась жаркая схватка.

Каггла видела из своего укрытия, как сражались обитатели пещеры с подземными тварями – не на жизнь, а на смерть!

Один раз сунулась к ним под стол какая-то оскаленная морда: ведьма взвизгнула и ткнула её вилкой – попала, нет ли, но морда исчезла. Вдругорядь поползло прямо на них чудовищное создание с длинными клыками, но кто-то вовремя разбил ему голову – на горбунью, почти обеспамятевшую от ужаса, брызнуло липким и вонючим... .

Ей казалось – прошли годы, прежде чем бледно-синяя ла-

вина стала отступать, пятиться, и вот уже рваная зловещая дыра в полу совсем исчезла. В последний миг чьё-то большое и мягкое крыло задело ее по лицу, и она, не выдержав, упала в обморок...

Бархатные лапки сильно, но не больно похлопывали её по щекам. Открыв глаза, Каггла обнаружила, что это – Грызля.
– Спужалась? – радостно-ехидно спросил зверек.

Каггла отпихнула желтоглазую, и побрела отыскивать свою наперсницу.

Повсюду царил разгром: перевернутые скамьи и столы, битая посуда, клочья шерсти, оторванные хвосты и лапы. Горбунья шла осторожно, стараясь ни на кого не наступить. Взгляд её наткнулся на какого-то мохнатика, подобно остальным, он приводил себя в порядок: язычком пригладил щёрстку, потом щёлкнул пальцами, и в лапе у него блеснула штопальная иглолка с суровой ниткой. Облизав иглу, – для дезинфекции – пояснил он, заметив её взгляд, мохнатик поднял свою другую лапу – оторванную, и стал пришивать её кривыми длинными стежками, ловко орудуя иглой. Закончил, завязал узелок, перекусил нитку зубами, и хвастливо пошевелил вновь обретённой конечностью перед носом изумленной зрительницы:

– Видала? Как новенькая! – и тут же предложил великодушно: – Давай тебе чего-нибудь пришью? У тебя хвост был или нет?

– Благодарю!.. – ответила Каггла, и торопливо отошла

прочь.

Вскоре ей удалось отыскать свою напарницу – целую и невредимую – и, усевшись с нею рядышком на земляной пол, она долго ещё наблюдала разные удивительные вещи.

Вновь жарко разгорелся огромный костер. Все раны были зализаны, пол подметён, столы расставлены, и давешний тролль – его заплывшая физиономия стала несколько шире, – весело воскликнул:

– Р-раз!.. Два!... Тр-р-ри!!!.. – и на столах вновь появилась посуда, наполненная аппетитной снедью.

Все снова расселись, как ни в чем ни бывало, приняли по первой, – и пошел пир горой!

Каггле кусок не лез в горло.

– А они не вернуться? – опасливо спросила она у соседей.

– Не-а!.. – весело заверил её сидевший напротив рогач. – Теперь не сунутся до следующего Празднолуныя. Мы их каждый год мутузим...

– Мы с ними не водимся! – просюсюкал его сосед слева, детский голосочек которого совершенно не вязался с внешностью – детям с ним бы не встречаться! – Они в прошлом году всё наше пиво выхлебали!..

Горбунья всё равно никак не могла успокоиться.

– Выпей вина!.. – посоветовали ей.

Она послушалась... Хмельная терпкая влага приятно обожгла пересохший рот и горло, горячей волной скатилась в самую серединку, и оттуда теплом ударила в голову. Каггла успо-

коилась, развеселилась, и налегла на угощение, не разбирая уже с прежней придирчивостью, что перед ней – куриное крылышко или жабья лапка... Ведьма заботливо подливала ей в кубок – и она уже чувствовала вращение земли. Выпили с мохнатой Грызлей «на брудершафт», и та говорила, кокетливо поводя глазищами, – а вот, мол, я тебя укушу! – на что горбунья ей ласково отвечала: а не пошла бы ты?...

Вдруг забухали большие барабаны: бумс...бум-м-мс!.. К ним присоединились пузаны поменьше, и медные тарелки рассыпали замысловатую трель: тремс-тремс.... Это было Каггле в пору! Ноги её задвигались, она приподнялась было на скамье, не в силах больше оставаться на одном месте, но тут вступили скрипки – визгливо и задорно... Загудел тягучий контрабас, запищали всевозможные дуделки... На горбунью обрушилась музыка!.. Разудалая, чуть непристойная, слегка спотыкающаяся, – и музыканты ведь отведали вина! – она стала для Каггла откровением. Незнакомое доселе чувство охватило ее душу – и она отчего-то коротко и сладко разрыдалась.

А вокруг – бесновалась дикая пляска!

И её схватили за руки, втянули в круг, где скакали, прыгали, вопили, рычали, смеялись... Всё помчалось куда-то, увлекая в нескончаемый круговорот. Вихрем пронеслась мимо ведьма, изгибаясь, в обнимку с каким-то козлоногим – полуобнаженная, бесстыжая, с развевающимися волосами... Всё вертелось у горбуньи перед глазами, музыка текла вме-

сто крови по её жилам, и она уже не чувствовала себя.

Знакомый высокий голос вдруг завопил, перекрывая все звуки:

– А ну, кто тут хочет стать красивой?!..

– Я!!! Я... Я! – умоляюще вскрикнула Каггла, боясь, что её не услышат.

В руках у тролля оказался кузнечный молот, десятки лап проворно схватили её и растянули на огромном барабане. Сотни рож, кривляясь, захороводились вокруг, сливаясь в сплошное ухмыляющееся и орущее кольцо. Скрипки поддали жару, взлетая на самые пронзительные высоты. Троль, ухнув, взмахнул тяжёлым молотом – вспыхнули и посыпались багровые огни! И она уже не знала, то ли это лупят в барабаны, то ли молот бухает по ненавистному горбу, то ли так оглушительно бьётся её собственное сердце...

– Там трое незнакомцев у ворот, – сказала Орфа, спускаясь в Кухню. – Спрашивают хозяев.

– Что им нужно? – недовольно спросил Папа. За столом против него с кружечкой пива сидел, похожий на французского бульдога, Рэг Шеридан – комиссар полиции, рядом с ним – не улыбочивый человек в штатском, сильно смахивавший, если так же сравнивать с представителями собачьего мира, на добермана. – Скажите Бабушке, пусть пошлет их к черту!..

Папа, обычно очень вежливый и корректный, был силь-

но не в духе: господа, сидящие за его столом, очень хотели знать, куда же все-таки делся Юлиус Брюгер – тот самый с таракаными усиками, жена которого, рыжая Рита, всхлипывала в кружевной платочек за другим концом стола.

– Послушай, Виктор, – говорил Шеридан, – мы с тобой старые друзья, и мне не хочется, чтобы у вас были неприятности.

– Боже мой! – в очередной раз нервно восклицал Папа. – При чём же здесь мы?! Даже если допустить, что этот болван без спроса полез в подzemелье...

– Полегче! – возмутилась Рита, выжимая платок. Штатский брезгливо поморщился.

– Гм... Даже если этот... этот господин – поправился Папа, – вдруг полез в подzemелье, то почему я должен за него отвечать?.. Скорее уж мы являемся потерпевшей стороной: налицо нарушение прав частной собственности! Репутация семьи страдает!.. Мои адвокаты найдут, что сказать, уж будьте уверены!..

– Я в этом не сомневаюсь, дружище, – улыбаясь, заверил комиссар. – Но согласись: не слишком ли часто в твоём доме происходят странные вещи?

– Не слишком!.. – упрямо отрезал хозяин. – Лостхед всегда этим славился, и ничего! Кому не нравится – скатертью дорога! – и он сердито посмотрел на всхлипывающую женщину.

В глубине души ему, конечно, было жаль бедняжку, но

он надеялся, что её муженёк вскоре отыщется где-нибудь, как это случилось прошлым летом с группой шведских туристов. Нахальные скандинавы тоже тайком полезли в подземелья Замка, и их отыскиали потом, одичавших от голода, милях в двадцати ниже по течению реки в состоянии временного помрачения рассудка. Придя в себя, они так и не смогли вспомнить, что же с ними приключилось.

– Скатертью дорога!.. – повторил он. – К тому же, ещё не доказано, что он пропал именно в Замке. Брюгер мог отправиться в Лес или связаться с кем-нибудь в городе... Мало ли у нас мошенников!

– Брюгер искал Провалы, – понизив голос, строго сообщил штатский. – Корпорация очень в этом заинтересована! – и добавил: – Путешествия во времени или в параллельных мирах – вы представляете себе, *какие это деньги?*

Шеридан при этих словах выразительно покосился на Риту, но штатский отмахнулся:

– Она тоже из секретного отдела.

– Шпионы в моем доме?! – вскипел Гилленхарт.

– Вы, как один из ведущих менеджеров Корпорации, тоже должны быть в этом заинтересованы, – отрезал штатский.

– Извините!.. – начал было Папа, набывчившись, но Шеридан перебил его:

– Давайте всё же вернемся к сути нашего разговора. Пропавший несколько недель тому назад Бриксель, ваш дедушка, он ведь исчез здесь, в Замке?..

– Он мне, слава богу, не дедушка! – почему-то обиделся Папа. – Еще чего не хватало!..

«Французский бульдог» начал терять терпение, но в этот миг в холодильнике что-то зашумело, его дверца медленно распахнулась, и глазам присутствующих предстал дедуля собственной персоной: окутанный облаком холодного пара, румяный и донельзя довольный.

– Давайте ручку, моя курочка... – весело квохтал старичок, уговаривая кого-то, скрытого от взоров онемевшей четверки распахнутой дверцей. В ответ слышалось застенчивое неразборчивое бормотанье. – Остороженько, моя прелесть... – щебетал дедок, и вслед за ним в Кухню величественно вступила огромная женщина в полном боевом облачении древних викингов. Рогатый шлем и топор на длинной ручке довершали картину.

«В недобрый час я вспомнил шведов...» – подумал Папа.
«Пора в отпуск!..» – подумал комиссар.

О чем подумал штатский – никто не узнает. Профессия, знаете ли...

Одна только Рита не задумалась ни на секунду: в три прыжка она оказалась у холодильника, едва не сбив с ног великаншу, и просунула голову внутрь. Увы, глазам её предстали ровные ряды никелированных полок, уставленные всякой всячиной.

Новоявленная воительница, недвусмысленно помахивая топором, грозным взором обвела почтенную публику. Всем

стало как-то неуютно...

– Ласточка моя, идёмте! – просюсюкал Дедушка, нежно касаясь её локтя. Наткнувшись на него взглядом, «ласточка» медленно просияла.

– Идём, мой повелитель! – басом проворковала она, и, подняв дедулю на руки, медленно покинула сцену. То есть, Кухню.

– Один нашелся, – хрипло прокомментировал Папа, когда, наконец, обрел дар речи.

– Какая женщина!.. – просипел штатский.

– Кто? – не понял комиссар.

Рита в углу ожесточенно потрошила внутренности холодильника...

Тем временем Бабушка разговаривала на крыльце с тремя неизвестными молодыми людьми. Одетые в шорты и маечки, в модных цветных очках, длинноволосые и хорошо сложенные, они походили на тех завсегдатаев какого-нибудь супер популярного ночного клуба, пляжных бездельников или романтиков без определенных занятий, коими Город обычно бывал наводнён летом.

Но эти представились членами Королевского географического общества.

– И что же вы хотите?.. – спросила старуха.

– Мы ловим привидения. Слыхали, у вас есть одно... – без обиняков заявила троица, указывая на тяжёлые сумки,

сваленные у ворот.

– Оно нам совсем не мешает! – отрезала бабуся. – Лучше бы вы ловили мышей... – и закрыла дверь. Но через секунду ей пришлось открыть её снова.

– Что вам угодно, молодые люди? – спросила она так, словно видела этих юнцов первый раз в жизни.

– Мы хотели бы всё же продолжить наш разговор, – вежливо, но твёрдо заявил один из них, убирая палец с кнопки звонка.

– О чём? – любезно поинтересовалась Бабушка.

– Мы уже объясняли, что занимаемся ловлей привидений... – начал тот, что звонил.

– Да-а?!... – очень искренне удивилась Бабушка. – И что?

Парни переглянулись.

– Мы их ловим и изучаем, – терпеливо продолжал говоривший. – Поэтому хотели бы провести некоторые исследования в вашем Замке. У нас есть все необходимые документы и рекомендации. Мы, разумеется, понимаем, что причиним Вам некоторые неудобства, поэтому готовы это щедро компенсировать на ваших условиях...

– Зачем?.. – перебила его старуха. – Зачем вам *моё* привидение?.. Убирайтесь, или я вызову полицию!

Она закрыла дверь, и после продолжительного звонка предыдущая сценка разыгралась снова: Бабушка была хорошей актрисой.

– Мадам, – вмешался наконец в разговор другой парень,

отодвигая в сторону своего приятеля, терпение которого явно уже было на исходе, – может, вы просто сдадите нам комнату? – и послал ей такую очаровательную улыбку, какой не достаивалась, вероятно, ни одна из его подружек.

Женщины тем главным образом отличаются от мужчин, что остаются таковыми до самой смерти, в то время как последние чаще всего превращаются в существа бесполое. Бабушка не была исключением из правил – её сердце дрогнуло, и она позволила незнакомцам пройти в холл.

– Присядьте здесь, – предложила она, указывая на широкий кожаный диван, – придёт хозяин – побеседуете с ним.

Папа, сильно озадаченный последними событиями на Кухне, появился минут через сорок. Уяснив суть дела, он, к ужасу Бабушки, сразу согласился, особенно, когда гости передали ему рекомендательное письмо от одного из его университетских друзей.

– А мне надоело, что оно вечно ноет и гремит цепями у меня за стеной! – заявил Папа в ответ на её протесты. – Особенно, когда у меня приступ радикулита!

– Но, Виктор! Если это – призрак барона? Как можно обидеть предка?!

– Тем более! – отрезал Папа. – Хоть скажет, куда дел свои сокровища, жмот!.. И вообще, поднимитесь-ка лучше к Дедушке: ваш племянничек, по-моему, женился. Или только собирается...

Бабушка одарила строптивного потомка ледяным взглядом

и удалилась.

– Ей надо подобрать какую-то приличную одежду! Не может она ходить по городу в таком виде!.. – говорила тетка Люсильда, нервно расхаживая по гостиной.

Остальные тётушки, рассевшись на диванах, согласно кивали головами.

– Нет, почему же? – смеясь возражала им Кора Амстьен, занимавшая совершенно противоположную позицию, и словно бы вследствие этого – кресло у другой стены. – Она прекрасно смотрится! Не нужно ничего менять – она так своеобразна и неповторима!

– К тому же, скоро Карнавал, и в Городе полно ряженных! – преданно поддакнул Красавчик, сидевший на маленьком пуфике у её ног.

– Вы говорите совершенно невозможные вещи! – сердилась Люсильда. – Вам лишь бы из всего устроить балаган!

Молодых неожиданно поддержал дядя Винки:

– Вряд ли вы сумеете подобрать что-нибудь подходящее по размеру на эдакого монстра! – заявил он, оторвавшись от газеты.

«Монстр», о котором шла речь, находился тут же: стоя возле окна, пришлица из холодильника невозмутимо переводила взгляд с одного говорившего на другого. Рядом суетился Дедушка.

– Винсент! – прошипела в ответ тётка Люсильда, заметив,

что дедушкина пассия переложила боевой топор из-за пояса в руку. – Выбирайте выражения!

– Я просто называю вещи своими именами! – упрямо стоял на своём дядюшка. Но на всякий случай отодвинулся подалее вместе с креслом, в котором сидел.

После жарких споров сошлись на том, что всё-таки лучше будет, если Дуния, так звали дедушкину возлюбленную, наденет что-нибудь «более подходящее». Но тут возникло новое препятствие:

– Чтобы я сменила одеяние воина на тряпки?! – грозно переспросила Дуния, вытягивая руку и лезвием топора чуть приподымая подол тётушкиной юбки. Звон металла в её голосе подсказал остальным, что, пожалуй, лучше не продолжать дискуссию.

Но тетка Люсильда не собиралась сдаваться:

– Эти, как вы изволили выразиться, тряпки, от самого Динджа, и стоят кучу денег! И уж поверьте, дорогая валькирия или как вас там, но в них вы будете смотреться куда лучше!

– Кучу денег за тряпки с чужого плеча?

– В самом деле, моя курочка, – неожиданно подал голос Дедушка, – так было бы гораздо лучше!

– Надо же! – фыркнул Красавчик, и голосом ведущего новостей сообщил: – На планете Маразмус обнаружались признаки разума! Интересно, где же это побывал наш дедуля, что ему так подправили мозги? И не только...

– Даниэль! – вновь зашипела Люсильда, теперь уже на сы-

на.

– Что она все время шипит, эта женщина в чужих обносках? – поинтересовалась воительница. – Может, укоротить немножко её змеиный язык? – и сделала шаг вперед. Дедушка тут же повис у неё на локте:

– Успокойтесь, моя душечка! Успокойтесь, моя прелесть! «Прелесть» нехотя подчинилась. Боевой топор переключал обратно за пояс. Расстаться же с ним совсем «душечка» отказалась наотрез. Даже когда делегация тетушек во главе с Люсильдой погрузилась в нанятый экипаж, чтобы отправиться в салон модной одежды. Из-за топора Дунии пришлось добираться туда пешком. Впрочем, она бы и так не влезла. Разве что вместо лошади... В качестве почетного эскорта с ней отправили Рио на велосипеде – больше никто не согласился.

Теперь представьте себе картину: дородная великанша, гордо шествующая прямо посреди мостовой – солнце играет на всхолмьях кольчуги, ослепительно сверкает рогатый шлем, блеск оружия, сотни русых косичек вздрагивают на необъятной спине в такт тяжелым шагам... Дрожат стёкла витрин, бутылки шампанского на столиках кафе открываются сами собой, женщины ахают, мужчины столбенеют, кое-кто бросает к её ногам цветы, звенят возмущенные трамваи...

Надо ли говорить, что к месту назначения Дуния и Рио прибыли в сопровождении толпы зевак, намного опередив

экипаж с тетушками?

В магазине их появление произвело не меньший переполох, чем на улице. Но сказала профессиональная выучка персонала, и минут через десять всё пошло как обычно.

Тётушки расселись перед маленьким подиумом, а для почётной гостьи хозяева салона выделили огромное кожаное кресло. Посетительницам предложили кофе. Заученно виляя бедрами, заскользили манекенщицы; засновали туда-сюда вежливые продавщицы с гроздьями вешалок...

Рио стало скучно – она вышла на улицу. И вовремя: какой-то шустрый рыжий малый лет двенадцати как раз оседлал её новенький велосипед.

– Стой!!! – завопила девочка.

Но не тут-то было: воришка приналёг на педали, и вихрем скрылся за углом.

Рио бросилась за ним и тут же полетела на асфальт, споткнувшись о неожиданное препятствие. Поднявшись, она хотела бежать дальше, но над ней, ухмыляясь, возвышался Хендря Свинус.

– Привет!..

Рио поняла, что он сделал ей подножку. В другое время она обязательно бы проучила наглеца, но сейчас ей было не до того – подарок Бородатого уплывал из рук! Свинус же был не прочь продолжить разговор:

– Я гляжу, твои предки занялись разведением динозавров! Или это твоя очередная тётушка?

Компания таких же тощих и длинных юнцов за его спиной противно загоготала.

– А ты, я погляжу, занялся разведением прыщей!.. – парировала Рио, и внезапно сильно боднула его головой в живот. Свинус так и не научился за долгие годы их вражды быть начеку – и снова за это поплатился. Пока он с выпученными глазами, хватая ртом воздух, сидел на тротуаре, девчонка ловко проскользнула между его приятелями, и помчалась вслед за похитителем.

По счастью соседняя улица была запружена густой толпой прохожих, блестящие спицы её двухколесного друга мелькали совсем недалеко, и Рио воспрянула духом. Ей было гораздо удобнее лавировать между гуляющими, нежели велосипедисту, и расстояние между ними немного сократилось. Но похититель достиг перекрестка и оттуда свернул в боковой переулок. Плутишка петлял по улочкам, Рио бежала за ним уже из последних сил, а он, дразнясь, не очень-то и торопился, порой даже останавливаясь и подпуская её поближе. Ему явно нравилась эта игра...

Опомнилась она только когда обнаружила, что находится уже на другой стороне реки – за Старым мостом.

Местность вокруг почему-то была ей незнакома: старые домишки, пыльная дорога, бурьян... Из-за покосившихся заборов отчаянно лаяли собаки... Озираясь по сторонам, Рио невольно сбавила скорость и пошла шагом, успев заметить, что её велосипед мелькнул впереди, сворачивая к одному из

домов в конце улицы. У неё нещадно кололо в боку, каждый вздох раскаленным свинцом наполнял лёгкие, во рту появился неприятный металлический привкус, но она упрямо следовала вперёд: чего-чего, а упорства ей было не занимать.

Добравшись до того дома, она толкнула калитку... Велосипед сиротливо валялся прямо посредине большого неухоженного двора: переднее колесо смято, словно угонщик со всего размаху налетел на камень, руль вывернут, заднее колесо ещё вращалось, зияя щербинками выбитых спиц... Рио закипела и решительно вступила на чужой двор. Тут же раздалось низкое ворчание: из грязной конуры наружу выбрался большой чёрный пес. Скаля желтые зубы, он недобро помаргивал заспанными глазищами, но на его шее красовалась тяжёлая толстая цепь, и Рио храбро двинулась вперёд. Пес потянулся, зевнул, и, продолжая ворчать, лёг у калитки, преграждая ей путь к отступлению.

– Ладно!.. – сквозь зубы процедила девочка и, подняв изуродованный велосипед, направилась к дому.

Она собиралась постучать, но тут вдруг чей-то гортанный голос спросил:

– Ищешь кого?..

Рио обернулась: в тени раскидистого дерева стояла высокая стройная женщина в цветастой одежде:

– Зачем пришла? А?..

– Я ищу мальчишку, укравшего мой велик! – с вызовом ответила девочка.

Женщина вышла из тени и Рио обнаружила, что она совсем не молода, а наоборот – очень и очень стара. Тёмная морщинистая кожа дряблыми складками налипала на тонкие кости, совершенно лишённые мяса; безгубый рот – словно незаживающая рана среди острых, изъеденных временем, выступов скул и подбородка; но больше всего поразили девочку глаза старухи – точно две тусклые серебряные монетки, вдавленные в усохшую кожуру век.

– Не затем ты сюда пожаловала! – возразила старуха. – Нет. Ко мне просто так не приходят. Да только тебе я ничего не скажу, мала еще судьбу ворожить! Лет через десять приходи... – и тихонечко рассмеялась, будто сухой горох рассыпала.

Рио поняла, что вряд ли узнает у странной старухи что-нибудь путное, и повернула обратно к калитке. Чёрный пес угрожающе привстал ей навстречу.

– Отзовите, пожалуйста, вашу собаку! – попросила она.

– Собаку? – переспросила старуха, не оборачиваясь. – Какую собаку?

Рио нахмурилась: всё и так было неважно, а теперь и вообще...

– Чёрную собаку у калитки! – почти грубо пояснила она.

– Как?! – по голосу старой женщины было заметно, что она очень удивлена.

Она повернулась и как-то вдруг очутилась у калитки: только что была у крылечка дома – и вот уже стоит около

будки, трясущимися руками ощупывая цепь и холку собаки. Рио поняла: старуха – слепая.

– Иди-ка сюда, деточка, – и не успела она придумать что-то в ответ, как старуха уже была возле неё.

Цепкие сухие пальцы пробежали по волосам, быстро ощупали лицо, потом старуха схватила её руку и провела по линиям ладони.

Рио осторожно высвободилась и отступила назад. Но старуха вдруг очутилась у дома и, не растворяя двери, исчезла. Пес у калитки залаял – зло, хрипло...

Рио бросилась за старухой. Толкнув ветхую дверь, она залетела внутрь: на неё пахнуло нежилым. Дом был пуст и заброшен – прогнившие половицы, выбитые окна. И никого.

По-хорошему, ей бы повернуться и уйти. Но вместо того она зачем-то позвала тихонько:

– Эй! – и, не дождавшись ответа, несмело пошла вперёд.

Затаив дыхание, Рио исследовала пустые комнаты: пыль и тлен. В окно видно было, что солнце совсем уже низко – пора в обратный путь. И тут что-то блеснуло на полуразрушенной каминной полке. Она сделала шаг – и полетела вниз...

Как ей удалось остаться невредимой?..

Оценив расстояние от дна погреба, где она очутилась, до дыры у себя над головой – злую шутку с ней сыграли гнилые доски – Рио поняла, что выбраться самостоятельно будет нелегко. Сначала она стала звать на помощь, но потом ей пришло в голову, что в таком месте может обитать кто-ни-

будь пострашнее слепой старухи. От этой мысли стало гораздо хуже, и Рио тотчас перестала вопить. Глаза уже привыкли к полутьме и она тщательно исследовала свою темницу. Наверху вдруг раздался шорох... Рио испуганно вскинула голову, инстинктивно прижавшись к стене. Ей показалось, будто в провале наверху мелькнула чья-то тёмная круглая голова, точно кто-то заглянул в дыру, но как она ни прислушивалась, больше не донеслось ни звука... Ей стоило большого труда заставить себя вновь пошевелиться.

Вокруг валялась куча всяких обломков – остатки мебели, старые доски... Пленница принялась стаскивать их в кучу у стены, пытаясь соорудить некое подобие пирамиды. Когда она была почти готова, один из ящиков сверху полетел вниз, увлекая за собой остальные. Рио рассердилась и её страхи мгновенно куда-то улетучились. Ящик тяжело ударился оземь и раскрылся. Из него посыпалась труха. Она заглянула внутрь.

Там были книги. Она взяла одну и та рассыпалась в прах. Рио осторожно закрыла крышку ящика. Наверху стало темнеть и здесь, в земляной ловушке, она уже не могла толком рассмотреть, что же такое попало к ней в руку. Ясно одно, книги очень старые... Она прикинула, что не сможет вылезти наверх вместе с ящиком. Значит, придется вернуться сюда потом. Если она, конечно, вообще отсюда выберется... Последнее соображение заставило её вскочить на ноги. Наконец, кое-как взобравшись на своё шаткое сооружение, она

дотянулась до края дыры, и выглянула наружу. Никого не было... Тогда Рио осторожно спустилась вниз, стараясь не разрушить собственную работу, и снова заглянула в тот ящик. Хоть в нем и не оказалось сокровищ, но ей было ужасно жаль оставлять свою находку. К тому же в книгах могло быть что-нибудь интересное. Едва касаясь, она ощупала переплет верхней из книг, – он показался ей прочным. Аккуратно, точно сапёр мину, Рио вытащила книгу и спрятала под футболку. Передвинув ящик в угол, где было потемнее, она вылезла наверх.

Выбравшись, Рио какое-то время сидела на краю пролома, тупо глядя перед собой. Блестящая вещица, из-за которой она чуть не сломала себе шею, оказалась, как она рассмотрела со своего места, всего-навсего кусочком зеркала. «Вот уж правду говорят, что осколки зеркал приносят несчастья!..» От реки донесся пароходный гудок, и всё вокруг тотчас стало обыденным: просто старый-старый дом, тихо доживающий свой век вслед за неведомыми хозяевами... Слепая старуха? Полно, да была ли она? Рио вздохнула, поднялась, отряхнулась: так перепачкалась, что стыдно будет идти по улице... Чего её вообще сюда понесло?..

Догорающий солнечный луч упал на разбитое зеркало, и если бы Рио в тот момент оглянулась, то увидела бы, как оттуда смотрит ей вслед чей-то немигающий глаз. Но она ушла, не оглядываясь.

– Император мертв!!! – истошный вопль расколол жаркий летний день надвое. Сотни глаз мгновенно оборотились туда, где на берегу реки колыхался императорский штандарт. – Император – мертв?.. Мертв?! – и зловещий шепоток змеёй расплзался над измученным долгим переходом воинством крестоносцев.

Людская масса всколыхнулась, устремляясь к берегу; конные в суматохе давили пеших, и крики раненых смешались с тревожным ржанием лошадей. Воины из числа личной охраны императора мгновенно образовали кольцо вокруг неподвижного тела своего повелителя. Боевая выучка помогла им сохранить видимость спокойствия, но и в их лицах читались испуг и смятение: ещё несколько минут назад их господин, усталый, но довольный, спустился к реке – окунуться после многочасового изнуряющего марша по враждебным дорогам чужеземья – и вот он, бездыханный, лежит на песке и капли воды стекают по его еще тёплым щекам, по рыжей бороде, собираются во впадинах вокруг глаз, неподвижно устремленных в небо, и оттого кажется будто император – великий император! – плачет, и это-то хуже всего!

А толпа всё сильнее напирала на выставленные копыта: брань, крики, стоны!..

– Они задавят нас, – тихо проговорил один из стражей другому.

– Назад! – грубо закричал его товарищ. – Назад, вы, свиньи!..

Но толпа напирала, и внезапно ближайший к нему человек грудью упал на выставленное копьё.

– Своих режете!.. – вскрикнули в толпе, и тотчас засверкали кое-где обнажённые мечи.

Стража императора изготовилась к неравному бою – они бы дорого продали свои жизни, внезапно обесцененные нелепой и трагической гибелью императора, но тут ряды наступавших заколебались и к оцеплению пробились пятеро. Четверо из них по виду были знатными вельможами, пятый же, самый старший, был одет в старую рясу. Но именно он заставил обезумевшую толпу отодвинуться на почтительное расстояние от оцепления:

– Именем Господа нашего!..– он заговорил негромко, но слова его были услышаны всеми, кто находился в тот час на берегу злополучной реки. – Заклинаю вас: опомнитесь!.. Разойдитесь по местам своим, готовьтесь к ночлегу. Выставьте часовых, снарядите дозоры, разожгите костры – да мне ли учить вас?... Враг рода человеческого уготовил нам новое испытание! Примем же его с достоинством, ибо император взирает на нас – да-да! – он взирает теперь с Небес, находясь подле Спасителя. Так неужели мы заставим его страдать из-за нашего малодушия?..

Пока монах говорил, тело императора подняли на импровизированных носилках, наспех сооруженных из плащей и копий, и несколько воинов понесли его к шатру. Императорская стража последовала за носилками, держа мечи нагото-

ве, но этого уже не требовалось: притихшая толпа безмолвно расступалась перед печальной процессией. Последним шёл человек в рясе.

Но едва носилки скрылись из виду, как паника вновь охватила войско.

Волнения продолжались всю ночь. Наутро оказалось, что некоторые знатные сеньоры самовольно покинули лагерь, уведя своих людей; несколько же рыцарей покончили с собой: кто-то оказался не в силах вынести страшного известия, и посчитал, что таким образом Господь указывает им на тщету их усилий, а кто-то в приливе религиозного фанатизма просто решил последовать за императором.

Те же пятеро, что предотвратили кровопролитие у реки, провели всю ночь в шатре у тела погибшего, над которым колдовали придворные лекари.

– Без сомнения, виной всему жара и возраст, – заключил один из них. – Вероятно, с императором приключился удар, он потерял сознание, упал – и захлебнулся...

– Или бурное течение просто сбило его с ног, – возразил другой, – а тяжёлые латы не дали ему подняться.

– Течение не такое уж сильное!

– Оставим пустые разговоры – они не вернут нам ушедшего, – вмешался в спор монах. – Делайте своё дело: покойного нужно хорошенько забальзамировать и подготовить к дальней дороге... Вы, Гельдербрихт, – он указал в сторону одного из спорщиков, – распорядитесь насчёт гроба и

прочего, отберите людей, из числа самых надежных и смелых, что будут сопровождать тело... А вы, – он указал на второго, – возьмите своих людей и установите контроль над лагерем. Паникеров – вешать, болтунов – под стражу... Эта новость скоро дойдет до неприятеля и тогда нам придется несладко. Дезертиров – не останавливать: лучше избавиться от них сейчас, нежели они подведут нас потом.

Отдав эти распоряжения, – остальные выслушали его безропотно, словно человек этот обладал какой-то тайной властью или силой, – он вышел наружу. Склонившись к одному из солдат, стоявших на страже, он шёпотом отдал ему какое-то распоряжение, тот кивнул и исчез в ночи. Человек в рясе немного задержался на месте, пока его глаза привыкли к темноте, и осторожно двинулся вслед за ушедшим. Стараясь держаться подальше от костров, вокруг которых сидели и лежали солдаты, он бесшумно, точно кошка прошёл через весь лагерь – к маленькой палатке, которую караулили два дюжих молодца. Завидев монаха, один из них молча откинул её полог и вместе с ним скрылся в её чреве.

В ноздри вошедшим ударил нестерпимый запах палёного мяса. Там, к опорному шесту был привязан человек. Окровавленный, изуродованный, он мало чем походил на того сельчака и балагура, каким был всего несколько часов назад. Позади него копошились двое, перебирая разные металлические предметы, один вид которых мог заставить человека слабодушного сознаться в чём угодно.

– Не можете без крови, ироды! – зло выдохнул монах. – Сказано же: не должно проявлять чрезмерной поспешности в применении пытки, ибо к ней прибегают лишь в отсутствии других доказательств...

– А у вас они есть, господин Фурье? – осведомился один из палачей. В его голосе слышался вызов.

Монах молча подошел к нему вплотную – тот попятился. Их взгляды скрестились, и истязатель не выдержав, отвел глаза.

– Развяжите его, – негромко велел монах, – и ступайте все вон.

Приказание было исполнено тотчас же. Оставшись наедине с пленником, рухнувшим навзничь прямо у шеста, Фурье зачерпнул маленьким ковшиком воды из кожаного ведра, стоявшего тут же, и вылил ему на голову. Несчастный открыл глаза, застонал и зашевелился, пытаясь сесть. Носком сапога монах перевернул его на спину, и присел рядом с ним на корточки.

– Говори же теперь, Якоб, – спокойно приказал монах, точно они сидели где-нибудь в таверне за кружечкой пива. – Говори, иначе...

– Что? – пытаюсь улыбнуться разбитыми губами, передразнил его Якоб. – Что ещё ты можешь мне сделать, чего не успели твои дружки?

– Они истерзали твоё тело, – дружелюбно объяснил монах, – а я выну душу. Поверь, это куда хуже.

По лицу несчастного пробежала судорога, его затрясло.

– Знаешь, – прошептал он, – я очень люблю жизнь, но теперь молю Господа, чтобы она поскорее кончилась!

– Зачем же? – миролюбиво возразил Фурье. – Ты ещё проживешь, и неплохо. Если будешь со мной откровенен. Император любил тебя, и ты всегда был его преданным слугою, так что же случилось?

– Жить мне незачем! – упорствовал Якоб. – Император погиб, а *она* – исчезла... Всё кончено.

– Значит, всё-таки *она*... – подытожил Фурье. – Я так и думал.

Якоб не ответил и отвернулся. Аббат схватил его за волосы и силой развернул к себе. Сжав лицо пленника в ладонях, он впился взглядом в его глаза. Тот скорчился, по его лицу покатился кровавый пот.

– Не надо!.. – взмолился, наконец, несчастный. – Я расскажу!

Перед его мысленным взором встал далёкий зимний день: низкое бледное солнце, раскисшая дорога, голые поля... Во главе небольшого отряда он рыскал тогда по окрестным деревенькам в поисках съестного. Крестьяне роптали, а кое-где встречали их с вилами в руках – год в этих краях выдался неурожайным, как и предыдущие два. Люди мёрли точно мухи. Над обочинами дорог кружились стаи воронья – им-то пищи хватало! Они наткнулись у одной деревни на толпу местных. Его солдаты потянулись было к оружию, но

оказалось, что те просто собирались сжечь ведьму: в руках двух дюжих вилланов билась худенькая девушка, по виду – бродяжка, каких немало встречалось в иссушенной голодом провинции. В деревне давно творилось неладное – то передохла почти вся птица, то коровы перестали давать молока, то привязывались к людям странные болячки. А потом на дворе кузнеца закричала вдруг петухом остатняя курица – и тут-то кое-кто поумнее и смекнул, что все несчастья свалились на них с тех пор, как нанялась к нему в батрачки пришедшая сирота. Сразу нашлись свидетели, выдавшие, как она чёрной кошкой шмыгала по дворам, и судьба бедняжки была решена, ибо оправдаться ей было нечем – она была немая.

Но иной раз не нужны никакие слова – достаточно только взгляда... И напрасно божились самые болтливые из охотников до простых развлечений, и напрасно нищий попик, потрясая нательным крестом, грозил ему небесными карами: под неодобрительными взглядами товарищей, он втащил её на седло, легкую, точно пушинка, и они умчались прочь.

Он так и не узнал её имени. Она так и не стала его женой – не дала даже притронуться к себе, но он исполнял любой её каприз, любую прихоть, – немая оказалась с норовом. Он тратил на неё всё своё скудное солдатское жалованье, а она была точно каменная – ни разу не улыбнулась ему, ни разу не взглянула ласково. Разве только когда он увозил её от разъяренной толпы... Тогда, во время бешеной скачки, она повернула к нему бледное лицо – и губы её дрогнули, будто

она хотела улыбнуться, да не умела, а в глазах её стояла печаль, словно знала она заранее про то, что чуть не случилось с нею, и ждала его – спасителя – и ведала уже, чем кончится их дорога.

Вскоре после их встречи ему пришлось оставить королевскую службу, и перебраться в другие края – слишком много сплетен распускали досужие языки, да и в церковь его спасённая отказывалась ходить наотрез. На новом месте их жизнь тоже не заладилась, и он стал иной раз подумывать о верёвке, но тут Папа благословил очередной крестовый поход, и Якоб собрался в дорогу – невольно ему было оставаться дома. Но немая собрала узелок, купила осла, и увязалась за ним.

Якоб всегда был хорошим рубакой, а теперь и подавно – ведь смерть уже не страшила его. В одной из стычек с сарацинами он спас императору жизнь – и тот приблизил его к себе. Казалось, судьба вновь повернулась к нему лицом: в карманах зазвенело золото, новые товарищи уважали его за храбрость, он снова научился смеяться. Немая по-прежнему находилась при нём: ухаживала за ним, обшивала, обстирывала. Он говорил остальным, что это – его сестра. Он научился находить утешение в объятиях других женщин – она же была для него вроде ангела, но одного своего приятеля он зарубил насмерть, когда тому вздумалось приударить за ней. Свидетелей ссоры не оказалось, и убийство сошло ему с рук... Потом она исчезла. Кто-то сказал, будто её видели

у королевского шатра, но на следующее утро император погиб, а его самого схватили неизвестные...

– Тебя водили за нос, мой друг, – сказал монах, выслушав краткую исповедь солдата. – Эта бестия прекрасно умеет говорить. Ну, попадись она мне, уж я бы развязал ей язык, клянусь всеми святыми! – и пробормотал себе под нос: – Но теперь наверняка уже поздно... Ах, поздно!.. Как же я мог прозевать!..

В палатку вошел молодой человек.

– Вы посылали за мной, святой отец?

– Да, Юстэс, – аббат с трудом поднялся на ноги. – Выяснились новые обстоятельства, и мне не на кого рассчитывать, кроме тебя.

Разговаривая с юношей, монах повернулся спиной к лежащему на полу солдату, а тот вдруг вскочил и окровавленными пальцами схватил монаха за горло.

У молодого человека не оказалось при себе никакого оружия, кроме кинжала. Покуда монах силился оторвать пальцы убийцы от своей шеи, юноша изловчился и ударил нападавшего кинжалом в спину, но тот будто и не заметил удара. Юстэс нанёс ему ещё несколько колотых ран, каждая из которых должна была бы стать смертельной, и лишь тогда только Якоб разжал пальцы и, рыча точно зверь, набросился на него. Но силы пленного были на исходе, и юноша легко увернулся. В тот же момент Фурье сорвал с шеи большой крест и вонзил его конец в глаз противника. Якоб рухнул

на землю, забился в конвульсиях, из его рта вытекла тонкая струйка дыма, и он замер, на глазах у людей мгновенно превратившись в иссохший скелет.

Тяжело дыша, Юстэс склонился над поверженным, не смея прикоснуться к нему, и держа кинжал наготове. Монах, хрипя, опустился прямо на подстилку с пыточным инструментом – одной рукой он массировал горло, а другой делал какие-то знаки, словно пытаясь жестами объяснить произошедшее. Юноша потянулся, чтобы вытащить торчащий крест из глазницы убитого, но монах так замахал на него, так захрипел, что тот поспешно отдернул руку.

– Не трогай!.. – смог наконец выговорить Фурье. – Мерзавец чуть не сломал мне шею! – буркнул он чуть погодя, отдышавшись и напившись воды.

– Кто этот человек? И что вообще творится? – мрачно спросил Юстэс. У него и так было скверно на душе после того, как погиб император, а тут еще это!

Вместо ответа монах взял некий предмет, напоминающий огромные ножницы, и ловко орудуя им, вскрыл убитому грудную клетку – так, будто занимался подобным всю жизнь.

– Видишь? У бедняги нет сердца.

Преодолевая отвращение, юноша осторожно взглянул туда, куда указывал монах.

– Пресвятая Дева!.. Как такое возможно?! – он поспешно перекрестился.

– Возможно! – сердито ответил Фурье. – Не знаю – как,

но сталкиваюсь с подобным не в первый раз... Полей мне на руки. Да аккуратнее!.

Вымыв руки и вытерев их насухо, он велел позвать остальных. Останки несчастного солдата завернули в кусок материи, тайно унесли подальше от лагеря и сожгли.

Вернувшись, Юстэс забрался в свою палатку и попытался заснуть, но видения гнали сон прочь. Кликнул оруженосца, велел принести вина. Лишь опустошив тяжёлый бурдюк, он сумел забыться и проспал до вечера.

Разбудила его возня у входа: неясные голоса, бряцание оружие... Схватившись за меч, он одним рывком поднялся на ноги, но тут перед ним появился Фурье.

– Что случилось? – встревожено спросил юный рыцарь, но монах сделал успокаивающий жест и велел убрать оружие.

– Юстэс фон Гилленхарт, – торжественно спросил он, – готов ли ты послужить Богу, королю и всем честным людям?

– Император вообще-то умер! – напомнил юноша, сиюсья собраться с мыслями.

– Король умер – да здравствует король! – досадливо отмахнулся монах, недовольный тем, что его перебили. – Войско крестоносцев простоит здесь ещё несколько дней, а может и больше. Тебе же, друг мой, надо бежать. Немедля!.. Доберёшься до Акры – крепости на берегу моря, там мой человек скажет, что делать дальше.

– К чему такая спешка? И зачем мне...

– Мальчик мой! Скоро здесь будет стража – мои недруги

уже успели сообщить о вчерашнем. Ты же не хочешь взойти на костёр по обвинению в колдовстве?

– Что?!

– Да!.. Ведь только мы с тобой знаем, что убитый не имел сердца; мои недруги уж постараются представить это дело как убийство. Или что-нибудь похуже... Я-то сумею отбиться, но из тебя сделают козла отпущения, чтобы навредить мне! Ещё и гибель императора припишут!.. Я обязан тебя спасти!

– Что за вздор! – заорал Гилленхарт. Он всегда был вспыльчив, и теперь одна только мысль о том, что его – истинного христианина, верного сына Церкви, – могут преднамеренно и несправедливо обвинить в делах богопротивных... Это приводило его в неопишемую ярость!

– Ты должен бежать... – сухо и деловито повторил монах, словно всё было предрешиено заранее.

Юноша заметался по своему скромному жилищу, ломая и круша всё, что попадалось под руку. Фурье молча наблюдал за ним.

– Нет!.. – прорычал вдруг Юстэс, останавливаясь. – Нет. Я – никуда не побегу. *Честь – дороже жизни...* Сбежав, я дам тем самым подтверждение своей вины! Нет!.. – лицо его просветлело. – Останусь здесь и сам разберусь с клеветниками. Пусть Господь нас рассудит. Я – невиновен.

– А знаешь ли ты, сколько таких вот невинных уже отправилось в рай? – свистящим шёпотом поинтересовался

монах, закипая. – Хочешь умереть? Так умри же!.. Но не лучше ли совершить перед тем парочку подвигов во славу Господа, нежели погибнуть бесславно, навеки покрыв имя своё позором?

– Я принял решение! – твердо возразил юноша – И от слова своего не отрекусь.

– Хорошо. Выгляни наружу... – спокойно предложил Фурье; в голосе его было нечто, заставившее упрямца подчиниться.

Обнажив меч, юноша осторожно отодвинул полог: у входа застыли люди. То были воины императорской стражи. Юстэс отшатнулся назад в душную полутьму палатки.

– Они пришли арестовать тебя, – пояснил монах. – Я убедил их немного обождать. Теперь выбирай – стоит ли уповать на Господа, или лучше самому решить свою судьбу?.. Учти только: ты вряд ли доживешь до рассвета, если попадешь к ним руки, уж больно они горюют о покойном императоре!

Вид стражников, вооруженных до зубов, отрезвил гордца. Юноша приуныл:

– Как же я уйду теперь? – но тяжесть меча в руке вернула его мысли в прежнее русло: ничего, он дорого продаст свою свободу...

– Не нужно лишнего шума, – тихо сказал монах и протянул ему маленький мешочек.

– Что это?

Вместо ответа Фурье высыпал часть содержимого мешочка ему на ладонь: бугорки и линии судьбы Гилленхарта покрылись мелким чёрным порошком.

– Выйди к ним и сдуй порошок в воздух, только сам не дыши! Они уснут, и ты успеешь скрыться... – быстро приказал монах, прикрывая лицо рукавом.

Словно во сне, юноша вышел наружу... Когда его противники распростерлись на земле, он, к ужасу своему понял, что они – мертвы. Все до единого.

– Я убил их! Ты обманул меня!.. – закричал рыцарь, врываясь обратно.

– Для твоего же блага... – начал было Фурье, но острие меча уперлось ему в шею, оцарапав кожу. По стальному лезвию поползла тёмная капля.

– Я убью тебя! – хрипел Гилленхарт в бешенстве. Жилы на его лбу вздулись синими реками, губы дергались. – Я убью тебя!.. – повторял он снова и снова как заведённый.

На бледном лице монаха не дрогнул ни один мускул. Его глаза потемнели, зрачки расширились и юноша почувствовал, что против своей воли не может отвести взгляда. Руки рыцаря ослабели и он бросил меч на землю:

– Боже... Да ты сам колдун!..

– Собирайся! – приказал монах.

Юстэс сел и обхватил руками голову.

– Нет, – упрямо ответил он. – Теперь я виноват в смерти этих людей, и уж тем более не стану скрываться. Но и ты

пойдешь со мной на виселицу, дьявол!

– Хорошо, – согласился вдруг Фурье. – Мне надоело возиться с тобой, глупый мальчишка. Я устрою так, что тебя обвинят в колдовстве, ибо сразу распознают, что эти люди умерли странной смертью, и ты примешь казнь позорную и мучительную – тебя сожгут!.. Честь дороже жизни, говоришь? Не-ет!.. Худая слава навеки прилепится к имени твоему!.. Будь спокоен, уж я позабочусь о том!

Юноша поднял голову и посмотрел противнику в лицо: в глазах монаха ему почудились отблески костра.

– Так ты нарочно всё это устроил, святой отец? – молчание было ему ответом и он продолжил тихо, но твердо: – Я сделаю как ты того хочешь. Может быть, меч мой и в самом деле еще послужит Господу и его воле. Но ты дорого заплатишься за свой обман, старая лиса... На том или на этом свете, клянусь Небом, я отомщу тебе!

– Amen...

Буквы в книге были похожи на те, что она знала, но девочка не поняла ни слова.

– Это – латынь! – авторитетно заявил один из зелепусов, жуя сташенный на Кухне кусок пирога и вода по странице измазанным в повидле пальцем. – Мы такое раньше много видели.

С улицы раздался свист: Рио выглянула и увидела Толстяка Дю.

– Поднимайся! – махнула она ему – им было о чём потолковать.

– Наверное, то была Слепая Мирта, – сказал Толстяк, выслушав её рассказ. – Многие считают, что она давно умерла, но мой отец уверен, что она до сих пор иногда появляется. Тебе ещё повезло, что она не сказала ничего плохого.

– Почему?

– Мирта предсказывала судьбу, но была недоброй. Если человек ей чем-то не нравился или у него всё было слишком хорошо, она могла из зависти или со злости наврать с три короба – и всё это потом с ним случалось. Говорят, что за это её и наказали слепотой!

Рио показала ему книгу. находка не произвела на приятеля особого впечатления.

– У вас же целая библиотека таких, – рассеянно заметил он. – Отдай её Зануде.

– А вдруг это какая-нибудь совсем старинная и неизвестная? Там целый ящик таких! Я думаю, нужно туда опять сходить и притащить всё остальное. Только я одна боюсь... Представляешь, – тархтела она, – вдруг мы заработаем на них кучу денег или прославимся хотя бы!

– Тебя и так все знают! – засмеялся Толстяк. – Нет, интересно, конечно, что же здесь написано...

– Это – латынь! – со знанием дела объяснила подруга, будто сама в том отлично разбиралась.

Из-под стола выглянули Зелепусы.

– Корица, ваниль, какао... – с интересом приносиваясь к Толстяку, перечислил один из зелёных. – По-моему, мы не в тот дом жить напросились. Эй, парнишка, не хочешь ли пригласить нас к себе?

– Нет, – на всякий случай отказался Дю-младший и шепотом спросил: – Это ещё кто? Тоже *оттуда*?

– Нет, – отмахнулась Рио. – Я их на дороге нашла, да всё некогда было вас познакомить. Слушай, я тебе сейчас прочитаю, – и начала нараспев, ткнув пальцем в первый попавшийся абзац: – Им сперо... дум... Или дюм? Язык сломать можно! Понапишут же!.. ририкум... Чего? Ага...

Запинаясь и спотыкаясь на каждом слове, она не обратила внимания на то, что Толстяк отчаянно дергал ее за рукав – ей хотелось произвести впечатление. Между тем, при первых же звуках чужих непонятных слов в глубине комнаты за её спиной начало сгущаться тёмное облачко. Когда же она наконец остановилась и обернулась – перед ними стояло некое существо. Ярко-синее, с длинными конечностями, оно напоминало карикатурную копию человека, вылепленную из пластилина.

– Чего нужно? – весьма недружелюбно осведомилось существо, словно его внезапно оторвали от очень важного дела.

– Ни...чего... – растерянно пролепетали юные любители книжных древностей, изобразив самые приветливые улыбки.

Но пришелец не купился. Изогнувшись синусоидой, и непостижимым образом вытянувшись в пространстве, он длинными пальцами ухватил со стола книгу.

– Эй! Отдай!.. – мигом забыв о хороших манерах, вскрикнула Рио, хватаясь за свою находку.

Незнакомец бесцеремонно вырвал у неё книгу – в руках у девчонки остались лишь несколько страниц, и взглянул на обложку.

– Неразумные дети! Суётесь без спросу, куда не следует! – буркнул пришелец. – Хорошо ещё, на меня нарвались, а не на кого-нибудь похуже!.. Ладно, – кивнул он девочке, тая в воздухе, – раз уж вызвала – то одно желание, по обычаю, за тобой... – и исчез. Вместе с книгой.

Всё странное происшествие заняло минут пять.

– Кажется мне, вы легко отделались, – глубокомысленно заметил в наступившей тишине один из Зелепусов.

– Ты, пожалуйста, больше ничего не читай! – попросил второй, видя, что Рио задумчиво раскладывает перед собой уцелевшие листки. – Декламация тебе как-то плохо удастся. И петь нам на ночь тоже больше не надо!

– Недаром наш хозяин книги жёг! – перебил его первый, – Видишь, один вред от них!

– Он что, фашист был? – удивился Толстяк.

– Дракон он был обыкновенный. Неграмотный даже. Но Александрийскую библиотеку спалил – ума хватило: мало ли чего там древние насочиняли!

Толстяк не стал понапрасну спорить: очень уж его заинтересовало происхождение новых друзей Мэрион.

– Кто же вы-то такие?

– Угадай! – хором ответили Зелепусы, и столь же дружно проговорили скороговоркой: – Мы вечно несытые, мы – завидушие, мы – отражаем всё, что видим...

Но поиграть в вопросы и ответы им не удалось: откуда-то из недр дома донесся ужасный крик...

Троица молодых искателей приключений, что поселилась в Замке с лёгкой руки Папы, зря времени не теряла. В первый же день они расставили и развесили по всем закоулочкам разную аппаратуру, охотно объясняя интересующимся её назначение. А ещё были у них маленькие плоские коробочки-датчики: в некоторых местах они вдруг начинали отчаянно трещать, мигая разноцветными огоньками, и тогда молодые люди удовлетворённо переглядывались между собой и кивали головами, точно хотели сказать: «Ну да, всё так, как мы и предполагали...»

Однако от остальной техники, включая цифровые видеокамеры, толку не было: привидение упорно не желало общаться.

– Ведь есть же следы! Есть! – сокрушался один из охотников, звали его Питер.

– А вы бы по старинке: мешочек с мукой да факел, да заклиний парочку, да шёлковые нити... И спирт ещё наша-

тырный, – не без ехидства посоветовала Бабушка, которая никак не могла простить охотникам столь настырного про-никновения в свои владения.

– Почему нашатырный? – удивился дядя Винки.

– Не любят они его! – пояснила старуха, так, словно всю жизнь только ловлей привидений и занималась.

Дядя Винки после этого сообщения глубоко задумался, а когда мыслительный процесс был закончен, предложил «ловить привидение на виски»:

– Говорили, барон был не дурак выпить...

Но молодые люди идею дядюшки не одобрили, и он, оби-девшись, перестал с ними общаться.

Постепенно и остальные обитатели Замка тоже утратили интерес к охотникам – все, кроме Карапуза. Он целыми днями ходил за ребятами по пятам, прислушиваясь и присматриваясь, и всюду совал свой курносый носик, а по вечерам развлекал семейство, с серьёзным видом выговаривая раз-ные умные слова, выученные за день:

– Электофизические паламетлы плостланства...

Охотникам это тоже казалось забавным, и они приняли симпатичного малыша в свою маленькую компанию.

Идиллия окончилась внезапно.

Однажды, вооружившись невесть где раздобытыми от-вёрткой и молотком, Карапуз решил помочь «большим дя-дям» в настройке аппаратуры.

– Как я теперь должен работать?! – спустившись в Кухню,

визжал Питер. – Это – уникальнейшая аппаратура!!! Понимаете вы?.. У-ни-каль-ней-шая!! И кто возместит мне убытки?!

– Не смейте на меня кричать, – с достоинством отвечала Бабушка, успокаивая хлюпающего «помощника». – По поводу всех вопросов, касающихся материальной стороны дела, обращайтесь к нашему адвокату. И выбирайте выражения, молодой человек! Вы находитесь в частных владениях!

Карапуз, приободрённый поддержкой Бабушки, исподтишка показал «дядьке» язык. Это почему-то привело «дядьку» в полное исступление: подскочив к Бабушке, он сунул ей коробочку-датчик чуть не в лицо – коробочка тут же взорвалась от треска, лихорадочно замигав красными огоньками.

– Частные владения?! – завопил он, брызгая слюной. – Да знаете ли вы, что *настоящий* Гилленхарт здесь только один?! Я всех вас выведу на чистую воду, чертовы самозванцы! Прокля...

Он не успел договорить.

Каменный грифон на барельефе за его спиной вдруг ожил, отделился от стены и, хищно взмахнув крыльями, откусил ему голову.

«...Никто и ничто, родная, не нарушит твой покой в этих стенах...»

Послышались ли тем, кто был там, эти слова или то был просто ветер?..

В тот же миг Дуния, издав дикий вопль, взмахнула боевым топором, и каменная тварь рассыпалась на тысячу мелких осколков. Карапуз с перепугу залез под стол. Две тётушки из пяти случившихся в ту пору на Кухне дружно упали в обморок. Остальные три решили подождать, чем дело кончится. Крик привлёк внимание всех, кто находился в Замке. Мэрион и Толстяк тоже прибежали на шум.

Последними на место трагедии спустились товарищи погибшего. Странно, они были на удивление деловиты и невозмутимы, словно бы ничего особенного и не произошло.

– Всем оставаться на своих местах! – вежливо, но властно приказал один из них, доставая из кармана телефон.

Второй молча встал у выхода, как бы давая понять, что без его согласия никто отсюда не уйдёт. От их непонятного спокойствия стало ещё страшнее.

– Вы звоните в полицию? – робко спросила тётка Люсильда.

– А надо ли? – улыбнулся тот, что был с телефоном, и негромко произнёс в трубку, обращаясь уже к невидимому собеседнику: – У нас проблема. Приезжайте.

Воцарилось молчание.

– Смотрите, крови-то и нет!.. – прошептал кто-то, когда сгустившаяся тишина стала совсем невыносимой.

Взоры всех собравшихся и так были прикованы к обезглавленному телу, и потому никто не заметил, когда и как среди них появился высокий бородатый незнакомец. Рио и

Толстяк тотчас узнали этого человека, и постарались спрятаться за спинами взрослых. Узнала бы неожиданного гостя и Каггла, но она в тот час была совсем в другом месте.

В то утро, едва рассвело, Каггла снова отправилась на Холмы.

Сонная Долина лежала перед ней как на ладони – нежная прозрачная акварель, рождённая единым взмахом кисти Великого Художника: зелёная чаша, до краёв налитая парным молоком тумана, и сквозь туман – тягучие извивы реки, тёмная кромка леса, пожар рассвета на снежных вершинах далёких гор.

Но её душа осталась безучастной – она больше не чувствовала прежнего вдохновения.

Казалось, ничего не изменилось с того дня, когда она побывала в Пещере Тролля. Окружающие не заметили перевоплощения – хозяин Пещеры предупреждал, что они и не вспомнят о её былом уродстве. Первые дни Каггла не отходила от зеркала, любуясь собой. Потом восторг сменился досадой: горб исчез, но красавицей она так и не стала... Поэтому или по какой другой причине, но не заметила она, что потух свет её глаз, волшебным образом озарявший лицо, и взгляд стал другим, и улыбка... То, что раньше вызывало восторг, гнев, печаль, умиление – теперь не находило в душе её никакого отклика. Она чувствовала себя высохшим ручьём: ещё недавно дарил он жизнь и радость живущим на его берегах,

а теперь русло засыпает гнилая листва и жадный песок.

За всё приходится платить – и Пещера взяла свою цену.

Только Каггла не понимала этого: она не помнила себя, прежнюю, и злилась, ощущая внутри пустыню, и удивлялась пустоте мира.

Вот и теперь: она пробыла на Холмах до полудня, пытаясь воскресить былое, ощутить прежний трепет и благоговение перед великой красотой природы, чтобы потом выплеснуть накопившееся на холст, но тщетно.

Не заходя домой, она отправилась в Город: не хотелось видеть никого из близких, точно они были в чём-то виноваты... Бродила по улицам. Повстречалась знакомая компания – её затащили в кабачок, угостили вином. Когда голова слегка закружилась, она осмелела и спросила, мол, как я вам теперь?.. Захмелевшая компания, ничего не поняв, дружно сдвинула в её честь бокалы. Ей стало грустно: оказывается, счастьем нужно делиться, а ей было не с кем.

После поехала к Театру. Её узнали и предоставили ложу для почётных гостей. В антракте она и встретилась неожиданно с той, что указала ей дорогу к Пещере.

– Как насчет уговора? – спросила та без долгих предисловий.

– Я пробуду здесь до конца лета, – рассеянно отвечала художница, занятая своими мыслями. – Если есть желание – запасайся всем необходимым. Тут, кстати, есть хороший арт-салон. О времени договоримся. Может быть, я и поднатас-

каю тебя чуть-чуть...

– Ты собралась учить меня рисовать?! – рассмеялась искусительница, да так звонко, что на них стали оглядываться. – Вот умора!..

Каггле вдруг стало нехорошо. Перед глазами отчетливо встали картины той ночи в Пещере, и она впервые осознала, что всё произошедшее там – реальность. Это был вовсе не сон, и не детская сказка, как ей казалось до сих пор. Господи, куда же она вляпалась и *чем* придётся теперь расплачиваться?!..

Прозвенел звонок и людская река разъединила их.

Каггла машинально вернулась в ложу. Села в кресло. Сзади кто-то кашлянул, она вздрогнула, обернулась... Из-за полуоткрытой двери, ведущей в коридор, тянуло холодом: она постаралась устроиться в своем кресле так, чтобы краем глаза держать дверь под наблюдением. Потом ей подумалось, что лучше бы незаметно уйти, но, выглянув в коридор, почувствовала, что не в силах заставить себя преодолеть пустое, ярко освещённое огромными люстрами пространство в одиночестве. К тому же, за пределами театра её поджидала ночь, и она решила, что лучше будет уехать домой с кем-нибудь из своих. Вернувшись на место, она попыталась сосредоточиться на том, что происходило на сцене, но не получилось. Мыслями она всё время возвращалась к недавнему разговору, и вдруг поняла, что боится его продолжения...

В холле у гардероба она столкнулась с Красавчиком. Он

был не один, но Каггла буквально вцепилась в него и потребовала, чтобы он проводил её домой.

– Мне что-то нехорошо! – умоляюще сказала она, и слова эти были всего лишь бледным отражением ее состояния.

Красавчик попробовал отвертеться, но не тут-то было: напрасно он, продолжая улыбаться, делал так некстати подвернувшейся родственнице всяческие знаки – Каггла не собиралась сдаваться:

– Не можешь же ты меня бросить?

– Мы посадим тебя в экипаж.

– Нет! Я не доеду одна! – стояла на своем настырная девица.

Она и вправду выглядела неважно, так что даже спутница Красавчика начала укорять юношу в эгоизме, и он уже почти уступил двойному натиску, но тут случилось неподвижное.

Из толпы зрителей появилась та, кого Каггла меньше всего хотела бы видеть.

Красавчик мгновенно воспрянул духом, и не успела Каггла и рта раскрыть, как он уже перепоручил её заботам неприятеля:

– Вы домой? – быстро проговорил он, включив на полную мощь всё свое обаяние. – Прихватите, умоляю, заодно и нашу знаменитость – она плохо себя чувствует. Я бы и сам, но... – и подмигнул, незаметно указывая глазами на свою пассию.

– Бедняжка! – сочувственно произнесла искусительница. – Конечно, мы поедem вместе! – и приобняла её за плечи.

Каггла резко, почти грубо, высвободилась из её объятий: ей на мгновение показалось, будто по коже скользнула змеиная чешуя! – и хотела убежать, но видя удивлённые лица своих собеседников, растерялась. Как объяснить им, что происходит?.. Да и не поверят они!

Момент был упущен.

Каггла тоскливо посмотрела вокруг. Её противница осталась спокойна – жертве некуда деться.

Высокая, эффектная, в тёмном блестящем платье, с распущенными волосами, она казалась королевой. Королевой Зла... «Куда уж серому воробышку тягаться с такой..!» – обречённо подумала горбунье. И соперница почувствовала её слабость. Мимолетная улыбка торжества скользнула по красивым губам, и тут же исчезла, уступив место маске искреннего участия:

– По-моему, тебе и в самом деле нужна помощь! – заботливо проговорила она. – Идёмте же! Красавчик, распорядись насчет экипажа!

Они вышли на улицу. Каггла двигалась как во сне. Звук и исчезли, время замедлило свой бег, разъяв движения на части: перед ней словно прокручивали замедленные кадры немого кино, и она сама была участницей сего странного действия. Вот перед ней появилась лошадиная морда – тёплая, бархатная, с влажными губами; она отчётливо рассмотрела,

как трепетали, вбирая воздух, звериные ноздри... Придвинулся глянцевый бок кареты... чёрный провал распаханной дверцы... свет фонарей... Кто-то услужливо помог ей взобраться на ступеньку: так, верно, всходят на эшафот...

Она обернулась и встретилась взглядом со спутницей Красавчика. Ей показалось, та что-то почувствовала... Но чужая рука легонько подтолкнула её вперёд – и дверца захлопнулась, отрезав путь к спасению.

Экипаж скрылся за углом, а молодая пара всё ещё глядела ему вслед.

– Пойдем, – потянул свою спутницу Красавчик. – Мы и так опаздываем...

– Ты уверен, что всё в порядке? – в сомнении спросила та.

– Конечно! – заверил юноша. – Что с ними может случиться?..

– В наших обоюдных интересах, господа, сохранить всё случившееся в тайне. Я полагаю, дому Гилленхартов не нужны лишние неприятности? – высокий бородатый человек неторопливо расхаживал по Кухне среди притихших гостей Замка.

– Но как же? – робко подала голос тетка Люсильда. – Как же?! – и указала рукой туда, где лежало обезглавленное тело.

Бородатый не спеша подошел к убитому, ловко опустился возле него на колени и, вытащив белоснежный платок, аккуратно взял с пола один из каменных осколков, оставших-

ся от грифона. Он долго вертел осколок перед глазами, потом завернул его в платок и убрал в карман. Встал, поправил стрелочки на брюках, и пихнул обезглавленного в бок носком блестящего ботинка:

– Вставай, чего разлегся!

Труп зашевелился и сел, слепо шаря руками вокруг. Тётушки дружно завизжали.

– Тише!.. – поморщился бородатый.

Обезглавленный поднялся и, качаясь, сделал несколько неуверенных шагов – прямо в сторону испуганных женщин. Те завизжали с ещё большим усердием... Бородатый схватил ожившего мертвеца за рукав и с силой развернул его в другую сторону.

– Уведите его отсюда! – приказал он его товарищам.

Юноши тотчас повиновались, и подхватив незадачливого покойника под руки, вывели его прочь.

Тётушки продолжали вопить.

– Тсс! – шикнул на них бородатый, и махнул рукой, точно дирижер после заключительного аккорда. Визг резко прекратился. – Спасибо! – поблагодарил пришелец. – А теперь, дорогие, смотрите вот сюда! – и поднял вверх другую руку. На его пальце сверкал огромный перстень. – Смотрите внимательно! – совсем другим голосом приказал он. – А когда я досчитаю до трёх – вы забудете всё, что здесь случилось. Итак, раз... Два!..

Он не успел досчитать.

В воздухе мелькнуло лезвие топора, и Дуния едва не отрубила ему руку. Не давая противнику опомниться, она тут же сделала ещё один выпад, но незнакомец снова увернулся. Вскочив на стол, он принял боевую стойку. Дуния обрушилась на него со всей своей мощи, но бородатый ловко отбил удар, да так, что древко её топора переломилось на части. Воительница мгновеннохватила меч и бросилась вперед, сметая всё на своем пути. Бородатому пришлось бы туго, но он успел, совершив отчаянный прыжок, оказаться на другом конце Кухни. Дуния взревела и, оттолкнувшись ногами от стены, прыгнула вслед за ним. Противник, не удержавшись на ногах, упал – тут-то ему и конец! – но он успел выставить вперёд руку с перстнем и крикнуть:

– Замри!!

В тот же миг Дуния беспомощно застыла прямо в воздухе.

Тяжело дыша, бородатый поднялся на ноги. Мэрион из своего укрытия слышала, как он пробормотал, отряхиваясь: «Значит, страж уже здесь...»

– Смотрите сюда... – хрипло приказал он, снова вытягивая вверх руку со сверкающей каплей на пальце. – Раз... два... три!..

Секунду стояла мёртвая тишина, а потом все зашумели, задвигались, занялись своими делами, словно и в самом деле ничего не произошло. Будто щелчком переключили телеканалы – с одного, где шел жуткий и странный «ужастик», на другой – с добротным, но скучным семейным сериалом,

которому нет конца.

Бородатый тоже переменялся – вместо загадочного и опасного хищника, только что отчаянно сражавшегося за свою жизнь, глазам присутствующих предстал элегантнейший светский лев.

– Позвольте представиться: Макс Линд, журналист...

Вскоре вернулись из Театра родители, Зануда и другие. В честь Линда устроили торжественный семейный ужин – он оказался старым другом отца. Ужин затянулся за полночь: обитатели Замка были просто очарованы новым гостем – бывалый путешественник, он с таким увлечением рассказывал о своих странствиях и приключениях, что несколько часов пролетели незаметно.

После трапезы все вышли в сад: спать никому не хотелось. Да и жаль было тратить чудесное время на сон – летние ночи так прекрасны, и так коротки!.. Лунные дорожки в саду вводили в неведомое, сладко пели ночные птицы, воздух был напоен дивным ароматом – всё вокруг дышало такой негой, такой чувственностью!

По саду рассыпались парочки, в беседках зажглись фонари, там и сям замелькали светлячками огоньки сигар, тихо и страстно зазвенела гитара... Смех, шепот, приглушенные голоса...

И лишь один человек во всем Замке не разделял всеобщего настроения. Мэрион не стала смотреть на перстень Лин-

да – она всегда была непослушной. Поэтому она прекрасно помнила всё, что случилось, и злилась на остальных за то, что они теперь были так веселы и так беспечны. Толстяк Дю тоже не попал под влияние волшебного перстня, но по другой причине – он как зажмурился со страху в тот самый момент, когда ожил обезглавленный ловец приключений, так и не открывал глаз, пока всё не закончилось.

Был ещё и третий очевидец, но о нем – позже.

Проводив приятеля, – он ни за что не желал оставаться ночевать, что было вполне объяснимо, – Мэрион вернулась в свою комнату. С полчаса она сидела перед открытым окном, сердито наблюдая за ночной жизнью в саду, и размышляя, как бы вернуть этих легкомысленных простаков в чувство или хотя бы испортить им то хорошее настроение, которого они никак не заслуживали. И ей в голову пришла отличная мысль...

Водрузив на подоконник колонки стерео системы, Мэрион врубила рэп. Тяжелый речитатив, густо насыщенный солёными словечками, сопровождаемый немислимыми аккордами и невообразимыми переходами из тональности в тональность сразу наэлектризовал ночной воздух: хулиганистые парни из Гарлема знали свое дело. Похихикивая, Рио надела наушники – сама она не желала быть оглушенной, – прибавила громкость на всю катушку, и улеглась в постель с каким-то журнальчиком.

Спустя четверть часа примчалась Бабушка. Напрасно ста-

руха барабанила в закрытую дверь – внучка притворилась, что не слышит. Ночной концерт прекратился только когда позвонили возмущённые соседи с соседней улицы и пригрозили вызвать полицию. Гитара в саду тоже умолкла...

Донельзя довольная собой, Рио спустилась в Кухню – попить молочка на ночь. Зелепусы увязались за ней.

Едва она налила себе бокал, как явилась Бабушка и принялась её отчитывать.

Рио, глядя сквозь неё, невозмутимо принялась за молоко. Когда проповедь бабули достигла апогея, она демонстративно достала наушники плеера, заранее припасённого для такого случая, и задрыгала ножкой в такт музыке, давая понять, что плевать она хотела... Ей нужен был скандал!

Дети часто разряжают свою перегруженную нервную систему, специально нарываясь на конфликт со взрослыми, и сбрасывая таким образом накопившуюся отрицательную энергию. Рио не была исключением.

– Мэрион, – рявкнула Бабушка, – ты слушаешь меня или нет?!..

Девчонка продолжала игнорировать её. И тогда Бабушка вышла из себя.

Такое с ней редко, но случалось. Вернуться обратно ей сразу не удалось – для этого нужно хотя бы немного успокоиться. Поэтому теперь на Рио орали уже две бабуси. Внучка продолжала прикидываться невменяемой, и число разъярённых старух увеличивалось в геометрической прогрес-

сии. Лишь когда их стало с полсотни, Рио струхнула и сда-
лась: одна сердитая бабулька – ещё куда ни шло, но целая
стая...

– Простипожалуйстаябольшетакнебуду!.. – скороговор-
кой выпалила Мэрион дежурную «волшебную» фразу.

Бабушки, остывая, хором сказали:

– То-то же! Все знают – в гневе я страшна!

Потом они удивленно посмотрели друг на друга, отчего-то
слегка сконфузились, и стали исчезать одна за другой, пока
их не осталось всего две.

– Что такое? – возмутилась одна из них.

Вторая промолчала и попыталась улизнуть.

– Стоять!!! – громовым голосом бывалого полицейского
приказала первая.

Самозванка подчинилась, но когда настоящая Бабушка
подобралась к ней поближе, она вдруг растворилась в возду-
хе, а по полу под стол прыснули два зелёных мячика.

– Что это у нас там?.. – заинтересовалась старуха, нагиба-
ясь и приподнимая край скатерти. Из полутьмы на неё гля-
нули две пары совершенно невинных голубых глаз. – Та-ак...
Мэрион, я тебя спрашиваю: что это такое?..

Рио малодушно пожала плечами: мол, понятия не имею.

– Вылезайте, – приказала Бабушка.

Зелепусы послушно вылезли на свет и вскарабкались на
стол.

– Мы здесь живём! – сообщили они как ни в чем не бы-

вало.

– И давно? – поинтересовалась бабуля.

– Что тебе, жалко что ли? – перешла в атаку внучка. – Они – хорошие!

Бабушка с сомнением посмотрела на Зелепусов. Что-то они ей напоминали...

– Ладно, – сказала она задумчиво, – поздно уже. Идите спать. И чтоб без фокусов!

Кухня опустела. Бабушка задумалась...

Макс Линд отказался от предложения поселиться в Замке:

– Я снял номер в гостинице.

Хозяева и гость стояли на улице у ворот, поджидая заказанный экипаж.

– Все было чудесно! – сказал Линд, целуя мамину руку. – Был очень рад повидать вас всех!

– Надеюсь, ты еще зайдешь к нам? – спросил Папа. – Когда ты уезжаешь?

Линд развёл руками:

– Еще не знаю. Как закончу все дела, – и похлопал отца по плечу: – Не переживай, Виктор, перед отъездом я обязательно загляну к вам!

Ночную улицу внезапно огласили звуки дикой музыки.

– Бьюсь об заклад – это Мэрион! – проскрипела Зануда. Она тоже вышла с родителями проводить гостя. Но на то у

нее были свои причины.

В конце проулка показалась карета.

– Наконец-то!.. – сказала Мама.

Когда экипаж остановился и все начали прощаться, Линд, улучив минутку, нагнулся к Зануде:

– Завтра в восемь...

...Фурье вручил ему увесистый кошель и кусочек пергамента, свернутый в трубочку и запечатанный сургучом.

– Передашь это человеку, который встретит тебя в Акре, и будет лучше, если ты не станешь читать, что там написано! – предупредил он.

– Мой отец говорил: учиться грамоте – вредить душе! – презрительно отозвался Гилленхарт. – Не дело для настоящего воина корпеть с гусиным пером над куском телячьей кожи подобно жирному лысому монаху.

– Вот и славно! – перебил его Фурье и улыбнулся: – Твой отец был мудрым человеком.

Потом он ещё раз подробно объяснил юноше, что и как он должен сделать:

– Доберешься до побережья, а там наймешь корабль. Денег должно хватить с лихвой...

Юноша, уже не слушая, задумчиво взвесил кошель в руке: вот цена его жизни и свободы, определённая человеком. Какова же им цена на Небесах?..

В ту же ночь он скрылся из лагеря крестоносцев. Фурье

дал ему ещё и тот самый проклятый мешочек с чёрным порошком, пояснив, что это – пепел мертвеца, сожженного ими. Но Гилленхарт, отъехав подальше, выкинул дьявольское зелье. Он полагался лишь на свой меч да на крест, висевший на груди.

На первом же привале, когда он очутился на безопасном расстоянии, ему приснилась покойная матушка: она смотрела на него ласково, потом что-то сказала – что-то очень важное, но он забыл, когда очнулся, и долго после сожалел о том. Юстэс очень хотел еще увидеть её во сне: ведь он не знал её – она умерла, когда он был младенцем, но матушка больше не приходила. Зато вспомнились отец и старшие братья – и он почувствовал, что больше не сердится на них: сам виноват, что пришлось покинуть отчий дом. Вспомнилась и та, что любила его, и чьей любовью он так тяготился... Что-то с ней теперь случилось? Жива ли она?..

А на рассвете его захватили врасплох кочевники. Бой был коротким и неравным. Юноша сражался как лев – и потому его не убили. Восхищенные отвагой неверного, дети пустыни сохранили рыцарю жизнь, и продали его проходившему каравану, направлявшемуся к побережью. Спустя два перехода, на караван напала болезнь, унёсшая в могилу более половины всех людей. Не миновать бы этой участи и Юстэсу, раненому в стычке, но его спас чёрный человек по имени Али. Он дал ему съесть три тёмных, неприятно пахнувших шарика, и юноша остался жить. Али и дальше ухаживал за

ним: промыл раны, где уже завелись черви, менял повязки, приговаривая что-то на чужом, гортанном языке, приносил воду, кормил его жирной бараньей похлебкой. Благодаря ему рыцарь окреп настолько, что всерьез задумался о побеге. Но его теперешний хозяин и так потерял половину своих рабов, и с него не спускали глаз.

Помогла песчаная буря. Утром того ужасного дня Али принес ему накидку из шерсти верблюда. Показывая на горизонт, где клубилось тёмное облако, он что-то пытался объяснить. Юстэс взял накидку...

Потом были долгие часы, когда во всем мире не осталось больше ничего, кроме воя ветра. Ему казалось: все демоны пустыни собрались вместе, чтобы спеть хором на его могиле, и рука в бессильной ярости напрасно искала рукоять меча... Он бы так и остался там, погребённый толстым слоем песка вместе с остальным караваном, но Али откопал его, еле живого, и Юстэс обнаружил, что снова стал свободным.

Он тогда не задумался, как выжил Али. Наверное, им обоим просто повезло.

Последующие дни были наполнены смертельной мукой. Палящее солнце и ни капли воды... Язык распух, стал шершавым, Юстэсу хотелось откусить его и выплюнуть – он думал, что задохнётся, если тот распухнет ещё сильнее. В висках всё время стучали маленькие острые молоточки – голова болела невыносимо, и он боялся, что череп расколется. Ещё он боялся сойти с ума – ведь тогда бы он, не задумыва-

сь, вцепился в горло своему спасителю, ипил бы, пил его кровь! – он видел, как это сделали караванщики с обессиленным рабом.

Али молча полз рядом, и в его глазах тоже порой светилось безумие.

Гилленхарт не выдержал первым.

Он напал на чернокожего, и они сцепились, катаясь по песку, точно дикие звери, рыча и кусая друг друга. Али оказался сильнее и проворнее – изловчившись, он ударил юношу кулаком в висок, и свет померк в его очах.

...Откуда-то из тьмы перед ним появилось лицо монаха. «Ты послал меня сюда! Из-за тебя я так страдаю! Я ненавижу тебя...»

Ненависть – сильное чувство. Порой оно дает человеку куда больше вдохновения и сил, нежели любовь. Юноше так сильно захотелось отомстить, что он отложил свою смерть на потом – и очнулся.

Чьи-то руки поднесли к его губам чашу с водой... Спустя два дня он уже смог подняться на ноги.

Жители маленькой рыбацкой деревеньки – десяток глиняных хижин, длинные лодки, сохнувшие бесконечные сети, – были неразговорчивы и неприветливы. Люди, найденные в пустыне, не внушали им доверия – ведь они так не похожи на них... Опасения рыбаков были не напрасны: слегка окрепнув, Юстэс в одну из ночей взял припасённый заранее кувшин с водой, пару пресных, жёстких, как подошва сапога,

лепёшек, и украл лодку.

Выйдя в море на безопасное расстояние, он направился вдоль берега, надеясь выплыть к какому-нибудь более подходящему месту, откуда он сможет наняться на корабль, идущий в Акру. Он понимал, что стал пешкой в неведомой ему игре, и Фурье, посылая его в путь, строил какие-то свои планы. Возможно, расстроив эти планы, Юстэс тем самым отомстит святому отцу, а быть может, доберётся и до него самого. Юстэс понятия не имел, что будет делать в Акре. Пергаментный свиток Фурье был им утерян, но он рассудил, что попытаться стоит: ведь монах сказал, что нужный человек сам найдет его, и юноша не задумывался, как тот это сделает. Не думал он и о том, что может и не добраться до места, ведь молодости свойственна здравая доля глупости и самоуверенности, и вкупе с верой в свою звезду и удачу, это сочетание дает иногда удивительные результаты.

Он грёб около часа, стерев в кровь ладони, когда куча тряпья на корме лодки вдруг зашевелилась. Юстэс приподнял весло и размахнулся, ожидая чего угодно, но из-под тряпья вылез, потягиваясь и позёвывая ... Али. Юстэс с облегчением перевел дух: он был несказанно рад видеть своего чернокожего приятеля.

– Как ты здесь оказался, хитрец?

Но Али не понимал его слов и молча улыбался, сверкая белками глаз.

Несколько дней они провели в море – повелитель вод был милостив к ним. Али ухитрился из запасного весла и тряпья наладить парус. Ловили рыбу, высаживались на берег, – не есть же её сырой... На берегу старались и ночевать, карауля по очереди. Вой гиен и шакалов внушал суеверный страх, но ещё больше они опасались людей, и потому, едва занимался рассвет, тут же отправлялись дальше. Путешествовать ночами было бы легче, но неопытные мореплаватели, подобно своим далёким предкам, боялись потерять берег из виду.

Потом фортуна изменилась – поднялся шторм, и их унесло далеко в море. Лодка перевернулась; весла, остатки припасов – все погибло. Чудом, они сумели уцепиться за утлую посудину, связались поясами, – Гилленхарт не переставал бормотать слова молитвы, Али терпел молча, – и стихия показала им всю свою мощь и ярость.

...Остатки разбитой лодки лениво покачивались на успокоившихся волнах. Море снова обещало быть ласковым и приветливым, только теперь они знали цену его обещаниям. Скоро солнце поднимется выше – палящие лучи и жажда сделают свое дело.

«Господи, неужели это конец?..»

– Куда мы едем?

– Ты мне не доверяешь? – спутница Кагглы улыбнулась и взяла её за руку.

Карета мягко покачивалась на рессорах, звонко цокали

подковы, мимо проплывали жёлтые огни фонарей. Каггла выдернула руку и отвернулась к окну. Вскоре они выехали за город – к реке.

Колеса экипажа прошуршали по бревнам Старого моста и остановились. Возница стукнул кнутовищем в стекло:

– Эй, дамочки! Дальше я не проеду!

– Вылезай! – приказала Каггле ее спутница. – Пройдёмся немного. Обожди нас тут, – велела она вознице.

– Как прикажете, – пожал тот плечами, зябко кутаясь в плащ – у реки было прохладно. – Только заплатить не забудьте!

Они углубились в лес. Каггла немного успокоилась: соло-вынная летняя ночь была слишком хороша для того, чтобы с ней что-нибудь случилось. Её спутница остановилась: прямо перед ними росло дерево с раздвоенным стволом.

– За мной! – скомандовала она, и крепко ухватив художницу за руку, потащила её в развилку дерева.

После путешествия в Пещеру Каггла ожидала чего угодно, но место, где они очутились, поразило её своей заурядностью.

Только что её руки касались шероховатой коры старого дерева, и вот перед ними длинный, грязноватый коридор. Тусклые, давно немые окна, вдоль стены – старые стулья, на стенах – картинки в дешёвеньких рамках, под потолком вокруг голых лампочек уныло жужжали мухи. Пыль, тишина, скука...

Коридор привел их к облезлой двери, когда-то выкрашенной белой краской. Каггла попыталась разобрать, что написано на табличке, украшавшей дверь, но не смогла. Её товарка постучала, и не дожидаясь ответа, вошла. Каггла – за ней. Там, посередине комнаты, заставленной архивными стеллажами с толстыми папками, за письменным столом сидела огромная крыса. Не обращая внимания на вошедших, она сосредоточенно писала что-то длинным гусиным пером.

– Извините... – робко откашлялась спутница Кагглы.

– Не приёмный день! – буркнула Крыса, не поднимая головы от своей писанины.

– Но мне назначено на сегодня! – возразила женщина.

– А у меня – обед! – тут же нашлась Крыса. На столе перед ней поверх исписанных листов появилась большая дымящаяся кружка. Она помешала в кружке кончиком облезлого хвоста, и по комнате поплыл аромат свежего кофе. – Выйдите и подождите в коридоре.

Спутница Кагглы хотела ещё что-то сказать или спросить, но Крыса ухватила кружку коротенькими лапами и с таким громким хлюпом втянула её содержимое, что посетители поняли: общения не получится.

В коридоре они прождали с полчаса. Наконец, терпенье у черноволосой кончилось, и она снова сунулась в кабинет: Крыса, задрав ножки на стол, мирно дремала, сложив лапки на животе.

– У вас обеденный перерыв уже закончился? – громко

осведомилась искусительница.

Застигнутая врасплох, Крыса от неожиданности вздрогнула и чуть не свалилась со стула. Но тут же, схватив перо, приняла деловой вид и снова принялась что-то строчить на новом листе бумаги.

– Я вам человеческим языком повторяю: сегодня не приёмный день!– сердито проскрипела она. – Зайдите завтра!

Посетительница достала из складок платья кусочек сыра. Крыса было заинтересованно зашевелила длинным блестящим носом, но оценив скромные размеры подношения, обиделась:

– Взятка должностному лицу?

Неизвестно, чем закончилось бы их препирательство, но из стены вдруг вышел человек в тёмном.

– Прекрати паясничать, – коротко приказал он Крысе, – и займись делом.

Словно по мановению волшебной палочки кабинет тут же преобразился. Окна закрыли тяжёлые парчовые занавеси, на мраморный пол лег пушистый ковёр, убогая казённая мебель исчезла – взамен у стен встали дубовые шкафы, чьи полки ломились от толстых фолиантов в роскошных переплётках. В углу вокруг низенького столика появились большие кожаные кресла. Человек в тёмном сделал приглашающий жест:

– Прошу!..

Каггла осторожно опустилась в необъятные недра кресла. Оно оказалось на удивление мягким и уютным. Ее товарка

присела напротив. Человек в тёмном остался стоять.

На столе появились бокалы и красивая бутылка, покрытая паутиной.

– Итак, – произнес незнакомец, ловко откупоривая бутылку и разливая вино, – в чём суть вашего дела?

– Родовое проклятье... – торопливо произнесла спутница Кагглы.

– Понимаю, – он покрутил бокал в руке, наблюдая, как по его стенкам медленно стекают «винные слёзки», потом поднёс его к губам и сделал глоток. Каггла, совершенно сбитая с толку, последовала его примеру. Вино оказалось превосходным. – Вы хотите, чтобы я снял его?

– Нет... – держа бокал в руках и водя пальцем по его краю, искусительница тщательно подбирала слова. – Предметом нашей сделки был некий дар, полученный родом Гилленхартов в результате наложенного заклятия. Я оказала моей... гм... подруге одну услугу, и теперь в качестве компенсации хочу получить этот дар себе. Так, как это было оговорено заранее.

– Что же, – сказал человек в тёмном, – дело пустяковое. Прямо сейчас и составим договор.

Крыса, одетая теперь в широкую мантию и судейскую шапочку, стоя у высокой конторки, торопливо строчила пером.

– О чём вообще идёт речь? – возмутилась Каггла. – Может, объясните мне наконец?..

– Пожалуйста! – засуетилась Крыса и, подбежав к ней на

задних лапках, с лёгким поклоном протянула лист бумаги.

Каггла торопливо пробежала глазами по строчкам:

– Ничего не понимаю! – и, скомкав, отбросила листок.

– Ну-ну! – успокаивающе произнес незнакомец. – Не надо нервничать... Позвольте, я закурю? – и достал из кармана трубку.

Крыса проворно поднесла хозяину зажигалку, обиженно посверкивая глазками на столь импульсивную клиентку.

– В документе нет никакого подвоха, – продолжил он, пуская к потолку ароматный клубок дыма. – Наша адвокатская контора имеет солидную тысячелетнюю, я повторяю – тысячелетнюю! – репутацию. За это время нам довелось оформить немало сложных дел, и, поверьте, наши клиенты всегда оставались довольны.

Но Каггла уже не слушала его: она вдруг ощутила в подушечках пальцев лёгкое покалывание, и увидела, как на их кончиках появились голубоватые искорки. Словно крохотные звездочки, они стекали с пальцев и рассыпались в пространстве сверкающими брызгами.

– Так вы согласны? – спрашивал между тем адвокат. Его голос доносился до неё будто издалека.

Не отвечая, она подняла руки над головой и, поворачивая кисти то так, то эдак, откинулась в кресле, любуясь алмазными каплями на своих пальцах. Она чувствовала, как исчезает гнетущий изматывающий страх, что мучил её последнее время, и на смену ему рождается неизъяснимое по сво-

ей прелести чувство собственной силы и превосходства над окружающим миром, доселе совершенно ей незнакомое.

Крыса тем временем разгладила измятый лист и положила его на столике перед черноволосой:

– Подпишите вот тут... и вот тут...

– Кровью? – спросила искусительница.

– Ну, что вы! – захихикала Крыса и замахала лапками. – Кровью только на предмет продажи души! А так, зачем же? Вот, извольте, ручка... Угу... И вот тут...

Черноволосая поставила жирный росчерк, и Крыса, обжав столик, положила листок перед Кагглой.

– Теперь вы! – умильно просюсюкала она, тыкая когтем в уголок листа.

Но Каггла даже не взглянула. Небрежным движением руки она оттолкнула бумагу от себя, и злополучный листок, скользнув по столу, медленно спланировал на пол.

– Я не стану ничего подписывать, – спокойно сказала она. – Все моё – останется при мне.

Крыса так и остолбенела, разинув пасть.

– Что?! – взвизгнула черноволосая. – Да как ты смеешь?!

– Разве я что-нибудь обещала? – усмехнулась художница.

Противница задохнулась от ярости. Бокал в её руке треснул – так сильно она сжала стекло! – и его хрустальная ножка жалобно звякнула о столик.

– Bravo! – негромко сказал адвокат, и похлопал в ладоши. – А вы не так глупы, как я было подумал... Bravo! – и

откинувшись в кресле, он весело подмигнул ей.

Черноволосая, сжав кулаки, – между пальцами правой руки у неё потекла кровь, – угрожающе надвинулась на обманщицу.

– Обещала ли ты?.. – хрипло переспросила она, в её глазах вспыхнули багровые огоньки. – Хочешь, чтобы я освежила твою память?..

– Зачем? – презрительно отозвалась художница. – С памятью у меня все в порядке. Я просто передумала.

Черноволосая растерянно посмотрела на адвоката. Тот невозмутимо курил, пуская кольца.

– Послушай, – примирительно и торопливо заговорила она, – ведь я выполнила уговор, неужели ты окажешься такой неблагодарной? Или тебе мало?.. Тогда скажи, чего ты ещё хочешь?!

– Я хочу, – четко и отдельно проговаривая каждое слово, ответила Каггла, – чтобы ты пошла к черту и оставила меня в покое!

– Но этот дар – твое проклятие!

– Пускай. Зато – *моё*.

В бессильной злобе черноволосая огляделась по сторонам. Крыса торопливо бочком-бочком отбежала подальше.

– погоди! – выдохнула она. – Ты ещё пожалеешь об этом! – и выскочила за дверь, хлопнув напоследок так, что та едва не слетела с петель.

Каггла вопросительно посмотрела на адвоката. Ей было

непонятно, что делать дальше и как попасть теперь домой. Хотя это её совсем не пугала.

– Я восхищён! – лёгкая улыбка тронула его губы. Он разлил оставшееся вино: – За вас!

– Думаю, мне пора... – сказала Каггла, когда они поставили опустевшие бокалы.

– Не смею задерживать, – вежливо отозвался человек в тёмном. – Но если вы не сильно торопитесь, мы могли бы где-нибудь посидеть и отметить наше знакомство.

Каггла так и не поняла, как они очутились вдруг в незнакомом уютном ресторанчике, где подавали на больших подносах печёную рыбу в золотистой корочке: её разделявали ещё живую, доставая из огромного бассейна, и трепыхающуюся клали на раскалённые угли огромной жаровни тут же прямо в зале, и рыба, умирая, смотрела печальными глазами и танцевала, беззвучно подпевая самой себе... Но Каггла не чувствовала жалости – наоборот, этот танец пробуждал в ней какой-то первобытный аппетит. Они много смеялись, болтали, пили чудесное вино. Ей было хорошо.

После он на машине отвез её к мосту.

– Вы сорвали мне выгодную сделку, – улыбаясь, сказал он на прощанье. – Но вечер удался!

Когда Каггла, уходя, оглянулась – его уже не было. Она постояла немного, облокотившись на деревянные перила моста, посмотрела на воду – уснувшая река была спокойна и безмятежна. Растворившись в ночи, почти невидимый, сон-

но ворочался на её берегах спящий лес. На перине из призрачных облаков дремала круглая луна.

Она неторопливо побрела прочь, чувствуя, как проходит эйфория и наваливается приятная усталость. Каггла была уже в самом конце моста, когда за её спиной что-то неуловимо изменилось. Ещё не осознав толком опасности, она инстинктивно метнулась в сторону – и прямо у её плеча рассекли воздух стальные лезвия длинных когтей.

На её счастье, экипаж, на котором они приехали, был ещё на месте.

– Что-то вы долго гуляете... – начал было заспанный возница, но увидев то, что приближалось к ним, осёкся и вытянул свою лошадёнку кнутом.

Лошадка, коротко заржав, встала на дыбы и с места рванула в карьер. Карета подпрыгивала на ухабах, навстречу неслись деревья, огни, дома... Она высунулась в открытое окно – в лицо ударил ветер... Ей стало весело. Весело и тревожно, совсем как тогда в Пещере. Только в ту ночь она была гостьей на чужом пиру – отныне же она будет Королевой бала.

...Али первым заметил парус. Им оставалось только уповать, что их тоже увидят – ни кричать, ни махать руками сил уже не было. Их увидели... Судно изменило курс. Но спасение приближалось невыносимо медленно. Когда их подняли, наконец, на борт, Юстэс потерял сознание.

Очнулся он от невыносимой вони. Ощупав вокруг рука-

ми, он понял, что лежит на полу на куче тряпья. Привыкнув к темноте, разглядел, что вокруг стоят какие-то бочки, ящики... Попытался встать, но пол предательски уходил из-под ног – он не сразу вспомнил, что находится на корабле. Позвал Али, тот не откликнулся. Собравшись с силами, попытался найти выход, но обнаруженный им люк сверху над головой был заперт. Он поколотился о широкие доски:

– Эй, кто-нибудь! – ему не ответили.

Он попытался уснуть. Но невыносимо хотелось пить, все тело болело, да и пустой желудок требовал своё. Когда же наконец стал задремывать, наверху зашумели, люк над головой распахнулся, и чей-то грубый голос на его родном языке приказал:

– Вылазь! Слышишь, нет?..

Шатаясь от слабости и качки, Юстэс ухватился руками за края отверстия. Попробовал подтянуться, но сорвался. Наверху захохотали... Стиснув зубы, он повторил попытку и приподнялся на локтях над люком. В глаза ударил слишком яркий с непривычки солнечный свет, так что слёзы потекли, и он невольно зажмурился. Кто-то схватил его за шиворот и помог вылезти. От свежего воздуха ещё сильнее закружилась голова, и он едва не упал. Люди, столпившиеся вокруг – человек пять или шесть самой пёстрой наружности – засмеялись.

– Харди, веди этого сосунка к капитану, пока он не окочурился! – сказал один из них.

Тот, кого называли Харди – здоровенный детина, заросший до самых бровей густым волосом, – подтолкнул Юстэса в спину. Нарочно или нет, но так, что юноша упал на колени. Собравшиеся вокруг зеваки снова заржали. У Юстэса потемнело в глазах от злости. Ярость придала силы и, вскочив на ноги, он сжал кулаки и двинулся на обидчика. Гилленхарту пришлось бы несладко, но Харди был настроен мирно:

– Спокойно! – пробасил он, волосатой лапой останавливая развоевавшегося юнца. – Остынь, приятель!

Из толпы послышались возгласы разочарования: зрители ожидали бесплатного спектакля.

– Врежь ему!.. – пропищал стоявший ближе всех коротышка, на голове которого красовался несуразный линиялый колпак.

Юстэс так зыркнул в его сторону, что тот почёл за лучшее спрятаться за спинами товарищей.

– Идём... – сказал Харди, раздвигая плечом толпу.

Волосатый великан привёл его к двери, обитой железом, и постучал.

Внутреннее убранство каюты, где они очутились, поразило Гилленхарта неожиданной роскошью. Венецианские зеркала в бронзовых рамах, стены, затянутые дорогими тканями, изящная мебель красного дерева, дорогие светильники, персидские ковры... Среди всего этого великолепия он не сразу заметил лежащего на кровати человека. Человек приподнялся и велел Харди выйти вон.

Пару минут они внимательно изучали друг друга.

Хозяин каюты, мужчина лет сорока, был одет в белоснежную рубашку и восточные шаровары. Руки его с накрашенными, красиво подпиленными ногтями, были щедро унизаны кольцами, длинные тёмные волосы – тщательно завиты и напомажены. Всем своим внешним видом он походил на богатого изнеженного вельможу, но от внимания Гилленхарта не ускользнули ни шрамы на обветренном смуглом лице, ни острый пронзительный взгляд чёрных глаз, – и он внутренним чутьём осознал, что человек, в чьих руках очевидно оказалась его судьба, – силен, ловок, безжалостен и очень опасен.

Лежащий поправил шелковые подушки – в вырезе его рубашки мелькнула окровавленная повязка – и взял в рот мундштук кальяна, стоявшего на полу возле кровати. Затянувшись, закашлялся и, ругнувшись, спросил юношу по-итальянски:

– Имя?..

Юстэс не понял, и тогда хозяин каюты повторил свой вопрос на его родном языке.

– Юстэс фон Гилленхарт, – с достоинством отвечал юноша.

– Дворянин? Откуда родом?

Юстэс ответил.

– Что ты умеешь? – продолжал свой допрос лежащий.

– Я – воин! – с вызовом отвечал Гилленхарт.

На лице хозяина каюты промелькнуло непонятное выражение.

– Лучше бы ты был лекарем! – сказал он, и добавил по-итальянски: – Хотя все они – шарлатаны, и лишь морочат людям головы...

Взяв колокольчик, он позвонил. Появилась красивая смуглая молодая женщина. Он что-то коротко приказал ей и она вышла. Вскоре смуглянка вернулась с подносом, уставленным разными яствами.

– Ешь, пей, – приказал хозяин каюты. – Да не стесняйся! Возможно, это твой последний обед, – и захохотал.

– Что так? – смелея от прямой угрозы, осведомился Юстэс.

– Я – Массимилиано Ла Мана, такое уж имя дали мне при крещении. Но люди зовут меня всё больше Чёрным Ястребом, а еще – капитан Годдем... – и он умолк, желая посмотреть, какой эффект вызовут его слова.

Но Юстэс не был моряком, более того – он пришел издалека, и потому имя его собеседника не вызвало у него никаких эмоций, хотя любого жителя побережья оно бросило бы в дрожь: не было в этих широтах более жестокого и коварного пирата, чем этот человек, за голову которого правители нескольких стран обещали щедрое вознаграждение. Он снискал себе дурную славу даже среди собратьев по ремеслу. Из кораблей, уничтоженных им, можно было бы составить несколько флотилий, а из тех людей, что он лично от-

правил к праотцам – целый город, ибо он не жалел никого – ни женщин, ни детей, ни стариков, разве только когда их можно было выгодно продать или получить богатый выкуп. Под стать капитану была и команда.

Видя, что юнец никак не отреагировал на его имя, капитан принял это за проявление храбрости. К тому же рана, полученная им в одной из последних стычек с кораблем сицилийского короля и гашиш, к которому он время от времени прикладывался, немного поубавили его обычную кровожадность, и он сказал:

– Если ты и вправду умеешь сражаться, то я, пожалуй, оставлю тебя в живых: мне нужны люди. Кое-кто из моих ребят кормит акул, так что тебе найдется местечко на моем корабле. Я удачлив!.. – хвастливо добавил он. – Держись меня – и тогда в твоих карманах зазвенит золото, и в любом порту девки гроздьями будут вешаться тебе на шею! Не затем ли ты и покинул родной дом?

– А если я откажусь? – с набитым ртом спросил юноша: сев на полу перед подносом, он изо всех сил налегал на еду.

– Не знаю... – отвечал Чёрный Ястреб, снова беря в рот мундштук, – полетишь за борт или будешь болтаться на рее... Может, продам тебя в ближайшем порту на невольничьем рынке. В любом случае, выбор у тебя есть – смотри, не прогадай!..

Несколько дней на пиратском корабле пролетели незамет-

но. Для Юстэса это были дни, полные борьбы за собственную честь и достоинство. Место под солнцем и право на жизнь ему пришлось отвоевывать с помощью ножа и кулаков: озверевший от скуки сброд висельников, именуемый командой, единственными развлечениями считал кости, вино и драки. Юстэс был новичком, слишком молодым и «благородным», по мнению остальных, и каждый считал своим долгом зацепить его. Оставили его в покое лишь тогда, когда где-то на пятый день в одной из стычек он насмерть ранил одного из обидчиков, пропоров ему живот.

Расставив все точки, Гилленхарт осторожно попытался выяснить, что же случилось с его чернокожим другом.

– Тот, которого выудили из воды вместе с тобой?.. – почесал в затылке в ответ на расспросы Харди, – он был одним из немногих, с кем у Юстэса сложилось подобие нормальных отношений. – Если не сдох, то, верно, сидит в трюме с остальными невольниками.

Это известие одновременно и обрадовало и огорчило: он не представлял себе, как вытащить беднягу из того ада, в котором держали пленников пираты. Юстэс собирался при первой же возможности удрать, но его понятие о чести не позволило бы ему совершить побег, если Али при этом останется в плену. Рабов на корабле Чёрного Ястреба охраняли только крепкие засовы – никому из пиратов не пришло бы в голову освободить их: ведь это были «живые» деньги. Отсутствие караульных облегчало задачу. Раз в день пленни-

кам спускали вниз еду и воду. Эта обязанность не считалась почетной, но Юстэс охотно взял ее на себя. Мешало лишь то, что юношу обычно сопровождал кто-нибудь ещё. Зато он смог убедиться, что Али жив.

Поразмыслив, юноша решил, что единственный выход – убить того, кто в очередной раз потащит вместе с ним котел с помоями для пленников, завладеть ключами, вызволить Али и, спустив шлюпку, бежать. И все это надо было проделать среди бела дня. План побега был плох не только этим: могли поднять шум остальные пленники. А ещё ведь надо запастись водой и пищей, и заранее спрятать припасы в шлюпке. Но как это сделать незаметно? Если даже всё пройдет гладко – спустить шлюпку на воду не такое быстрое дело, особенно, когда не знаешь как. Но ничего другого не приходило в голову.

...Утро следующего дня в Замке Лостхед выдалось на редкость суматошным.

Во-первых, никто не мог понять, почему в Кухне, как раз над обеденным столом, висит беспомощно в воздухе Дуния? Во-вторых, сославшись на семейные проблемы, уехала Орфа – внезапно, оставив лишь записку, и ни с кем не попрощавшись.

– Это просто свинство с её стороны! – жаловалась Бабушка. – Оставить меня на растерзание родственников в самый разгар лета!..

В-третьих, у ворот обнаружили следы огромных когтистых лап, причём страшные отпечатки остались не только на земле, но и на асфальте, словно он расплавился под действием неведомых сил.

Тётушки, поразмыслив, решили вызвать полицию.

Приехал наряд. Следы неведомого чудища не очень удивили представителей власти.

– Это дело рук каких-то шутников, – заявили они, – ведь скоро Карнавал!

– Вот именно! – не соглашалась с ними тётка Люсильда. – В эту пору как раз и вылезает на свет божий всякая нечисть!.. Вы обязаны принять меры!

– Примем-примем! – пообещали полицейские, лишь бы только она отстала.

Переглядываясь украдкой и пересмеиваясь, они замерили следы и сфотографировали их. Вокруг собралась довольно приличная толпа зевак. Замелькали вспышки камер.

– Вот вам и очередная сенсация! – сказал один из них.

– Еще скажите, что мы сами все это устроили! – возмутилась тётка Люсильда.

– Каждый зарабатывает, как может, – уклончиво заметил старший из полицейских, – я бы на вашем месте продал бы теперь парочку жутких историй какой-нибудь газетёнке...

Стоявший неподалеку дядя Винки задумался.

Но тётка Люсильда не собиралась торговать семейными ужасами.

– Пройдемте-ка теперь со мной в дом, – сурово приказала она ребятам в форме так, словно это она служила в полицейском управлении, а они были злостными нарушителями закона.

Нехотя служивые последовали за ней. Увиденное в Кухне, поразило полицейских куда больше, чем какие-то там следы чудовища у ворот.

– Да... – печально сказал минут через пять тот, у которого была жена, тёща и трое ребятишек.

– Да-а! – восхищённо ответил другой, холостой и помоложе.

Неизвестно какие мысли возникли у них при виде белокурой красавицы-великанши, беспомощно застывшей в воздухе: ей и раньше-то достаточно было просто пройтись по улице, чтобы половина мужского населения города начисто лишилась рассудка. Но, видимо, ничего путного им в голову не пришло. Один из них залез на стул и, встав на цыпочки, попытался стянуть Дунию вниз, но её словно держала какая-то сила. На помощь пришел напарник... Вдвоём они изо всех сил потянули её к полу, ухватив несчастную за ноги. Ничего хорошего из этого не вышло. Та же сила, что держала возлюбленную Дедушки в воздухе, намертво приклеила к ней руки незадачливых спасателей. Пытаясь высвободиться из неожиданного плена, они тоже повисли в воздухе, ругаясь и болтая ногами.

Нелепая тройца выглядела презабавно. Кое-кто из домо-

чадцев, не выдержав, засмеялся, но тут же умолк: говорить Дуния не могла, но по её лицу насмешники ясно прочитали своё ближайшее незавидное будущее.

– Они у нас теперь вместо люстры будут? – деловито поинтересовалась Мэрион.

– Пойду звонить комиссару!.. – мрачно сказал Папа, встряхивая на руках хнычущего Подкидыша.

Приехавший через полчаса Рэг Шеридан совершенно не одобрил действий своих подчиненных, хоть они и пытались, увидев его, взять под козырек.

– Чем это вы тут занимаетесь?! – рявкнул он, не разобравшись, – Да ещё в служебное время! Приказываю: отставить немедленно!

Походив вокруг живописной композиции, комиссар смекнул, что одних приказов тут будет недостаточно.

– Неплохо устроились, каналы! Как это вообще случилось?

Но все дружно пожимали плечами – никто ведь ничего не помнил. Мэрион промолчала...

– Надо отыскать Бородатого и попросить его расколдовать Дунию, – сказал Толстяк, когда Рио по телефону описала ему суматоху, царящую в доме. – Тот, кто наложил заклятье, должен знать, как снять его.

– Но тогда он поймет, что мы всё помним! – возразила девочка.

– А чем занимаются ловцы привидений?

– Тем же, чем и все остальные: бегают каждые пять минут в Кухню и писаются со смеху.

– Ты бы пробралась к ним в комнату, – посоветовал приятель, – и посмотрела, куда они дели Питера...

– Думаешь, он – там?! – ужаснулась Мэрион.

У нее просто мороз пошёл по коже, когда она представила, что покойник мог всю ночь провести в их доме! А если он, чего доброго, еще начнет шляться по ночам? Мало им привидения! – так оно хоть своё, фамильное...

Улучив подходящий момент, Рио последовала совету Толстяка. Но ее ждало полное разочарование. С замиранием сердца она обшарила всё – вдруг откуда-нибудь да и выскочит безголовый! Но ничего такого не случилось. Это её почему-то страшно разозлило и, сбегав к себе, она взяла корзину с удавом и, вернувшись, подсунула её под кровать одному из Ловцов: то-то будет переполоху, когда Доди отправиться на прогулку!.. Уже уходя, она увидела на столе маленькую мужскую сумочку. Поколебавшись, Рио заглянула и туда: деньги, какие-то квитанции, очки, зажигалка... В боковом кармашке она нашла удостоверение личности: с маленькой фотографии на нее смотрел погибший. Подумав, Рио прихватила документ с собой.

– Зачем взяла? – возмутился Толстяк, когда спустя четверть часа они сидели за столиком в кондитерской его отца. – Что будет, если они заметят пропажу?

– А я при чём? – хладнокровно парировала она тоном опытной преступницы. – Пусть докажут! И вообще я хочу, чтоб они поскорей убрались из Замка! Если Доди не поможет, напущу на них винных чертей!

– У меня есть идея получше! – с загадочным видом сказал мальчишка.

В бар «Эстела» Зануда пришла гораздо раньше условленного часа. Появление Макса Линда в Городе и радовало её, и пугало. Поэтому, наверное, она и пришла раньше назначенного: ей казалось, что на месте будет легче определиться, чего же ей хочется – поговорить с ним о том, что давно терзало её душу или снова сбежать?

Держа в руке бокал с тонкой соломинкой, она вспоминала их последнюю встречу... Нет, не надо было ей приходить! И она поднялась уже было, но в дверях показалась высокая фигура Линда.

Они долго сидели молча друг против друга. Наконец, он прервал молчание:

– Вот мы и встретились. Ты не рада?

– Нет! – почти грубо отрезала девушка.

Линд грустно улыбнулся:

– Вот она – людская неблагодарность! А ведь я, позволю напомнить, спас тебя.

– Что тебе нужно?

– Я постараюсь объяснить, – кротко сказал Линд. – Мне

нужны вовсе не пресловутые подземелья вашего Замка, которые ищут все, кому не лень, будучи уверенными, что именно там барон фон Гилленхарт спрятал свои сокровища, когда его преследовала инквизиция.

– Неужели? – недоверчиво скривилась собеседница.

Линд умолк и посмотрел на неё. Взгляд его был серьёзен и печален.

– Девочка, ты не представляешь себе, насколько всё...

– Прекрасно представляю! – резко перебили Зануда. – Когда к тебе среди ночи заявляются сумасшедшие люди и заявляют, что они – инквизиция, а ты – ведьма, и потому тебя надо сжечь, поневоле задумаешься!.. Эти маньяки сломали мне жизнь! Я бросила университет, Париж, и погребла себя в этих стенах, от которых меня уже тошнит! И всё с одной единственной целью: разобраться, наконец, в этой чертовщине!

– И как успехи? – насмешливо осведомился Линд.

– Я многое поняла. Долина представляет собой аномальную зону. Этаким коридор, из которого открываются двери в разные миры. Всё это каким-то образом связано с именем барона и с Замком. Но как – я не знаю. Возможно, из своих странствий он привез некий артефакт, который послужил ключом, и открыл эти двери...

– Кое-что он действительно привёз, – подтвердил журналист.

– У нас странный получается разговор! – сердито сказала

она. – Разговор ни о чем. Вы что-то знаете и не хотите мне рассказать. Неужели вы появились здесь лишь затем, чтобы я сказала вам спасибо?

– Нет, не за этим... – медленно произнес Линд.

Он весь вдруг как-то подобрался и напрягся, точно увидел кого-то за её спиной. Повинуясь его взгляду, Зануда обернулась: среди отдыхающих она заметила несколько знакомых лиц, но так и не поняла, что напугало её собеседника, – пока она разглядывала посетителей бара, журналист исчез.

Она посидела еще немного, но Линд так и не появился.

– Вам просили передать... – сказал официант, когда она расплачивалась, и протянул ей небольшой конвертик.

Выйдя на улицу, она открыла конверт. Там оказался обрывок старого пергамента. *«Придёт Страж и явится Дракон – и то будет конец всему...»* – прочитала она, и внезапный необычной силы порыв ветра вырвал исписанный клочок у неё из рук, и развеял пергамент в пыль.

В сумочке пронзительно запищал телефон.

– Алло?..

– Ты должна поторопиться! – голос Линда звучал так тихо, что она едва могла разобрать его слова, – Страж уже здесь!..

– Я ничего не понимаю! – прокричала она в трубку. – Куда ты пропал? – но ответом ей были громкие частые гудки.

...Судьба между тем посылала Гилленхарту всё новые и

новые испытания. Как-то на рассвете вахтенные заметили на горизонте судно. Из разговоров юноша понял, что встреча не была случайной – пираты нарочно охотились за этим кораблем, на борту которого, как донесли Ла Мане шпионы с берега, было полно золота.

– Корабль принадлежит храмовникам, – охотно пояснил ему Харди. – Ох, и поживимся же мы!

Юноша ужаснулся:

– Вы не боитесь гнева святого Ордена?

– Мы с нашим капитаном никого не боимся! – хвастливо отвечал пират. – Не из таких переделок выходили!

Остальные члены команды были настроены не менее решительно. Пиратский корабль быстро настиг тяжёлое торговое судно.

– Поднять мой личный флаг! – распорядился Ла Мана. Приказание было исполнено тотчас – и на верхушке мачты затрепетал белый флажок с черной птицей.

...Когда все было кончено, палуба чужого корабля была скользкой от крови. Оставшихся в живых пираты загнали в трюм. Туда же отправились и захваченные сокровища. Разграбленное судно разбойники отправили на дно. Ночью на корабле воцарилась настоящая вакханалия. Победители на радостях перепились – среди захваченного груза было много бочек с вином – и между ними вспыхнула драка. Разделившись на несколько враждебных группировок, они устроили настоящую охоту друг за другом.

– Кого Бог хочет наказать, того он лишает разума... – шептал Юстэс.

Юный рыцарь не участвовал в захвате. Едва в воздухе взвились верёвки с крючьями, и самые отчаянные из головорезов полезли на выставленные копыя, он встал у мачты, спокойно скрестив руки на груди: лучше принять смерть, если Господу угодно испытать его, чем пролить невинную христианскую кровь. И так простоял он несколько часов, не чувствуя ни страха, ни боли; только однажды глаза его встретились с горящими глазами Ла Маны – так, верно, горят глаза демонов в преисподней, – и душа его вновь наполнилась тяжёлым свинцом ненависти. Теперь, кроме Фурье, у него будет ещё один заклятый враг.

Он и сейчас, прячась, не чувствовал страха, но хотел переждать и пробраться незамеченным к люку в трюм, где томились пленные. Но не успел: при свете смоляных факелов кучка пьяных пиратов во главе с капитаном вытащила пленников на палубу. Расправа была жестокой: то, что он видел днем, показалось бы мученикам детской забавой. Позабыв обо всём, Юстэс вышел из своего укрытия и, безоружный, бросился в толпу, окружившую очередную жертву.

– А-а... наш юный друг! – он неожиданно очутился лицом к лицу с капитаном. – Хочешь позабавиться? – Ла Мана с трудом ворочал языком. – Дайте-ка ему нож!

Юстэс почувствовал, как его отвага уступает место безысходному отчаянию: на руках у дюжих головорезов бессильно

повис Али. Его глаза были закрыты.

– Подколи-ка свинку, братец! – продолжал капитан. – Уберите эту чёрную тварь! – заорал он, и тело Али швырнули за борт – легко, точно пустой мешок. Юстэс невольно подался вперёд, но сильные руки схватили его и развернули в другую сторону. – Смотри, кого я тебе припас, братец!

– Я не брат тебе!.. – выкрикнул юноша, чувствуя, как в груди от закипающей ярости плавится сердце.

– Правильно! – громовой хохот капитана перекрыл усиливающийся шум волн. – Нет у меня братьев, кроме дьявола! – и сатанинский смех его вдруг стал так страшен, что остальные пираты притихли. Далеко в ночи беззвучно сверкнула молния.

– Погода портится, капитан... – сказал кто-то. Словно в ответ на эти слова начался дождь.

Но Ла Мана точно ничего не слышал. Схватив юношу за рукав, он силой подтащил его к человеку, ничком лежащему на палубе.

– Поднимите эту падаль!.. – приказал он. Несколько пиратов поспешили исполнить приказание.

Лицо, шея, грудь этого человека представляли собой одну большую рану. Кровь струилась так обильно, что Юстэс даже не понял – молодой он или старый.

– Прикончи его! – велел капитан, протягивая ему кинжал. Человек вдруг открыл глаза, и Юстэс замер, пораженный: он видел такие раньше только на византийских иконах...

Холод металла обжег ему руку. Корабль сильно качнуло, и пленник, не удержавшись, обеими руками ухватился за капитана. Ла Мана тут же оттолкнул его, кровь истерзанного пленного испачкала ему лицо и руки.

– Чертов мерзавец!– брезгливо сморщился капитан, утираясь.

В глазах пленника появилось странное выражение: торжество, насмешка и жалость одновременно.

–Ты ещё вспомнишь нашу встречу... В другой жизни! – сказал пленный, и добавил неразборчиво ещё какие-то слова на чужом языке.

– Сомневаюсь, дружище, – дружелюбно оскалился Ла Мана. – Ты ведь сейчас отправишься в рай!.. Ну, а я вряд ли туда попаду!

– Я не убиваю безоружных! – проговорил Юстэс, и кинжал глухо ударился о палубу.

Но пленный вдруг упал на колени и, схватив брошенный им нож, вонзил лезвие себе в грудь.

– Вот гадёныш!– Ла Мана покачнулся и смачно плюнул в лицо самоубийцы. – Перехитрил... – договорить он не успел – кулак Гилленхарта запечатал ему рот.

Дюжина пиратов мгновенно повисла у юноши на плечах, со всех сторон посыпались удары.

– Оставьте его!.. – прохрипел капитан, вытирая разбитые губы. – Он теперь мой...

На мокрой палубе образовался круг. Внутри него оста-

лись трое – один мёртвый, и двое, готовые последовать за ним. Лица людей в неверном свете факелов казались мордами чудовищ. Юстэс понял: выхода из этого круга для него не будет. Но ему всё равно. «*Честь дороже жизни...*»

В руке Ла Маны появился длинный нож. Первым же выпадом он рассек юноше кожу от правого уха до подбородка. Толпа плотоядно заурчала. Боль вернула Юстэсу его обычную осторожность и ловкость: безоружный, он кружил вокруг противника, не давая ему приблизиться к себе, а сам незаметно подбирался к телу безымянного самоубийцы. Капитан не успел вовремя разгадать его маневр, и Гилленхарт резким движением вытащил кинжал из груди погибшего: теперь их шансы уравнились. Живое кольцо затаило дыхание...

Волны швыряли корабль из стороны в сторону – волнение на море всё усиливалось; шквалистый ветер злобно рвал паруса, хлестал дождь, но люди, собравшиеся на палубе, не замечали ничего: поединок поглотил всё их внимание. Корабль всё глубже зарывался носом в бушующие волны и всё тяжелее было ему вырываться из их жадных объятий, но две человеческие фигурки кружились и кружились в странном танце – резкие движения танцоров венчались блеском стали, и словно их продолжение вспарывали чёрное небо хвостатые молнии, будто и там в тучах кто-то дрался не на жизнь, а на смерть...

Ла Мана был сильным и страшным противником – куда

более ловким и опытным, чем его юный соперник, но Гилленхарту удалось полоснуть капитана по груди, чуть пониже ключицы.

Неглубокий порез, оставленный ножом рыцаря, вдруг стремительно удлинился, точно кто-то изнутри рассёк ставшую ненужной оболочку человеческой плоти, и наружу через страшную рану вывернулось нечто, похожее на огромного скорпиона. Остатки туловища капитана болтались у чудовища на спине, будучи с ним, по-видимому, одним целым – и голова Ла Маны хохотала и извергала поток проклятий, а его руки продолжали сражаться, разя налево и направо. Исчадие ада заревело, перекрывая шторм, и рядом с Юстэсом в палубу вонзилось лезвие страшного хвоста...

Люди бросились врассыпную, чудовище хватало их и ломало клешнями; иные в ужасе прыгали за борт – смерть в морской пучине лучше объятий порождения мрака!.. Раскаты грома и грохот волн заглушали вопли несчастных, и лишь один звук перекрыл буйство стихии: то со страшным треском подломилась и рухнула мачта, перебитая одним ударом свирепого создания. Гилленхарта задело её обломком, и последнее, что он увидел во вспышке молний, проваливаясь во тьму, – гигантская клешня, занесённая над его головой...

Утром третьего дня выпавшееся солнце лучами-пальцами пригладило обиженное море, разогнало тучи, посадило ветер на цепь – и в мире наступило затишье. Потрёпанный

бурей остов пиратского корабля сносило течением к югу. Юстэс очнулся от нестерпимой жажды. В голове непрерывно гудел колокол. Он попытался подняться на ноги, но обнаружил, что крепко прикручен верёвками к основанию разбитой мачты.

– Э-эй... – он думал, что кричит, но из пересохшего горла вырвалось хриплое сипение. – Воды...

Палуба была пугающе пуста – среди зияющих пробоин только обломки и мусор. В канатах над его головой нежно и тоскливо пел ветер. Он приподнялся: за качающимся бортом подернутое мелкой рябью море... И пусто, пусто, пусто – словно он один на белом свете. Гилленхарт стал грызть веревки. Возможно, во время шторма они спасли ему жизнь, но теперь эти путы могли стать причиной его гибели, если он не сумеет от них избавиться. Обессилев, он ложился лицом вниз и слизывал с досок палубы соленые брызги, потом снова принимался за веревки. А корабль-могила плыл себе дальше, беспечно отдавшись коварным волнам, что так ласково лизали теперь его крутые бока.

Ближе к полудню из чрева истерзанного судна послышались шорохи. Юстэс насторожился. На палубу, шатаясь, выполз человек... Не обращая внимания на привязанного, он со стоном распластался на тёплых досках, нагретых солнцем. Вскоре к нему присоединилось еще шесть или семь пиратов – всё, что осталось от команды. Последним, щурясь от яркого солнца, поднялся... капитан. Хмуρο оглядевшись по

сторонам, он уверенно направился туда, где лежал Гилленхарт. Подойдя к нему, он достал из-за пояса кинжал и перерезал веревки, спутывавшие пленнику руки. Юстэс сел, прислонившись спиной к основанию мачты и растирая затекшие кисти. Ла Мана присел напротив на просмоленную бухту каната. Несколько минут они молчали, разглядывая друг друга. Из прорех когда-то белоснежной шелковой рубахи на груди капитана виднелся уродливый багровый рубец шрама толщиной в руку.

– Я убил бы тебя, – произнес, наконец, капитан, так словно речь шла о чём-то незначительном. Юстэс молчал. Капитан принялся чистить кинжалом ногти. – Но я хочу сначала знать, кто ты? – и лезвие уткнулось юноше в горло. Юстэс сплюнул – слюна была окрашена розовым: он сильно натер десны и губы, пытаясь освободиться от пут. – Отвечай! – взорвался капитан.

– Что ты хочешь услышать? – равнодушно пожал плечами Юстэс. – Мне нечего тебе рассказать.

Глаза капитана превратились в узкие щелочки. Он машинально провёл пальцами по груди, ощупывая шрам.

– Что же ты сделал со мной? – спросил он тихо. – Что?!

Несколько человек подвинулись поближе, прислушиваясь к разговору.

– Пошли вон! – рявкнул капитан.

Любопытствующие тотчас расползлись и затаились, кто где.

– Той ночью, когда я превратился в чудовище, – не глядя на юношу, заговорил капитан, словно бы обращаясь к самому себе, – мне было хорошо... Очень хорошо! Я чувствовал себя сильным и... бессмертным... Мне вдруг показалось, – он задумался, подбирая слова, – что я обрёл себя. Настоящего... Стал таким, каким и должен быть! – из его груди вырвался вздох сожаления. – А сейчас мне чертовски хреново! – неожиданно сварливо закончил он. Схватив юношу за грудки, он с силой притянул его к себе, и вглядываясь в его глаза, прошептал: – Я боюсь!.. Я не хочу превратиться снова! – Юстэс вдруг обнаружил, что у капитана нет зрачков – из глазниц Ла Маны сквозь выпуклую и влажную оболочку смотрела Тьма. – Что ты сделал со мной?!

Гилленхарт с силой оттолкнул противника и вскочил на ноги. Ла Мана тоже поднялся.

– Это не я... – хрипло рассмеялся Юстэс. Суеверный страх капитана забавлял его: и этот злодей чего-то боится! Он вспомнил вдруг глаза пленника и его странные слова: – Тебя прокляли! – сказал он, и смачно плюнул прямо в лицо пирату.

Неизвестно, чем бы все кончилось, но в дело вмешался коротышка – тот, что советовал Харди избить пленника:

– Капитан! – хнычущим голосом сказал он, неожиданно возникнув за спиной у Ла Маны, – Мы приближаемся!..

Ла Мана, помедлив, с сожалением опустил сжатые кулаки.

– Разберёмся после, – пробормотал он. – Глаз с него не

спускать! – прикрикнул он на коротышку, отвешивая ему оплеуху. – Головой мне за него отвечаешь! – и бегом отправился на мостик.

Коротышка злобно взглянул на Юстэса и погрозил тому костлявым, но увесистым кулаком:

– Я тебе это припомню, сопляк! – зловеще пообещал он, точно это Юстэс ударил его.

Юноша молча двинулся на задиру. Но Коротышка, едва достававший ему до локтя, и не подумал испугаться: его верхняя губа дрогнула, обнажив мелкие острые зубы и зарычав, он неожиданно высоко подпрыгнул вверх и обеими ногами нанес Юстэсу страшный удар в лицо.

Когда Гилленхарт снова сумел подняться на ноги, Коротышки и след простыл. Но Юстэс и сам тут же забыл о нем: не далее, чем в полумиле, из воды вздымалась огромная каменная арка. Прямо над аркой стояло в зените солнце, но ещё одно, только зелёное, он ясно видел в каменном проеме!.. Вокруг загадочного сооружения, кипя, бурлили огромные водовороты, жадно затягивая под воду острова плавучих водорослей и обломки разбитых кораблей, коих тут плавало множество. Неумолимое течение вод несло их истерзанное судно прямо к гибельному месту!.. Завороженный невиданным зрелищем, юноша поднялся на мостик. Остальные уже были там. Никто не проронил ни слова...

Ла Мана стоял у штурвала, крепко сжав рулевое колесо. Жилы на его лбу, покрытом мелкими бисеринками пота,

вздулись, крепко сжатые губы побелели: лик капитана был страшен, но спокоен той отрешенностью, какая порой возникает у человека, когда грань между жизнью и смертью становится тоньше волоса. Белопенные буруны на воде все ближе и ближе... Подводное течение рвёт штурвал из рук капитана, пытаюсь направить корабль туда, где вращаются гигантские водяные валы... Невыносимый грохот оглушает людей, ледяной страх сковывает их члены... И кажется им, будто кто-то огромный хохочет, сотрясая небеса: «Безумцы! Куда вам тягаться с буйством взбесившейся стихии!..» Но капитан наваливается на штурвал – на его руках вспухают в оплётке вен узлы мышц, лицо искажают судороги, он что-то кричит – и из последних сил уводит корабль в сторону... Кажется, спасение близко, но деревянную скорлупку подхватывает новая мощная струя и несёт её прямо на каменные своды арки, откуда смотрит на них чужое зелёное светило. Люди замирают, ожидая неминуемого столкновения, но рука капитана вновь отводит корабль от гибели, уверенно направляя его прямо к зелёному солнцу – к жизни!..

И вот всё стихло...

Юстэс, как и другие, оборачивается назад: ни арки, ни водоворотов! Вокруг расстилаются спокойные тёмные воды; впереди, в вечереющем свете, редкие огоньки. Корабль медленно входит в устье незнакомой реки, её берега поросли густым лесом. Тишина и усталость заставляют людей понизить голоса, они перешёптываются, настороженно и внимательно

вглядываясь в проплывающие мимо зелёные кущи: как-то встретят они измученных скитальцев?.. Но как бы то ни было, ясно одно: с Петром-ключником обитатели корабля свидятся немного позже.

...Всё-таки взрослые – странные люди! Как быстро забывают они то, что так хорошо знали в детстве! Загадочное происшествие на Кухне у Гилленхартов – лишнее тому подтверждение.

Рэг Шеридан, убедившись, что его приказы не возымели на подчиненных никакого действия, решил зайти с другой стороны: отлучившись часа на два, он вернулся во главе компании из нескольких весьма занятых особ. Среди них была низенькая женщина необъятной толщины, высокая носатая старуха с сердитым лицом, молодой человек с туманным взором и розовыми волосами, солидный господин во фраке и цилиндре, и ещё несколько человек. Все они были представителями довольно прибыльной в Городе профессии, и без лишней скромности именовали себя колдунами и магами. Бабушка обычно называла их попроще – шарлатанами.

Уяснив суть происходящего, гости начали действовать.

Первым за дело взялся господин во фраке. Промучившись с полчаса под язвительными взглядами коллег по цеху, он был вынужден отступить, изящно объяснив неудачу неблагоприятным расположением звёзд и тому подобными тонкостями.

Под гипнотическим и недвусмысленным взглядом розоволосого юноши Дуния сотоварищи немного опустились вниз. Бабушка при этом громким шёпотом объяснила всем, «это потому, что воительнице очень хочется вздуть нахала».

– Ишь, уставился, как кот на сметану!..

После такого комментария юноша обиделся и впал в транс. Его увели под руки двое помощников неопределенного пола, так зыркнувшие на непочтительную старуху, что у Бабушки тотчас невыносимо разболелась голова.

Низенькая толстуха, выступившая вслед за тем, головную боль у Бабушки сняла, но с висевшими под потолком сделать не смогла ничего. И на том спасибо!

Носатая старуха оказалась вдобавок адептом Церкви Вечных Девственниц и прочла присутствующим целую проповедь о том, какое слабое и противное существо человек, и как Господь его за это наказывает. Ее зажигательная речь заставила тётушек прослезиться, а у старшего из полицейских выросли маленькие рожки. На этом колдунья посчитала свою миссию выполненной и потребовала у Папы чек.

– А где результат?.. – возмутился Папа.

– Вот! – гордо заявила старуха, указывая на рогатого полицейского.

– Извините, – уклончиво отвечал хозяин дома, – но это немножечко не то, на что мы рассчитывали. Впрочем, – торопливо добавил он, спохватившись, – я могу, конечно, сделать пожертвование...

Остальные оказались вообще ни на что ни годны – это вам, знаете ли, не туристов дурачить!

Ажиотаж вокруг заколдованных между тем не стихал: в дом так и ломились журналисты и любопытствующие, и к полудню Бабушка строго распорядилась никого больше не впускать! Однако некоторые всё равно ухитрились всякими правдами и неправдами просачиваться внутрь. Практичная Мэрион предложила брать с посетителей деньги.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась тётка Люсильда.

– Что тут такого? – искренне удивилась девочка. – Я буду вроде как продюсер, на артистов ведь тоже за деньги смотрят!

Потом была эпопея с кормлением несчастных пленников, в результате которой сердобольная тетка Жоржетта, которая вечно привечала всех бездомных собак и кошек в округе, разделила участь полицейских, а дядя Антуан, полезший ей на выручку, едва не свернул себе шею, упав со стремянки.

Потом прибежали жена и тёща старшего полицейского – жена плакала, тёща ругалась, но ни то, ни другое не возымело успеха.

Приходил доктор Сибелиус: посмотрев на висящих под потолком с безопасного расстояния, он заявил, что медицина тут бессильна.

Нарисовалась парочка чудиков из Обсерватории – как всегда при очках и галстуках...

Словом, обитатели Замка были уже близки к помешатель-

ству, и тогда Бабушка предложила пообедать. По времени, правда, было самое время ужинать. И домашние, и гости с радостью ухватились за эту идею, и перекочевали в столовую: вдруг после сытного угощения придёт в голову какая-нибудь здравая мысль?

Обед близился к десерту, когда из Кухни раздался страшный грохот и дикие вопли. Спустя несколько минут мимо изумлённых гостей стремительно пронеслись освобожденные пленники: впереди мчались со скоростью хорошей скаковой лошади полицейские, за ними – разъярённая Дуния, размахивающая мечом. Ее лицо не предвещало товарищам по конфузу ничего хорошего...

Шумная ватага сделала несколько кругов вокруг обеденного стола и вылетела за дверь.

Потом, прихрамывая, появилась тетя Жоржетта. На неё накинудись с вопросами, но она лишь молча прикладывала руку к сердцу, давая понять, что не в силах пережить увиденное. Её усадили за стол, Бабушка, сидевшая справа, на капала ей в рюмочку валерьянки, слева вмешался дядя Винки, подсунув рюмку с коньяком. Тётя Жоржетта одним махом опрокинула в рот и то и другое.

Неизвестно, что больше помогло ей прийти в чувство, но она рассказала в жутких подробностях, как из-под обеденного стола вылез вдруг – кто бы вы думали?! – Карпуз и, щёлкнув пальчиками, сказал: «Отомли!» – и они рухнули на пол!

– Он так смотрел на нас!.. – живописала тётка Жоржетта. – Такими недетскими глазами!.. А потом – басом «Отомри!»... Ах!..

Вечером, укладывая малыша спать, родители осторожно поинтересовались, что же случилось на самом деле?

– Дядя сказал: замли!.. – охотно пояснил Карапуз, сложив ручки на одеяле и глядя на родителей ясными глазами. – Надо сказать: отомли!.. Игла такая, – пояснил он, зевая. – Не знаете, что ли?

Но родители не знали такой игры – они ведь были взрослыми. Не знали они и про какого «дядю» говорит их ребёнок, а он говорил про Макса Линда. Во время его «фокусов» Карапуз сидел под столом, и видел всё, кроме волшебного кольца... Он хотел им рассказать, но его слова сочли фантазией.

Взрослые вообще имеют привычку пускать мимо ушей то, о чём говорят дети, и удивляются потом, когда их чада поступают так же. Привычка эта впоследствии может иметь самые плачевные результаты.

Каггла сказалась больной и закрылась у себя в комнате. Следы у ворот не пугали её – она знала противника в лицо, и была теперь уверена в своих силах. «Зло узнано, зло названо...» Но ей хотелось побыть одной, прислушаться к себе, и решить, что делать дальше. Часами она разглядывала свои руки – что за тайна заключена в ее пальцах? О каком про-

клятии говорила её соперница?..

Вечером она спустилась в библиотеку, нашла альбом с иллюстрациями, посвящённый её творчеству, роскошное издание в дорогой обложке, и долго рассматривала репродукции своих картин. Рассматривала отстранено, скептически, как чужое.

Портреты городов и людей... Тоска, безысходность, одиночество – на каждой странице. На каждой картине – скрытая боль. Ну и что?.. Она рисовала этот мир таким, каким она его видела. Её ли в том вина?.. Нет, грех её в другом : она не хотела увидеть прекрасное, и своим унынием отравляла мир других. Плодила разочарование. А ведь могла бы нести радость.

Вздыхнув, она перевернула последнюю страницу и закрыла альбом. Да, она – талантлива. Но можно ли назвать талант проклятием?.. Что же происходит?.. Она понимала, что ею заинтересовались силы, общение с которыми не сулит ничего хорошего. Это-то и было странно. Она ведь изначально не заключала с ними никаких сделок: её дар, как она искренне полагала, это искра Божья, что даётся каждому от рождения, просто кому-то больше, кому-то меньше, а кто-то и вовсе не подозревает о её существовании... Уродство? Оно тоже имело корни весьма прозаические – ей просто не повезло. Чего же от неё хотят?.. Или это частная инициатива той, что преследовала её? Каггла теперь не сомневалась, что искусительница – мелкая сошка в том мире, что сокрыт от

глаз человека. Возможно, она что-то узнала и теперь хочет этим воспользоваться – но *что*?!

Каггла в задумчивости блуждала взглядом по книжным полкам: тёмные корешки, непонятные буквы... Может, первопричину надо искать в глубинах времени, в истории семьи? Недаром её старшая племянница часами просиживает здесь над старинными фолиантами, что она-то пытается откопать? И при мысли о детях перед её мысленным взором вдруг встало лицо Мэрион, её печально-испытующие глаза: «Почему ты рисуешь *такие* картины?»

Отшвырнув альбом, Каггла резко поднялась и, опрокидывая стулья, стремительно направилась к выходу: кое-кто непременно ответит ей на все вопросы!

Девочку она нашла во дворе. С ней были толстый мальчишка и собака – маленький щенок таксы.

– Мэрион, – окликнула тетка, – поди-ка сюда!– Рио подчинилась с видимой неохотой. – Нам нужно поговорить!

На лице племянницы появилось странное выражение.

– Валяйте... – буркнула она.

– Поднимемся ко мне, – предложила художница.

– Нет уж, дудки!

– Почему? – искренне удивилась Каггла. Неужели девчонка боится её?

Мэрион с минутку поколебалась, потом вдруг решилась, точно бросаясь в ледяную воду:

– А пойдёмте!.. – и зашагала впереди, засунув руки в кар-

маны.

Мальчишка с собакой остались во дворе.

Оказавшись в теткиной комнате, Рио по-хозяйски плюхнулась в кресло, но долго не усидела на одном месте, и принялась всё трогать и рассматривать. Каггла, отойдя к раскрытому окну, некоторое время молча наблюдала за ней.

– Что же тебе не нравится в моих картинах? – спросила она, когда девочка снова уселась в кресло – с карандашом и листом бумаги.

– Всё! – невозмутимо отвечал ребенок, сосредоточенно черкая грифелем по бумаге.

Каггла подошла к креслу и присела перед ней.

– Что – всё? – требовательно спросила она, взяв Рио за подбородок и заглядывая ей в глаза. – Ну-ка, выкладывай!

Мэрион внимательно посмотрела на неё сверху вниз. В ее душе происходила сильная борьба: рассказать или нет? Пожалуй, надо рассказать – ведь это *её* картины!

– Я хочу показать тебе одну вещь, – сказала она замогильным голосом. – Идём! – и соскочила с места, увлекая Кагглу за собой.

Словно две заговорщицы, они прокрались коридорами к комнате дяди Винки.

– Постой на атасе! – деловито приказала племянница, переходя на «ты».

– Где?.. – растерялась тетка.

– Покарауль, говорю! – прошипела Рио, досадуя на ее

непонятливость.

Каггла, озираясь, неуклюже затопталась на месте. Порывшись в карманах, девчонка достала кусок проволоки и принялась ковыряться в замке.

– Что ты делаешь? – шёпотом возмутилась Каггла.

– Мы же только посмотрим!

– Так нельзя! – настаивала непонятливая родственница, пытаясь оттащить юную взломщицу от двери.

Замок тихо щёлкнул и дверь чуть приоткрылась. В дальнем конце коридора тут же по закону подлости раздались чьи-то шаги... Кагглу разом прошиб пот: не хватало ещё, чтобы их застучали! Рио схватила её за руку и втащила в комнату. Затаив дыхание, они слушали, как шаги проследовали мимо и стихли в другом конце коридора, свернув на лестницу. Тогда только они облегчённо вздохнули. Рио хихикнула.

– Ничего смешного! – огрызнулась тетка. – Что про нас подумают, если застанут здесь?

Рио упрямо притопнула ногой:

– Не нравится? Тогда пошли отсюда... Или тебе всё-таки интересно?

– Ну, хорошо! – решила Каггла. Она чувствовала себя преступницей мирового масштаба. – Только, чур, быстро!

– Это как получится... – загадочно ответила девочка.

Она подвела её к стене, где в раме за стеклом висела картина, другая, не та, в которой погиб Юлиус Брюгер – муж

рыжей Риты.

– Твоё? – спросила Рио, кивком головы указывая на картину.

– Нет... – покачала головой художница.

– Нет? – удивилась девочка. – Но подпись ведь твоя?

– Да... – неуверенно ответила Каггла. – Вроде... Смотри!

Здесь стоит дата! – воскликнула она. – Будущее число... Что за шутки?!

Приподнявшись на цыпочках, Рио попыталась снять картину со стены:

– Сейчас разберёмся!.. Помоги же!

Вдвоем они сняли её, и Рио, орудуя перочинным ножичком, извлеченным из воистину бездонных карманов, вытащила из рамы стекло и прислонила его к стене.

– Боже, – простонала Каггла, хватаясь за голову, – вдруг кто зайдёт!

Мэрион тут же словно специально задела стекло ногой. Подумав, оно медленно рухнуло на пол и расколосось. Они поглядели друг на друга.

– Я не нарочно! – виновато развела руками Рио, но у Кагглы сделалось такое лицо, что её против воли разобрал смех, и она захрюкала.

Каггла сердито покрутила пальцем у виска:

– Зачем я только с тобой связалась!

Но Рио, не обращая внимания на её гнев, продолжала похрюкивать – прямо согнулась пополам, держась за живот!

Каггла только собралась ее шлёпнуть, как девчонка ступила на холст, брошенный на пол, и на глазах изумлённой художницы резко погрузилась в картину по пояс, точно провалившись в невидимую яму.

– Ну?! – нетерпеливо позвала девчонка. – Что ты копаешься? – локтями она опиралась на угол рамы. – Давай за мной! – и... исчезла полностью.

Каггла осталась одна и её удивление сменилось растерянностью.

– Мэрион! – позвала она жалобно. – Эй!.. Где же ты?! – несколько минут она бестолково металась вокруг картины, а потом решила – и сделала шаг...

...Ледяной воздух обжёг ей легкие. Она закричала и тут же утонула в чём-то мягком, влажном и холодном. «Снег?..» – и маленькая рука сердито дернула её вверх – к свету.

– Бр-р-р... – приплясывала, проваливаясь по колено в сугробы, продрогшая до костей Мэрион. – Вот влипли!.. Нет, ну ты ладно, но я-то – дура! – о чём думала?! Ведь видела же – на картине з-зима!

Каггла не отвечала. Она не чувствовала холода, не слышала чужих слов, всё её существо охватил мистический восторг. Они стояли на холме, а внизу перед ними расстилалась заснеженная равнина. Тихо падал снег – огромные, пушистые хлопья. Серое небо сливалось у горизонта с заснеженной грядой леса, застывшая река сверкала серебром, и где-

то далеко – далеко еле слышно пели колокольчики.

– Мэрион, – выдохнула Каггла, – это же Рождество! Слышишь?.. Рождество!

– С-с.. Сл – лыш-ш-шу... – клацая зубами, отозвалась девчонка.

– А вон наш Замок! – восторженно завопила тётка. – Бежим скорей!

Памятуя о своих прошлых приключениях, Рио вовсе не была уверена, что им стоит *туда* бежать. Но Каггла уже ловко съехала с холма вниз.

– Догоняй! – задорно крикнула она, махая рукой.

Но Рио вдруг замерла, пораженная внезапной догадкой: им ведь нипочём не выбраться назад! Картина-то лежала на полу – значит, они упали сюда с неба?! Она посмотрела вверх – в лицо неслись мириады ледяных звездочек. Н-да... Ей на мгновенье стало жарко. Пожалуй, она не станет пока говорить об этом тётке...

Каггла приплясывала вниз:

– Давай, малыш! Давай!..

Рио неловко шлепнулась на попу, и съехала прямо к ней в объятия. Взявшись за руки, они побежали по сугробам туда, где вдали чернели знакомые очертания замковых башен.

– Холодно! – на бегу крикнула Каггла.

«Дошло, наконец...» – мрачно подумала Рио, ковыляя вслед за ней. Но тётке было весело.

Внезапно она остановилась, и Рио с размаху ткнулась но-

сом в её спину. На бегу она почти согрелась, но стоило только замереть, как морозец тут же защипал голые коленки. Не желая тратить сил на разговоры, Рио нетерпеливо подтолкнула тётку вперед, но та застыла, как вкопанная:

– Смотри!..

Сквозь густые лапы ельника Рио разглядела полянку. Там, громко потрескивая на морозном воздухе, горел костер. Вокруг костра сидели маленькие бородатые человечки в цветных шубейках и мохнатых шапочках. Чуть поодаль, у распряженных саней, пофыркивали низенькие косматые лошадки.

– Это же гномы! – восторженным шепотом заорала тётка.

Рио потянула носом: она заметила куда более важную деталь – на костре булькал, дымясь, большой котелок – и запах, исходящий от него, дурманил рассудок.

– Подумаешь, гномы!.. – заявила она, и решительно протиснулась вперёд: на сытый желудок и помирать легче.

– Ты куда? – испугалась Каггла, хватая её за руку. Рио молча вывернулась, и Каггле пришлось последовать за ней.

– Гы-гы!.. – засмеялся самый молодой из бородатых. – Смотри, какие синие! Эй, снегурочки, идите к нам!

«Снегурочки» не заставили себя долго упрашивать. Гномы оказались очень дружелюбными: тотчас нашлись для неожиданных гостей и ложки, и теплая одежда, и даже сапожки, взамен промокшей и заледеневшей летней обуви.

– Как же вы налегке по морозу-то? – укоризненно поин-

тересовался один из старших гномов. – Или обидел кто?

– Э-э... – проямлила Рио, – да мы так, прогуляться вышли. Закаляемся.

– Откуда будете?

– Мы-то? А мы – из Замка, – простодушно лягнула девочка первое, что пришло на ум. Это ведь было истинной правдой.

Гномы переглянулись. Рио почувствовала, что им не понравился её ответ.

– Из Замка? – эхом повторил собеседник. – Ну-ну... Да вы кушайте-кушайте! – и начавшаяся было беседа как-то сама собой угасла.

Когда все наелись, младшие гномы быстренько затоптали кострище, запрягли в сани лошадок – путь, как сказал им кто-то, предстоял не близкий.

– Хотим добраться к Новому году до устья реки – там зимуют морские караваны купцов из Заморья, на праздниках будет большая ярмарка, – пояснили гостеприимные странники. – Хотите, поедем с нами? Зимой в этих краях пусто – может, вы никого больше и не встретите.

– Нет, – отказалась Рио, – мы лучше домой.

Она надеялась, что в Замке отыщется какой-нибудь способ вернуться *домой* на самом деле. Гномы снова переглянулись, но настаивать не стали.

Часть пути до родного гнезда Каггла и Мэрион проделали вместе с гномами на санях, устланных теплыми шкурами

поверх соломы. Потом дорога резко уводила в сторону, и им пришлось распрощаться с новыми друзьями. От поворота до Замка было ещё порядочно, и когда они добрались, короткий зимний день пошел на убыль.

Каггла, открыв ворота, быстро пересекла двор. Мэрион следовала за ней с опаской, постоянно оглядываясь и зачем-то стараясь наступать след в след. Постучав в дверь и не получив ответа, Каггла решительно толкнула её плечом, и они оказались внутри. Замок встретил блудных дочерей сумеречной тишиной.

– По-моему, здесь никто не живет, – сказала Рио.

Каггла пожала плечами:

– Посмотрим...

У дверей висел на толстой цепочке металлический диск. Оглядевшись, Каггла заметила валявшийся деревянный молоточек с серебряными накладками на рукояти. Подняв его, она ударила по диску. Мэрион вздрогнула. Звонкое пульсирующее эхо вспугнуло прохладную сонную тишину, разбежавшись по самым потаенным закоулкам сумрачной обители.

Она ударила ещё и ещё раз, но безрезультатно – никто не появился.

– Наверное, мы и правда здесь одни...

– Надеюсь! – буркнула Рио.

– Что же, – весело сказала тетка, – надо осмотреться, согреться и чего-нибудь поесть. Ну, что ты дуешься, малыш?..

Веселей! Это же такое приключение!

Рио поморщилась. Тёткино легкомыслие выводило из себя. Но предложенный план действий совпадал с её мыслями: она изрядно устала, а от гномьей похлебки осталось одно воспоминание.

Пройдя чередой огромных, почти пустых залов – не считать же за обстановку развешанное кругом оружие и доспехи? – они попали туда, где должна была быть по их расчётам гостиная. Там, распахнув огромный пустой зев, сиротливо чернел камин. Рио разочарованно поворошила кочергой холодные угли. Но Каггла по-прежнему была полна оптимизма:

– Сейчас что-нибудь придумаем...

– Я за дровами не пойду! – тотчас ушла в глухую оборону прозорливая Рио. – Детям нельзя таскать тяжести!

– В самом деле? – умилилась тетка. – Кто же тогда увёл у Красавчика его гантели? А кто забаррикадировал шкафом дверь тёти Жоржетты? Его, помнится, три человека потом толкали на место...

Глазки Мэрион забежали по сторонам, но Каггла была великодушна:

– Ладно уж! Сиди тут. Сама схожу.

Но девочка тотчас соскочила с места:

– Я с тобой! Одна я тут не останусь!

Но, к счастью, идти никуда не пришлось: березовая поленица была аккуратно сложена в углу у камина чьей-то заботливой рукой. Там же была и щепка для растопки, а сбоку

лежали в маленькой корзиночке два кремня и трут.

При виде поленницы Каггла слегка задумалась: ей показалось, что когда они пришли, дров не было и в помине. Не могла же она их не заметить! Рио тем временем проворно покидала дровишки в пасть камина и принялась стучать кресалом. В наступающих сумерках из-под её пальцев вылетали длинные бледные искры. Огонь занялся быстро и как-то, словно сам собою, мигом распространившись по высокой горке поленьев. Стало светлее и гораздо уютнее. Рио протянула к огню руки: так-то куда лучше!.. Каггла взяла лучинку, и запалив её конец, стала обходить зал, зажигая свечи на стенах. Испуганные сумерки недовольно шарахнулись по углам, дразня оттуда непрошенных гостей причудливыми тенями. Рио подвинула поближе к камину низенький деревянный табурет, обитый бархатом: у огня ей казалось безопаснее.

– Сходим на кухню? – предложила тётка, беря со стола трехрогий медный подсвечник.

Рио очень не хотелось куда-то идти, но Каггла была полна энергии и не собиралась сидеть на месте. Она вообще чувствовала себя превосходно, словно ничего особенного и не случилось. Не дожидаясь ответа, тётка направилась к выходу. Рио, проклиная всё на свете, нехотя потащилась за ней, стараясь держаться поближе.

– Хватит наступать мне на пятки! – возмутилась Каггла, не выдержав, но племянница, сопя как паровоз, упрямо наступала ей на ноги, и даже схватила её за рукав, чтобы не

отстать.

Каггла посмотрела на неё: а ведь задира и вправду струхнула! Ей стало смешно, но она позволила себе лишь незаметно улыбнуться.

– Э-э! Да тут на целый пир приготовлено! – восхищенно завопила Мэрион, когда они спустились в кухню.

Головки сыра, битая птица, пучки сушеной зелени, связки лука, овощи, кувшины с молоком, горы пирогов, бутылки вина; на крючьях, свисающих с потолка, – освежёванные свиные туши, связки колбас, окорока... да всего и не перечить! Схватив поднос, гости проворно уставили его снэдью, но жадничать не стали – вдруг неведомым хозяевам это не понравится? Вернувшись к уютному теплу камина, они спохватились, что забыли про ножи и чашки, но возвращаться назад никому не хотелось, и, расстелив гномьи шубы, они уселись на полу у огня, ломая хлеб и сыр руками, и отпивая по очереди молоко прямо из кувшина.

Да и хорошо, что они не отправились снова в кухню: едва гости ушли, как одна из свиных туш тут же ловко сорвалась с крючка и куда-то умчалась...

Наевшись, приятельницы решили, что утро вечера мудреней. Страхнув крошки, они улеглись на одной шубе, другой укрылись: хитрая Мэрион устроила так, чтобы между ней и темной оказалась тётушка, а с другого бока – камин, и, немножко пошептавшись, они уснули, крепко прижавшись друг к дружке.

– Куда же она запропастилась? – негодовал Толстяк Дю, глядя на хнычущего щенка у своих ног. – Эй, Мэрион! – крикнул он, задрал голову. Окно в её комнате было открыто. – Давай быстрее! – он ещё и посвистел, но подруга не появлялась: как раз в этот момент она вместе с Кагглой хозяйничала в комнате дяди Винки.

Дю озабоченно почесал щенка за ухом. Толстяк как-то не очень любил собак, да и они его тоже. Он вообще относился к домашним животным с опаской, ибо мадам Дю с детства внушала сыночку, что они являются источником всевозможных инфекций. Но тут был особый случай.

Сегодня утром он зашёл за Мэрион, чтобы отправиться купаться: отец в связи с приближающимся Карнавалом нанял ещё нескольких официантов, и у Толстяка появилось свободное время. Но не успели они с Рио выйти за ворота, как из кучки зевак, пережевывающих вчерашние события в доме Гилленхартов, выскочил Хендря Свинус. И началось:

– Покажи рожки! Слышь, малявка, покажи рожки!.. А к вам, говорят, «скорая» приезжала из психушки?..

«Скорая» действительно приезжала – забрать тех двух бедолаг, коих рассвирепевшая Дуния загоняла до изнеможения. Из последних сил они спаслись от неё на дереве. Туда же последовали вскоре врач и санитары. Водитель машины с красным крестом успел запереться в кабине и вызвать по радиации подмогу, пока воительница крушила мечом дверцу ав-

томобилia.

От приехавших по вызову полицейских Дуня отбилась играючи.

Усмирить разбушевавшуюся грозу сумел только Дедушка. Что-то нежно мурлыча, он увёл свою ненаглядную домой.

– Уж вы не забирайте её в участок! – заискивающе улыбаясь, просила подъехавшего комиссара тётка Люсильда. – Она у нас просто немножечко дикая!

– Сам вижу! – отрезал Рэг Шеридан. – Можете оставить её себе – она же мне весь участок разнесёт! А я вам просто штраф выпишу.

Кроме солидного штрафа, Папе предстояло возместить стоимость ремонта разбитого авто. Нечего и говорить, что хорошего настроения ему всё это не прибавило. Поэтому дразнилки старого недруга подействовали на Рио, как красная тряпка на быка. Ускорив шаг, друзья нырнули в переулок, желая отвязаться от неприятеля без лишнего кровопролития, но Хендря не отставал:

– Эй, малявка, тебя скоро спрячут в коробочку с психами! – и высунул, дразнясь, длинный язык. – Бэ-бэ-бэ-ээ!

– Чтоб тебе так всю жизнь с длинным языком и бегать! – разозлилась Мэрион.

И тут что-то громко щёлкнуло, и на глазах изумлённых друзей с противным мальчишкой произошла ужасная метаморфоза. Он вдруг стал стремительно уменьшаться, и через мгновение совсем исчез под кучей одежды.

– Мама... – только и сумела выговорить потрясённая Мэрион.

Комок тряпья зашевелился, и оттуда высунулась острая собачья мордочка.

– Ого!.. – сказал Толстяк, и рысцой подбежал к тому месту, где только что кривлялся Хендря. – Его здесь нет! – сообщил он удивлённо, разворошив тряпичную кучку. Но это было и дураку ясно.

Щенок выполз из-под брошенной футболки и жалобно заскулил.

– Маленький... – склонилась над ним Рио и протянула руку, чтоб погладить. Щенок тотчас оскалил белоснежные зубки и злобно заворчал. – Фью-ть! – отдёргнув руку, при свистнула девочка, разглядывая брелок, висевший у щенка на длинной, до земли, серебряной цепочке. – Да это Хендря и есть! Мы превратили его в собаку!

– Ты превратила, – уточнил Толстяк. – Что это ещё за фокусы?

Мэрион пожала плечами:

– Не знаю! – и она не соврала.

Взяв щенка, они вернулись во двор Замка. Тут-то их и застала Каггла – совсем не вовремя.

...К утру камин погас и остыл, угли подёрнулись серым, по каменному полу загуляли сквозняки, и Мэрион, проснувшись от холода, долго решала: стоит ли вылезать из-под тёп-

лой шубки или лучше так и остаться, пока Каггла чего-нибудь не придумает? Но тётка проснулась не в духе: она совершенно не выспалась, потому что дорогая племянница, подобно многим детям, всю ночь лягалась во сне и сбрасывала импровизированное одеяло.

– Что тебе снилось? – сердито поинтересовалась Каггла, зевая. – Я думала, ты мне все рёбра переломашь своими коленками! Будь добра, полежи тихонько, я хоть чуть ещё посплю... – и устроилась поудобнее.

Поворочавшись с боку на бок, Рио тоже попыталась уснуть, но сон не шёл – она была ранней пташкой. Ворча и охая, девчонка выползла из тёплого гнездышка.

Когда ближе к полудню Каггла открыла, наконец, глаза, то обнаружила Мэрион, скорчившуюся на табурете у холодного камина: замёрзшую и несчастную.

– Ой, мы очнулись!.. – съязвила племянница, встрепенувшись. – Ребёнок с голоду умирает, а она всё дрыхнет!

– Не знаешь где кухня? Взяла бы да и приготовила завтрак, – потягиваясь, спокойно заметила тётушка.

– Завтрак?! – возмущенно завопила Рио. – Да там ничего нет! Пусто!.. Пока мы спали, кто-то всё слопал!!

Эта новость живо заставила Кагглу подняться. Каково же было её негодование, когда спустившись вниз, она увидела, что на Кухне полно еды! Не говоря ни слова, она вопросительно уставилась на Мэрион, застывшую с раскрытым ртом.

– А-а... – только и сумела произнести паникерша, в изум-

лении таращась на съестное великолепие.

Она могла бы поклясться чем угодно, что утром, когда она спускалась сюда, здесь было шаром покати, но чувствовала себя настолько глупо, что предпочла промолчать.

– Для лени всегда найдется оправдание! – наставительно молвила Каггла, спускаясь по ступенькам. Хорошо, она не видела, какую рожу скорчила ей в ответ мнимая лентяйка.

Нагрузив подносы, они вернулись к себе.

– Дров тоже нет? – инквизиторским тоном поинтересовалась Каггла, ловко накрывая на стол.

Прямо перед ними у камина красовалась порядочная поленница.

Мэрион отвернулась в сторону.

– *Сейчас* есть... – угрюмо согласилась она, глядя исподлобья, и с вызовом добавила: – А утром – *не было!*..

– Ну да, – спокойно подытожила тетка, – прямо полтергейст какой-то!..

– Да, тётечка! Не веришь? – обиделась Рио.

Они сели есть. Мэрион, надув губы, скорбно сгорбилась над своей долей.

– Не дуйся! – примирительно сказала Каггла. – Верю. Ешь, давай!

Сквозь высокие узкие окна заглядывало ясное зимнее солнце. Настроение у неё было прекрасным, и она не стала продолжать воспитательные беседы, хотя и не поверила маленькой выдумщице.

Столь неприятные для девочки чудеса продолжались и дальше. Покончив с едой, они спустились во двор Проворная Мэрион успевала раньше Кагглы сунуть нос во все щели. Но стоило ей закрыть очередную дверь, за которой ничего не было, кроме пахнувшей мышами пустоты, как тётка тут же обнаруживала в том же месте то овчарню, полную овец, то конюшню с прекрасными лошадьми, то псарню, где разрывалась от лая свора борзых, то доверху набитый припасами амбар. Под конец Мэрион даже удивляться перестала, и покорно плелась позади восторгавшейся таким изобилием тётки, безропотно уступив право первооткрывателя, раз уж ей не хотели ничего показывать.

– Давай-ка займёмся обедом, – предложили Каггла, когда они обошли весь двор, на что ушло немало времени, – а потом прокатимся верхом.

– А ты умеешь? – усомнилась Рио. Насколько она помнила, тётка никогда не принимала участия в конных прогулках.

– Вообще-то нет. Но можно запрячь возок...

– А ты умеешь? – словно испорченная пластинка повторила племянница.

– Что там сложного? Не боги горшки обжигают... Сообразим как-нибудь, – неуверенно возразила Каггла.

– Ты лучше бы сообразила, как нам отсюда выбраться! – хныкнула Рио и, развернувшись, помчалась к крыльцу.

– Не я нас сюда затащила, – тихо напомнила ей вслед художница, но девочка её не слышала.

Вернувшись, они обнаружили в зале, служившем им приютом, маленький серебряный колокольчик – он стоял себе на столе, где они завтракали, так, словно был тут всё время.

– Как мы его раньше не заметили? – удивилась Каггла.

– Видишь! – обрадовалась племянница. – Что я говорила?

Не всё здесь так уж прекрасно!

– А вот сейчас посмотрим! – решительно сказала тётка, и решительно затрясла колокольчиком. Чистая мелодичная трель прозвучала в огромных пустых покоях немного жутковато.

– Перестань! – попросила Рио.

Каггла опустила колокольчик, но тяжёлые двери вдруг распахнулись, и в зал вошел низенький сгорбленный человек в ливрее. При виде его наши путешественницы разом попяtilись: лицо незнакомца было человеческим лишь наполовину. Высокий лоб и большие, зелёные с желтинкой, глаза принадлежали человеку, а вот ниже это была заячья морда – пушистая, усатая, с короткой верхней губой и чересчур выдающимися передними резцами.

– Чего изволите? – пришелец склонился в низком поклоне, голос у него был тоненький и не страшный. – Как почивали?.. – Он, похоже, нисколько не был удивлен их наличию.

– Вы кто такой? – очнулась первой Мэрион.

Но говорящий заяц не удостоил ее ответом. Зато когда этот же вопрос повторила Каггла, он прямо-таки в струнку вытянулся:

– Меня зовут Пьеттро, госпожа хозяйка! С Вашего позволения – я здесь главный над слугами.

«Хозяйка?!» – возмутилась про себя Мэрион, но вслух ничего не сказала.

– Над слугами? – переспросила Каггла. – Здесь есть кто-то ещё?

– Само собой... – загадочно, как ей показалось, усмехнувшись Пьеттро, но тут же придал морде подобострастное выражение. – Так чего изволите?

Каггла покосилась на серебряный колокольчик.

– Э-э ... любезный, пусть нам запрягут лошадей!

– Что ты с ним разговариваешь? – прошипела Рио, и шёпотом же присоветовала: – Скажи ему, пусть убирается отсюда!

Пьеттро бросил на девочку быстрый непонятный взгляд. Тётка незаметно пихнула непрошеную советчицу локтем и, натянув на лицо улыбку, повторила вежливо:

– Да, пусть запрягут лошадей: мы хотим осмотреть округу.

Слуга снова согнулся в поклоне и негромко хлопнул в ладоши. Чьи-то невидимые руки тотчас принялись убирать со стола, а Пьеттро, продолжая кланяться, пятясь, вышел из комнаты.

Спустя полчаса они неслись в возке по заснеженной дороге. Присутствие невидимого возницы не располагало к разговору, и они молча глазели по сторонам. Зимняя долина казалась безжизненной – лес, снег, тишина... Только шорох по-

лозьев да пофыркивание лошадей. Нигде ни малейших признаков жилья... Дорога убегала в бесконечность – Каггла потеряла счёт времени, а вокруг ничего не изменилось – только тишина, да снег, да замёрзший лес.

– Поворачивай домой! – приказала она, не выдержав, неизвестно кому, и возок послушно развернулся обратно.

В Замке царила суматоха. Невидимые слуги вовсю суетились на кухне, откуда тянулись соблазнительные запахи, украшали залы, расставляли длинные столы, зажигали свечи.

– Что происходит? – спросила Каггла у Пьеттро, послушно явившегося на требовательный зов колокольчика.

– Вечером будут гости, – невозмутимо пояснил заяц.

– А мы их звали?.. – встряла Мэрион. Её насторожило это сообщение.

Пьеттро снова не удостоил её ответом, – он вообще смотрел на неё, как на пустое место, отчего Мэрион приходила в крайнее негодование.

– Гости так гости, – пожалала плечами Каггла. Ей уже успело наскучить их вынужденное одиночество. – Может, попадутся нормальные люди.

– Как же! – буркнула Мэрион.

Солнце укатилось за горы – зимний день умирает быстро. Ожили и зашевелились ранние сумерки – сотни зажженных свечей их не пугали. Жадные язычки бледного пламени лишь дразнили темноту, и самые смелые из теней то и дело

задевали краями плащей острые пики восковых стражей. За стенами замка пела выюга. Каггла и Мэрион, притихшие, сидели за столом, поближе к яркому огню камина.

– Наверное, про нас забыли, – предположила девочка, когда молчание слишком затянулось.

Тётка не ответила. Мэрион потянулась к колокольчику.

– Не надо... – довольно резко приказала Каггла. – Меня от этого зайца прямо в дрожь бросает!

– А я думала, тебе понравилось! Госпожа хозяйка... госпожа хозяйка! – передразнила девчонка тоненький голосок усердного слуги. – Тьфу!.. И вообще, почему это он *тебя* называет хозяйкой?

– Потому что я старше! – рассудила Каггла.

Мэрион только собиралась ещё что-то сказать, как перед ними из темноты бесшумно возник Пьеттро.

– Госпожа не желает ли переодеться к ужину? – вежливо спросил он. – Гости уже скоро придут.

Каггла подумала и решила, что желает.

– Извольте, я покажу госпоже её гардеробную! – согнулся в поклоне заяц.

Девочку он, конечно, не пригласил, но Каггла взяла её за руку, и они пошли за слугой. Пройдя чередой тёмных залов, где стоило только переступить порог, тотчас вспыхивали прямо в воздухе разноцветные огни, спутники оказались в большой комнате, битком набитой разными нарядами и разными безделушками, что так дороги сердцу любой жен-

щины.

– Красота!.. – восхитилась художница, с интересом перебирая роскошные платья, великолепно отделанные драгоценностями, кружевами и ручной вышивкой. – Какая чудесная работа! Нет, вы посмотрите – какое великолепие!

Мэрион не очень-то уважала разные там юбки-кофточки – нет ничего лучше джинсов! – но и она была вынуждена согласиться с мнением тётки.

– А мне что надеть? – капризно спросила она, когда Каггла в очередной раз подошла к зеркалу.

Заяц, брезгливо оттопырив губу, изумлённо вскинул брови: он, похоже, несказанно удивился её вопросу:

– Тебе?.. – и сморщился так, будто разжевал лимон. Мэрион почувствовала жгучее желание оборвать ему усы.

Накалившуюся обстановку разрядила «госпожа хозяйка»:

– Пьетро, – властным тоном распорядилась она, словно всю жизнь только и делала, что командовала полчищем слуг, – подберите что-нибудь для девочки!

– Как вам будет угодно, госпожа! – тотчас повиновался заяц, и не одного мускула не дрогнуло на его лице (или – морде?) покуда он возился с обновками для Мэрион.

Зато девчонка оторвалась по полной программе, заставив его бесщётное количество раз менять ей наряды, излазить все сундуки, коих тут было превеликое множество, и ещё столько же раз сбегать на кухню за сладкой водичкой. А когда она взглянула на себя в зеркало, то очень пожалела, что

её не видит сейчас никто из знакомых: сквозь зеркальные глубины на неё смотрела прехорошенькая принцесса!

Каггла же выглядела настоящей королевой!

Где-то далеко часы пробили восемь.

– Пора! – глухо сказал Пьеттро, и Рио почувствовала, как её отчего-то пробрало холодком.

– Пристанем к берегу? – предложил Харди, когда совсем стемнело.

– Нет! – отказался Ла Мана, и пиратский корабль продолжил свой путь в неизвестность.

Среди ночи они сели на мель.

– Сто чертей! – выругался капитан, словно собирался с кем-то посчитаться за такое невезение, – Коротышка, Бекет и Харди – караулят, остальные – спустить якорь и на боковую! Оружие держать наготове!

Приказание было исполнено тотчас. Люди вповалку улеглись прямо на палубе. Юстэс какое-то время вслушивался в ночные шорохи и звуки: за бортом тихо плескалась вода, в лесу заунывно кричала какая-то птица, измученный корабль скрипел и жаловался на судьбу, но вскоре усталость взяла верх и юноша уснул.

Его разбудил Харди:

– Здоров храпеть! Капитан велел сменяться.

Заткнув за пояс кинжал, тот самый, что выручил его во время схватки с капитаном, Гилленхарт отправился на кор-

му.

Светало... Над водой клубился туман. Река в этом месте сильно сужалась, и кромка леса подступала совсем близко. Юстэс поёжился: куда-то их занесло?.. Он долго всматривался в тёмные провалы между деревьями, но вскоре стал клевать носом.

– Не спи, красавчик! – хриплый голос капитана был почти дружеским.

Ла Мана присел рядом. У него были воспалённые глаза человека, проведшего не одну ночь без сна. Юстэс заметил в его чёрных кудрях седую прядь. Капитан расценил его взгляд по-своему:

– Стоит пока забыть о личных счётах, – сквозь зубы процедил он. – Сейчас лучше держаться друг друга, – и потёр багровый шрам на груди.

– Может, и так, – коротко согласился Гилленхарт, положив руку на рукоять кинжала.

От Ла Маны не ускользнул этот жест, и он криво усмехнулся:

– Не беспокойся, парень, я долги не прощаю! – поднялся, и уходя, добавил: – Гляди в оба! Ночью пропал Бекет...

Загадочное исчезновение товарища привело оставшихся в уныние.

– Я бы ему кишки выпустил наружу! – кипятился Коротышка, уверенный, что Бекет просто-напросто сбежал.

– Оставаться на этой разбитой посудине нет смысла, – рас-

судил Ла Мана. – Торчим здесь у всех на виду...

Было решено перебираться на берег. Харди и еще двое кинулись вниз. Коротышка проводил их презрительным взглядом и, сплюнув, быстро разделся, увязал сапоги и одежду в узел, приладил его на плечах, и зажав в зубах нож, ловко спустился по якорной цепи в воду. Ла Мана и Гилленхарт последовали его примеру. Чуть отплыв, Юстэс обернулся: на палубе показался Харди – он тащил большой узел.

Течение было довольно сильным, и они выплыли гораздо ниже по реке от того места, где торчал унылый остов корабля. Ла Мана выбрался на берег первым. Пока остальные боролись с рекой, он стоял неподвижно, с тоскою глядя на покинутое судно. Ветерок трепал его волосы, по обнаженному телу сбегали капли воды... Он показался вдруг Юстэсу поверженным ангелом, изгнанным из рая. Но то была минутная слабость. Едва последний из команды достиг берега, выражение глаз капитана стало прежним – взгляд хитрого и опасного хищника.

Утопая по щиколотку в песке, они побрели по берегу, стараясь держаться в тени деревьев. Харди пыхтел позади всех, волоча свои пожитки.

– Брось это барахло! – приказал Ла Мана. – Обещаю вам, ребятки: если нам повезёт – мы станем богаче, чем были! Ну, а если нет, тогда ничего и не понадобится.

Но Харди, стиснув зубы, упрямо взвалил узел на плечо.

– Стойте!.. – вдруг негромко приказал Коротышка.

В воде у самого берега – лицом в песок – лежал человек. Волны лениво колыхали неподвижное тело. Коротышка, взяв нож на изготовку, пригнувшись, мелкими шажками подобрался к лежащему и, схватив за волосы, перевернул его на спину.

Это был Бекет... Мёртвый Бекет.

Посредине лба у мертвеца зияла дыра с неровными краями. Крови не было.

– Кто-то сожрал его мозги, – объявил Коротышка, встав на колени и заглянув одним глазом в дыру. – Если они у него были...

На плечах Бекета они обнаружили странные отметины – по пять длинных тёмно-синих полос, четыре из которых спускались на грудь, а пятая шла по спине почти до лопаток. Все полосы заканчивались маленькими, но глубокими ранками, уже подсохшими. Кое-как закопав погибшего, они поспешили прочь.

До заката солнца они продолжали свой путь вверх по реке. Ночью на них напали. Град стрел обрушился из лесу, но врага они так и не увидели. Побросав всё, кроме оружия, они вплавь бросились на другой берег. Уцелело трое – Юстэс, Коротышка и Ла Мана. Опасаясь погони, выжившие углубились в лес.

Коротышка отлично видел в темноте, Гилленхарт и Ла Мана брели почти на ощупь, спотыкаясь о корни и сухостой, натываясь на стволы деревьев и торчащие ветки.

– От вас шума больше, чем от стада диких кабанов! – ругался их более ловкий спутник.

По лесу вдруг пронесся долгий протяжный стон... И ещё раз, и ещё – страстный, проникнутый такой нечеловеческою мукой! Трое ночных скитальцев, не сговариваясь, прижались к земле. Юстэс почувствовал, как сердце сжала ледяная рука страха. Прошло немало времени, прежде чем они осмелились перемолвиться друг с другом.

– Я вижу огонь!.. – прошептал Коротышка.

Но Юстэс ничего не видел в кромешной тьме, лишь угадывались смутно очертания ближайших деревьев да высоко над головой в просветах ночных облаков мигали точечные искорки звёзд.

– Держитесь за мной! – чуть повысил голос их маленький спутник.

Теперь они двигались медленно и осторожно, растворившись в темноте, слившись с ней, потеряв ощущение собственного тела, времени, пространства...

Темноту разорвала яркая вспышка.

Разбрасывая огромные искры, к ночным небесам вознёсся сгусток багрового пламени и, расплывшись на высоте огромной кляксой, медленно растаял во тьме.

– Это близко... – сказал Юстэс. Собственный голос показался ему чужим.

Но время шло, а вокруг всё оставалось по-прежнему. Они уже стали сомневаться, правильно ли выбрали направление,

как вдруг Коротышка приостановился:

– Слышите?

Они прислушались. И среди шёпота ветра в кронах деревьев явственно различили низкий вибрирующий звук, словно кто-то дёргал огромную толстую струну. Гудение шло примерно оттуда же, где они видели вспышку.

– Мы ходим кругами! – сказал Ла Мана и выругался.

– Тише!.. – оборвал его Коротышка. – Не ровен час, накличешь кого!

И вдруг новая бледная вспышка на краткий миг осветила всё вокруг, и прямо перед собой они ясно увидели за серебристыми от огня и тумана деревьями разверзшуюся в земле щель, в которой бушевал огненный вихрь. Едва потревоженная ночь залатала прорехи своих одежд, прожжённые вспышкой, как щель сомкнулась, и из-под земли снова раздался тот ужасный стон, что они слышали ранее. Но теперь сквозь муку и боль в нем звучала торжествующая победная нота.

Земля задрожала у них под ногами, гудение усилилось, словно кто-то огромный пытался вырваться из подземного плена. Там, где только что бушевало в бездне жидкое пламя, почва снова треснула, раздираемая изнутри громадными когтями, и из её багрового чрева выполз наружу гигантский полупрозрачный дракон. Огненная рана в земле тотчас начала медленно затягиваться. Рождённый в борьбе неведомых стихий монстр расправил смятые крылья, и с шумом неуве-

ренно поднялся в небо. Оставляя за собой медленно гаснущий огненный росчерк, чудовище удалялось всё дальше и дальше на восток, пока не стало маленьким, как звездочка, а потом и вовсе пропало...

Всё стихло. Робко засвистали самые ранние птицы – приближалась заря. Усталые путники ощутили, как их ноги наливаются свинцом.

– Я дальше не пойду! – заявил Коротышка. – Пусть хоть все твари ада выберутся наружу... – и улёгся на землю прямо там, где стоял. Укутавшись в изодранный плащ, он тут же уснул. Остальные последовали его примеру.

Наутро они осмотрели место, что явило им ночью такие невиданные чудеса. Выгоревшая полоса среди зелёной травы – шагов тридцать длиной – казалась чудовищным шрамом на теле земли. По краям кое-где, будто засохшая кровь, торчали красноватые камни.

– Я слышал, драконы охраняют сокровища, – сказал Коротышка, стругая ножом длинную толстую ветку, пока его товарищи осматривались по сторонам.

– Может, оно и так, – отвечал Ла Мана, – но сдаётся мне, лучше нам убраться отсюда подобру-поздорову.

Коротышка смастерил себе подобие копья, остальные тоже вооружились вдобавок к ножам, крепкими палками, и маленький отряд двинулся в путь – куда глаза глядят. К полудню они нашли в лесу тропу, больше похожую на звериную. Но на её краю, едва заметный, отпечатался в засохшей грязи

след босой человеческой ноги, и они решили следовать туда, куда ушёл когда-то неизвестный путник.

Их расчеты оправдались, но не так, как им хотелось бы...

На краю леса среди высокой травы они нашли остатки селения. Ярко светило солнце, высоко-высоко в небе пел, кувыряясь в синеве, жаворонок, плыли, подгоняемые ветерком огромные, ленивые облака, и оттого обгорелые развалины выглядели ещё угрюмее.

Рядом с разрушенным селением остались яблоневые сады. Многие из деревьев тоже были опалены огнем, но яблоки были крупные, вкусные, – наверное, люди исчезли из этих мест не так давно, и деревья не успели одичать. Возле одной из яблонь, привалившись к стволу, сидел, сжимая в костлявой руке длинный меч, скелет. Его остов был обтянут полуистлевшей чёрной кожей – присмотревшись, они поняли, что это такая ткань. Рядом был сложен плащ из такой же материи – развернув его, путники увидели, что он почти не пострадал от времени.

Гадая, какое отношение имел погибший к трагедии, разыгравшейся здесь, путешественники разделили между собой его вещи: кинули жребий, и Ла Мане достался плащ, а Юстэс осторожно высвободил из мёртвой руки ненужный теперь ей меч. Коротышка же высокомерно отказался от трофеев, заявив, что негоже обирать покойников. Да только маленький пират лукавил: он первым наткнулся на не погребённые кости, и его товарищи так и не узнали, что на шее

у скелета была массивная золотая цепь с медальоном, украшенным мелкими бриллиантами.

– Слишком длинный и тяжёлый... – разочарованно сказал Юстэс, и так и сяк повертев меч над головой, и сделав несколько выпадов в стороны.

– Под стать хозяину, – заметил Ла Мана, которому плащ погибшего тоже был сильно велик.

Только тут Гилленхарт обратил внимание, что скелет был очень крупным: сидя, он доставал ему до плеча, а кости ладони, упирившейся в землю возле его ноги, были длиннее его ступни!

– Смотрите, прямо как у Бекета! – сообщил Коротышка, бесцеремонно засовывая указательный палец в дыру во лбу скелета.

Юстэс с размаху обеими руками воткнул меч в землю рядом с яблоней, что стала последним пристанищем безымянному великану, и зашагал прочь. Коротышка, натолкав по карманам яблок, засеменял след за ним. Ла Мана хмыкнул, и вытащив меч из земли, положил его на плечо и, путаясь в полах плаща, бегом кинулся догонять ушедших.

Просторный двор был уже запружен каретами и лошадьми, а гости всё прибывали и прибывали. По галерее Рио пробралась в сторожевую башню, что нависала над воротами, где через ров был опущен подъёмный мост. Сквозь узкую щель бойницы она смотрела, как дрожит на ветру пла-

мя огромного факела, зажжённого у въезда на мост. Трепещущие языки огня отчаянно сражались с подступавшей со всех сторон тьмой, которая поглотила всё – и лес, и горы, и уснувшую реку, – кругом только бесконечная ночь и безумный танец снежинок. И там, где последним форпостом света пылал факел, и тьма казалась особенно густой и плотной, именно там внезапно появлялись из снежной круговерти запряжённые четверками блестящие кареты – и ей казалось: они возникают из ниоткуда... Может, так оно и было?.. Прорвав границу тьмы и света, экипажи стремительно проносились по мосту, точно там в темноте за ними кто-то гнался, и исчезали в жадной пасти ворот.

На какое-то долгое мгновение Рио даже показалось, что она видит сон, но холод, пробравшись в складки одежды, привёл ее в чувство и, вздрогнув, она побежала обратно.

В огромном зале среди огней и фонтанов прохаживались нарядные дамы и кавалеры. Со стен свисали гирлянды живых цветов, кругом перепархивали, весело щебеча, маленькие яркие птички, между гостями важно расхаживали роскошные павлины... Шимпанзе, одетые официантами, обносили гостей шампанским, ловко снуг от столика к столику, где на блюдах были навалены горы фруктов, пирожных и всевозможных сладостей. В центре зала самым удивительным образом был устроен ледяной каток. Лилась чудесная музыка – на балконе устроился небольшой оркестр – и чарующие звуки вальса сводили с ума кружащиеся на льду парочки.

Все это великолепие невидимая прислуга Замка устроила за то время, пока хозяйки были заняты переодеванием.

Вдоволь поглазев на всевозможные чудеса – приглашённых развлекали артисты и фокусники, оценив великолепное угощение, и подставив исподтишка подножку парочке хвостатых официантов, – девочка заскучала и присоединилась к Каггле, которая вместе с Пьеттро, разряженным в пух и прах, встречала у входа в зал запоздавших гостей.

Трое, прибывшие самыми последними, заслуживали особого внимания.

Двое мужчин и женщина – очень высокие, длинноволосые, в чем-то неуловимо схожие между собой, – они были прекрасны, словно боги, сошедшие с Олимпа!... И хотя их лица, как и лица многих гостей, наполовину скрывали маски, но всё – осанка, походка, гордая посадка головы, – всё подсказывало, что эта троица очень и очень отличается от остальных. При их появлении атмосфера зала неуловимо изменилась: на мгновение стали тише музыка и голоса, чуть замерли вальсирующие пары, застыли брызги фонтанов – казалось, все и вся затаили дыханье... Но женщина сделала лёгкий повелительный взмах рукой – и веселье покатилося своим чередом.

Каггла машинально присела перед ними в глубоком реверансе, Пьеттро просто переломился пополам, а Мэрион – она как раз сунула в рот леденец – так и застыла столбом, хлопая глазами, как глупая кукла. Пришельцы, чуть приостано-

вившись в дверях, вежливо, но едва заметно, кивнули – одновременно и хозяевам, и всему залу, – и прошествовали к устроенному в дальнем конце зала возвышению.

Там, на ковре из пятнистой шкуры неведомого зверя, стояли полукругом три стула с высокими спинками и, чуть поодаль – низенькая, обитая бархатом, скамеечка. На эту-то скамеечку и села Каггла, в то время как эти трое расположились на стульях, больше похожих на королевские троны. У ног женщины лёг, невесть откуда взявшийся, огромный белоснежный пёс, похожий на дога. Тут же рядом бесшумно возник Пьетро – на подносе четыре искрящихся бокала...

Гости протянули к ней хрустальные чаши все трое одновременно, и она неловко подалась им навстречу: лёгкий звон дорогого стекла – и в разных концах зала и за тёмными окнами с громкий треском рассыпались фейерверки. Шампанское взорвалось в голове разноцветными искрами – стало весело и тревожно! Кто-то громко сказал: «Полночь, господа!...» – и весь остальной зал погрузился в уютную полутьму, отодвинулся куда-то, словно исчезнув, но она слышала далёкую музыку, приглушенные голоса и смех, и понимала, что бал продолжается. Место, где они сидели, осталось единственным освещённым пятном, но она чувствовала, что от остального праздника их отделяет какая-то невидимая преграда, нарушить которую не осмелится никто.

Женщина сняла маску и небрежно уронила её на ковер. Подняв к губам бокал, она долго, изучающе смотрела на Каг-

глу.

– Так вот вы какая, – вымолвила она, наконец. – *Долго же мы вас ждали...*

Мужчины хранили молчание. Каггла почувствовала себя неуверенно: кто эти люди, чего они ждут от нее?.. Их даже не представили! Но потом она вспомнила, кто она на самом деле, как попала сюда, и всё происходящее стало казаться сном, сказкой, и следовательно, чем-то несерьёзным. Но она ошибалась.

– Я знаю, о чем вы думаете, – мягко произнесла собеседница. – Да, там *у вас*, в Прощёном Мире – всё, что находится за Гранью, воспринимают как сказку. Обрывки истинного знания хранятся в ваших мифах и легендах, но не более того... Вы почти утратили связь со всеми остальными.

– Извините, – перебила её Каггла, – вы сказали в Прощёном Мире? Как это понимать?

– Всё имеет своё название – звёзды, планеты, миры, – пожала плечами собеседница.

– Так мы сейчас не на Земле?!

На лице женщины появилась лёгкая тень досады.

– Земля! – она чуть скривила красивые губы. – Это настолько относительное понятие – вы даже не представляете себе, насколько!

– Хорошо, – снова перебила хозяйка Замка, – обойдёмся без терминов. Вам, подозреваю, что-то нужно от меня, не так ли?.. Давайте же перейдем к главному.

Мужчины, словно по команде, повернули головы в её сторону. Женщина улыбнулась, и предупреждающе приложила к губам палец:

– Тс-с-с! Не надо лишних слов! Слова мешают... Видите моих братьев? Они редко говорят – и правильно делают. Слова – страшное оружие, нужно уметь им пользоваться... Мы, нигильги, украли его у вас – у людей. Вы тоже когда-то позаимствовали его у других! – она засмеялась. – Да-да! Истинные знания только так и достаются!

«Братья – молчуны, а сестра – болтушка, – подумала Каггла. – Столько слов – и ни одного о том, зачем они здесь?»

– Ты – Открывающая Врата, – резко, очевидно прочитав её мысли, сказала женщина. – Разумеется, ты и понятия не имеешь, о чём идёт речь. Так и должно быть со всяким, кто умеет больше положенного. До поры до времени... Твоё время пришло, – она сделала паузу, прежде чем заговорить вновь. – Мы, *Князя Нигильгов*, нашли тебя первыми. Конечно, потом придут и другие, но может, тебя устроит *наша* цена?.. Человек – существо ограниченное, я говорю это не в обиду тебе – просто вы так устроены. Поэтому другие вряд ли смогут назначить больше – ведь и предлагать-то особенно *ничего*.

– Что же вы хотите предложить? – растерянно спросила художница, только лишь для того, чтобы прервать этот безумный монолог. Ей отчаянно хотелось проснуться!..

– Ты не спишь! – возразила собеседница, будто прочтя

её мысли. – Что мы можем?.. Бессмертие, вечная молодость, здоровье, богатство, успех, талант, возвращение ушедших... – она скороговоркой перечислила всё это так, будто речь шла о мелком товаре, выложенном на прилавке блошиного рынка. – Как видишь, список довольно мал, но это не наша вина...

– И что взамен?

– Ты откроешь нам двери! – словно непонятливому ребенку объяснила Княгиня. – Двери в иные миры. Сильнейшие из нас могут уходить в *междумирье* – сюда, например, но путь в другие Миры нам заказан. Для этого нужно умереть в своём. Все как у вас... Но тогда нет возврата – это доступно только духам, ведь у них нет души.

– А у вас есть?

В глазах Княгини вспыхнула обида.

– Конечно! – сухо ответила она.

За стенами Замка снова затрещал фейерверк, и ночь за окнами разорвали цветные пятна.

– Мы уходим, – сказала Княгиня, поднимаясь со своего места. – У тебя есть время подумать. Не торопись.

Невидимая стена вокруг исчезла и в их уединение властно ворвалась суэта праздника. Нигильги медленно сошли с пьедестала и растворились в толпе.

Тем временем Мэрион попала в очередной переплёт. Когда в праздничном зале после фейерверка притушили огни,

она немного потанцевала вместе с остальными гостями, но потом ей сделалось просто невыносимо: одни взрослые вокруг – это ведь скука смертная!.. К тому же остатки хорошего настроения ей испортила какая-то незнакомая толстая тётка: когда Рио, чтобы отдышаться, уселась за ближайший столик и потянулась за виноградной гроздью, так соблазнительно свисающей из вазы, она шлёпнула её по руке и заявила:

– Шутам не место за одним столом с господами!

– Чего?! – окрысилась девочка, от возмущения совсем забыв о правилах хорошего тона.

– Поглядите, какая нахальная карлица! – пожаловалась обидчица соседям по столу.

«Ни фиги себе!..» – примерно так подумала Рио, – её никогда ещё не оскорбляли столь тяжело! – а вслух она сказала... Нет, она не произнесла ни одного грязного слова – ей вполне хватило нормальных.

– Да кто ты такая, чтобы так разговаривать со мною?! – заверещала злополучная воспитательница.

– Я – Мэрион фон Гилленхарт! – подбоченилась Рио. – И это – мой Замок!

– Ты? Ты – Гилленхарт?! – отчего-то удивилась толстуха, и вдруг громко расхохоталась: – Нет, какая нахалка! Она величает себя фон Гилленхарт! Ха-ха-ха!.. Маленькая лгунья! Самозванка!..

Остальные сидящие за столом тоже начали бурно смеять-

ся, и неожиданно для себя Мэрион обнаружила, что проиграла словесную битву. Сделав невозмутимое лицо – ах, как нелегко ей это далось! – Рио сползла со стула, и смешалась с толпой веселящихся. Взгляд её выхватил маленькую мальчишескую фигурку... Наконец-то! Хоть один ребёнок! Недолго думая, она подбежала к нему и хлопнула по плечу:

– Привет! – и осеклась: у «мальчишки» оказалась окладистая рыжая борода.

– Добрый вечер! – учтиво поздоровался карлик.

– Э-э... Потанцуем? – предложила Мэрион, потому что надо было теперь что-то сказать.

В глазах карлика вспыхнула недоверчивая радость:

– Вы серьёзно?

– Ну, а чего там? – пожала плечами Рио. На одной из школьных вечеринок она даже с Хендрей Свинусом как-то выплясывала, а уж хуже этого ничего быть уже не могло.

Карлик церемонно протянул ей руки и они шустро запрыгали по залу. Мэрион при этом старалась непременно или задеть кого-нибудь из танцующих или наступить на чужую пятку, словно бы нечаянно, – так ведь гораздо веселее!

– Для меня большая честь танцевать с вами, – тихо сказал карлик.

– Почему же?

– Я – тьетль... Те, кто повыше ростом, обычно предпочитают нас не замечать. Особенно эрды и нигильги.

– Тьетль? – переспросила девочка. – Это вроде гномов?

– Нет... Мы совсем другой народ.

Но Мэрион не дала ему продолжить антропологические рассуждения:

– Послушайте, – она вдруг застыла на месте, глядя на стены, глаза у неё округлились: – Да ведь здесь никто не отбрасывает тени!

– Само собой! – охотно пояснил тьетль. – Здесь же Междумирье – и потому все не совсем настоящие.

Мэрион тут же проверила себя, попытавшись устроить на ближайшей стене театр теней. Но тьетль оказался прав.

– А вы здесь всё время живёте? – словно невзначай поинтересовалась она.

– Нет. Нас сюда приглашают, но не часто.

– Значит, вы в любой момент можете *вернуться* к себе?... – уточнила девочка.

– Да.

– Ах!.. – сделав озабоченное лицо, Рио хлопнула себя по лбу. – Кажется, я забыла выключить утюг!.. Как бы мне обратиться отсюда и побыстрее?

– Смотря как вы сюда попали... – начал было карлик.

– Как-как!.. С неба упала! – выпалила она, не думая.

Но он совсем не удивился.

– Тогда... Я видел тут нескольких нигильгов, – на его лице почему-то появилась хитренькая улыбка. – Их лошади только с виду похожи на настоящих, чтобы не смущать остальную публику. Могу провести вас в конюшню – одолжите у

них скакуна, и он вмиг домчит вас в любую точку на небе.

Мэрион задумалась: он ей хочет устроить какую-то пакость? Или этим самым нигильгам, или как их там?.. Но спустя пару минут она уже пробиралась вслед за ним к выходу. На дворе было свежо и морозно. Стекланные звездочки на тёмном бархате неба висели совсем низко.

– Вот, держите! – тьель вынырнул из темноты, держа в руках повод. В плечо ей ткнулась тёплая лошадиная морда.

С помощью карлика она кое-как вскарабкалась в седло.

– Н-но!.. – и двор и Замок вдруг резко остались где-то далеко внизу, навстречу кинулись звёзды, и она с перепуга чуть не рухнула вниз – в бездну, но успела ухватиться покрепче, а чужой конь уносил её все выше и выше...

Натянув поводья, Рио заставила его снизиться; глаза привыкли к темноте, и она обнаружила, что ночь вовсе не так непроглядна, как ей казалось: внизу различимы и лес, и река, и заснеженные поля, – они никуда не пропали.

Спящая земля далеко внизу была тиха и печальна.

Рио направила скакуна вдоль реки – к Холмам. Достигнув места, где по её расчетам она «провалились», девочка стала круто забирать вверх.

Высота была уже невыносимой – земля исчезла во мгле, холод стал нестерпимым! – они забрались почти под облака, но выхода всё не было... Мэрион охватил страх... И тут, чуть в стороне, в чёрном небе вспыхнула неровная полоса огня – она быстро побежала по невидимым облакам, обжигая их

края; под углом к ней тоже загорелось – на лошадиную гриву упали хлопья пепла... И Мэрион догадалась – *что это...*

Конь взвился на дыбы, она пришпорила его – огненное море было уже над головой! – и последним отчаянным рывком они вырвались к свету.

...Дядя Винки, обнаружив беспорядок в своей комнате, времени терять не стал. Схватив брошенную на пол картину, он поднес к её краю зажигалку и щелкнул крышкой. Холст поддался огню неохотно, и дядюшка помахал им в воздухе, чтобы разгорелось сильнее. Держа картину за угол в вытянутой руке, он мрачно наблюдал, как пламя пожирает краски... И в этот момент холст лопнул, из образовавшейся чёрной дыры в комнату ворвался снежный вихрь, а вслед за ним – с шумом и гиканьем обрушилось что-то тёмное, громадное...

Мэрион не удержалась в седле и упала. Конь дико заржал, оскалил огромные зубы, и снова взвившись на дыбы, ударил по воздуху своими страшными копытами. Его удар был бы смертелен для противника, но человек, возникший перед ним из света, взмахнул блестящим мечом, и всё погасло...

Девочка видела, как вздыбилась гигантская лошадиная фигура, и как дядюшка – её толстый, неуклюжий, одышливый дядюшка! – вдруг со сказочной ловкостью выхватил из ножен на стене огромный меч, и сверкающая молния срубила зверю голову!

Она заплакала.

– Перестань реветь!.. Замолчи! – голос дядюшки был непривычно суров.

Мэрион открыла зареванные глаза. На полу, почти во всю длину комнаты, лежало что-то длинное, чёрное, напоминающее богомола.

– Это скиссор... – пояснил дядя, поднимая тварь за лапу и с трудом пропихивая его обратно в картину. Туда же последовала и отрубленная голова. – Они охотятся на людей. Ты не знала?..

Рио помотала головой:

– Я думала – это лошадка! – всхлипывая, сказала она. Поднявшись с пола, девочка забралась с ногами в кресло.

– Да ты вся дрожишь! – озабоченно пробормотал дядюшка Винки и потрогал её лоб. – Прямо ледышка!

– Там – зима...

Дядюшка укутал её пледом и, вытащив из шкафчика графин с янтарной жидкостью, плеснул на пол пальца в рюмку и протянул ей:

– Давай залпом!..

Жидкость отвратительно воняла, горло окатило огненной лавой, и закашлявшись, девочка тут же чуть не выплюнула всё обратно: кажется, дядюшка хочет убрать лишних свидетелей! Но то был всего лишь коньяк – дядя Винки не признавал других лекарств.

Он снова поджёт картину, точнее, то, что от неё осталось.

Мэрион какое-то время заворожено смотрела, как язычки пламени пожирают нарисованную зиму, а потом спохватилась и закричала:

– А как же Каггла?! Она ведь осталась *там!* Как она выберется назад?!

– Каггла?.. – переспросил дядюшка, и его брови сошлись к переносице. – Вон оно что!

Девочка вскочила и стала ногами затаптывать горящие остатки картины. От огромного полотна остался кусочек размером с её ладошку. Но дядя поднял его, сунул в пепельницу и поджёг, невзирая на её протесты.

– Она найдёт дорогу назад. Если захочет... – и было в его голосе нечто, что заставило девочку подчиниться. – А теперь давай-ка рассказывай всё по порядку с самого начала!

Мэрион снова уселась в кресло и, сложив ручки на коленях, с самым благопристойным видом выложила дядюшке *свою* версию случившегося.

Разумеется, она ничего не сказала ему о происшествии в доме кондитера, потому что не помнила. Не сказала она и о том, что уже однажды побывала в дядюшкиной комнате без его ведома. С её слов выходило, что они с тетушкой Кагглой *совершенно случайно* проходили мимо – и *тетушка Каггла предложила* заглянуть к нему в комнату.

– Зачем?.. – спросил дядя Винки.

Рио отвечала, что не знает. Может, Каггла хотела просто поздороваться или позвать его пить чай? Физиономия при

этом у ребёнка была очень честная. Дальнейшее она изложила так, как оно и было на самом деле.

Выслушав её, дядя Винки какое-то время молчал, и вдруг затрясся от смеха – сначала тихо и беззвучно, а потом весь заколыхался, хрипя и повизгивая.

– Ох... Уф-ф! – отсмеялся он наконец, доставая платок, и утирая выступившие слёзы. – Не могу! Говоришь, коняжку тебе одолжил?.. Ох!

– Что смешного?! – возмутилась Рио.

– Да ничего! – откашлялся дядюшка. – Тьетли, – он поднял указательный палец, – самый хитрый, смекалистый и пронырливый народец среди живущих. Нет для них слаще забавы, чем одурачить или разыграть кого-либо, и в этом нет им равных! За то их и не любят... – и дядюшка снова хихикнул.

– Но что я ему сделала плохого? – обиделась Рио.

– Да разве мог он упустить такую возможность? – дядюшка принялся загибать пухлые пальцы: – Насолить задавакам – нигильгам, поскольку скиссор, особенно прирученный и зачарованный, дорогого стоит, – это раз. Впустить с твоей помощью злого хищника к нам – сколько бы он тут наделал шуму! – это два. Тебя попугать... – он загнул третий палец, и посмотрел на свою руку. – Вот...

Рио подумала, что в прошлой жизни она, вероятно, тоже была тьетлем.

– А потом будет, попыхивая трубочкой, рассказывать об

этом своим друзьям, и собирать их смех в кожаный мешок... *Смех тьетлей* – очень ценный товар! Он лечит самую глубокую печаль и тоску.

– Откуда вы, дядюшка, всё это знаете, а? – с видом следователя прищурилась Мэрион. – И откуда у вас этот меч?

Тут дядя Винки спохватился, что чересчур уж разоткровенничался.

– Много будешь знать – плохо будешь спать! – грубо сказал он, и бесцеремонно подтолкнул племянницу к двери. – Да не болтай лишнего!.. – предупредил он напоследок.

– А если спросят, где Каггла? – заупрямилась девочка, поставив ногу в щель между дверью и порогом так, что дядюшка не мог её закрыть.

– Скажем – уехала по делам. Срочно.

– А что мне за это будет? – продолжала торговаться Рио.

Но тут пухлое и добродушное лицо дядюшки преобразилось в такую свирепую и сердитую рожу, что она поспешно убрала ногу и сама захлопнула дверь, едва не прищемив ему руку.

– Ладно, дядюшка, – бормотала Рио, спускаясь по лестнице. – Я тебе покажу, как детей пугать!..

– Я уже два часа жду! – сердито выговорил ей Толстяк Дю, держа щенка подмышкой. – Где ты пропадала?

– Ой, а я совсем про него забыла!.. – спохватилась Мэрион, и даже не удивилась, что *здесь* прошло всего несколь-

ко часов. Она решила пока рассказывать приятелю о своих приключениях. – Что же мы будем с ним делать?

– Не знаю. Попробуй его расколдовать...

Но как они не старались, Хендря не превращался обратно.

– Ему так даже больше идет! – стараясь выглядеть, как ни в чем не бывало, бодренько сказала девочка. – Он так гораздо симпатичнее!

– Да?.. – хмыкнул Толстяк. – Вот и скажешь об этом его родителям! Может, они только рады будут?

Мэрион почесала макушку.

– Родителям?..

Как-то ей не очень хотелось объясняться с чужими родителями. И потом, что она им скажет? «Здрасьте, я заколдовала вашего сыночка! Вам теперь не придётся тратить на одежду, обувь и прочую ерунду – только на собачий корм...» Н-да...

Тут ей в голову пришла замечательная идея.

– Пойдем к Зануде и всё ей расскажем! Она ведь тогда нашла заклинание против винных чертей, вдруг и про это что-нибудь знает?

Сестра долго и недоверчиво рассматривала сначала таксика, потом – Мэрион. Девочка с виноватым видом ковыряла обои.

– А почему у тебя ноги мокрые?.. И где ты взяла это платье? – неожиданно спросила старшая.

Мэрион покосилась на свои бальные туфли. «Потому что

я бегала по снегу...» – чуть было не сорвалось у неё с языка, но она вовремя спохватилась.

– Да так... – уклончиво ответила она. Хендря залился лаем.

Зануда снова погрузилась в созерцание собаки.

– Значит, ты не произносила никаких заклинаний? – спросила она наконец, когда Мэрион стала проявлять признаки нетерпения.

– Да говорю же тебе – нет! Нет, нет, нет и ещё раз – нет! – рассердилась Рио. – Вот пристала!

– Если бы мы знали, какое заклинание ты употребила, было бы легче. А так мне просто ничего в голову не приходит! – терпеливо пояснила сестра.

– Я сказала: чтоб тебе всю жизнь с длинным языком бегать! – в сотый раз повторила Мэрион. Таксик завыл.

– Угу... – задумалась сестра. – Пожелала, значит... От всей души, так сказать.

И тут Толстяка осенило.

– Мэрион, – воскликнул он, – помнишь того синего чудика, которого мы вытащили из книжки?.. Он ещё сказал: «Одно желание за тобой...» Это ведь был Исполнитель Желаний! Как я сразу не догадался!!!

– Из какой книжки? – насторожилась Зануда.

Но в комнате поднялся невообразимый шум и гам: Толстяк радостно скакал по комнате, гордый тем, что ему первому пришла в голову верная догадка, пес с громким лаем

тут же присоединился к нему, подпрыгивая и норовя уку- сить мальчишку за окорока, Зануда пыталась их успокоить. И только Мэрион среди всей этой кутерьмы хранила гробовое молчание, оцепенело уставясь в одну точку.

Получается, она могла загадать что угодно! – перед её мысленным взором промелькнула череда самых радужных и заманчивых образов, а вместо того... Вместо того она потратила всю силу заклинанья на этого гадкого Хендрию, и упустила шанс, равного которому в её жизни, возможно, больше никогда не будет!!! И она зарыдала крокодильими слезами – громко и некрасиво.

Остальные тотчас умолкли и уставились на неё.

– Да не расстраивайся ты так! – попытался успокоить её Дю-младший, по-своему истолковав причину слёз. – Что-нибудь придумаем!

Но подруга завывала ещё громче. Зато её сестра, достаточно хорошо изучившая свою младшенькую, быстро смекнула в чем дело:

– Прекрати! – приказала она и вlepила скандалистке лёгкую пощечину. – Как не стыдно!.. Человек по твоей милости рискует навсегда остаться собакой, а она себя жалеет! Бес-совестная!

Мэрион всхлипнула и замолчала. Собака и мальчишка тоже враз угомонились и отошли подальше.

– Где эта книжка? – строго спросила Зануда.

– Он забрал её с собой, – отвечала Рио. – У меня только

несколько листов осталось.

– Неси!.. – велела сестра.

Но ничего путного в оставшихся страницах они не вычитали.

– Идём к его родителям! – решила Зануда. – Надо им сказать, а то будут искать его...

– А если они не поверят?

– Не знаю! – сердито отозвалась сестра. – Но сказать-то надо! Мало нашей семье неприятностей – и так уж у всех на слуху! Так ещё и это!

Взяв щенка, они втроём отправились домой к Свинусу. Хендря жил в отдалённой части города. Найдя нужный дом, они не решились сразу постучаться, а сели на скамеечку неподалеку – чтобы собраться с духом.

– Что-то я боюсь! – призналась Мэрион.

– Будешь в следующий раз следить за языком! – сказала сестра.

– Давай ты им скажешь, а? – голосом подлизы предложила Рио. – Ты всё-таки взрослая, тебе они быстрее поверят!

– Дудки! – наотрез отказалась Зануда. – Заварила кашу – вот и расхлёбывай! Я уж, так и быть, постою рядом – будет хоть кому отнести твои кости домой.

В доме, где жил Хендря, запахнулась дверь. На улицу вышел неопрятный, небритый мужчина. Вслед за ним на крыльцо выскочила женщина и разразилась на всю улицу отборной бранью. Мужчина начал орать на неё в ответ, потом

махнул рукой и ушёл... Женщина продолжала ругаться. Облаяв всех, кто попался под руку, женщина наконец скрылась в доме, хлопнув дверью так, что во всей округе зазвенели стекла.

Мэрион поежилась.

– Надеюсь, это не его мамаша?

– Его-его! – «успокоил» Толстяк. – Я видел её в школе.

Девочка взяла щенка на руке и поплелась к дому Свинуса. У самого крыльца щенок изловчился и, выскользнув у неё из рук, опрометью бросился назад.

– По-моему, он домой совсем не хочет, – заметил Дюмладший.

– Я бы на его месте тоже не захотела, – усмехнулась Зануда.

Набрав в грудь побольше воздуха, Мэрион подняла руку и робко постучала, очень надеясь, что ей не откроют. Но дверь распахнулась тут же, словно её там ждали.

– Чего надо? – на пороге стояла та самая женщина, которую они уже видели.

– А-а... Хендря дома? – Мэрион не смогла придумать ничего другого.

Женщина смерила её цепким взглядом.

– Нет его! – за спиной женщины виднелась захламлённая грязная прихожая.

– А вы его мама? – на всякий случай поинтересовалась девочка, стараясь оттянуть время признания.

– Опекунша, – буркнула неряха, настораживаясь, и зачем-то пояснила: – Сестра померла, а щенка своего мне оставила. Мучаюсь вот теперь... Опять натворил чего?

– Нет-нет! – торопливо ответила Мэрион. – Просто он просил передать, что... э-э... нескоро вернется домой. Он уехал в гости... К другу. На недельку.

– К другу?.. – недоверчиво переспросила мачеха. – Да по мне хоть пусть вообще не возвращается! – добавила она злобно и захлопнула дверь.

Мэрион торопливо скатилась с крыльца к поджидавшим её друзьям.

Дверь снова приоткрылась:

– И передай: ежели он опять набедокурил, – крикнула женщина, – на меня пусть даже не рассчитывает!

Щенок поджидал их у скамеечки, где они сидели.

– Бедный Хендря! – девочка погладила лукавую бархатную мордочку. Пёс заворчал. – Что же нам с тобой делать?

– Придется ему пожить у вас, – рассудил Толстяк Дю.

– Свинус в моем доме? – ужаснулась Мэрион.

– Много ли в нём осталось от настоящего Свинуса? – усомнился приятель. – Может, он вообще не помнит, что был человеком?

Зануда взяла щенка на руки и посмотрела ему в глаза. Пёс застенчиво и хитро закосил по сторонам.

– Помнит, – убежденно произнесла она. – Еще как помнит!

– Вот наказание-то! – буркнула Мэрион.

Праздник угас... Не чуя под собой ног, Каггла отыскала спальню и повалилась в постель, искренне желая очнуться утром там, откуда она прибыла. Но с пробуждением ничего не изменилось: снег, солнце, и тишина...

Она вдруг подумала, что судьба подарила ей краткую передышку, недолгое одиночество, которого она так хотела. Настоящий Лостхед был неподходящим местом для этого, а вот зачарованный замок вполне ей подходил. И почему-то стало очень спокойно.

Постучавшись, вошел Пьеттро. С поклоном подал на маленьком серебряном подносе чашку с дымящимся шоколадом.

– Где Мэрион?! – спохватилась Каггла.

– Девочка отправилась домой. С ней все в порядке.

– Домой? Без меня?

– Госпожа хочет нас покинуть? – расстроился слуга.

– Нет... – после короткой паузы ответила Каггла. – Пока нет.

Заяц заметно повеселел и ушел.

Потом был завтрак. Некоторые из гостей, оказывается, осталась в Замке, и они всей гурьбой отправились на речку – кататься на коньках. После – обед и новые развлечения. На следующий день все разъехались, и она по-настоящему осталась одна. Пьеттро запряг лошадей и катал её по округе.

А поздно вечером ей было видение...

Она сидела у камина и услышала шаги. На стене, освещённой пламенем, возникла огромная тень. То был рыцарь, закованный в латы.

Опираясь на длинный меч, тень сказала глухим голосом:

– Не верь им!

– Кому?.. – спросила девушка.

– Тем, кто много обещает... – в голосе рыцаря сквозила печаль. – Многие будут охотиться за тобой, и ты сама должна сделать выбор.

Тень исчезла, и она услышала удаляющиеся шаги.

– Пьеттро!.. – закричала она, лишь только шаги стихли.

– Да, госпожа? – слуга появился точно по мановению волшебной палочки.

– Кто это был?!

– Барон Юстэс фон Гилленхарт! – торжественно и немного печально ответил слуга.

...Всадники Белоглазых напали на маленький приграничный город Людей под утро. В воздухе у центральных ворот появилась Дыра, точно кто-то разрезал ножом сгустившийся воздух, и оттуда потекла чёрная, ошетилившаяся мечами и копьями лава. Быстро и бесшумно она заполнила узкие городские улицы – и запылали одновременно подождённые дома Ремесленной Слободы, хоромы знати в Верхнем Городе, торговые ряды и Рынок в центре, а на противоположном

конце города огонь уже подбирался к зданию Арсенала и казармам Летучих Стрелков... Захваченные врасплох жители гибли в дыму и пламени, те же, кто сумел выбраться из цепких объятий огня, попали под удары неприятеля. Резня была короткой и беспощадной... Уцелевшие заперлись в Башне Библиотеки, призывая на помощь магов, но колдовство врага оказалось сильнее – и подмога не смогла пробиться сквозь расставленные им Защитные Сети.

Когда подоспели королевские войска – спасти уже было некого.

– Они опять забрали детей, – сказал советник Дарквиш, прочтя донесение, присланное с птичьей почтой.

Кроме него в маленькой комнате, где обычно проходило заседание Военного Королевского Совета было еще два человека: слуга Бильям и сын Дарквиша – Нордид.

– Королева ждёт! – почтительно напомнил слуга.

– Идёмте, – Дарквиш пристегнул поданную слугой шпагу.

Королева Чара ожидала их на открытой площадке дворца, нависшей прямо над бушующими волнами океана. Серое небо сливалось у горизонта с разыгравшейся водной стихией, ветер рвал в клочья белую пену, пронзительно кричали чайки... Королева стояла у парапета, глядя на волны, бьющиеся о скалы у неё под ногами. Солёные брызги порой долетали до её лица – она не вытирала их.

– Третье нападение за последние полгода! – сказала коро-

лева, выслушав его доклад. – И снова нас застают врасплох! Что это: беспечность или предательство? – она говорила тихо, но её слова заглушали грохот волн.

– Ни то и ни другое, – склонив голову, отвечал Дарквиш. – Противнику помогают неведомые силы, как иначе они смогли бы преодолеть нашу магическую защиту? Но ни светлые маги, ни военная разведка не говорят ничего определенного.

Наступило молчание. словно обрадовавшись тишине, океан с удвоенной силой терзал скалу, на которой острым шпилем торчал королевский замок.

– Кто из чёрных магов ещё остался? – спросила королева.

– Тезариус и... Даниил, – прошептал Дарквиш имена тех, кого вспоминать было запрещено под страхом смертной казни. – Еще несколько магов помельче укрылись в Заморье – по крайней мере так болтают заезжие тьетли, а они зря говорить не станут.

– Я хочу повидаться с ними, – властно произнесла королева.

– Но ваше Величество! – взмолился советник. – Этого делать нельзя! Тезариус чуть было не стёр с лица земли всё Королевство, а Даниил – он... Он до сих пор желает Вас! – выговорив последние слова, Дарквиш невольно прикрыл глаза, ожидая испепеляющего удара молнии. Но удара не последовало.

– Я не собираюсь спорить, – сказала королева. – Передай мою волю Совету Девяти – я жду ответа немедленно. Сту-

пай! – в глубине темнеющих покоев раздался резкий неприятный смех. – Это – Кирия, – спокойно пояснила Королева. – Моя маленькая ручная ведьма. Она ещё совсем глупая, – из тёмного угла выползло невысокое косматое существо, и вперевалочку проковыляло к ногам Королевы. – Забавная, правда?

Советник поморщился:

– Где вы её взяли?

– Вэллария подарила.

Брови Дарквиша поползли вверх:

– Хорош подарочек! Вэллария – светлый маг, но...

– Дикарка умнеет и хорошеет с каждым днем, – перебила его Чара. – Я долго её приручала, зато теперь она предана мне как собака, любому горло перегрызёт!

– Не сомневаюсь! – желчно отозвался советник.

Покинув королевский дворец, Дарквиш и сын вместе с неотступно следующим за ними Бильямом, оказались на пристани. У каменного причала, вырубленного прямо в скале, покачивался на волнах серебристый диск, локтей десять в длину. Ступив на его поверхность, Дарквиш произнес заклинание и диск, приподнявшись над волнами, плавно понёс их к городу, отделённому от скал, где расположился дворец, широким проливом.

– Это правда, то что ты сказал, отец? – спросил Нордид, когда они удалились от скал на порядочное расстояние.

– О чём?

– О том, что Даниил...

– Правда! – сердито отвечал Дарквиш.

– Разве ей запрещено любить и быть любимой?

– Почти что так, мой мальчик, – печально произнес отец. –

За свободу Королевства и его независимость она заплатила дорогой ценой: маги Вальгессты перед гибелью наложили на неё проклятье – тот, кому она окажет предпочтение, принесёт огромные несчастья! Ничего не дается даром, так-то! – и он замолчал, не проронив больше ни слова до самого конца путешествия.

Перелетев пролив, они не приземлились, а проследовали дальше – к светлой громаде Магистрата.

Заседание городского совета только началось, когда отец с сыном вошли в зал. При их появлении все умолкли. Дарквиш обвел присутствующих внимательным взглядом.

– Продолжайте, – сказал он. – Советники же пусть следуют за мной.

В зале поднялся лёгкий ропот. Дарквиш нахмурился:

– Всё узнаете в своё время!

Вслед за ним зал покинуло еще восемь человек. Нордид остался в зале – он не входил в число Избранных, но любопытные не смогли вытянуть из него ни одного лишнего слова.

Девятеро уединились в Тайной Комнате. В свое время над её защитой изрядно потрудились двое волшебников из Вальгессты. А вместо благодарности тогдашний король распоря-

дился казнить умельцев, чтобы они унесли её тайны с собой в могилу. Советник Дарквиш изложил перед собравшимися итоги утренней аудиенции в королевском дворце.

– Девчонка сошла с ума! – вспыхнул советник Бенедикт. – Представьте, какую цену заломят с нас эти черноделы! Мы только-только очистили от скверны Северные земли, а она хочет начать всё сначала? Да если тамошние колдуны узнают, что Королева пошла на переговоры с Неназываемыми, они тотчас поднимут головы!

– Тогда у нас один выход, – сказал Дарквиш, – пусть соберутся Светлые – и Консилиум Магов решит, что же делать.

– Но это огромный расход энергии! – проскрипел советник Абигаил. – Мы ослабим внешнюю защиту и тогда, как знать, – останутся ли по-прежнему нейтральными эрды, варлы и прочие, кто издавна зарится на наше пространство?

– Есть и другой способ! – снова вступил в разговор Бенедикт, и сердце Дарквиша сжала тревога. – Совет Девятерых может низложить королеву – её племянник уже достаточно взрослый и умный, чтобы управлять Королевством. Всё равно, рано или поздно корона достанется ему, если... Если, конечно, королева не обзаведется наследником, а я надеюсь, она не станет этого делать.

– Ваше предложение более чем неуместно! – возразил Дарквиш. – Во-первых, принц никогда не пойдет против законной властительницы: смена власти без веских на то причин – чревата смутой! А во-вторых, и это главное, нынешние

проблемы возникли вовсе не из-за Королевы, следовательно, не исчезнут вместе с ней!

– Вот и ошибаетесь! – торжествующе воскликнул Аби-гайл. – Вспомните, ведь было пророчество – не лезть с оружием в Драконьи Горы! Она нарушила запрет!.. Не потому ли теперь прёт отовсюду к нам неведомая нечисть? Подробности того похода до сих пор известны лишь немногим уцелевшим, но они предпочитают помалкивать. А тех, кто по скудоумию раскрывает рот, потом находят мёртвыми. Или почтенный советник Дарквиш скажет, что и это не так?

Дарквиш стиснул зубы. Нарочно, или нет, но Абигайл задел кровоточащую рану: в том походе погиб его старший брат, а другой брат, вернувшийся раненым, действительно кое-что ему рассказывал, но немного – вскоре он был найден мёртвым.

– Необходимо было освободить северное побережье, – сглотнув горький ком в горле, сказал Дарквиш. – И всем прекрасно известно, что другого пути, кроме как через горы, не было. Теперь пора вспомнить о нашей присяге, и вынести решение.

При избрании в число Девяти, каждый после магического обряда посвящения произносил главное: «Единство – во спасение!»... Нехитрая фраза означала лишь одно – меньшинство подчиняется большинству. Но произнося её, каждый косвенно клялся жизнью своей и близких – таково было её тайное заклатье. Нарушивший обет погибал в мучени-

ях, и не было счастья всему его потомству вплоть до седьмого колена. История Королевства хранила имена пятерых отступников – заклятье не пощадило их... Один из отступников был предком чёрного мага Даниила.

Если сейчас большинство проголосует за низложение королевы – Дарквиш должен подчиниться. Но законы суровы: во избежание смуты и междоусобицы властитель не должен остаться в живых, если корону с его головы снимает Совет Девяти. Если сюзерен сам отказывается от власти – другое дело. Казнь свергнутого монарха – печальная и ужасная обязанность главы Совета. То есть, его, – Дарквиша.

Он вдруг подумал: каково королеве видеть каждый раз своего возможного палача? Ведь случалось, – и не раз! – когда Девятеро во имя спасения Королевства пользовались своим правом.

Но Совет порешил устроить Консилиум Магов.

Семеро против двоих: Бенедикт и Абигайл оказались в меньшинстве. Дарквиш облегченно перевёл дух.

...Юстэс, Ла Мана и Коротышка продолжали свой путь по чужой земле, и чем дальше они уходили вверх по реке, тем ясней становилось им: по этому чужому краю прокатилась война.

Стояли жаркие погожие деньки. В бездонном с зеленоватым отливом небе ветерок строил белоснежные корабли и башни. Над нетронутым разнотравьем гудели толстые мох-

натые шмели. В перелесках и среди развалин, встречающихся им то тут, то там, хлопотали птицы. Брошенные сады манили изнемогающими от тяжести плодов ветвями.

– Благодать какая! – сказал как-то Коротышка на одном из привалов, лёжа на спине и глядя в небо. Размял в руках ком жирной, чёрной земли, вздохнул грустно: – Я и забыл уже, как оно, на земле-то... А что? Найду себе бабу из местных, хозяйством обзаведусь, вон сколько земли пропадает! И пошло оно все к чертям! Дом отстрою...

Ла Мана расхохотался:

– Коротышка за плугом! Я сейчас лопну!... Свиной заведёшь? Детишек нарожаешь?

Коротышка смерил капитана недобрым взглядом:

– Заведу! И нарожаю!.. Дело нехитрое.

– А потом придет какой-нибудь сеньор, вроде того, что под яблоней остался, и скажет: а давай-ка, братец, мне мою долю, ибо завещал Бог: одним – горько выть, а другим – вкусно жрать и сладко пить!

Коротышка сжал кулаки, но Ла Мана невозмутимо продолжал:

– Или вообще турнёт тебя в шею со своей земли... Что-то ты тогда запоёшь?

– Я сумею за себя постоять! – мрачно возразил Коротышка.

– Молодец! – потрепал его по плечу Ла Мана. – И закончишь дни свои весело – пляшущим на виселице.

– А ты не каркай!

Назревающую ссору прервал Гилленхарт:

– Смотрите!

Вдали показался всадник. Это был первый человек, встречавшийся им в этих краях. Они залегли в траве. Скачущий быстро приближался...

– Разрази меня гром! – прошептал Ла Мана, когда тот пронёсся мимо и скрылся за горизонтом. Гилленхарт и Коротышка перекрестились. – У него и в самом деле была волчья голова или мне привиделось?..

После неожиданной встречи им расхотелось идти по дороге в открытую, и путешественники продолжили свой путь по обочине, прячась в зарослях. Но потом Коротышка едва не наступил на большую змею – лишь длинный меч капитана избавил его от возможных неприятностей – и они снова выбрались на дорогу. Коротышка осторожно выковырял ножом из пасти ядовитой гадины два длинных зуба, завернул их в тряпочку, и вместе с туловищем убитой спрятал в дорожный мешок.

– Мясо, – с хозяйственным видом пояснил он, и вечером сожрал всё сам, – даже голову, – сопя и причмокивая на зависть полуголодным товарищам, которые от странного угощения тем не менее отказались. – Не очень-то вкусно!.. – заметил он, когда со змеёй было покончено, и рыгнул. – Но лучше, чем ничего.

Остановливаясь на ночлег, они караулили по очереди. В

этот раз Коротышке выпал черед караулить первым.

Взошла луна – огромная, бледная. Запели сверчки. Мир вокруг переменялся, став тихим, таинственным и немного печальным, точно отгоревший закат унёс с собой частичку его души. Сжимая в руках неудобный меч, Коротышка спрятался в кустах, чуть поодаль от того места, где укрылись его спутники. Поёживаясь от ночной прохлады, он притих, стараясь смотреть одновременно во все стороны и ничего не упустить. После невкусного, но плотного ужина клонило в сон, однако припомнился виденный днём на дороге страшный всадник, и сонливость тут же как рукой сняло.

Лес между тем зажил своей ночной жизнью. Отовсюду доносились разные звуки – шорохи, потрескивание, поскрипывание, шепот листвы... Где-то заухал филин... Коротышка слушал лесную симфонию и постепенно её отдельные ноты стали складываться в понятные человеку слова и фразы. Сначала он подумал было, что спит, и больно ущипнул себя за руку, но чудеса продолжались: птицы, деревья, ночные букашки, – все разговаривали между собой, и ему становился понятен их язык!.. Вот торопливо просеменила мимо замершего от удивления человека ежиха, по её следу спешил колючий кавалер – ах, какие пылкие признанья срывались с его уст!

– Не верь ему, милашка, – посоветовал бывалый Коротышка, – получит своё – и забудет!

Потом какая-то птица долго оплакивала разорённое гнез-

до, в сухой листве деловито перекликались мыши, распевал песни жук под корою гнилого дерева... Коротышка весь превратился в слух, забыв о себе, о товарищах, о всаднике с волчьей головой.

Так просидел он до утра.

Пробудившийся лес спел ему гимн во славу вновь родившегося солнца, ночные говоруны затаились в своих убежищах, – лишь тогда он опомнился и пошел будить спящих. О своем новом умении он ни сказал им ни слова – побоялся, что поднимут на смех. Да и вообще...

Потом они вышли к реке – она в этом месте делала поворот. Искупались, сполоснули одежонку. Гилленхарт нырнул и вытащил большого рака. Наловчившись, натаскали раков целую кучу. Ла Мана нашёл кремень, долго бился, но добыл-таки огонь.

– Слава Пресвятой Деве! – обрадовались путники. Из бересты смастерили подобие лукошка, обмазали сырой глиной, коей тут на берегу были целые залежи, попытались сварить добычу.

Коротышка есть не стал:

– Слышал я, раки большие охотники до мертвечины, – буркнул он, сидя у воды, пока его приятели обсасывали розовые хвосты и клешни. Не станет же он пересказывать то, что узнал, пока живые раки копошились в устроенной для них на берегу яме.

Место, где они остановились, настолько понравилось

странникам, что они решили передохнуть здесь несколько дней. Устроили шалаш, ловили рыбу... Коротышка первое время всё нервничал, к чему-то прислушивался, постоянно оглядывался, и плохо спал. Да и как тут уснёшь, когда под ухом все время кто-нибудь бубнит – то влюбленный и глупый мотылёк-однодневка, то муравей-работяга, то комар, голодный и нахальный... Потом привык, научился не замечать чужих разговоров. Теперь ему даже спокойнее стало: из доносков пролетающих птиц он точно знал, что поблизости нет чужих. А если и появится кто – он узнает первым.

...Вернувшись домой с новым питомцем, Мэрион отправила щенка на псарню, рассудив, что сначала пообедает, а потом займется его дальнейшей судьбой. В доме Гилленхартов была большая, со знанием дела устроенная псарня, где холили и лелеяли насколько десятков борзых и гончих. Содержать свору породистых псов было одной из немногих семейных традиций, хотя Виктор фон Гилленхарт не особенно увлекался охотой – собаками чаще пользовались его друзья.

А в Замке опять было весело. Удав, которого Рио подсунула под кровать одного из охотников за привидениями, проснулся и захотел кушать. Точнее, он сначала захотел есть – от того и проснулся.

Его появление почему-то не вызвало большого восторга у публики. Вооружившись свёрнутой газетой и платяной вешалкой, – больше им ничего подходящего под руку не по-

палось, – искатели приключений принялись гоняться за ним по всему Замку. Удав, наверное, мирно уполз бы по своим делам, но свёрнутая газета оскорбила его до глубины души: что он, муха что ли?!..

Раззадорившись, Доди из преследуемого превратился в нападающего, забыв совершенно, что остальные обитатели Замка тоже как-то не в курсе, что у них под боком обитает такая экзотика...

С гиканьем и воплями всё сознательное население Замка принялось гоняться за червяком-переростком, и ему, будь он обыкновенной рептилией, пришлось бы несладко. Но Доди не был обыкновенным. Мэрион когда-то выдумала его – из-за чего и почему, она уж и сама не помнила: мало ли какие образы рождаются в детской головёнке по вечерам, когда взрослые, пожелав своему чаду спокойной ночи, тушат свет и преспокойно оставляют его наедине со своими страхами и фантазиями? И если ваш ребёнок с кем-то шепчется под одеялом – лучше на всякий случай включить свет и проверить, кто это там пришел в гости?.. Иначе, знаете ли, всякое бывает. К тому же, многие из этих гостей имеют привычку оставаться надолго, и приносят массу неудобств, подбивая своего создателя на разные шалости.

Поскольку же Доди был удавом особенным, он и вёл себя неправильно: то разгонялся до скорости гоночного автомобиля, когда его преследователи уже почти ухватились за кончик оранжевого хвоста, то исчезал, протиснувшись в ка-

кую-нибудь совершенно непроходимую щель, то увеличился в размерах и, резко обернувшись назад, пугал огромной разинутой пастью особо ретивых охотников. Словом, развлекался на всю катушку! Ещё бы – ведь за много лет это был его первый выход «в свет»!

– Доди, – улучив момент, когда они случайно оказались ненадолго один на один, велела девочка, – немедленно прекрати это безобразие!

– Но ведь здорово же!.. – возразил удав. – Смотри, как твоя Бабушка распрыгалась! Когда бы она ещё так повеселилась?

Но Мэрион было не до шуток. Спрятав удава, – он остался жутко недоволен тем, что веселье так скоро закончилось! – девочка сбегала в сад и выкопала там первого попавшегося дождевого червя. Подкинув его на стол в гостиной, она объявила, что удав скоропостижно превратился вот в такое вот посмешище. И вообще, им *показалось*.

– Показалось?! – возмутилась тетка Люсильда. – Я своими глазами видела огромную змею толщиной со взрослого человека!

Несчастливого и ни в чем не виноватого червяка торжественно вынесли во двор, и скормили рыбкам в садовом пруду. Семейный совет решил: это был *морок*. Только тётка Люсильда стояла на своём: не могли же, дескать, они все вместе одновременно сойти с ума! Поодиночке – ещё куда ни шло, но сходить с ума коллективно она почему-то не желала.

Мэрион некогда было принимать участие в семейных спорах: вместе с Толстяком они засели в интернете, пытаясь по украденным документам выяснить что-либо о ловцах привидений.

В этом и заключалась идея Толстяка, о которой он сказал тогда в кондитерской, после того как Рио не нашла безголового в Замке. В итоге выяснилось, что все трое «охотников» числятся погибшими: они были когда-то, оказывается, членами одной экспедиции, унесённой снежной лавиной в Гималаях. В той трагедии в горах, случившейся несколько лет назад, из семи выжил лишь один человек – действительный член Королевского географического общества, академик, журналист и путешественник, обладатель прочих и прочих почетных регалий Максимилиан Линд...

Домой Рио вернулась уже под вечер. Ей что-то было нехорошо: знобило, появился кашель. Отказавшись от ужина, она переоделась и забилась под тёплое одеяло – это летом-то! Но уснуть ей не дали.

Доподлинно неизвестно, что же случилось, но только весь дом поднялся на ноги, когда собаки на псарне устроили переполох. Папа взял ружьё и спустился на улицу.

– Наверное, хорёк забрался, – предположил он.

На веранде как раз курил дядя Винки, он тоже увязался за Папой. Едва Папа открыл дверь псарни, как к его ногам дружно бросились хвостатые домочадцы. Скуля и повизги-

вая, они нервно оглядывались вглубь псарни. Папа на всякий случай взвел курки... В темноте раздался грохот, что-то упало, разбилось... Собаки завыли... И на сцене из темноты торжественно появился Хендря Великолепный.

При виде маленького, несуразно длинного пёсика у его сородичей случилась истерика... Здоровенные псы, закатывая глаза, едва не лезли на стенку! Хендря с довольным видом осмотрелся и гавкнул – коротко и победно.

– Что такое?.. – удивился Папа.

Он попытался загнать собак обратно, но они, пугливо увертываясь, не желали возвращаться домой, пока в дверях красовался маленький наглец.

– Это просто кошмар какой-то! – жаловались они. – Совершенно невозможное существо! А что он говорит! Сплошное хамство!

– Он сказал, что мне пора на живодерню! – плакалась породистая блондинка с отличной родословной.

– А меня назвал кормушкой для блох! – вторила её подруга – чемпионка и рекордсменка.

Возмущенные собачьи голоса слились в один громкий хор.

– Надо забрать таксу в дом, – решил отец, которому жутко хотелось спать. – Иначе придётся всю свору оставить на улице. – Он поманил таксика за собой: – Идем, малыш!

Хендря поднял ножку и, показав всем ещё раз, кто теперь в доме хозяин, с гордым видом засеменял на кривых ножках

вслед за Папой. Собаки проводили его глазами и дружной толпой, отдавливая друг другу лапы, ринулись к себе. Хотите верьте, хотите нет, но дверь псарни они закрыли сами. Изнутри.

У самого входа Папа вдруг резко остановился:

– Что-то я не понял, – сказал он с видом внезапно очнувшегося человека, – собаки в самом деле разговаривали?

– Нет, дорогой кузен, тебе показалось... – ответил дядя Винки, и чему-то улыбнулся.

...Из Светлых Магов откликнулись трое: Вэллария, Рутан Светлый и Мирта из Гэмпста. Последняя, впрочем, больше славилась как предсказательница.

– Я бы доверился только Рутану, – осторожно советовал королеве Дарквиш. – У Мирты худой язык: она не столько предсказывает, сколько накликивает неприятности, особенно тем, кто ей не по нраву... А Вэллария и вовсе из Вальгессты – насколько может быть благонадёжен человек из земель, ещё недавно охваченных смутой?

Разговор происходил в фехтовальном зале. Королева только-только закончила поединок с Тенью. Бросив меч, она, не отвечая, подошла к стене и нажала рукой на чуть заметный выступ – открылось светящееся отверстие. Она достала оттуда короткий толстый жезл. Один конец жезла светился неприятным тёмно-голубым светом. Дарквиш мысленно присвистнул: ничего себе, да это же громобой!

– Не слишком ли опасное оружие для женщины? – спросил он.

Королева, откинув голову, сдунула со лба прилипшие пряди волос.

– Где ты видишь женщину, советник? – её голос звучал непривычно грубо. Дарквиш отметил, что она назвала его на «ты» – такое было впервые. – У настоящей женщины, – с горечью продолжала она, – есть или был муж, возлюбленный. Или ребенок. У меня нет никого – и не будет. Я – королева, и это всё.

– Это не так уж мало! – возразил Дарквиш. – На Вас с надеждой смотрят подданные – они и есть ваши дети.

– Да? – королева усмехнулась. – Так поменяемся местами, а?.. – и пространство зала разрезала тонкая быстрая молния.

Пол возле самых ног советника вспух и в камне пролегла глубокая полоса с оплавленными краями. Глядя прямо ему в глаза, королева послала ещё один разряд – на этот раз молния сверкнула чуть выше его головы. Рука Дарквиша сама потянула меч, но, опомнившись, он с силой вогнал оружие обратно в ножны. Но Чара снова взмахнула жезлом – и он принял вызов...

Электрические разряды следовали один за другим – всё пространство зала покрылось пульсирующей сетью голубых росчерков. Но Дарквиш был опытным воином и расстояние между ним и противником неумолимо сокращалось. Сначала поединок казался ему забавой, но потом он понял, что

удары направлены прямо в него!.. Меч – ничто в сравнении с громобоем, и его спасали только ловкость и скорость. Изменяя прямо в воздухе направление своих прыжков – искусство которым он владел в совершенстве – Дарквиш уворачивался от разящих молний, пока на нём не загорелся плащ. Тогда он сорвал пряжку, и успев скомкать горящую ткань, швырнул огненный ком прямо в лицо поединщику. Королева замешкалась, отмахиваясь от летящего на неё огненного покрывала, и он, пользуясь этим, мгновенно послал вслед за плащом кинбассу.

Тонкая, длиной с два пальца, тяжёлая свинцовая палка с утолщением на конце ударила королеву по руке, и она выронила свое страшное оружие. Громобой откатился в сторону – в стене от его луча образовалась сквозная дыра. Прижав к груди ушибленную руку, она потянулась за ним другой рукой, но не успела: Дарквиш сбил её с ног и приставил к горлу меч.

На какое-то мгновение их взгляды встретились. В её глазах светились одновременно и торжество, и насмешка, и еще что-то, чему не мог подобрать точного определения... Горечь сожаления? Печаль расставания?.. Или ему лишь показалось?

– Я победил!.. – тяжело дыша, сказал воин, убирая меч, – на её нежной коже остался след – и подал повелительнице руку.

– Ты – проиграл! – жёстко ответила она, поднимаясь, и

нарочно не замечая его руки. – Стража!.. Взять его! – сказала, точно псам скомандовала, и в ту же секунду Тени опутали его запястья тонкими, но прочными невидимыми цепями.

– Это – шутка?.. – хрипло спросил он, улыбаясь, и не веря происходящему.

– Нет, – спокойно ответила молодая женщина. – Ты поднял оружие против законной королевы – и будешь осуждён. Уведите его!..

Вероломство королевы – столь неожиданное и незаслуженное – настолько потрясло воина, что он молча подчинился. Уже в дверях Дарквиш обернулся: она пристально смотрела ему вслед.

Спокойная жизнь на берегу тихой реки довольно скоро приелась троим странникам: ведь горячая кровь текла по их жилам, а не водица.

Сборы были недолги.

Коротышка по недавно заведённому обычаю бежал впереди: принимался, прислушивался, часто сворачивал в сторону, рыская туда-сюда словно собака.

– А он сильно изменился!.. – улучив момент, шепнул Юст-эс капитану.

На третьи сутки путешествия вдоль по реке лес кончился. Впереди простирались бесконечные поля, далеко-далеко к югу угадывались очертания гор, мимо бежала дорога – они и пошли по ней.

Большую, гружёную сеном повозку, запряжённую здоровущими чёрными быками, они заприметили еще издали. Решили не прятаться – человек, управлявший быками, с виду был вполне обычным.

– Бог в помощь!.. – поздоровались они, поравнявшись.

Человек посмотрел на них и что-то коротко ответил на непонятном языке. Коротышка обнаружил, что прекрасно разбирает чужую речь. Ну, было бы странно, понимая всех остальных живых существ, не понять языка человеческого.

– Он говорит: день добрый... – пояснил он товарищам.

– Почём ты знаешь?

– Умный я, понятно?.. – окрылся, спохватившись, Коротышка.

– Умный, говоришь? – недобро ухмыльнулся капитан. – Тогда спроси: что здесь, да как? И главное, как бы нам пожрать и выпить?

Но Коротышка заявил, что понимать-то он – понимает, но объясняться на чужом наречии не может.

– Как же так? – потяжелел взглядом Ла Мана.

– Вот так!

– Тогда я с ним сам объяснюсь... – рассудил бывший пират, ловко запрыгивая на телегу. Крестьянин покосился на его меч и ничего не сказал. – Присаживайтесь, господа, – сделав рукой приглашающий жест, распорядился капитан, хитро поглядывая на хозяина повозки.

Юстэс и Коротышка не заставили долго упрашивать – но-

ги, чай, не купленные.

Какое-то время ехали молча... Потом Ла Мана снова попытался завести разговор, задавая незнакомцу вопросы на нескольких языках, но тот лишь качал головой, дескать, не понимаю. Юстэс с интересом прислушивался, а потом спросил:

– Я понял только латынь... Что ещё ты знаешь?

– Арабский, итальянский, испанский, греческий... Я не такой неуч, как некоторые сопляки, мой родитель потрудились дать мне хорошее образование.

– И в чём же ты теперь лучше меня? – вспыхнул Гилленхарт, с презрением относившийся к «грамотеям». По его раз и навсегда сложившемуся убеждению пользы от книжных знаний было немного: только ранняя лысина да лишний жир, да порча глаз, – вот и всё, что давало человеку сидение за книгами.

– Тем, что ты, хоть и дворянин, – заносчиво отвечал Ла Мана, – но так же туп, как и любой самый вонючий виллан из деревень твоего отца!

Гилленхарт молча столкнул его с телеги и спрыгнул сам. Когда Ла Мана поднялся на ноги, в руках у Юстэса был кинжал, доставшийся ему от погибшего храмовника:

– Я желаю сразиться с тобой!

– Сам напророчился!.. – процедил капитан, и поднял меч.

В памяти Юстэса всплыли дни, проведенные на корабле: захват торгового судна, гибель Али. Как он мог забыть об

этом?!

– О, рыцарь! Ты уверен, что можешь вызвать меня на поединок? – издеваясь, спросил Ла Мана. – Вдруг я не достоин такой чести?.. Ты ведь ничего не знаешь о моем происхождении!

– Я знаю, что ты убил человека, которому я был обязан жизнью, и мне этого достаточно!

– Вот как?.. – Ла Мана прищурился, удобнее перехватывая меч в руках, и, чуть отступив назад... пропал.

– Ты где?! Трус!.. – выкрикнул юноша, нелепо прыгая по дороге. – Трус! Да куда же ты делся?!

Ла Мана внезапно объявился из воздуха прямо перед ним. Безоружный.

– Я не стану драться с тобой, – спокойно сказал он. Юстэс заметил, что его лицо и голос странным образом изменились, точно это и не он был.

– Почему? – опешил Юстэс. – Сражайся! Я требую!

– Нет, – безмятежно ответил пират и раскинул руки, подставляя незащищённую грудь. – Убивай, если хочешь. Станешь таким же убийцей – ведь я безоружен.

– Дерись!.. – выкрикнул юноша, но Ла Мана со смехом отвергал все его попытки завязать бой.

Напрасно Гилленхарт выкрикивал в его адрес разные оскорбления – пирата словно подменили.

– Когда-нибудь я всё равно убью тебя! – пообещал Юстэс, устав от бесплодных препирательств. – Где же наш любезный

возница? И где Коротышка?! Они не могли скрыться из виду так быстро! И дорога ровная – ни холмов, ни пригорочка...

Занятые выяснением отношений, они не заметили, как исчезла повозка. На многие мили вокруг простирались поля – и нигде ни малейших признаков их недавних попутчиков.

– А с тобой что? Где твой меч?.. – спохватился Юстэс.

– Далеко... – загадочно ответил Ла Мана. – Но твоему уму сейчас этого не понять.

Забыв о ссоре, они бегом бросились вперёд по дороге. Но пробежав несколько миль, убедились, что повозка исчезла бесследно – как сквозь землю провалилась!

...Коротышка немало удивился, когда Ла Мана и этот гордец исчезли из виду. Он только собирался спрыгнуть с телеги за ними вслед, как они вдруг пропали.

– Эй!.. – он схватил за руку хозяина телеги, но тот только стегнул хворостиной по лоснящемуся боку рогатой животины, давая понять, что не остановится.

Поразмыслив, Коротышка решил остаться: они как раз проезжали мимо разорённой деревеньки.

– Кто это тут похозяйничал? – спросил он у возницы, указывая на обожжённые развалины. Тот, видимо, догадался, о чем он спрашивает и ответил шепотом:

– Нигильг...

Коротышка задумался. Это слово было не совсем ему понятно. Смысл чужой речи – и звериной, и человеческой, – он

воспринимал не дословно, как обычно разговаривают люди, а образно: добыча – это то, что едят, опасность – это всё, что может тебя убить... У этого же слова получалось слишком много значений: чужой, враг, пустота, страх... И еще одно – Коротышке было трудно выразить это словами, ибо слов он знал и употреблял не так уж и много: получилось примерно так – «то, после чего ничего не остается».

Вскоре дорога стала заметно шире. Стали встречаться другие повозки, едущие в разных направлениях, попадались и пешие, и всадники. В животе у Коротышки отчаянно бурчало, да так громко, что возница услышал и сочувственно улыбнулся.

– У?.. – спросил он, пальцем показывая на рот, и погладил себя по животу.

– Угу... – в тон ему печально отвечал Коротышка, и честно предупредил: – Только денег у меня нету. Нету денег, говорю!.. – прокричал он на всякий случай погромче, точно возница был глухой, и для пущей убедительности похлопал себя по бокам.

Показалось неказистое приземистое строение. Коротышка понюхал воздух – обоняние у него обострилось донельзя. «Никак, харчевня?..» – подумал он, уловив соблазнительные запахи. Повозка свернула с дороги и остановилась. Хозяин слез и махнул ему рукой: пошли, мол!

Перед входом стояло вкопанное в землю длинное бревно. Входящие зачем-то хлопали по нему ладонью – сухая

кора была до блеска отполирована в одном месте сотнями рук. Хозяин повозки тоже хлопнул по дереву, а Коротышка не придавал значения столь странному обычаю – и остался на улице: дверь, только что пропустившая внутрь возницу, закрылась перед ним наглухо. Почесав в затылке, Коротышка вернулся и тоже звонко шлёпнул по деревянному обрубку – дверь открылась.

Внутри было полно народу, и он не сразу отыскал своего давешнего знакомца. Тот уже сидел за длинным столом и что-то говорил стоящему перед ним человеку. Коротышка сел рядом. На особенно большое угощение он и не надеялся – дай-то Бог хоть кусок черствого хлеба перепадёт... Но тот человек отошёл, и вскоре вернулся с огромным подносом, уставленным дымящимися плошками. Ловко составив их на стол, он чуть поклонился и снова ушел, оглядываясь. Возница показал Коротышке: ешь!.. И сам тоже принялся за еду.

Коротышка, спешно перекрестившись, принялся набивать рот – пока не выгнали. «Вкусно, чёрт побери, – думал он, обжигаясь и торопливо проглатывая плохо пережеванные куски, – а потом бока намнут или отрабатывать заставят..» Насытившись, он заметил, что многие посматривают в его сторону с любопытством. «Ага, учуяли, что нездешний...» Один из сидевших поблизости что-то тихонько спросил у его спутника, оглаживая при этом подбородок, точно расправляя несуществующую бороду. Коротышка уловил также часто повторяющееся слово «тьетль». Что оно озна-

чало, он не совсем понял, но это явно относилось к нему. «Сначала доедим – потом разберёмся!» – решил он и сильнее задвигал челюстями.

Вылизав дочиста миску и напихав в карманы про запас куски лепешки, он с блаженным видом откинулся к стене, упёршись спиной в сучковатые бревна. Поел – и можно жить дальше! Много ли человеку на самом деле надо?.. Глаза сами собой стали закрываться. Его благодетель тем временем мирно беседовал с каким-то бородачом в шляпе с совиным пером, присевшим за стол против него. Коротышка совсем уж было приготовился вздремнуть, как дверь растворилась, и в харчевню ввалилась шумная компания. Рослые и мускулистые, затянутые в кожаные доспехи, пришельцы по-хозяйски расположились за соседним столом. Коротышка как раз собирался в очередной раз зевнуть, да так и замер с распяленным ртом: молодцы, все как подбор, были с волчьими головами!

Он незаметно огляделся по сторонам: появление волчьеголовых напугало только его... Осмелев, он плеснул из кувшина в кружку чёрной пахучей жидкости и, сглотнув залпом незнакомый напиток, крепко отдававший плесенью, выругался негромко и сплюнул на пол.

– Что за гадость!

Но тут же по телу побежало приятное тепло, в голове зашумело, и очертания людей и предметов стали расплываться.

– Эка, забрало как!.. – удивился вслух Коротышка, еле ворочая языком.

Обычно он пил, не пьянея, и немало огненной влаги требовалось, чтобы свалить его с ног, а тут пол стал уплывать куда-то вбок, перед глазами полетели радужные шары и, стукнув кулаком по столу, он изо всех сил затянул песню. Надо сказать, голосом его Бог не обидел.

Хриплые, кошмарные звуки, раздавшиеся вдруг из тёмного угла, многих заставили схватиться за оружие. Люди переполошились, повскакивали с мест, готовые дать отпор невиданному врагу. Коротышка же, считавший себя отменным исполнителем, видя эту суету, вылез на свет божий, взгромозвился на стол и, церемонно раскланявшись, завопил ещё пуще! Народ застыл на месте...

Польщённый наступившей тишиной, маленький певец, привстав на цыпочки, сжал кулаки и, надрывая горло, вывел такую замысловатую руладу, что ближайшие слушатели поспешили отодвинуться подальше. Пользуясь общим замешательством, Коротышка безнаказанно исполнил ещё парочку своих лучших сольных номеров – на лицах окружающих стали появляться первые признаки недовольства, – но тут на их счастье он решил пуститься в пляс и, сделав несколько занимательных телодвижений, промахнулся мимо края стола и рухнул на пол. Едва коснувшись земли, он тут же свернулся калачиком и уснул мертвецким сном – к большой всеобщей радости. Артиста бережно задвинули под стол и накры-

ли плащом – не дай Бог проснётся!

– Если он ещё вздумает орать – выкину вас за дверь! – предупредил спутника Коротышки хозяин харчевни. Тот лишь развел руками.

Остальные вернулись к своим делам, изредка нет-нет да и поглядывая в угол, где мирно похрапывал незадачливый певец. Постепенно о нём все забыли. Надвигалась ночь.

Проспавшись, Коротышка вылез из своего убежища. Он совершенно не помнил, о том что случилось. Насмешливые чужие взгляды привели его сначала в некоторое недоумение, а потом и в бешенство. Руки у него так и чесались, а тут за соседним столом раздался взрыв хохота. Кровь прилила к его голове, еще затуманенной парами крепкого зелья, и он ринулся в атаку.

– Смеяться надо мной?! – прохрипел Коротышка, хватая за плечо того, что был к нему ближе всех.

Дюжий детина с бычьей шеей медленно развернулся к нахальному задире: что это за малявка там вякает?.. Смерив его взглядом, он отвернулся и сказал своим:

– Тьетьль без бороды – всё равно, что человек без штанов... – и все снова захохотали.

Коротышка не уловил смысла фразы, но понял, что над ним опять смеются, и без долгих разговоров, набычившись, двинул детину в ухо. Насмешник напрасно недооценил своего противника: удар был таков, что обидчик мешком свалился с табурета. Кое-кто присвистнул, раздались возгласы вос-

хищения, вокруг захлопали, а товарищи поверженного вскочили на ноги.

– Давай-давай!.. – распаясь от пьянящего предвкушения опасности, поманил их Коротышка, и выхватил из-за голенища нож.

Но упавший поднялся, удивлённо мотая головой, и жестом остановил остальных:

– Сам разберусь!.. Ты чего, малыш, взбесился что ли?

Коротышка не собирался объясняться. Сделав ложный выпад, он змеёй скользнул к противнику, тот сумел увернуться. Но после нескольких неудачных попыток маленький забияка успел-таки достать его, и тогда детина, до сей поры лишь вяло отмахивавшийся от настырного карлика, точно медведь от назойливой мухи, рассвирепел не на шутку.

Коротышка был мастак драться: опытный, ловкий, проворный, – он к тому же знал немало подлых и проверенных на деле приёмов. Но его соперник намного превосходил в силе и весе, и тоже оказался не так-то прост!.. Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка, но тут входная дверь затрещала от громких и сильных ударов, словно кто-то огромный снаружи бил в неё чем-то железным.

Все тотчас забыли о драчунах и схватились за оружие. Соперник Коротышки отпихнул его от себя, и тоже развернулся к дверям. Коротышка хотел уж было с размаху засадить ему нож в широкую спину, но что-то остановило его руку.

Всё разом стихло – всё, кроме зловещих ударов, отдавав-

ших металлическим эхом. На лицах людей читалось такое напряжение, что Коротышке стало не по себе.

– Что за чёрт?.. – спросил он у кого-то, но человек лишь приложил палец к губам, и Коротышка заметил, что рука у того дрожит.

Тогда недовольный тем, что ему не дали развлечься, маленький буян подлетел к дверям и дёрнул засов:

– Ну-ка, что там за гости?.. – в тот же миг его затылок расколола страшная боль, и он полетел в тёмную бездну.

Ранним утром погожего летнего дня в дом Гилленхартов пришла Смерть.

Она явилась за Мэрион.

Накануне девочке стало очень худо – путешествие среди зимы под облаками в лёгком бальном платье наградило её жесточайшей простудой. Ночь она провела в бреду – одна в своей комнате – и не было ни сил, ни сознания, чтобы позвать на помощь.

Ей виделась Каггла: её синие глаза смотрели на неё из огня, и она обещала вернуться и помочь, но не пришла. Мэрион почувствовала, как огонь охватывает и её тело, растекается по жилам, и заплакала во сне...

Потом она увидела двух всадников, закованных в латы: они спускались с тёмных небес по лунной дорожке. За плечами одного из них развевался белоснежный плащ, другой был одет в чёрное. Светлый всадник опередил своего това-

рища и подхватил её на руки. Она не видела его лица – только в прорезях шлема светились голубоватые огоньки, но ей стало легче.

– Оставь её!.. – глухо проговорил чёрный всадник, но рыцарь в белом плаще лишь покачал головой.

Знаете ли вы, что Смерть чем-то похожа на того, к кому она приходит?.. Та, что постучалась в двери Лостхеда, не была исключением из общих правил: из-под длинного сава-на виднелись джинсовые шорты с бахромой, на шее болтался плеер, легкомысленную маечку, надетую прямо на костлявые ребра, украшала патлатая физиономия популярного рок-певца... И надо сказать, что чувствовала она себя преглупо. И не только из-за прикида...

Обычно Смерть прокрадывается незаметно – тихая и невидимая. Делает своё дело – и так же незаметно уходит. Но замок наследников барона вовсе не был *обычным местом*, и ей пришлось явиться вот так вот запросто, среди бела дня у всех на виду! – и это очень её смущало.

Нервно озираясь по сторонам и пряча лицо в капюшон, она постучала косою в двери. Открывать ей не торопились.

– Стыд-то какой! – бормотала про себя Костлявая, переминаясь с ноги на ногу. – Ещё увидит кто! Да спите вы там что ли!?

На пороге возникла тетка Люсильда.

– Здравс-с-сь-те!.. А я – к вам... – приветливо оскалилась Смерть. «*Боже, что я говорю?!*»

Тетушка, подслеповато щурясь сквозь очки, посмотрела на пришлицу снизу вверх и тоже, на всякий случай, раздвинула пухлые щёчки в резиновой улыбке:

– Ко мне?.. Но я прекрасно себя чувствую!

– У вас тут маленькая девочка... – терпеливо пояснила гостя, пытаясь переступить через порог.

– Не пущу! – решительно заявила тётка, уразумев, в чём дело. – Что ещё за глупые шутки?!

– Какие шутки! – рассердилась Смерть. – Я на работе!

– Дорогуша, вы ошиблись адресом!.. – продолжала гнуть свое тётушка, растопырив толстые ручки и норовя животом выпихнуть незваную прочь. – Убирайтесь-ка отсюда немедленно!.. Настырная какая попалась!.. Нет, вы только поглядите на неё!..

Но Смерть вовсе не хотела чтоб на неё глазели и, поднажав костлявым плечом, прорвала оборону противника. Не удержавшись на ногах, они кубарем ввалились в холл.

По лестнице вниз бежал Папа. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени.

– Она умирает!.. Звоните в неотложку!..

Смерть поднялась с пола, выразительно поглядела на тётушку и, прихватив косу, с видом оскорбленного достоинства тяжело затопала мимо него наверх.

– Виктор! – простонала Люсильда, протягивая к нему руку. – Я не сумела её удержать... Прости! – и по её щекам покатались слезы.

Несчастный отец молча прикрыл глаза.

Мэрион лежала на диване в гостиной, неестественно прямая и спокойная. По её вискам и в уголках глаз разливалась синева, но искорка жизни – уже незаметная окружающим – ещё трепетала в самой глубине её сознания. Та, что пришла за ней, видела это и не торопилась, – она не могла забрать её с собой, куда теплился этот слабый огонек.

В головах умирающей переругивались, невидимые окружающим, два ангела – белый и тёмный – споря, кому забирать её с собой:

– Она перевернет нам всё вверх дном! – опасался белый.

– А у нас и так хватает всяких... – резонно возражал его тёмный собрат.

На самом деле никому из них не хотелось забирать ребёнка.

Собравшиеся в гостиной испуганно притихли при виде высокой фигуры в саване. Нет, среди гостей и домочадцев Лостхеда было немало людей неробкого десятка, но всех точно охватило какое-то оцепенение, противостоять которому они были не в силах. Многие начали креститься и читать молитвы...

Лишь доктор Сибелиус остался спокоен. Сняв очки, и засунув дужку в рот, он внимательно рассматривал ту, чьё невидимое присутствие ощущал много раз – и у постели роженицы, и у операционного стола, и при последнем вздохе человека, чья жизнь своей протяженностью была подобна ре-

ке. Часто бывало, что она оказывалась сильнее, и каждая её победа оставляла шрамы на его сердце, – и сегодня давние соперники встретились.

Смерть смущенно откашлялась и неловко примостилась на краешке стула. Собравшиеся зашушукались, бросая в её сторону осуждающие взгляды.

– Может быть, чаю? – осмелилась Бабушка.

– Пожалуй... – поспешно согласилась гостья, теребя край накрахмаленной скатерти.

На столе появилась дымящаяся чашечка и вазочка с бисквитами. Прислонив кошу к краю стола и стараясь ни с кем не встречаться глазами, Смерть потянулась за чаем. «Скорей бы уж! – сердито думала она. – Страсть как неудобно получилось!..» Откинув с головы капюшон, – её череп венчала яркая бандана, она отхлебнула глоток, держа чашку двумя пальцами за ручку и оттопырив мизинец. Ангелы в изголовье перестали препираться и изумленно уставились в её сторону. Один из них выразительно покрутил пальцем у виска.

– Сама знаю!.. – неслышно огрызнулась Смерть сквозь зубы. – Заканчивайте там побыстрее, чтоб вас!

Бабушка за её спиной тем временем делала остальным «страшные» глаза и всяческие замысловатые знаки, надеясь, что кто-нибудь что-то да и придумает.

– Ещё чашечку? – умильным голоском поинтересовалась она у гостьи, желая потянуть время.

– Благодарю!.. – светским тоном отказалась та, – ей сейчас

больше всего хотелось провалиться сквозь землю.

– Мадам, – вперёд выступил пожилой, солидного вида господин. На его пухлых пальцах играли огоньками дорогие перстни. – Я – деловой человек и, думаю, могу сделать вам интересное предложение...

Смерть кисло улыбнулась:

– *Мне ?..*

Господин в перстнях смутился:

– Н-да, действительно... Хотя... – но тут он и вовсе не нашелся, что сказать, и потерянно умолк.

– Что, если вам взять кого-то другого? – нарочито-беззаботно, словно речь шла о совершеннейших пустяках, предложила вдруг Бабушка. – Например, меня?

Смерть внимательно посмотрела на неё и усмехнулась, грозя костлявым пальцем:

– Кого ты хочешь обмануть, старуха!? – и добавила еле слышно: – Тебе вообще не положено... – эти слова никто не услышал, потому что Красавчик, пользуясь моментом, попытался стянуть её косу.

– Э-э!.. А ну, не балуй! – рассердилась Костлявая, отбирая назад своё орудие труда, и нечаянно при этом опрокинула заварочный чайник.

Кипяток плеснул ей прямо на колени. Она подскочила, опрокинув стул:

– Ой, я такая неловкая!.. – нагнулась поднять стул, но сверху упала коса и пребольно огрела её по черепушке, об-

тянутой яркой тканью.

Тут Смерть почувствовала себя уже полной идиоткой.

– Да ну вас, в самом деле!.. – буркнула она. – Сколько можно! – и подойдя к Мэрион, махнула рукой: – Кыш, пернатые!

Ангелы, точно перепуганные вороны, роняя перья, метнулись к потолку.

– Мы ещё не договорились! – возмущенно завопили они хором.

– А мне что, целую вечность здесь торчать? – огрызнулась Смерть, и занесла над девочкой сверкающее отточенное лезвие.

По комнате пронесся стон...

И в этот миг из-под дивана вылез Хендря – заспанный, голодный и злой. Прямо перед носом он увидел чудеснейшую косточку – любой настоящий пёс на его месте ошалел бы от радости!.. Он, конечно, предпочёл бы что-нибудь посуше, но спазмы в пустом желудке сводили его с ума, и пёс от всей души вцепился крепкими острыми зубами в нечаянную добычу.

Смерть выронила косу и, подскочив на месте, издала умопомрачительный вопль, перешедший в ультразвук, – челюсти озверевшего от голода такса намертво сомкнулись на фаланге большого пальца ее босой ноги! Напрасно бедняга пыталась стряхнуть зверя: рыча, тот только крепче стискивал зубы...

Замок тотчас превратился в бедлам: из гостиной с проклятьями огромными неровными скачками вырвалась фигура в белом. За ней, звонко тяфкая, мчалась разъярённая чёрная крыска, а дальше – круша и ломая всё на своем пути – улюлюкающая толпа родственников... Людской вихрь промелькнул мимо убитого горем отца, застывшего на лестнице, и выбив с петлями входные двери, вылетел на улицу.

– Что это было, Виктор?.. – дрожащим голосом спросила, поднимаясь с пола, немного помятая бегущими тётка Люсильда.

– Мэлион завела себе собаську!!! – восторженно прокричал отставший Карапуз, вприскокку спускаясь по лестнице и исчезая в снопе света, льющегося с улицы в полутёмный холл.

– Дева Мария, твое милосердие не знает границ! – радостно воскликнула тетушка, молитвенно складывая ладони и возводя очи к небу. – Наша девочка вернулась!

– Я это уже понял... – только и сумел вымолвить отец.

Во дворе на скамеечке под толстым вязом Доктор Сибелиус накладывал пострадавшей гипс.

– Боже, – стонала Смерть, – эта ужасная тварь раздробила мне ногу!

– Не ногу – только пальчик!.. – утешал эскулап.

«Ужасная тварь» с самым дерзким видом прохаживалась неподалёку и рычала всякие непристойности.

– Да чтоб я к вам зашла еще когда! – причитала Костлявая, пододвигая косу поближе к себе. – Даже и не уговаривайте!

– Ах, вы уж нас простите!.. – лебезила вокруг неё добрая, но очень глупая тётка Августа, для которой соблюдение внешних приличий было главным смыслом жизни. – Так неловко получилось! Непременно заходите к нам, когда поправитесь! Непременно!..

У присутствующих вытянулись лица.

Августа продолжала щебетать...

– Сейчас я её убью, разговорчивую такую, и присяжные меня оправдают!.. – тихо пообещал Красавчик.

Но до убийства дело не дошло: по выразительным физиономиям родственников Августа всё-таки догадалась, что сморозила глупость, и замолчала на полуслове, мучительно соображая, что бы такого ещё сказать?.. Кто-то из тётушек подхватил её под руку, пытаясь увести от греха подальше.

– Вот и всё!.. – бодро сказал доктор, закончив свою работу.

Смерть придиричиво оглядела творение рук соперника.

– Производственная травма... – с мрачным удовлетворением подытожила она. – Меня подымут на смех!

– А страховка у вас есть?.. – опять вывернулась откуда-то тётка Августа. Её круглые блестящие глазки светились простотой и ясностью как у новорождённого младенца.

Смерть посмотрела на неё долгим оценивающим взгля-

дом.

– А компенсация вам положена?.. – не унималась любопытная. – А... – но кто-то дёрнул её за руку и таки утащил прочь.

– Нет, я положительно сойду с ума, если пробуду здесь ещё хоть пять минут!– выдохнула гостья, и поднялась с места: – Что же... Прощайте! Было больно, но весело... – и заковыляла, прихрамывая к воротам.

– Позвольте!.. – рядом с ней, галантно протягивая руку, возник давешний господин в перстнях. – Я провожу вас.

Смерть кокетливо улыбнулась и взяла его под руку.

Почти у ворот откуда-то снова выскочила, словно чёрт из табакерки, запыхавшаяся тётка Августа.

– Скажите, – торопливо затараторила она, опасаясь, что её опять куда-нибудь утащат, – а что там слышно про нашего милейшего барона?

– Вы что?! – возмутилась Смерть. – Я же давала подписку о неразглашении!..

За воротами гостью ожидал новёхонький гоночный автомобиль.

– Класс! – восхитился её провожатый.

Смерть задумчиво провела рукой по блестящему капоту.

– Это принадлежит тому, за кем я сейчас отправляюсь...

Она села за руль, повернула ключ в замке зажигания.

– Помнится, вы хотели сделать мне какое-то предложение? – вдруг хитро улыбнулась она, высовываясь в открытое

окно.

– О, теперь я даже и не знаю, что предложить такой женщине, как Вы! – не растерялся кавалер. – Но, если бы вы были простой смертной... – и он подмигнул.

– А вы хитрец, господин Дю! Я ведь знаю, *что* Вам нужно!.. – засмеялась Смерть и, резко оборвав смех, тихо спросила: – Ну и как оно, бессмертие?.. Не надоело? – и, посмотрев ему прямо в глаза, предложила: – Садитесь рядом, трактирщик, другого такого случая не представится!

Дю-старший, словно во сне, медленно протянул руку к дверце – и тут же отшатнулся назад, затряс головой:

– Нет! – прошептал он. – Нет...

Автомобиль взревел и, круто взмыв в небо, растаял в облаках.

Господин Дю долго глядел ему вслед.

– Что же теперь будет? – голос Виктора фон Гилленхарта заставил его вздрогнуть. – Не захочется ли ей отомстить за свое поражение? Один взмах косы – и мы все мертвы...

– Нет... – тихо отозвался кондитер. – Истинно великие мира сего – великодушны и милосердны. Злопамятны и жестоки лишь те, кто на деле – мелок и ничтожен...

...Сидевшие ближе к двери, кинулись её закрывать, но какая-то сила мешала людям. Ночи больше не было – за порогом харчевни стояла мутная, чуть колеблющаяся, серая хмарь, в которой шевелились гигантские, похожие на чер-

вей, тёмные зубастые твари с приплюснутыми квадратными головами.

– Огня!.. – скомандовал кто-то. – Огня! – подхватили другие.

В середине залы обнаружился большой люк. Приподняв крышку, несколько человек дружными усилиями выкатили оттуда большую бочку. Подтащив её прямо к выходу, люди сбили с бочки крышку, сунули внутрь горящий факел и вытолкнули её за порог. Раздался сильный взрыв – с полок посыпалась посуда – и перед входом встала стена огня. Пронзительный вой заставил людей заткнуть уши.

– Осторожно!.. – в дверной проём сунулся длинный и тонкий, весь почерневший, щупалец неведомой гадины. Судорожно извиваясь, он в конвульсиях шарил по полу. Сразу несколько рук протянулись к нему с пылающими головнями, выхваченными из очага, и щупалец исчез, но ему на смену заползло ещё несколько разом. – Огня!.. Живее!

Коротышку, без чувств валявшегося на полу, там, где его настиг удар, оттащили подальше от двери и связали. Борьба между людьми и Серой Хмарью продолжалась долго, но, наконец, дверь была закрыта на засов, и вой стал тише, точно между живыми и нежитью возникла прочная преграда.

– К рассвету угомонятся! – утирая пот со лба, сказал русоволосый бородач, который командовал обороной с самого начала. – Налей-ка нам ещё вина, хозяин!.. А с этого, – он ткнул пальцем в угол, где безжизненным кулем лежал Коро-

тышка, – глаз не спускать!.. Как очухается, мы с ним потолкуем.

...Приподнявшись на локтях, Коротышка ощупал разбитую голову. Каждое движение отдавалось нестерпимой болью, точно тысячи мелких железных осколков застряли в гудящих висках. Земля под ногами тряслась и покачивалась.

– Чтоб мне сдохнуть!.. – не выдержав, простонал он, ощущая, как к горлу подкатывается тошнота.

– Успе-е-шь! – заверил чей-то грубый голос, и огромный сапог, закрыв собою полнеба, пихнул его обратно на солому, где он лежал.

Больше он не стал делать попыток встать или пошевелиться – и ему чуть полегчало. Осторожно повернув голову набок, он обнаружил, что лежит на телеге. На это движение ему понадобилось столько сил, что он закрыл глаза и снова провалился в темноту...

Очнулся от того, что на него обрушился холодный ливень – ему как раз снилось море, корабль, – и он отчаянно завопил: ему показалось, что его уносит волною за борт!..

Открыв глаза, он увидел прямо над собой чьё-то бородастое лицо:

– Жив, гадёныш?..

Коротышка оскалил зубы и зарычал. Бородатый отпрянул, и отбросив ведро, из которого поливал пленника, схватился за топор.

– Подожди, Фарадир, – сказал кто-то. – Сначала мы с ним

потолкуем...

Пленного подтащили к костру, где сидело несколько человек. Поодаль были кругом составлены телеги, – возле них он заметил ещё людей с оружием. Его усадили на землю, поднесли к губам горячую кружку. Он не стал отказываться – глотнул кипятка, в голове немного прояснилось.

– Рассказывай!.. – приказал высокий человек с русой бородой.

– Чего? – буркнул Коротышка и удивился: похоже, его прекрасно понимали.

– Кто ты, и почему пытался нас убить?– терпеливо пояснил незнакомец.

– Я?! – удивился бывший пират. – Побойтесь Бога! Зачем возводите напраслину на человека?..

– Так ты – человек? – сидящие у костра переглянулись.

– Человек!.. – с готовностью подтвердил Коротышка, и перекрестился в знак подтверждения своих слов.

Люди у костра о чем-то негромко заспорили, Коротышка не мог разобрать со своего места о чём они говорят, и принялся осматриваться. Это был большой обоз, он насчитал несколько десятков повозок. Вокруг лежала равнина – под луной серебрился ковыль, поодаль темнела гряда леса... Он понял, что, по всей видимости, они расположились на ночлег у дороги, по которой ехали днем. Пошевелив руками, связанными за спиной, он уселся поудобнее, и стал прикидывать расстояние до леса – может, получится сбежать?

Ведь, судя по обвинению, которое ему предъявили, дела у него неважные.

– Давай-ка с самого начала, – снова заговорил тот, кто спрашивал его раньше. – Кто ты, и как тебя называют другие?

– Я – моряк, – отвечал Коротышка. – При крещении мне дали имя Винсент. Впрочем, все зовут меня Коротышкой, но я не обижаюсь, поскольку кулаки у меня крепкие и при случае могу постоять за себя.

Послышались удивленные возгласы:

– Он назвал свое настоящее имя!..

– Если хочешь, пусть будет так, – согласился допрашивающий, переглянувшись с товарищами. – А я – Горст, и это – моя дружина. Мы обещаем тебе суд скорый, но справедливый... Итак, откуда тебе известны колдовские приемы, и как ты сумел отворить нечисти дверь, на которую наложил заклинание сам Рутан Светлый?

– Э-э, погоди, брат!.. – протестуяще воскликнул обвиняемый, начиная что-то припоминать. – Я, конечно, грешен, но не хочу отправиться в ад за то, чего не совершал!

Коротышку пробрало холодом: обвинение в колдовстве попахивало костром! А он-то всегда верил, что кончит свою жизнь либо в морской пучине, либо на рее... И то и другое – смерть, но смерть разная... И эти люди не больно-то похожи на монахов.

– Да, я выпил чарочку с устатку, разве это преступление?

Но эта гадость так воняла плесенью – просто тина болотная! – что мне захотелось продышаться. Я просто собирался выйти на улицу по нужде... – оправдывался Коротышка, всё ещё не понимая, в чем его обвиняют.

– Плесенью?! – живо переспросил Горст, и приказал своим: – Ну-ка, давайте сюда его приятеля!

В человеке, которого затем подтащили к костру, Коротышка узнал хозяина телеги, что привезла его в харчевню.

– Этот человек говорил, что с тобой были ещё двое, и у одного из них был меч нигильга. Кто они?..

– Не знаю, – соврал Коротышка. – Так, встретились по дороге.

– И куда же вы направлялись?

– В город... – не моргнув глазом, отвечал Коротышка. Он не боялся, что его уличат во лжи: ведь известно, что все дороги ведут в города.

Из-за леса донесся далекий протяжный волчий вой.

– И кто же налил тебе вина? Он?.. – Горст указал на хозяина телеги.

– Нет, – простодушно замотал головой Коротышка. – Этот человек, да продлит Господь его дни, был добр, он купил мне поесть и выпить!.. Но тот кувшин, – Коротышка даже закрыл глаза, припоминая, – тот кувшин принёс другой человек...

Он правда вспомнил: вот к ним подсаживается какой-то детина в тёмном плаще, – они сидели за столом долго и ку-ча всякого самого разного народа подсаживалась к ним, – и

Коротышка охотно пил со всеми, кто угощал, а тот парень велел слуге принести целый кувшин вина.

– Он не назвался? – нетерпеливо спросил Горст.

– Н-нет... – неуверенно ответил Коротышка. – У него в шляпе торчало совиное перо.

– Кончай с ним, Горст! – прорычал здоровяк, сидевший рядом с предводителем. – Он морочит нам голову!.. В костёр обоих!.. Человек, отведавший этой отравы, всё равно рано или поздно станет прислужником Тьмы! Разве ты этого не знаешь? От этого зелья нет противоядия!..

– Ты тоже пил из того кувшина? – грозно спросил Горст у хозяина телеги. Тот молча затрясся, а потом заплакал. – Ясно... – тяжело вздохнул русобородый.

Снова послышался волчий вой – протяжный и тревожный.

– Они уже близко... – машинально произнес вслух Коротышка, когда вой стих, и поёжился: что-то совсем нехорошо стало вокруг!

Но его не слышали.

– Отвезем их в город к храмовникам? – спросил Фарадир.

Горст покачал головой:

– Не знаю, успеем ли? Они могут начать превращаться раньше, чем мы доберемся до храма... Справимся ли мы с ними тогда?

– Нужно немедленно уходить отсюда! – перебил их Коротышка. Его охватил ужас: слова тех, что решали сейчас

судьбу пирата, больше не имели значения, ибо приближалось нечто, куда более страшное, чем горстка вооружённых, но вполне обычных людей.

– Умолкни, нечестивец! – рявкнул Фарадир, но Горст оказался проницательнее.

– Ты что-то чувствуешь?..

Словно в ответ на его слова снова раздался вой – теперь он был совсем близко, в его переливах слышалось что-то похожее на смех. Люди притихли...

– К оружию! – негромко скомандовал Горст.

Быстро и слаженно заняв свои места, дружинники замерли, вглядываясь в темноту.

Ветер стих, но серебряное море ковыля волновалось, точно кто-то невидимый надвигался на них из леса. Послышался отдалённый гул, земля задрожала – и тёмная слитная лавина, оторвавшись от края лесного массива, устремилась прямо на людской островок.

– Приготовиться!..

Кольцо обороны дружинников оцетинилось копьями. Лучники взяли луки на изготовку. Лавина приближалась... Гул, сопровождавший её наступление, рассыпался на тысячи составляющих: конский хrap, топот, пронзительный визг, свист плетей и отчаянное завывание сотен звериных глоток, – на них летела конница волчьеголовых.

– Я всегда говорил: не стоит доверять вольфорранам! – пробурчал Фарадир, перекладывая меч в руке поудобнее.

Так Коротышка впервые услышал настоящее имя одного из самых свирепых и отчаянных племен, населявших мир Зелёного Солнца.

Но на расстоянии нескольких локтей от выставленных копей, лавина всадников резко разделилась и потекла, обходя людской островок и слева и справа. Несметная конная рать с шумом и гиканьем пронеслась мимо и растворилась в ночи за считанные мгновенья.

– У-у-ходите-е-е! – донеслось до людей, приготовившихся к страшной сече. – У-уходи-ии... – то ли слова, то ли ветер, и отчаянный волчий вой растаял в тёмном небе, повиснув на рогах молодого месяца.

Кое-кто из дружинников, не выдержав, пустил стрелу вслед убегающим, и она вдруг вспыхнула огнём! И люди тут же закричали от ужаса: прямо перед ними колыхалась, пожирая всё вокруг – и лес, и ковыль – тысячерукая и тысячеглавая Серая Хмарь.

Десятки стрел взвились в ночное небо, распоров темноту огненными трассами, но Хмарь приближалась, и не было от нее спасенья. Вязкая и непроглядная, она накрыла лагерь дружинников, и исчезло всё – и звуки, и воздух, и ночь, и лунный свет...

...Едва первые солнечные лучи подожгли край земли, как серый и липкий туман исчез, словно его и не было. Только остались вокруг склизкие, мерзко пахнущие обрывки его одежд... Коротышка вылез из-под перевернутой повозки,

куда успел залезть, как только началась паника, и огляделся. Увиденное привело его в трепет. Повсюду лежали останки товарищей Горста: нечто словно слизало с костей живую плоть, там, где она не была прикрыта железом доспехов. Немногие из несчастных ещё были живы, но их стенания уже были еле слышны.... И повсюду – серая гадкая липкость, подобная той, что оставляют после себя гигантские садовые слизняки.

Коротышку согнуло пополам и вывернуло наизнанку. Прижимая руки к животу, он заметил, что кожа на них точно обожжённая.... Шатаясь, он подошел к пепелищу, черневшему посреди скорбного круга. Там, головой в угли, лежал Фарадир... Коротышка опознал его по затейливому шлему, ибо лицо человека было съедено начисто. Покачиваясь от слабости, он вытащил из рук воина меч – тот и после смерти крепко сжимал его. Краем глаза уловил какое-то движение позади себя – из-под обломков вылез, щурясь, его давешний спутник.

– Что, повезло нам, брат?... – хрипло прокаркал Коротышка, и удивился собственному голосу – чужому и неприятному.

Потом они побрели куда глаза глядят... Пришла ночь – упали на голую землю и уснули. Проспали и ночь, и день, – и снова под ногами колыхались серебристые головки ковыля... Ни мыслей, ни чувств, ни желаний, точно Серая Хмарь выела всё внутри, оставив только оболочку. Но на закате Ко-

ротьшка почувствовал себя лучше. Его спутник тоже оживился.

– Подкрепиться бы!.. – проскрипел он и как-то по-звериному оскалился.

Коротышку вдруг прошиб пот: сквозь лопнувшую кожу на пальцах у его знаконца проросли длинные, похожие на медвежьи, когти. Приглядевшись, он понял, что и весь внешний облик его спутника изрядно поменялся: во впалых глазницах залегла чернота, заострились скулы, в глазах нет-нет да и мелькали желтоватые огоньки, спина сгорбилась так, что непомерно длинные руки теперь почти доставали до земли... И точно наяву услышал слова предводителя дружины: «Они могут начать превращаться раньше, чем мы доберемся до храма, – и справимся ли мы с ними тогда?..»

– Матерь Божья! – прошептал он. – Да что за напасть такая?! – и увидел, как его руки прямо на глазах покрываются крупной чешуей.

К утру его спутник забеспокоился и принялся копать землю своими длинными когтями.

– Ты чего? – осторожно спросил Коротышка, нащупывая меч.

– Скоро солнце, – по-птичьи подергивая головой, пояснил возница, отшвыривая в сторону комья земли. – Мне тяжело будет...

Коротышка посмотрел на свои ладони: «Тоже когти растут... А дальше? Разве что наложить на себя руки? Всё луч-

ше, чем этаким страхолюдом жить, да прислуживаться неизвестно кому!» Его товарищ тем временем вгрызся в склон холма почти по пояс. Коротышка окликнул его, но тот не ответил, лишь зыркнул горящими глазами – и ничего человеческого в том взгляде уже не было.

Тогда он поднялся и быстро пошел прочь...

...Он прятался от дневного света в каменных расщелинах и звериных норах: ему казалось, солнечные лучи сжигают его заживо!.. Но и ночью не было покоя: в его изменяющемся теле словно навеки поселилась адская боль – прежняя сущность не хотела уступать новому облику. В редкие же моменты забытья мучили кошмары: бездонная пропасть разверзалась перед его внутренним взором и оттуда, хохоча и дразнясь, манили к себе страшные, безобразные создания... Он кричал и просыпался, но всякий раз действительность все меньше и меньше отличалась от того, что он видел в своих ужасных снах. Человеческая речь уходила из памяти – как-то ночью, когда мучения перерождающейся плоти чуть утихли, он вылез из своего очередного убежища и, подняв к равнодушной луне искажѐнное лицо, завыл – злобно и горестно... Этот вой заполнил собою ночное пространство, и если бы слышали его люди, то вздрогнули бы и поплотнее задвинули заговорѐнные от нечисти засовы на дверях своих, приговаривая: «Вот в недрах ночи рождается еще один прислужник Великой Тьмы!»

Но физическая боль была ничто по сравнению с муками

голода – страшный, иссушающий рассудок и чувства, голод выжигал внутренности. И всё чаще ему мерещилась в виденьях разрываемая заживо тёплая человеческая плоть, и всё сильнее становилась жажда крови. Трава, коренья и мелкая дичь не могли утолить этой жажды, и однажды днём, презрев палящие солнечные лучи, он отправился на охоту.

Одинокому всаднику, которого он подстерег на дороге, повезло: когти ослабевшего от голода и солнца чудовища лишь оцарапали бок его лошади. Взвившись на дыбы, испуганное животное ударило Коротышку копытом в грудь, и умчалось, унося прочь полумёртвого от страха хозяина.

След железной подковы пришелся как раз на то место, где болтался на засаленной верёвочке медный крестик. От сильного удара крест глубоко впечатался в кожу. Сочащаяся из раны кровь, засыхая, образовала над ним корку. Память о Распятом и один из тех, ради кого Он взошел на Голгофу, стали единым целым.

Утром он проснулся преображенным.

Солнце больше не пугало его. Когти исчезли, пропали и жуткие видения. Утихли боль и ломота, лишь сильно саднила рана в груди – в том месте, куда пришелся спасительный удар. Лик его ещё был страшен, но то был образ человека.

Сильная слабость заставила его остаться на месте, и несколько суток Коротышка провёл, охотясь и набираясь сил. По ночам неверный свет костра освещал его убежище, и он вздрагивал и крестился, когда огненные сполохи выхва-

тывали из темноты длинные глубокие царапины на стенах – следы когтей чудовища, каким ещё вчера был он сам.

Окрепнув, он взобрался как-то на холм, на вершине которого совсем недавно выло в бессильном горе околдованное злыми чарами существо, и осмотрелся.

Кругом простирались поля, луга, сады – мир, полный неведомых опасностей, но бесконечно прекрасный, как показалось ему. «Видать, – сказал он себе, – прежняя жизнь кончилась...» – и зашагал вниз по траве.

– Чего бы тебе хотелось, девочка моя? – спрашивала Мама, склонившись над постелью так чудесно избежавшего смерти ребенка.

– Скрипку... – чуть подумав, отвечала Рио.

– Скрипку? – удивилась Элен, и просияла: наконец-то её бестолковое дитяtko решило приобщиться к искусству!

Она и раньше пыталась как-то повлиять на свою младшую, у которой, по её мнению, были все задатки, чтобы стать неплохой танцовщицей. Но Мэрион, разок примерив пуанты, решительно отказалась:

– Лучше сразу впихните меня в «испанские сапоги»!.. – заявила она огорчённым родителям.

Неудача постигла и занятия живописью: лелея надежду, что их дочь пойдет по стопам своей знаменитой тётки, родители отдали её в художественную школу. Рио и впрямь неплохо рисовала, особенно ей удавались шаржи и карика-

туры. Но многочасовое корпение над листом бумаги, когда нужно было зачем-то изображать какой-нибудь шар или конус, да потом ещё и правильно его заштриховать, приводило девочку в уныние – и Мэрион поставила жирный крест на честолюбивых надеждах предков.

Литературные потуги маленькой баронессы вообще закончились громким скандалом: мисс Сколопендра сочла вирши, распространяемые Мэрион в школе, оскорбительными для большей части педагогического состава. Отец потом долго извинялся – и с литературой тоже пришлось завязать.

Пробовала Мэрион себя и в спорте: с её неуёмной энергией она умудрялась быть членом школьных сборных по футболу, баскетболу, плаванию и лёгкой атлетике одновременно. Но Мама довольно кисло воспринимала её спортивные успехи – это было совсем не то, чего бы ей хотелось для дочери:

– Художественная гимнастика ещё куда ни шло. Но футбол!

Очень неплохо показала себя дочка совсем с неожиданной стороны, когда ей в руки попало «Пособие юного химика» одного маститого автора. Вскоре, по настоятельному ходатайству педсовета округа в министерство образования графства, книга эта была срочно изъята из школьных библиотек, и попала в разряд ограниченных к выдаче изданий. Ничего такого уж крамольного в книге и не было, до многого Рио дошла своим умом... Но сгоревший кабинет химии

в школе, где училось юное дарование, наглядно доказал учёным мужам, что далеко не все учебники полезны.

К счастью для Города, химия довольно быстро надоела неугомонной девчонке. Мэрион не умела долго сосредотачиваться на чем-то одном.

И вот теперь – скрипка.

Поразмыслив, Элен решила, что занятие музыкой – дело вполне безопасное.

– Искусство!.. Как же! – бурчал дядя Винки, узнав, что Элен приобрела для дочери скрипку. – Ей просто нужен новый способ уничтожения человечества!

Зануда была того же мнения:

– Вы бы ей ещё барабан купили!..

Остальные высказывались более осторожно, кое-кто даже умилился. Но когда окрестности Замка огласили первые визгливые аккорды, сопровождаемые задушевными собачьими завываниями, даже самые терпеливые обитатели Лостхеда поняли: это – конец!

– Дорогой, – жаловалась как-то спустя неделю за ужином одна из гостей, графиня Сазерленд своему мужу, – я бы не хотела съезжать отсюда в самый разгар сезона! Но эти ужасные звуки!..

– А придётся!.. – ехидничал дядя Винки, попыхивая трубкой. – Или ждите, пока ей наскучит музицировать.

Скупость графини взяла верх над благоразумием – и супруги остались в Замке, поскольку в гостинице пришлось бы

платить за номер, к тому же перед самым Карнавалом все лучшие отели были набиты под завязку. Но кое-кто все же съехал, в том числе и Рыжая Рита. Вместе с ней исчез холодильник.

– Как она умудрилась утащить такую громадину – ума не приложу! – удивлялась Бабушка.

– Она просто душевно к нему привязалась!.. – смеялся Красавчик.

С тех пор, как Дедушка вернулся с Дунией, Рита взяла за правило несколько раз на дню спускаться в Кухню и заглядывать в морозные внутренности белоснежного красавца: сначала она медленно прохаживалась перед ним взад и вперёд, а потом, решив, что усыпила бдительность агрегата, стремглав кидалась к нему и распахивала дверцу... Но – увы! – её постигала очередная неудача. Постепенно это действие превратилось у неё в навязчивую манию.

– Почему бы не рассказать этой женщине, где вы побывали и как попали туда? – сердилась Бабушка, на что её престарелый племянник лишь виновато отвечал:

– Но, душечка, я ведь абсолютно ничего не помню!

– Амнезиус маразматикус! – выдал диагноз Красавчик.

Дуния не поняла насмешки, но на всякий случай показала остряку мощный кулак. Остроумец поскущел лицом и отвернулся к распахнутому окну, откуда доносились душераздирающие скрипичные арпеджио.

Этажом выше на подоконнике сидела Мэрион... Прижи-

мая подбородком скрипку, она задумчиво водила смычком по струнам. Рядом на полу, умильно склонив голову набок, сопел Хендря. Дядя Винки был отчасти прав, утверждая, что инструмент понадобился Мэрион вовсе не для занятий музыкой. Он нужен был ей, чтобы думать.

Детям часто приходят самые невероятные идеи. Вот и Мэрион вбила себе в голову, что, подобно гениальному сыщику, под плач скрипки найдет решение накопившихся загадок.

А призадуматься было над чем...

Во-первых, загадочный журналист.

– И зачем ему понадобилось наше привидение?– удивлялась Мэрион.

– Может, оно что-нибудь знает? – предположил Толстяк.

– Пойди спроси!

Второй проблемой стал... отец Себастьян.

Очнувшись тогда, на смертном одре, Мэрион успела увидеть, как он выходит из комнаты вместе с двумя крылатыми юношами. О чём-то беседуя, они дошли по коридору до лестницы, и там его спутники вылетели в окно, а священник долго стоял, задумавшись. Позже она спросила его про ангелов, но он ответил, что ей померещилось.

Конечно, по роду своей деятельности священник имеет полное право запросто общаться с небожителями, но почему он ей соврал?

А тут ещё Хендря.... Надо же вернуть ему прежний облик! Или не надо?..

И Рита... Мэрион подозревала, что та исчезла не по собственной воле.

О Каггле она старалась не думать, надеясь, что всё будет так, как сказал дядя Винки. Хотя откуда ему знать?.. Минутами угрызения совести становились совершенно нестерпимыми – и она ругала себя почему зря и считала предательницей.

Было и еще одно, приводившее Мэрион в крайнее замешательство.

– Мамочка, – голосом благовоспитанной девочки спросила она как-то у матери вскоре после своего чудесного спасения. – Баронесса – это почти что принцесса?

– Предположим... – насторожилась Элен, ожидая очередного подвоха в виде какой-нибудь невозможной просьбы.

Дочка озабоченно нахмурилась:

– В сказках, когда принцессу кто-нибудь спасает, она обычно выходит за него замуж... Так что же, – подпрыгнула она от возмущения, – мне теперь за Хендрию выходить???

– Но он ведь – пёс! – пряча улыбку, возразила мать.

– Он не пёс – он человек!.. – сгоряча проболталась Рио.

Но Мама не обратила внимания на её слова:

– Солнышко! – рассмеялась она. – Не думаю, чтоб ему так уж захотелось жениться на тебе, даже если бы он был человеком! Найдется ли вообще когда-нибудь такой смельчак?..

...Прошло три дня с тех пор, как исчез Коротышка, а они

всё шли и шли по дороге, и постепенно им стало казаться, что они на самом деле не двигаются с места.

– Колдовство какое-то!. – Ла Мана сплюнул в дорожную пыль. – Во-он та рощица, видишь?.. Мы не приблизились к ней ни на шаг!

– Давай свернём в лес, – предложил Юстэс. – Припасы кончаются, может, подстрелим чего?

В лесу-то они и наткнулись на ту деревеньку, точнее, на то, что от неё осталось. Над вырытыми в земле ямами торчали обгорелые головешки. Её бывшие обитатели, наверное, пережидали тут очередную военную грозу, так не похожи были эти норы на нормальное человеческое жильё. Они обшарили всё в поисках чего-нибудь полезного, но напрасно. А потом Юстэс провалился в яму, которую они не заметили раньше. Там, у стены белело что-то продолговатое, вроде свёртка из тряпок. Юстэс осторожно потрогал свёрток рукой.

– Живой? – крикнул Ла Мана, склонившись над тёмным, пахнущим сырой землей, отверстием.

– Твоими молитвами... – глухо отозвался юноша.

И тут ему показалось, что внутри этого кокона что-то шевелится. Недолго думая, он вытащил кинжал и надрезал свёрток вдоль. Оттуда высунулась человеческая рука... Юстэс отпрянул и перекрестился. Рука слабо шевельнула пальцами.

– Чего копаешься? – нетерпеливо позвал пират.

Но Гилленхарт не ответил: осторожно орудуя кинжалом, он изрезал кокон, и его глазам предстал высохший – кожа да кости – старик.

– Тут человек!

Ла Мана спрыгнул вниз, и вдвоем они вытолкнули старика из ямы, не очень заботясь о сохранности его костей.

– Отшельник? – предположил Юстэс.

При дневном свете они с удивлением обнаружили, что кокон, опутывавший найденного толстым слоем, ни что иное, как его собственные свалявшиеся волосы и борода, отросшие до невиданной длины. Ла Мана нагнулся и приложил ухо к груди старика. Очень редкие удары подсказали ему, что тот – жив. Выпрямившись, он похлопал лежащего по щекам. Под тонкими, почти прозрачными, точно пергамент, веками заходили горошины зрачков.

– Эй, приятель!.. – позвал Ла Мана.

Глаза у старика оказались зелёные, как солнце этого Мира.

Жестами он показал, что хочет пить. Они оттащили его к реке. Старик упал лицом в воду и пил, пил, пил... Они побоялись, что он захлебнётся, и подняли его. Тогда он набрал воды в ладони и протянул Юстэсу – тот стоял ближе к нему – показав знаками: пей!.. Гилленхарту вовсе не хотелось пить, но старик умоляюще сдвинул брови, и тогда он коснулся губами его ладоней и сделал глоток. После старик показал ему, чтобы он тоже напоил его из горсти, и когда Юстэс сделал

так, как он хотел, найденный выпрямился, стряхивая искрящиеся капли с бороды, и сказал:

– Теперь мы можем слышать и понимать друг друга, – и Юстэс понял его слова, а Ла Мана – нет.

И тогда Гилленхарт объяснил ему, что тот должен сделать так же.

– А говорит-то он всё равно не по-нашему, – удивлялся потом пират, – как же мы его понимаем? Да и мы ведь толкуем по-своему!

– Я – не колдун, – спокойно ответил старик. – Но есть вещи, которые знает каждый ребенок, – и взяв в руку пучок сухой травы, дунул. Тут же внутри пучка заалел огонёк.

Гилленхарт потихоньку перекрестился и сплюнул. Ла Мана смотрел на старика с нескрываемым восхищением:

– Здорово! Научишь?

– Ну, коли получится. Только этому учат матери еще малых детей... Нешто не знаете самых простых заклинаний?

– Мы издалека... – уклончиво отвечал Ла Мана, и чему-то усмехнувшись, добавил: – И наши матери нас плохо учили.

– Они пришли словно из ниоткуда... – тягучий голос старика звучал ровно, будто и не было того страшного лихолетья, о котором он теперь рассказывал своим молодым спутникам, а была лишь старая-старая легенда, покрывшаяся пылью веков.

Заходящее солнце золотило края облаков. Пели в камы-

шах у реки лягушки. Нагретая за день земля постепенно остывала, с её поверхности поднимался пар. Мирно потрескивал костер, жадно поедая сухие ветки. На костре булькал кособокий глиняный горшок, в углях запекалась свежепойманная рыба... Хорошо!

– Они прошлись по долине, словно стая саранчи... Нигильги. Пожиратели миров... Они безжалостно выжигали селения, убивая всё живое. Человечье мясо выковыривали они из жёлтых, нарочно заточенных зубов длинными кривыми когтями, – и кровь побеждённых бурыми комьями запекалась в их шерсти. Чёрной тучей, словно саранча, прокатились они по Великой Равнине, уничтожая жизнь вообще – до последней травинки – и вдруг исчезли! И – пришла тишина... Мёртвая тишина над огромной выжженной пустошью... – продолжал свой неторопливый рассказ старик, вороша длинной палкой тлеющие угли. – Лишь немногие спаслись, уйдя в горы... Люди из моей деревни хотели спрятаться в лесу – мы и раньше так делали. В наших жилах течет кровь чужих племен – среди предков наших были Пауки из рода Саррамантов... Сейчас их почти не осталось – прежним королям этих мест уж больно приглянулись их земли. Они-то и передали нам свое умение выживать в лихую годину... Поля наши плодородны, но и у нас случались голодные годы – и тогда мы засыпали, одеваясь в коконы... Просыпались обратно не все – многие умирали и, высохнув, обращались в прах... – помолчав, он добавил равнодушно: – Я бы тоже

умер, если бы вы меня не нашли...

– Давно ли это случилось? – спросил Гилленхарт, устраиваясь на подстилке из травы.

– Давно... – пожевав губами, ответил старик. – Я уснул ещё молодым... – его лицо внезапно оживилось: – Сознание мое почти угасло, ведь я чувствовал, что остался один, а к чему тогда просыпаться? Но потом я услышал, как родился новый дракон, – и это взволновало меня. Дрожь земли, содрогавшейся в родовых потугах, заставила вновь забиться моё усталое сердце... И я увидел сон. Мне давно ничего не снилось – зачем мёртвым сны?..

Он сощурился и умолк, глядя на огонь, будто там, в огненных вихрях увидел что-то, недоступное взору своих молодых собеседников.

Ла Мана помешал щепкой в горшочке аппетитно пахнущее варево.

– И часто ли такое случается? – спросил он, переглянувшись с Юстэсом.

– Что?.. – пробуждаясь от своих мыслей, спросил старик.

– Ну, я спрашиваю, часто ли рождаются в ваших краях драконы?

Старик покачал головой:

– О, нет!.. Всякий раз, когда земля извергала нового дракона, происходили очень большие перемены. Реки, моря и горы менялись или исчезали вовсе... Погибали целые народы, им на смену приходили новые... Предания гласят, что

перед тем, как появилась Серая Хмарь, Король Игнаций и его воины видели в Драконьих горах рождение Крылатого. Игнаций не вернулся назад – и Королевство едва не погибло из-за междоусобиц, начатых его сыновьями, пока девять самых могущественных рыцарей не положили конец распрям... И кто знает, что случится теперь?

– В наших краях предвестниками беды служат кометы...
– сказал Ла Мана. – Похоже, правда?

– Куда же делись те, что напали на Долину? – спросил Гилленхарт.

– Они исчезли, – повторил старик. – Исчезли, словно никогда и не приходили. Может, это был просто *морок*... Или же они нашли дорогу назад, к себе.

– Морок?.. – удивился Юстэс. – Я не слышал о таком.

– Морок, – вздохнув, пояснил старик, – есть порождение людского рассудка, замутнённого разума. Или колдовства...
– и больше не стал ничего объяснять.

Потом они, не спеша, и со вкусом поужинали. Старик есть не стал, только пил воду:

– Мне ещё долго не нужна будет пища...

Над рекой и лесом зажглись ранние, самые нетерпеливые звёздочки, но далеко на западе небо ещё светлело. Над костром курился дымок, и вслед за ним улетали ввысь тихие, неторопливые слова о днях давно минувших: о славных королях, чьи кости истлели уже под высокими могильными холмами, о сгинувших в дальних походах воинах, о волшеб-

никах и злодеях, о делах чудесных и страшных, о дивных племенах и народах, что жили под лучами Зелёного Солнца.

Только о видении, что было ему в ту ночь, когда очнулся он, не рассказал им старец: не родовые муки земли разбудили его, а *голос...* «*Явятся двое – в белом и чёрном. И дорога лежит им в погибший город... Время повернут они вспять...*» И не потому промолчал он, что голос тот принадлежал Проклятому Королю Людей, а затем, что не положено смертным судьбу свою знать наперёд.

Внимая неспешному, перемежаемому длинными паузами рассказу, уснули пришельцы, угас костёр, а седой длинноволосый человек лежал на земле, вдыхая запахи трав, и глядя в бездонную высь, думал: зачем-то ему довелось снова увидеть это небо и эти звезды? – и плакал беззвучно, поминая своих ушедших, ибо точно знал, что остался последним из рода.

Рыжая Рита заливалась слезами... Нет, это были даже не слёзы, это был целый водопад, горький как морская вода, и могучий, как Ниагара! Отщипнув кусочек от краешка салфетки, Рио протянула ей бумажный комочек; Рита уткнулась в него, как в полотенце, и зарыдала ещё горше.

Девочка сочувственно помалкивала.

Да и что сказать человеку, которого ты обнаружила на полу под своим письменным столом, и человек этот – размером со спичечный коробок?

– Я заглянула в холодильник... – всхлипывала Рита, –

там было пусто-о-о ... Совсем пусто – ни стен, ни поло-о-ок... Только голубоватое мерцание. И вдруг меня потянуло внутрь... Что-то щелкнуло – и во-о-от! – она завывала в голос: – Какой ужас! Ы-ы-ы ... Неужели я такой и остану-усь?

«Вполне возможно...» – подумала Мэрион.

Рядом с лилипуткой сочувственно пыхтели Зелепусы. Сидя на книжной стопке, они грызли орехи и болтали ногами, сплёвывая кожуру. Внизу под ними образовалась уже приличная кучка мусора. Рита, изредка отнимая от зарёванных глаз салфетку, упиралась в них диким взглядом, и начинала реветь еще громче.

– Ну-ну!.. – попыталась утешить ее девочка.

– Пускай поревёт! – сказали Зелепусы. – Бес толку её сейчас успокаивать.

Мэрион вспомнила истерики, закатываемые тётёй Эстер, когда её бросал очередной возлюбленный, и решила, что Рите стоит принять ванну – тётё Эстер это всегда хорошо помогало. Экспроприировав у своей единственной куклы ванночку (кукла эта до сих пор выжила лишь потому, что была подарком отца Себастьяна, всем остальным приходилось туго: бритые, разрисованные и несчастные, они кончали свои дни в кладовой), Мэрион налила туда тёплой водички, добавила пенку, и предложила Рыжей Рите искупаться.

– Вдруг вам полегчает?

Вокруг ванночки соорудили ширму из книг – и Рита погружилась в воду. Сидела она там долго: Мэрион успела сбе-

гать на Кухню и притащить из домашней аптечки валерьянку.

– Что за гадость? – сморщилась Рита, едва не задохнувшись от резкого запаха.

Тогда Мэрион стащила у дядюшки Винки початую бутылку коньяку. Это, как оказалось потом, был очень дорогой коньяк, и дядюшка долго распинался по поводу его исчезновения, но Мэрион в том не разбиралась – она просто хотела помочь Рыжей Рите. Коньяк она добавила прямо в ванну.

Дядюшкин «эликсир» помог, но ненадолго.

Вылезая из воды, Рита, завернувшись в салфетку, обнаружила, что ей нечего надеть... Девочке показалось даже, что это обстоятельство расстроило её куда больше, нежели приключившееся с ней превращение.

– Не переживайте, я вам что-нибудь сошью! – заверила её Мэрион, которая отродясь иголки с ниткой в руках не держала.

– Представляю!.. – фыркнула Рита. – Хороша я буду в твоих нарядах!.. А моя косметика? Мои украшения? – запричитала она, спохватившись.

– Ваши безделушки никуда не денутся, – ответила девочка. – Остальное можно одолжить у мамы. А сейчас я принесу вам чего-нибудь поесть... И перестаньте же реветь в конце концов! Не то у вас появятся лишние морщины!

Упоминание о морщинах попало в точку – Рита умолкла тут же.

– Присмотрите-ка за ней! – велела Рио Зелепусам и ушла, но вскоре вернулась с подносом.

Троица набросилась на принесённое угощение.

– Ты никому не говорила обо мне?.. – с набитым ртом спросила Рита. – Не стоит рассказывать – вдруг я скоро превращусь обратно, и тогда все будут хихикать за моей спиной...

Но Рио почему-то очень сомневалась, что обратное превращение состоится в ближайшем будущем.

После еды Зелепусы скопировали воробья, сидевшего на ветке за окном, и полезли с ним драться. Они не учли, что среди листвы бездельничала целая банда его задиристых собратьев, и им пришлось туго. Свалившись с дерева, Зелепусы исчезли в траве, а воробьи ещё долго продолжали хвастаться своей победой.

– Чудные дела творятся в Датском Королевстве... – заметила Рита, лёжа на диване, устроенном ей из спичечных коробок и носовых платков.

Коньяк и события нескольких последних часов развязали ей язык и она поведала девочке немало интересного.

– Мне теперь всё равно! – вздыхала Рита, выкладывая одну служебную тайну за другой. – Вряд ли я вернусь на прежнюю работу, даже если вновь обрету нормальный вид. Хватит с меня приключений!

– А где Вы работаете?

– В отделе секретной информации Корпорации «Кароли-

на». Мы с твоим папенькой почти что сослуживцы. Только он занимается приличным делом, не то что я...

– И чем же вы там занимаетесь? – поинтересовалась заинтригованная девочка. – Шпионите?

– Дошпионилась уже! – махнула рукой Рита, и потянулась в поисках соломинки, через которую цедила дядюшкин коньяк прямо из бутылки. – Попомни моё слово, детка: Корпорация ещё устроит вам какую-нибудь гадость!.. Непременно устроит!

– Почему?.. – неприятно удивилась Мэрион.

– Очень уж они интересуются вашим Замок! – пояснила заплетающимся языком бывшая шпионка. – Они не раз подсылали к твоему отцу подставных людей, предлагая продать Замок, но твоя бабка упёрлась – и ни в какую!

– Чем же им так нравится наш Замок?

– Они считают, что отсюда напрямую можно попасть в другие миры! – понизив голос, многозначительно сказала Рита. – А это тебе не отель какой-нибудь или там казино! Тут такие деньжищи сделать можно!.. В местных лесах тоже порой возникают переходные порталы – их еще называют Провалами или Дырами, – но они очень неустойчивы во времени и пространстве...

– Есть ведь и другие странные места! – напомнила Рио.

– Они *слишком* аномальны... Зачастую их посещение связано с риском для здоровья или рассудка человека, поскольку практически все они созданы отклонениями в геомагнит-

ном поле Земли или вредными излучениями... А если такая зона вдруг является искривлением пространства или времени – дороги назад нет! Какие тогда путешествия?.. Долина – совсем другое дело. Она вся – целиком! – привнесена *извне*, словно кто-то взял и перенёс сюда кусочек чужого мира.

– Ничего себе! – ахнула Рио.

– А вот так! – с видом знатока заявила Рита. – Ты когда-нибудь задумывалась, в *какой стране* ты живёшь? – девочка пожалала плечами. – То-то и оно!.. – торжествуяще воскликнула Рыжая. – Все твердят: «Зелёная Чаша, Зелёная Чаша!» *А где это на карте?* ... Страна Нигде! Англичане считают, что – во Франции, американцы полагают, что в Шотландии, австралийцы думают – в Новой Зеландии, французы кивают на Швейцарию, те, в свою очередь, – на немцев, немцы – на англичан... Замкнутый круг!.. А знаешь ли ты, – продолжила она, – что *не всякий* сюда может попасть?.. Да, в Зеленую Чашу приезжает масса народу! Но спроси их, *как* они попали сюда? Тебе, разумеется, начнут рассказывать, как добирались поездами и самолетами, но как бы они удивились, узнав, что всё это не так!.. Те же, кто ехал сюда, да не попал, попросту оказываются в каком-нибудь другом – нормальном! – месте, и не помнят, что собирались побывать здесь... По той же причине и выбраться отсюда можно *только* через Главные Ворота! Это единственный выход, за которым начинается нормальный мир... И Смотрители у Ворот – вовсе не таможенники! Это специальное подразделение,

следящее, чтобы отсюда не проникло к нам ничего лишнего!

– Что, например? – переспросила Рио, слушавшая её монолог с горящими глазами.

– Ой, девочка моя! – взвизгнула, польщённая таким вниманием, рассказчица, ей никогда ещё не доводилось так откровенничать. – Да что ты!.. Все эти сказочки про гномов, фей, вампиров и прочих гоблинов – ещё цветочки! Людям пришлось изрядно потрудиться, чтобы оставить этот мир за собой!.. Вспомни одних только Олимпийцев – думаешь, они просто сидели себе на высокой горе и дули вино?.. Дудки! То была самая настоящая интервенция Извне!.. А легенды Междуречья?.. А индийская Махабхарата? И сколько мы ещё всего забыли или не знаем!!

– Макс Линд – тоже из вашего отдела? – словно бы невзначай поинтересовалась Мэрион.

– Макс Линд... – пробормотала, припоминая, Рита. – Нет, – решительно отказалась она, – я такого не знаю... Если только это не псевдоним. Хотя имя кажется мне знакомым.

– Это – известный журналист и путешественник. Помните, он был у нас в гостях? – подсказала Рио.

– Помню, – сощурилась Рита. – Как же! Оч-чень интересный мужчина! – добавила она игриво. – Но к Корпорации он не имеет никакого отношения, это уж точно.

– И всё-таки, – вздохнула Мэрион, – чего им так дался наш Замок? Может, в нем и нет никаких порталов?

– Лостхед – кнопка, пригвоздившая Долину к нашему ми-

ру. На нём всё и держится, – зевая, пояснила Рита. – Не будет Замка – исчезнет и Долина. Ну, как-то так...

– Куда исчезнет? – поразилась Мэрион, и без того ошеломлённая тем, что узнала за последние полчаса.

Но ответом ей был тоненький храп – дядюшкин коньяк сделал свое дело.

...В пути Коротышку поджидало немало всякого разного. Так, один раз набрёл он на тихое лесное озерцо – тёмно-зеленую поверхность стоячего зеркала, заросшую ряской, украшали красивые розовые цветы, схожие с лилиями. Утомленный дальней дорогой, путник решил устроить привал. Но то ли вода в том озерке была зачарованной, то ли слишком сладко пахли те цветы, а может, серебристый мох по его берегам был слишком мягок? – но уснул наш скиталец сном долгим, непробудным...

Спустя дней пять к дурному озеру вышли двое лесных жителей. Какой уж они были породы, какого роду-племени – сам чёрт не разберёт, ибо множество самых разных существ населяли эти Леса. А только были они невелики росточком, мохнаты, толстопузы, толстопяты и шепелявы.

– Глянь, Сёптя! – сказал один, едва не споткнувшись о лежащего Коротышку, волосы которого уже переплелись с молодой травой. – Селовек!

– Поди, дохлый узе! – ворчливо отозвался его приятель.

– Не-е! – пошевелив носом-картофелиной, обрадовался

первый. – Зивой!

Соорудив из ветвей подобие носилок, сердобольные лесовики уложили на них спящего, и потащили его в лесные дебри – прочь от гнилого места.

– А заль, Больса, что он зивой ишшо. Так бы съели – и все дела! – ворчал тот, которого звали Сёптей.

– Тебе позрать лись бы! – скривился Больса. – Мы село-века спасли! Се-ло-ве-ка! Ясно?!

– Чаво уз тут не ясно!

– Вот и ладуйся! Я узе ладуюсь! – и заорал хриплым голосом дикую песню собственного сочинения.

Приятель подумал – и стал подпевать. Выводя на два голоса немислимые для человеческого уха рулады, они бойко топали в чащу леса. Дорогу эти ребята не выбирали, пёрли напролом, а потому голова лежащего нещадно подпрыгивала на буграх и камнях. К счастью для него, носилки оказались коротковаты, – и в очередной раз зацепившись руками за кусты, Коротышка остался лежать на земле. Спасители не сразу заметили пропажу.

– Слушай, казись, мы ему баску лазбили! – озадачился Сёптя, когда они по собственным следам вернулись обратно.

– Не-е! – отмахнулся беспечный Больса. – Оно так и было!

– Не было! – заупрямился приятель, и поскрёб пухлым мохнатым пальцем кровотокащий затылок Коротышки.

– Было-было! – заверил Больса, но на всякий случай теперь они перевернули свою поклажу лицом вниз.

Надо ли говорить, во что превратилась физиономия несчастного Коротышки, когда они, наконец, добрались до своего жилища?..

– Ёу-ёу-ёу!.. – испугались лесовики, стряхнув человека с носилок. – Это кто?

Но, принявшись, успокоились:

– Да это же наш селовесек! И чаво это с ним приключилось?.. Видать, колдовство, не иначе!– сказал Больша.

– Колдовство! – подтвердил Сёптя. – Чисто сглазил кто! – и рассердился: – Какая же гадина такое устроила, а?..

«Селовесек» тем временем пришёл в себя – то ли от боли, то ли от их воплей, – и приподнял голову, озираясь.

– Сяс мы тебя, лодимый, в полядок пливедем! Пливедё-ом!.. – пообещал Больша.

– Поплавим! – поддакнул Сёптя.

Эти два мохнатика выглядели презабавно, да и ростом были едва ли не вполовину меньше его, потому Коротышка решил не сопротивляться. Один из лесовиков скрылся в пещерке, устроенной меж корней огромного толстого дерева, и вскоре вернулся, неся деревянный ковшик и огромный нож. Не успел Коротышка опомниться, как один из спасителей захватил его голову короткими, но сильными лапами, а второй, разжав ножом зубы, опрокинул ему в рот содержимое ковша.

Невообразимая горечь обожгла его горло!

С выпученными глазами, задыхаясь, он вскочил и забегал по поляне как угорелый, налетая на пни и деревья: воздуха,

воздуха!.. Ради всех святых – воздуха!

– Эк его лазоблало! – благодушно заулыбался Больша, наблюдая, как он носится.

– Я же говолил, поплавим!.. – радовался Сёптя.

– Ну... благодетели!.. – выдохнул, наконец, Коротышка, обретя возможность дышать и говорить. Из его покрасневших глаз градом катились слезы.

Но на толстых мордах «благодетелей» светилась такая искренняя уверенность, что они сделали всё как надо, что он только махнул рукой. Не драться же с ними, в самом-то деле?

А покормили его потом на славу.

Он прожил в их пещерке несколько дней. Лесовички лечили его синяки и ссадины, прикладывая к разбитому лицу и затылку что-то вроде свежей глины. Ему стало лучше.

По вечерам к пещере собиралась всякая лесная мелочь – поболтать, посплетничать, попить пива. Кое-кто из соседей Коротышке не очень понравился, но он промолчал, решив, что это не его ума дело.

– Всё равно ведь не останусь здесь долго! – сказал он сам себе.

И как в воду глядел...

Однажды вечером на свет костра из лесной чащи вылетело несколько всадников.

– Берегись!.. – пискнул кто-то и, побросав кружки, лесные жители мигом брызнули по кустам.

Коротышка замешкался, и чужие сильные руки мгновенно

но втащили его за шиворот на седло, скрутили, заткнули кляпом рот, – и замелькали мимо тёмные силуэты деревьев, застучали по земле копыта, и растворилась в ночной мгле почти уж ставшая родной поляна.

Вольфорраны, захватившие его, были уверены, что в руки им попался тьетль. Обросший редкой и неряшливой бородкой, Коротышка, сам того не зная, и впрямь сильно смахивал на этих карликов. Он не знал толком, что это за существа, но на всякий случай, спорить не стал: мало ли как волчьеголовые относятся к людям?

Сначала с ним обращались неплохо, но потом ему пришлось несладко: накинув пленнику на голову кожаный мешок, они начинали его щекотать до изнеможения – смех тьетлей был очень дорогим товаром в мире Зеленого Солнца. Да только он ведь был самозванцем! – и вольфорраны вскоре заподозрили неладное.

– Смеяться ты не умеешь, так какой с тебя толк? – без обиняков заявил ему вожак стаи, куда волей случая попал Коротышка.

– Зато я хорошо дерусь! – сжав кулаки, с вызовом отвечал Коротышка.

– Да ну?! – расхохотался вожак, запрокинув зубастую пасть. – Эй, Сауг! – окликнул он проходившего мимо товарища. – Вот эта вонючка сказала, что запросто пересчитает тебе все зубы!

Мрачный гигант по имени Сауг, видимо, был из тех, кого

«завести» – раз плюнуть... Ни говоря ни слова, он развернулся и пошел на мнимого обидчика. Вокруг мгновенно собралась вся стая. Ах, как это напомнило Коротышке былые развлечения на корабле!.. Земля чужая, но обычаи те же.

Пудовый волосатый кулак просвистел мимо – Коротышка успел увернуться. Былая сноровка сослужила ему хорошую службу – и, высоко подпрыгнув, он обрушился всем своим весом на мощный волчий загревок. Сауг зашатался – и рухнул... Больше он не поднялся – маленький противник сломал ему хребет. Стая недовольно заворчала.

– А ты и впрямь мастак драться! – оскалил зубы вожак. – Тихо, вы!.. – и замахнулся плетью на тех, кто слишком близко подобрался к малышу. – Оставайся с нами, – предложил он Коротышке. – Можешь взять себе лошадь Сауга.

Кое-кто попробовал было возразить против такого расклада, но вожак прорычал:

– Это – его добыча! – и охотников поспорить больше не нашлось.

В стае Коротышка продержался недолго. Вольфорраны приняли его, ибо слово вожака – закон. Но уж слишком не похож он был на остальных, и оттого ему приходилось всё время подтверждать своё право быть среди них. В мире людей ему тоже постоянно приходилось бороться за место под солнцем, за кусок хлеба, и стая волчьеголовых в этом смысле мало чем отличалась от пиратской вольницы. Они, правда, не занимались грабежами в открытую, но крестьяне в дерев-

нях, куда они нагло напрашивались на постой, не осмеливались требовать с них денег за выпитое и съеденное, особенно, если поблизости не было королевской дружины. Тем не менее, Коротышка чувствовал себя белой вороной, и потому сбежал, как только выпал подходящий случай.

Продав коня, – в седле он чувствовал себя неважно, поскольку наездник из него был никудышный, – наш герой отправился дальше. Куда? Зачем?.. А Бог его знает! В поисках лучшей доли, наверное, хотя и сам не ведал, сколько и чего ему причитается... Надеялся только, что дорога его дней окажется длинной, – но сказал бы кто ему тогда, насколько долгой она будет!

Деньги вскорости вышли, работать в поле он не хотел, ремеслу, кроме морского, был не обучен – и пустой желудок вновь привел его к реке. У воды всегда худо-бедно прожить можно.

Поразмыслив, Коротышка решил спуститься вниз по течению, и где-нибудь на морском берегу наняться на корабль. Смастерив плот, он отправился в путь – в сторону, откуда началось его странствие по чужой земле.

Однажды на край его утлого суденышка взобралась русалка. Её длинные зеленоватые волосы венчала речная трава, по нагой груди сбегали бриллиантовые капельки воды. И вся она была такая...

Словом, Коротышка схватил самодельное весло и что было сил погрёб к берегу, приговаривая:

– Подожди, красавица, подожди!..

Над речной гладью резвились мотыльки: малюсенькие человечки с цветными крылышками. Коротышка успел уже привыкнуть к ним, но название маленького народца не давалось его грубому уху. Русалка, кокетливо поглядывая на кавалера, поймала одного из мотыльков, и, глупо улыбаясь, оборвала ему крылышки – точно на ромашке гадала: любит, не любит... Враз обострившимся зрением Коротышка увидел как выгнулось от боли крошечное тельце, как раскрылся в беззвучном крике крохотный ротик, а русалка, продолжая улыбаться, выбросила искалеченного мотылька в воду – за ненадобностью. Под водой мелькнула рыбина – и несчастный исчез в пучине.

– Ах ты, пакостница!.. – и он с размаху звучно хлопнул её веслом по чешуйчатому заду.

Русалка проворно соскользнула в воду и тотчас скрылась в глубине – только хвостом махнула на прощанье.

– Негодница какая! – продолжал злиться Коротышка, но впереди вдруг забурлило, и из зелёных вод медленно поднялась копна зеленых водорослей.

Это была огромная немолодая русалка.

Облокотившись на край плота, она молча уставилась на него выцветшими припухшими глазищами. Взгляд этот не обещал ничего хорошего.

– Э-э... мамаша... – забормотал Коротышка, неприятно поражённый мощью её мускулистых плеч. – Ежели я вашу

дочку – или кто она вам там – ненароком обидел, так простите великодушно!

Русалка цвикнула зубом, точно не слыша его слов, желтоватым ногтем поковырялась меж зубов, посмотрела на свой ноготь, сполоснула палец в воде. Плот заходил ходуном.

– Поосторожней!.. – возмутился он, едва не слетев в воду.

Чудище не ответило. Еще раз смерив его презрительным взглядом, оно с неожиданным изяществом нырнуло – на солнце сверкнул крутой рыбий бок – и не успел он перевести дух, как из глубин поднялся, закрывая собою небо, гигантский блестящий хвост.

Ужасной силы удар разнес плот в мелкую щепу, чьи-то скользкие руки потянули его под воду и, захлебываясь, он успел увидеть как со дна стремительно несется навстречу ему огромная чёрная тень...

Улучив подходящий момент, Мэрион поведала старшей сестре всё, что ей удалось узнать за последние несколько дней.

– То, что рассказала Рыжая Рита, вполне похоже на правду, – сказала, выслушав сестрёнку, Зануда. – Кстати, а где она сама?

– Ну-у... – проямлила застигнутая врасплох Рио, – ей пока не очень хочется с кем-либо встречаться. Она, понимаешь ли, плоховато выглядит...

Старшая окинула ее подозрительным взглядом.

– Рита не велела говорить! – отрезала младшая и, видя, что глаза сестры сделались ещё более недоверчивыми, торопливо заявила: – Честное слово, я здесь ни при чем! Она сама влипла!

Отговорки не помогли, и Мэрион пришлось показать сестре спящую лилипутку.

– Кошмар!.. – только и смогла вымолвить Зануда, когда они на цыпочках вышли из комнаты, где в новой кукольной кровати посапывала Рыжая Рита.

– Смотри, не проболтайся, что я тебе её показала! – предупредила Рио. – Ей очень уж не хочется, чтоб на нее глазели, словно в цирке!

На улице шёл дождь, и по такому случаю в Замке было полно народу.

– Поедем куда-нибудь? – предложила Зануда. – Что-то у меня совсем настроение испортилось. Да здесь и не поговоришь толком – кругом чужие уши.

«Ха! – подумала Рио, – ты ещё не всё знаешь!»

Сестры взяли экипаж и долго катались по городу.

Блестящие витрины, мокрая мостовая, влажная сочная зелень, пёстрые зонтики уличных кафе, люди за столиками, целующиеся парочки, – и тихий-тихий шёпот летнего дождя... Звуки стали глуше, потемнело небо. Опустели аллеи. Спрятались в арках уличные музыканты... Жизнь города переместилась в кафе, бары, магазины и многочисленные пивные подвальчики, лишь на гранитных ступенях набережной

по-прежнему было полно гуляющих. Они отпустили карету, и устроились за столом пиццерии, чьи окна, увитые плющом, выходили прямо на реку.

– Рыжая Рита хотя бы не опасна, – продолжая прерванный разговор, сказала Зануда, – но эти парни? Что им нужно?

– Они пляшут под дудку Макса Линда, я ведь тебе рассказывала! А он не так прост, как кажется!

«Я знаю, – подумала старшая сестра. – И знаю это лучше, чем кто-либо...»

– У меня есть классная идея! – продолжала Мэрион, переходя на шепот. – Мы подсунем им липовое привидение – и посмотрим тогда, как они запоют!

– Где же ты возьмешь привидение? – продолжая думать о своём, спросила Зануда. – Сама что ли нарядишься в простыню? Да не купятся они на такую дешёвку!

– Не беспокойся! – с оттенком легкого превосходства отозвалась младшенькая, откусывая огромный кусок пиццы. – Я им такое шоу устрою! – и её жующую физиономию осветила довольная улыбочка.

– Не сомневаюсь... Надеюсь, Замок останется цел?..

К осуществлению своего коварнейшего плана Рио приступила незамедлительно, как только они вернулись домой. Посвящать Зануду в детали она не стала – для этого требовались другие помощники.

Зелепусов долго уговаривать не пришлось.

– Ты только покажи нам настоящее привидение, а уж мы

его передразним в два счета! – заверили они.

Мэрион растерялась:

– Здрасьте! Если бы у меня был всамделишный призрак, стала бы я с вами связываться?

Но решение пришло само собой, и в ход пошли лучшие бабушкины льняные простыни.

Увидев переодетую хозяйку, Хендря заскулил, а потом бешено залаял.

– Походи-ка по комнате, – велели Зелепусы, – нам нужно войти в образ!

Маленькая шкода с удовольствием исполнила их просьбу.

Когда разбуженная шумом Рыжая Рита оторвала тяжёлую голову от подушки, глазам её предстало занятное действо: по кроватям, столам и стульям носилось нечто, укутанное в белое, за ним с истошным лаем скакал взъерошенный пес, а на люстре, видимо, опасаясь быть растоптанными, сидели Зелепусы, и подобно режиссеру на съёмочной площадке, подавали оттуда полезные советы.

– Что происходит?! – сердито спросила Рита.

– Ничего особенного, – отозвался откуда-то со шкафа удав. – Девочка репетирует изгнание из Замка последних уцелевших родственников.

Вволю напрыгавшись, Мэрион сбегала в комнату Красавчика и позаимствовала у него десятка два видеокассет с «ужастиками», до которых её кузен был большим охотником. Оставшаяся часть дня была посвящена просмотру «ше-

девров». Правда, смотрел, в основном, Хендря, потому как Мэрион в особо занимательных местах закрывала глаза, Рыжая Рита, пробурчав что-то непочтительное в адрес создателей подобных вещей, отгородилась от экрана книжной ширмой, а зелёненькие незаметно уснули ещё где-то в середине первого фильма.

Просмотр закончился лишь тогда, когда один из Зелепусов нечаянно свалился во сне с люстры. Бедный Хендря от испуга подпрыгнул на месте – глаза у такса были уже квадратные, Мэрион тоже испугалась, и решила, что, пожалуй, хватит.

– Ну, как? – спросила она. – Вошли в образ?

– Да!.. – не моргнув глазом, соврали благополучно продряхнувшие весь сеанс Зелепусы.

Рио взглянула на часы – шёл первый час ночи.

– Пора! – решительно заявила она и, выставив Зелепусов за дверь, повернула в замке ключ: что-то теперь боязно было оставлять ее незапертой. – Вы там побольше перед камерами помелькайте! – посоветовала она в замочную скважину новоявленным артистам, и торопливо юркнула под одеяло. Хендря подумал-подумал, и залез под кровать.

В саду глухо кричала ночная птица. Где-то далеко зловеще хохотал филин... По стенам шевелились чудовищные тени. Ветви деревьев скреблись о каменные стены дома – будто чьи-то когти терзали камень, пытаясь добраться до окна... Очертания предметов расплывались и удлинялись во тьме, и

казалось, что отовсюду тянутся жадные чужие руки, а в углу – в самом тёмном углу между стеной и шкафом – притаился кто-то чёрный и страшный.

– Насмотрелась!.. – подумала вслух Рио, и накрылась с головой: известно, что одеяло – лучшая защита от ночных кошмаров.

Тем временем, в пустых и тёмных коридорах, наполненных чужими сновидениями, одиноко бродили Зелепусы. Отчаянно зевая и натываясь на углы, они нечаянно очутились на Кухне: нельзя же приниматься за серьёзное дело на пустой желудок!

Обстоятельно ознакомившись с содержимым нового холодильника, Зелепусы, засыпая на ходу, переместились к буфету, где мирно почивали всякие милые сердцу любого обжоры мелочи, как-то: варенья, печенья, конфеты и тому подобные прелести. Помогая друг дружке, зелёные вскарабкались на полку, где отдали должное гостеприимству приютившего их дома.

Там, на буфетной полке, они и уснули, перемазанные сливками и шоколадом, сытые и счастливые...

Зануда провела вечер в домашней библиотеке. Очнувшись, она услышала, как где-то далеко пробили часы: « Два... » – машинально отметила она про себя, ещё не совсем вернувшись в реальность из мира книжных грез. Оставив недочитанную книгу, она побрела к себе.

Двигаясь в темноте на ощупь – ей не пришло в голову

включить свет или зажечь свечу, поскольку мыслями она все еще была далеко, девушка кружила, точно сомнамбула, по спящему Замку, пытаясь отыскать свою спальню. Голова её была полна видений далёких миров и времен, так что минутами она даже забывала, куда и зачем идет... Одетая в длинный, просторный халатик светлых тонов, её неуверенно двигающаяся фигура с вытянутыми руками напоминала заблудившегося призрака. По крайней мере, именно так показалось не вовремя проснувшейся тётке Августе, пробиравшейся к туалетной комнате...

Дикий визг огласил ночные коридоры Северной башни, заставив выскочить из постелей всех её обитателей.

– Привидение! – вопила Августа. – Привидение!!

– Где? Где?! – возбуждённо переспрашивали друг друга сонные жильцы башни, выглядывая из своих комнат.

– Да вот же! Вот!.. – задыхаясь, тыкала пальцем Августа в оглушённую её визгом, и ничего не понимающую Зануду.

Тут кто-то догадался включить свет.

– И где же призрак? – насмешливо осведомился граф Сазерленд, заботливо придерживая за плечи свою супругу.

– Вы его спугнули! – тут же нашлась тетка Августа. Она была не из тех, кто признаёт свои ошибки.

– Вот так рождаются легенды... – буркнул дядя Винки. – Истеричка! – добавил он, скрываясь в недрах своей спальни. Остальные тоже разошлись, ворча и пересмеиваясь.

Во время этой недолгой суматохи Зануда немного пришла

в себя – она, правда, не поняла ничего толком, – зато почувствовала острый приступ голода. С ней так всегда случалось после «чтейного столбняка», как именовала её книжные марафоны Бабушка. Ноги сами принесли её на Кухню.

Уставляя поднос разной снедью, она заметила в дальнем углу длинную белую фигуру.

– Всё-таки нацепила простыню! – вспомнив давешний разговор, сказала она. – Думаешь, тебе поверят?

– Угм... – неопределенно отозвалась фигура глухим голосом, и угрожающе приподняла руки. На её запястьях звякнули ржавые цепи.

– Ну-ну!.. – скептически усмехнулась Зануда. – Хотя если попадетсЯ кто-нибудь впечатлительный... Но технику ты не обманешь! – и преспокойненько удалилась прочь.

Возмущённое таким пренебрежением к своей персоне, привидение, – а на сей раз это было именно оно! – обиженно гремя цепями, полезло в буфет. За вареньем или там ещё за чем, этого так никто теперь и не узнает, потому что из тёмных глубин заветного шкафа на него уставились две пары горящих глаз...

– Оу-у! – взвыло от неожиданности привидение, бросаясь наутёк.

– Вау! – завопили зелёные, мгновенно принимая вид напугавшего их существа.

Настоящий призрак был морально не готов к конкуренции, и с проклятьями растворился в воздухе. Перепуганные

Зелепусы забаррикадировались на полке.

Спустя минут десять в Кухню спустилась тётка Августа. Решив, что ей уж теперь всё равно не уснуть, она собралась побаловать себя сладеньким. Налила чайку, распахнула буфетную дверцу...

– Привет!.. – сказали Зелепусы, всё ещё находясь «в образе».

В этот раз на её крики сбежалось куда меньше народу...

Когда все утихло и незадачливую паникершу под конвоем отправили спать – хватит, мол, шляться по ночам и будить нормальных людей! – виновники переполоха вылезли из своего убежища и отправились шататься по коридорам в поисках новой жертвы. Очень уж им понравилась эта шутка! Но, увы! – утомлённый Замок крепко спал.

Тогда они пробрались в первую попавшуюся комнату и спрятались там под кроватью.

Стоит ли говорить, что это оказалась спальня злополучной тётки Августы?

...Зимние дни текли неспешной чередой, и Каггла временами ловила себя на том, что её прежняя жизнь становится сном – бледным и почти забытым. Заснеженный мир вокруг – яркая картинка с рождественской открытки – был тих, светел и почти необитаем. Солнце, ледяные ножны реки, сверкающие снега, спящий лес, прозрачное небо – и дорога, уводящая к горизонту.

Однажды она спустилась в Кухню рано утром. Пьеттро разжигал очаг.

– Что это? – спросила она, заметив в его руке смятый клочок бумаги.

– Для растопки, – равнодушно отозвался слуга.

– Дай-ка мне! – велела она.

Это напоминало пергамент. В глаза бросились незнакомые письмена, похожие на руны.

– Что здесь написано? – требовательно спросила Каггла.

Пьеттро пожал плечами.

– У меня таких целый сундук... – и указал на большой ларец, стоявший у стены. Ларец оказался битком набит исписанной бумагой.

– Сколько же ты уже сжёг, варвар?!

Пьеттро потупился и сделал вид, будто ему стыдно. Потом заявил с вызовом:

– Не всякое чтение приносит пользу!

– Не твое дело! – резко ответила Каггла. – Ступай.

Слуга замешкался, неловко топчась на месте, словно что-то мешало ему уйти. Его получеловеческое лицо приобрело хищное выражение.

– Ступай прочь! – прикрикнула хозяйка.

Заяц, вместо того чтобы, покорно согнувшись в поклоне, исчезнуть за дверью, шагнул вперед. Тогда Каггла схватила серебряный колокольчик, коим обычно вызывала слугу, и который, как она уже поняла, имел непонятную власть

над её странным прислужником, и сделала вид, что намерена швырнуть изящную вещицу в огонь камина, жарко пылающий в углу.

– Нет! – умоляюще вскрикнул Заяц. – Я уйду!

Выждав, пока его шаги стихнут, она вскочила и, одним прыжком оказавшись у двери, закрыла её на ключ.

Но напрасно вглядывалась она в чернеющие на пожелтелых страницах знаки. Они ничего не говорили ей. В Кухне было темновато, и Каггла подседа к окну. Едва лучи бледного зимнего солнца упали на ветхий лист, как молчавшие доселе письма вдруг чудесным образом сложились в слова, понятные и знакомые.

«...среди пришедших Извне было мало женщин... Но Ахайя спросил себя: «Разве я не есть бог, раз Он создал меня по образу и подобию Своему?..» И взяв в горсть прах, дунул – и прах обратился в человека... И возгордился он и стал умножать число Людей, но те, что пришли с ним, роптали, ибо созданные им не имели *настоящей* души и легко становились добычей иных духов... Ахайя же терял силы, потому как дарил своё Дыханье *новым*... он стал забирать энергию у тех, что пришли с ним, ведь он сам когда-то дал им её для продолжения жизни... И тогда двое его учеников тайно сбежали...»

Каггла не знала предыстории появления людей в чужом мире, и могла лишь догадываться о роли Ахайи, и том, как это случилось. По обрывочным фразам рукописи она пред-

положила, что пришельцы были то ли изгнаны, то ли стали жертвами какой-то случайности... До того, как она сама «провалилась» в картину, Каггла решила бы, что перед ней фантастический роман или сказка, но теперь она воспринимала скупые строки, как повествование о реальных событиях.

Потом она прочитала как, расплодившись, Племя Людей стало теснить другие расы, коим издавна принадлежал тот мир. Ослабленные междоусобными распрями, они не смогли дать достойного отпора пришельцам, и Люди уничтожили многих из них...

Мечты Ахайи о справедливом переустройстве собственного мира «с самого Начала начал» выродились в череду кровавых бесконечных войн в мире чужом. Виноваты ли в том были обстоятельства, боги, или несовершенство его собственной души?..

Пергамент подтверждал последнее.

– Госпожа неправильно читает, – спустя несколько дней сказал Заяц. – Надо закрыть глаза и приложить ладонь к листу. Иначе вам жизни не хватит, чтобы прочесть всё.

Каггла едва дождалась восхода солнца. Последовав совету слуги, она положила ладонь на недочитанную страницу и тут же отдернула руку: её словно пронзило разрядом тока! Но природное упрямство Гилленхартов взял верх над болью и, притерпевшись, она закрыла глаза...

Боль вскоре исчезла, и перед ней потекли удивительные

картины, такие ясные и отчётливые, точно она видела всё описываемое наяву: действие разворачивалось перед её мысленным взором, как на экране волшебного зеркала.

Она видела суровые лица воинов, отправлявшихся в дальние походы. Следуя стопами воителей, она наблюдала жизнь молодого Королевства – тучные нивы и пастбища, огромные стада овец и коров, маленькие селения, зажатые подступающими со всех сторон кудрявыми лесами, полными зверья и птицы. Посреди каждого поселения находилась обязательно круглая молельня, где висел золотой диск, символизовавший солнце.

Но чем дальше уходило войско, тем мрачнее становились картины.

Вековые леса и болота кишмя кишели разными гадами, реки коварно меняли вдруг течение своих вод, норovia потопить незваных, земля трескалась у них под ногами, и огромные расселины уходили, казалось, к самому сердцу мира... С истинно человеческим упорством, Ахайя и его воины продолжали свой путь, великой кровью одолевая все преграды. Рубили заколдованные леса, разжигая костры – гигантские деревья с чёрными листьями стонали и корчились в огне, точно живые, – и свет пламени, зажженного человеческой рукой, прокладывал дорогу солнцу. И не только жажда золота или иных сокровищ вела их вперёд, но и унаследованное от предков стремление знать: что же там, за вечно ускользающим горизонтом?

...Настал день, когда людское воинство достигло водных рубежей. За ними лежала Вальгесста – таинственная и прекрасная. Её обитатели предпочли заключить мир с воинственными пришельцами. Но благоразумия Людей хватило ненадолго.

«...Забыв о старых клятвах, они затеяли бесконечную, кровопролитную войну с Древними... Те защищались как могли: в ход пошла самая страшная магия. Так появилось то, что ныне именуется Тьмой...»

И вот однажды, после кровавого поражения, один из магов Вальгессты проклял Ахайю – первого Короля людей – за то, что он со своими воинами разорил его землю.

«Пусть оживают твои сны!..» – сказал он, перед тем, как сгореть на костре. Ахайя лишь засмеялся в ответ: «Знал бы ты, *что* мне снится!» Маг тоже улыбнулся, корчась от боли, ибо огонь уже лизал его волосы, и что-то крикнул в ответ, но ветер и треск горящих деревьев заглушили его слова... И это было плохо: не зная слов заклинания, нельзя снять проклятье...»

«...И в ту же ночь Короля стали мучить кошмары ... Проснувшись, он обнаружил, что сон обратился в настоящее... Рожденные им чудовища были из плоти и крови, они плодились и размножались, и он не властен был что-либо изменить... Он перестал спать, но сон побеждал волю человека, сковывая воспалённые бессонницей веки, и на свет появлялись новые создания. Одно из них убило почти всю

его семью, и Король сошел с ума... Это едва не стало концом всего: болезненное воображение вызывало к жизни самых ужасных тварей... Люди научились сражаться с ними, но, умирая, чудовища становились принадлежностью Тьмы и, в свою очередь, охотились за душами людей... Тогда решено было убить Безумного Короля, но одна из служанок, подкупленная магами Вальгессты, напоила его соком бессмертия...»

Остаток дней своих Ахайя потратил на строительство Храма Солнца – в противовес созданной им же самим Тьме. Однако проблески разума становились все реже, а порождения его затмений – всё сильнее и чудовищнее. Уцелевшие ученики, те двое, что успели покинуть его, тайно от Учителя создали некий пространственно-временной континуум – особым образом замкнутое пространство, куда и заключили безумца, дабы нейтрализовать его силу: «...Последние оставшиеся из тех, что когда-то пришли вместе с Ахайей, сотворили *Тёмную башню* – Башню Забвения – великое Ничто, превращающее в несуществующее всё, что попадало внутрь. Хитростью им удалось заключить Безумного в эту ловушку...»

Чтобы запустить в действие механизм западни, создателям пришлось растратить всю свою жизненную энергию, и её тайны, казалось, умерли вместе с ними.

С заточением Проклятого Короля пришел конец безраздельному владычеству Людей в завоёванном ими мире: со-

зданные разумом Безумца вольфорраны, тьетли, великаны, драконы, агилы, и многие-многие другие, заявили о своем праве на жизнь и свет Солнца, и Людям пришлось смириться. Со временем кровь Людей и вовсе смешалась с кровью племён, порожденных безумной фантазией...

На этом рукопись обрывалась. Донельзя раздосадованная этим обстоятельством, Каггла пристала к Зайцу с расспросами, но тот понятия не имел, о чём идет речь.

– Но где же ты взял этот ларец? – спросила она, наконец поняв, что толку от него не добиться.

– Купил у заезжего тьетля, – равнодушно отвечал слуга. – Среди барахла, которым торгуют эти прохиндеи, частенько встречаются занятные вещицы.

– Встретишь его – спроси, нет ли у него продолжения! – велела Каггла.

Пьеттро усмехнулся:

– Тьетли редко возвращаются в те места, где уже один раз побывали.

– Почему?

– Да мало ли! – продолжал улыбаться слуга. – Вдруг их неласково примут?

Старик и его молодые спутники продолжали свой неспешный путь.

– Надо быть осторожными на дороге! – поучал старик новых друзей.

– Что, разбойнички шалят? – поинтересовался Ла Мана.

– Бывает. Но я про другое толкую, – и взяв в руку увесистый камешек, старик огляделся, и с неожиданной силой бросил его в сторону.

Камень, пролетев несколько, вдруг словно завис в воздухе и стал падать на землю – медленно-медленно.

– Вот! – старик наставительно поднял вверх палец. – Там, значит, Чёртова Дыра... Место такое, где время по-иному течёт – быстрее или медленнее. Можно в такую передрагу угодить, что и не выберешься! Местные дороги называют еще Тропами Короля Игнация: говорят, именно тут дед теперешней королевы проходил с остатком своих войск, а по пятам за ним гналась разная нечисть... Вот Король, чтобы следы замести, и устроил разные ловушки – ежели просто идти, то до Королевства вовек не добраться, хотя пути тут – крылану день лету... Потом, правда, стали поговаривать, что и нечисть намутила здесь всего вдоволь. Да кто только теперь разберёт! Давно дело было, а ухо до сих пор надо держать остро... – и старик тяжело вздохнул. – Оно, конечно, ничего, если в замедление попадёшь – иные через мно-о-го лет домой возвращались, которые даже помолодевши... Порой, их уж и встретить некому было. А иные – в одночасье стариками становились, а то и не возвращались вовсе. Так-то вот!..

– У нас по дороге товарищ пропал, – сказал Юстэс. – Исчез прямо на глазах, вместе с телегой и возницей, мы и огля-

нуться не успели!

– Значится, либо возница опытный был: нырнул в *перекат* – это там, где два разных места словно притягиваются друг к дружке, и за один шаг оказался далеко отсель, либо... Может, и не свидеться вам более, – «утешил» старик.

К вечеру они достигли предгорья.

– Здесь заночуем, – распорядился старый, – а утром, глядишь, будем в столице, если я найду подходящий перекат...

Путники развели костёр, поужинали. На склонах гор тоже кое-где засветились редкие огни.

– Сторожевые вышки, – пояснил старик. – Уцелевшие после нашествия нигильгов ушли в горы, я вам про то рассказывал... Люди всё ещё боятся Долины, только пастухи сюда спускаются, да бродят искатели приключений вроде вас.

Словно в ответ на его последние слова, из темноты к костру вышел человек, закутанный в тёплый плащ. Ла Мана схватился за меч.

– Вечного солнца! – приветствовал их незнакомец.

– Тебе того же... – спокойно отвечал старик. Его молодые товарищи настороженно наблюдали за пришельцем, ловя каждое движение нежданного гостя.

– Со мной еще четверо, – сказал человек, – дозвоьте нам остаться на ночь у вашего костра – вместе веселее будет...

Старик вопросительно посмотрел на остальных.

– Тебе решать, старче, – буркнул Ла Мана. – Мы местных обычаев не знаем.

– Зови своих друзей, – кивнул старик пришельцу, – мы на них поглядим.

Человек негромко свистнул, и рядом с ним выросли четыре одинаковые фигуры. Старик долго вглядывался в их лица, а потом приглашающе указал рукой на траву возле костра.

Ночные странники оказались людьми разговорчивыми. Доставая из дорожных мешков нехитрую снедь – сыр, вяленое мясо, овощи, хлеб – они охотно поведали о себе. Все пятеро были родными братьями, и направлялись в деревушку, расположенную высоко в горах.

– Тут идти-то осталось – нет ничего, – говорил старший из них, тот, что первым вышел к костру, – только ночью в деревню никого не пустят.

Из разговора выяснилось, что отправиться в дальнюю дорогу людей вынудила беда: в той деревне умирал дальний родственник братьев, и сородичи позвали их защищать его душу..

– Как это? – поинтересовался Юстэс. – На похороны, что ли?.. А если он не умрёт?

Братья возрились на него в крайнем недоумении.

– Зачем бы родные стали нас попусту тревожить? Дорога-то неблизкая и опасная! Раз зовут, значит точно знают. Такими вещами у нас не шутят.

– Да откуда же им знать? – настаивал на своем Гилленхарт, хотя старик уже несколько раз незаметно толкнул его локтем в бок.

– Им знать и не положено, – насупился старший из братьев, – на то вещуны есть.

– Мои друзья издали и никогда не были в этих краях, – вмешался старик, желая прекратить расспросы.

– Издали?..

Наступила долгая пауза. Братья настороженно переглядывались между собой, точно ведя неслышимый разговор. Ла Мана демонстративно занялся едой, будто всё происходящее его вовсе не касалось.

– Вроде вы не похожи на нечистых, – промолвил наконец один из братьев. – Иначе бы не сидели у огня...

– А хотите, пойдём завтра с нами? – вдруг предложил старший. – Если вы – люди. Нам силы – во как нужны!

– Мы подумаем, – неопределенно ответил Ла Мана. – Теперь же пора и об отдыхе позаботиться.

Братья согласились с ним, и старший отправил двоих собирать хворост.

– Побольше натаскайте, чтоб на всю ночь хватило!

Один из них, собирая сухие ветки, наткнулся на странный череп. Неприбранные кости частенько попадались здесь, но этот – обугленный, приплюснутый, с косо вырезанными овальными глазницами, не принадлежал ни человеку, ни животному.

– Череп нигильга! – сказал кто-то, и нашедший испуганно отбросил ногой страшную находку.

Череп подкатился к ногам старика и устоял на него пу-

стыми глазницами. Старик долго смотрел на череп, потом взял его в руки, огладил ставшие каменными кости, и сказал:

– Зло ушло отсюда...

– Конечно, ведь он умер! – эхом откликнулся кто-то, но старик покачал головой:

– Нет, не то... Я хотел сказать, *они* ушли совсем.

– И не вернуться?..

Он пожал плечами.

– Не знаю... Если никто не откроет Врата.

– Какие врата? О чем ты говоришь?

Но старик смотрел сквозь вопрошавших невидящим взором, точно вслушиваясь в неведомую речь, текущую к нему через пальцы, обнимавшие чужую мёртвую плоть.

– Просто *она* открыла Врата... – повторил он, спустя какое-то время, – И пришли Нигильги.

Ночь прошла беспокойно. Ничего не случилось, но толком так никто и не уснул, ворочаясь и прислушиваясь к разным звукам, доносившимся из темноты. Едва рассвело, наскоро перекусили и отправились в путь.

– Спасибо, что согласились помочь нам... – сказали братья, узнав, что их новые знакомцы решили отправиться в путь вместе с ними.

К полудню они добрались до горной деревушки.

Путников заметили часовые, прятавшиеся среди деревьев на подходе к селению, и окриком заставили остановиться. Поселяне велели вновь прибывшим пройти между двух ко-

стров. После этой нехитрой процедуры их провели тайной тропой в ущелье, где они уткнулись в сплошную каменную стену. Человек, шедший впереди, шепнул что-то, приблизив лицо вплотную к стене, и в ней неожиданно появился узкий, едва одному протиснуться, проход.

За стеной пряталось несколько десятков домиков с плоскими крышами, сложенные из камня. Едва последний из пришедших очутился внутри поселения, как проход в стене исчез, точно его и не было.

Юстэса с первых же шагов удивила непонятная атмосфера, царящая в деревне. Все её жители – от мала до велика – были вооружены, словно собрались на великую битву. Он не услышал ни плача, ни причитаний, приличествующих обычным проводам усопшего в последний путь. Негромко переговариваясь между собой, поселяне собирались у дома, где несколько человек закладывали камнями окна и двери. Юстэс успел мельком заглянуть в дверной проём – в тёмной комнате у горящего очага лежал продолговатый длинный сверток, опутанный, как ему показалось, цепями.

– Странные тут обычаи! – шепнул он Ла Мане, неприятно поражённый увиденным.

– Значит, есть на то причины... – хладнокровно отозвался тот, но Гилленхарт видел, что ему тоже не по себе.

Из толпы вынырнул один из братьев.

– Держите! – и протянул связку длинных деревянных палок, концы которых венчали пучки пакли, пропитанной смо-

лой. – Чуть солнце сядет – тут же поджигайте! – пояснил он.

Но до заката было еще далеко и время тянулось невыносимо медленно. Жара загнала людей в тень, однако никто и не думал расходиться. Женщины принесли поесть... Это немного оживило собравшихся, но ненадолго. Юстэс, утомлённый бессонной ночью, горной дорогой и ожиданием неведомого, нехотя проглотил пару кусков пресного сыра и ломоть хлеба, запив всё молоком, и почувствовал, что его неодолимо клонит в сон.

– Поспи, – заметив его состояние, великодушно предложил Ла Мана, – я покараулю, а потом ты меня постережёшь. Надеюсь, нас не съедят.

Юстэс присел возле дерева и уснул. Ла Мана, держа меч возле себя, опустился рядом, стараясь, чтобы его спящий товарищ не особенно бросался в глаза окружающим: чёрт их знает, вдруг сочтут такое поведение оскорбительным?

– Рассказал бы, что происходит? – сказал он старику.

– Все как обычно, – вяло отозвался тот, наблюдая, как мужчины заканчивают замуровывать окна дома покойного. – Хотя откуда тебе знать?

– В самом-то деле!..

– Легенды говорят, – заунывно начал старик, – что люди произошли от Первопришельцев...

– Первопришельцы? – переспросил Ла Мана.

– Да. Говорят, они пришли из другого мира. Некоторые из их потомков смешалась с племенами Тьмы, другие сохра-

нили свою чистоту, но унаследовали от Первопришельцев недолговечность. И остальные завидуют им потому что, покидая брENNую плоть, душа человеческая возвращается Свету, если только раньше – при жизни или сразу после смерти – ею не завладеют силы Тьмы...

– Знакомые песни... – зевнув, проворчал Ла Мана. – Остальные все – бессмертные, выходит?

– Кто как... – уклончиво отвечал рассказчик.

– И много здесь охотников до чужого добра?

– Вот сядет солнце, и увидим.

Произнеся эти зловещие слова, старик умолк и прикрыл глаза, давая понять, что разговор ему в тягость. Люди у дома закончили свою работу, и присоединились к остальным, сидящим на земле в тени деревьев. Стало совсем тихо.

Еле слышно шептались деревья. Вокруг острых скал, нависших над ущельем, кружился, напевая, лёгкий ветерок. Пересвистывались птицы... Эти чистые звуки ещё острее отняли напряжение наступившей тишины, полной тягостного ожидания и ощущения опасности. Казалось, будто невидимые щупальца медленно и верно оплетают со всех сторон горную деревушку, пожирая свет, воздух, звук... Глаза людей были прикованы к маленькому зелёному диску, купающемуся в бездонной синеве, их губы молили беззвучно: остановись! Остановись же!.. Но солнечное око неумолимо подбиралось к самому краю Небес, чтобы рухнуть оттуда в недосяжимую бездну, и снова восстать – во всём своём боже-

ственном великолепии. Для тех, кто мечом или везением докажет Судьбе своё право вновь увидеть его.

Караван тьетлей – дюжина мулов, навьюченных увесистыми тюками, и пара ладных крытых повозок – осторожно пробирался лесными тропами вдоль реки к побережью. Что заставило предусмотрительных и осторожных карликов выбрать именно этот путь – участившиеся ли нападения вольфораннов на товарные обозы, неясные слухи, доносившиеся с южных рубежей или просто нежелание плестись по жаре? – неизвестно. Они никогда ничего не делали просто так.

И по Лесу поползли сплетни и пересуды.

– Видать, *что-то* будет! – вздыхали по своим норам лесные жители. – Неспроста эти с большака свернули. Ох, неспроста скрытничают!..

Тьетли же пересмеивались между собой, покуривали коротенькие толстые трубочки, – их весёлые глазки ни на минуту при этом не отвлекались от разматывающейся под копытами мулов лесной тропы, мгновенно примечая все мало-мальски важные детали, – и продолжали свой путь.

На одном из привалов к ним вывернулась из-под корней разлапистого дерева старая грызля. Уперев лапы в толстые, обросшие седой шерстью бока, она минут пять с присущей этим особам бесцеремонностью разглядывала жёлтыми глазами отдыхающих на травке-муравке карликов, а потом заверещала так, словно застучала их за чем-то неприлич-

НЫМ:

– Сидите тут, жуёте бороды!.. А там, у реки, ваш один утопый валяется!

Эти слова заставили тьетлей мигом забыть об отдыхе, и покорно пуститься вслед за ней к реке, чьи воды шумели не так далеко от приглянувшейся им рощицы.

На берегу, почти у самой воды, лежало, скорчившись, неподвижное маленькое тело. Рядом – слегка занесённые песком и уже начавшие разлагаться, останки огромной Чёрной Пиявки, самого злобного и хищного существа из всех, когда-либо населявших Приречье.

Прикрывая бородатые лица шейными платками, – вонь исходившая с места трагедии была невыносимой, – тьетли крадучись обошли стороной мёртвого гада, – он и после смерти мог таить в себе опасность! – и осторожно приблизились к тому, в ком Грызля признала их соплеменника.

Желтоглазая, шумно сопя, по-хозяйски растолкав остальных, протиснулась вперёд. Нимало не заботясь о тишине, она визгливо запричитала:

– Вот, лежит себе, сиротинушка горемычный, а родичам и дела нет! И-их!..

И не стоило бы даже пытаться доказывать ей, что нет вины случившихся поблизости проезжих купчин в том, что валяется вот так, неприбранным, тело какого-то горемыки: грызли всегда славились умением найти виноватых и свести их с ума своими пылкими нравоучениями. Поэтому караванщи-

ки молча расстелили на песке предусмотрительно захваченный плащ, бережно и ловко переместили на него найденного сородича, завернули, и двое потащили скорбный свёрток туда, где под присмотром товарищей оставили своих четвероногих помощников.

Оставшиеся принялись тщательно исследовать место загадочной драмы, не забывая, однако, держаться поодаль от Пиявки. Грызля дёрнулась было за уходящими, но потом сообразила, что там – на стоянке тьетлей – от неё ничего никуда не денется, и осталась. Сев на широкий, точно у бобра, хвост, она с удовольствием продолжила свои обличительные проповеди, но у тьетлей было достаточно ума и терпения, чтобы не обращать внимания на её болтовню. Их внимательные глазки заметили на песке слюдинки чешуек, слишком крупных, чтобы принадлежать живущим в воде рыбам и даже русалкам. Не ускользнуло от их цепкого взора и несколько кучно торчащих поодаль в воде притопленных брёвен, в которых они, подобравшись поближе, угадали остатки плота.

– На этой реке нет порогов... – многозначительно заметил один из них, ножом выковыривая из мокрого дерева глубоко врезавшийся в кору овал гигантской чешуи. – Чем же бедняга прогневал Водяную?

– Это уже не так важно, – вполголоса заметил другой, искося поглядывая на сидящую на берегу грызлю: бешено жестикулируя, она так увлеклась, что разговаривала уже сама с собой, не заметив, что её подопечные отошли дальше. – Да-

вайте-ка взглянем на Пиявку.

Прежде чем осуществить своё намерение, тьетли достали из своих запасов голубоватый кристалл. Внимательно осмотрев всё вокруг сквозь эту призму, они повеселели: Пиявка и в самом деле была мертва – лучше некуда! – и тёмный дух ее, тоже мёртвый, валялся рядом жалким сморщенным комочком.

– Сожги-ка его, Лулус! – распорядился один из тьетлей.

И один из них тотчас вытащил из кармана лупу в затейливой оправе и, держа одной рукой кристалл у глаза, чтобы не потерять из виду обнаруженный кусочек Тьмы, другой рукой сфокусировал на нем солнечные лучи в маленькое яркое пятнышко: и через мгновение мёртвый дух с шипеньем съёжился и испарился. Другие тьетли, вооружившись палками, принялись ворочать останки Пиявки.

– Непонятно!.. – сдались они, наконец, и в ход снова пошла лупа.

Потихонечку покинув всё еще разговаривающую с собою грызлю, они скорым шагом вернулись на стоянку. Там их ожидал сюрприз.

– Парнишка-то – живой! – объявили им товарищи. – И он – не из наших.

...Когда машина с красным крестом увезла в неведомую даль тётку Августу, – санитарам не пришлось ее долго уговаривать, – Мэрион и Рыжая Рита переключили своё внима-

ние на ловцов привидений.

После ночного переполоха те, разумеется, первым делом кинулись утром проверять свою аппаратуру – даже завтракать не стали, хотя очень уважали Бабушкину стряпню. Пока они возились со своими камерами, датчиками и прочей дребеденью, Мэрион крутилась вокруг, стараясь не упустить ни одного словечка.

– Девочка, – не выдержал один из них, когда её назойливость перешла все границы его терпения, – ты знаешь, почему Бог изгнал Еву из рая?

– Знаю!.. Она съела немытое яблоко! – выпалила Рио.

Другой ловец после её слов подозрительно быстро отвернулся к монитору и его плечи странно затряслись.

– Нет!! – рявкнул первый. – Потому что она вот так же вертелась у него под ногами и всюду совала свой нос!

– Смотри!.. – перебил тут его приятель. – Смотри!

На экране, среди переплетения каких-то линий и цифр явно проступали светлые, чуть размытые контуры фигуры, смахивающей на человеческую.

– Есть! – выдохнул второй.

Они тут же забыли обо всём на свете, и принялись что-то бурно обсуждать, перебивая друг друга. Рио вся превратилась в слух, но это была чисто научная дискуссия, напичканная непонятными словами, и ей стало скучно. Тем не менее, она упорно не покидала своего боевого поста, ожидая, что теперь парни должны сломя голову кинуться к своему

хозяину.

Так оно и вышло.

Скинув какие-то данные на флешку, они пообедали, переоделись и отправились на улицу. Мэрион подхватила за ними, но уже в холле её перехватила Бабушка:

– Ты куда это собралась? – после чудесного выздоровления доктор Сибелиус заявил, что ребёнку необходим строгий режим и, по мнению Бабушки, в этот час девочке полагалось немного отдохнуть.

Из-под длинного кожаного дивана, позёвывая и потягиваясь, вылез Хендря.

– Мне надо прогулять собачку!.. – тут же нашлась Мэрион. Схватив такса, она нацепила на него поводок, и выскочила за дверь, пока Бабушка не опомнилась.

Ловцы привидений уже были за воротами, где их ждал экипаж.

– Подбросьте меня до центра!.. – пристала к ним девочка.

Лица парней сморщились, точно они одновременно по ошибке угостились лимоном, но Мэрион сделала такие глаза, что они постеснялись ей отказать. Уже через три минуты они сильно пожалели о своем великодушии, потому что Хендре жутко не понравилось внутри кареты – трясись тут по кочкам вместо запланированного послеобеденного отдыха! – и он залился истошным визгливым лаем, и злился всю дорогу, не умолкая ни на секунду... Мучительное для всех четверых путешествие закончилось у Театра: ловцы привидений вы-

валились из экипажа совершенно оглушенные и, торопливо распрощавшись, бегом помчались по своим делам, опасаясь, как бы сладкая парочка не увязалась следом.

– Когда всё кончится, – на ходу буркнул один другому, – я сверну этой псине башку!..

К счастью для него, эти слова не достигли ушей Мэрион, зато Рыжая Рита, которую девочка успела подсунуть ему в сумку с ноутбуком, прекрасно слышала и эту фразу, и всё остальное.

Домой Мэрион возвращалась пешком. На душе у неё было беспокойно: она очень боялась, что искатели приключений обнаружат её «крота» – и что же тогда будет с Ритой?.. Хендря, натягивая поводок, рыскал вокруг: обнюхивал углы и афишные тумбы, задирает всех встречающих псов, невзирая на их рост и вес, гавкал на прохожих, словом, развлекался, как мог... «Интересно, он вообще помнит, что когда-то был человеком?» – подумалось Мэрион.

Характер таксика во многом напоминал прежнего Хендю. За время своего недолгого пребывания в доме Гилленхартов он слегка попортил кое-где обои и ковры, гадил, где придётся, сжевал начисто не одну пару обуви, и всегда дерзко огрызался, когда ему делали замечания. Вот и теперь, вернувшись с прогулки, Хендря загнал любимого Бабушкиного кота на дерево. Чего уж он там ему сказал – неизвестно, только бедное животное, невероятно толстое и практически разузившееся двигаться, взлетело на ближайшую яблоню со

скоростью звука. Разочарованный пес – он-то надеялся на более длинное развлечение! – удалился, семеня короткими лапами, карикатурно короткими для его длинного тела и уже отросшего животика. Несчастный кот остался болтаться на ветке: от прежней жизни – молочная кашка по утрам, свежая печеночка, мягкая подушка, – его теперь отделяла невиданная высота... И эта противная собака! Оценив весь трагизм своего положения, а ветка была не очень-то и толстой, да ещё и раскачивалась от ветра, кот вцепился в нее намертво когтями, и начал мерзко орать, проклиная всех собак на свете.

Собрались ротозеи. Прибежала Бабушка:

– Пупсик, деточка моя, слезай!.. Кис-кис! – но жирдяй, зажмурив глаза и прижав уши, орал всё громче и противней.

Рио, наблюдавшая эту сцену из окна, расхохоталась от души.

– Бьюсь об заклад, он теперь долго не сунет домой носа! – пропищал у неё под ухом кукольный голосок.

Она обернулась: Рыжая Рита сидела, развалившись на диване, которое Рио смастерила ей из подручных материалов.

Мэрион почувствовала, как у нее отлегло от сердца.

– Ну, что узнала? – набросилась она с расспросами на крохотную разведчицу.

– Странные дела творятся в Датском Королевстве!.. – начала с любимой присказки Рыжая. Ловко чиркнув обломком спички о коробок, она раскурила самодельную сигару – Рита сама мастерила их из папиросной бумаги и крошек табака

из тех окурков, что девочка таскала для неё из пепельниц в гостиной. Это заняло у неё продолжительное время, потому что сигара была малюсенькая, а спичка пылала словно факел.

– Так вот... – затянувшись, деловито продолжила Рита. – Наши мальчишки задумали кинуть своего хозяина.

В этот момент в комнату, не постучавшись, влетела Зануда. Рита тотчас проворно спряталась за какой-то безделушкой.

Зануда хотела позвать младшую ужинать, но, уловив запах табака, тут же забыла, зачем пришла.

– Чем это пахнет? – тоном следователя спросила она.

– Ничем! – абсолютно честным голосом отвечала Рио.

Но Зануда прекрасно знала и эти интонации, и то, что обычно за ними скрывалось.

– Та-ак... – начала было она, но тут Рита решила, что нечестно с её стороны оставить невиноватого ребёнка на растерзание, и вылезла из своего убежища.

– Мы тут беседуем... – с вызовом заявила она, ожидая, что Зануда, по меньшей мере, вылетит с воплями вон или упадёт в обморок.

– Ах, так это ты! – выдохнула с облегчением старшая сестра. – И о чём вы тут секретничаете?

Рита украдкой бросила взгляд в зеркало: всё, как прежде. Странно...

– О том же, о чём мы разговаривали с тобой вчера, – от-

ветила за неё Мэрион. – Рита сегодня шпионила за этими...

– И что? – загораясь любопытством, Зануда опустилась на кровать рядом с сестрой.

– Что-что!.. – сердито передразнила её Рыжая, не понимая, почему ей своим появлением не удалось произвести никакого эффекта. – Они собираются продать имеющуюся у них информацию и, возможно, само привидение совсем другим людям! Линд им надоел... Мальчики очень боятся журналогу. Они не хотят больше зависеть от него, – тут она озабоченно сдвинула брови. – Но я поняла так, что *сами* они не могут от него избавиться, поэтому и связались с этими типами.

– С какими? – в два голоса переспросили сестры.

– С очкариками из Обсерватории!.. – торжественно объявила Рита. Лица сестёр разочарованно вытянулись: и только-то? – Но это еще не всё! – поспешно добавила она. – Знаете, *что* мне больше всего не понравилось?

Сёстры не знали.

– То, что они сказали про Питера!.. – и, выдержав паузу, пояснила: – Линд, по их словам, отправил его обратно в могилу!

– Но Питера убил грифон!.. – выпалила Рио и осеклась: никто ведь кроме неё и Толстяка об этом не помнит!

– Ну-ка, солнышко, поподробнее!– прищурилась Рита, а уж она-то умела расспрашивать!

Пришлось Мэрион рассказать про тот день, когда Питер

поссорился с Бабушкой из-за Карапуза.

– Это всё, конечно, занимательно, – деловито заметила Рита, выслушав её рассказ, и не выказав особого удивления. – Грифон, кольцо и прочее... Но вы, девочки, всё-таки не уяснили главного: Линд отправил Питера обратно в могилу... – и, глядя в их недоумевающие глаза, с нажимом повторила: – Читайте по губам: *об-рат-но...* Усекли?

В тот вечер обитателям Замка, чей слух и так был измучен кошачьей серенадой, пришлось пережить еще и Большой Скрипичный Концерт.

...Ещё не отгорели последние лучи заката, как Юстэсу показалось, будто где-то высоко шумят огромные крылья. Но ничего страшного не было пока в светлом небе, окрашенном ушедшим на покой светилом в нежные светло-зелёные и лиловые тона.

– Начинается!.. – услышал он чей-то голос, и тут же, словно лопнули некие сдерживающие путы, всё вокруг пришло в движение.

Загорелись бесчисленные костры – на стенах, у домов, внутри них... Дом покойного окружили сплошным огненным кольцом в человеческий рост. В руках у людей запылали факелы. Шум крыльев стал громче, будто огромные птицы кружили над деревней совсем низко, но Юстэс по-прежнему никого не видел.

– Это сонгмы! – пояснил старик. – Они воруют память.

– Память?.. – переспросил юноша.

– Да!.. – на лице старика было написано презрение. – Мерзкие воры!.. Всё, что живущий испытывает за целую жизнь – любовь, радость, горе, – он хранит в своей памяти. Всё, самое дорогое... Им нужно именно это – они сами не умеют чувствовать! И теперь они явились, чтобы отнять у души покойного то небольшое, что она хотела бы унести с собой...

Юстэс вдруг почувствовал, как его щеки вскользь коснулось что-то мягкое и холодное... Он инстинктивно отмахнулся рукой с зажжённым факелом, и прямо над его головой вспыхнул призрачный контур безобразного существа, отдалённо напоминающего птицу. Пожираемое пламенем, оно забилось в конвульсиях и рухнуло наземь. Через мгновение от него осталась лишь горстка пепла... Снедаемый отвращением, юноша стал яростно размахивать факелом во все стороны, – как и многие вокруг, – и усилия увенчались успехом: еще несколько стервятников обратились в прах. Людям удалось отогнать остатки стаи сонгмов от желанной добычи, но надвигалась ночь, а вместе с ней к маленькой деревушке подбирались другие охотники поживиться.

– На стену! Живее!.. – скомандовал кто-то, и Юстэс вместе с другими вскарабкался по приставленной лестнице на самый верх каменной ограды.

Держась рукой за деревянный кол, вбитый меж камней, Гилленхарт вглядывался в шевелящуюся темень, и то, что

он видел, казалось ему ожившим кошмаром, ужасным сном, вдруг ставшим явью. Только это был не сон.

Смрадное дыхание чудовищ, окруживших деревню, стало по земле желтоватым светящимся туманом, повсюду горели багровым огнём их глаза, по камню скрежетали когти. Жуткие гости штурмовали стену, одержимые лишь одним желанием: добраться до того, чьё тело лежало в замурованном доме... Гилленхарт потерял счет времени – у этой ночи не будет конца!.. Он рубил, колот, жёг! Всё пространство вокруг было наполнено рычанием, стонами, криками, зубовным скрежетом и диким хохотом, от которого кровь стыла в жилах. Он увидел, что некоторые из тварей прорвались сквозь кольцо защитников на стене, и теперь пытаются преодолеть огненный вихрь вокруг заветного дома. Им овладело отчаянье, но тут полетели горящие стрелы: группа поселян предусмотрительно осталась в засаде и атака пришлых захлебнулась в огне. Но его самого вдруг ухватила за ногу когтистая лапа и потянула к себе, но в свете огней блеснуло длинное лезвие, и порождение Тьмы с визгом рухнуло вниз. – Будешь должен!.. – прохрипел ему в ухо Ла Мана, отмахиваясь от возникших прямо перед его лицом щупалец.

– Я долгов не люблю! – задыхаясь от напряжения, проговорил Гилленхарт, и с приобретённой сноровкой чиркнул по щупальцам горящим факелом.

...И снова ему стало казаться, что эта битва никогда не кончится, и что он и не жил вовсе другой жизнью, а так и

был здесь всегда! Члены его налились свинцовой усталостью, ещё немного – и он рухнет вниз, в эти жадные пасти, и тьма сомкнётся над его головою навсегда... Но пришел рассвет.

О, господи! – он забыл даже о том, что в мире есть день, есть солнце. Вытирая испарину со лба, он увидел, как в предутреннем дрожащем тумане стремительно возник, протянувшись от небес до земли, яркий конус света – прямо в кольцо догорающих огней. Он просуществовал всего краткий миг – и исчез.

– Отстояли!.. – выдохнул человек рядом с ним.

Но был ещё и труп покойного.

До него тоже нашлись охотники. Едва тело предали земле, как тут же – не стесняясь ни людей, ни белого дня, – пришлёпали, таща животы по земле, три белёсые, в огромных бородавчатых наростах, жабы. Ростом выше людского, с бессмысленными тупыми мордами, они рядком уселись неподалёку от того места, где высился могильный холмик, и застыли, не мигая, точно каменные. За их спинами топорщились чёрные перепончатые крылышки.

– А этим чего?! – спросил Гилленхарт, чувствуя, как в нём снова закипает злость.

– Сейчас будут его из-под земли вызывать, – сплюнул старик. – Может, и не получится, вон какие цепи на него надели! Но если выманят, то уведут с собой. Продадут какой-нибудь нечисти в работники, и будет в горах самоцветы добывать, пока не рассыплется на ходу. Или воевать заставят... –

Но ведь душа его уже на небесах!

– А этим она без надобности. Им раб нужен.

Гилленхарт увидел, что земля на холмике зашевелилась, будто под ним кто-то пытался выбраться наружу. И тут на него словно что-то нашло!

– Нет уж, не бывать по-вашему! – взревел он, замахиваясь на бородавчатых истуканов. Те даже не пошевелились. – Не бывать! – и повинувшись какому-то наитию, оглядевшись, стремительно подобрал с земли две толстые ветки, – глаза его лихорадочно искали ещё что-то. Не найдя, стащил с себя рубаху и зубами рванул её край.

Люди с удивлением наблюдали за его действиями, а он лихорадочно мастерил из веток крест, скрепляя их между собой оторванной от рубахи полоской. Дрожащими пальцами затянув последний узелок, он быстро подошел к могиле, и с размаху воткнул крест в вершину холма. Упав перед ним на колени, он взмолился, протягивая сложенные ладони к небу:

– Господь Всемогуший! Прошу тебя, Господи, останови это!.. – и губы его сами зашептали молитву, чьи строки он повторял тысячи раз.

Он помнил их с детства. Долгие, долгие годы он повторял их машинально, заученно, не вдумываясь в смысл, не осознавая того скрытого, что таилось в них, – просто как стих, как формулу, как заклинание. И только теперь иссушенные губы ощущали каждый звук, составляющий эти слова, так, будто они были рождены прямо сейчас – в их первозданной

силе и чистоте. Тонкая скорлупа слов – оберег, данный Свыше, – крепчайшая защита от того, что именуется Злом.

И земля перестала шевелиться... Поднявшись с колен, – люди взирали на него с благоговением и страхом, – он увидел, что бородавчатые гады исчезли. После тризны, больше похожей на праздничный пир, – люди ведь радовались победе! – братья, что привели их в деревню, преподнесли Юстэсу белый плащ, искусно выделанный из кожи какого-то животного.

– Люди спрашивают, – сказали они, – не хочешь ли ты, колдун, остаться? Умерший был здесь набольшим. Они хотели бы тебя на его место.

– Я не колдун! – с сердцем отвечал Юстэс. – И остаться здесь я не могу.

– Тогда научи нас защищать наши могилы! – потребовали они.

– Что мне сказать им? – растерялся юноша, невольно ища поддержки у Ла Маны.

– Освятить клочок земли за оградой – и пускай там хоронят... – предложил тот.

– Я – воин, а не священник! – запальчиво возразил Гилленхарт. – Я сражаюсь во имя Господа, но проповедовать и отправлять требы... Смею ли я давать этим людям напрасную надежду?

– Почему нет? – с всегдашней своей ухмылочкой переспросил Ла Мана. – Хуже всё равно не будет.

– Ладно, – не сдавался юноша, – а где взять святую воду?

И я не помню точно, что нужно говорить.

– *Просто попроси хорошенько!* – отвечал пират, подмигивая, и указывая большим пальцем куда-то вверх.

После глубоких раздумий Юстэс велел принести большую чашу с водой.

– Оставьте меня одного! – велел он людям, и те послушно исполнили его приказание.

Оказавшись в одиночестве, он долго молился, прося Отца Небесного помочь ему, а заодно – простить за возможное святотатство. Его раздирали страшные сомнения: ведь он даже не имеет духовного сана!.. Кто он вообще такой? Обычный грешник... Хотя сказано же в Писании: «Каждому воздастся по вере его!»

– Верую, Господи, в силу Твою!.. – истово шептал он, опуская в чашу нательный крестик. – Не я, Ты сделай это, Господи, ради этих людей! Дай этой воде Свою силу!..

После они выбрали место, и Гилленхарт обошёл его кругом, разбрызгивая воду из чаши и творя молитву.

– Я сделал всё, что мог... – сказал он им на прощанье.

Потом все жители деревни смотрели со стены, как они уходят, пока маленькие фигурки не слились с дорогой, уводящей вниз. И тёмные соседи их тоже глядели украдкой из своих нор и пещер.

Вечером, у костра, Ла Мана всё молчал, а потом неожиданно спросил:

– Как думаешь, мы – живы или уже умерли?

– Умерли?.. – удивился Юстэс.

– Да! – с неожиданной злостью повторил тот. – Ещё тогда, в море, когда нас потянуло в водовороты! Не спаслись, а погибли, и теперь находимся в преисподней!

– Нет, что ты! Мы живы!.. – но напрасно юноша пытался приободрить своего спутника, тот остался мрачен и молчалив. Настроение капитана передалось и Юстэсу. «Я – сплю... Это всё сон! – внезапно подумал он, – но как же мне проснуться?!..»

А когда они улеглись на жёсткой земле возле костра, подложив под головы камни, Ла Мана подвинулся ближе и жарко прошептал:

– Мне страшно, рыцарь! Я никогда ничего не боялся – и ни во что не верил. Но теперь мне страшно умирать, ибо я знаю, *кто явится за мной...*

В Оперном театре был аншлаг. Единственный в этом сезоне концерт сестёр Амстьен собрал огромное число почитателей их таланта. Билеты были раскуплены месяца за три до события – интерес публики подогревало ещё и то, что ожидалось прибытие членов королевских фамилий. Гилленхарты, разумеется, были в числе гостей, лично приглашённых знаменитыми сёстрами на концерт.

– Надеюсь только, что ваша младшенькая останется дома, – улыбнулась Зелла, вручая хозяину Замка Лостхед кра-

сивый конверт с пригласительными в ложу для VIP-персон. – Мне бы не хотелось, чтобы наше выступление прерывалось взрывами петард или ещё чем-нибудь в этом роде...

Виктор фон Гилленхарт рассмеялся:

– Незачем беспокоится: при всём моем уважении к Вам, осмелюсь заметить, что вряд ли она видит большую разницу между вашей музыкой и, скажем, весенними воплями котов на крышах... Для неё было бы большим наказанием, если бы нам вздумалось взять её с собой!

И в назначенный час семья заняла свои места в ложе. Виктор, Элен, Зануда, Бабушка и Красавчик, которого взяли вместо отсутствующей Кагглы. Кстати, Кагглы так до сих пор никто и не хватился, потому что дядя Винки, мастерски подделав её почерк, сочинил от имени художницы письмо, в котором она уведомляла родню, что ей пришлось срочно уехать по делам. Мэрион понимала, что это, наверное, неправильно, но пока предпочла помалкивать.

Огромная чаша концертного зала, устроенного по последнему слову градостроительного искусства, напоминала в тот вечер бутон экзотического цветка. В свете мощных софитов переливалось, сверкая россыпями драгоценностей, разноцветное людского море; шум его волн нарастал всё сильнее по мере приближения того заветного мгновения, когда тяжелые занавеси раздвинутся и явят жадным взорам их кумира.

Но вот свет потихоньку стал меркнуть, парчовая прегра-

да, отделяющая возбужденный зал от мира грёз, медленно разъехалась в стороны, и своды театра содрогнулись от бешеного шквала аплодисментов. Восхищённый рёв многотысячной толпы, умноженный прекрасной акустикой зала, захлестнул сцену, где в ярко освещенном круге возникли две хрупкие женские фигурки; усилился до невозможных высот – и разом смолк, точно по мановению волшебной палочки, едва ему навстречу поплыли первые фортепьянные аккорды.

В тихий напев рояля постепенно вплелись звуки человеческого голоса. Сладкий, томительно-тревожный, он проникал в самые глубины естества, будоражил и заставлял плакать, – он пел о любви!

Околдованный, зал притих и онемел, затаив дыхание, забыл обо всём, внимая чарующему напеву, уносящему в недосягаемые дали. Чуть смолкла музыка, как тут же снова обрушились со всех сторон волны оваций – они грозили смести всё на своем пути! – но голос властно остановил их, и они разбились у подножья сцены... Вступил оркестр – его музыканты вместе со всеми растворились в невидимом течении, а волшебный голос уводил всё дальше и дальше, усыпляя и завораживая, напоминая о несбывшемся, и суля несбыточное.

И только тихий плач скрипок горевал о скором пробуждении, когда музыка смолкнет, и зал очнётся и поймет: то был лишь сон.

После концерта Красавчик возвращался домой один.

Сославшись на головную боль, он распрощался с осталь-

ными: чувствовал, что не вытерпит сейчас никаких разговоров. Разница между тем, что испытал он в зале, и тем, что окружало его, была невыносима. Его сжигало неясное томление, ему хотелось как можно дольше сохранить то ощущение сопричастности к прекрасному, что зародилось в нём во время концерта, и он бежал всё быстрее и быстрее, пытаясь нагнать ускользящее нечто... Словно одурманенный, кружил он по ночному городу, упиваясь своим одиночеством, и тем, что творилось у него на душе.

Летняя ночь была так нежна, так ласкова! Всё дышало такой негой, таким очарованием... Природа знала те тайны, о которых пел голос, – о, да!.. Но ему они были неподвластны, и трепетное волнение постепенно сменилось горечью и досадой – волшебный мир лишь на миг приоткрыл своё лицо, лишь подразнил только, и исчез. А он сам остался прежним – маленьким, скучным... Обыкновенным.

Снедаемый разочарованием, сходным с пробуждением после опьянения, он повернул к дому. Чёрные шпили и башни Замка казались как-то по-особенному сказочными на фоне блистающего яркими звёздами неба, но он твердо знал – всё обман, недоступный мираж! И оттого становилось еще хуже.

Он не стал сразу заходить в дом – пусть все уснут, ему не хочется никого видеть! – и остался в саду.

Присев на скамейке у клумбы с розами, он откинулся на её жёсткую спинку, глаза его устремились в ночную высь,

осиянную полной луной. Но он не замечал ни звезд, ни луны, – его мысли занимала та, чьи пальцы сегодня вечером летали над клавишами чёрного рояля. Там, в зале она вдруг показалась ему таинственной незнакомкой: музыка неузнаваемо изменила её, придав девичьей красоте что-то такое, чему он не мог подобрать определения... И потому еще острее ощущалось собственное ничтожество и обыденность... «Что я могу дать ей? – спрашивал он себя. – Я, конторский червь, ради жалких грошей корпящий над пустыми бумажками... А дни проходят впустую, жизнь течет мимо, *настоящая жизнь...*» И его мысли свернули в привычное русло: подобно многим бездельникам, он принялся рассуждать о том, как много бы сделал, будь у него куча денег. Красавчик принадлежал к той бесчисленной когорте людей, искренне верящих, что бумажки с водяными знаками мгновенно сделают их лучше, талантливее, интереснее, счастливее.

Внезапно к аромату спящих розовых бутонов примешался иной запах... По дорожке, освещённой маленьким, на манер китайского, фонариком, скользнула тень – и рядом с ним на скамью опустилась женщина.

– Не спится?... И о ком же мы мечтаем летними ночами? – в её словах ощущалась скрытая насмешка, точно ей были доподлинно известны его мысли.

Он достал сигарету, чиркнул зажигалкой. Огонёк осветил её лицо – глаза собеседницы тоже смеялись над ним.

– Ни о ком... – холодно ответил он.

– Неужели? – её голос тоже сделался ледяным. – Ну, сиди, мечтай... Так и будешь всю жизнь в приживалках у родственников.

Юноша почувствовал, как кровь горячей волной прилила к лицу.

– Можно, конечно, подцепить какую-нибудь богатую дурю, – продолжала она. – А что, неплохая мысль! – и женщина рассмеялась, точно рассыпала стеклянные бусины. Каггла уже слышала этот смех. Но она была далеко, и не могла помешать ведьме плести свои сети вокруг новой жертвы.

– Вас так заботит моя судьба? – сухо осведомился Красавчик, выпуская в небо причудливый дымный завиток.

Вместо ответа собеседница протянула руку и забрала у него изо рта сигарету. Сделав затяжку, она выбросила её в траву – багровая звёздочка прочертила в воздухе огненный след и погасла.

– Тебе безумно нравится Кора, – она так спокойно и уверенно озвучила то, что он до сих пор не осмеливался даже произнести вслух! У него бешено затрепыхалось сердце. – Но что ты для неё? Пустое место. Никчёмный мальчишка... А я могла бы помочь.

– Как? – у юноши почему-то пересохло во рту.

– Приглядишься к своей бабке... – легко поднявшись с места, она простучала каблуками по дорожке и исчезла в ночи.

Растерянный Красавчик долго смотрел ей вслед.

Наутро он проснулся в прескверном настроении. Давеш-

ний разговор не шёл из головы. «Что она хотела этим сказать?..» – думал он, наблюдая за Бабушкой во время завтрака. Красавчик знал, что в своем завещании старуха не забыла упомянуть и его: хватило бы, чтобы получить образование или пристроиться к кому-нибудь компаньоном... Но, по его понятиям, это была совершенно мизерная сумма: ему хотелось много больше и сразу. Выходит, дело не в наследстве...

Из любопытства он даже потащился за Бабушкой в церковь – под предлогом безделья выходного дня. После службы Бабушка надолго застряла возле отца Себастьяна. Даниэлю стало скучно и он отошел в сторонку. Дрожащие огоньки свечей и печальные лики святых с нездешними глазами навевали светлую грусть. «Уйти в монастырь что ли...»

– Ваши подозрения беспочвенны!.. – услышал он сердитый голос Бабушки. – Этим людям дано слишком многое, чтобы хотеть чего-то ещё!

– Многое?.. Но если они хотят совершенно другого? – возражал отец Себастьян и, понизив голоса, они принялись о чём-то спорить.

Даниэль вышел на улицу.

В церковном саду басовито гудели шмели и пчелы. Сквозь густую листву просвечивало яркое солнце. Он миновал ограду, подошел к обрыву, поглядел на город: над Зелёной Чашей в глубоком небе плыли причудливые белые облака...

Бабушка неслышно оказалась рядом; они постояли молча, любясь открывающейся с Холмов панорамой. Потом он по-

мог ей забраться в ожидавший их экипаж. Карета неторопливо спустилась в Город, и вскоре они уже сидели за обеденным столом. Воскресный летний день похитил у Замка большую часть обитателей, поэтому Красавчик оказался в числе избранных, усевшихся вместе с Бабушкой за карточным столиком. К ним присоединились тётка Люсильда, дядя Винки, Зелла Амстьен, заявившая, что после вчерашнего концерта ни на что больше не способна, тетка Миранда, Зануда и еще несколько человек... Они разыграли партию, другую, третью, потом ему наскучило это занятие, и он пересел на диван с каким-то журналом.

Чтение вскоре надоело молодому человеку, и он собрался уже подняться к себе, как вдруг заметил... Нет, вы не поверите! Бабушка жульничала!..

Удивлённый таким забавным открытием, Красавчик снова опустился на диван: с этого места ему отлично были видны её карты.

Ждать пришлось недолго – он своими собственными глазами увидел, как пиковая шестёрка в её руках вдруг прикинулась королём!.. Потом столь же ловко – буквально одним движением большого пальца! – она превратила семёрку в даму.

– Так... – пробормотал про себя внучек, лихорадочно соображая, как бы ему обратить такое чудное открытие в свою пользу, а горка фишек на столе около старухинового локтя всё росла и росла.

Ничего толком не придумав, Красавчик поступался вечером в Бабушкину комнату.

– Ты – не Герман, я – не Графиня! – отмахнулась старуха, выслушав его бессвязные претензии. – И потом, я никогда не мухлюю!.. Разве что нечаянно...

– Да уж! Кто бы говорил!.. Я видел это собственными глазами!

– О чём ты? – искренне возмутилась бабка.

– Научите меня своим фокусам! – взмолился Даниэль.

Но бабуся упорно стояла на своём.

Потерпев в сражении с бабкой полное фиаско, – упрямая старуха или не хотела, или действительно не могла научить его, – разгневанный Красавчик тем же вечером отправился в казино. И – выиграл!

Несколько вечеров подряд ему сказочно везло, а потом он проиграл всё и даже больше. Владельцы казино охотно предоставили ему кредит, он немного отыгрался, а потом снова увяз в долгах. За неделю он превратился в одного из тех сумасшедших, что с безумными глазами сидят у зелёных столов. Фортуна то улыбалась ему, то отворачивалась снова; стайки длинноногих девиц, падких на везунчиков, уже не обращали на него внимания, зато шныряли вокруг подозрительные небритые типы с предложениями продать душу. Он назанимал денег у друзей и знакомых; подделал подпись на чеке и снял все скромные сбережения с банковского счёта матери, – и снова проигрался! Но каждый вечер, словно про-

клятый, он опять и опять входил в сверкающий зал, где маленький шарик с треском подскакивал на вертящемся круге, заставляя одних визжать от восторга, других – проклинать всё на свете.

«Застрелиться что ли? Или душу заложить?..» – думалось ему спустя дней десять: сидя в саду, он чертил на песке замысловатые узоры, размышляя, где бы раздобыть денег.

На дорожку рядом с ним упала тень. Он поднял голову:

– А-а, это вы... – и снова уставился на землю.

– Как дела? – изящная женская туфелька словно ненароком наступила на его рисунок.

Она могла бы и не спрашивать: усталый, подурневший, с потухшим взором, – он мало походил на того смазливового и самоуверенного парня, каким был совсем недавно. Её замысел вполне удался: муха прочно влипла в паутину.

Красавчик посмотрел сквозь неё пустыми глазами.

– Я – подлец и неудачник, – бесстрастно сообщил он.

– Как раз то, что нужно! – деловито заметила ведьма, и в его безвольную ладонь опустил маленький листок бумаги. – Изучи на досуге.

Он тупо поглядел на строчки из букв и цифр:

– Зачем?

Искусительница засмеялась:

– Надо же тебе помочь! – и уходя, добавила жёстко: – За души нынче мало дают, уж поверь мне!

Ему снился сон: он лежит на свежем сене, шею щекочут травинки... В полуоткрытую дверь заглядывает солнце. По двору бегают его маленькие братишки – Поль, Жак, Диду... В большом корыте мать купает самого младшего – он силился, но не мог припомнить, как же его звали? – малыш умер, едва ему минуло полгода... В их деревне тогда перемерло много народу от неизвестной хвори. Потом умер Диду – он был самый умный из детей – родители, бывало, не могли нарадоваться на него. Диду ходил учиться грамоте в монастырь. Отец мечтал, что мальчик станет священником. Но как-то зимой мальчишка провалился под лед на реке, простыл, слёг – и уже не встал... Так случилось в жизни, а сейчас – во сне – они были все вместе, и, кажется, были счастливы... Мать повернула к нему улыбающееся лицо... Голоса детей стали звонче: братья сбежались в сарай, где он прячется в сене, их маленькие ручки тормозят его:

– Вставай! Вставай!

Коротышка открыл глаза, но детские голоса не исчезли:

– Он очнулся!

Винсент с удивлением взирал на странных незнакомцев, столпившихся над ним. Росточком самый высокий из них был едва ли с десятилетнего ребенка. Он заметил, что руки у них маленькие, толстые, с «перевязочками», какие бывают у младенцев. Да и лица у малышей были совсем детские – ясные глаза, пухлые румяные щёчки... Но на этих личиках курчавились забавные аккуратные бородёнки, придававшие

незнакомцам маскарадный вид – этакие бородатые детишки, а из-под разноцветных кафтанов выпирали довольно объёмные животы. Добавьте к этому рыжие шевелюры самых разных оттенков – от винно-красного до медного – и вы получите представление о внешности тьетлей. Хотя оно будет не полным: надобно ещё видеть выражение их глаз, где самым причудливым образом смешались чертовское лукавство и ангельская простота; плутоватые улыбочки – точь-в-точь как у детей, собирающихся нашкодить, хитрющие ямочки на щеках, – словом, всё то, что придает этому народу своеобразную прелесть... И тогда вы поймёте, отчего остальные, живущие в мире Зелёного солнца, снисходительно терпят их выходки и хитрости, часто довольно дерзкие и коварные.

Но Коротышка доселе никогда не встречался с ними, а потому понятия не имел, с кем имеет дело.

– Что случилось дальше с Полем и Жаком? – требовательно спросил один из них. – Да, что случилось потом с твоими братьями?.. – загалдели остальные.

– Откуда вы знаете про моих братьев?! – только и сумел вымолвить Коротышка.

– Мы видели твой сон, болван! – засмеялись они.

– Мой сон... – пробормотал он растерянно. – Да, мне снилось что-то...

Картины из детства снова встали у него перед глазами.

– Поля украли бродяги, – тихо ответил он. – Жак с отцом ушли в город на заработки. Мы с матерью остались. Я тоже

хотел повидать мир, и сбежал из дому. Больше я никогда их не видел.

– И это всё? – разочарованно переспросил кто-то, словно ребёнок, которому обещали длинную сказку, но вместо этого отправили спать.

Коротышка промолчал. Он мог бы рассказать, как нищенствовал и воровал на улицах большого города, как потом нанялся юнгой на корабль, мог бы поведать о странах, где ему довелось побывать, о том, как убил капитана, который издевался над ним и другими матросами, как попал в тюрьму – и бежал из неё в ночь перед повешением.

– Отстаньте от него! – властным тоном распорядился один. – Он слишком слаб. Принесите-ка воды... Нет, лучше – вина.

Тотчас в руках у Коротышки оказалась кожаная фляга. Чьи-то маленькие проворные руки услужливо отвинтили пробку. Спасённый с опаской понюхал узкое горлышко – что-то не хотелось ему опять попасть впросак, как тогда в харчевне или в лесной чаще!

– Не бойся!.. – хором сказали малыши, заметив его колебания.

Он исподлобья посмотрел на них: в разноцветных глазах, устремлённых на него со всех сторон, плескалось любопытство. Была, не была!

– Хорошее вино!.. – одобрил он, одним глотком почти ополовинив флягу.

– Ещё бы! – дружно закивали головами тьетли. – Мы ве-
зём его к королевскому столу! Кровь великанов из Заморья
– дорогое лакомство!

Коротышка, снова приложившийся было к фляге, поперх-
нулся и закашлялся:

– Кровь великанов?!

– А что?.. – искренно удивились тьетли. – Они постоянно
воюют между собой, и продают кровь пленных заезжим куп-
цам: отведавший её становится сильнее и здоровее. Вот ты,
разве не почувствовал себя лучше?

– Н-нет... – выдавил Коротышка, разом вскакивая с места
и чувствуя, как к горлу подкатывают спазмы.

– Хе-хе-хе! – закатились малыши. – Да мы пошутили, при-
ятель! Будем мы тратить на бродягу дорогой товар!

Он сжал кулаки, но, поглядев на их весёлые лица, только
махнул рукой:

– Ладно, ребятки... Уж я вам припомню!

– Однако ты встал на ноги, – рассудительно заметил один
из шутников, отсмеявшись, – а так бы, сколько еще валялся!

Позже они позвали его к обеденному котлу. Изголодав-
шись, он жадно набросился на предложенную уху. Прихле-
бывая из глубокой глиняной плошки ароматную ушицу, Ко-
ротышка не заметил, как переглянулась между собой пароч-
ка тьетлей, сидевших напротив... И тут же из гущи – горя-
чей, покрытой золотистыми монетками жирка, – вдруг высу-
нулась варёная рыба голова и заговорила с ним писклявым

голосом, подозрительно смахивающим на говорок его новых знакомцев.

– Как это тебе удалось победить Чёрную Пиявку? – спросила рыба башка.

Коротышка с испугу выронил плошку с горячим варевом прямо на колени. Шутники захохотали, но тьетль, что помещивал в котле длинной деревянной ложкой, тут же наградил их ею по лбу. «Злодеи» конфузливо примолкли.

– В самом деле, как тебе это удалось? – спросил он после, когда Коротышка осторожно принял из его рук вновь наполненную миску.

– Не помню... – буркнул тот.

Позже, правда, он догадался, как, наверное, было дело: когда они вечером по холодку тронулись в путь, он обнаружил болтающуюся у пояса дорожную сумку. Вернее, то, что от неё осталось... Видать, когда речная гадина раскусила холщовый мешочек, то поранилась о змеиные зубы, – те самые, что когда-то он заботливо припас, съев их хозяйку и получив от неё способность понимать язык всех живых существ. Но он не стал делиться своим открытием с бородатыми насмешниками. С ними, похоже, надо было держать ухо остро.

Бутерброды с ветчиной, булочки с повидлом, упаковка паштета, печенье, яблоки, пачки чипсов и крекеров, бутылка с водой – вот далеко неполный список того, что Мэрион намеревалась запихнуть в свой походный рюкзак. Ещё она

планировала уложить туда дождевик, запасные носки, фонарик, спички, моток веревки, ракетницу, перочинный нож и ещё кое-чего по мелочи. Всё это было свалено в кучу на кровати в её комнате, и удав, свесившись со шкафа, с интересом наблюдал, как она собирается решить эту трудную задачу.

– Куда столько?! – завопила Рита, узнав, что её юная подруга собирается унести в своем рюкзаке весь Замок.

– Ехать не близко! – возразила девочка. – Нам наверняка захочется перекусить!

– Это ты называешь перекусить? – гневно переспросила Рита, озирая гору провизии. – Я – красивая, миниатюрная женщина, а не бегемот!

– А у меня – молодой растущий организм!

– Хорошо, – согласилась Рита, – но учти: тащить всё это молодому организму придётся в одиночку! Ещё и я сверху сяду! – зловеще прибавила она так, будто весила не меньше тонны.

– Не спорь с ней, – зевнула Зануда, сидевшая тут же, и терпеливо ожидавшая конца сборов. – Пусть надрывается! Дитё ведь собралось в джунгли Амазонки, где нет ни кафе, ни магазинов.

Мэрион наградила сестрицу сердитым взглядом и, пытаясь, принялась коленом утрамбовывать содержимое рюкзака. Надо пояснить, что наши девицы собрались посетить Обсерваторию – накануне Рита, просочившись в комнату ловцов привидений, узнала, что именно на сегодня у них назначена

там важная встреча.

– Вот и славно! – мрачно заявила старшая сестра. – По-едем туда вслед за ними, будто на экскурсию!

Сказано – сделано.

Теперь им предстояло добраться до Набережной, сесть на рейсовый прогулочный пароход и, поднявшись вверх по реке, пересесть затем на автобус, а там и конечная цель их путешествия. Вся дорога занимала часа два, и Зануда прихватила с собой лишь куртку и маленькую сумочку, где уместились телефон, тёмные очки, салфетки, кредитки и немного наличности. Рите и вовсе нечего было собирать. Зато Мэрион экипировалась на славу!

– Телевизор не забудь!.. – подначила её сестра.

В ответ младшая повесила на шею плеер – вдобавок к уже болтавшемуся там биноклю, демонстративно воткнула в уши наушники, натянула на голову бейсболку, и храбро подняла с кровати чудовищных размеров рюкзак. Поднатужившись, она закинула его на спину, и тут же опрокинулась на кровать.

Зануда и Рита молча наблюдали за её попытками выпутаться из лямок и встать на ноги.

В конце концов, Рио победила – не столько силой, сколько упрямством, – и наша тройца отправилась в путь.

Пройдя пешком до конца улицы, они наняли на перекрёстке экипаж, и вскоре оказались у Набережной: несколько огромных площадок, расположенных на разной высоте. Выложенные мрамором и гранитом, они были украшены

клумбами, скверами и фонтанами, и соединялись между собой бесконечными ступенями, – их насчитывалось около тысячи. Со стороны реки Набережная походила на гигантскую лестницу, уходящую в небо.

Путешественницы купили билеты и отправились на причал. Мэрион к этому времени уже представляла собой жалкое зрелище: красная, вспотевшая, она героически тащила свою ношу, и мысль о том, чтобы выкинуть рюкзак через парпет прямо в воду казалась ей всё более заманчивой.

Заняв места на открытой верхней палубе, они приготовились к приятному времяпрепровождению – плыть предстояло около часа. Зануда купила в корабельном баре бокал вина, достала журнал и углубилась в чтение, Рита устроилась в складках её сумочки и приготовилась вздремнуть на свежем воздухе, а Мэрион раскрыла рюкзак и с суровым видом принялась поглощать бутерброды.

– Уже проголодалась?.. – удивилась старшая, оторвавшись на секунду от чтения.

– Да прям!.. – буркнула Рио с набитым ртом. – Просто хочу облегчить свою поклажу.

Сжалившись над сестрой, Зануда тоже взяла бутерброд.

Пароходик дал гудок и отчалил... Тихо заработали огромные винты, вода за кормой закипела, причал провалился куда-то вбок, – путешествие началось. Денек выдался тихим и нежарким – небо затянула ровная серенькая пелена, сходная цветом с водами реки, и только кое-где озорно просвечива-

ло солнце. Разрезая водную гладь, чуть подёрнутую мелкой рябью, пароход плавно уносил их вверх по реке. Стало совсем тихо и спокойно... Лесистые берега нехотя расступались перед белым корабликом – и мимо проплывали и зелёные гиганты, чьи замшелые, покрытые седым мхом стволы походили на причудливые колонны, и целые рощицы молодой зелёной поросли. Изредка тишину вспарывало рычание моторных лодок. Уносясь вдаль, они оставляли после себя терпкий запах отработанного топлива, и сердитое эхо долго ещё корило их за потревоженную тишину.

– Эх!.. – воскликнула вдруг Рио, провожая взглядом очередную лодку. – Так нечестно!

– Что такое? – отсутствующим голосом отозвалась сестра, не отрываясь от журнала.

– Они наняли лодку! – девочка гневно потрясла надкушенным бутербродом.

Зануда непонимающе посмотрела на неё.

– Очнись! – Рио пощёлкала пальцами у неё перед носом и повторила: – Эти парни наняли лодку, и боюсь, что нам не угнаться за ними!

– Им всё равно придётся ждать автобус – раньше они не уедут! – успокоила её Рита.

Но их расчеты не оправдались.

Дорога от пристани медленно поднималась в гору, и Зануде приходилось то и дело останавливаться и ждать младшенькую, которой каждый шаг давался с великим трудом:

к тяжеленному рюкзаку добавился туго набитый живот. Подползя к автобусной остановке, они увидели, как ловцы сели в какую-то попутную машину, – и только пыль столбом!

К этому огорчению добавились и новые обстоятельства: плюхнувшись на лавочку, Рио заявила, что, во-первых, она «сейчас сдохнет!..», а во-вторых, ей срочно нужно в уборную.

Отыскав на заправочной станции, расположенной рядом со стоянкой, вожделенное заведение, она надолго забаррикадировалась в кабинке, а когда ей наконец полегчало – автобус уже ушёл.

– Следующий через два часа, – бесстрастно сообщила Рита. – Продолжим экскурсию или сразу вернёмся домой?

– Вот... – начала было Зануда, швыряя недочитанный журнал в урну, но Рио не дала ей продолжить выступление.

– Мы тоже можем поймать попутку! – бодренько заявила она, делая вид, что ничего такого особенного не произошло.

Но дорога, серой лентой уползающая вверх, была безнадежно пуста.

– Может, хозяева заправки дадут нам напрокат свой автомобиль? – предложила Рита спустя четверть часа бесплодного ожидания.

– Хорошая мысль! – мрачно отозвалась Зануда. – Только я выпила, и за руль не сяду... – кроме того, она отвратительно водила машину.

– Я могу! – обрадовалась Рио. – Меня Красавчик учил

прошлым летом!

– Спасибо. Нам почему-то ещё пожить хочется, ты уж извини!

И тут из-за поворота показалось серебристое авто с тёмными стеклами. Мэрион бросилась ему наперерез.

– Вы навверх? – затараторила она, не давая водителю притормозившей машины опомниться. – Подбросьте нас, а то мы опоздали на автобус!.. Мы так хотели посмотреть Обсерваторию, так хотели!

Продолжая кудахтать, она вскарабкалась на переднее сиденье – теперь её отсюда не сгонишь! – и обернулась назад, посмотреть, как там устроилась Зануда. У той было каменное лицо... Такое лицо она делала всякий раз, когда Мэрион выкидывала очередной фортель – даже Мама, да что там! – даже Бабушка никогда не делала такой кислой мины в ответ на её художества!

– В чём дело? – противным тоном осведомилась младшенькая. – Что теперь не так? Кстати, познакомьтесь с моей сестрой!

– Мы знакомы, – усмехнулся водитель.

Мэрион повернулась к нему: прямо на неё смотрел Макс Линд.

«Странно! – промелькнуло у неё в голове. – Я же не слепая! И не сумасшедшая!..» Девочка готова была побожиться, что человек, сидящий за рулем, ещё минуту назад абсолютно не походил на журналиста! Но высказывать из маши-

ны было поздно. Да и что тут такого? Он ведь не знает, *зачем* они здесь. Поэтому Рио мгновенно нацепила на физиономию самую любезную улыбочку:

– Ой, это вы!.. Здра-а-асьте! Не узнала сразу... Нам прямо *везёт* сегодня! – в последнюю фразу она вложила скрытый смысл, но он, похоже, принял её слова за чистую монету.

Всю оставшуюся дорогу Рио трещала без умолку, а Зануда отделялась односложными ответами: да-да, нет-нет...

Они успели как раз к началу очередной экскурсии.

Вылезая из машины, Мэрион быстро оглядела прилегающую к входу территорию. Что-то их постояльцев нигде не видать...

– У вас здесь какие-то дела или тоже на экскурсию? – как бы мимоходом поинтересовалась она у Бороды. – Отлично! Тогда, может, понесёте мой рюкзачок?.. – коварно предложила она, получив утвердительный ответ.

Разумеется, воспитанный человек не мог отказать такому очаровательному ребенку. Хе-хе!.. Десятка два туристов, в том числе Мэрион, Зануда с Ритой в кармане, и Линд, согнувшийся под тяжестью «рюкзачка», проследовали вслед за очкастым парнем в белой рубашке и тёмных брюках.

– Прошу сюда!.. – торжественно объявил очкарик, поправляя узел галстука.

...Старик всю ночь просидел у костра, закрыв глаза, раскачиваясь и что-то тихо бормоча про себя, точно разговари-

вая с кем-то.

– Колдует, что ли? – насторожился Ла Мана. Встав со своего места, он подошел к проводнику и толкнул его в бок ногой. Старик продолжал раскачиваться.

– Не трожь! – велел Юстэс.

Едва из-за горизонта показалась узкая полоска, как Старик вышел из транса.

– Мне указали путь, – ответил он кратко на все расспросы своих спутников.

– Кто? И куда? – насторожился капитан.

Глаза Старика стали прозрачными – и в их глубине отразился надвигающийся смерч – огромный, закрывший собою полнеба. Юстэс в страхе оглянулся назад, но горизонт был чист.

– Тёмная башня... – прошептал Старик. – И её дух. Время повернётся вспять...

Прямо перед ним вдруг возник в воздухе светящийся овал. Он схватил своих спутников за руки и неведомая сила затащила их в образовавшееся пятно...

Там, где острым жёлтым языком берег врезался в море, там перламутровой жемчужиной раскинулся у самого края синей воды чудный город: ажурное переплетение воздушных мостов, высокие тонкие башни бело-розового камня – и россыпь плоских домов у их подножий.

– Экое диво дивное! – не сдержал восхищения Гилленхарт, жадно всматриваясь вдаль.

Он и его товарищи стояли теперь на склоне высокого холма. Между ними и чудесным городом лежала небольшая приморская равнина, густо поросшая синевато-серебристой травой.

– Это город Людей... – чуть помедлив, пояснил Старик. – Он зовётся Акра.

– Как... как ты его назвал?! – вздрогнув, переспросил Гилленхарт. Прошлое неожиданно догнало его в этом чужом мире, и он почувствовал, что оно так же реально, как и теперешнее настоящее.

– Акра... – повторил Старик. – Это значит «убежище».

Гилленхарт почувствовал, как его сердце замерло на долгое-долгое мгновение, а потом тяжело и глухо бухнуло о кости грудины, и ещё раз стукнуло, и зачастило вдруг мелко и трепетно, словно хотелось ему вырваться из тесной клетки своей наружу и взорваться пламенем. Он так ясно увидел эту картину: алые капли, синяя даль, серебристая трава, что поспешно прижал руки к груди, точно сердце и впрямь могло выскочить.

И тут его пальцы наткнулись на что-то мягкое... На тонком шнурке, обвивавшем шею, обнаружили они маленький кожаный мешочек. Поклясться бы мог всеми святыми, что ещё минуту назад ничего там не было! Но пальцам была знакома шероховатая поверхность загадочного свёртка. Отстав от остальных, он торопливо сорвал мешочек, и ногтями распорол тонкую кожу: на ладонь выпал жёлтый свиток перга-

мента.

Письмо монаха?!.

Он осторожно развернул ветхий лист. Пергамент был пуст. «Я – сплю... Но как же мне проснуться?!.»

Чертыхнувшись, Юстэс скомкал листок и растёр меж ладоней. Свиток обратился в пыль, ветер подхватил её и унёс прочь.

Ла Мана и Старик тем временем были уже у подножья холма. Юстэс бегом догнал их. Они о чём-то говорили, но он его мысли занимало лишь одно: неужели между маленькой крепостью на берегу Средиземноморья и этим чудом, что раскинулось у неведомого моря, есть какая-то связь?.. А может, и впрямь Фурье посылал его именно *сюда*? Нет, не может быть!..

Старик вдруг что-то закричал ему, но Юстэс не понял. Внезапно наступила полная тишина... Зацепившись нечаянно за корень, торчавший из земли, он полетел кубарем по склону и, падая, увидел, что Старик вцепился руками в одежды Ла Маны и валит его в траву, а сзади их накрывает огромная тень...

Эта тень стремительно стлалась по земле: высоко же в воздухе над холмами неслись колесницы, запряжённые крылатыми тварями, а вслед им – конные воины, огромные, наглухо закованные в блестящие латы. Небесная кавалькада стремительно промчалась мимо – в сторону города, и уже напоследок один из всадников обернулся и, размахнувшись,

швырнул в их сторону светящийся шар.

Шар рассыпался на тысячи ослепительных искр, и всё стало белым...

Когда же зрение вернулось к ним – вокруг снова царило безмятежное летнее утро: трава, стрекот кузнечиков, и синее-синее небо.

– Королевская стража... – сказал Старик, кряхтя и поднимаясь на ноги.

– Какого чёрта! Я чуть не ослеп! – возмутился Ла Мана. Глаза его были красны и слезились. У остальных дела обстояли не лучше.

– На всякий случай... – невозмутимо объяснил проводник. – Мало ли, кто тут шляется! Дурной глаз – страшная сила! Вот они и обезопасили себя.

– Ты побледнел, Старик! – тревожно сказал вдруг пират, вглядываясь в его лицо.

– Что-то нехорошо мне! – признался тот. – Ну, да сейчас отдышусь, и всё... Жжёт только тут, под лопаткой!

На его серой от долгих скитаний рубахе проступило синеватое пятно. Юстэс протянул руку и наткнулся на что-то невидимое, торчащее у Старика из спины.

– Да тут вроде как стрела!

Ла Мана тоже потянулся к пятну, расплывшемуся по спине Старика. Тот повернулся боком к солнцу, и они различили почти прозрачное древко с пушистым оперением.

– Меткий выстрел! – с одобрением сказал Ла Мана. – Да

ещё с такого расстояния!

– Тени не промахиваются, – тихо сказал Старик. И Гилленхарту совсем не понравилось, *как* он это сказал.

Развели костёр, уложили раненого лицом на плащ, расстеленный на земле, и Ла Мана попытался вытащить невидимую стрелу. Это ему удалось; потом они перевязали рану, но пока Гилленхарт возился со Стариком, укладывая его удобнеей, капитан успел шепнуть, что тот, кажется, уже не жилец.

– Стрела пробила его насквозь...

Юстэс и сам это видел.

К полудню Старику стало совсем плохо, он впал в забытие. Они провели у костра целый день. Потом пришла ночь – безлунная, с редкими злыми угольками звёзд. Пугливо потрескивало пламя, напрасно пытаясь разогнать давящую черноту, окружившую их со всех сторон. Тревожно покрикивала ночная птица. Глухо шумел далекий морской прибой. Стоны раненого становились то громче, то слабее, казалось порой, будто он спорит с кем-то или о чём-то спрашивает.

– И кровь у него синяя!.. – неожиданно злобно проговорил Ла Мана. Легко вскочив на ноги, он обошёл вокруг костра и нагнулся над мечущимся в бреду. – Добью я его! Хоть раз в жизни сделаю доброе... – и в неверном свете костра блеснул нож.

– Не смей!

Но лезвие замерло на полпути: обманчивую тишину безлуния пронзил долгий утробный вой, донесшийся откуда-то

из глубин побережья.

– Матерь Божья! – прошептал юноша, крестясь.

– Когда выберемся из этой перedelки, буду пить неделю! – торжественно пообещал капитан, опуская нож. – Нет, две недели... Месяц!

И от этих слов Гилленхарт вдруг ощутил такую тоску, такое жгучее желание вернуться домой, какого не извечивал до сих пор. «Я – сплю... Но как же мне проснуться?!»

К рассвету Юстэса все-таки сморил сон, – молодость и усталость взяли своё. Проснувшись резко, словно от толчка, он обнаружил, что Ла Мана тоже спит, укутавшись с головой в плащ. Старика рядом не было. Юноша вскочил, огляделся... Хотел уж растолкать капитана, но потом увидел: Старик был у сухого дерева, торчавшего чуть поодаль. Стараясь не шуметь, Гилленхарт подошел ближе: старец стоял, прислонившись щекой к иссохшему стволу, глаза его были закрыты, узловатые пальцы нежно гладили шершавую кору, губы что-то беззвучно шептали.

– Ты чего это? Эй!..

– Мне позволили уйти... – отозвался Старик, не открывая глаз. Голос его оказался необычайно чистым и глубоким, словно принадлежал теперь какому-то иному существу. – Я довёл вас... Теперь – всё.

И Юстэс увидел, как сгорбленная высокая фигура бледнеет и тает, становясь всё прозрачнее и прозрачнее.

– Эй!.. – но Старик исчез.

Гилленхарт подбежал к засохшему дереву: по трещинкам ствола разбегались крохотные серебристые паучки. Осторожно погладил кончиками пальцев мёртвую кору, и откуда-то донёлся тихий шелест:

– Меня звали Ортил – последний из рода...

Когда спустя час они собрались в дорогу, затоптав остатные искры костра, он нечаянно оглянулся: крона недавно ещё безжизненного дерева пышно покрылась молодыми блестящими листочками...

– Эта стена никогда не кончится!.. – выдохнул Ла Мана и осел на песок. – Никогда!

Над морем горел закат. У горизонта, где медленно тонул огромный красный шар, воды кипели золотом, но тут, возле неприступных стен, море было тёмным и тихим, с его поверхности поднималась прохлада, а в глубине медленно шевелились, тревожимые легкой зыбью, кущи бурых и синих водорослей.

– Должен быть где-то вход! – сам себе возразил капитан, глядя, как Юстэс удаляется от него. На мокром песке оставались глубокие следы.

Несколько мгновений он тупо смотрел, как волны робко слизывают отпечатки человеческих ног. Потом вдруг вскочил и заорал:

– Подожди же ты! Слышишь? Ах, ты, сволочь!.. – размахнувшись, он, что было сил, ударил кулаком по каменной сте-

не.

Раздался тяжёлый гул. Все замерло – и волны, и горластые чайки. В стене внезапно образовался разлом, и оттуда шагнули наружу огромные, много выше человеческого роста, серые расплывчатые фигуры, числом более дюжины. Они были словно сотканы из дыма. Юстэс почувствовал, как его охватывают липкие невидимые путы – и закат померк...

...И была долгая, бесконечная тьма. Исчезли мысли, чувства... Потом он очутился в длинном-длинном тоннеле. Где-то впереди брезжил слабый свет... Он пошёл туда и попал в большой светлый зал: выложенные белым камнем стены, блестящий скользкий пол. Белоснежные колонны, уходя ввысь, поддерживали полупрозрачный купол, сквозь который просвечивало солнце – огромный пульсирующий шар. Он невольно приостановился, но сзади возникла серая тень, подобная тем, что пленили его у стен города, и он почувствовал сильный укол в спину: тень подтолкнула его острием копья вперёд, где в то же мгновение вспыхнули языки пламени. Человек отшатнулся назад от нестерпимого жара, но тень снова угрожающе подняла копье, и ему пришлось шагнуть прямо в это пекло. В огне образовалась узкая дорожка, и он побежал по ней. Огонь торопливо лизал края его одежд. Затрещали волосы на голове, раскалённый воздух жёг лёгкие... Ещё немного и он задохнулся бы, но огонь вдруг исчез.

Прямо перед собой увидел он небольшой, по виду золотой, диск. Он висел в воздухе, ничем не поддерживаемый.

Его поверхность завибрировала, послышался чистый, мелодичный звон, точно кто-то ударил по нему, и перед измученным огненной стихией человеком возникли трое, одетые в светлое.

– Кто ты? – спросили они.

– Барон Юстэс фон Гилленхарт! – с вызовом отвечал юноша, удивляясь про себя, как тихо и жалко звучит его голос в этом огромном пустом зале. – Сын достопочтенного Рихарда фон Гилленхарта из Майенны.

– Твое имя ничего не говорит, чужеземец, – терпеливо, точно неразумному ребёнку, возразил один из этих троих. – Мы хотели бы знать: кто ты по духу своему? – и с этими словами, говоривший взял его за руку и провел по его ладони длинным и тонким ножом.

Юстэс не почувствовал боли. На коже алыми капельками выступила кровь... Человек перевернул его ладонь над стеклянной чашей, услужливо подставленной одним из тех, что появились вместе с ним. На дне чаши пенилась голубоватая жидкость. Едва смешавшись с ней, капля крови потемнела и съёжилась, превратившись в крохотный бурый шарик. Трое переглянулись между собой.

– Ты и вправду человек! – сказал один из них. В его голосе Юстэсу почудилось удивление. – Можешь остаться в нашем городе.

– А где мой товарищ? – спохватился он, видя, как царапина на ладони стремительно заживает. Но ответа не полу-

чил: и люди в светлом, и белые колонны, – всё исчезло, – и он обнаружил, что стоит на широкой незнакомой улице. Мимо спешили по своим делам прохожие, не обращая никакого внимания на одинокую замершую фигуру.

– Пресвятая Дева!.. – пробормотал юноша, перекрестившись.

– Па-а-сторони-ись!..– крикнули сзади, и едва он успел отпрыгнуть в сторону, как рядом пронёсся человек, стоявший на длинном овальном диске.

Прижавшись к стене дома, Юстэс довольно долго наблюдал жизнь чужого города, ощущая скорее ужас, нежели удивление.

В конце концов, он решил, что его жизни всё-таки ничего пока не угрожает, и осторожно двинулся дальше, продолжая держаться рукой за стену. Но стоило ему свернуть за угол, как на него обрушилось новое испытание: несколько человек тащило, опутав веревками, ужасное чудовище. Покрытое чёрной чешуей, похожее на гигантскую ящерицу, оно рычало и отчаянно сопротивлялось; его длинный хвост метался поперек улицы от стены к стене, заставляя разбежаться случайных зрителей в разные стороны. Столпившиеся зеваки наперебой осыпали погонщиков чудовища насмешками, но тут хвост животного упругой плетью взмыл вверх и на головы людей рухнул целый пролет воздушного моста. Послышались крики, стоны... Юстэс снова перекрестился, и не дожидаясь развязки, поспешно свернул в первый же проулок.

Он долго и бессмысленно плутал по улицам, оглушённый и смятый бурным течением местной жизни – местами такой же, как и в его краях, но в большинстве своём – невиданной и непонятной: странные люди, невиданные гады, страшные существа, занимательные предметы, непривычные запахи... И ни одного креста над крышами или хотя бы полумесяца, хотя пару раз ему попадались здания, в которых он угадывал храмовые сооружения. «Куда же я попал?..» – до этого дня, не смотря на всё, что ему довелось повидать во время странствий, вопреки всему происходящему, он ещё питал безумную надежду, что это – просто дальние, неведомые христианскому миру земли, хоть и пылало у него над головой Зелёное солнце. Теперь же эта надежда растаяла окончательно. Но его уму, не отягощённому «лишними» знаниями, чужды были понятия об иных мирах, он знал только ад и рай. И этот мир из-за своей причудливости и постоянной опасности всё больше казался ему адом. Или – сном...

«Я – сплю... Но как же мне проснуться?!..»

Улица вывела его на площадь... Там было устроено что-то вроде рынка – шум, толчея, непривычные резкие запахи, многоголосая речь. Людская река, дробясь на маленькие ручейки, растекалась между рядами прилавков, заваленных плодами, фруктами, рыбой, сочащимися кусками животной плоти; тут же торговали посудой, тканями, украшениями.

Раскрыв рот, бродил он среди этого буйного великолепия даров чужой земли, пока не закружилась голова. Сначала

он не понял, почему поплыла вдруг из-под ног выложенная цветным камнем дорожка, а потом, когда всё встало на свои места, резкая боль в пустом желудке подсказала ему: он – голоден.

– Послушай, приятель, я чужой в этом городе, и за душой у меня ни гроша, – обратился он наугад к одному из торговцев, чьё лицо показалось ему более добродушным. – Словом, сколько дашь за мой плащ? – он приподнял полу белого одеяния, которое подарили ему жители горной деревни.

Торговец окинул его быстрым внимательным взглядом.

– Плащ из кожи валлора... В горах – это нужная вещь, но мне он ни к чему. А вот кинжал у тебя знатный! Дай-ка, погляжу...

– Нет, – отрезал Юстэс. – Этот кинжал мне жизнь спас. Продать его – это всё равно что продать друга! Лучше вот возьми плащ... А нет, так поищу другого покупателя.

– Как хочешь, – зевнул продавец, но в его голосе промелькнула нотка плохо скрытого сожаления. – Передумаешь – возвращайся. Я дам хорошую цену!

Раздосадованный, Юстэс отправился дальше. Получив ещё несколько отказов, он совсем выдохся, и присел на ступеньках какого-то заведения. Из его раскрытых дверей нестерпимо пахло съестным: «Харчевня...» Жадно втягивая ноздрями соблазнительные ароматы, он шарил глазами по толпе, пытаясь угадать того, кто согласился бы купить плащ, и тут случайно его интерес привлек один малый. Это был

человек невысокого роста, – он сошёл бы за ребенка, если бы не рыжая борода, забавно курчавившаяся на почти детском личике, да огромный живот, выпиравший из-под куцевого кафтана. Гилленхарт решил, что перед ним обыкновенный карлик, каких он видел не раз на базарных площадях во время представлений бродячих актеров у себя на родине. На прилавке у малорослика были разложены красивые подделки из горного камня; только людей, подходивших к нему, и рассматривавших изящные безделушки, интересовало совсем другое: о чём-то быстро перешепнувшись с хозяином, они торопливо совали ему в руку монеты и, получив взамен маленький, туго завязанный мешочек, быстро уходили, озираясь по сторонам. «Эге! – подумал юноша, – что-то здесь нечисто!..»

Но тут бородатый малыш заметил, что за ним наблюдают. Несколько секунд ему хватило, чтобы понять состояние дел соглядатая, и, перехватив его взгляд, он неожиданно подмигнул:

– Что, человекец, не хочешь ли заработать? Ты издалека?

– Да, – не очень охотно вступил в разговор Юстэс. – Поиздержался в дороге.

– Вижу-вижу!..– сочувственно закивал головой продавец. – Ну, так я бы тебе помог, ежели ты на меня поработаешь.

– Что за работа? – помедлив для приличия, спросил Гилленхарт. Запахи, доносившиеся из харчевни, сводили его с

ума.

Рыжебородый окинул юношу с головы до ног оценивающим взглядом:

– Да нечего делать! Перекусим, как следует, а потом проводишь меня до одного места, куда я укажу. Мне, понимаешь, нужна охрана, а ты – парень крепкий. И глаза у тебя – честные! – добавил он проникновенно. С ходу учуял, чем взять.

Последние слова немало польстили самолюбию Гилленхарта, рассеяв сомнения относительно выгоды предложения.

– Я согласен, – сказал Юстэс.

Глазки низкорослого заблестели.

– Тогда пошли! Путь неблизкий, надо ещё и поесть, и передохнуть, я-то с утра на ногах!

Быстренько собрав свои вещички, и не переставая тараторить, он дружески поманил Гилленхарта за собой:

– Идём, дружище!

– Зачем далеко ходить? – удивился Юстэс. – Тут бы и поели!

Но низкорослый замахал руками:

– Не больно-то я уважаю местную кухню! Из чего только готовит их повар своё жаркое?

Протолкавшись через базарные ряды, – казалось, им не будет конца, – они добрались до невысокого приземистого строения. Из открытых окон доносилось звяканье посу-

ды, нестройные голоса, смех, а запахи, витавшие в воздухе, показались вконец оголодавшему рыцарю более сладкими, нежели все ароматы райских куш!

– Вот и добрались! Вот и славно!.. – бормотал маленький купец. – Вот тут-то мы и отдохнём... Идём же, дружище, идём!

Но Юстэс встал как вкопанный.

Недалеко от входа на большом камне сидел юноша, примерно одного с ним возраста. В руках у него был небольшой инструмент – что-то вроде бубна. Отбивая ритм, он пел...

О, как он пел!..

Голос певца то взлетал ввысь, то падал до низкой хрипящей ноты. Дрожащие горловые переливы, нарастая до звучания нечеловеческой силы, заставляли ощутить сладкую тоску – напев совсем не вязался с солнечным светом дня. Но печаль та была светла, как летний дождь: прошелестят капли – и будет радуга.

– О чём он поет? – тихо спросил Юстэс у одного из тех, кто так же замер подле певца, очарованный колдовством его голоса.

– О том, что никогда уже не повторится, и лучше чего никогда ничего не будет... – отвечал тот, не оборачиваясь, и глядя куда-то вдаль, словно там, подчиняясь магическому пульсу мелодии, роились какие-то видения.

Внезапно витиеватый рисунок песни нарушил противный короткий вой: поодаль стояла кучка волчьеголовых, – они

тоже заслушались, и один из них, задрав острую морду к небу, вдруг заголосил, желая то ли поддержать певца, то ли посмеяться над ним. Его приятели – толпа из шести-семи широкоплечих громил, – тут же покатались со смеху, громко и визгливо.

– А ну-ка, давай еще, Ярым! – завопил кто-то из них. – Покажи ему, как надо!

Певец оборвал песню на полуслове и встал, устремив на насмешников ненавидящий взгляд. Ворон, сидевший у него на плече, слетел вниз и стал торопливо клевать мелкие монетки, щедро разбросанные слушателями по мостовой у камня. Вольфорраны продолжали изгаляться: теперь они выли уже хором, кто во что горазд, прерывая свое «пение» взрывами хохота и непристойными колкостями.

– Что ты примолк, соловушка? – крикнул один из них, видя, что певец убирает в дорожную суму свой инструмент. – Или мы тебе не ровня?

Певец отвернулся, пряча глаза, но настроение горластых молодцев резко переменилось: угрожающе скаля зубы, они дружно двинулись на него. Зеваки поспешно расступились, но не все: в городе многие недолюбливали вольфорранов, и кое-кто из людей сейчас был тоже не прочь почесать кулаки. Юстэс, помимо воли, оказался в самой гуще: завязавшаяся потасовка захватила и его. Он поймал сильный удар в ухо, от которого зазвенело в голове, и тут же его кулак ткнулся в чью-то волосатую скулу... Потом он увидел, как один из

волчьеголовых вырвал из рук певца его котомку, и бросив наземь, занес над ней пудовый сапожище. Юстэс мгновенно подлетел к обидчику и уложил его ловким ударом.

– Дозорные!.. – истошный вопль быстро разрядил густую толпу.

Над головами дерущихся возникли серые тени. Народ бросился врассыпную: несколько человек забились в конвульсиях на земле, пытаясь вырваться из невидимых сетей. Юстэс почувствовал, что его схватили за руку: это был певец.

– Бегом за мной! – приказал он.

Нырнув в подворотню, они промчались по улице, и вновь куда-то свернув, смешались с праздной толпой.

– Всё! – сообщил ему спаситель. – Теперь они вряд ли будут преследовать нас. Хе-хе, достанется же волчьим шкурам!.. Ну и поделом – совсем житья от них не стало!.. А Королева им всё потакает: видишь ли, они состоят у неё на службе, охраняют границы! Да как они охраняют? Грабят деревни хуже Белоглазых!

– Мне надо вернуться назад! – перебил Юстэс. Его совсем не интересовали сейчас местные сплетни – ему хотелось есть, а для того нужно было отыскать рыжебородого купчишку. – У меня там приятель остался.

– Пойдём, провожу, – легко согласился певун. – Там, верно, уже всё успокоилось. Карра, иди ко мне! – крикнул он, и на его плечо, откуда ни возьмись, приземлился ворон. – Хо-

роший, мой! Хороший! – похвалил его парень, глядя жёсткие крылья.

Вернувшись обратно, они обнаружили, что у дверей харчевни и вправду уже всё спокойно.

– Где же твой друг? – поинтересовался певец, когда они зашли внутрь.

– А, вон он! – обрадовался Гилленхарт, заметив карлика, сидящего над кружкой с пивом.

– Тьетль? – неодобрительно удивился певец.

Рыжебородый, заметив его, призывно замахал рукой. Но, увидев, что вместе с юношей к столу подошел и его спутник, насторожился:

– Э-э... рад снова видеть тебя! А что нужно достопочтенному агилу?

– Ты его знаешь? – удивился Юстэс.

– Агил – это имя моего народа, – пояснил певец. – Мое племя родственно людскому. И хотя у нас не принято называть друг другу имена, покуда нет на это веской причины, но имя вот этого тьетля мне известно! – и он ткнул пальцем в карлика.

Коротыш отчего-то занервничал.

– Тебя ведь зовут Рурус? – вкрадчиво спросил агил, опираясь руками о стол, и нависая над карликом, точно скала. Сидевшие рядом стали оборачиваться в их сторону.

– Не знаю никакого Руруса! – заёрзал тьетль.

– Вр-рёт! – угрюмо каркнул вдруг ворон. Юстэс вздрог-

нул.

– Не знаю я никого... – упрямо повторил карлик и достал из кармана большой носовой платок.

Не успели они и моргнуть, как карлик взмахнул тем платком, и вокруг поднялось облако едкой пыли. Пока они прочихались да глаза протёрли – тьетля и след простыл!

– Вот паршивец!.. – пробасил сидевший за соседним столом детина. – Утёк всё-таки! А кто это был и почему так поспешно скрылся?

– Это – Рурус, торговец сновидениями. Вор и обманщик!..

– Да ну?! – ахнули соседи. – Эх, попадись он нам! – и беседа за столом плавно перетекла от обсуждения видов на грядущий урожай к перемыванию косточек как всего племени тьетлей, так и его отдельных представителей.

Молодые люди уселись за стол, где ещё недавно восседал маленький обманщик.

– Удрал мерзавец! – сокрушенно вздохнул певец. – Я много слышал про этого пройдоху! Ты не первый, кого он пытался обмануть!.. Ну, да ладно. Угощайся! – улыбнувшись, он обвёл рукою расставленные тарелки. – В чём-чём, а в еде эти проныры знают толк!

Гилленхарт, само собой, не заставил себя долго упрашивать.

– Ты сказал, что он – торговец сновиденьями, – начал расспросы Юстэс, немного утолив голод. – Как это понимать?

– Так и понимай: ворует чужие сны, а потом продает их

другим, – прихлебывая из кружки, отвечал агил. – Думаешь, что ему от тебя нужно было? Подсыпал бы сонного зелья – и выкачал бы всё до капли из спящего. А то, говорят, бывает и хуже: слышал я, что растёт в дальних землях дурман-трава, варят из неё особое зелье. Ну, само собой с заговорами, с нащёптом... И потом, когда опят этим зельем какого-нибудь бедолагу, становится он вроде пьяного: спит всё время, а когда и не спит, всё одно словно сонный, а уж сны у него!.. Такого и Проклятому Королю не снилось!.. Только снов тех я бы никому покупать не советовал: кто их смотрит, тот со временем сам теряет и волю, и разум! – и, помолчав, печально добавил: – У меня так друга сгубили.

– Ничего я, однако, не понял, – помотал головой Юстэс, – Да кому нужны-то чужие сны, если их даже и можно украсть? Кой в них прок?

– Нынче многим по ночам не спится, – сильно удивившись такому вопросу, ответил агил. – А ты сам, брат, откуда? – перевёл он разговор.

– Не знаю, как и объяснить! – честно признался Гилленхарт. – Мне здесь надо найти одного человека...

Видя, что он не собирается ничего рассказывать, агил не стал настаивать. Подозвав хозяина, он расплатился, и поднялся из-за стола.

– Хорошо, что встретились. Может, свидимся и ещё... – Постой! – видя, что он собирается уйти, окликнул его Гилленхарт. – Скажи хоть своё имя и где тебя можно найти? –

сама мысль о том, что вот сейчас он останется опять в одиночестве в этом чужом и непонятном городе была невыносима.

Агил остановился. На его лице появилось странное выражение.

– Пойдем-ка со мной!..

Они вышли в ночь. Дул холодный ветер. Юстэс плотнее закутался в плащ: не прав был тот торговец, что отверг его предложение – ночи здесь холодные.

– Ты спросил *мое имя*, – заговорил агил, размеренно шагая в темноте. Юстэс не видел его лица, но ему показалось, что тот рассержен. – Видно, ты совсем не знаешь обычаев!.. Настоящее имя живущего ведаёт лишь мать, что даёт его, да самые близкие. Остальные придумывают ему прозвища... Даже умирая, каждый уносит своё имя с собою, чтобы не тревожили чернокотлы его дух, – и резко остановившись, он схватил Гилленхарта за грудки. – Спрашиваешь моё имя, а какие на то имеешь причины?!

– Да в самом-то деле!.. – с сердцем отвечал Гилленхарт, резко стряхивая его руки. – Откуда мне было знать, что у вас считается это оскорблением!

– Нет! – с жаром возразил певец. – Совсем наоборот! Имя можно сказать лучшему другу. Или невесте... Но не первому же встречному!

– Что тут такого? – вконец разозлился Юстэс. «Господи, как же ему это все надоело!»

– Зная имя, можно околдовать его хозяина. Напустить

порчу... Или вообще сделать его своим рабом! Недаром же спрашивают: «Как тебя зовут?» – позови живущего по имени, и он придёт. Позови ушедшего – и он тоже может явиться... – терпеливо пояснил певец.

– А вот мне один назвался! – упрямо заявил Юстэс, вспомнив уход Старика. – И ничего не случилось!

– Значит, его больше некому было помнить. Или он хотел, чтобы ты его вызвал когда-нибудь.

– Зачем это?.. – испугался Юстэс. Возможность общения с духами всегда внушала ему суеверный ужас.

– Ладно. Я другое хочу сказать, – грубо перебил его агил. – Когда-то ведунья предсказала мне: я встречу человека, который, ни с того ни с сего, захочет узнать моё *настоящее* имя. Она много чего наговорила, и не стану пересказывать её болтовню. Важно другое: я *должен* буду ему помочь. Так сдаётся мне: не ты ли и есть тот самый любопытный?

И Юстэс, словно наяву, услышал голос монаха: «Тот человек сам найдёт тебя!»

– Как знать, – ответил он, чуть помешкав. – Может, и я.

Новые приятели поселились вместе на постоялом дворе, и следующий разговор о жите-бытье завёл уже сам агил.

– Я слова меняя на золото монет, а ты? Чем ты добываешь себе пропитание и славу?

– Славы я пока не добыл, – чуть усмехнувшись, ответил Гилленхарт. – И всё, что у меня есть – это крепкие руки:

могу рубить, могу стрелять. Я – воин.

– Тогда что держит тебя в Акре? – удивился агил. – Здесь возможно разве что наняться в провожатые к какому-нибудь толстопузому купчине или охранять сборщика податей. Но по мне уж лучше – к купчине: глядишь, доведётся побывать в дальних землях. Охранять мытаря куда опаснее – не любят их, так уж повелось, потому и платят за это больше, да не в почете это дело у настоящих рубак. Те же, кто хочет славы и денег – нанимаются в порубежные дружины. Или идут в наёмники к чужим.

– А здесь? Нет разве здесь королевской дружины?

Глаза агила округлились, потом он звонко рассмеялся:

– *Туда* ещё успеешь попасть!.. Нет, ты и вправду чудной! – тут он слегка призадумался, потом сказал: – Так и буду тебя звать – Чудной.

Гилленхарт ещё не успел назваться ему, а после ночного разговора и вовсе держал язык за зубами.

– Чем я насмешил тебя? – нахохлился Юстэс.

– Дворец, Королеву и город охраняют Тени. Это духи павших воинов. Старое заветье, – пояснил певец. – Королевская семья пользуется им ещё со времен Проклятого Короля. Тень – сильнее и могущественнее нежели целый отряд, таких как ты, и – главное! – никогда не предаст своего повелителя. Никогда!

Юстэс вдруг вспомнил луч света, упавший из предутренних облаков на землю, там, в горной деревушке.

– Получается, – медленно проговорил он, – душа воина попадает в вечное рабство к вашим королям?

– Их никто не неволит! – возразил рассказчик. – Наоборот, это большая честь – лишь самые храбрые и достойные дают Обет верности! И поверь, никто ещё не отказывался!.. Известно, многие охотятся за душой человеческой, когда она остается без приюта. Успеет ли она пробиться к Свету, найдутся ли рядом те, кто сумеет защитить её, пока она остается беспомощной, словно младенец? А клятва защищает её и от Охотников, и от Тьмы.

Юстэс ничего не ответил на это: перед его внутренним взором проносились картины сражения с нечистью в горах.

– Пойдёшь со мной?.. – прервал его воспоминания агил. – Я должен встретиться сегодня вечером со своим старым другом.

– Стоит ли? – с трудом вернулся к действительности Гилленхарт. – У вас свои дела и разговоры.

– Да, мы давненько не видались, но мне боязно оставлять тебя одного – попадёшься ещё опять на удочку какого-нибудь жулика! Ведь Рурус знает теперь, что мне всё известно о нём, и что он предпримет в ответ? От тьетля можно ожидать любой гадости... Хотя среди них есть и очень славные ребята.

Юстэса не очень-то испугали слова агила: он был уверен, что запросто справится с целой оравой недоростков. Если, конечно, они будут вести честную игру.

– Не будут! – заверил его певун. – Уж это точно!.. А мой друг – сын очень влиятельного вельможи. Может, что и посоветует.

Последний довод показался Юстэсу разумным: ему было неловко, что агил платит за его кров и пищу.

Выйдя на улицу, они смешались с вечерней толпой, неспешно текущей по улице. Засмотревшись по сторонам, Юстэс нечаянно сильно толкнул плечом высокую, богато одетую женщину.

– Экий невежа! – её красивое лицо сморщилось от негодования. Она высокомерно оглядела юношу снизу вверх.

– Покорнейше прошу меня простить, сударыня! – Гилленхарт поклонился.

Но она вдруг заглянула внимательнее в его глаза, и выражение её лица изменилось:

– А ведь ты издалека-а! – проговорила она так, словно уличила его в чём-то постыдном или запретном. – И я вижу на тебе чужое заклятье!

Юстэса неприятно насторожил и её пристальный взгляд и то, как она произнесла последние слова. А незнакомка схватила его за руку, вцепилась точно клещами:

– Хочешь, скажу, что тебя ждёт? – вкрадчиво спросила она.

– Ворожба – занятие такое же богопротивное, как и колдовство! – твердо заявил юноша, вырывая руку.

– Не хочешь?.. – переспросила женщина. – А ведь многие

умоляют меня об этом!

– Нет. Оставь меня.

– Ладно! – презрительно махнула рукой незнакомка. – Как знаешь... А я всё равно погадаю тебе. Просто так! – и прищурив глаза, выдохнула ему прямо в лицо: – Будет у тебя большая любовь, да только обманет! Будет дальняя дорога, в конце дороги той – сокровища несметные! Да только богатым не станешь ты! – голос её опустился до свистящего шёпота: – И конец твой вижу: убьёт тебя лучший друг!

– Каркать будешь над моею могилой! – чуть побледнев, жёстко ответил Гилленхарт. – А сейчас – прочь с дороги, брехливая ведьма!

Но в лицо ему рассмеялась вещунья:

– Всё, что я сказала тебе, так же верно, как и то, что того, кто пришёл с тобой, казнят сегодня на Храмовой площади!

– Идём... – тихо шепнул юноше агил, видя, что тот потянулся за кинжалом. – Идём, кому говорю! – и крепко взяв его за локоть, потащил прочь.

– Очень плохо, что ты с ней повздорил, – озабоченно сказал певец, когда они свернули на другую улицу. – Это была Мирта-предсказательница. Говорят, она любит предсказывать худое.

Юстэс лишь нахмурился в ответ. Приятели молча зашагали дальше.

– Не хочется верить этой вороне, – проговорил, наконец, Юстэс, когда они были уже далеко от злополучного места. –

Но со мной и взаправду был товарищ...

– Проверить нетрудно, – мрачно отозвался агил. – Если хочешь.

– Хочу!..

Посреди круглой площади тянулось к небу высокое сооружение: несколько острых тонких башен, соединенных вместе полукруглыми арками.

– Храм Солнца!.. – благоговейно пояснил агил.

Чуть поодаль, перед огромной линзой, выточенной, очевидно из какого-то кристалла, был прикован цепями к столбам человек. Приглядевшись, Гилленхарт узнал капитана.

Первым побуждением его было броситься на помощь: в честном поединке он с удовольствием наслаждался бы предсмертными хрипами разбойника, но позволить чужим попам казнить того, кто долгое время был его спутником, делил с ним кусок хлеба и все невзгоды?!

– Стой! – агил вовремя схватил его за руку, и увёл в толпу, собравшуюся поглазеть на казнь.

– Хотелось бы знать, в чем он провинился!.. – шипел Юст-эс, пытаясь вырваться

– Храмовники не станут жечь невинного!.. Да смотри сам! – воскликнул агил, указывая туда, где был прикован несчастный.

Солнечные лучи сфокусировались тем временем через линзу прямо на багровом шраме, что косо перерезал грудь

казнимого. Спустя мгновение маленькая фигурка между столбами словно взорвалась, и к небу вздыбилось туловище громадного скорпиона... Толпа зрителей завопила и откатнулась назад. Одним неувловимым движением чудовище вырвало с корнем каменные столбы. Издав невыносимый для человеческого слуха визг, оно подалось вперед, и над головами замерших в ужасе людей пронеслась гигантская клешня. Точь-в-точь как когда-то на корабле!.. Поднялась страшная паника... И только жрецы в белых одеждах, что стояли вокруг помоста, остались спокойны. Повинуясь еле заметно-му знаку одного из них, они протянули вперёд руки с раскрытыми ладонями, – и в тело чудовища вонзились десятки огненных лучей, заставляя съёживаться и обугливаться напoенную ядом плоть.

Юстэс остался на площади до самого конца.

– Эй!.. – тронул его за плечо агил.

Словно во сне, Юстэс повернулся и пошёл за ним, спотыкаясь, как слепой. То, что произошло у него на глазах... Нет, он не мог выразить свои чувства – слишком многое смешалось в один огромный клубок: негодование, мстительное удовлетворение, суеверный ужас. «Я – сплю... Но как же мне проснуться?!»

– Что это было?

– Его душа, – как само собой разумеющееся, ответил певун. – В Акре безопаснее, конечно, чем в других местах. Но даже тут порой такое бывает!

Он что-то ещё говорил, пытаюсь отвлечь юношу от его мыслей, но, в конце концов, умолк.

Человек, что ждал их в одном из трактиров города, показался Юстэсу холодным и надменным, и он удивился даже, что может быть общего у его нового друга и этого вельможи?

Заказав кувшин вина и фрукты, они уселись за дальним от входа столом.

– Проследи, чтоб нас не беспокоили! – властно приказал хозяину знакомец агила. И по тому, как проворно толстый и вальяжный трактирщик бросился исполнять его просьбу, Юстэс понял, что тот и вправду – важная птица.

– Знакомьтесь, други! – весело провозгласил певец, когда они уселись в ожидании еды и питья. – Этого парня я прозвал Чудным, потому что он какой-то странный. Впрочем, как и все чужеземцы... – и агил похлопал Юстэса по плечу. – А это – мой названный брат! – торжественно объявил он, указывая на своего друга. – Мы выросли под одним кровом. Не знаю, какое имя дала ему мать, но я и другие зовем его Нордид.

Служка принёс поднос и проворно накрыл им стол. Отдав должное напиткам и закускам, старые приятели перешли к делу.

Юстэс угрюмо потягивал вино, – оно было превосходным! – и не особенно прислушивался к тому, о чем говорили его соседи по столу. Между тем, разговор складывался интересный.

– Твоего отца заточили в Тёмную башню? – ужаснулся агил, когда названный брат поведал ему о судьбе Дарквиша.

– Тебя это пугает, брат? – спокойно переспросил Нордид. – Если так, то давай на этом закончим наш разговор, допьём вино – и разойдёмся.

– Но это был самый честный, самый порядочный... Самый светлый человек из всех, кого я знал! Постой, но он ведь – глава Девяти! На него бы обрушилась вся сила заклатья!..

– Он и не совершал измены. Это я знаю точно – ведь он ещё и мой отец! – голос Нордида чуть дрогнул – всего на мгновение. – Но преступление налицо: он поднял оружие против Королевы. Совет не мог проголосовать за его оправдание.

– Чем я могу помочь? – после долгой паузы спросил агил.

– У худых вестей длинные ноги. Многие из тех, кто ещё недавно из кожи вон лез, чтобы попасть отцу на глаза, отвернулись от нас. У меня почти не осталось друзей. Настоящих друзей... Ты да мой кузен, который не очень-то хорошего мнения о Королеве после странной гибели своего отца. Ну, помнишь, тот участвовал в походе к Побережью?

– Помню. Королева, говорят, искала Камень Проклятого.

– Больше мужчин в нашем роду не осталось... – и он посмотрел прямо в глаза агила. – Не хочу тебя неволить, ты вправе отказаться.

– Нет, – покачал головой певец. – Твой отец когда-то спас мне жизнь, я вырос в вашем доме. Пришло время отдавать

долги.

Нордид благодарно положил руку на его плечо:

– Я так и думал! Теперь слушай, – и тут он, спохватившись, спросил, кивком головы указывая на отрешенно молчащего Юстэса. – А что он за человек?

– Так. Простой паренек, похоже, из деревенских... Он не из этих мест. Но уверяет, что хорошо знаком с воинским ремеслом. Я хотел просить твоего отца определить его в дружину Горста, но раз такое дело...

– Горст погиб, – сухо отозвался Нордид. – И вся его дружина тоже.

– Как?!

– Серая хмарь... Она напала на отряд вольфорранов, но те успели ускакать, а наши были пеши...

– Страшная смерть! – певец был потрясен. – Но почему они не выставили обереги?

– Не хочу сейчас говорить об этом! – перебил Нордид. В его глазах плескалась боль. – Хуже всего то, что когда подоспели Храмовники, там уже некого было спасать... Понимаешь?.. Кто знает, где теперь душа Горста, кому она досталась? Он ведь не успел дать Обет верности! – и они оба точно по команде покосились на запотевшие окна, за которыми ворочалась ночь.

– Да-а... – тяжело вздохнул певец. – Горст всегда был против этих штук: дескать, не к лицу *настоящим* людям заниматься колдовством, пусть даже они и короли.

– Но нам придется это сделать! – посуровев, возразил Нордид. – Я не хочу, чтобы кто-то чужой услышал наш разговор. Поэтому – *настройся и слушай меня...*

Повинуясь его просьбе, агил закрыл глаза и слегка откинулся на спинку стула, расслабив руки вдоль туловища.

– Я – готов!.. – глухо ответил он, спустя какое-то время.

Слегка опьяневший, Юстэс с удивлением наблюдал, как эти двое молча сидели друг против друга с закрытыми глазами. Потом, пожав плечами, снова наполнил свой стакан и отвернулся: его это не касается.

Но он ошибался.

«Через три луны мой отец будет мертв. Башня убьет его... – мысленно говорил между тем Нордид другу, – нам ни разу не дали увидаться – ведь в Башню Забвения можно войти лишь однажды. Но мой отец – о, они еще пожалеют о содеянном! – он может многое. Он явился мне через зеркало. Почти сразу, как его заточили в Башне. Больше контактов не было – боюсь, эта связь забрала у него слишком много сил... Стоит попытаться вытащить его оттуда – никто и не узнает, а потом поможем ему перебраться в Заморье. Но главное, что он успел сказать мне – я должен привести к нему чужестранца, который придёт с тобой на нашу встречу! Поэтому-то я и послал за тобой...»

– Что?! – от неожиданности агил произнес эти слова вслух, и ему понадобилось время, чтобы снова войти в транс.

«Да! Он именно так и сказал. Мне сильно не хотелось впу-

тывать тебя в это дело: мы с Бильямом справились бы сами, а ты – в случае неудачи, – позаботился бы о наших женщинах. Но отец настаивал на этом...»

«Хорошо... Когда?»

«Завтра...»

...Едва молодые люди покинули кабак, ночная бабочка, сонно кружившая под потолком, оживилась и выпорхнула вон. Очутившись на свежем воздухе, она оборотилась совой и полетела над ночными крышами. Её чёрный силуэт пересек желтый круг луны и слился с темнотой...

Полная луна скользила в просветах тяжёлых туч, одетая ими, словно в драгоценные меха. Внизу, лежал спящий город – притихший, настороженный, мучимый сновиденьями... Ах, как беспокойно в такую ночь! Как тревожно даже за толстыми стенами из зачарованного камня! Неуютно часовым на высоких башнях, – пристально всматриваются они во тьму, откуда, невидимые, глядят на них тысячи враждебных глаз: в полнолуние самое раздолье детям Ночи!

Пустые улицы освещает ровный свет фонарей, но мало кто отважится пуститься в путешествие по их руслу, столь оживлённому днём. А если нужда и заставит, то такой беделлага нипочем не переступит порога в одиночку, не вооружившись пучком факелов и каким-нибудь оберегом.

И только четверым, собравшимся в небольшом доме у моря, нравилась эта ночь: она была их союзницей.

Незадолго до полуночи, Нордид вытащил из тайника за-
вернутый в ткань плоский предмет, размером с человека.
Сняв покровы, он предъявил сообщникам портрет.

– Кто это? – спросил Юстэс, разглядывая изображение.

– Мой отец.

Юстэс подошел поближе: необычайно высокий лоб, глу-
боко посаженные глаза... Ему показалось, будто изображен-
ный на портрете человек пристально наблюдает за ним.

– У него нет ничего, чтобы исполнить магический обряд, –
пояснял между тем Нордид, – потому мы должны помочь
ему.

Следуя его указаниям, сообщники расставили на полу
комнаты, где они собрались, зажжённые свечи. Язычки све-
чей образовали дорожку, в одном конце которой поместили
стоймя портрет, а в другом – небольшое зеркало в металли-
ческой оправе: отражение трепещущих огоньков в его глуби-
не уходило в бесконечность. Нордид придирчиво осмотрел
их работу и поправил зеркало, так, чтобы портрет гляделся
прямо в него.

– Кто нарисовал твоего отца? – почему-то шепотом спро-
сил певец.

– Не знаю, – тихо отозвался Нордид. – Я ничего не знал
об этом, пока отец не сказал мне об этом во время нашего
разговора через зеркало. Представляю, какую мину скорчил
бы Абигайл, узнай он о портрете! Он один из всего совета не
был возмущён арестом отца.

– А что такого в этой картинке?.. – осторожно поинтересовался Юстэс.

– Так ведь как же, – терпеливо, точно неразумному ребенку, пояснил Нордид, – имея под рукой чье-то изображение можно с помощью колдовства подчинить его своей воле! Потому-то наши обычаи строжайше запрещают рисовать людей. Да и нелюдей тоже изображать не след.

– Удивляюсь, как Дарквиш мог позволить такое?.. – заметил агил. – Он сильно рисковал, доверяясь тому, кто это сделал.

– Зато теперь это нам пригодится, – подытожил Нордид.

– Двенадцатая стража бьет! Пора! – услышав бой ночных часов, воскликнул молчавший доселе четвертый их товарищ. То был слуга Дарквиша – Бильям.

Срывающимся голосом Нордид стал читать нараспев заклинания: сначала громко, потом всё тише и всё быстрее, так, что слова слились в неразборчивое бормотание. Пределы комнаты раздвинулись и исчезли, появилось эхо, с губ заклинателя стали срываться синеватые всполохи в такт шипящим звукам. Огоньки свечей вытянулись и заострились, точно их беспокоил сильный поток воздуха... Изображение на портрете покрылось мелкой рябью, поверхность зеркала искривилась, будто стекло стало жидким, темнота вокруг него сгустилась – и из неё вылепилась постепенно человеческая фигура.

– Отец!.. – порывисто шагнул ей навстречу Нордид. Тём-

ный силуэт качнулся вперед – и юноша вдруг остановился, как вкопанный. – Кто ты? Кто?! – услышали остальные его сдавленный крик.

В руках Нордида блеснула шпага. Он сделал резкий выпад, но шпага выпала из его рук, и с шипеньем растаяла.

– Тезариус... – насмешливо прозвучал в темноте спокойный голос. – И это – *мое настоящее имя*. Я никогда не боялся называть его.

– Проклятый чернодел! – выкрикнул Нордид. – Где мой отец?! Что ты сделал с ним?..

– Боюсь, он мёртв. Но не я послужил тому причиной.

– Врёшь!..

– Тогда спроси в тот день, когда люди разговаривают с духами почивших, – в День Поминовения – спроси у своего умершего дяди: где его брат – среди живых или среди ушедших?

Пока они спорили, агил схватил стоявшую неподалеку каменную вазу и швырнул её в зеркало. Ваза наполовину погрузилась в серебристую поверхность, потом раздался звон осколков, и только спустя несколько мгновений стекло и в самом деле разбилось, рассыпавшись на сотни мельчайших брызг.

– Теперь, колдун, тебе не уйти отсюда! – торжествующе выкрикнул певец.

– Меня это мало беспокоит, – весьма любезно ответил Тезариус. – Но снаружи этого дома я вижу стражу, её привёл

сюда один маленький рыжий хитрец – и пришли они вовсе не за мной... Как вы объясните им всё это?.. – он обвёл рукой комнату, усыпанную осколками стекла, в центре которой красовался портрет: в середине холста зияла теперь огромная дыра с обожжёнными краями.

Не успел он договорить, как раздался сильный треск – то ломали входные двери.

– Гасите свечи! Быстро!.. – велел агил.

Бильям и Юстэс бросились выполнять приказ. Сам же он кинулся к остаткам портрета и, проворно завернув их в тряпье, заметался по комнате, ища, куда бы его припрятать.

– Оставьте всё, как есть, – устало проговорил Нордид, не двигаясь с места

В глубине дома уже раздавались чужие шаги...

Нордид щёлкнул пальцами. В стене открылся потайной проход.

– Уходите!..

Агил и Юстэс рванулись в образовавшийся проём.

В распахнувшиеся двери влетела первая Тень. В её руке полыхнул огненный хлыст – и Нордид упал, пораженный ударом.

Юстэс успел ещё увидеть, как Бильям бросился на помощь упавшему, и вход в потайной лаз сомкнулся...

Оказавшись в крошечной тьме, они бросились назад, но наткнулись на глухую стену.

Разбив руки в кровь о неподатливую каменную кладку,

друзья поняли, что обратной дороги нет.

– Мы им уже не поможем! – с отчаяньем проговорил агил.

Когда в доме Нордида всё утихло, из какого-то укромного угла осторожно вылезло маленькое пузатое создание.

– Вот и славно... – пробормотало оно, оглядев разгромленное в неравной борьбе жилище советника. – Вот и чудно! Да, моя красавица?.. – и нежно погладило пухлыми пальцами ночную бабочку, примостившуюся на рыжей бороде.

– Собаку надобно кормить два раза в день, и особенно хорошо – вечером, чтобы она не вскакивала с воплями среди ночи! – поучал дядя Винки, сидя в Кухне над пивной кружкой и тарелочкой вареных раков.

– Что-то вы не то говорите, – рассудительно заметила тетка Люсильда. – Собака ночью должна караулить, а не дрыхнуть.

Хендря косил блестящим глазом то на одного, то на другого спорщика, и продолжал уплетать из рук Мэрион куски сладкой булки. После булки в ход пошла связка сосисок, вслед за ними в утробе пса исчезла шоколадка, а когда такса принялась за банан, дядя Винки не выдержал...

– Жадина вы, дядюшка!.. – надула губы девочка.

Изгнанный из Кухни пёс, ничтоже сумняшеся через пять минут деловито вернулся обратно, и уселся с самым несчастным видом на верхней ступеньке, гипнотическим взглядом провожая каждый кусок, исчезающий в пасти толстяка. Кон-

чилося тем, что дядя Винки поперхнулся, закашлялся и был вынужден сдаться врагу. Пес невозмутимо процокал коготками по каменному полу, и снова уселся перед Мэрион.

Случалось ли вам наблюдать за этим Ришелье собачьего мира? Если посмотреть на таксу сверху вниз – то перед вами само воплощение вселенской скорби!.. Но возьмите на руки хвостатого хитреца, приподнимите его повыше, держа точно ребенка под руки, и вы обнаружите донельзя довольное существо – безмятежное и умиротворенное. Кротко вздохнув, оно улыбнется вам так, что покажется – в этом мире есть всё-таки те, кому удалось достичь полной гармонии с окружающим...

Хендря, превратившись в собаку, не стал исключением из правил, и перенял все повадки вислоухих обманщиков. Он соорудил такую несчастную физиономию, что Мэрион тут же поддалась на провокацию и снова полезла в холодильник.

– Давай-давай!.. – мрачно буркнул дядюшка. – Может, сдохнет от ожирения... Куда это, кстати, направляется твой отец?.. Ба!.. Да он при полном параде!

В окно был виден идущий по садовой дорожке Виктор фон Гилленхарт. Одетый в безукоризненный фрак, он вышагивал к распахнутым воротам, где ожидал экипаж.

– Корпорация устраивает ежегодное награждение. Лучший менеджер года, – охотно пояснила тетушка Люсильда, с гордостью любуясь на подтянутую фигуру кузена.

– Понятно!.. – небрежно махнул рукой дядюшка. – Оче-

редная раздача слонов.

– При чем здесь слоны?– живо заинтересовалась Рио.

– Ну, так говорят, когда речь идет о какой-нибудь помпезной и ничего не значащей церемонии, – ответил дядя Винки.

– А-а... – разочарованно протянула девочка. Она-то думала и в самом деле!

– Значит, Виктору будет недосуг сегодня выяснять, что же случилось в Обсерватории... – скучающим голосом произнес дядя Винки.

– А что там случилось? – не моргнув и глазом, спросила девочка.

Дядя бросил на неё быстрый испытующий взгляд.

– Да, что там случилось?.. Хотелось бы услышать про это от тебя, ведь вы с сестрой были там.

Мэрион пожалала плечиками:

– Сплошная скука! Весело стало, только когда обнаружили, что кто-то спёр метеорит...

– Мэрион! – сделала строгое лицо тётка Люсильда. – Надо говорить: украд!

– Я бы так и сказала, – рассердилась Мэрион, – если бы его украли. Но его – спёрли! Вот так.

И видя, что тётка намеревается прочитать ей лекцию, девочка подхватила пса и умчалась прочь.

Мэрион слукавила: посещение Обсерватории оказалось весьма занимательным!

Сначала посетителей пригласили наверх, в круглый зал, где был огромнящий телескоп. Тут же выстроилась очередь желающих поглядеть в небо. Мэрион, разумеется, очень удачно оказалась в первых рядах, но её ухватила за локоть старшенькая:

– Ты не забыла, случайно, зачем мы здесь? – прошипела она.

– Да я одним глазком! – заканючила Рио, видя, что ловцы привидений мирно бродят по залу вместе с остальными туристами.

Но пока сестры препирались, парни куда-то незаметно исчезли.

– Вот видишь! – разозлилась Зануда. – Где теперь их искать?

Из круглого зала, где они находились, вели две двери.

– Давай: ты – туда, а я – сюда! – с важным видом командовала младшая.

– Почему? – вдруг озадачилась старшая.

– А какая теперь разница? – дерзко ответила Мэрион. И по-своему она была права.

Не дожидаясь, пока сестра придумает, что ответить, девочка ринулась вперёд. Выскочив в коридор, Рио обнаружила ещё несколько металлических дверей. Приложила ухо к одной из них, подергала за ручку – ничего. Вторая дверь тоже хранила молчание. Третья неожиданно поддалась: высокие скучные стеллажи, заваленные канцелярскими папками,

столы, где над бумагами с непонятными цифрами нудно мигали мониторы. В углу мирно гудели какие-то приборы.

– Что хорошего быть учёным?.. – подумала вслух Рио, подойдя к ближайшему столу и разглядывая унылую комнату. Её маленькие пальчики тем временем забарабанили по столешнице, гадая: а не нажать ли какую кнопочку? – Паришь-ся-паришь-ся над учебниками, пока не облысеешь, – продолжала она сама с собой. – Нет, я лучше стану певицей... Нана-фа-фа!.. – и немилосердно гнусава, изобразила соло на невидимой гитаре.

Но пальцам её было вовсе не интересно упражняться вхолостую – и шаловливый мизинчик на последнем аккорде взял да и ткнул куда-то. Так, между прочим... И ничего не произошло.

Только стеллажи посреди комнаты вдруг стали прозрачными, а потом и вовсе исчезли. На их месте в полу образовался световой конус, расходящийся кверху.

Несколько секунд Мэрион глубокомысленно взирала на дело рук своих, потом сообразила, что ей, пожалуй, пора...

В этот момент по всем законам криминального жанра в коридоре послышались голоса. Недолго думая, девочка пригнулась и заползла в щель между столами. Голоса проследовали мимо, но не успела она обрадоваться, как конус слегка загудел и его свечение изменилось. Мэрион с перепугу снова юркнула в свое убежище.

– И вообще... – пропыхтела она, когда минут через де-

сять из-за неудобной позы у неё затекли ноги. – Нечего двери оставлять открытыми! А то распахнули: заходи, ребёнок, пожалуйста!.. Ну, ребёнок и зашел... – с этими словами она выползла наружу.

Световой конус в центре комнаты был теперь похож на маленький вращающийся смерч.

– Интересненько!.. – пробормотала Мэрион свою любимую присказку.

Подойдя ближе, девочка почувствовала, что от конуса веет холодом. Движение воздуха в комнате усилилось, и она вдруг поняла, что не может вернуться назад – к двери: её за­тягивало в самый эпицентр вращения...

Девочка стремительно понеслась сквозь холодную пустоту – навстречу темноте, где мерцали тусклые частые огоньки. Потом раздался такой звук, точно она со всего размаху шлепнулась в воду, и...

И был вечер – запах прелой травы, сырость, – то ли весна, то ли осень...

И была река – грязный берег, в тёмных водах – отражения сотен огней... Серое шевелящееся месиво – толпа...

И ожидание – нетерпеливое, жадное, сладострастное...

И сновали по тёмной воде торопливые лодки. Одна, длиннее прочих, выгрузила пригоршню ярких людей-самоцветов... «Филипп!.. Филипп!» – зашелестело в толпе.

И была ещё лодка – полная солдат, – и два старика в чудных бумажных колпаках...

И были хмурые лучники, и огромная – до небес – гряда хвороста... И пара унылых, нелепых столбов – зачем?.. для чего?

И был потом – костёр... Удушливый, едкий дым... И проклятье...

И стон толпы...

И обугленная рука – перстом в звёзды...

...Она даже не успела испугаться того, что случилось с ней. Живые люди на её глазах обратились в пепел – она видела, как они кричали!.. Хуже – только телевизор!.. Неведомое чувство разрывало её маленькое сердце, и она не знала ему названия. Слезы застилали глаза, она побрела куда-то, спотыкаясь... Чья-то рука легла ей на плечо:

– Зря ты сюда забралась, дитя. Негоже такое видеть.

Перед нею стоял... отец Себастьян. Мэрион только и смогла, что всхлипнуть в ответ.

Он покачал головой и положил ладони ей на лоб. Тёплое облако окутало её голову, стало хорошо, свободно...

Потом они вдруг очутились в какой-то башне – много-много ступенек, уводящих вверх, и больше ничего. Они стали подниматься выше и выше, – в проломах стен виднелась сверкающая морская гладь, – пока не добрались до площадки на вершине... Там валялась ржавая цепь. Она задела её ногой, цепь печально звякнула. Видно было далеко-далеко – и только море... Лишь в одном месте она заметила что-то вроде арки, вздымающейся прямо из воды – пенные буру-

ны подтягивали к арке парусник. Но отец Себастьян подвел её к краю и ...

... и яркий свет шумного зала почему-то очень удивил её. Мэрион показалось, будто она только что проснулась – и отчего-то проснулась не дома. Потом вспомнила, что вместе с сестрой приехала сюда. А зачем, позвольте, они сюда приехали?... Ах, да! Ловить привидение. Или ловить тех, кто его ловит?... Думалось ей почему-то с трудом, и она совсем запуталась, – и рассердилась непонятно на кого. Тут под руку попала старшая.

– Поехали домой! – буркнула Мэрион. – У меня снова живот болит. И голова. И вообще!

– Привет! – удивилась Зануда. – А как же... – но, поглядев внимательно на сестру, замолчала и покорно развернулась к выходу.

Среди посетителей тем временем началось какое-то волнение.

– Что случилось? – спрашивали одни.

– Метеорит украли! – радостно объясняли другие.

В центре зала, где были расставлены экспонаты музея Обсерватории – всякие там разные штучки, – образовалась давка: всем было интересно взглянуть на то место, где только что лежал под стеклянным колпаком небесный камень. Теперь там ничего не было... Стеклянный колпак между тем остался цел и невредим. Больше всего суетились «очкарики», как в городе именовали в шутку работников станции.

– Дорогой, наверное! – посочувствовала Рио, ощутив лёгкий укол ревности: камушек ей тоже очень приглянулся – классно иметь такую штуку!

– Идёмте скорее! – перед ними как черт из табакерки возник Макс Линд. Он выглядел очень озабоченным.

– Да мы уже уходим! – сказала Рио, притормаживая, ей было интересно: обнаружат вора или нет?

Но взвыла сирена и Линд, подхватив девиц под руки, почти насильно потащил их наружу. Они промчались по лестнице и выскочили на улицу. Не особо церемонясь, Линд чуть ли не пинками загнал своих подопечных в машину, и обиженно взвизгнув тормозами, автомобиль вылетел на шоссе.

– Что это мы так торопимся?.. – подозрительно проскрипела Мэрион старческим голосом, копируя интонации тётки Люсильды.

Вместо ответа Линд молча ткнул большим пальцем назад. Сёстры дружно обернулись: здание Обсерватории медленно таяло в воздухе...

– Ого! – присвистнула Рио. – А как же... Как же...

Вцепившись одной рукой в руль, – машину отчего-то сильно кидало в стороны, – журналист другой рукой достал что-то из кармана рубашки и протянул ей: на его раскрытой ладони лежали два деревянных человечка грубой работы. В лицах кукол легко угадывались черты их загадочных постояльцев.

– Эти, что ли? – спросил Борода. – Так они в полном по-

рядке!..

Мэрион не стала пересказывать дядюшке подробности вчерашней экскурсии. После истории со скиссором – когда они вместе с Кагглой очутились в картине – он постоянно шпионил за ней. Это ей очень не нравилось: тоже мне папарацци!.

Во дворе ждал Толстяк Дю. Захлебываясь от возбуждения, Мэрион торопливо пересказала ему свои приключения.

– А что, у нас в городе была Обсерватория? – невозмутимо уточнил Толстяк, когда она умолкла. Мэрион в изумлении вытаращилась на него во все глаза. – Ладно, шучу!.. – поспешно успокоил он, видя, что она набирает в грудь воздуха. – Что же: всё ясно, – голос у него был как у доктора, закончившего осмотр надоедливового больного. – Это была воронка, ты в неё попала. Теперь её нет.

– Воронка?..

– Назови это, если хочешь, провалом. Во времени... Скорее всего, ты видела казнь Жана де Молэ. Последнего Магистра ордена тамплиеров. Он и в самом деле проклял своего убийцу – короля Филиппа Красивого, и тот умер почти сразу после казни. Разгром ордена фактически положил конец эпохе рыцарей, – добавил он профессорским тоном. – Настоящих рыцарей.

– А ты откуда знаешь?

– Книжки надо читать!

– Умный ты, прям стукнуть хочется... А зачем он его?

– Денег не хватало. Обычное дело.

– А... а какое сегодня число? – хитро прищурившись, быстро спросила девочка. Толстяк назвал.

– Правильно, – с некоторым разочарованием кивнула Рио. – А... как меня зовут?

– Ты что заболела? – опешил приятель.

– А вот и нет! Я – Мэрион фон Гилленхарт, а не какая-то там «тычто»!

Толстяк вздохнул и молча покрутил пальцем у виска.

– Ладно! – звонко рассмеялась Мэрион. – Я просто проверяла: может, я вернулась *не туда*? Пойдем-ка навестим отца Себастьяна. Надо бы задать ему пару вопросиков... – и ребята отправились на Холмы.

В Замке тем временем накрывали к чаю. Чаёвничать решено было в летней беседке, что обычно устраивалось по особо примечательным поводам, а повод тому нашёлся: вернулась Орфа.

Сначала были радостные охи-ахи, – особенно радовалась старая хозяйка! – потом расспросы: что да как? Потом опять ахи-охи... Потом решили попить чаю. По-праздничному.

Но впечатление от приезда служанки было смазано одним забавным происшествием.

– Что это там за шум?.. – спросила Бабушка, едва домо-чадцы расселись за столом.

Все прислушались.

С улицы доносились приближающиеся глухие удары: туп-туп!..

– Кто-то топает, – любезно объяснила тётка Миранда.

– Это я и сама слышу! – занервничала бабуля. Чашки и блюда на столе тонко задребезжали, подпрыгивая. Бабушка торопливо прихлопнула свою чашку высохшей рукой: – Хотелось бы знать, кто?..

Дядя Винки проворно поднялся с места и выглянул из беседки:

– Виктор вернулся.

К воротам подъехал экипаж. Сзади кареты, возвышаясь над каменным забором, виднелась лохматая спина с большими ушами. Из кареты вышел ужасно смущенный Папа. Домашние высыпали ему навстречу.

– Ничего не хочешь нам объяснить? – осведомилась Бабушка.

Папа откашлялся:

– Это... Этот чудесный слоник... Словом, он будет жить у нас... – и заискивающе улыбнулся.

В ответ на его слова, животное вдвинулось на полкорпуса в ворота, и меланхолично принялось жевать верхушку ближайшего дерева. Дуния на всякий случай взяла топор наизготовку.

– Слоник?! – ядовито переспросила Бабушка.

– Ой! – восхищенно пискнул кто-то из тётушек. – У него

крылышки!

На спине у мохнатика топорщились маленькие смешные крылья, наподобие лебединых.

– Это всё вы виноваты! – накинулась тётка Люсильда на дядю Винки. – «Раздача слонов»!.. «Раздача слонов»! Натё вам, пожалуйста! Накаркали!..

– Сначала он был просто статуэткой, – спохватившись, принялся оправдываться отец. – Корпоративное жюри признало меня лучшим топ-менеджером года...

– Поздравляем! – парировала Бабушка. – Но в дом я его не пущу!

– Надо же!.. – хихикнул Красавчик. – Это наша-то гостеприимная бабуля – и вдруг отказывает непрошеным гостям!

При этих словах некоторые из постояльцев почувствовали себя несколько неловко.

– Он вполне может пожить в саду... – попытался Папа погасить разгорающийся скандал.

– Не может! – категорично отрезала старуха.

– Куда же его на ночь глядя?

Слон отпустил объеденную ветку, дерево с шумом распрямилось. Животное огляделось и задумчиво уставилось на любимые Бабушкины розы.

– Но-но!!! – предостерегающе возмутилась бабуся.

Слон медленно шагнул вперёд. Бабушка попятилась. Слон сделал ещё шаг... И тут откуда-то вылетел Хендря. Нимало не смутившись размером противника, он подскочил к

нему и залился визгливым лаем.

Слон сдал назад, испуганно замахал потешными крыльями, и вдруг тяжело поднялся в воздух. Медленно-медленно перелетев через каменную ограду, он постепенно растаял в небе.

– Слава богу!.. – облегченно вздохнули обитатели Замка.

Особенно, кстати, радовался несостоявшийся владелец крылатого «чуда». Но радость его была преждевременной.

На рассвете в спальне родителей раздался долгий телефонный звонок.

– Я всё понимаю, дружище, – просипел в трубку раздражённый голос комиссара полиции. – Но тебе придётся с этим что-то сделать!

– М-м... что такое? – не открывая глаз, сонно промычал Папа.

– Летающий слон – это, конечно, здорово, – продолжал сипеть Шеридан, – дети и туристы пищат от восторга... Но, понимаешь, – и он понизил голос, – ведь эта птичка гадит! Прямо сверху... А слон, извини, не воробушек!..

Суматоха с вторжением слона обошла Мэрион стороной. Она вообще узнала о его существовании лишь в финале этой истории. Потому что с того вечера все события стали разворачиваться слишком стремительно, чтобы успевать следить за подобными мелочами.

Поднявшись в тот день на Холмы, ребята прошли через

сад прямо к церковной ограде. Но отца Себастьяна в храме не оказалось. Тогда они обошли кругом и вышли к маленькой постройке, что уютилась в самой глубине сада, – там священник хранил свою библиотеку, занимался богословскими трудами, отдыхал иногда между службами.

Окна домика были распахнуты.

Оттуда доносились голоса. Они уже собирались войти, но Мэрион сказала:

– Не хочу спрашивать его о вчерашнем при посторонних! Давай обождём, пока он останется один.

Толстяк согласился. Ему вообще было лень что-либо делать – долгая дорога, жара... Мальчишку разморило, и он с удовольствием посидел бы на травке в саду.

– Можно яблок нарвать пока, – предложил он. – Некоторые уже почти спелые...

Но Рио, застыв, точно собака в охотничьей позе, приложила палец к губам.

– Сам жуй свою кислятину! – шепотом отказалась она и, согнувшись, прокралась под окно.

Прислонившись к прохладной стене, она вся обратилась в слух. Толстяк вздохнул и, бухнувшись на четвереньки, проворно подполз к ней.

– Они явно готовили вторжение... – говорил отец Себастьян. – Мне пришлось закрыть канал...

– Хранители Времени? Вторжение?.. – усмехнулся очень знакомый им голос. – Они стояли здесь форпостом на страже

Провала, так же как и Смотрители у Ворот города. Вы уни-чтожили их базу! Спрашивается: зачем?.. Впрочем, я дога-дываюсь. Кстати, *куда вы дели камень?*..

– Камень я спрятал. Я слишком долго искал его, и слиш-ком многим пожертвовал, чтобы найти! Потому будет труд-но убедить меня отдать его! – горячился священник. – Разве только вы объясните, зачем они открыли проход?

– Они сделали это по *моей* просьбе... – сухо и жёстко от-вечал голос.

– Но зачем?!

– Так нужно! – отрезал собеседник.

Потом была долгая пауза. Ребятишки, затаив дыхание, сторали от нетерпения, гадая, что же там происходит.

Затем голос сказал:

– И теперь я знаю – *кто*...

– И *кто же*? – сорвавшимся голосом спросил священник.

И снова – пауза, точно собеседник наслаждался его нетер-пением.

– Кто?! – почти простонал отец Себастьян.

– Палач...

И на колокольне вдруг ударил колокол.

Когда маленькие шпионы поняли по доносившимся зву-кам, что гость священника уходит, они опрометью бросились в ближайшие заросли. Дверь медленно приоткрылась... Но никто не вышел. Потом дверь сама собой закрылась.

Они просидели в кустах с полчаса, и Рио не вытерпела:

– Идём! – подтолкнула она Толстяка. – Что мы прячемся, в самом деле! Сделаем вид, будто только пришли! – и первая полезла обратно.

Наскоро отряхнувшись и придав лицам постное выражение, они поднялись на крыльцо и, постучавшись, вошли.

В доме было тихо и прохладно. Спокойно тикали настенные часы. Где-то у окна жужжала пчела. Свистали птицы. В распахнутое окно смотрелся сад, дальше – зеленела долина, опоясанная синей дугой реки... Над долиной зарождался вечер – тихий, хрустальный, – прекрасный, как все летние вечера, напоенный таким умиротворением, такой благодатью!

Освещенный угасающими лучами, отец Себастьян сидел у окна, словно хотел насладиться заходом солнца.

Жаль только, что у него не было головы, – закат был воистину великолепен!

Агил и Гилленхарт долго двигались вслепую – кругом была кромешная тьма. Потом потайной ход стал уже: теперь их плечи касались стен. Постепенно он сузился настолько, что они с трудом протискивались вперед.

– Мы здесь застрянем, как крысы в мышеловке! – выдохнул Юстэс.

– Тут нам и конец будет! – поддакнул агил. – Да только это лучше, чем попасть в сети Теней!

Через несколько шагов идти стало невозможно. Юстэс

протянул руку: тупик...

– Ход кончился, где же выход?

– Ловушка? – предположил агил. – Вернёмся?

Юстэс задрал голову – далеко-далеко вверху светилось белое пятно. Упираясь руками, ногами и спиной в стены – путь вверх тоже был узок, но теперь это обстоятельство играло им на руку, – друзья стали карабкаться вверх.

Поднявшись, они очутились на скале. В тёмных небесах висела золотая монета луны – она-то и указала им путь. Внизу шевелилось, мерно и тяжело вздыхая, море.

– Куда нас занесло? – пробурчал агил. – Чудной, осторожнее, а то навернёшься в воду! Тут, сдаётся мне, высоко!

– Я вижу свет... – неуверенно сказал Юстэс.

– Где? – удивился его спутник. – Да где же?

– Иди за мной! – приказал Гилленхарт: он-то ясно видел впереди что-то светлое.

– Но я ничего не вижу! – заупрямился агил.

С каждым шагом свет разливался все сильнее, а его товарищ продолжает сетовать, что по-прежнему ничего не видит!.. Его голос становился все глуше, словно отдаваясь, а потом и вовсе пропал. Но Гилленхарт упрямо двигался вперед, как зачарованный, и вдруг в кругу лунного света перед ним на каменном троне возник тот, кого они вызвали из Тёмной Башни вместо отца Нордида.

– Сядь... – приказал он и, повинуясь едва заметному движению его пальцев, перед Юстэсом появился каменный куб.

Юноша опустился на камень, и почувствовал, как его покинули последние силы – куб словно сковал его волю.

Тезариус молча разглядывал сидящего перед ним человека.

– Мирта не ошиблась: в этот раз брат Або выбрал крепкого бойца, – задумчиво произнес он. – Никто *прежде* не добирался до Акры. Кто же помог тебе?

– Не... знаю, о чём ты говоришь... – еле ворочая языком, проговорил юноша. Каждый слог давался ему с превеликим трудом.

Вместо ответа, Тезариус нахмурился и протянул к нему руку. Над головой Юстэса возникло бледное сияние. Делая пассы, чародей переместил это сияние так, чтобы оно оказалось между ними. Юстэс почувствовал дикую боль в голове.

– Сейчас посмотрим! – пообещал Тезариус.

Перед глазами юноши понеслись призрачные картины его долгого пути: вот они с монахом сжигают тело несчастного Якоба... Вот он скитается по пустыне... Гибель каравана... Морской шторм... Пиратский корабль... Скелет с мечом в руке...

Когда сияние погасло, Тезариус долго молчал, глубоко задумавшись.

– Где свиток с заклинанием, что дал тебе монах? – спросил он наконец.

– Его больше нет.

– Неужели? – Тезариус поднялся с места, и подойдя к

нему, сорвал с его шеи вновь невесть откуда взявшийся кожаный мешочек. В нём оказался знакомый уже Юстэсу кусок пергамента. Но юноша почему-то не удивился. Чернодел пробежал свиток глазами. Его лицо озарилось мрачной радостью: – Вот как? Ха-ха!.. Это мне на руку! – он закружился по каменной поляне, что-то вполголоса бормоча и жестикулируя. Потом остановился перед Гилленхартом и хлопнул в ладоши. Юстэс тотчас пришел в себя. – Само провидение послало тебя! – проговорил колдун. – *Они* хотят использовать предсказание о белом и чёрном рыцаре... Я им помогу!

– Что тебе нужно от меня? – с вызовом спросил юноша.

– Этот мир издавна принадлежал моему народу – и народу Вальгессты, – заговорил чародей нараспев, словно читая текст по книге. – Племя Вальгессты – древняя, ныне почти вымершая раса. В те времена, когда сюда пришли мы, их было уже очень мало, но ведомо им было многое!

Они в совершенстве владели искусством претворения в жизнь своих желаний: силой мысли сдвигали с места горы, обращали вспять реки, разжигали огонь, оживляли умерших... Мы называли это колдовством и почитали их за богов. Постепенно мы стали их рабами... Они относились к нам свысока, но некоторые из них, нарушая все запреты, брали потихоньку самых смышленных из низших, и обучали азам своего мастерства. Кое-кому из этих учеников удалось достичь небывалых высот, и они, в свою очередь, посвящали других. Нескоро, но мы сделались намного сильнее и могу-

щественнее, чем прежде. Боги стали нам не нужны.

Последние из *настоящих* вальгесстов укрылись где-то в недоступных местах – изредка они ещё являются нам, но очень редко... Мирные времена сменялись периодами раздоров, единый народ распался на множество племён, общий язык – на множество наречий. Одно из племён до сих пор носит имя исчезнувшей расы Древних, но между ними и истинными вальгесстами – огромная пропасть.

Потом пришли *чужие*...

Так под лучами Зелёного Солнца появилось небольшое, но сплоченное племя Людей. Чужаки были сильны и агрессивны, их вождь Ахайя знал многое из того, что было доступно лишь сильнейшим. Они сильно потеснили настоящих хозяев этого мира – и Белоглазым, как они презрительно называли нас, – пришлось уступить. Люди отвоевали себе земли в дельте Великой реки, но этого им показалось мало, и они двинулись на запад, – к горам. Воины Ахайи вытеснили Белоглазых к Побережью. Уцелели немногие. Погрузив женщин и детей на корабли, остатки племени Белоглазых бежали за море.

Тезариус замолчал, а когда он снова заговорил, в его глазах вспыхнули багровые огоньки:

– И вот представился подходящий случай отомстить и тем и другим! – почти промурлыкал он.

Держа в руках пергамент, исписанный монахом, он длинным острым ногтем что-то подправил на нём.

В небе вспыхнула длинная молния...

Чародей повел рукой: сбоку от него на каменном выступе появились маленькие фигурки. Скрестив руки на груди, Тезариус в задумчивости уставился на них. Юстэс подошел ближе: это были скульптурные деревянные изображения разных существ – одни смахивали на людей, другие – на животных, третьи – и вовсе какие-то диковинные.

– Узнаёшь? – спросил чародей, показывая ему одну фигурку чёрного дерева.

– Али?! – удивился юноша, взглядевшись.

– А это? – спросил колдун, снимая с каменной полки что-то, отдаленно напоминающее птицу. Юстэс напрягся, припоминая: да... что-то ведь было такое?

– Ты был совсем ещё мальчишкой... – подсказал колдун. – Чёрная птица... Огромная чёрная птица приземлилась вечером на твое окно – в комнате, где вы спали с братьями. Была зима, вы спали все на одном огромном соломенном тюфяке, чтобы согреться, – Гилленхарты, кроме пышного титула да маленькой крепостёнки, не имели ничего за душой, – и птица клюнула тебя в голову. И с тех пор тебе снятся странные сны. Не из-за них ли тебе вздумалось покинуть отчий дом?

– Там была ещё одна история... – уклончиво ответил юноша.

– Да! – осклабился Тезариус. – С женой твоего старшего брата. Она, кстати, родила девочку.

Юстэс вспыхнул до корней волос.

– Аньес?.. Девчонку? – пробормотал он.

– Мы отвлеклись, – сварливо заметил чародей. Снова повернувшись к своим фигуркам, он запорхал над ними пальцами, о чем-то размышляя. – Эту?.. Не-ет! Это нам не подойдет... Тогда... Нет... – наконец, он протянул юноше большую конскую бабку: – Держи-ка!..

Гилленхарт машинально взял её.

Откуда-то из складок своих одежд колдун извлек песочные часы, только вместо песка в них были голубоватые светящиеся снежинки. Поставил часы рядом с фигурками, отошёл чуть назад, полюбовался на медленный танец снежинок, потом обернулся к юноше и проговорил, тая в воздухе:

– Время пошло... Не успеешь – пеняй на себя!.. Восставший мертвец даст тебе оружие. Им ты сразишь того, кто разделяет с тобою вино из одного кубка! Прощай, человечек!..

Пустота разразилась громовым хохотом, и налетевший вихрь сбил юношу с ног и поволок в темноту...

Юстэс очнулся от раскатов грома. Кругом по-прежнему была ночь... Выл ураганный ветер, норовя сбросить людей со скалы в бушующее море. Сквозь стремительно несущиеся рваные облака нехорошо усмехался мёртвый глаз луны.

– Чудной, мы погибнем здесь!.. – голос агила едва перекрывал рёв шторма.

Но Юстэс не успел ему ответить. Снова ударила молния, и расколола скалу надвое. Огромные глыбы полетели вниз – в пасть беснующихся волн. Вдогонку грянул гром – и они на

несколько долгих мгновений оглохли.

Юстэс почувствовал что-то в своей руке. Подарок колдунана!.. Он сердито отшвырнул ненужную кость – и, ударившись о землю, она в тот же миг обернулась огромным жеребцом.

– Держись!.. – взлетая в седло, крикнул Юстэс. Агил в одно мгновение оказался рядом с ним – и чёрный скакун прыгнул прямо в бездну, унося их прочь от плавающих камней.

И неминуемо сгнули бы в ревущих глубинах и конь, и его седоки, но плащ Юстэса превратился в тугие белые крылья – и ветер понёс их к луне...

...Ночью – выюга, потом всё стихло, обессилевший ветер уснул среди печных труб. Из просветов белесых облаков робко выглянуло солнце, – снег тотчас вспыхнул мириадами алмазных бликов. Тогда, успокоившись, солнышко осмелело, поднялось повыше, – вот вам и новое утро!..

Каггла проснулась, но вставать не хотелось, и она нежилась в постели, размышляя, как убить очередной день. В камине потрескивали дрова. На столе сиял влажными лепестками огромнейший букет свежих роз, – она сама вчера нарисовала его. Теперь цветы ожили и благоухали на всю спальню.

Протянув руку, она нашарила серебряный колокольчик.

– Что бы такого сегодня придумать? – спросила, зевая, у появившегося на зов слуги.

– Можно устроить бал...

– Скучно! – поморщилась Каггла.

– Катание на лошадях, каток, ледяные горки, – перечислял Заяц.

– Нет!.. – капризно отвечала хозяйка.

За время пребывания в зачарованном замке все эти невинные забавы успели ей наскучить, равно как и большинство гостей, посещавших её.

– Охота? – продолжал слуга.

– Фу-у!

– *Настоящая* охота! – вкрадчиво добавил Пьеттро.

Она внимательно посмотрела на него. Человечьи глаза слуги светились звериной хитростью.

– Настоящая? И на кого же?

– У госпожи – богатая фантазия, – уклончиво отвечал он. – Всякое можно придумать.

Каггла перевела взгляд на букет роз.

– Именно об этом я и говорю! – мурлыкнул Пьеттро.

– Кофе, ванну и всё для работы! – властно распорядилась хозяйка, вскакивая с постели.

Утренняя лень и скука тотчас исчезли: новая идея захватила её без остатка, подобно тому, как огонь охватывает стог сухой травы.

Она отказалась завтракать в столовой, где Заяц собирался накрыть как обычно.

– Не нужно мне этих твоих церемоний! – отмахнулась она в ответ на возражения дворецкого.

Наскоро, обжигаясь, проглотила чашку кофе прямо на Кухне, и полетела в Западную башню, где под самой крышей устроила себе с недавних пор мастерскую. Холст и краски уже ожидали её, но стоило взять в руки кисть, как возбуждение тотчас угасло. Образы, роem теснившиеся в голове, разом куда-то исчезли.

– Что за напасть!.. – воскликнула она в сердцах, ломая кисти одну за другой. Промучившись ещё с час, но так и не притронувшись к холсту, она подскочила к окну и распахнула тяжёлые ставни. В лицо ударил морозный ветер. Она оперлась руками о подоконник, глубоко вдохнула...

– *Настоящая охота...* – раздался сзади тихий голос. – *На настоящего зверя...*

Она быстро обернулась, но в комнате кроме неё никого не было.

– Пьеттро?

Тишина...

Зябко потирая руки, она неуверенно вернулась к мольберту. Но комната была такая светлая, а за окном лежала такая красивая заснеженная равнина, что страх постепенно прошёл.

Ею овладело странное чувство, будто кто-то другой водит её рукою – и она подчинилась, полностью отдавшись во власть давно забытого ощущения, которое раньше всегда охватывало её в такие минуты: реальный мир исчез, и она осталась один на один со своими фантазиями.

Чудовища, одно другого причудливее, рождались по мановению её кисти. Они заполнили почти весь холст, но она не останавливалась, забыв обо всём... Погрузившись в некий мистический транс, она не видела того, что рождало её изображение. Перед её внутренним взором проносились совсем другие видения: вот воины, закованные в латы, сходятся в кровавой сече, и горит земля у них под ногами, пылают леса и нивы... распятые в пыли мёртвые, растоптанные чужими конями... И огромный костёр – и пылающий старец, и другой – торжествующий, хохочущий, – о, какие страшные у него глаза!.. И голос: *«Пусть сны твои станут явью!..»*

Рядом бесшумно возник Пьеттро с подносом.

– Пора подкрепиться, госпожа!

Каггла машинально взяла услужливо подставленный бокал. Тягучая, сладковатая жидкость...

– Что это?

– Сок, госпожа.

– Что *это*? – почти закричала она, вглядываясь в свой рисунок.

Но Пьеттро взял её за локоть:

– Успокойтесь, госпожа! Вам нужно отдохнуть.

Она почувствовала, как её охватывает внезапная страшная сонливость и апатия.

– Да, – вяло согласилась она, позволяя увлечь себя прочь. – Да... Я устала.

Они вышли. Дверь захлопнулась. Твари на холсте зашеве-

лились...

– Как хотите, господин Гилленхарт, но Центральная площадь должна быть убрана! – кипел Рэг Шеридан. – Виданное ли дело! Послезавтра – открытие Летнего карнавала, приезжает сам глава Корпорации «Каролина», а тут такое!.. Нечего сказать, хорошо ваш слоник порезвился!.. Да отстань от меня, зараза! – последние слова относились уже к Хендре, который упорно пытался растерзать штанину форменных брюк комиссара.

– Рр-р-га-рга! – нагло отвечал Хендря, не разжимая челюстей.

– Фу!.. – попытался исправить ситуацию Папа. Но Хендря и ему ответил неласково.

Тогда Папа решил применить силу и потянул пса за ошейник. Штанина комиссара затрещала и разъехалась пополам до середины икры.

– Спасибо, Виктор! – с чувством произнес Шеридан, разглядывая свою волосатую ногу, появившуюся из прорехи, так, словно впервые увидел её.

– Извини...те, господин комиссар... – пробормотал Гилленхарт.

– Папа!.. – влетела в комнату Мэрион.

– Сейчас же забери свою собаку! – перебил её отец.

– Папа! – не слушая его, затарахтела дочь. – Там к тебе какие-то люди!

– Сейчас спущусь... Только не говори, что к нам пожаловала очередная тётушка!

Но четверо, что ожидали в холле, вовсе не походили на дальних родственников. Одного из них отец знал – он работал в службе безопасности Корпорации. Трое других были ему незнакомы.

– Доброе утро, господин Гилленхарт! – поздоровался работник службы безопасности. – Надеюсь, что для вас оно таковым и окажется.

– В чем дело? – удивился Папа.

– Вам придётся проехать с нами, – процедил сквозь зубы один из незнакомцев. – Мы хотим задать несколько вопросов. Это не займет много времени.

– Тогда почему бы нам не побеседовать в моем кабинете?

– Не спорьте с ними, господин Гилленхарт, – мягко возразил его коллега. – Всё очень серьезно.

Совершенно сбитый с толку, Папа молча вышел с ними на улицу, где за Воротами ожидал чёрный автомобиль с тонированными стеклами.

– Мне кажется, случилось что-то очень нехорошее ... – проговорила Бабушка, глядя в окно, как автомобиль заворачивает за угол.

– Ах, бросьте!.. – беспечно отозвалась Мама. – Так у них всегда перед Карнавалом, тем более что приезжает сам Кагицу Торокара!

– Кто это? – машинально переспросила старуха, не отры-

вая взгляда от окна.

– О, это же глава и владелец Корпорации!

Отец вернулся довольно скоро. Он был бледен и беспрестанно потирал рукой левую половину груди.

– Ты не забыл, что мы сегодня приглашены? – капризно напомнила Мама, не замечая его состояния.

Зато Бабушка сразу спросила:

– Что стряслось?!

– Орфа, милая, – не отвечая ей, обратился Папа к служанке, – сделай мне чаю – и пару таблеток ... ну, сама догадайся каких.

Орфа тут же бросилась исполнять его просьбу.

– Что случилось? – настойчиво повторила Бабушка.

Отец медленно опустился в кресло.

– Со счетов нашего отделения Корпорации исчезла очень внушительная сумма. Служба безопасности установила, что взлом системы произошел с моего компьютера и под моим паролем.

– Но они хотя бы понимают всю абсурдность подобного обвинения? – вскипела Мама.

– Разумеется... – слабо улыбнулся отец. – Потому-то я и вернулся. Пока официально мне предъявлено только обвинение в служебной халатности. Но даже если истинный виновник будет найден, работу я потеряю: Торокара не прощает ошибок.

Новость быстро облетела весь Замок, и к обеду некоторые

из постояльцев потянулись к выходу с чемоданами.

– Крысы бегут с тонущего корабля! – презрительно фыр-
кал дядя Винки.

Среди отъезжающих неожиданно оказался и Красавчик.

– А ты-то куда? – удивилась Зануда.

– Начинаю новую жизнь! – улыбнулся он. Улыбка полу-
чилась наигранной.

– Удачи!.. – презрительно пожелала кузина.

Насвистывая, юноша торопливо сбежал по ступенькам па-
радного. Из боковой аллеи сада навстречу ему вышла чер-
новолосая женщина. Он сделал вид, будто не заметил её, но
она загородила ему дорогу.

– Вижу, воспользовался моим советом? – спросила она.

– О чём это ты?.. – сделал удивлённое лицо Красавчик.

– О той маленькой бумажечке с цифрами, что давала тебе.

– Не помню...

– Не помнишь? Ладно... – она отступила в сторону. – Про-
щай!

Едва он прошел мимо, как она щелкнула пальцами, и юно-
ша бездыханным упал на дорожку. Воровато оглянувшись по
сторонам, ведьма быстро склонилась над ним и, прошептав
заклинание, положила ладонь ему на грудь. Там тотчас об-
разовалась широкая рана, в глубине которой пульсировало
сердце. Быстрым движением ведьма вырвала этот трепещу-
щий комочек и с наслаждением вонзила в него зубы. Упра-
вившись с кровавым лакомством, она вытерла губы, и снова

щёлкнула пальцами: лежащий у её ног человек разом превратился в маленькую деревянную фигурку. Она подобрала деревяшку и сунула в карман.

– Новая жизнь, говоришь?.. – и стеклянный смех бусинами рассыпался по саду.

...Конь Тезариуса вынес летучих всадников из бури, но ветер зашвырнул их далеко от побережья: к Белым скалам.

– Говорят, эти скалы не что иное, как зубы Первого Дракона... – сказал агил, когда измученные, они остановились, наконец, на привал. – Спасибо твоему коню, что мы не разбились об них в темноте! Откуда он вдруг взялся?.. – Юстэс поведал агилу о встрече с Тезариусом. – Полно!.. – усомнился приятель. – Да было ли это взаправду?.. Тезариус... Говорят, он давно сгинул! Тебе, верно, померещилось там, на скале. Ты ведь на самом деле был всё время рядом со мной!

– А конь тогда откуда?.. – на это агилу нечего было возразить.

Юстэс оглядел острые рваные каменные пики: они и впрямь напоминали клыки сказочного чудовища.

– Чьи это земли? – спросил он.

– Когда-то здесь было много людских поселений – мимо Белых скал проходил большой караванный путь. Потом Люди поссорились с местными гномами, и те ушли из этих мест. Их подземелья тотчас заняли выползни – и прости-прощай урожай! Эти гигантские черви необычайно прожорливы и

плодовиты... Кто-то посоветовал крестьянам завести скиссоров, чтобы они охотились на вредителей, но, истребив чёртово отродье, скиссоры принялись за своих хозяев.

– Скиссоры?..

– Такие здоровые летучие твари... Смахивают на кузнечиков с длинными когтистыми птичьими лапами. Еще у них есть огромный клюв, коим они разбивают головы своим жертвам.

Юстэсу припомнился погибший Бекет: сдаётся, бедняга попался в лапы к такой же зверюге... Но приятелям повезло: они добрались до ближайшего селения без приключений. Там агил заработал пением немного денег, и друзья, изрядно оголодавшие за время пути, отправились в местную харчевню.

Каково же было изумление Гилленхарта, когда в толстом трактирщике он узнал... Харди!

– Как ты здесь очутился? – спросил он, когда поутихли шумные возгласы радостного взаимного удивления.

– А я тогда дунул прямо в лес... Ну, когда в нас посыпались стрелы, и отсиделся до рассвета. Потом побрёл, куда глаза глядят. Споткнулся, скатился в какой-то овраг, стал выбираться – гляжу, деревня!.. Так тут и остался... – объяснил толстяк, оглядываясь на красивую, дородную бабу, зорко наблюдающую за ними из-за стойки. – Жинка моя... – смущенно и горделиво пояснил он.

Выяснилось, что кроме «жинки» Харди уже обзавёлся

ещё и тремя ребяташками.

– Да когда же ты успел?! – оторопел Юстэс.

– Так я здесь, почитай, уж лет десять живу, – невозмутимо сообщил толстяк.

– Сколько?! – юноша не поверил своим ушам.

– Всё может быть, – подтвердил агил, – если ты или он попадали в пережат...

Дальше ещё хлеще!

Поели они, попили: за встречу, за здоровье гостей и хозяйина, за его семью, за вечный свет Солнца, – и вот тут-то малость захмелевший Харди вдруг хлопает себя с размаху по лбу и вопит: ах, мол, я растяпа! – и достает откуда-то из дальнего угла нечто длинное, завернутое в промасленные тряпки.

– Эт-то... – говорит, – ...ик!.. капитан наш велел тебе передать, когда пару лет назад ... ик!.. останавливался у меня на постой... Я ещё: откуда вам, мол, знать... ик!... что этот малец ко мне заглянет? Он, говорю, может, сгинул давно! ... ик!.. А он мне: я, брат, всё знаю!.. – и, пьяно прищурившись, Харди погрозил пальцем кому-то невидимому.

– Ла Мана?.. – неприятно удивился Гилленхарт. – Но его ведь сожгли?

– Значится, эт-то было... ик!.. его привидение! – заявил Харди. – А ведь жрал и пил как взаправдашный! И уехал... ик!.. не заплатив... Нее, брат! Это точно был наш капитан – все повадки евойные! Небось тоже в пережат попал...

Юстэс вдруг припомнил, как исчез Коротышка вместе с

телегой. Капитан ведь тогда тоже пропадал... Он развернул тряпки – и в его руках засиял меч нигильга!

Заклятие Тезариуса начало сбываться.

...Из тяжёлого, беспокойного забытья Кагглу вывел злобный протяжный вой. Она села на смятой постели. Прислушалась... Уже почти успокоилась, решив, что ей показалось или приснилось, – и тут опять раздалось жуткое завывание. Звук шел со стороны леса – с другого берега реки. Прежде она никогда не слышала здесь ничего подобного.

– Пьеттро!.. – крикнула она. Ответом ей было молчание.

Тогда Каггла схватила серебряный колокольчик и бешено затрясла им над головой. Но ночная пустота огромного Замка осталась нема. Борясь с нарастающей тревогой, она встала, закуталась в одеяло и, взяв свечу, осторожно выглянула в коридор. Навстречу пахнуло сыростью и тлением... Каггла обернулась: её уютное спальное ложе исчезло... Исчезли гобелены со стен и пушистый ковёр с пола, пропали красивые подсвечники и изящные кресла, зеркало в дорогой оправе... Пустая, нежилая зала с прогнившими полами и вековой паутиной по углам. Сиротливо скрипнула рама с разбитым стеклом – и снаружи снова донесся мерзкий, наполняющий душу холодом, вой. Только теперь он был ближе.

– Пьеттро?.. – робко позвала она в темноту.

Порыв ветра распахнул окно и на пол со звоном посыпались остатки стекла. Снаружи мелькнула, уносясь вверх,

мутная бесформенная тень...

Стараясь не дышать, Каггла тихо шагнула в коридор и крепко прикрыла за собой дверь. Темнота тотчас окутала ее плотным зябким покрывалом: тусклый огонек свечи трепетал, едва освещая пустоту на два шага вокруг. «Только не погасни!..» – мысленно взмолилась она, прикрывая его ладонью от сквозняка.

Сколько она так простояла, прислонившись к холодной стене, пытаясь совладать с дрожью в ногах?..

Наконец, девушка медленно-медленно двинулась вперёд... Жалкой, испуганной тенью скользила она по мрачным лабиринтам мёртвого Замка. Ещё вчера в угоду её фантазиям здесь кипело праздное веселье, – теперь всё тлен, всё – прах!.. – да и было ли что *на самом деле?*.. Так, верно, чувствует себя курильщик опия, когда вместе с парами дурмана исчезают цветные сны, а реальность превращается в кошмар. Споткнувшись, Каггла повела вокруг свечой и поняла, что перед ней ступени, ведущие в Западную башню. Прошедший день отчетливо всплыл в памяти: и хитрые глаза неверного дворецкого, и шёпот в пустой мастерской, и белый холст... Вот оно что! Каггла торопливо заспешила наверх. Запыхавшись, распахнула дверь в мастерскую...

Картина исчезла.

И вот тут-то она и услышала шаги... Мерные, тяжёлые, – они неотвратимо приближались вслед за ней по лестнице. Одновременно с этим снаружи раздался мерзкий скрежет.

Она обмерла, почти теряя сознание... Снова посыпалось стекло – и в башню влетела крылатая тварь. Отвратительно вереща, она бросилась на беззащитную добычу – и в тот же миг между человеком и исчадием Тьмы встала огромная фигура рыцаря... Сверкнула сталь – и хищник с ужасным стоном вылетел вон и рухнул вниз

Железный воин медленно повернулся к ней:

– Охота началась!.. - и в прорезях его шлема вспыхнули синеватые огоньки.

– Я всегда ценил Вас, господин Гилленхарт, – Кагицу Торокара поставил кофейную чашку на стол, и чьи-то услужливые руки тотчас убрали её. – Но обстоятельства сейчас складываются не в вашу пользу, – он аккуратно промокнул губы белоснежным платком.

Разговор происходил в гостиничном номере, где остановился глава Корпорации.

– Ваш племянник действовал как дилетант. Но мы обязательно найдём и его, и деньги. Если Вам что-либо известно – лучше сообщить об этом сразу.

Виктор фон Гилленхарт устало качнул головой:

– Я ничего не знаю...

– Жаль. Это усложняет дело, – Торокара умолк, и отвернулся к окну. Лицо его закаменело.

Два человека в тёмных костюмах, почтительно застывшие у входа, выдвинулись вперёд и напряглись, точно псы, ожи-

дающие команды. Но Кагицу едва заметным движением бровей вернул их на место.

– Надеюсь, вы не рассчитываете на выходное пособие? – процедил он сквозь зубы, не поворачиваясь к своему собеседнику, и сделал движение пальцами, точно смахнул несуществующую пылинку с безукоризненно отполированной поверхности стола.

Этот жест означал конец карьеры Виктора фон Гилленхарта.

Но Папа недаром был потомком древнего рыцарского рода: ни один мускул не дрогнул на его лице, и гостиничный номер он покинул с высоко поднятой головой. Спокойно и гордо прошествовал он по улицам родного города, – Города, чьи красоту и богатство он приумножал своим трудом изо дня в день в течение многих-многих лет своей жизни, – и ни один человек не посмел бросить в его сторону косога взгляда!

Вернувшись домой, он поднялся в свой кабинет, запер за собой дверь и, подойдя к стене, где висели ружья из его коллекции, снял одно – самое любимое – и взвел курок.

– Честь дороже жизни...

Отослав прочь телохранителей, Торокара вышел на лоджию. Там, в шезлонге, свернувшись точно кошка, сидела темноволосая женщина.

– Ты всё сделала правильно, моя девочка, – склонившись

к ней, он коснулся губами её щеки. – Остался один финальный аккорд, – он сделал широкий жест, обводя раскинувшийся внизу город, – и тогда всё это станет прошлым, а мы... О, мы станем хозяевами этого мира!

Послышалась трель телефонного звонка, и Торокара торопливо вернулся в номер.

– Мы!.. – презрительно скорчила губы черноволосая, едва за ним закрылись раздвижные двери. – Нет, дорогой мой, я обойдусь теперь без тебя.

Заложив руки за голову, она с наслаждением потянулась всем телом, потом резко поднялась на ноги. Подойдя к перилам, она долго, не щурясь, смотрела на жёлтое солнце, так не похоже на её родное... Она отдаст его в обмен на воскрешение своей повелительницы. Если те трое нигильгов не надают её... А старый демон останется с носом.

...После встречи с Харди, пути друзей разошлись: агил отправился в Акру – он переживал о судьбе семьи Нордида.

– Нордид просил позаботиться о своих, если случится беда... А его наверняка или убили, или отправили за решётку – такое колдовство людям не прощают! Тем более, когда это связано с Тёмной Башней...

Юстэс же остался, потому что попал в порубежную королевскую сотню, охранявшую эти места, – протекцию ему устроил трактирщик: жена Харди приходилась родной сестрой предводителю военного отряда.

– Только особо не рассказывай – кто ты, да откуда, – велел толстяк. – Я сказал, что ты мой земляк, долго странствовал... Ну, и всё такое прочее. Сам понимаешь – время сейчас тревожное.

– Земляк?.. – усмехнулся Юстэс. – И где же протекало наше детство?

– В Приречье... – не моргнув глазом, пояснил трактирщик. – Там ведь давно все людские поселения выжгли – ещё во времена Дикого нашествия, так что, поди теперь разберись, кто откуда... Я, думаешь, рассказывал здесь кому, как мы носились по волнам с Чёрным Ястребом?.. Да и неважно это всё: ты ведь *человек*...

– Почём ты знаешь?.. – прищурился юноша.

Харди сглотнул слюну.

– Слушай, – прошептал он, склоняясь близко-близко, – если ты того... Лучше тогда это... Уходи, одним словом! Иначе и тебе и мне худо придётся!

– Не дрейфь, старина! – хлопнул его по плечу Гилленхарт. – Я пошутил.

– Плохая шутка... – набычился трактирщик, и юноша сразу вспомнил, что на корабле пудовые кулаки Харди пользовались заслуженным уважением.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Не обижайся!.. Лучше скажи, как мне быть? – и кратко поведал о встрече с Тезариусом, не упомянув только о его предсказании.

– Свят! Свят!.. – перепугался толстяк и опасно отодви-

нулся подальше. – Не вздумай даже упоминать вслух его имя!.. Это – демон! Он люто ненавидит род человеческий!.. Вот ведь незадача! Ох, беда-то, беда!.. – и продолжая причитать, Харди скрылся в кухне и вскоре вернулся с кувшином вина.

Добравшись одним глотком до дна глиняной посуды, Харди немного успокоился и сказал:

– Я тебя к одной старухе свожу, она тебе оберег даст... А уж там, как сложится, так тому и быть.

Сказано – сделано, и вечером того же дня, осушив для храбрости ещё пару кувшинов с вином, приятели оседлали коня чернодела, и вскарабкавшись вдвоём на его широкую спину, отправились в соседнюю деревню.

Старуха, о коей упоминал трактирщик, жила в маленькой развалюхе на самой окраине. Выслушав невнятный рассказ пришельцев, старуха достала длинный кривой нож.

– У меня цена для всех одна, – сказала она, и из её рта вылетела маленькая летучая мышь. – Знаете, какая?

Харди тупо закивал тяжелой башкой. Юстэс не знал, но на всякий случай тоже кивнул.

– Давай руку!.. – приказала старуха, и еще несколько летучек заметались по убогой светёлке.

– Д-дай ей руку! – пошатываясь, заплетающимся языком велел товарищу трактирщик.

Гилленхарт, которому благодаря вину море было по колено, наотмашь выкинул вперёд правую руку, едва не задев

старуху по лицу. При этом он чуть не упал, и потому другой рукой ему пришлось схватиться за приятеля, который тоже едва держался на ногах.

Бабка цепко ухватила птичьей лапкой за молодецкую длань и ловко полоснула по ней ножом.

– Чего она?.. – озадачился потерпевший, наблюдая, как кровь тонкой струйкой стекает в подставленную деревянную чашу.

– Пс-с! – невразумительно цыкнул на него приятель: молчи, мол... Потом замахнулся на обидчицу: – Хорош! Кому сказал?!

Старуха ловко опрокинула содержимое чаши в узкую щель беззубого рта.

– Оберег давай! – грозно приказал трактирщик.

– Зачем ему оберег? – тоненько хихикнула бабка. – У него уже есть! – и скрюченным пальцем указала на кинжал, прицепленный к поясу Юстэса. Тот, что достался ему от убитого пленника на корабле. – Лучше этого и быть не может!

Харди попытался сфокусировать взгляд в указанном направлении.

– Что же ты нам голову морочишь, нечисть! – взревел он, когда это ему удалось. – Напилась задарма кровушки – теперь расплачивайся! Думала, дураков нашла? Я с-счас живо всю вашу деревню спалю!

– Тихо-тихо, касатик!.. – залезбила бабка.

– Пошли! – буркнул Харди. Уходя, сплюнул на порог, и

пригрозил: – Смотри, старая: коли чего не так – я к тебе с осиновым колом вернусь!

– Иди-иди! – огрызнулась старуха. – Взойдёт луна, проснутся мои молодцы, я посмотрю тогда, как ты запоёшь!

– Что-о?! – развернулся было обратно буян. Но Юстэс, которому происходящее нравилось всё меньше, перехватил забияку и вытолкал наружу.

Харди продолжал грозить и ругаться, Юстэс, не слушая его, поволок толстяка к плетню, где они привязали коня. Распутывая поводья, он заметил, как от ближайших хижин по направлению к ним спешат длинные тени.

– Давай!.. – подтолкнул он неповоротливого приятеля: ему внезапно стало жутко. – Залезай же в седло, братец!.. – и вдруг прямо перед ним очутилось чужое бледное лицо. Пахнуло гнилью...

– Ату их, ребятушки! – завопила фальцетом, высунувшись из окошка, бабка.

На подмогу бледнолицему скользнуло из темноты еще несколько фигур.

Юстэс даже не понял, как они с Харди очутились в седле. Ударил коня пятками в упругое брюхо, и замелькали мимо попеременно деревья и звезды... Сзади засвистали, заулюлюкали, – насилиу вырвались!..

Бешеная ночная скачка выветрила остатки хмеля. Вернулись домой тихие, трезвые... На цыпочках, – не дай бог разбудить хозяйку! – прокрались на кухню, осушили по кружке

воды. Отдышались. Поглядели друг на друга...

– И к кому это ты меня в гости водил? – начал Юстэс, нарочито хмуря брови.

– Да к упырям... – с самым невинным видом отвечал приятель.

И-и!.. Тут их и разобрало!.. Хохотали до слёз, вспоминая прошедший вечер, пока и впрямь не разбудили хозяйку.

Известное дело, сердитая жена почище стаи вурдалаков! Долго разбираться она не стала: громила Харди получил тумака по шее и покорно отправился спать; гость избежал подобной участи, но, ворочаясь после на жёсткой постели, решил, что жениться, пожалуй, лучше не стоит.

...Выстрел эхом раскатился по всем уголкам старого Замка.

– Виктор?.. – Бабушка выронила из рук вязанье. – Виктор! У дверей папиного кабинета собралась толпа.

– Ломайте дверь! – приказал дядя Винки.

Тётушки заголосили, кто-то побежал за инструментом... Дуня молча вытащила свой боевой топор и, примерившись, рубанула с плеча, но не попала, потому что дверь открылась.

На пороге стоял... Папа. Он был бледен, но спокоен. Лезвие топора просвистело в дюйме от его лица, но он даже не отшатнулся.

– Сумасшедший дом!.. – первой завопила тётка Люсильда. – Виктор, что это ты затеял стреляться среди бела дня?

– Лучше бы он сделал это ночью? – съязвил дядя Винки.

– Как вы могли подумать, что я так поступлю? – удивлённо отвечал Гилленхарт. – Чтобы ни случилось – жизнь продолжается. Пусть сегодня не повезло, но пока есть люди, которым ты нужен... – тут он замолчал и обвел глазами собравшихся. – Да что вы, в самом деле, господа!.. Неужели вы подумали, что я мог бросить вас?.. Ружьё просто выстрелило само!

Но домашние унялись нескоро. Тётушкам непременно захотелось взглянуть на то самое злополучное ружье, и Папе пришлось приложить немало усилий, чтобы переключить их внимание на более обыденные вещи. Наконец, возле отца остались только дядя Винки и Рэг Шеридан, который, придя еще утром, не успел покинуть дом Гилленхартов, соблазнившись Бабушкиным обедом.

– А теперь, дружище, выкладывай все начистоту!.. – сказал дядя Винки, убедившись, что поблизости не осталось ни одной юбки, и жестом фокусника извлек откуда-то плоскую фляжку.

Вместо ответа кузен кивком головы пригласил их войти в кабинет.

Там, в стене, где раньше висел портрет барона Юстэса фон Гилленхарта, зияла огромная дыра. Сам портрет, вернее, то, что от него осталось, валялся на полу.

– Мне ужасно хотелось как-то разрядиться, – пояснил смущенно потомок барона. – И я не придумал ничего лучше,

чем выстрелить из ружья. Сначала я собирался пойти в лес, побродить там... Но во мне буквально всё кипело – и тут на глаза попался этот дурацкий портрет!

– Чем родственничек-то провинился? – буркнул дядя Винки, прикладываясь к плоской фляжке, которую достал из кармана.

– Понимаете, – задумчиво протянул Гилленхарт, – меня не покидало чёткое ощущение, что все неурядицы, последнее время свалившиеся на нашу семью, так или иначе связаны с именем барона: мне постоянно в той или иной форме предлагали продать Замок. Это были разные люди, они предлагали разные условия – порой, даже доходило до прямых угроз!

– Одним словом, нашел козла отпущения, – подвел итог комиссар.

– Да... – нехотя признался Виктор. – Только мне всё равно не остается ничего другого: я по уши в долгах, и иного выхода не вижу. Но сейчас я позвал вас не за тем, чтобы сетовать на судьбу... Смотрите!

Подведя друзей ближе к дыре в стене, он просунул в отверстие руку по самое плечо.

– Там тайник или потайной ход! – объявил дядя Винки, проделав то же самое вслед за кузеном. – Надо расширить дыру и посмотреть.

– Именно это я и хотел сделать, но решил, что мне нужны помощники – вдруг это какой-нибудь Провал?.. Попадёшь

куда-нибудь, а все подумают, что я сбежал с денежками Корпорации!

– А так мы пропадём втроём, и все решат, что ты и в самом деле свистнул эти деньги, только вместе с сообщниками! – перебил его Шеридан. – Ладно, давай поглядим, что там...

Вооружившись чем попало, мужчины быстро расковыряли отверстие настолько, чтобы можно было пролезть.

– Темно! – сообщил комиссар, протискиваясь первым. – Да не наступайте мне на ноги, Винсент!

Папа, пошарив в недрах своего письменного стола, нашел электрический фонарик и передал его комиссару.

– Тут какой-то ящик!.. – пыхтя, сообщил Шеридан.

– Тащите его сюда! – деловито распорядился дядя Винки, так, словно он тут был самым главным.

Спустя несколько минут на свет божий был извлечен небольшой ларец.

– Больше там ничего не было? – азартно поинтересовался дядюшка.

– Я не заметил... – сухо отозвался полицейский, отряхиваясь от пыли и паутины.

Дядя Винки принялся ковыряться в замке. Комиссар наблюдал за ним, сморщившись точно от зубной боли.

– Дайте-ка лучше я!– заявил он, отодвигая дядюшку в сторону.

– Интересно, чем вы занимались до прихода в полицию? – спросил дядя Винки, следя за его ловкими пальцами.

– Я многому научился у своих подопечных, – скромно пояснил комиссар.

Внутри ларца что-то щёлкнуло.

– Але-оп!.. – сказал Шеридан и откинул крышку, хвастливо глядя на своих друзей. Но выражение их лиц заставило его тут же перевести взгляд на содержимое ларца. – Да-а... – сказал он, первым обретая дар речи. – Это явно не сокровища барона...

– Полагаю, – медленно проговорил Гилленхарт, – никто не должен *этого* видеть.

В этот момент у комиссара зазвонил сотовый.

– Да? – раздраженно отозвался он в трубку. – Что?!.. Хорошо, я сейчас же выезжаю.

Отключив телефон, он устало взглянул на ларец.

– Час от часу не легче! С отцом Себастьяном беда... Вот что, господин Гилленхарт: одолжите-ка мне какие-нибудь брюки! Ваша собака со мной теперь не расплатится. А с *этим*, – и он указал на ларец, – я потом разберусь!

Они ушли.

Дядя Винки остался один. Приложившись к фляжке, он снова откинул крышку таинственного ларца. Там, окутанная прозрачной тончайшей пленкой, лежала отрезанная человеческая голова. Он долго вглядывался в её черты.

– Интересно... – хмыкнул он, захлопывая крышку. – Очень интересно. Неожиданный поворот! Чем только теперь всё это закончится?..

Вернувшись к себе, дядя Винки заперся в комнате, зажёл свечу, хотя на дворе было ещё светло, и подошел к большому зеркалу, стоявшему в углу. Тихо проговорив какое-то заклинание, он стал ждать. Середина зеркала помутнела, потом сквозь мутную пелену проступило очертание некоего существа: половина лица его была человеческая, половина – заячья.

– Что там у тебя?.. – сердито спросил дядюшка.

– Я сделал всё, как вы велели, хозяин! – прошелестело зеркало.

Задув свечу, дядюшка уселся за стол и крепко задумался, обхватив голову руками. Прямо перед ним стояли песочные часы толстого стекла: за стеклом медленно порхали голубые светящиеся снежинки.

– Времени осталось совсем мало... – прошептал он. – Ах, Вэллария, Вэллария!..

...Военная служба очень скоро заставила Юстэса забыть о прошлой жизни. Он был молод, ловок и силён, но дело приходилось иметь с врагами совершенно иного порядка, нежели раньше. Прежде, каким бы коварным и искусным ни был его противник – он оставался таким же человеком, как и он, существом из плоти и крови. Теперь надо было сражаться с теми, кого одолеть с помощью одного только боевого умения порой было невозможно. И в редкие часы затишья ему приходилось постигать сложную науку боевой магии. Кое-что он

усвоил быстро, но многое давалось с трудом.

– Кабы не твой конь да меч – давно уже сгинул бы ты, парень! – вздыхал Радисвет – воин, приставленный к новичку наставником.

Бывалый вояка не преувеличивал: в первом же бою, когда на них неожиданно напали, свалившись с неба, люди-саранча, Гилленхарта выручил только подарок Тезариуса: конь вынес его, израненного, из самой гущи сражения, и уже после, обеспамятевшего от потери крови, юношу подобрали товарищи. Долго ещё потом видел он во сне страшные лица с глазами насекомых и ужасными жвалами...

– Ведь людям не положено колдовать? – спросил он как-то у Радисвета.

– По-чёрному не положено, – отозвался тот. – А так – можно... Иначе нас уже извели бы под корень. Да и что говорить, – добавил он с горечью, – ведь все эти неурядицы от людей и пошли. Слышал, небось, про Безумного Короля?

– Это, которого проклинали маги Вальгессты? – осторожно уточнил юноша, боясь показаться чересчур осведомленным.

– Вот то-то и оно!.. – понизив голос, продолжал Радисвет. – А только ходят слухи, что Проклятый до сих пор жив, от того и множится всякое разное – день ото дня всё хуже и хуже!.. Потому-то, говорят, Королева Чара и затеяла в свое время поход к северному побережью: чернodelы бают, будто там он скрывается, а вовсе не в Башне Забвения... И король Игнаций – прадед её – тоже его искал. Да только ничем хо-

рошим это не закончилось...

Юстэс ещё о многом хотел расспросить разговорчивого товарища. Но дозорные с воздуха заметили подозрительное передвижение в лесной чаще, чуть к северу от того места, где расположилась их сотня. Объявили тревогу.

Из того боя Радисвет не вернулся... Отряд Белоглазых, внезапно появившийся перед горсткой людей, измученных непрерывными стычками с нечистью, превосходил их по численности в несколько раз. Как удалось врагу пройти незамеченным столь долгое расстояние от побережья, так и осталось загадкой. Но еще большей неожиданностью оказалось предательство конницы вольфорранов, присланной на подмогу гибнущей дружине Людей: они ударили в спину своим союзникам.

Это стало началом конца...

Как выяснилось позже, невидимый флот противника – сотни плавучих крепостей – высадил на северное побережье Королевства огромную армию хорошо вооруженных и обученных солдат. Поддерживаемые огневой мощью с моря, несметные полчища Белоглазых в считанные дни лавиной перекатались через Драконьи горы, смели с лица земли города и селения Людей, оказавшиеся у них на пути к южному побережью полуострова, и остановились лишь в трёх днях перехода от стен Акры. Усилиями жрецов Солнца Люди успели выставить магическую блокаду, преодолеть или разрушить которую нападавшие пока не могли.

– Побережье усеяно разлагающимися трупами морских змеев, – Абигайл, худой, высокий, вышагивал перед Королевой на негнущихся ногах, и его скрипучий голос, ей казалось, раскалёнными шипами вонзался прямо в мозг. – Белоглазые сумели снять заклятье – вот и проскочили. Со времен Игнация они многому научились!.. Наши воздушные стрелки уничтожили много вражеских кораблей, но было слишком поздно – десант уже высадился. Хуже того: никто из тех, кто участвовал в налете на эскадру неприятеля, не вернулся назад. Они просто исчезли!.. На севере у нас больше ничего нет. Ничего! Восстание Вальгессты на юге – вопрос времени... Белоглазые, по моим сведениям, заключили договор с Тёмными силами, потому и не можем их остановить!

– Я знаю, – спокойно отозвалась Чара, – договор на крови... Это их и погубит! – жёстко добавила она, чуть помолчав. – А что касается юга... Эти заносчивые ископаемые не станут заключать союз с бывшими собственными рабами: Вальгесста предпочтет стать мифом, легендой, – да просто сгореть в огне! – но никогда не попросит о пощаде! В их языке даже слова такого нет.

– Возможно! – сердито отозвался Абигайл. – Но пока горят наши земли! И другие племена, даже те, в чьих жилах течет капля человеческой крови, они все встали под знамёна врага!

Он говорил и говорил, женщина, казалось, слушала, но глаза её были устремлены мимо старика – в окно. Там, веч-

ный и равнодушный, кипел серый океан, исчерченный белыми и чёрными линиями, рваные тяжелые облака шли на закат, и в этом упрямом, подчинённом неведомой цели, движении таилась скрытая угроза. Уставшее зелёное солнце из последних сил боролось с притяжением горизонта, но ещё немного – и оно захлебнется в клокочущих водах, и Акра вновь на долгие часы останется беззащитной перед теми, кто так ненавидит её.

– Ступайте, – перебила она советника. – Я хочу остаться одна.

Абигаил умолк, поперхнувшись слюной, лицо его побагровело от гнева, но, встретившись взглядом с повелительницей, он нехотя покорился, и медленно развернувшись, тяжелой поступью вышел вон. Кланяться на прощанье он не стал.

Оказавшись в одиночестве, Королева щёлкнула пальцами: тотчас рядом возникла стройная черноволосая девушка. Вряд ли сейчас кто-нибудь узнал бы в ней то кособокое и кривоногое лесное чучелко, каким она была когда-то.

– Налей мне воды...

Возвращая хрустальный бокал, Чара окинула служанку внимательным взглядом:

– Ты стала совершенной красавицей, Кирия. Если так пойдет и дальше – я подарю тебе душу, и ты совсем превратишься в человека.

Юная ведьма согнулась в поклоне:

– Я очень хочу этого, госпожа! – прошелестела она. Голос

у нее был мерзкий, надтреснуто-сиплый, как и у всех представителей данной породы, и Чара почувствовала, как по её спине пробежал холодок.

Дождавшись наступления темноты, Королева достала из тайника тонкий металлический обруч. Надев его, она прошептала заклинание и исчезла.

Кирия, дремавшая на коврике у порога в опочивальне хозяйки, мгновенно приподняла голову: осторожно заглянув в покои Королевы, она оскалилась, и втягивая носом воздух, подобно животному, пошла по следу.

Знакомый запах привёл ведьму к городским стенам. Здесь след обрывался... Жалобно поскуливая, точно собака, потерявшая хозяина, Кирия заметалась между деревьями, вглядываясь, принюхиваясь... Наконец она уловила тонкое, незаметное простому смертному колебание воздуха, и прикинув к земле, крадучись поползла вперёд. Её глаза видели в темноте гораздо лучше, нежели при свете дня, и она успела заметить, где в зачарованных стенах, вот уже несколько сотен лет хранивших этот город и его обитателей от внешнего мира, образовался узкий проход. Он тотчас сомкнулся, но от её острого слуха не ускользнули слова приказания, что прошептала невидимая беглянка, и, подобравшись поближе, ведьма робко повторила их. В камне тотчас образовался просвет и, дрожа от радостного возбуждения, смешанного со страхом, – ведь она не покидала Города с тех пор, как её совсем маленькой привезли из Хмурых лесов, – пре-

следовательница выбралась наружу.

Шёпот невидимого прибоя и солёный, терпкий запах океана ошеломили её, – они были слишком сильны, слишком резки для её обостренного восприятия! – и она невольно отступила назад, желая вновь обрести убежище за крепкими стенами Города. Но дотронувшись до холодных камней, Кирия вспомнила, что привело её сюда. При свете луны она отчетливо разглядела на песке бесформенные отпечатки: нагнувшись, ведьма торопливо и жадно втянула ноздрями воздух, и её диковатое лицо озарилось довольной улыбкой – теперь уж она не потеряет след!

Чутьё и упорство привели ведьму туда, где песчаный пляж постепенно сменялся каменной россыпью, переходящей в нагромождение огромных валунов. Прислушавшись, Кирия поняла, что должна теперь быть осторожнее: её жертва была совсем близко. Приникнув к земле, ведьма оборотилась маленькой змейкой, и проворно заскользила дальше.

Чара между тем достигла вершины скал... Там из трёх плоских каменных глыб – две стоймя и одна плашмя сверху – было устроено нечто вроде ворот. Тяжело вздохнув, как человек, собирающийся нырнуть глубоко под воду, она подошла ближе и стала ждать. Крохотная юркая змейка застыла неподалёку, невидимая в тени, отбрасываемой валунами.

Вскоре сквозь каменный проем стали различимы три светящихся силуэта. Они приближались... Чара напряглась, пытаясь унять внезапно охватившую ее дрожь.

Трое по ту сторону остановились, – видимо, нечто мешало им пройти сквозь портал.

Королева Людей решительно встряхнула головой и встала против пришельцев. Лицо её приобрело странное выражение: гордость, отвращение, страх и отчаянная решимость. Незнакомцы – двое мужчин и женщина – некоторое время хранили молчание, разглядывая ту, что стояла перед ними, ярко освещённая лунным светом. Потом женщина заговорила... Чужие слова медленно перетекали сквозь огромное расстояние, которое на самом деле отделяло стоящих друг против друга: видимые невооруженным глазом, эти трое находились в ином пространстве, – дальше, чем любая из звезд, ярко сияющая этой ночью в небесной короне луны.

– Хорошо, – только и вымолвила Чара, выслушав чужеземную речь. – В условленный час я открою Врата. Ради спасения тех, кто остался... – и не дожидаясь ответа, развернулась и поспешила прочь так быстро, словно за ней гнались.

В проёме портала снова стало темно. Кирия, очнувшись, помчалась за хозяйкой.

Чара была уже почти у стен Города, когда над поверхностью спящего океана взвихрился смерч. В мгновение ока он достиг бегущую человеческую фигурку и увлёк ее ввысь. Королева выхватила меч, но бороться с пустотой бесполезно – металл напрасно пронзал воздух. Вихрь пронёс человека над побережьем и бережно опустил на землю – далеко от при тихшего Города.

Тяжело дыша, Чара крепко сжимала рукоять меча, утомлённая бесплодной борьбой с неведомой силой. Вокруг замерли огромные вековые деревья... Где-то в ночи гулко кричал филин. Послышался гул и земля под её ногами заколебалась. Не зная, откуда ждать опасности, Чара прислонилась спиной к ближайшему древесному гиганту, сжимая меч обеими руками. По земле поползла багровая трещина: глаза человека сузились от слишком яркого света, бьющего из подземелья, в лицо пахнуло жаром, – и она невольно отвернулась в сторону, боясь ослепнуть. Когда же она вновь повернула голову, – перед ней стоял человек. За его плечами развевался огненный плащ.

– Даниил! – выдохнула женщина, и меч сам собой выпал из её враз ослабевших рук.

Он порывисто шагнул к ней, и тут же остановился, будто что-то мешало ему. Она умоляюще взглянула на него: в её взгляде светилась такая тоска, такая нежность!.. Человек продолжал оставаться недвижим, и тогда она бросилась к нему, но он остановил её, предупреждая вытянув вперёд руку:

– Не приближайся, ты можешь сгореть!

– Мне всё равно! – она порывисто обняла его за шею и потянулась к губам.

Лицо Даниила исказилось мукой. Боясь дотронуться до любимой, он запрокинул голову вверх, но она приникла к его устам, пока боль не заставила её вскрикнуть. Он испуганно

оттолкнул её:

– Прости!

– Ничего... – улыбаясь сквозь набегающие слезы, сказала Чара. – Это стоило целой жизни... О, боги, почему мы не можем быть вместе?!

– Когда-нибудь это непременно случится, – глухо отозвался Даниил. – Но сейчас я пришел не за этим: ты собралась впустить сюда нигильгов...

– Да! У меня нет выбора: Белоглазые продались Тьме – и мой народ на краю гибели... Мне не на кого больше рассчитывать!

– Нельзя открывать им Портал! – твёрдо заявил Даниил. – Всё, что они обещают – ложь! От начала и до конца!.. Они сожрут этот мир так же, как погубили десятки других! Вспомни: однажды это чуть не случилось из-за Игнация, но он сделал это по неведению, а ты...

– Нет!.. – пылко перебила его Чара. – Это ты лжешь! Как я могу верить тебе, Повелителю Драконов? Ты и твои звери принесли уже тысячи несчастий!.. А Князя Нигильгов дали мне клятву!

– Можешь не верить, – горько усмехнулся Даниил, – но я служу Свету. Мои звери огнём выжигают скверну там, куда не дотягиваются руки ваших жрецов и магов! А ведь Тьма множится по-прежнему благодаря безумию человеческого разума! И если бы не драконы...

– Но Проклятый давно мёртв! – сжав кулаки, выкрикнула

Чара. – Мёртв!.. Ахайя мёртв!.. Я искала его, чтобы уничтожить. Искала его Камень – чтобы найти ответ на все вопросы! Я сгубила Дарквиша – лучшего из лучших, по совету Рутана Светлого отправив его в Тёмную Башню: я надеялась, что если Безумный всё ещё там, то Дарквиш убьёт его...

– Ты избавилась от Дарквиша ещё и потому, что он знал про нас, – тихо сказал Даниил.

– Я боялась, что тебя уничтожат!

– И совершила непростительную глупость! – снова перебил ее мужчина.

Они оба умолкли, опасаясь, что переполняющие их чувства перехлестнут через край, и спор превратится в ссору. Лес притих, весь превратившись в слух, но маленькие люди у подножия зелёных гигантов молчали. Лишь тревожно постанывал ветер, да перешёптывались невидимые листья: беспокойная ночь... недобрая луна... и такие острые, такие колючие глаза звёзд! Не к добру, не к добру.... Не к добру...

От Даниила исходил нестерпимый жар, а ей было холодно. Холодно, тяжело, тоскливо... И чёрная тоска неизбежного расставания – болезненная, давящая, безысходная: ничего не изменить, ничего не исправить... Он, верно, чувствовал то же самое, и снова заговорил – торопливо, горячо, обрывисто, лишь бы не дать этой тревожной тишине, этой тоске предчувствия разрастись и заполнить всё вокруг:

– Если Ахайя всё-таки мёртв и развоплотился... Но физическая смерть вовсе не означает смерти духовной. Он при-

надлежал к тем, чьим мыслям и деяниям суждено ещё долго нестись сквозь время, подобно свету погибшей звезды, и оказывать влияние на живущих... Только он оставил нам тьму, а не свет!.. И более того, я боюсь, что он жив! Мы не знаем доподлинно, что происходит в Тёмной Башне...

– Во всем виновато проклятье Вальгессты... – отрешенно проговорила она, думая совсем о другом: о нём, о себе, и о том, что всему – конец.

– Нет! – непреклонно заявил Повелитель Драконов. – Кто посеял первые семена вражды между Людьми и иными племенами? Кто разжёт искру ненависти?.. И старое проклятье, и эта война – у них общие корни: гордыня возомнившего себя равным богам!.. Только в суете своей самозванец пренебрег главной заповедью: божественность – не в силе разума, а в величии духа! Истинные боги – творцы, а не разрушители!

Но его слова упали в пустоту, – за эти краткие мгновенья она все уже решила. Над поляной снова наступила тишина.

– Скоро рассвет. Мне пора.

– Прощай... – эхом отозвался он.

– Обещай мне... Обещай, что не разрушишь Город, если...

– Если ты окажешься упрямой и поступишь по-своему?

– Если всё пойдет не так... – и обожжёнными губами она вновь прикоснулась к его устам.

И он обещал. Он не хотел обмануть.

– Помнишь старое предание? – спросил он на прощанье:

разверзшаяся огненная трещина подползла к его ногам. – Мне так часто рассказывала матушка: «И будет корабль к берегам разорённой земли. И будут двое – один белый, как снег, второй – чёрный, как ночь...»

– А дальше? – спросила она.

– Забыл... – улыбнулся он. – Но все кончится хорошо.

...Расследование убийства отца Себастьяна почти сразу зашло в тупик.

Двое малолетних свидетелей показали, что якобы слышали голос возможного преступника и указали на Макса Линда, но на этом единственная ниточка и оборвалась: нашлось немало очевидцев, под присягой подтвердивших, что журналист в это время был на приёме у мэра в честь президента Корпорации «Каролина».

– У этого ребёнка богатая фантазия! – невозмутимо заявил подозреваемый, и хитро прищурившись, добавил: – Не правда ли, *Санни*?..

– Мы и в самом деле все слышали! – покраснев, заявила Рио. Толстяк, надувшись, молча пыхтел рядом.

Макс Линд, невозмутимый и великолепный, лишь снисходительно улыбался: дети, мол, что с них взять!

Комиссар сердито дымил сигарой.

– Хорошо, – буркнул он, отправляя окурок в пепельницу. – Допустим, вы слышали голос этого человека. Но вы видели его?

– Нет... – честно призналась Мэрион. Толстяк молча замотал головой.

– Видели вы там ещё кого-либо?

– Нет...

Шеридан продолжал задавать вопросы. Промучившись с час, и не добившись толку, он устало откинулся на спинку стула.

– Полагаю, я могу идти? – осведомился Бородатый

– Пожалуй, – нехотя согласился комиссар. Он не верил в виновность Линда, но что-то ему в нём не нравилось. – Я вынужден взять с Вас подписку о невыезде. Это формальность, но я обязан, пока идёт следствие.

– Я все прекрасно понимаю, не беспокойтесь! – перебил журналист и вежливо улыбнулся. – Я понимаю. Посему, давайте покончим с этим побыстрее.

Когда Линд скрылся за дверью, Шеридан достал из коробки новую сигару, и, не зажигая, сунул её в рот. Сцепив руки на животе, он несколько минут молча жевал сигару, внимательно рассматривая сидевших на диване у стены детей.

– Послушай, Мэрион, – спросил он тихо, – а почему всё-таки ты так уверена в виновности этого человека? Он тебе просто не нравится? Или на то есть причина?

Его голос прозвучал так проникновенно, что девочка вдруг увидела перед собой не простоватого увальня в тесной форме, эдакого служаку, каким он всегда представлялся ей, да и многим, а пожилого усталого человека, в умных и

проницательных глазах которого светилось нечто большее, чем просто любопытство. И совершенно неожиданно для себя она вдруг выложила ему всю историю своего знакомства с Бородатым – от начала и до конца.

– И вообще! – мстительно добавила Мэрион, чуть помолчав после долгого рассказа. – Даже если он и вправду не убивал священника, – но ведь он там был!.. Почему же теперь врёт, что его там не было?!

– Ладно, – тяжело вздохнул комиссар. Пепельница перед ним была полна окурков. – Вам пора по домам.

Проводив детей до выхода, Шеридан медленно вернулся к себе. Подойдя к окну, снова закурил, пуская к потолку сизые кольца. За время своей службы в Городе, он многое повидал, только в отличие от девочки ему приходилось помалкивать. Ничего, вот распутает это дело, – и на пенсию! – а там, глядишь, напишет книжку про всё, что случилось здесь на его веку.

– Что же, – сказал он вслух, – проверим, что за птица этот Макс Линд.

...Холодные дожди, пришедшие с севера, превратили дороги Великой Равнины в жидкую слякоть. Они же заставили спуститься на землю крылатых ящеров. Твари отказывались подниматься в небо – и летучим стрелкам Белоглазых пришлось брести пешком по этой непролазной грязи, таща своих животных чуть ли не на себе: слабые ноги крыланов не

были предназначены для долгих пеших переходов.

– Доберёмся до Акры – там будет всё: сухая постель, хорошая жарка, красивые бабы! – подбадривал своих предводитель отряда. – А ну-ка, прибавьте ходу!.. – и его плеть яростно гуляла по спинам отстающих.

– Лучше бы подарил пару горячих кому-нибудь из колдунов! – бурчали те. – Глядишь, разогнали бы тучи, а то льёт без передыху уж вторую неделю!

– Переждать бы непогоду! – шептались они во время коротких остановок, наскоро поедая скудный паек, – да нельзя! – и со страхом оглядывались назад, туда, где покачивались в пелене дождя огромные расплывчатые фигуры. – Эх, связались с нечистью: как бы они и нас вместе с людишками не того!..

Ползущие в арьергарде отряда хоромоны – выходцы из племени великанов – не особенно церемонились с союзниками. После одного из ночных привалов отряд недосчитался нескольких солдат, и Белоглазые поняли, что их несчастные товарищи пошли на закуску вечно голодным исполинам: у старшего хоромонов торчала из меховой сумки объединенная кисть руки в кожаных латах. Такая же печальная участь постигла и парочку крыланов, совсем ослабевших из-за непогоды: великаны отняли их у погонщиков, и устроили тут же кровавое пиршество, ударами кулаков разбив ящерам головы.

Но эйфория быстрых побед над застигнутым врасплох

противником была сильнее, чем недовольство, страх и усталость, – и отряд упрямо продвигался вперёд: туда, куда стягивались все военные силы Белоглазых – к самому горлу Королевства Людей.

Когда до цели оставалось совсем немного – один-два перехода, рыскавшие по сторонам разведчики привели пленного.

– Человек! – определили Белоглазые.

– Челове-е-чек... – приняхавшись, подтвердили хоромны, радостно облизываясь, и пленный горько пожалел, что уходя в разведку, оставил в военном лагере свой длинный меч.

Сильный толчок бросил захваченного в грязь и лиловый язык одного из людоедов нетерпеливо задрожал над самым лицом пленника, роняя на его грудь хлопья слюны. Остальные, сопя и толкаясь, старались отпихнуть товарища от лакомого кусочка. Мгновенно образовалась куча-мала, и пленник оказался бы неминуемо раздавлен под огромными тушами великанов, но каким-то чудом он исхитрился и успел выскользнуть из гибельной свалки. Между хоромонами завязалась драка – не жалея сил, они яростно лупили друг друга, начисто забыв о пленном. В ход пошли огромные камни, коих множество валялось по обочинам дороги.

Яростный рёв исполинов в первые минуты вынудил Белоглазых разбежаться подальше. Пользуясь возникшей суматохой, человек отполз к лесу, вплотную примыкающему к

тракту. Обернувшись, он увидел, что все увлечены дракой. Кровавое зрелище заставило Белоглазых забыть обо всём: побросав крыланов и повозки, они столпились поодаль, свистом и улюлюканьем подбадривая наиболее свирепых драчунов.

– Давайте-давайте... – прошептал человек, и подобие улыбки искривило его лицо жуткий оскалом.

Скользя по грязи, он ужом юркнул в заросли терновника и, раздирая в кровь кожу, ринулся в чашу. Вожделенная свобода, казалось, была уже совсем близко, но тут в воздухе что-то просвистело, и страшной силы удар в спину сбил его с ног. Упав лицом в прелую листву, он ощутил, как сотрясается земля, – его догонял кто-то огромный. Человек зажмурился и мысленно распрощался с жизнью. Громадная когтистая лапа сгребла упавшего и легко оторвала от земли.

– Мясо!.. – жадно выдохнул преследователь, пряча в меховую сумку пращу. Зловоние, исходившее из пасти преследователя, привело жертву в чувство.

Извиваясь, человек попытался ударить великана ногой, целя ему в глаз. Хоромон ощерился и схватил добычу за шею, собираясь свернуть ей позвонки, но его остановил властный голос:

– Нельзя!.. Брось!

– Мясо! – обиженно возразил охотник.

– Оставь его! – сурово велел голос.

Хоромон тихо зарычал, как побитая собака, и каким-то

детским движением быстро спрятал руку, сжимавшую добычу, за спину:

– Нету! – хитро улыбаясь, объявил он, и для убедительности продемонстрировал стоящей перед ним высокой фигуре в латах другую руку, – пустую.

– Отдай! – строго приказал закованный в железо.

В ответ великан проворно выхватил из-за пояса палицу и с рёвом бросился на противника. Воин ловко увернулся и взмахнул рукой: с его ладони слетел маленький тёмно-голубой шарик – прямо в грудь обидчику. Раздался треск, противно запахло палёной шерстью, и в мгновение ока хоромон превратился в кучку пепла.

Пленник, пошатываясь, поднялся на ноги, не совсем понимая, что произошло. В ту же секунду его туловище опутала клейкая тугая паутина, толщиной с хорошую верёвку.

– Вот так! – удовлетворенно произнес воин, уничтоживший великана, и щёлкнул пальцами.

Человек почувствовал, как земля уходит из-под ног: воин в латах молча развернулся и зашагал, связанный поплыл за ним по воздуху. Их появление в лагере было встречено дружным рёвом и гоготом: потрясая оружием, Белоглазые приветствовали своего могущественного товарища, выкрикивая его имя.

– Оридэм! Великий колдун Оридэм! – кричали они.

Великаны угрюмо теснились поодаль. От их толпы отделилась огромная фигура и качнулась навстречу триумфато-

ру.

– Где мой лучший воин, Оридэм?

– Я убил его, – кратко отвечал Белоглазый. – Хочешь разделить его судьбу? – и подняв забрало, впился взглядом в лицо великана. Несколько долгих мгновений они с ненавистью глядели друг на друга, пока людоед не отвёл глаза.

– Не расстраивайся, дружище! – Белоглазый похлопал исполина по волосатому колену. – Этот олух был слишком туп.

– Так-то оно так, – провожая взглядом удаляющегося обидчика, глухо проговорил великан. – Но он был моим братом...

Огромные, кажущиеся бездонными глаза – белые, блестящие, точно перламутровая раковинка, покрытая сложным узором трещин, – кровавой сеточкой мелких сосудов. В этой сетке пульсирует светло-розовая жемчужина зрачка, – бледная, почти незаметная... Теперь он понял, отчего Люди прозвали своих недругов Белоглазыми. Эти жуткие глаза долго всматривались в его лицо, потом отделились, и он почувствовал острую боль в висках.

– Ю-юстэс-с фон Гилленхарт... – врасстяжку произнес знакомый голос. – Странное имя... Ничего не означает.

Юстэс приподнял разбитую голову: Белоглазый, что спас его в лесу от великана...

– Но зато оно настоящее, – продолжал недруг. – А значит, ты в моей власти. Теперь ты мой раб, человек! – и он хрипло

рассмеялся.

Юстэс почувствовал, как к горлу неудержимо подкатывает тошнота: боль в висках была невыносимой. Липкая паутина по-прежнему сковывала его члены. Оглядевшись вокруг, насколько это было возможно, Юстэс определил, что они находятся в небольшой пещере. Посредине горел огонь. Снаружи шумел ливень.

Прошло долгое-долгое время... Оридэм, невидимый пленнику, копошился у костра. Юстэс потихоньку начал задремывать.

– Что ты собираешься с ним делать? – спросил вдруг другой голос – женский.

Юстэс вздрогнул: ему казалось, что кроме него и колдуна в пещере нет никого.

– Отдам его тебе, о Собирающая души, – отвечал Оридэм.

– И что ты просишь взамен?

– Голову принца Людей.

Как ни старался пленник, ёрзая на своем жестком ложе, он не смог увидеть никого из собеседников – только причудливо искажённую прихотью пламени тень колдуна на стене.

– Хорошо, – немного помедлив, отвечала женщина. – Ты получишь её. Завтра в полночь...

В пещере наступила тишина, нарушаемая лишь шумом дождя. Подождав, Юстэс понял, что беседа Оридэма с незнакомкой окончена. Одинокая тень на стене зашевелилась и по удаляющимся шагам, пленник догадался, что колдун вы-

брался наружу. Быстро перевернувшись на живот, юноша нечеловеческим усилием встал на колени. Но тут снова слышались шаги, и в пещеру вошло несколько Белоглазых. Юстэс не удержался и рухнул навзничь, пребольно ударившись лицом о каменный пол.

– Завтра всё будет кончено... – говорил Оридэм, видимо, продолжая разговор, начатый ранее. – Вэллария пообещала мне голову принца. Ради своего племянника Королева Чара пойдет на любые условия. Мы заставим её снять защиту города...

– Я бы не доверился Древним: ведь они ненавидят нас... – угрюмо возразил кто-то.

– Ничего, – уверенно отвечал Оридэм. – Людишек Древние тоже не жалуют. А за душу этого пленника Вэллария отдаст что угодно: он ведь *Извне*...

– А если нет? – вступил в разговор третий.

– Тогда скормим его хоромонам...

При этих словах Юстэс вспомнил оскаленную морду великана, и по его спине пробежал холодок.

– Ты плохо знаешь Королеву... – буркнул один из товарищей колдуна. – Не поменяет она город на мальчишку!

– Ну, значит будем драться. Покончим с Акрой, а там и до Вальгессты доберёмся!

Пришедшие поговорили между собой еще немного, и улеглись спать, устроившись рядом с костром. Один из них остался караулить у входа.

Пленник закрыл глаза. «Завтра в полночь... Неужели конец?..» Но разум отказывался верить в очевидное: нет, он непременно спасётся! Не для того он столько пережил, защищая свою жизнь, сражаясь с самыми причудливыми порождениями Тьмы, чтобы так глупо стать кормом для людоедов... Нет, он ещё покажет!.. Но липкие путы сковывали тело, и напрасно он бился в поисках спасения: всё было тщетно...

Выбившись из сил, он на минуту прикрыл глаза. Перед его внутренним взором поплыли видения: отчий дом, отец, Аньес... Вдруг откуда-то из глубин памяти всплыло лицо Старика: «Меня звали Ортил...» Постой, как там говорил Певец? «Он хотел, чтобы ты его позвал...» – и едва шевеля губами, Юстэс неслышно произнес:

– Ортил... – и ещё раз: – Ортил!

Тишина да треск поленьев в костре были ему ответом.

Прошло долгое время... А потом он вдруг почувствовал, как что-то побежало по его лицу. Скосив глаза, юноша увидел на щеке крохотного серебристого паучка. И ещё одного... И ещё... А с потолка пещеры прямо на лежащего пленника спускались сотни крохотных сородичей первопроходцев... Выходит, Ортил всё-таки явился ему!

Освободившись с помощью пауков из липких пут, Юстэс осторожно пополз к выходу. Навстречу поднялась фигура часового. Чёрт, он совсем забыл, что Белоглазые выставили охрану!.. Но противник не успел даже вскрикнуть: ма-

ленькие спасители человека несметной тучей облепили его, затыкая рот, глаза, уши... и Белоглазый молча осел на пол, поедаемый серебристой армадой пауков.

Не разбирая дороги, Юстэс бросился прочь. Ночь и дождь стали его союзниками. Когда огни вражеского лагеря растаяли во тьме, беглец нашарил в промокших лохмотьях тугой узелок. Разодрав зубами и ногтями неподатливую ткань, он извлёк оттуда заветную конскую бабку, – какая досада, что он не успел ею воспользоваться раньше! – бросил кость на землю, и в тот же миг шум ливня перекрыло конское ржание.

– Вперед!.. – прокричал Гилленхарт, оказавшись на коне.

Беззвучно вспыхнула молния... Запрокинув голову, юноша расхохотался прямо в небо и, вторя ему, ночные небеса сотрясло ворчание грома.

Обнаружив исчезновение человека, Оридэм пришел в ярость. Но делать было нечего, и он велел своим воинам скакать в ближайшую деревню.

– Схватите первого встречного, – любого, лишь бы на двух ногах, – велел он им, – и тащите сюда... Опоздаете к полуночи, пеняйте на себя!..

Солдаты, напуганные разгневанным видом могущественного колдуна, приказ исполнили буквально: мигом притащили какого-то упыря, на свою беду повстречавшегося им по дороге.

– Мерзость какая! – брезгливо скривился колдун при виде

трясущегося от страха синелицею. -Ладно, накиньте ему на голову мешок – авось, сойдет в темноте...

Вэллария оказалась верна своему слову: ровно в полночь она появилась из крохотного зеркала, заботливо припасенного Оридэмом, – так же, как и накануне. Только в этот раз она держала в руках большой свёрток.

– Я не забыла свое обещание, колдун, – произнесла она.

– Я тоже, – спокойно отвечал вероломный противник, не моргнув и глазом. – Вот он... – и подтолкнул к ней существо, лицо которого скрывала мешковина. Заметим, что несчастному заранее вырвали язык, дабы он раньше времени не нарушил планов Оридэма.

– Хорошо! – улыбнулась пришелица.

Её улыбка не понравилась колдуну, но делать было нечего: он и сам блефовал! Забрав мнимого человека, Вэллария исчезла. Оставленный ею свёрток остался лежать у зеркального осколка.

– Посмотрим, кто кого! – ухмыльнулся колдун, торопливо разворачивая богатую ткань.

Он допускал, что Вэллария обманула его, но то, что он увидел, заставило его онеметь: прямо на него глядели неживые глаза Тезариуса!..

Колдун мгновенно представил все последствия такого «подарка»: наверняка Вэллария свалит на них убийство чернodelа!.. И где дух убитого? И кто придёт за ним?!

Бросив мёртвую голову, Оридэм выскочил из пещеры: он

хотел кликнуть своих воинов, хотя и понимал, что им не догнать коварную обманщицу. Но едва он открыл рот, как ночь страшной тяжестью обрушилась на его хребет, и через мгновение он упал бездыханным.

– Это тебе за моего братишку! – буркнула темнота, принимая очертания хоромона.

Великан заглянул в пещеру. Пошевелив носом, он проворно подобрал голову Тезариуса и спрятал её в сумку, висящую на боку: пригодится...

– Он был тупым, но славным, мой братец... – пробормотал людоед и, перешагнув через неподвижное тело врага, удивительно беззвучно растаял в ночи.

...Мэрион сильно изменилась с тех пор, как погиб отец Себастьян. Её веселый смех теперь не звучал под сводами старого Замка, прекратились дерзкие выходки, она замкнулась, стала молчаливой и грустной. Обитатели Замка, вздохнувшие поначалу с облегчением, к удивлению своему вдруг обнаружили, что Рио-проказница нравилась им куда больше, нежели то унылое и бесцветное существо, что часами просиживало на диване в гостиной, листая старые журналы.

– Это пройдёт, – говорил доктор Сибелиус, вызванный для консультации. – Пройдёт... Время всё лечит... Придумайте для неё что-нибудь эдакое, чтобы новые впечатления заглушили прежние, и она расшевелится.

Но все усилия домочадцев пропали втуне: фантазия тету-

шек не шла дальше коробок со всевозможными сладостями, из-за чего Рио за неделю стали малы любимые шорты. И тогда в дело вступила тяжёлая артиллерия в лице Зануды.

– Священника не вернуть, – объявила она сестре. – Но можно попробовать сделать какое-нибудь доброе дело.

И – Какое? – кисло поинтересовалась Рио.

– Я нашла в книгах один старинный рецепт, – торжественно пояснила сестра, – там объясняется, как можно животное превратить в человека!

– И что?.. – уныло сморщилась младшая.

– Ну, как же? Давай превратим Хендрию обратно!

Мэрион с сомнением посмотрела на пса, сладко дремавшего среди диванных подушек.

– Не уверена я, что это будет доброе дело... – буркнула она.

Но сестра была непреклонна:

– Собирайся, поедем на Чёрный рынок. Нужно прикупить кой-чего для волшебного снадобья.

– Не хочу! – заупрямилась было младшенькая, но в конце концов ей пришлось покинуть диван.

Вслед за сёстрами увязался и Карапуз.

– Ладно, – нехотя согласилась Зануда, – только, чур, быстро одевайся! И умойся!..

Место, прозванное Чёрным рынком, представляло собой небольшой пяточок, расположенный в кварталах недалеко от Центральной площади. Рынок был одной из неофициальных

достопримечательностей Города.

Здесь и только здесь можно было раздобыть такие полезные вещички, как, например, приворотное зелье, талисман на удачу, целебные травы и корни, сушёные жабы лапки, ухо мертвеца, и прочую ерунду, среди которой попадались иногда весьма занятные предметы... Из-за подобных «сувениров» полиция частенько разгоняла продавцов, но почти каждый турист считал своим долгом посетить Чёрный рынок, и подпольная торговля процветала. Конечно, большинство продавцов и покупателей понимало, что это – всего лишь своего рода игра, атрибут, придающий пряную нотку романтическому и таинственному ореолу Города. Но до Рэга Шеридана не раз доходили сведения, что на рынке можно было приобрести и кое-что похлеще... Особенно после заката солнца.

Но до вечера было ещё очень далеко, и наша троица лениво слонялась по пятаку, полному затейливых соблазнов. Карапузу, тархтевшему всю дорогу без умолку, сразу купили леденец на палочке, чтобы молчал, и хрустальный шар, чтобы радовался... Рио приглянулась большая посеребренная подкова, а Зануде пришлось потолкаться среди праздной публики прежде, чем она отыскала то, что ей было нужно.

– Порошок из толчёных хамелеонов есть? – поинтересовалась она у шустрого опрятного старичка, из карманов у которого торчали аккуратные бумажные пакетики.

– Есть!.. – радостно подтвердил он.

– А трава-перевёртыш?..

– Есть! – еще радостней заулыбался продавец. И что бы ни спрашивала девушка, – всё у него было. Такой вот замечательный старичок попался.

– А прошлогоднего снега у вас не найдётся?.. – встряла в разговор младшенькая.

Зануда хотела одернуть сестру, но в её интонациях прозвучало что-то от прежней Рио, и она сдержалась. В конце концов, старшая купила всё необходимое, а напоследок дедок протянул Мэрион махонький замшевый мешочек:

– Я, гляжу, ты – грустная... Возьми вот подарочек!

– Это чего? – подозрительно спросила девочка.

– Смех тьетлей... – пояснил дедуля.

Вспомнив дядюшкины байки, Мэрион тут же потянулась за мешочком. Но хитрый дед проворно отдернул руку назад:

– Совсем даром – нельзя!

– А не совсем даром – это сколько? – недовольно усмехнулась Зануда, видя, как обиженно задрожали губы у сестрѐнки.

– Двадцать монет! – нахально заявил старикан.

– Нет уж, спасибо! – решительно отказалась девушка. Названная сумма намного превышала то, что они уже успели потратить. Но Мэрион взглянула на нее умоляюще, и Зануда вздохнула и стала торговаться.

Уже уходя, они заметили мальчишку с круглой стеклянной посудинной в руках, полной воды.

– Что это у тебя? – заинтересовалась Рио.

На дне банки распластался невзрачный пучеглазый бычок, украшенный страшноватого вида плавниками и наростами.

– Золотая рыбка! – гордо отвечал хозяин.

– Кто-кто?.. – рассмеялась девочка. – Да брось заливать!

Но мальчишка лишь длинно сплюнул себе под ноги и презрительно отвернулся.

– Хочу лыбку! – очнулся вдруг Карапуз, к тому времени расправившийся с леденцом.

– Купи, и пойдём отсюда, пока он нас не разорил до конца! – сказала Мэрион сестре, затравленно оглядываясь в поисках нового леденца.

Юный продавец оказался не жадным, и дав ему мелкую монетку, девицы всучили братцу банку с водяным уродцем, после чего наша троица отправилась восвояси.

Дома они тотчас приступили к изготовлению волшебного снадобья. Как назло, в Кухне в тот час оказалась куча народу: тетке Миранде приснился ночью страшный сон, и она без устали пересказывала его всем желающим. Слушатели пили чай, ахали, цокали языками, повторяли: «.. ах, да что вы!.. да не может быть!..» Страшный сон сидел тут же за столом и важно кивал головой: да, мол, всё так и было!..

Кончилось тем, что приготовленный сёстрами отвар в этой суете случайно выпил дядя Винки вместо чая.

– Кошмар! – ужаснулась Зануда, обнаружив, что её труды

пропали даром. – Что теперь будет?!

Мэрион захихикала.

– Надо немедленно сказать ему об этом! – решила старшая.

– Гм... – отвела глаза Мэрион. – Ну, вот пойди и скажи! А я пока поищу бомбоубежище...

– Маленькие ведьмы!!! – завопил дядюшка, узнав, что его здоровье, возможно, подверглось страшному риску, и прытью помчался к телефону вызывать себе «скорую».

Приехавший врач не нашел никаких признаков смертельного заболевания, но по настоянию пациента измерил ему давление, промыл желудок, и проделал ещё кое-какие несложные манипуляции, – безболезненные, но достаточно неприятные.

Все это время Зануда себе места не находила, а Мэрион, напротив, была очень даже довольна: пускай Хендря и останется пока собакой, зато как дядюшке-то насолили!..

Понемногу суматоха, вызванная досадным происшествием, улеглась, дядюшка тоже успокоился, и жизнь в Замке потекла своим чередом.

Но к ужину дядя Винки не вышел.

Орфа, которую послали за ним, вернулась крайне озадаченная.

– Уж не знаю, как и сказать, – заявила она, – только это баловство почище прочего будет!

Под «баловством» она подразумевала затею сестёр с вол-

шебным отваром.

Зануда и Мэрион выразительно поглядели друг на друга, после чего младшенькая незаметно улизнула из столовой и забаррикадировалась в своей комнате. Старшая героически осталась на месте.

– Да что случилось-то? – спросила Бабушка. Верная своим привычкам, она восседала во главе стола, спиной к двери. – Что?..

Ответом ей была внезапно наступившая тишина. По застывшим лицам присутствующих, бабуля поняла, что дело неладно. Кряхтя, она медленно оборотилась к входу в гостиную.

Там, едва помещаясь в проёме, стоял на задних лапах толстенный клыкастый кабан. Рыжие бакенбарды, трубка и любимый домашний дядюшкин халат не оставляли никаких сомнений – отвар подействовал. Только наоборот...

Нимало не смутившись произведённым эффектом, дядюшка-кабан прошествовал на своё место. Как раз между тёткой Люсильдой и тёткой Мирандой. Те шарахнулись в разные стороны.

– В чём дело? – удивленно спросил дядюшка, заправляя салфетку.

Присутствующие хранили молчание.

Кабан хмыкнул и принялся за еду. Остальные, застыв, наблюдали, как он ловко орудует ножом и вилкой... Быстро опустошив тарелку и блаженно откинувшись на спинку сту-

ла, дядюшка обратил, наконец, внимание на странные лица сотрапезников.

Внимательно посмотрев по сторонам, дядя Винки аккуратно помахал лапой перед носом окаменевшей тётки Люсильды. Она не шевельнулась. Даже не моргнула. Просто молча рухнула в обморок как сбитая кегля. Чрезвычайно заинтересовавшись сим обстоятельством, дядюшка проделал то же самое с другой соседкой. Удовлетворённый результатом, он сунул в рот не зажжённую трубку, и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Бьюсь об заклад, это проделки Мэрион! Верно, она откопала где-нибудь голову Медузы Горгоны...

– Кузен, – хрипло произнёс Папа, очнувшись. – Посмотрите на себя в зеркало...

Его голос прозвучал столь зловеще, что дядюшка тотчас поднялся и подошел к стене:

– Ну?.. – недоуменно переспросил он, глядя на свое отражение. Зеркальная поверхность явила удивлённым зрителям абсолютно нормальную картинку.

– Может, у нас что-то с глазами? – осторожно предположила Мама.

– Вполне возможно, – любезно отозвался кабан, – особенно, если любимая дочечка и вам чего-нибудь подсыпала в пищу.

– Нет, – авторитетно возразила тётка Жоржетта, – зрительные галлюцинации не могут быть совершенно одинако-

выми у всех!

В молодости эта тётка преподавала психиатрию в одном крупном учебном заведении.

Дядюшка, всё ещё не понимая причины столь странного поведения домочадцев, спокойно раскурил трубочку.

– Милочка, – обратилась тётка Жоржетта к Коре Амстьен, сидевшей рядом, – вы ведь тоже видите эти клыки, эту грубую шерсть на мор... простите, на лице господина Винсента?..

Кора тупо кивнула в ответ, не сводя глаз с дядюшки. Жоржетта продолжила детальное перечисление новоприобретенных дядюшкиных достоинств. Народ понемногу зашевелился. Молчаливое оцепенение сменилось тихим возбуждённым гулом.

– Видите ли, дорогой кузен, – встряла тётка Люсильда, – ваш образ... э-э... несколько изменился... Хотя в зеркале этого и не видно... – и виновато улыбнулась.

Дядя Винки снова посмотрел на себя.

– Что за чушь вы несёте! – с сердцем отвечал он. – Глупая гусыня!..

– Напаялил кабанью личину – и дерзишь женщине? – Дуния приподнялась со своего места. – Воистину твоё теперешнее обличье – тебе по духу твоему!

Дядюшка в ответ оцетинился, и забыв о безопасности, прохрюкал какую-то несусветную дерзость. Дуния молча достала топор.

– Прощу тебя, солнышко, не надо!! – засуетился Дедушка, хватая любимую за руки.

– Ладно, – после долгих уговоров сдалась воительница. – Заколю его ближе к зиме. Пусть пока вес нагуляет...

После этой недвусмысленной угрозы дядя Винки поспешно ретировался к себе.

Осада Города Людей продолжалась вот уже месяц. Запасы воды и провизии позволяли его жителям продержаться ещё с полгода, а то и больше. Торговые корабли купцов Заморья под прикрытием военных сил дружественных заморских племен за редким исключением благополучно пробирались в гавани Акры – и те, кому удавалось достичь причалов Убежища, богатели в одночасье, поскольку королевским распоряжением казна обеспечивала закупку продовольствия и всего необходимого впрок. Магический щит надёжно прикрывал Акру с севера, с моря её охраняла дружина воздушных стрелков и военный флот.

Казалось, враг останется ни с чем: нашествие погубило урожай, часть сухопутной армии и почти все селения, но большинство жителей успело укрыться за стенами Города, другие воспользовались «перекатами» или ушли в горы. Растерянность первых дней войны сменилась надеждой на лучшее: спешно созданное ополчение наскоро обучалось приёмам боевой магии и обращению с оружием, Легион Теней значительно пополнился за счёт погибших воинов, и Совет

Девяти начал разрабатывать планы контраступления...

Ничего этого не знал Гилленхарт, окольными тропами пробиравшийся в Акру. Его дружина была уничтожена в стычках на рубежах, весь этот мир был ему чужим, но верность своему племени, а главное – стремление вернуться домой, гнали его вперёд.

Однажды дорогу ему преградила река. Он долго отсиживался в лесу, прежде чем решился переправиться. Ближайший отряд Белоглазых находился неподалёку – и справа, и слева, – он определил это по восходящим к небу дымкам костров. Их разведчики шныряли повсюду, но другого выхода не было: рано или поздно его всё равно обнаружили бы, вздумай он и дальше отсиживаться. Местечко, которое он облюбовал для осуществления своих планов, подходило как нельзя лучше: между опушкой и рекой было совсем малое расстояние, прикрытое кустами, противоположный берег представлял собою узкую полоску песчаного пляжа, а дальше – вплоть до самого побережья шли холмы. Брода он не нашел, но течение в этом месте было слабым – вполне можно перебраться вплавь. Можно было, конечно, перемахнуть через реку верхом – его волшебному коню это было по силам. Но тогда он выдаст себя, а сможет ли его конь потягаться с крыланами?..

Держа коня за повод, он вступил в воду. Вокруг всё было спокойно. Вздыхнув, он перекрестился и осторожно двинулся вперёд, конь покорно последовал за ним, раздувая ноздри

и недоверчиво пофыркивая.

– Тише... – ласково просил Юстэс. – Тише, дружище...

Они благополучно достигли противоположного берега, и тут перед ними оказалась невидимая стена. Битый час промучившись в поисках лазейки, Гилленхарт чуть не заплакал с досады: башни Города видны были как на ладони!.. Он догадался, конечно, что это Люди выставили защиту, но что же делать ему?

Между тем, прошёл день, наступил вечер... Юстэс решил вернуться обратно: там хотя бы можно спрятаться в лесу, здесь же он был весь на виду. Обратный путь дался труднее, конь почему-то сильно упрявился. Едва выбравшись на сушу, Гилленхарт превратил его обратно в кость, злясь на себя, что не додумался до этого раньше. Управившись с непокорным жеребцом, юноша опрометью бросился в лес, стремясь найти убежище до того, как окончательно стемнеет. И вовремя: едва он укрылся в лесу, как показался конный разъезд – патруль Белоглазых, пять или шесть воинов, проехал вдоль реки, не заметив его.

Поразмыслив, Юстэс решил устроиться в развилке огромного дерева. Одежда, которую он во время безуспешной переправы приторочил в мешке к седлу, почти не промокла. Он оделся, из плаща устроил на дереве что-то вроде гнезда. Его мучил голод, но усталость, усугубляемая неудачей, пересилила и, пристроив рядом с собою меч, он впал в оцепенение, лишь отдаленно похожее на сон.

Беглец боялся быть застигнутым врасплох разведчиками неприятеля, но опасность пришла совсем с другой стороны. Едва зажглись на небе первые звезды, как он услышал странный шум... Сверху спланировал тёмный вытянутый силуэт. По его очертаниям, юноша догадался, что это скиссор. Неловко приземлившись, хищник подполз к соседнему дереву, и полез по его стволу: ни дать ни взять огромный кузнечик! Его медленные, неуклюжие движения вселили ужас в закалённое сердце молодого рыцаря: ему уже доводилось видеть, как играючи расправляются эти чудовища со своими противниками... Затаив дыхание, юноша замер, стараясь слиться с деревом, на котором находилось его «гнездо».

Сосредоточившись, насколько позволяло его положение, Юстэс замедлил сердцебиение, пока оно не прекратилось совсем... «Биение твоего пульса, – оно такое громкое... Намного громче, чем кажется неискушенному уху. Твари, что охотятся за живущими, услышат его за тридевять земель! Кровь твоя бежит по венам – и они это слышат, чувствуют тепло твоего живого тела, – остуди его, останови течение рек своих... Выдохни остатний раз – и пей воздух всеми порами своими, пусть кожные покровы твои позаботятся о тебе: представь, что растворяешься в воздухе, насыщаешься им, только не втягивай воздух внутрь! Иначе они услышат дыхание твоё... Закрой глаза – многие твари способны ощущать силу взгляда! Представь себя камнем, землёй, травой, – и враг не заметит тебя!.. Всё – в силе мысли твоей и духа!»

Так говорил покойный Радисвет, обучая новичка азам боевой магии. Это было первое, чему научил он его, – искусство маскировки.

Закрыв глаза, юноша «перевоплотился» в дерево, – за время долгих скитаний, он отменно выучил этот урок. Явственно ощутил, как кожа превратилась в кору, руки – обросли листьями...

Тварь медленно поводила огромными усищами, ворочая длинной овальной башкой из стороны в сторону. Юноша видел внутренним зрением, как шевелятся её жвала, как мерно вздымаются и опадают кожные наросты по бокам, – ей-то незачем было таиться! – справиться в открытом бою с этим чудовищем мог разве что дракон...

Усилием воли юноша погасил видение. «Меня здесь нет... Нет... Я не существую... Есть лес... есть ночь... дерево...»

Его выдал запах. Этому старый воин не учил.

Спружинив всеми шестью лапами, скиссор с пронзительным клёкотом стремительно бросился на беззащитную жертву, ломая молодые деревца и ветви, попавшиеся на пути. Его жёлтые горящие глаза вдруг оказались прямо перед лицом затаившегося человека. Юстэс даже подумать ничего не успел: рука сама схватила лежащий рядом меч, и металл по самую рукоять вошел в брюхо скиссора – прямо, а потом вверх и вниз... В прошлой жизни у него тоже были отменные учителя!

Хищник содрогнулся всем телом, его горячее дыхание

обожгло лицо человека. Заверещав от боли и ярости, он впился стальными когтями в плечи обидчика и ударил его клювом, целясь в голову. Уворачиваясь, Гилленхарт невольно выпустил скользкую от крови противника рукоять меча. Из-за его резкого движения, скиссор потерял опору, и они с шумом рухнули вниз. Удар о землю был столь силён, что чудовище упустило его из когтей. Юстэса отбросило в сторону... Повинуясь инстинкту самосохранения, он тут же сгоряча поднялся на ноги – монстр лежал на спине, конвульсивно шевеля лапами и пытаясь перевернуться. Человек вытащил из ножен кинжал и, шатаясь, двинулся вперёд. Кровь из рассечённой брови заливала ему глаза, ноги не слушались, всё вокруг – деревья, клочки неба в просветах между ветвями, мутные звезды, – плясало и раздваивалось, но он упрямо шёл навстречу возможной гибели, движимый первобытной ненавистью. Приблизившись, он двумя руками схватил оружие и замахнулся, что было сил... Но в глазах поверженного врага отразилась такая человеческая тоска и страх, что, забыв о безопасности, юноша опустил кинжал.

– Вставай! – заорал он. – Вставай! Сразись со мной!! – и тут же поплатился за свое милосердие.

Коварная тварь, изловчившись, когтями пригвоздила его ступню к земле, пронзив её насквозь, и тут же легко перевернулась. Растопырив огромные крылья, скиссор закричал, – его внутренности тёмными жгутами торчали из распоротого брюха, – но в этом крике было торжество победителя.

Огромной глыбой он навис над человеком – таким крошечным, таким слабым! – и замахнулся клювом, чтобы нанести ему последний удар... В руке человека сверкнула сталь, и кинжал вонзился прямо в надвигающееся жёлтое око чудовища.

Скиissor рухнул как подкошенный, чудом не придавив собой поединщика. Вытянулся – и замер, мёртвый... Человек упал рядом с ним.

Утром взошедшее солнце нежными лучами осветило место страшной битвы: истоптанная земля, изломанные кусты и деревья, и два неподвижных тела. Одно – огромное, переливающееся всеми оттенками зелёного и серого, другое, маленькое, – словно грязный кусок тряпья.

Очнувшись, Гилленхарт со стоном приподнялся и сел, хватаясь за траву. Перед глазами вспыхивали и бешено вращались огромные огненные колёса. Оглядевшись, он медленно подполз к убитому чудовищу и вытащил из его трупа свой кинжал. Привалившись к остывшему плечу противника, он долго не мог отдышаться... Потом отыскал меч и, примерившись, рубанул по крылу скиисора: он слышал от бывалых вояк, что лучшие щиты делают именно из кожистых крыльев этих чудовищ. Выкроив подходящий кусок, он вырезал кинжалом на внутренней стороне захват для руки. Примерился... Вроде получилось удобно.

Это отняло у него все силы. Бросив оружие, он лёг. Сырая, еще не нагретая земля, так хорошо пахнувшая травой,

приятно холодила смертельно утомлённое тело. Ему вдруг захотелось слиться с ней, стать единым целым... Он перевернулся на спину, раскинув руки. Вверху проплывали лёгкие белоснежные облака – захотелось улететь вместе с ними...

Сколько прошло времени, прежде чем он заставил себя пошевелиться?.. Молодость и присущая каждому живому существу жажда жизни взяли верх над слабостью, и он пополз к реке.

Прошла вечность, пока его пальцы ощутили влажный песок. Встав на четвереньки, он заполз на мелководье, опустил голову и, задыхаясь, всё пил и пил, и никак не мог напиться...

Внезапно он почувствовал, что кто-то смотрит на него. Продолжая лакать воду, он осторожно нащупал кинжал, и когда пальцы сжали прохладный металл, резко развернулся и вскочил. Но боль в раненой ноге швырнула его обратно в воду.

Туча брызг поднялась над ним, и сквозь сверкающую пелену он увидел на берегу всадника.

Женщина, одетая в белое, восседала на прекрасном белоснежном коне. Из-под головного покрывала цвета снега, выбивались длинные золотые локоны; спускаясь до колен всадницы, они переплетались с лохматой гривой коня. Её облик казался воздушным и прозрачным, но тёмные глаза смотрели строго, царственно прямой стан опоясывал меч, а в руках, сжимающих поводья, чувствовалась скрытая сила.

Юстэс медленно поднялся и, забыв о боли, приблизился к ней.

Ему хватило одного краткого мига, чтобы увидеть: незнакомка была прекрасна, точно божество, сошедшее с небес. Но её красота, вынуждая учащенно биться сердце, не вызвала плотского волнения – она заставляла преклоняться, подчиняться, забыв о собственной воле, – и человек благоговейно опустился на колени...

Она же смотрела на него сверху вниз, и если бы он в тот момент осмелился заглянуть ей в глаза, то поразился бы странной смеси жестокости, радости и печали.

Не говоря ни слова, она знаком велела ему следовать за собой. Хромая, он потащился следом, не думая, куда и зачем они идут.

В одном месте на берегу перед ними возникло зеленоватое свечение: воздух словно бы сгустился и пульсировал. Очевидно, это был портал. Всадница приглашающим жестом указала ему на переход, и он покорно починился её молчаливому приказу, не зная, куда это его приведёт.

...Когда человек исчез, женщина достала из складок одежды песочные часы, где за толстым стеклом медленно порхали светящиеся снежинки. Несколько дней назад она забрала эту стекляшку у Тезариуса. Демон на свою беду встретился ей на узкой тропе, ведущей от Драконьих скал к побережью.

– Слышала, ты послал человека, пришедшего Извне,

убить меня?.. – спросила она тогда у чернодела, прежде чем обнажить меч.

Тезариус лишь презрительно усмехнулся в ответ.

Но напрасно он улыбался: магия Древних оказалась сильнее его колдовства, – ведь Высшие открыли бывшим рабам лишь малую толику своего Знания. Да и меч, омытый кровью дракона, которая сама по себе – смертельный яд для Тёмных, – знал свое дело.

– Времени осталось мало! – прошептала женщина, глядя на танец снежинок. – Тут я ничего уж не сумею изменить. Но он успеет... *Он должен успеть.*

На следующий день отца Себастьяна провожали в последний путь. Он не раз говаривал, что хотел бы покоиться на Холмах, и магистрат распорядился исполнить последнюю волю покойного.

Обитатели Замка – не взяли только дядюшку-кабана – прибыли в маленькую церквушку на Холмах к десяти утра. Там уже собралась добрая половина Города.

Закрытый гроб стоял на специальном возвышении возле алтаря.

Мэрион вместе с остальными примостилась на деревянной скамье. Сквозь открытые окна лилась утренняя прохладная свежесть, в саду мирно жужжали пчелы, и ей казалось совершенно немыслимым, что её друг больше никогда не увидит этого неба, сада, полей, убегающих в Долину тро-

пинок.

Это была её первая потеря.

В углу негромко заговорил орган. Светлые и печальные аккорды неторопливо потекли над садом, растворяясь в небесной синеве:

– Нагими и босыми приходим мы в этот мир, и уходим, ничего не взяв с собою... Сотворённые из праха – в прах обратимся... И чем же измерить этот путь, путь от рождения до кончины? Лишь тем, что мы оставим после себя. Но города, построенные нами, занесут пески, засеянные поля – пожрёт саранча или засуха, накопленные богатства – растратят наследники, мудрость, собираемую по крупицам, уничтожит время... Великие горы, могучие реки – и те исчезают бесследно, так что же остаётся после нас? Только память. Память сердца... Связующая серебряная нить между живущими и ушедшим... Память о той любви, что он дарил при жизни... Так дарите же ближним любовь! Любовь истинную – ту, что долготерпит и милосердствует, не завидует и не превозносится, не гордится и не бесчинствует, не раздражается и не мыслит зла... Ту любовь, что радуется истине, всё покрывает, всему верит, всему надеется и всё переносит... Любовь, которая никогда – *никогда!* – не перестает быть...

Под величавые звуки органа гроб подняли на руки и он поплыл к выходу. В углу сада была приготовлена могила – ровный тёмный прямоугольник, рядом – аккуратно снятый слой дёрна.

Одним из последних к растущему могильному холмику подошел Макс Линд.

– Прощай, брат Або! – негромко произнес он. – Покойся с миром, ибо то, что должно было, ты сделал. Прощай же теперь!..

Мэрион, стоявшая неподалеку, не слышала его слов. Она думала о своём...

Когда стали расходиться, Бабушка пожелала отправиться в Город пешком – вниз с Холмов через сады. Внучка увязалась за ней.

Держась за руки, они молча шли по тропинке. Пахло молоком и сеном, летали стрекозы, над розовым клевером гудели тяжёлые полосатые шмели.

– Мне хорошо идти с тобою вот так... – вздохнув, сказала девочка. – А тебе?

– И мне...

– А ты боишься умереть?

Бабушка отрицательно покачала головой.

– А я – боюсь, – серьезно сказала Мэрион. – Наверно, когда стану старая, как ты, тоже не буду бояться. Только это будет не скоро... Знаешь, что? – и остановившись, она прорисительно заглянула старухе в глаза. – Когда будешь на небесах, не забывай меня, ладно? Обещаешь?

– Обещаю.

И на душе у обеих стало хорошо и спокойно. Особенно у Мэрион, ибо она поняла сегодня: провожая ушедшего, печат

лишься потому, что на свете *стало меньше любящих тебя*.
Но её бабуля будет любить вечно.

...Имя предателя так и не узнают. Склады продовольствия загорелись одновременно в разных концах Города, – пылали жарко и весело, будто деревянные, хотя были из камня. Спасти ничего не удалось.

Не успели осаждённые осознать, чем грозит потеря запасов, как из Гаваней пришла новая весть: торговых кораблей союзников больше не будет. Чья-то злая воля прикрыла Город с моря мощной силовой завесой, преодолеть которую они не могли. Призрак голодной смерти замаячил над стенами обреченного города.

– У нас не особенно богатый выбор, – подводя итог срочному заседанию Совета Девяти, сказал Абигайл. – Сдаться или умереть.

– Или подождать... – возразил кто-то. – Возможно, жрецам Храма удастся найти средство против морской блокады города.

– Сражаться всё равно придётся. Энергетическая защита города напрямую зависит от самих жителей, ведь защитное поле подпитывается их жизненной силой. И в хорошие-то времена создание силового поля чревато истощением организма, а представьте, что начнётся голод?.. В нашем распоряжении от силы неделя...

– Тогда будем драться! – запальчиво выкрикнул чей-то

молодой голос. Его поддержали ещё несколько.

– Тише! – Абигайл поднял правую руку, призывая к порядку. – Умереть всегда успеете... – сварливо добавил он. – Сейчас расходитесь и принимайтесь за свои прямые обязанности. Тем из вас, кто получил под начало определенный район города, надлежит теперь заняться усилением дисциплины и безопасности: наберите себе помощников из числа самых преданных и уважаемых горожан, – пусть следят за порядком на улицах, пресекают ненужные слухи и разговоры, распределяют остатки продовольствия и воды. Помните: ваша задача не допустить мародёрства и паники!.. Организуйте подготовку на тот случай, если враг прорвется в город: засады лучников на крышах, перегородите заставами улицы, укрепите их мешками с песком и камнями... Не хватит камня из мостовых, разберите дома, какие похуже, жильцы пусть поживут пока у соседей. Когда всё образуется, устроим им новые жилища за счёт казны, а нет... Ну, так и не нужно будет ничего... Остальным – заняться охраной стен и ополчением...

Отдав подробные распоряжения, старик отпустил соратников восвояси.

Тайная комната опустела. От стены неслышно отделилась маленькая хрупкая фигура. Абигайл нахмурился, но поднялся из-за стола, где сидел перед тем, задумавшись, и почтительно склонил голову:

– Ваше Величество...

– Значит, – продолжая предыдущий разговор, спросила Чара, – у нас ещё неделя?

– Я на это надеюсь... Как вы проникли сюда?

– Я – Королева! – с достоинством напомнила женщина.

Сказано это было таким тоном, что старому советнику пришлось воздержаться от дальнейших замечаний. Поспешно отвернувшись, чтобы повелительница не заметила недовольства на его лице, старик прошел в угол, где на мраморном столике стоял кувшин. Наполнив вином два высоких кубка, он почтительно преподнес один Королеве:

– Вино из Адмара... Теперь уж нескоро доведется попробовать такого. Виноградники Долины погибли... – и грустно добавил: – Долго растить лозу, тяжело ухаживать за ней, но обратить годы труда в пепел не стоит и мгновения!

– Об этом я и пришла поговорить с тобой. Наш виноградник – это наши дети. У меня плохие предчувствия, советник, – и она посмотрела ему прямо в глаза. – Мы должны спасти их любой ценой. Пусть соберут, кого смогут, в Храме. Оттуда переправим их в надёжное место, где приготовлен уже корабль.

– Сделать это тайно не получится, – угрюмо заметил советник. – Тут же поползут слухи и пересуды.

– Да, – спокойно согласилась Чара. – Но решат, что мы просто хотим укрыть детей за стенами Храма на случай штурма. Все знают, что там сохранились ещё малые запасы пищи и воды, а потому это не вызовет подозрений.

– Не все согласятся расстаться со своими детьми.

– Наверное... Но всё равно никто из родных не должен знать, что будет дальше! Ни единая душа, кроме меня и тех, кто будет сопровождать детей на корабль! Их имена я назову в самый последний момент.

Потом она надолго задумалась, глядя куда-то в пространство перед собой, а после упрямо проговорила:

– Не искоренить *им* рода человеческого... Так приступай немедленно! Жрецы Храма помогут тебе.

Абигайл склонил голову – куда с большим почтением, нежели раньше:

– Будет исполнено, повелительница!

Кирия, змеёй крутившаяся вокруг Тайной комнаты, так и не смогла заползти внутрь: канувшие в Лету безвестные строители из Вальгессты знали своё дело. Ничего не выгнав, ведьма спряталась в укромном уголке, достала из кармана маленькое зеркальце и прошептала заклинание.

– Ты мне нужна! – без долгих предисловий сообщило зеркало, выслушав её несвязные сбивчивые оправдания. – Лети немедленно!

Спрятав зеркальце, Кирия тотчас оборотилась в птицу, и торопливо покинула свое убежище...

Переход всего-навсего помог Гилленхарту одолеть невидимую стену. Ну, и на том спасибо... На подходе к Городу Гилленхарту встретился маленький отряд ополченцев. Го-

лодные и усталые, люди, скорее всего, не стали бы долго церемониться с дикого вида оборванцем, – поди, разбери, что на уме у бродяги, да и человек ли он вообще?.. Но один из них, пристально взглядевшись в заросшее многодневной щетиной, испорченное шрамами лицо юного рыцаря, неожиданно воскликнул:

– Чудной! Ты ли это?!

– Певун?.. – в свою очередь обрадовался Юстэс.

– Я думал, тебя уж и в живых нет!

Поручившись за приятеля головой, агил упросил соратников взять друга с собой.

В тот же вечер Юстэс был зачислен в ряды ополченцев.

– Хорошие воины у нас, конечно, наперечёт, – сварливо заметил командир, критически разглядывая донельзя изможденного новичка, – но не настолько, чтобы принимать на службу живых мертвецов... И что у тебя с ногой?..

Левая нога юноши сильно распухла и болела невыносимо. Ступню, где застряли когти скиссора, разнесло до невозможных размеров, и опухоль дошла почти до колена.

– Веди его к знахарке!.. – приказал старшой агилу. – Иначе толку с него не будет.

Знахарка – маленькая, сухонькая женщина, похожая на мышку, – проворно уложила юношу на длинный деревянный стол, цепкими тонкими пальцами ощупала израненную конечность, неодобрительно покачивая головой. После достала маленькую склянку и тщательно смазала раны, оставленные

хищником, прозрачной, дурно пахнущей мазью.

Спустя минуту Юстэс заорал благим матом: ногу словно окунули в жидкий огонь!

– Держи его! – приказала врачевательница, – а то убежит...

Пришлось агилу вцепиться изо всех сил в руку больного, а знахарка принялась вытаскивать из живой плоти осколки когтей, – под действием снадобья они сами полезли наружу.

– Редко кто из его лап живым уходил, – заметила она, с любопытством разглядывая острые осколки с зазубринами. – Повезло тебе, парень...

– Да... – сквозь зубы проскрипел Юстэс. – Я – везучий.

Она стала втирать в опухшую ногу мазь из другой склянки. Юстэс почувствовал, как огонь, пожирающий его тело, сменяется ощущением прохлады. Покончив с ногой, знахарка осмотрела его лицо.

– Тут я тебе не помогу! – заявила она. – Уже всё зарубцевалось. Если хочешь снова стать красивцем, иди к колдунам. Хотя твоя суженая тебя и такого любить будет – сердце у тебя чистое...

– Нет у меня суженой...

– Ну, так будет! – небрежно отмахнулась лекарка.

Агил подставил другу плечо и, бережно обняв, вывел за порог.

Безрадостный тревожный рассвет занялся над притих-

шим городом. Изуродованная рубцами земляных валов и шрамами развороченных мостовых, Акра стала совсем не похожа на себя прежнюю: веселую, надменную, богатую и беззаботную. Вэллария медленно ехала по пустынным улицам. Она тоже изменилась: лёгкие, едва заметные морщинки между бровями, синева усталости под глазами, припухшие веки, – и жёсткий, пронзительный взгляд, так не вяжущийся с её прекрасным, нежным лицом. Отпустив поводья, она казалась всецело погруженной в свои думы. Великолепный белоснежный конь – предмет зависти лошадников всего полуострова, брёл, казалось, сам по себе: то останавливаясь, где ему вздумается, то вновь продолжая путь, и звонкое цоканье его подков лишь усугубляло настороженную тишину спящих улиц. Слепые глазницы тёмных окон угрюмо смотрели им вслед.

Усталый ночной патруль перегородил дорогу одинокой всаднице, но тут же почтительно расступился, едва она откинула с головы накидку, скрывавшую лицо.

– Вечного солнца тебе, о Светлая!.. – хором приветствовали воины.

– Вечного солнца! – эхом откликнулась волшебница. Серенькая невзрачная птица, сидевшая на её плече, встрепенулась и запищала.

– Спокойно, Кирия, – тихо приказала Вэллария, и птица тотчас угомонилась.

Покружив по городу, они вскоре оказались у Тёмной Баш-

ни. Мрачное сооружение располагалось на холме – вдали от городских построек, но в пределах защитного кольца внешних стен. Вэллария тяжело вздохнула. Её черты на мгновение исказила нервная судорога, словно нечто страшило её. Но она быстро справилась с собой, и её лицо приобрело упрямое и решительное выражение. Сняв с плеча птицу, она приказала ей:

– Лети и скажи ему, что все готово...

– Я не хочу! – захныкала Кирия. – Я погибну там! Или останусь навсегда...

– Нет, – возразила волшебница, – я вызволю тебя обратно, ты же знаешь.

– Я боюсь! – заупрямилась ведьмочка. – Там ... там страшно... И холодно... И там просто ужасно! Ну, почему ты посылаешь меня? – её голос зазвучал по-детски обиженно и беззащитно. – Я – глупая, слабая... Я ничего не соображаю! У тебя самой всё получилось бы гораздо лучше! – льстиво прибавила она. – Ты такая сильная и всемогущая!..

Тонкие пальцы Вэлларии больно сжали птичьи лапы:

– Замолчи! -прошипела она. – Я – не могу, ведь ты же не вытащишь меня оттуда! Я тысячу раз объясняла тебе это! Так же как и то, что с тобой ничего не случится, если ты перестанешь ныть и будешь выполнять мои указания... Лети же, и помни – всё будет хорошо!

Кирия расправила крылья и тяжело поднялась в воздух. Медленно набирая высоту, она полетела по направлению к

Башне.

Заклятое место на деле представляло собой темный гудящий столб плотного воздуха, диаметром около тридцати локтей, – что-то вроде вечного, идеальной формы воздушно-го смерча, уходящего высоко в небо. Приблизившись, можно было заметить, что этот столб вращается. Местные смельчаки частенько развлекались тем, что бросали в Башню камни – те, что долетали, исчезали бесследно... Порой, вокруг Башни Забвения возникал бешеный воздушный круговорот – и горе тогда тому, кто находился слишком близко! – вырваться из его притяжения было невозможно.

Кое-где в воздушных завихрениях образовывались просветы, не видимые простым глазом. К одному из них-то и направлялась теперь Кирия. Ловко лавируя в потоках восходящего воздуха, она улучила момент и проворно ввинтилась в туманную мякоть Башни. Теперь ей было легче: внутри круговорот воздуха был гораздо медленнее, точно время здесь текло по-другому. Да так оно, видимо, и было...

Трепеща от страха, птица чуть прикрыла глаза, пытается сосредоточиться, как учила могущественная наставница. Там, снаружи, её повелительница проделала то же самое.

«Я с тобой...» – услышала Кирия голос у себя в голове. «Я – это ты... Ты – мои глаза и уши...» – и посланница тотчас потеряла ощущение собственного «я», словно бы вообще перестав существовать. Теперь она – великая волшебница, – дочь древней, почти исчезнувшей, гордой и великой

расы, во имя спасения которой была готова на всё. Даже на переход в небытие...

Вновь открыв глаза, Кирия-Вэллария осмотрелась... Светящаяся туманная пустота медленно вращалась вокруг неё. Постепенно в этой пустоте стало вырисовываться искажённое вращением размытое подобие громадного человеческого лица.

– Ты ссс-снова пришшшш...лла-аа... – лязгающим голосом заговорила пустота, словно где-то далеко ударили в медный щит, и отголоски этого удара превратились в слова.

– Да, – отвечала Вэллария, и птица послушно повторяла её слова. – Пришла, согласно нашему уговору...

– Й-аа не пом-м-м-ню-ююю... – безразлично откликнулась Тёмная башня.

Там, снаружи, Вэллария коротко и жестко рассмеялась. Птица тотчас послушно откликнулась горловым клёкотом – словно стеклянные бусы рассыпала.

– Дряхлый, выживший из ума старикашка! – презрительно воскликнула волшебница, и птица повторила её слова. – Твое нынешнее существование воистину ужасно! Но мне не жаль тебя. Ты получил по заслугам, Ахайя...

Едва птица, повторяя за ней, произнесла это имя, как очертания лица внутри Башни приобрели более чёткие контуры.

– Ме-ееня-я так зва-а-лиии... – прошелестела пустота.

– Тебя снова будут так называть! – пообещала волшебни-

ца, и достала из-под плаща прозрачный, по виду стеклянный шар, внутри которого дымилось светящееся облачко. – Это души людей Извне! – сказала она, вытянув руку, держащую шар, по направлению к Башне. – Настоящие!.. Ты получишь их и снова *станешь быть*. Хочешь снова стать человеком?.. Но взамен, кроме гибели Рода Людского, я хочу и твоё могущество. Камень, в котором ты сохранил свои знания, перед тем, как развоплотиться... Где он?

– Здес-сссь... – равнодушно ответила Башня.

И в самом центре вращения постепенно проявился бесформенный сгусток. Вращаясь, он приобретал все более чёткие формы, его грани слегка замерцали. Птица захлопала крыльями и вцепилась в него когтями.

– Неси камень сюда! – мысленно приказала ей Вэллария, возвращаясь к действительности. Кирия, неожиданно лишившись внутренней поддержки, испуганно затрепетала, едва не выронив добычу. Усилием воли Вэллария потянула свою маленькую помощницу наружу. – Только упусти камень! – сурово пообещала она ей. – И останешься там навсегда!..

Башня вовсе не собиралась так легко отпустить свою гостью. Вэллария изо всех сил боролась с притяжением воздушного вихря: на её лбу вздулись жилы, лицо покрылось мелкими бисеринками пота, она вся дрожала от напряжения неравной борьбы, а крохотная птичка в Башне, изнемогая от тяжести Камня, пыталась пробиться сквозь плотную заве-

су ледяного тумана, норовившего поглотить её. Но в конце концов воля волшебницы победила – и полумёртвая Кирия выбралась наружу. Оказавшись на свободе, она бешено замахала крыльями, движимая не столько силою мышц, сколько желанием спастись от верной гибели. Вэллария размахнулась и швырнула шар с драгоценным содержимым в сторону Тёмной Башни – она всегда выполняла свои обещания. Ну или почти всегда...

Но уставшая после борьбы с силами Башни, она бросила шар слабее, чем нужно, и неловко. Не долетев добрых два десятка шагов, он стал падать вниз и неминуемо разбился бы об землю. Но от Башни щупальцем отделился плотный поток воздуха и ловко подхватил брошенный шар.

И тут случилось непредвиденное.

Занятая спасением своей подопечной, Вэллария не заметила, что за ней наблюдают. То были двое солдат, посланных начальником встреченного ею по дороге патруля. Командир, обеспокоенный задумчивым видом Светлой и её одиночеством, отправил их за нею вслед, наказав, чтобы они незаметно позаботились о её безопасности. Теперь же, смекнув, что дело нечисто, один из них быстро зарядил пращу и ловким выстрелом разбил шар.

Башня содрогнулась от нечеловеческого рёва!

Второй солдат, не такой сообразительный, как его товарищ, только рот раскрыл и столбом замер на месте. Обернувшись, Вэллария увидела людей и мгновенно выхватила меч.

Разбивший шар замешкался: ведь нападавшая была Светлым Магом! Промедление дорого ему стоило: в то же мгновение он, окровавленный, распростёрся на траве. Его напарник рухнул на колени:

– Госпожа! Пощади!.. Я никому ничего не скажу! – взмолился он. Но Вэллария не собиралась оставлять свидетелей.

Расправившись с нечаянными соглядатаями, она обернулась к Башне. Над её вершиной бесновались языки пламени.

– Прости, Безумец, – засмеялась волшебница, – ничего не получилось! Но в том нет моей вины! – и подняв с земли вожделенный Камень, спрятала его в седельной сумке.

Кирия, приняв свой обычный облик, без памяти лежала на земле. Вэллария легонько похлопала её по щекам.

– Очнись, трусиха! Все кончено.

Ведьма со стоном приоткрыла глаза.

– Я живая? – пробормотала она.

– Да! – подтвердила волшебница. – Мало того: я награжу тебя за верную службу. Скажи, чего тебе хочется?

Кирия тяжело поднялась на ноги.

– Ну, не знаю... – неодобрительно пробурчала она, ощупывая свои тела на предмет сохранности. – У меня не одной целой косточки будто бы не осталось... Может, новое платье? – и вопросительно посмотрела на Вэлларию.

– Какая ты убогая! – рассердилась волшебница. Довольная тем, что завершила дело, на которое потратила годы, она испытывала приступ великодушия. – Не можешь придумать

чего-нибудь получше?

Кирия между тем опасливо разглядывала убитых солдат.

– А ведь этот – не человек! – заметила она, ткнув пальцем в одного из них. – Это – агил. Я слышала как-то его пение: вот чудо-то!.. У меня прямо сердце чуть не остановилось, до того хорошо!

Вэллария подошла и склонилась над поверженными. В её душе шевельнулось смутное сожаление. Выпрямившись, она обернулась в сторону Башни и долго смотрела на тёмный столб, постепенно осознавая непоправимость содеянного: ведь она вовсе не хотела убивать... *И не должна была...* Словно помрачение какое-то нашло! Светлая медленно перевела взгляд на Кирию: девчонка тоже застыла, сообразив, что произошло неладное... «Она была *там*... И в тот момент мы представляли *единое целое*. Неужели через неё Башня сумела навязать мне свою волю?» От этой мысли в сердце заполз холодок.

– Что сделано, то сделано, – тихо сказала Вэллария. – Хочешь, возьми себе его голос...

– Хочу! Хочу! – обрадовалась юная ведьма, и запрыгала, хлопая в ладоши. – Но... только как же... Как же я его заберу?..

Вэллария сердито отмахнулась, досадуя на ее непонятливость, потом, прикрыв глаза, на мгновение простерла руку над агилом, и сказала:

– Всё! Теперь он – твой.

– Мой?.. – недоверчиво переспросила Кирия совсем другим голосом: не дребезжащим и гнусавым, как раньше, а чистым и нежным.

Волшебница не ответила. Вскочив на коня, она направилась в сторону городских кварталов. Кирия растерянно смотрела, как она удаляется.

– А как же я? – крикнула она, опомнившись.

– Возвращайся к своей хозяйке! – не оборачиваясь, отвечала Вэллария. – Твоя служба ещё не закончилась.

– Но я хочу с тобой! – загапризничала ведьма.

– Я позову тебя, когда понадобится... – сказала волшебница и исчезла.

Оставшись одна, ведьма горестно всхлипнула, точно обманутый ребенок:

– Никому-то я не нужна! – и внезапно ожесточившись, добавила: – Ну, и ладно! Я вам ещё покажу!..

Подобрав юбки, она вприпрыжку помчалась в сторону Пролива – надо бы успеть во дворец до того, как хозяйка её хватится. Едва она скрылась, как один из лежащих на траве солдат пошевелился и застонал...

Командир дружины ополченцев быстро оценил боевые навыки пришлого воина, а потому берёт его, заставляя отдыхать, чтобы раненый успел окрепнуть до того, как враг провет магическую защиту Города, – то, что это случится рано или поздно, было ясно уже многим.

– Пусть желторотые птенцы наберутся опыта, охраняя город, – рассудил Ворчун, как за глаза дразнили командира его подопечные. – Научатся хоть меч из ножен вытаскивать. Зато как станет по-настоящему жарко, я вперёд тех, кто полочее отправлю.

В число «желторотых» попал и агил. По собственному признанию, до сих пор его единственным оружием был голос. Он как-то даже продемонстрировал приятелям по службе, как лопаются стекла, не выдерживая самой высокой ноты, которую рождало его горло... С копьём и мечом он и в самом деле управлялся хуже некуда. Правда, расстраивался он из-за этого недолго: у певца оказались зоркий глаз и меткая рука – и в отряде мало кто мог теперь соперничать с ним в стрельбе из пращи и лука.

Когда певцу выпадало идти в наряд, Юстэс понемногу упражнялся с мечом, радуясь, что силы постепенно возвращаются к нему, после шёл бродить по городу: Акра, даже теперь, в дни осады, вызывала у него такой же трепет и удивление своим величием и необычностью, как и тогда – в первый раз.

Как-то он случайно обмолвился, что проник внутрь защитного купола через портал. Правда, не сказал, кто помог ему. Ворчун неожиданно нахмурился:

– Где прошёл один, пройдет и другой! – и послал его с несколькими опытными воинами посмотреть то место. Сам же бегом отправился доложить неприятную новость.

К полудню посланные добрались до реки.

– Вот, где-то здесь... – махнув рукой, сказал Гилленхарт.

Впереди дрожало, искажая очертания предметов, находившихся за пределами защитного поля, голубоватое марево. Поднимаясь из реки, прозрачная стена уходила ввысь, закругляясь по направлению к городу. Казалось, будто они находятся внутри гигантской водяной капли.

Стоя у самой воды, они долго наблюдали за противоположным берегом. Там было тихо: такой же ясный полдень, неподвижный лес, белая кромка речного песка... Смастерив из свежей ветки рогульку, один из людей спешил, и взявшись обеими руками за концы рогатки, медленно пошёл вдоль реки. Он несколько раз прошёл туда и обратно, лоза в его руках осталась неподвижна.

– Сдаётся мне, что нет тут никакого перехода. Может, ты ошибся местом, парень?

Гилленхарт не успел ответить: на той стороне из леса вывалился отряд всадников на низеньких косматых лошадках. Стремительно скатившись к реке, противник обрушил в их сторону целую тучу стрел. Едва достигнув спасительного купола, вражеские стрелы тотчас вспыхивали и мгновенно сгорали. Люди невольно отступили назад... Нападавшие потрясали копьями, некоторые из них сгоряча бросались прямо в воду, – маленькие лошадки упрямылись, вздымаясь на дыбы, – но всё это происходило беззвучно, будто не наяву.

Оправившись от неожиданности, люди подобрались бли-

же. Теперь Юстэс смог отчётливо разглядеть атакующих: оскаленные зубастые морды, лишь отдаленно напоминающие человечьи, длинные изогнутые рога, покрытые чешуей лапы...

– Несладко бы нам пришлось, если бы не стена, – философски заметил кто-то из его товарищей, острием копья рисуя на песке защитные руны.

– Белоглазые всю нечисть собрали под свои знамена! – злобно отозвался другой и сплюнул.

– Поехали назад! – приказал тот, что ходил с лозой. – Был бы здесь портал – нас бы уже сожрали живьём.

По возвращении Гилленхарта ожидала страшная новость: на холстах во дворе казармы лежало тело агила и ещё одного воина. Опустившись на колени, Юстэс дотронулся до руки друга.

– Он тяжело ранен, но ещё жив, – сказал Ворчун. – Не знаю, сколько протянет. Знахарку приводили, она сделала всё, что могла. Говорит, не жилец... А второго уже мёртвого привезли.

– Кто? – яростно выдохнул Гилленхарт. – Кто?!

Но агил только тихо стонал – всё реже и реже.

– Знахарка сказала, что у него украли голос, – пояснил ему какой-то парнишка. – Может, из-за этого его и хотели убить?

Кто-то тронул его за плечо:

– За тобой пришли!

Подняв голову, Юстэс увидел, что в отдалении маячат две Тени.

– Ты, братец, извини, – смущенно топтался на месте командир. – Но я доложил про переход... Ты пойми: иначе же нельзя было! Где один прошёл – там и другие!

– Я понимаю. И обиды не держу, – устало отмахнулся Юстэс. Ему вдруг всё стало безразлично. Поднялся и на негнущихся ногах пошел за Тенями, чуя, как шею захлестнула невидимая петля.

– Пустите, я сам!..

Петля ослабла.

Они добрались до пролива, отделяющего Город от королевских чертогов. Серебристый диск скоро пронес их над беспокойными водами, – там, на причале ожидали трое в одеждах жрецов.

Потом был долгий мучительный разговор...

Юстэс не помнил деталей, он был точно в бреду, – голова болела нестерпимо, всё вокруг расплывалось, двоилось, дрожало, и временами он проваливался в темноту, озаряемую огненными всполохами... Затем властный женский голос отчётливо произнёс:

– Хватит!

Черноволосая девушка принесла ему воды: лёд сковал горло – до того была она холодная. Потом велела ему следовать за ней. Голос девушки был до боли знакомым, но как ни вглядывался он в её лицо, так и не смог припомнить, чтобы

видел ее когда раньше.

В огромной богато убранной зале его ожидали семеро: седебородый высокий старик с колючими внимательными глазами, двое чуть моложе, – все в простом платье, остальные – среднего возраста, крепкие, закованные в сталь воины.

– Мы – Совет Девяти, – сказал самый старый. – То, что от него осталось.

От этих людей исходила такая сила и уверенность, что Юстэс мгновенно проникся огромным уважением к этим людям и почтительно склонил перед ними голову.

– Юноша, – пронзительным голосом проскрипел старик, – тебя сочли невиновным... Ты – свободен. Но мы увидели так же, что ты отличный воин, и душа твоя чиста... Ты можешь сейчас же уйти отсюда. Уйти таким, каким и пришёл... А можешь принести Клятву верности, и тогда после смерти ты станешь Тенью, и продолжишь ратную службу.

– Я согласен!.. – без раздумий ответил Гилленхарт, потому что слишком хорошо помнил тех, что пытались завладеть душой и телом покойника в горной деревушке. А он не хотел бы попасть в их лапы! Да и недавние приключения в лесу были свежи в памяти, – кто знает, сколько ему отведено?

Советники переглянулись.

– Понимаешь ли ты, *что* именно влечёт за собою этот обряд?.. – спросил один из них, чьё лицо наполовину скрывала металлическая пластина. Голос его показался Юстэсу знакомым. Приглядевшись, он узнал в нём Нордида! Так, значит,

он не погиб тогда и не в темнице!

Юстэс посмотрел туда, где в отдалении маячили часовыми две огромные Тени.

– Вечное служение – и теперь, и *после*, – продолжил за него вопрошавший. – Тебе не будет покоя. Покорный, безвольный слуга, игрушка в чужих руках. И найдется ли какая-то сила или некий способ изменить однажды данной Клятве, если вдруг оковы верности окажутся непомерно тяжелы?.. Подумай хорошенько, воин! Ты волен уйти отсюда таким же свободным, каким пришёл, и никто не упрекнёт тебя!

Остальные молчали.

– Я готов!.. – твердо ответил юноша, и люди вокруг одобрительно закивали.

И лишь только юная черноволосая ведьмочка, что поила его водой, затаившись безмолвной тенью в углу, тихо вздохнула: она-то знала, что такое неволя!..

Магический обряд был краток и незатейлив.

Принесли вина, наполнили чаши. Поднявшись со своего места, Королева отцепила с пояса кинжал. По удивительному совпадению, кинжал был точной копией того, что достался Юстэсу на пиратском корабле! Но, отметив это в уме, он тотчас и забыл об этом, весь захваченный происходящим.

Нараспев произнося непонятные слова, женщина неуклюжим и точным движением коснулась лезвием своего запястья, и в чашу с вином потекла тонкая струйка того же цвета,

что и пьянящая влага. Подчиняясь её испытующему взгляду, он, точно во сне, протянул руку, и металл обжег его кожу. Кровь человека смешалась с содержимым чаши, и она первая поднесла её к губам. Потом он выпил оставшееся, не отрывая глаз от её лица, – и не ощутил даже и вкуса. Она же пристально смотрела на него, продолжая читать заклятье, и он растворялся, тонул в глубине её глаз, забывая и себя и всё сущее...

Присутствующие, дождавшись, когда умолкнут слова заклинания, дружно сдвинули свои кубки в знак того, что были свидетелями добровольного принесения Клятвы. Этот звон вывел Юстэса из транса. Он удивлённо оглянулся вокруг, с трудом припоминая все предшествующее.

...Потом он вдруг очутился у причала. Один.

Пока он был во дворце, поднялся сильнейший шторм, но один лодочник всё-таки согласился перевезти его через пролив. Огромные волны перехлёстывали через борта судёнышка, и перевозчик, видимо со страху, болтал без умолку – обо всем подряд: и про загадочную гибель солдат из ночного патруля, и про другие неладные вещи, творившиеся в осаждённом городе. Но Юстэс не слушал его: глядя в тёмные беспокойные воды, он внезапно вспомнил ту ночь, когда буря пыталась сорвать его со скалы и утопить в таких же бушующих волнах, – и словно наяву опять услышал слова Тезариуса. И смертельный ужас охватил всё его существо...

– Если это и вправду золотая рыбка, может, попросить её: пусть сделает так, чтобы у нас закончились все неприятности, и Папе не пришлось бы продавать Замок?..

Толстяк Дю и Мэрион сидели в комнате Карпуза, разглядывая аквариум, где плавало недавнее пучеглазое приобретение.

– Лыбка не будет вас слушаться!.. – немедленно заявил владелец неказистого чуда, недовольный тем, что сестра и её приятель намеревались, похоже, посягнуть на его имущественные права.

– А вот мы ей сковородку покажем, – недобро пообещала сестрица, – и посмотрим тогда, будет или нет...

– Ты – злая! – надул губы малыш, и спиной загородил аквариум.

– Не злая, а находчивая! – с достоинством возразила Мэрион.

«Лыбка» тем временем торопливо нырнула в самую гущу водорослей.

– Она тебя услышала! – засмеялся Толстяк.

Один из Зелепусов, болтавший ногами на краю аквариума, нечаянно свалился в воду. Второй захихикал, схватившись за живот. Но через секунду ему стало не до смеха: мгновенно выскочившая из своего убежища, рыбешка торпедой рванулась к барахтающемуся в воде братцу. Её мощные челюсти не предвещали пловцу ничего хорошего.

– Спасите!!! – завопил бедолага, тщетно пытаясь выбраться

ся самостоятельно.

Толстяк, подскочив к аквариуму, проворно выхватил неудачника из воды, ухитрившись другой рукой щелкнуть по носу потянувшуюся вслед за ним рыбину. Пучеглазая страшила отпрянула назад, но тут же снова высунулась наружу, схватившись перьями плавника точно пальцами за скользкий бортик аквариума. Другой плавник она сложила в кулак и погрозила обидчику, выразительно кляцнув кривыми зубами.

– Что-о?! – возмутился Толстяк. – Еще какая-то селёдка будет мне угрожать!..

– Я не селёдка! – вслух обиделась рыба. – Я Жабер!

– Тяжелый случай... – заметила Рио. – Без сковородки тут и в самом деле не обойтись...

– Не нужно! – рыбий рот растянулся в подобие улыбки. – Я – хороший! – и в доказательство забияка старательно завилял по-собачьи хвостом.

– А желанья ты умеешь исполнять?.. – вкрадчиво спросила девочка.

Рыба задумалась, оценивающе разглядывая собеседников.

– Хватит нам экспериментов! – буркнул Толстяк, поглаживая бархатную спинку Хендри, развалившегося рядом под столиком. – Дозагадывались уже! Опять какая-нибудь ерунда получится!

– А я согласна! – подала вдруг голос Рыжая Рита. – Мне,

например, хуже не будет...

Её крошечное личико было исполнено отваги и решимости.

Мэрион вопросительно посмотрела на остальных.

– Давайте лучше начнем с дядюшки, – предложила она.

– Это, который за мной с вилкой охотился?.. – уточнил Жабер. Дядюшка, став кабаном, и впрямь иногда вёл себя довольно странно. – Не пойдёт!.. – категорически отрезал пучеглазый, получив утвердительный ответ.

Посоветовавшись, друзья, в конце концов, решили начать с лилипутки.

– Когда еще такой случай подвернётся? – рассудили они.

– Ладно... – снисходительно согласился Жабер. – Валяйте! Мне-то всё равно. Только учтите – желаний ровно три!

– Каждому? – быстро уточнила Рио.

– Ага! Щ-щас!.. – фыркнула рыба. – Всего три!..

Поставив Рыжую Риту на столе рядом с аквариумом, остальные на всякий случай отошли подальше. Мало ли...

– Готова? – глухо спросила Мэрион.

– Готова... – голосом командира экипажа космического корабля откликнулась Рита.

– Загадывай! – великодушно разрешил Жабер.

Вытянувшись в струнку, Рита откашлялась и торжественно проговорила:

– Хочу... Хочу стать как прежде!..

Жабер нырнул обратно в воду и что-то там пробулькал се-

бе под нос. К поверхности стремительно всплыли три огромных водяных пузыря. Не успели они лопнуть, как раздался страшный треск: то рухнул под тяжестью внезапно увеличившейся в размерах Риты стол, где стояло жилище водяного кудесника.

Вот поднялась суматоха!..

Аквариум – вдребезги, осколки и вода – по всей комнате!.. Зелепусы успели запрыгнуть на люстру, но зато упавшим столом прищемило хвост мирно дремавшему псу, и тот взвыл так, что ему тут же ответили собаки со всей округи. Мэрион принялась хохотать как сумасшедшая. Карапуз на всякий случай старательно заревел... Толстяк заорал басом, перекрывая дикие вопли Хендри: выброшенный на «сушу», Жабер метко угодил ему прямо в руки, и его колючки впились мальчишке в пальцы. А посреди всего этого бедлама, обалдело моргая, сидела в луже мокрая голая тётя натуральных форм и размеров. Её рыжие космы венчал зеленый пучок водорослей...

– Что случилось?! – в комнату ворвалась перепуганная Зануда, привлеченная шумом. За её спиной виднелись возбужденные лица нескольких тётушек.

– Ничего особенного... – заявила Рыжая Рита, поднимаясь и отряхиваясь. – Детишки резвятся...

Раскачавшаяся от прыжка Зелепусов люстра чуть помедлила и тяжело рухнула на то место, где только что сидела превращённая. Будто точку поставила.

– В как... в каком вы виде, милочка?! – очнувшись, хором завопили тётушки.

– В естественном!.. – радостно сообщила счастливая Рита.

Рэг Шеридан продолжал заниматься расследованием загадочной гибели Священника. Убийство – само по себе вещь очень серьёзная, особенно для такого благополучного городка, каким слыла Зелёная Чаша. Но это дело ещё и напрямую затрагивало интересы семьи его друга.

Шеридан не верил в причастность Виктора к махинациям с деньгами Корпорации. Комиссар полагал, что за исчезнувшим Красавчиком стояли другие люди, – сам бы мальчишка никогда не додумался до такого, – и ни минуты не сомневался, что на деле удар был направлен не против империи Торокары, а против владельцев Замка. Смерть отца Себастьяна он интуитивно рассматривал как звено из той же цепочки – ведь Священник всегда был на стороне семейства, следовательно, мог чем-то кому-то помешать... Оставалось найти нечто общее между этими, казалось, не связанными преступлениями.

Разгадка любого, самого запутанного и зловещего преступления чаще всего представляет собою ответ на два вопроса: зачем и кому это выгодно?

Поразмыслив, Шеридан уверился, что знает ответ на первый из них. Без сомнения, целью преступника или преступников является Замок Лостхед. Может, конечно, он оши-

бался, и убийство отца Себастьяна было, например, ритуальным... Что-нибудь из области чёрной магии, – случилось здесь и такое... На эту мысль наталкивал сам способ убийства: усекновение главы, знаете ли, по статистике не очень распространено среди обычных убийц. Но с другой стороны, все эти отрезанные головы – легендарные и реальные – опять-таки подталкивали течение его мыслей к истории Замка.

Рассудив таким образом, комиссар принялся вести расследование сразу в нескольких направлениях. Прежде всего, он углубился в изучение списка претендующих на покупку Замка: кое-кто в этом списке оказался лицом подставным, – на них-то и следовало обратить внимание в первую очередь. Одновременно полицейский вплотную занялся личностью Макса Линда.

Обнаружив спустя несколько дней в своем кабинете гадюку, комиссар повеселел: ядовитая змея – вещь неприятная, ему лишь по чистой случайности удалось избежать укуса, который мог бы стать роковым. Но это, вероятно, означало, что он находится на верном пути.

Еще несколько странных и малообъяснимых случаев, произошедших один за другим в течение малого промежутка времени, лишь укрепили его в этой мысли.

Сначала в его собственном кабинете не на шутку разыгрался полтергейст, едва не уничтожив собранные улики. Потом как-то ночью ему чуть не прокусил горло вампир: очень

приличный с виду молодой человек подкараулил комиссара, когда тот возвращался домой. Но Шеридан недаром прожил в этом городе несколько десятков лет... Схваченный с поличным, стервец недолго отпирался, особенно, когда ему показали серебряную пулю. След, однако, оказался «пустышкой». Смотрители, к чьей помощи пришлось обратиться пострадавшему, – там, где в дело мешались Иные Силы, одних полицейских мер было явно недостаточно, – по указке кровопийцы сумели обнаружить лишь старый заброшенный дом, где в подвале были некоторые признаки существовавшего там когда-то Провала.

А когда к комиссару среди бела дня нахально вломился чёрный кот с пустым ведром, – разбив этим ведром зеркало в прихожей, наглый котяра бесследно исчез, – Шеридан понял: пора принимать серьёзные меры по обеспечению собственной безопасности...

...Ослабевшие от голода жители Акры не могли больше поддерживать столь огромное защитное поле – для этого требовалось слишком много энергии, – и все оставшиеся силы были брошены на укрепление стен города. Враг тотчас форсировал реку и сомкнул кольцо вокруг Убежища.

– Потери в наших рядах невелики – нечисть и её союзники потеряли гораздо больше, но бесконечно отсиживаться за стенами мы не сможем. Даже если Белоглазые не одолеют стены с помощью магии, они просто возьмут нас измором, –

мрачно изрёк Абигайл.

Он, Королева Чара и еще несколько высокопоставленных сановников верхами объезжали укрепления города.

– Смотрите, пророчица Мирта! – сказал кто-то из сопровождавших Королеву: большая толпа собралась вокруг камня, на котором стояла предсказательница.

– Вижу пожар... Страшный пожар!.. – услышали они, подъехав поближе. – Мор и глад... И огненные реки... Большие драконы, взмахнув крылами, сотрут вместилище гордыни с лица земли...

– Заткните ей рот! – побледнев от ярости, тихо приказала Чара.

Несколько воинов, тесня толпу, тотчас стали пробираться к камню.

– А-а!.. – заметив Королеву и её приближенных, остервенело завопила возмутительница спокойствия. – Вот она – ведьма! Скажи, куда ты дела наших детей?..

– Стыдись, Светлая! – спокойно отвечала Чара. – Зачем ты сеешь смуту?.. Тот, кто в тяжёлые дни лишает народ веры и надежды, подлежит наказанию!

– Подлежит смерти!.. – угрожающе проворчал за её спиной Абигайл.

– Бесстыжая! – завопила в ответ Мирта, отпихивая руки солдат, которые пытались стянуть её с камня. – Все знают, что ты тайно встречаешься с Даниилом! – услышав имя Неназываемого, люди испуганно отшатнулись в стороны. –

Уж не ради него ли ты затеяла всё это?.. Ты и твой род – вот причина всех несчастий!.. И этот так же верно, как и то, что Безумный Король Ахайя был твоим предком!

– Да!.. И он немало сделал для Людей, прежде, чем сойти с ума... И кажется мне, что некоторых здесь тоже постигло помрачение рассудка! – на последних словах Королева повысила голос, и те из зевак, кто были поумнее, стали спешно выбираться из толпы, торопясь оказаться подальше от этого места прежде, чем разразится буря.

– Не позволяй гневу овладеть собой... – чья-то рука легла ей на плечо и, обернувшись, она увидела Рутана Светлого. – Продолжай свой путь, Королева. Я позабочусь об этой женщине.

С силой вонзив шпоры в бока коню, Чара дернула поводья. Свита послушно потекла вслед за ней. Волшебник негромко хлопнул в ладоши, и толпа почти мгновенно рассеялась, причем большинство из тех, кто минуту назад жадно внимал крикам пророчицы, искренне недоумевало: что заставило их остановиться посреди улицы?..

Мирта с вызовом взглянула на Рутана.

– Я говорю только то, что вижу!.. – подбоченясь, заявила она. – Все знают: нет пророчицы лучше, чем я!

– Ты не предсказываешь, ты каркаешь!.. Скольким из зависти ты испортила судьбу своими предсказаниями?.. Почему ты всегда из многого выбираешь самое худшее, хотя прекрасно знаешь: нет ничего предопределённого раз и навсегда.

гда! Подобно тому, как из одного ствола растут многие ветви, так и каждому от рождения дано несколько дорог, но ты выбираешь и показываешь лишь те, что ведут в никуда!..

– Хочешь обвинить меня во лжи? – заносчиво воскликнула Мирта. – Я говорю лишь то, что вижу!

– Видишь?.. – жёстко переспросил Рутан. – Хорошо же!.. Он резко взмахнул рукой и в лицо кликуше вдруг невесть откуда взметнулась туча песка.

– Мои глаза!.. – вскрикнула предсказательница. Невыносимая резь заставила её рыдать, а когда слёзы вымыли последние песчинки, она к ужасу своему обнаружила, что ослепла. – Что ты наделал?!

– Зачем свет солнца тому, кто всё равно видит только тьму? – донесся до неё голос Рутана.

Она с ненавистью кинулась в его сторону, пытаясь поймать обидчика. Её скрюченные длинные пальцы, некогда прекрасные, теперь же похожие на когти хищной птицы, шарили совсем рядом с магом, проходили сквозь него, как через пустоту, – он же стоял недвижим. Осознав тщетность своих попыток, она расхохоталась:

– Ты ведь – Светлый, Рутан, а совершил грех!.. Ты злое сотворил!

– Я знаю... – печальным эхом откликнулся волшебник. В руках Мирты оказался длинный, выше её роста, посох. В его рукояти сверкало стеклянное око.

– Отныне этот посох будет твоими глазами, – сказал Ру-

тан. – Может, он приведет тебя к прозрению...

Слепая разразилась проклятьями. Посох зашевелился и потащил её прочь. Когда она исчезла вдаль, Рутан посмотрел на свои ладони: их линии светились багровым...

– Мне нужно несколько добровольцев, – Нордид стоял перед строем ополченцев. – Нам предстоит лёгкая загородная прогулка...

– Только и всего?.. – засмеялись в задних рядах, по достоинству оценив шутку.

– Серьёзное, видать, дело, – шепнул Юстэсу сосед. – Это ведь один из Совета Девяти...

– Я знаю... – ответил он.

Именно Нордид предлагал ему подумать, прежде чем дать Клятву вечной верности. И тогда и теперь Гилленхарт полагал, что этот совет был вызван сомнениями в его, Юстэса, храбрости, а потому одним из первых шагнул вперёд.

Отобрав семерых, включая Юстэса, советник велел им собираться.

– Идем налегке! – предупредил он. – Берите только оружие. Ничего лишнего!

Через четверть часа все были готовы. Советник придирчиво осмотрел их снаряжение.

– Не слишком ли здоровая штука? – нахмурился он, увидев меч Юстэса, что достался тому по наследству от пирата. – Боюсь, он может тебе помешать...

– Нет! – отрезал Юстэс. – Я привык с ним управляться... – и в доказательство показал щит из крыла скиссора. – Эту штуку я раздобыл с помощью этого меча, и не променяю его ни на что другое.

Единственная бровь Нордида уважительно поползла вверх, но вслух он ничего не сказал. Оседлав коней, маленький отряд скоро отправился к стенам. Здесь советник, сопровождавший их, Ворчун и Юстэс поднялись на верхи одной из сторожевых башен. От невысказанной высоты у юноши захватило дух. Забыв обо всём, он с восторгом рассматривал расстилавшуюся перед ним долину, море, узкую полосу побережья... Крикливые чайки парили на одной высоте с ним, и ему вдруг страстно захотелось стать птицей: так бы и умчался вдаль на крыльях ветра!.. А потом он увидел спускающиеся с холмов вдалеке клубы пыли. Они извивались по дорогам и полям долины точно гигантские змеи. То маршировали отряды Белоглазых и их союзников.

– Скоро они все будут тут... – сказал советник.

Поколебавшись, Юстэс спросил:

– Что было после...

Он не закончил фразу, но советник его понял.

– Абигайл вступился за меня, – ответил Нордид. – Один из Девяти... Но про судьбу отца я так ничего и не знаю. Полагаю, он – мёртв... Ну, а это, – он коснулся рукой металла на своём лице, – это я честно заслужил в бою...

Они стали спускаться вниз по бесчисленным ступеням, а

в памяти Юстэса тревожным набатом гудели строки: «...копытами коней своих он истопчет все улицы твои, народ твой побьет мечом и памятники могущества твоего повергнет на землю... и разграбят богатства твои... и камни твои и деревья твои, и землю твою бросят в воду. И прекращу шум песней твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен...»

Задача маленького отряда была проста: незаметно подобраться поближе к линии укреплений противника, захватить пленного и благополучно вернуться домой. Только и всего.

Советник рассказал, что несколько ночей кряду уже посылали на разведку летунцов – специально натасканных говорящих летучих мышей. Маленькие помощники произвели рекогносцировку расположения ближайших сил неприятеля, и теперь отряд диверсантов двигался, имея перед собой четко поставленную задачу: к северо-востоку от Дубовой рощи расположился лагерь переверзей. Хорошо обученный воин-пехотинец играючи справился бы с дюжиной этих вояк. К тому же, будучи слабыми физически, переверзи не отличались и особым умом. Но в то же время эти люди-звери были очень опасны, когда нападали всем скопом. Именно их, кстати, видели во время вылазки к реке Гилленхарт и его товарищи.

– На кой ляд нам эти убогие?.. – поинтересовался один из разведчиков. – От любого из них толку меньше, чем от крысы! А уж вониючие они какие!..

– Эти нелюди не всполошатся, даже если обнаружат в сво-

их рядах недостачу... Это первое. Второе: утащить переверзю легче, нежели хоромона, к примеру. Конечно, если кто-то хочет стать героем – может пойти и поохотиться на людоедов! – сухо отвечал Нордид.

Выступили, едва только ночное покрывало слегка посветлело.

– Когда появится солнце, эти твари станут вялыми. Свет они плохо переносят, хотя и ведут дневной образ жизни. Переверзи охотно бы разбойничали ночами, да только другие дети Тьмы – побольше и пострашнее – не любят их за подлый и мерзкий характер, вот и приходится им приспособливаться... Большинство стаи непременно уляжется спать, другие станут их караулить – на это у них ума хватает. А самые глупые и отважные отправятся на охоту: аппетит у переверзей отменный – жрут даже падаль. Коренья, ягоды, мелкие зверюшки, птица – все сойдет... Вот тут-то мы и подкараулим какого-нибудь самого беспечного... – объяснил советник.

Всё вышло так, как он и предсказывал. Охотники, правда, допустили оплошность: пойманный вонял так отвратительно, что они слегка замешкались, когда затыкали ему пасть, и тварь успела издать короткий пронзительный вопль. Получив по маковке, переверзь утих, брякнулся оземь и старательно притворился мёртвым. Запихав пленного в мешок, люди общими усилиями перекинули добычу через седло одной из лошадей – животное отчаянно ржало и шарахалось от неприятной ноши. Желающих добровольно ехать вместе с

вонючкой не нашлось, и тогда кинули жребий. Выпало Юстэсу.

– Нет! – отказался юноша. – Хоть убейте! Лучше я побегу следом!

Тогда один из товарищей взял его к себе на коня, и маленький отряд спешно двинулся обратно, стараясь остаться незамеченным.

До спасительных стен Убежища оставалось совсем немного, когда советник вдруг резко натянул поводья своего коня.

– Стойте! – Воины послушно замерли. – Т-сс! – он застыл, взглядываясь в расстилавшуюся перед ними пустошь.

Позади них остались тенистые аркады дубовой рощи – царство огромных, необычайно могучих и красивых деревьев, щедро раскрашенных осенью в самые яркие цвета, дальше – между рощей и Городом – лежала равнина, густо поросшая пожелтелой травой, из которой там и сям торчали голые ветки кустарников. Внимание советника привлекла группа высоких молодых дубков – стоящие особняком, они выглядели точно стайка своенравных подростков, отбившихся от взрослых.

– Говорю вам – их точно не было здесь, когда мы ехали к реке... – словно продолжая внутренний спор с самим собой, пробормотал вслух Нордид, напряженно всматриваясь вдаль.

Юстэс только удивился наблюдательности предводителя: сам бы он нипочем не обратил внимание на эти деревья,

тем более, что они не отличались от своих собратьев, точно так же отделившихся от основного массива.

– Бродячие деревья?.. – предположил кто-то.

Гилленхарту доводилось видеть подобного странника: тяжело передвигая корнями под землей – точь-в-точь, как человек, идущий по воде против течения, он медленно брёл куда-то вдоль дороги. Ортил тогда объяснил им с капитаном, что дерево, вероятно, испугалось вырубки и решило податься в безопасное место.

– Да нет, – отмахнулись другие, – они здесь и были, когда мы ехали утром!

– Точно были! – подтвердили третьи.

В ответ Нордид молча достал маленькую серебряную флягу, и отвинтив тускло блистающую пробочку, аккуратно набрал в рот немного её содержимого. В такой фляге обычно находилась огневая вода – у других воинов тоже были такие. Волшебная жидкость легко воспламенялась на воздухе – и тогда этот огонь ничем нельзя было потушить до тех пор, пока он находил себе пищу. Долго держать во рту её было опасно, а проглотивших ждала мучительная смерть. Обычно огневицу выплевывали в противника, если же тревога оказывалась ложной, – обратно в специальную флягу. Еще двое воинов последовали примеру командира – древесные бродяги могли быть агрессивными, особенно теперь, когда наступающие не щадили ни полей, ни лесов. Обнажив мечи, маленький отряд рысью поскакал вперед, настороженно огля-

дываясь по сторонам.

Дальше всё случилось очень быстро.

Юстэс почувствовал, как вдруг обмякла спина того, кто сидел впереди, и с недоумением увидел, как из шеи напарника, чуть пониже того места, где начинают расти волосы, вылез на целый палец острый конец стрелы, – и тогда лишь понял, что кинувшиеся им навстречу деревья – и не деревья вовсе!

– Увозите пленного! Любой ценой доставьте его в Город!.. – крикнул советник, разворачивая коня навстречу бегущим вслед за ними великанам.

Двое, что держали поводья коня, везущего мешок с перверзем, привстали на стременах, и что есть силы принялись нахлестывать своих скакунов, торопясь оторваться от погони. Остальные устремились вслед за командиром.

Юстэс толкнул податливое тело убитого товарища на лужу седла – сбросить он его не смог: ноги мертвеца крепко застряли в стременах. В воздухе свистнуло, и ещё две длинные стрелы жадно впились в плечо бедняги, пригвоздив его к шее коня. Скакун взвился на дыбы и рухнул замертво, придавив собою убитого. Юстэс успел отпрыгнуть, меч выпал у него из рук, и тут же на его шлем обрушился страшный удар: огромный хоромон размахивал над ним дубинкой!.. Юношу спасло лишь то, что падая, он не удержался на ногах, и оттого удар великана пришелся вскользь.

Проворно откатившись в сторону, Гилленхарт нечелове-

ческим усилием дотянулся до оружия – на карту была поставлена его жизнь! – и прямо с земли рубанул мечом по ногам противника. Великан тяжело рухнул на колени, но раненый он не собирался сдаваться. С яростным рёвом он всей мощью обрушился на обидчика – Юстэса выручила ловкость и быстрота. Пританцовывая вокруг озверевшего людоеда, он наносил ему один удар за другим, – так собаки на охоте мечутся вокруг зверя, – но хоромон оказался необычайно живучим.

На помощь собрату подоспел еще один гигант, и Юстэсу пришлось бы несладко, кабы не советник: железной палицей он размозжил голову обезножевшего, плюнул огневицей в лицо другому – с дикими воплями великан умчался прочь, не разбирая дороги, – и они видели, как он весь вспыхнул огненным факелом. Тем временем двое их товарищей погибли от рук людоедов, а третий вдруг почернел и обуглился, нечаянно проглотив огневую воду, – и тогда советник рывком поднял юношу на седло и они, единственные уцелевшие в страшной схватке, помчались прочь.

Великаны отстали, – оглянувшись, Гилленхарт увидел, что они пожирают убитых, – и лишь один, самый здоровый и свирепый, продолжал их преследовать. Огромными скачками он нёсся за ними по пятам – Юстэсу казалось, он чувствует на себе его дыхание! – и тут с городских стен ударили пушки.

Увлечшийся погоней хоромон не сразу сообразил, какая

опасность ему угрожает, и жестоко поплатился – ядром его разнесло на куски. Ещё один снаряд разорвался совсем рядом, и взрывной волной Юстэса сбросило наземь. Ударившись, он тут же вскочил – рядом валялись останки великана, его собственный меч и большая меховая сумка. Гилленхарт, плохо соображая, что делает, схватил всё, что подвернулось под руку, и побежал вслед за советником: им уже открыли проход в стене.

Их товарищи, что ускакали раньше вместе с пленником, оказались живы и здоровы. Предоставив советнику разбираться со всеми остальными делами, Юстэс отправился к себе в казарму.

Испытывая эйфорию, как и всякий, кому счастливо удалось избежать гибели, он вернулся домой в приподнятом настроении, но стоило ему взглянуть на бледное лицо агила, как радость тут же сменилась печалью. Вытянувшись, бедняга лежал на деревянном ложе, его руки были холодны, как лёд, в уголках глаз и на висках скопилась синева.

– Прости, что не уберёг тебя... – шептал юноша, чувствуя, как на него самого накатывается смертельная усталость.

Воодушевление, связанное с горячкой битвы, угасло, ему на смену пришло отчаянье. Со злости он пнул лежащую у ног меховую суму, доставшуюся ему в качестве трофея. Она тяжело отлетела в другой конец каморки, и из неё выкатился тёмный круглый сверток, похожий формой на кочан капусты. Из раскрытого зева котомки что-то блеснуло... За-

интересовавшись, юноша вытряхнул её содержимое на стол. Под лучами неяркого осеннего солнца заиграли огнями драгоценные камни.

Некоторое время Гилленхарт тупо смотрел на блестящую кучу, машинально перебирая дорогие камни – перед ним лежало целое состояние! – и не испытывал ничего, кроме усталости и смутного разочарования. Почему-то он чувствовал себя обманутым: несомненно, судьба подсунула ему это богатство в награду за перенесенные тяготы и лишения, но не слишком ли поздно? И была ли эта груда стекляшек именно тем, что ему теперь нужно?

Взяв сумку великана, он смахнул камни обратно: после разберемся.

Потом его внимание привлек круглый свёрток, сиротливо чернеющий на полу. Взяв его в руки, он почувствовал странный запах. Осторожно потянув пальцами тонкую тряпицу, укутывавшую свёрток, подобно луковой шелухе, он обнаружил внутри... отрезанную голову. Его лицо исказила гримаса отвращения, но тут голова вдруг открыла глаза. От неожиданности юноша едва не выронил её.

«Открой мне уста...» – услышал он неведомо откуда идущий голос. Осторожно положив голову на стол, он невольно потянулся к кинжалу. «Открой !..» – послышалось снова, хотя рот мёртвой головы был запечатан воском. И странно, черты лица её были знакомы ему, но память упорно не желала дать подсказку.

– Кто ты? – спросил юноша, вытаскивая кинжал.

И услышал в ответ: «Тезариус...»

Не подозревая подвоха, Гилленхарт выковырял кинжалом воск из губ чародея. Голова тотчас выдохнула – из её рта вылетело туманное облачко и закружилось над юношей.

– Э-э!.. – отмахнулся он тем же кинжалом. – А ну прочь!.. – Облако шарахнулось в сторону и зависло над агилом. – Эй!.. – снова крикнул Юстэс.

Туманность помедлила и вдруг, опустившись, словно подушкой накрыло лицо умирающего. Гилленхарт подскочил к другу, но тот судорожно вздохнул и облако исчезло... Не зная, что теперь делать, Юстэс затряс его за плечо:

– Очнись!.. Очнись же!

Умиравший не подавал никаких признаков жизни, и только прижав ухо к его груди, Юстэс смог уловить еле слышное, редкое и слабое движение его сердца.

Вошла знахарка.

– Пошли бы на воздух, сударь, – ласково предложила она. – Я пока здесь приберусь, раненого обихожу...

– И то верно... – пробормотал он, и выбрался наружу.

Ясный осенний день был ласковым и теплым. В прозрачном воздухе дрожали пролетавшие паутинки, вспыхивая золотым под лучами бледного солнца. В углу двора пофыркивали над корытом с водою кони, пахло сеном, кожей и яблоками. Сквозь жёлтое кружево листвы просвечивало ярко-синее небо – было так хорошо и тихо, и покойно, точно за сте-

нами по-прежнему текла мирная жизнь.

Тишину распорол пронзительный женский вопль.

– Чернодел! Чернодел!.. – знахарка кричала, не умолкая, пока в тесной горенке не собралась толпа. Женщина продолжала кричать, указывая пальцем туда, где на столе лежала попорченная тлением голова.

– Что это? – сурово спросил Ворчун у Юстэса, прибежавшего на шум одним из последних.

– Это было в сумке убитого великана! – объяснил юноша и, видя, устремлённые на него со всех сторон недоверчивые взгляды, извлёк на свет божий котомку хоромона.

– Ого!.. – восхищенно выдохнуло сразу несколько голов, когда глазам присутствующих предстало содержимое сумы.

– Каменья – твоя законная добыча, – рассудил командир, выслушав несвязный рассказ юноши. – Надеюсь, у тебя будет время ею распорядиться... – добавил он чуть тише. – А это, – он указал на голову, – надо отдать жрецам. Сдаётся мне, что это башка самого Тезариуса, будь он неладен!

При этих словах толпа любопытствующих откатнулась назад, и по её рядам пробежал быстрый испуганный шепоток. Юстэс благоразумно промолчал, понимая, что ни к чему обнаруживать своё знакомство с колдуном. Желающих нести в Храм страшную находку не нашлось, и Ворчун послал за жрецами. Люди в белых одеждах возникли в воротах казармы на удивление быстро. За ними виднелся крылан – гро-

мадный, осёдланный точно лошадь, зверь рыл когтями землю и недовольно поводил огромной, в бронзовой чешуе головой. Его кожистые крылья вяло повисли вдоль туловища, глаза смотрели недобро, из ноздрей курился лёгкий дымок. В обычные дни вокруг крылана непременно собралась бы толпа ребятишек – зверюга только с виду казался злым, на деле характер у него был как у котёнка, – теперь же, лишенный привычного внимания, он хандрил и скучал. Заметив лошадей у коновязи, крылан громко зашипел, – животные забеспокоились. Крылан растянул безгубый рот в улыбке: хоть какое-то развлечение!

Жрецы молча уложили голову в принесённый с собою лаптец и удалились. Завидев хозяев, крылан перестал шипеть и услужливо подставил спину, преданно виляя длинным хвостом с шипами на конце. Спустя минуту, огромная тень скользнула по земле – крылан и его повелители взлетели в воздух. Сделав разворот, зверь лёг на крыло и направился к острому шпилью Храма.

Пленного переверзя доставили в королевскую темницу.

– Кто займется им?.. – вопрос Королевы к членам Совета не был праздным. То, для чего и нужен-то был пленник, в мирные времена каралось смертью.

– Тот, для кого общение с Тьмой пройдет ... – Абигайл замылся в поисках нужного слова. – Тот, на ком это никак не отразится.

– Таких не бывает, – возразила Королева.

– Если жрецы отказываются, значит, это должен быть кто-то из Светлых. Или кто-то один из нас! – заявил советник, чьё лицо наполовину прикрывала железная пластина.

– Вэллария исчезла, Мирта ослепла. Рутан – единственный, на кого мы можем рассчитывать в борьбе с кознями Тёмных. Я бы не хотела потерять последнего мага.

– Кстати, об исчезновении Вэлларии, – вступил в разговор человек в одежде жреца. – Голова, которую мы обнаружили у одного из воинов, поведала немного – она была уже почти мертва, когда попала в наши руки. Так вот, убить Тезариуса мог только равный ему по силе! Наверняка, это была она, больше никому!

– Это хорошо или плохо? – нетерпеливо переспросила Чара.

– Мы не знаем... – уклончиво отвечал жрец. – Рот головы был распечатан... Куда делся дух Тезариуса? Был ли он уничтожен или захвачен? Успел ли вселиться в кого-нибудь?.. Исчезновение Вэлларии очень беспокоит нас – что, если дух Тезариуса вселился в неё?..

– Что сказал воин, который принес эту дрянь в Город? – спросила она у советника.

– Он говорит, что не трогал голову...

– Ладно, если нам суждено видеть свет Солнца, мы ещё разберемся с наследством чернодела... Теперь же я хочу знать: кто перевоплотится в переверзя, дабы мы могли узнать

точно, с чем имеем дело?..

Воцарилась тишина. Собравшиеся на совет были далеко не робкого десятка, готовые пожертвовать собою во имя спасения расы, но никто из них не решался на то, что предстояло сделать. Даже теперь, когда каждый день мог оказаться последним. Королева понимала, что она не вправе приказывать, и тоже молчала, рассматривая своих приверженцев, словно впервые их увидела.

Вот Абигайл... Вздорный старик, нетерпимый к чужому мнению, когда оно не совпадает с его собственным, но крепкий, сильный духом. В молодости участвовал во многих боевых походах и не раз, рискуя жизнью, спасал целые города... Одна лишь у него слабость: ненавидит Вальгессту. Ему она могла приказать, и он бы подчинился, но старику уготована иная миссия... Ратибор... Лучший воин из всех, о его храбрости и смекалке ходят легенды. Выглядит молодо, а на самом деле лет ему ого-го сколько! – участвовал еще в походе Короля Игнация. Потом ему довелось попасть в пережат, и время для него остановилось... Ею она тоже не может потерять – когда начнется штурм Города, он один будет стоять нескольких дружин... Игглиз – умный, великодушный, преданный. Если им всем суждено выжить, он непременно станет Светлым Магом – у него много необычных задатков. Пожалуй, он справился бы с тем, что предстоит, лучше других, но если с ним случится перевоплощение *до конца*, Тьма получит очень могущественного воина. И потому она не может

доверить ему это... Светогор... Нет, не подойдёт. Он слишком сильно ненавидит Тёмных. Он просто не сможет... Они лишь впустую растратят силы и время... Боги! Зачем вообще всё это случилось? Почему они вечно сражаются с кем-то?! Сколько она себя помнит – не было ни одного по-настоящему мирного дня... А ведь изначальное предназначение Людей – творить и созидать... Как там было сказано в древней книге: «Плодитесь и размножайтесь...» Возводите храмы и города, возделывайте нивы, растите детей... Почему же нам этого мало? Почему мы вечно хотим большего, но стоит нам выйти за рамки предназначения, как мы тут же проливаем кровь – свою и чужую? Может, мы *все* прокляты?..

Вперед шагнул советник, чьё лицо наполовину скрывало железо.

– Я уже сталкивался с черной магией, – сказал он. – Поэтому, попробую ещё раз.

– Нордид?! – удивилась Королева. Она не ожидала подобного. – Искренен ли ты в своем решении? Или хочешь поквитаться со мной за смерть отца?

– Не сейчас... – отвечал доброволец, приподнимая железную пластину. На Королеву смотрели теперь словно два человека: один – красивый, молодой, дерзкий, второй – изуродованный жуткими шрамами, познавший горечь потерь старец. Только глаза у них были одинаковыми. – Я был признан достойным служить народу и Городу, и выполню свой долг. А потом посмотрим... Может быть, я прощу вас, – взгляд

его стал тяжёлым. – Может быть, нет...

Чара невольно отступила и оглянулась, точно ища поддержки, но лица остальных присутствующих оставались бесстрастными.

– Быть посему! – чуть хрипло выговорила она, овладев собою. – Медлить некогда. Сегодня как раз полнолуние.

– Я прошу тебя лишь об одном: если заметишь, что со мною неладно – убей меня.

Нордид и Гилленхарт, которого он срочно отыскал после встречи во Дворце, сидели в том самом маленьком кабаке, где когда-то их познакомил агил.

– Да как же! – в сердцах воскликнул Гилленхарт, которому разговор этот был в тягость.

– Ты мне должен! – напомнил молодой советник. – Я тебе жизнь спас, значит, могу ею распорядиться! – он намекал на утреннюю стычку с хоромонами. – Пойми: если я перестану быть человеком, ты мне только доброе сделаешь!

– Вдруг я ошибусь? – угрюмо возразил Гилленхарт, с тоскою заглядывая в пустую чарку.

Из-за осадного положения с выпивкой в Городе было туго, вино стоило бешеных денег, и юноша, просадивший за этот вечер в кабаке свое солдатское жалование, подумал о том, что наверное пропъёт всю добычу, захваченную у людоеда, раньше, чем выберется отсюда.

– Не ошибёшься... – усмехнулся Нордид. – Разве что сам

станешь Тёмным... Но тебе это не грозит – ты ведь дал Клятву верности, и душа твоя в безопасности. Кстати, – он нахмурился, – голова Тезариуса, она точно *была* уже распечатана, когда ты её обнаружил?

– Да, – не моргнув глазом, ответил Юстэс.

– Ладно, – задумчиво проговорил советник. – К тебе его дух всё равно бы не смог прилепиться...

Юстэс соврал ради умирающего Певуна, памятуя об участи Ла Маны. Пусть агил окончит дни свои в мире, – зачем ему лишние мучения и позор? Вот если бы жрецы могли спасти его жизнь...

В противоположном от них углу громко засмеялись чему-то. Друзья недовольно покосились на весельчаков. Тьетли... Уж эти-то всегда хорошо устроятся. Вон, стол и теперь ломится от еды и кувшинов с вином! Хитрецы толстопузые... Юстэс откровенно недолюбливал этот маленький народец с тех пор, как его чуть не сгубил Рурус. Один из тьетлей – повыше и пошире остальных – весь вечер пялился на него: «Небось, прикидывает, как надуть!..» – зло подумал юноша, и словно бы невзначай продемонстрировал наглецу свой кинжал. Но нахал продолжал своё – Юстэс нет-нет да и ловил на себе его цепкий, внимательный взгляд.

– Мне пора, – сказал Нордид. – Скоро полночь...

– Как? Уже?! – воскликнул неприятно пораженный сим обстоятельством приятель. – Я не думал, что все так скоро...

– А когда? – с затаенной печалью возразил советник. –

Противник сжимает кольцо все туже. Как знать, сколько у нас вообще осталось времени?.. Выпей вот лучше ещё. За мою удачу! – и бросил на стол тяжёлую золотую монету.

Надев шлем, Нордид твердым шагом направился к выходу, и ушел, не оглянувшись.

Оставшись в одиночестве, Юстэс впал в то угрюмое и озлобленное состояние, какое налетает порой на человека, когда винные пары улетучиваются, и минуты мнимого веселья сменяются тягостными раздумьями. Злые, разрозненные думы сменились постепенно сонным оцепенением, и он уронил отяжелевшую голову на руки. Но тут рядом закрипел отодвигаемый стул.

– Чего надо? – с вызовом спросил он. Против него уселся тот самый нахальный тьетль.

– Не узнал? – жутко знакомым голосом спросил низкорослый.

Юстэс выпрямился и откинулся на спинку стула. С трудом скрестив руки на груди, он с подозрением уставился на незнакомца.

– Кыш отсюда! – предложил он ему, подумав.

– Слыхал, ты стал героем, – как ни в чем не бывало, продолжал тьетль. – А куда же делся наш капитан?

– Коротышка?! – изумился Гилленхарт, внезапно узнав своего собеседника. Хмель разом слетел с него, и он вдруг почувствовал, что искренне рад видеть рыжего задиру.

– Он самый... – тихо подтвердил тот, многозначительно

прикладывая палец к губам.

Поднявшись, он отошёл к столу, где сидели его маленькие приятели, что-то сказал им, и вскоре вернулся с кувшином, где ещё плескалось вино, и тарелкой незатейливой снеди.

– Вот... Сказал своим, что собираюсь выманить у тебя сумку с дорогими камнями, – усмехнувшись, пояснил он, ставя съестное перед юношей.

– Они-то откуда пронюхали?..

– Э-э, брат! Да об этом уже все в городе знают!

Они наполнили деревянные кубки, выпили...

– Что же нужно тебе на самом деле? – утирая рукавом рот, спросил Гилленхарт.

– Перво-наперво, я на самом деле рад тебя видеть... – отвечал рыжий. – А во-вторых, я почему-то ужасно хочу вернуться *домой*... До-мой! – повторил он раздельно. – Слышишь?.. Или ты уже забыл, *что* это значит?..

Юстэс внезапно почувствовал себя очень странно. Точно всё происходящее и существующее вокруг неожиданно оказалось сном, а сам он – подглядывает в чужое окошко, наблюдая за течением сторонней, занятой жизни.

– Господи!.. А знаешь, я ведь и забыл... Правда, забыл!

Остаток ночи пролетел незаметно. Юстэс, как мог, изложил приятелю историю своих приключений, «тьетль» – поведал ему о своей жизни под Зелёным солнцем.

Прижившись среди бойких карликов, Коротышка немало

поостранствовал вместе с ними. Был в Тёмной долине, где золотые слитки можно собирать прямо под ногами, как камни, да только глядеть при этом нужно в оба – безраздельно владычествующие в долине гарпии так и норовят позавтракать кем ни попадя. Был на рудниках в горах Дальнеземелья, где работают глубоко под землей мёртвые рабы, – те, чьи тела не сумели спасти от грабителей могил их сородичи... Плавал в Заморье, где чуть не попал в плен к великанам; на обратном пути повидал Светлые острова – красивое, удивительно прекрасное место, где хорошо бы остаться навсегда, – да только эльфы, хозяева островов, не очень-то жалуют пришлых...

– Тьетли – неплохой народец, – сказал он под конец. – Просто среди них тоже всякие попадаются. По мне, так они лучше многих.

– Воры и прохиндеи! – отрезал Юстэс.

– Не без этого, – невозмутимо согласился Коротышка. – Зато весёлые и не злые. Если и подстроят пакость, так только чтоб посмеяться...

– Ага! А потом свои хиханьки продают втридорога!

– Ладно, – примирительным тоном сказал рыжий. – Я тебя отыскал не для того, чтобы ссориться. Ты теперь богат, я тоже кой чего скопил... Пора возвращаться обратно. Здесь, я чувю, большая свара началась, как бы нам не сгинуть вместе с остальными...

– Ну и возвращайся! – грубо ответил Юстэс. – А я не крыса, чтобы бежать с тонущего корабля.

– Дурак! Кому ты здесь чего должен?.. Это вообще не наше дело! *Мы – чужие...* Ты о чём всю жизнь мечтал? О славе да о богатстве?.. Так вот, раз всё свершилось, как мечталось, пора и честь знать!.. Выбираться из этой преисподней нужно! И побыстрее!..

– Как? – устало спросил Гилленхарт, только ради того, чтобы настырный недоросток отвязался.

– Я тут многое разузнал, – горячо зашептал, склонившись к его уху, Коротышка. – Оказывается, в здешнем храме портал есть... Его сам Проклятый в своё время сделал. Наши сказывали, аккурат в настоящей Акре окажемся, той, что крестоносцы на берегу Средиземноморья построили!.. Помнишь храмовника, что на корабле сам себя заколол? Ты ещё его кинжал себе взял... – тут Коротышка широко улыбнулся. – Я тебя как раз по кинжалу-то и признал! Уж очень сильно ты, брат, на рожу изменился, видать, хреново пришлось?.. Ну, слухай далее – тот бедолага на деле из *местных* был! А ножичек этот – ключ к переходу! Уразумел?..

– Нет... – честно признался Юстэс. – Я только одно понял: тебе кинжал нужен. Ну, так бери его – и отвязись от меня!

Коротышка поперхнулся и оторопело поглядел на юношу.

– А-а ... Нет, а ты как же?!.

– Никак! – грубо отрезал Гилленхарт. – Я – останусь... – и в доказательство своих слов отцепил с пояса тяжелые кожаные ножны и швырнул их на стол перед искусителем.

Коротышка робко протянул к неожиданному подарку му-

скулистую, поросшую рыжим волосом лапу. Благоговейно дотронулся корявым узловатым пальцем до тиснёного узора на истертой коже ножен...

– Я это *за так* не возьму! – сказал он, отдергивая руку. – Ты пьян, да и по башке тебе, я слышал, хорошо досталось... Скажут потом, что я тебя надурил. Нет, пусть всё честь по чести! Ты мне – кинжал, а я тебе... я тебе... – он задумался, перебирая в уме свои сокровища. – А я тебе – вот что! – и с этими словами выудил из заплечной котомки большие, на манер песочных, часы, где за синим стеклом вместо песка кружились блестящие снежинки. В верхней части стеклянной, утянутой в талии, колбы их оставалось совсем мало.

– Я похожие у Тезариуса видел, – равнодушно произнес Юстэс, вертя в руках хрупкую на вид стекляшку, оправленную в тусклое серебро.

– Бери! – отозвался Коротышка. – Глядишь, пригодятся! Тут вона, смотри, печать выжжена, видишь? – так может статься, Тезариусовы часы и есть..! Я их у одного из наших купил, – рыжий понизил голос, – а он эти часики у некой благородной дамы выменял – есть тут одна фифа, Вэлларией звать... – и простодушно добавил: – Я, правда, думаю, он их у ей спёр попросту!

– Как, говоришь, звали того ловкача? – напрягся Гилленхарт, услышав имя загадочно исчезнувшей волшебницы.

Коротышка, старательно прилаживая ножны к поясу из змеиной кожи, не заметил его волнения и лишь пропыхтел

В ответ:

– Кажись, Рурус...

...Жёлтое тело Луны стало огромным. Она заполнила собой всю чашу небосвода, точно младенец утробу матери, и он понял, что луна – живая: видел пульсирующие реки вен и артерий, видел, как текут её соки, как нежна и прозрачна её кожа ... И тогда кто-то вложил в его руку нож, и Луна содрогнулась от боли, и из её вспоротого чрева хлынула тьма... Ужас охватил его, он закричал – и сквозь отверстие разорванного криком рта Тьма проникла в него, точно вода, и растворила его в себе – и он стал её частью...

И хохотали вокруг демоны, и сновали падшие ангелы с опалёнными крыльями; твари причудливые и мерзкие стали его наперсниками – он сам был одной из них – и длилось это тысячу тысяч лет... Тысячу тысяч лет странствовал он во мраке, много дивных и страшных историй протекло перед его глазами, и между прочими чудесами видел он Тёмную Башню и её заключенного... А потом перед ним забрезжил маленький слабый огонёк и позвал за собой. Он поверил ему, и огонёк привёл его к жерлу пылающего вулкана – там, в кратере кипел Свет... Он испугался, поняв, что его путь лежит в самое сердце огненного озера, но чей-то голос назвал его по имени, – и он шагнул вперед...

– Нордид!.. Все кончилось, Нордид! Ты слышишь нас?..

Он приоткрыл тяжёлые веки: луна, целая и невредимая,

апельсином висела в проеме бойницы, поодаль на полу – распростёрлось очерченное пентаграммой тщедушное тельце переверзя, на стене шипели, разбрызгивая искры, смоляные факелы.

– Все в порядке, – ответил он. – Я уже здесь...

С первыми солнечными лучами он покинул место, где произошел обряд перевоплощения – старый, полуразвалившийся дом, давно потерявший хозяев. Жрецы тотчас сожгли осквернённое жилище. Ему тоже предстояло пройти очищение – и он не замедлил его совершить.

Когда храмовый служка закрыл за ним ворота, он немного постоял, глядя с холма на расстилавшийся у его подножия город, – паутина висячих мостов, иглы башен, – и над всем этим пронзительно-голубое небо в оправе слоистых облаков. Постоял, поглядел, набрал полную грудь воздуха, и пошёл себе, – усталый человек, закончивший трудное и опасное дело.

– Ну, как ты? – Гилленхарт встретил его по дороге к казармам. Рядом с юношей топтался необычно высокий тьетль. – Я тут старого друга встретил, – пояснил он советнику.

– Всё хорошо! – радостно объявил Нордид. – Жутко было, мерзко... прямо сказать нельзя, как мерзко! Но теперь... Я точно заново родился – до того славно!

И они пошли в знакомый уже кабачок, и просидели там, пока не объявили тревогу. Звук сигнального колокола теперь часто тревожил осаждённый город: враг стоял у стен, и всё

новые и новые полчища шли на штурм, с тем, чтобы обессилев, откатиться назад, ибо каменные оплоты Города вздымались почти что до самого Неба.

Услышав сигнал, Нордид и Гилленхарт отправились напрямиком на стены. Коротышка сначала заколебался, но потом достал откуда-то помятый, местами проржавевший шлем, и тоже увязался за ними.

– Так, погляжу... – пространно пояснил он своё решение.

На передних рубежах обороны всюду кипела работа: лили из огромных чанов смолу и кипяток на головы живых верениц, упорно ползущих вверх по длинным лестницам; лучники без устали рвали тетиву гибких луков, – подручные не успевали пополнять запасы стрел; другие шаршили по рядам неприятеля из пушек, а тот в свою очередь швырялся огромные каменными глыбами и целым градом камней помельче, плевался огненными кляксами. С высоты было видно, как у подножья стен копошатся огромные белые черви: то выползши пытались делать подкопы, но камни Города были надежно защищены заклятьем, и подземные жители пока не представляли собою серьёзной угрозы.

Куда хуже были те, что умели летать, – воздух кишмя кишел большими и маленькими тварями, каждая из которых норовила убить, укусить или хотя бы оцарапать. На глазах у Юстэса две огромные черные бабочки с кошачьими головами ловко зацепили клейкими усиками одного из защитников и проворно сбросили его вниз – находившиеся рядом даже

моргнуть не успели! Одна из бабочек тотчас поплатилась за свое коварство, а вторая ловко ускользнула от удара мечом и упорхнула. А в воздухе перед Нордидом, откуда ни возьмись, появилась отвратительная костлявая девица – синеконжая, зубастая, патлатая, – захихикала противно:

– Ух, ты, миленький!.. – и над самой головой его вжикнул острый серп. Советник уклонился в сторону и мастерским ударом развалил бойкую летунью пополам.

Коротышка, раздобыв себе копьё, развлекался, сталкивая со стены упрямо карабкающихся пауков – большие, маленькие и совсем крошечные, мохнатые и лупоглазые, – они с тупым упрямством всё ползли и ползли, не обращая внимания на гибнущих собратьев. Некоторым из них удавалось перевалить через гребень стены, с тем, чтобы тут же быть раздавленными. Один из них успел впиться в ногу какого-то человека и высосал беднягу до капли, точно муху, пока его не прикончили.

– Этому не будет конца!.. – сказал кто-то, и в ход пошли огнеметы.

На какое-то время удалось избавиться от ползучих и летающих гадов, но вскоре их стало ещё больше. Положение усугублялось отсутствием у Людей достаточного количества свежих сил: противник явно не собирался отдыхать – снаружи внизу, куда только глаз хватало, волновалось серое месиво, покрывшее собою окрестности до самого горизонта, и на место погибших торопливо лезли всё новые и новые враги,

а вот полуголодным ополченцам, валившимся с ног от усталости, замены ждать было неоткуда.

– Измором хотят взять, гады!.. – выдохнул Коротышка.

Сломав очередное копьё, он в сердцах отшвырнул обломок, и помчался в караулку – напиться воды и заодно разжиться новым оружием. По пути ему встретился Нордид.

– Давай-ка, приятель, передохнем, – великодушно предложил ему мнимый тьетль. Нордид послушно пошёл вместе с ним. Спустившись, они отыскиали водоноса и освежились.

– Горячая работёнка попалась! – подмигнул Коротышка. Советник ничего не ответил. Застыв в напряжённой позе, он точно прислушивался к чему-то внутри себя.

– Э, да ты не ранен ли? – всполошился малый.

Очнувшись, Нордид затряс головой:

– Нет... Все хорошо.

Коротышка и не стал приставать с расспросами: подобрав себе новое копьё, он скоренько отправился обратно.

Нордид остался сидеть на месте: с глазами его происходило странное – зрение то пропадало, то появлялось снова. Он заморгал, помассировал веки – видимость прояснилась, но всё вокруг стало серым – цвета исчезли. «Наверное, я слишком устал...» – подумалось ему. Поднявшись, он медленно побрёл к узкой каменной лестнице, ведущей наверх. Ногам было непривычно тяжело – глянув на них, Нордид ужаснулся: на какое-то мгновение ему показалось, что вместо ступней у него огромные когтистые лапы, но видение тотчас ис-

чезло, и по лицам случившихся рядом людей, он понял, что никто ничего не заметил. «Померещилось...»

Он сражался на верхах еще несколько часов – до самого заката. А когда багровый диск солнца тяжело опустился в потемневшее море, Нордид Эгглинг из рода Молури, отшвырнул в сторону ставший вдруг тесным шлем, и спокойно шагнул со стены в бездну – туда, где волновалось тысячерукое и тысячеглавое Нечто. Немногим не долетев до земли, его тело вдруг удивительнейшим образом изменилось: удлинилось, вытянулось, обрело огромные крылья и львиную, обросшую густой гривой, голову.

Зверь изогнул туловище и бешено замахал крылами, пытаясь избежать удара о землю – и это ему удалось... С торжествующим рыком чудовище стремительно помчалось обратно. В чертах крылатого льва ещё угадывалось что-то человеческое, но лик его был ужасен.

Наверху, увидев случившуюся метаморфозу, не растерялись: правда, многие испуганно застыли, глядя, как к ним приближается тот, кто ещё минуту назад был их другом и товарищем, но другие спешно зарядили гигантский, в два человеческих роста, арбалет, стоявший на трех упорах. Множество рук оттянуло тетиву – и навстречу крылатой смерти понеслась, разрезая воздух, огромная стрела. Лев мог бы уклониться – и всем казалось, что так он и сделает. Но вместо того, зверь налетел на стрелу мощной широкой грудью – в огромных глазах его высветилась радость – и пронзённый,

закувыркался вниз...

– Итоги разведки, проведённой советником Нордидом, крайне неутешительны: перевоплотившись в переверзя, он узнал, что Тёмные нашли способ связаться с Безумным Королём. Именно он помогает им! – Верховный Жрец стоял перед сидящими за круглым столом членами Совета Девяти.

– Но Ахайя мёртва! – лицо Королевы побледнело.

– Этого мы точно не знаем, – тихо проговорил Жрец. – Так же как не знаем до конца сил и возможностей Чёрной Магии. Равно, как и Белой, впрочем...

– Все тут ясно! – скрипуче рявкнул Абигайл. – Не забывайте: именно его обезумевший разум создал первых Нелюдей и Чудовищ, и потому ничего удивительного в том, что его детки нашли ключик к Тёмной Башне...

– Они пообещали ему свободу! – громко и отчетливо произнес кто-то.

За креслом Королевы сгустился белый туман, и в комнате возник призрачный силуэт.

– Рутан?.. – удивилась Чара, обернувшись. – Почему ты не с нами?

– Я слишком далеко сейчас... У меня важные дела, – ответил голос.

– Важнее, чем осада Города? – язвительно поинтересовалась Королева.

– Советник Нордид погиб, – не обращая внимания на её

слова, продолжал Рутан. – Покончил с собой, поняв, что не сумел вернуться из Тьмы.

Все посмотрели на Верховного Жреца. Тот окаменел лицом и ничего не ответил.

В наступившей тишине кто-то из советников тихо произнес:

– Стены Города возводил Ахайя, он же и накладывал на них заклятье. Выходит... – и умолк, не решаясь договорить.

– Да... – бесстрастно подтвердил Рутан. – Все складывается, как нельзя худо.

Абигаил покидал Дворец последним. Сгорбленный, шаркающий ногами старик, он совершенно не походил на того вояку, каким был еще пару часов назад. Но потрясло его не сообщение о связи Безумца с неприятелем, а известие о гибели Нордида.

– Я спас Нордида от суда Жрецов, когда его хотели осудить за колдовство, – бормотал он себе под нос, спускаясь к пристани, – и я же настоял на его принятии в Совет, ибо он был достоин того... Мне хотелось этим загладить свою вину, – ведь я и пальцем не шевельнул, чтобы помочь его отцу! Но я считал, что приговор, вынесенный Дарквишу, справедлив... А теперь я виновен и в гибели его сына: нельзя было соглашаться, чтобы он прошел через перевоплощение – бедный мальчик был слишком неопытен для этого!

У причала не оказалось ни одного водного диска, – лишь лодка, где сидел укутанный в плащ гребец. Продолжая раз-

говаривать сам с собою, Абилай ступил в лодку и жестом приказал перевозчику отправляться в путь.

– Хватит причитать! – гребец откинул плащ.

– Ваше Величество? – удивился советник.

Королева протянула вперед руку, сжатую в кулак, и разжала пальцы. С её ладони слетела маленькая пушинка и тотчас превратилась в Тень.

– На тот берег! – приказала Королева. Тень послушно схватилась за весла. – Теперь слушай меня... – обратилась она к старику. – Бери детей из Храма – и уходи. Жрецы помогут вам. В условленном месте ждет корабль...

Старик внимательно посмотрел на неё:

– Что вы задумали?

– Неважно... У меня есть шанс выиграть эту войну – и я его использую.

Тёмные то ли устали за ночь, то ли восход Солнца – вечного и негасимого – действовал на них, но очередная атака захлебнулась, а новой они пока не предпринимали. Юстэс, пользуясь передышкой, решил забежать в казармы – узнать, как там агил.

Певун сидел на пороге – бледный, измождённый, больше похожий на привидение, нежели на живое существо. Рядом с ним валялись лук и колчан со стрелами.

– Вот, решил повоевать... – тяжело дыша, сиплым шепотом пояснил он.

Юстэс радостно сгрёб товарища в охапку:

– А ведь я не чаял застать тебя в живых!..

Во дворе казармы кипел над костром котёл. Женщины разливали усталым солдатам жиденькую похлебку.

– Еда... Я голоден, как тысяча демонов! – ноздри агила чутко вздрогнули.

Нетерпеливо оттолкнув приятеля, Певун побрёл к котлу. Получив свою порцию, быстро расправился с ней и снова протянул поварихе глиняную плошку:

– Ещё!..

– Ты уже съел свое, милоч, – заметила та. – Другим тоже нужно подкрепиться. Нынче всем несладко... Солдат кормим, а простые горожане вон едят, что в закромах осталось, у иных уж и нет ничего.

Глаза Певуна побелели от гнева:

– Ты не слышала, женщина? Я сказал ещё! – просипел он. Видно было, что ему трудно говорить, жилы на его горле вздулись от напряжения так, что казалось, вот-вот лопнут.

– Возьми мою долю... – Юстэс протянул больному плошку. – Бери...

Агил сердито выхватил посудину у него из рук.

– Я голоден!.. – заявил он, управившись с угощением. Сидевшие вокруг котла начали переглядываться.

– Налейте ему, – с издевкой сказал кто-то, – не то он сожрёт кого-нибудь из нас...

Одни в ответ на эти слова засмеялись, другие поддакнули

сочувственно: мол, бедняга еле выкарабкался, так пусть поест вволю! Но большинству из тех, что собрались в этот час вокруг костра, не понравилось поведение раненого.

– Вразуми своего приятеля, – посоветовали они Юстэсу, – а то он, похоже, совсем потерялся...

Гилленхарту стало неловко за друга, и он поспешил уведомить его прочь. Достав из тайника суму хормона, Юстэс отвел агила в харчевню, где выменял на один камешек кусок жареного поросёнка.

– Ешь... – коротко велел он, придвинув агилу деревянное блюдо с угощением.

Сердито посверкивая глазами, тот принялся за мясо. Юстэс молча сидел напротив и смотрел, как он ест. Обсосав последнюю косточку, Певун вытер жирные пальцы об рубаху и довольно рыгнул:

– Ну, вот! Это ещё хоть куда ни шло...

За те несколько коротких дней, что он провел на грани жизни и смерти, агил сильно изменился – и внешне, и повадки у него стали иные: Юстэс, наблюдая за ним, не мог избавиться от чувства, что это совсем незнакомый ему человек. Но он отнёс это на счет ранения, да к тому же его занимало иное:

– Полегчало тебе? – спросил он, едва тот оттолкнул от себя вылизанное дочиста блюдо. – Теперь расскажи-ка мне, что с тобой случилось...

Агил хмуро поглядел на него, в его взгляде сквозило недо-

умение:

– О чём ты?

– Кто напал на тебя?

На лице агила появилось странное выражение.

– Никто... – буркнул он и тотчас поправился: – Не помню...

Поняв, что толку ему не добиться, Юстэс встал из-за стола.

– Мне пора идти. Те, что остались на стене, тоже хотят передышки...

– Я с тобой! – просипел агил.

Юстэс хотел возразить, но передумал.

Они вышли на улицу. На ветке ясеня, росшего у входа, сидел большой чёрный ворон. Его силуэт казался одним целым с веткой, потерявшей все листья. Увидев людей, ворон хрипло каркнул, будто окликнул кого-то... Агил остановился. Его лицо вдруг неуловимым образом изменилось: стало прежним, точно он снял маску, доселе уродовавшую его лик.

– Карра?.. – неуверенно позвал он. – Карра, хороший мой! Иди ко мне! – и протянул руку. Ворон встрепенулся и недоверчиво склонил набок голову. – Карра! – снова позвал агил. Птица неторопливо расправила крылья, слетела с дерева и, сделав круг, приземлилась на подставленное запястье. – Ты же мой дружок! – ласково приговаривал Певун, глядя негнушными пальцами жёсткие крылья. – Помнит меня, умница! – радостно сообщил он Юстэсу, и удивлённо спросил,

словно только что заметил присутствие последнего: – А ты откуда взялся?..

Юстэс только пальцем покрутил у виска, но отвечать ничего не стал.

...Огромные барабаны глухо пульсировали в такт тяжёлым шагам сотен и сотен тысяч тех, чьи глаза ненавидели Солнце, и от этих бесконечных ударов в Стенах появлялись трещины... Маленькие и незаметные вначале, они быстро углублялись и стремительно расползались по камню. А барабаны продолжали своё дело...

Низкое вибрирующее гудение заглушило тревожную перекличку городских сигнальных колоколов, заставило замолчать тварей, что радостно бесновались у подножия стен в предвкушение мести за долгие дни неудач и лишений, перекрыло все остальные звуки угасающего вечера. Рокочущий монотонный ритм подчинил себе всё: казалось, даже уходящее за горизонт солнце не выдержит и лопнет от этого грохота!

Но раскалённое светило малодушно укрылось в океане, оставив осаждённый Город на произвол судьбы.

И тогда со стен поднялись в ещё светлое небо несколько десятков крыланов, неся на своих плечах людей с горящими факелами: смельчаки-добровольцы решили уничтожить необычного противника с помощью хорошо испытанного способа. Им навстречу взвились летучие отряды Бело-

глазых, и в воздухе завязалась страшная битва.

...Крылану Юстэса перебили шею, и животное штопором устремилось к земле. Воин, летевший вместе с ним, не удержался, и сорвался вниз. Юстэс оглянулся по сторонам – рядом мелькнула оскаленная морда вражеского летуна. Гилленхарт изловчился и сбил его погонщика. Оставшись без хозяина, вражеский ящер растерянно забил крыльями. Юстэс схватил его поводья, увлекая его за собой, и уже почти у самой земли чужой ящер, опомнившись, рванулся вверх, унося ввысь и человека... Его же собственный мёртвый крылан тяжело грохнулся оземь, придавив собой парочку нелюдей. Находившиеся рядом прыснули в разные стороны, и чей-то топор, посланный вдогонку уцелевшему, едва не рубил ему ногу... Чудом вскарабкавшись на горбатую спину ящера, Юстэс попытался направить его туда, где продолжал греметь один из гигантских барабанов. Но упрямое животное не желало подчиняться чужаку: повернув назад голову, летун вздумал укусить его. Гилленхарт в ответ со всей мочи ударил его рукоятью меча промеж глаз. Упрямец взвизгнул от боли, но покорился воле нового хозяина.

Подлетев ближе к дьявольскому инструменту, Юстэс увидел, что тот звучит сам по себе, словно невидимые палки бьют по его тугой чёрной коже. Они были совсем рядом, когда барабан ухнул снова: Юстэсу показалось, что в ушах у него что-то лопнуло!.. Оглушённый, он нашел в себе силы натянуть поводья и направить летуна вверх. Ошалевшее жи-

вотное понеслось вихрем, едва не сбросив своего повелителя, но Гилленхарт успел на излете вспороть мечом гудящее барабанье брюхо... Чья-то рука пустила горящую стрелу, рядом с ней воткнулось ещё несколько – и круглая громада вспыхнула ярким пламенем. Со стен донесся радостный рев сотен глоток осаждённых – и столь же яростно им откликнулись снизу.

Отчаянный рейд защитников Города уничтожил ещё несколько грохочущих недругов, но оставшиеся продолжали свое дело – и местами каменные оплоты Города начали рушиться.

И тогда все увидели в темнеющем небе огромное яркое пятно – словно кто-то, шутки ради, врезал в его нежное сиреневое тело кусок стекла. За этой прозрачной преградой, будто через лупу, искаженные расстоянием, виднелись гигантские всадники – уходящие в бесконечность стройные ряды, оцетинившиеся частоколом копий.

На мгновение на земле стало тихо-тихо... Умолкли барабаны, замерли занесённые над головами мечи, застыли в воздухе летящие стрелы, окаменели сражающиеся... И то ли вздох, то ли стон:

– Нигильги!..

И началась паника...

Белоглазые, нелюди и чудовища рубились между собою и Людьми, чей отряд вышел из стен наружу, воспользовавшись заминкой. Над дерущимися раскачивались Тени, неумоимо

размахивающие мечами. А над всей этой кровавой сечей колыhalось в нетерпение чужое воинство пожирателей миров, напирая на невидимую преграду. Теснясь, оно стремилось прорваться сквозь портал в небесах – и не могло...

И в этот миг навстречу нигильгам понеслась огненная хвостатая комета – Королева Чара на крылатой колеснице устремилась к яркому пятну в небе. \

Многие, очень многие понадеялись, что она хочет воспрепятствовать иномирцам, и только Абигайл, вдруг вспомнив разговор на лодке и её глаза в тот момент, сорвал иссечённый шлем с головы, и иступлённо заорал со стены во всю мощь своих лёгких :

– Не дайте ей открыть Врата!.. – истошный вопль перекрыл звуки битвы.

Но те, кто попытались остановить огненный вихрь – и люди, и нелюди – превратились в пепел.

И когда, казалось, исход был предрешён, на пути у королевской колесницы возник рычащий от страха и злобы летун. Всадник, сидящий на его спине, взмахнул непомерно длинным мечом – из вершины вырвался острый светящийся луч – и колесница разлетелась на многие тысячи звёзд... С шипением разрывая густеющий ночной воздух, они чертили огненные следы, и бесследно таяли. Тяжкий гул разочарования сотряс небеса – и так ужасен он был, что живые валялись с ног, и у многих лопались сердца...

Но небесный проход погас, и землю накрыла ночная мгла.

Юстэс видел с высоты, как мечутся вниз бесчисленные огоньки – битва продолжалась, больше похожая на грандиозную повальную драку, где каждый теперь сам за себя, и невозможно разобрать, где свой, а где – враг... Люди, кто уцелел, понемногу отступили назад под защиту стен. Он тоже направил летуна к городу, и уже на подлёте его ящер напоролся на стрелу, выпущенную из гигантского арбалета. Приняли его за чужого или отомстили за убийство Королевы?.. Животное пронзительно вскрикнуло и беспомощно закувыркалось к земле. Все произошло так быстро, что юноша, возбужденный азартом воздушного сражения, не успел даже подумать о приближающейся гибели, – страшной силы удар выбил его из седла, и наступила тьма...

– Как же это не вовремя!.. – бормотал дядюшка Винки, разглядывая своё отражение в зеркале, и пытаясь определить размер ущерба, нанесенный его внешности кознями «бестолковых девиц», как он теперь именовал Рио и её сестру. И это был ещё самый невинный эпитет в их адрес!

– Маленькие чертовки! Надо же, как подгадили!.. – бесстрастная поверхность зеркала являла ему бравую толстощёкую физиономию, густо заросшую рыжим волосом, но ошупывая себя руками, дядюшка снова и снова убеждался, что зеркало – врёт.

Промучившись таким образом пару суток, дядя Винки с суровым видом вломился в комнату к Мэрион и потребовал

объяснений. После быстрого допроса, он отправился к Зануде и заявил, что она немедленно поедет с ним на Чёрный рынок и покажет ему продавца, который продал им компоненты для варварского, как он выразился, зелья.

– Хорошо, – согласилась девушка. – Спускайтесь вниз, я переоденусь – и поедем.

Но когда она вышла в холл, то застала там дядюшку, ожесточенно спорящего с Бабушкой: та наотрез отказывалась выпустить родственника на улицу «в таком виде»!.. Улучив момент, Зануда шепнула ему, что возьмет экипаж и будет ждать в конце переулка, и быстро покинула дом, пока бабуля не догадалась, что они заодно.

– Хватит брюзжать, несносная старуха! Так и быть, в угоду вам останусь дома!.. И задохнусь тут, в четырёх стенах! – с этими словами дядя Винки плюхнулся на диван и сделал вид, что читает свежую газету.

Но бабуся тоже была не промах: с невозмутимым видом она уселась в кресло напротив, и принялась за вязание. Сидя подчеркнуто прямо, она то и дело бросала на дядю Винки взгляд поверх очков, точно учительница на провинившегося школяра. Дядя Винки пошуршал-пошуршал газеткой, и потихоньку начал закипать.

Неизвестно, чем бы кончилось это противостояние, но тут в холл вальяжной походочкой спустилась толстая сарделька по имени Хендря. Пес только что недурно пообедал, и вся жизнь представлялась ему в розовом свете: бархатная мор-

дочка псинки прямо-таки лучилась умиротворением и кротостью. Не подозревая дурного, он деловито процокал по паркету мимо дядюшки. На кабаньей харе дяди Винки расплылась шкодливая улыбочка:

– Пойду, прогуляю бедное животное в саду, – заявил он, хватая с газетного столика валяющийся там поводок, и сварливым тоном добавил: – Вот так всегда, заведут в доме скотинку, а ухаживать – дядя!.. Пошли, блохастый!..

Напрасно Хендря упирался всеми четырьмя лапами: дядюшка с лёгкостью вытащил его за дверь – Бабушка даже слова сказать не успела.

Очувившись на свободе, дядя Винки рысью помчался на улицу. Поводок он намотал на руку, совершенно забыв о собаке, и несчастный Хендря летел вслед за ним чуть не по воздуху. Время было обеденное, а потому в переулке никого не оказалось, и дядюшка беспрепятственно добрался до перекрёстка, где его уже поджидала Зануда.

– Садитесь же скорее!.. – торопила она, опасаясь, что кто-нибудь увидит его в таком обличии: вот уж тогда пересудов не оберёшься!

Дядюшка с силой пропихнул в узкую дверцу свои телеса – задняя рессора экипажа при этом заметно просела – и с трудом уместился на узком сиденьице. Устроившись, он захлопнул дверь и скомандовал кучеру:

– Трогай!.. – и в тот же миг снаружи раздался заполошный собачий вопль. – Тьфу ты!.. – рассердился дядя Винки,

высовываясь в окошко. – Совсем забыл про эту брехучку... – и без долгих проволочек выудил собаку за поводок прямо через окно, словно рыбу из речки.

Изрядно придушенный во время транспортировки, такс тут же умолк, опасаясь новых эксцессов, и забился в угол, но в глазах его ясно читалось: он еще припомнит дядюшке эту прогулку!

– Найди того старикашку, – велел дядя Винки племяннице, – выбери у него что-нибудь, а станешь расплачиваться, сделай вид, что забыла деньги в экипаже. Предложи ему пройтись вместе с тобой, а когда приведёшь сюда, возьми под локоток и спроси: *нет ли у него чего-нибудь эдакого?..* И главное, глазками поиграй, чтобы он понял. Впрочем, думаю, этот сразу догадается, о чём речь! Не может быть, чтоб у него под полкой не было в запасе какой-никакой ерундовинки! А когда клюнет, лезь вместе с ним в карету, и уж тут-то я возьму его в оборот!..

– Вдруг он заподозрит неладное?

– А вот и посмотрим, какая ты умница! – фыркнул дядя Винки.

– У ловкой бабы мужчина начинает соображать, что его обвели вокруг пальца, уже после того, как ловушка захлопнется... Как ты вообще хочешь замуж попасть, если таких простых вещей не соображаешь?

– По любви! – отрезала Зануда.

Ей пришлось довольно долго толкаться среди толпы,

прежде чем она отыскала давешнего старичка. Сделав скупающее лицо, она медленно пошла ему навстречу от одного продавца к другому, останавливаясь и разглядывая замысловатые штуковины, что наперебой предлагали торгующие. Оказавшись возле него, она присмотрела себе маленькую, грубо вырезанную деревянную фигурку, изображавшую дракона.

– Для чего он нужен? – спросила она, небрежно вертя в руках игрушку.

– Так, пустячок... – отмахнулся продавец. – Взгляните лучше вот на это! – и протянул ей какую-то безделушку.

Изобразив на лице восторг, Зануда взяла и это – ей ведь было абсолютно все равно, и полезла в сумочку, будто за деньгами.

– Ах, оказывается, я оставила наличные у мужа! Какая жалость! – и улыбнулась, словно пытаясь скрыть смущение из-за своей рассеянности: – Здесь не принимают кредитки? – и протянула покупку обратно.

На лице старичка отразилось явное разочарование – видно, сделка была бы ему выгодной.

– Но, хотите, пройдемся немного? – предложила она ему, не отдавая безделушки. – Вон мой экипаж...

– С удовольствием!

Подхватив старичка под ручку, Зануда потащила его вперёд. Уже около кареты, она заговорщически склонилась к его поросшему седым пушком уху, и спросила:

– А нет ли у вас чего-нибудь... гм... одним словом... Ну, думаю, вы меня понимаете? – и старательно подмигнула точной роковая красotka в примитивном шпионском фильме.

Старикан купился: оглянувшись по сторонам, он с готовностью прошептал в ответ:

– Думаю, у меня найдется несколько занятных вещиц для такой милой дамы...

– Например? – капризно переспросила «милая дама».

– Рубаха, купленная у мертвеца... – еле слышно прошепестел торговец.

Зануда даже вздрогнула – в отличие от Рэга Шеридана она до сих пор считала все кривотолки, что ходили в Городе насчет рынка, пустыми домыслами, а оно, оказывается, вон как!..

Ей отлично было известно, о чём идет речь. В детстве они с друзьями не раз уговаривались добыть себе подобную штуку. Для этого надо было всего-навсего в полночь отправиться на кладбище и положить на какое-нибудь надгробье серебряную монетку. Она уже не помнила подробностей – заклинаний там, и всего прочего... А потом по сценарию должен был появиться то ли сам хозяин могилы, то ли его призрак, и оставить взамен денежки свою нательную рубаху. Поверье гласило, что надев её, человек становится невидимым. С помощью этой одёжки друзья Зануды планировали ограбление кондитерской Папаши Дю и прочие невинные шалости, но у них так ни разу и не хватило духу совершить ночную вы-

лазку. А теперь вот выясняется, что храбрецы у нас всё-таки есть...

Впрочем, она тут же успокоила себя тем, что старик, вероятней всего, собирается всучить ей фальшивку.

– А как бы мне на неё взглянуть? – требовательно спросила она.

– Госпожа полагает, что я ношу *такие* вещи с собой? – по лицу старичка расплылась крысиная улыбочка. – Оставьте свой телефончик, я передам его нужному человечку...

Зануда достала из сумочки ручку и нацарапала на бумажке цифры. «Ведь уйдет сейчас, – подумала она, – и что тогда?.. Следить за ним, что ли? Но дядюшка слишком приметный теперь, а я...»

Она не успела додумать, как дверца экипажа приоткрылась, оттуда высунулась мощная лапа, и за шиворот втащила прохиндея внутрь – он только ойкнул! «Ай да дядя Винки!..» – восхитилась про себя девушка. Поразмыслив, она осталась караулить снаружи, полагая, что дядюшка сам уж как-нибудь разберётся.

Тем временем, дядя Винки усадил своего пленника против себя и несколько минут с удовольствием наблюдал, как тот сначала стал пунцовым, потом побледнел и даже позеленел слегка. Насладившись сей метаморфозой, он наклонился к нему, хлопнул по плечу и пробасил:

– Ну, здравствуй, Рурус! Вот и свиделись!..

... Маленький трусливый гегглин торопливо шнырял среди неподвижных тел: тут кусок, там кусок – поджав хвост, он торопился набить брюхо до отвала, пока не пришли живые, когда ещё доведётся так сытно поесть? Полная откормленная луна неодобрительно взирала на него сверху и её взгляд очень не нравился гегглину – задрав испачканную морду, он не раз и не два рычал на неё, но луна не уходила, и тогда, тяжело вздыхая, он снова принимался за своё, нервничая и оглядываясь... Перебегая от одного убитого к другому, он подобрался вплотную к стенам Города – в их тени ему казалось безопаснее. Сев на корточки, пожиратель падали прислушался: со стены до него долетали обрывки фраз, но он не понимал языка Людей; вдали перемещались цепочки огней – ночь вокруг была полна скрытого движения, но ему пока ничего не угрожало и, снова вздохнув, он наклонился и обнюхал лежащего перед ним. Судя по запаху, это был человек.

Гегглин радостно облизнулся: человечье мясо вкуснее прочего! Рядом возвышался бесформенной горой труп летуна – падальщик чувствовал, что ящер мертв, но на всякий случай зарычал на него, а потом впился зубами в руку человека. В пасть ему брызнуло тёплым, он заурчал, но человек вдруг отдернул руку, закричал, и схватил его за шею.

...Перевязав лоскутом рубахи прокушенную руку, Гилленхарт побрел наугад в темноте. Он плохо соображал куда идет, но понимал, что надо где-то укрыться или каким-то чудом взобраться на стену, иначе до него доберётся ещё ка-

кая-нибудь тварь. Внезапно земля под его ногами дрогнула, и раздался гулкий удар, а за ним – ещё и ещё... Сверху полетели камни, один из них больно задел рыцаря по плечу и сбил его с ног. Упав на спину, он увидел, как от стен откалываются огромные куски и беззвучно летят вниз – медленно, точно он лежит на дне реки, а воздух превратился в воду... Одна глыба рухнула как раз на то место, где скрючился погибший летун, – если бы не прожорливый гегглин, обломок стены точно похоронил бы его под собой!.. И тогда он поднялся – тяжело, бездумно, будто всё это происходило и не с ним вовсе, – и побежал прочь, спотыкаясь о трупы и оскальзываясь в грязи, смешанной с кровью.

Навстречу ему толпами текли вражеские воины, таща штурмовые лестницы и верёвки с крючьями, но никто из них не обращал внимания на одиноко бредущую фигуру человека, – ведь впереди их ждала Акра! Вожденная и ненавистная...

Укрывшись в ближней рощице, он видел, как чёрная шевелящаяся масса, ощерившись огоньками факелов, хлынула через проломы в чрево Города. Навстречу ей хлестал огненный ливень – гибнущий город дорого стоил захватчикам: сотни тысяч нападавших обратились в пепел, но многие из них проникли внутрь – и на улицах и площадях Акры завязались отчаянные бои, где и та и другая сторона сражалась за право на жизнь.

...Тяжёлые двери Храма сомкнулись за ними – и наступила тишина. Бои шли уже на подступах к храмовому холму, но здесь было светло и тихо. Абигайл прислонился к прохладной стене из белого светящегося камня и вытер рукавом кровь с разбитого лица. «Совсем слабый стал... В былые времена махал мечом без усталости несколько часов кряду, а теперь?..» И отчего-то стало так горько, словно жизнь его по-прежнему не имела видимого конца и впереди маячила сытая, но беспомощная и вовсе ненужная ему старость.

За эти дни на стенах погибли его друзья и сыновья, и он с радостью последовал бы за ними, но оставалось то главное и последнее, что удерживало его в этом мире: судьба тех детей, которых удалось оторвать от их родителей и укрыть в Храме. Тени расчистили советнику дорогу среди сражающихся, но почти никто из его воинов не уцелел, в живых остались лишь два рыцаря да парень-агил. Вместе с ним они находились теперь в Храме. Тени же устроили заставу у подножия холма – охранять подходы к святыне.

В прозрачном луче света льющемся с высоты, – для Абигайла всегда было загадкой, как могло светить сюда солнце и днём и ночью? – возникла плотная туманность, и спустя короткое мгновение из нее вылепился человеческий силуэт. Это был сам Верховный Жрец. Люди-воины и агил почтительно склонились перед ним. Абигайл кланяться не стал – он и в мирное-то время не очень жаловал духовенство, считая, что оно тратит больше сил на поддержание собственно-

го авторитета, нежели на борьбу с реальным злом, а теперь ему и вовсе было не до приличий.

– Где твои монахи? – спросил он у храмовника.

– Остался лишь я и двое старших, остальные братья ушли сражаться... – торжественно и печально ответил Жрец. Ответ обескуражил старого воина, и Абигайл почувствовал, что его многолетнее презрение к служителям Храма растаяло, как снег.

Снаружи послышались громкие крики: судя по всему, сражение шло уже на храмовых ступенях. Потом ударили в двери... Люди невольно схватились за оружие.

– Ступайте за мной, – спокойно сказал Жрец, словно не слыша ударов. – Кто бы то ни был, ему сюда не войти.

Им потребовалось не более получаса, чтобы собрать ребятишек в дорогу. Притихшие, сонные, они напоминали маленьких испуганных зверьков. Младшему из них было около четырех, старшему – лет двенадцать. Потом Абигайл заметил ещё одного мальчика – самого высокого и взрослого на вид. Он был единственным, кто не выглядел напуганным, – напротив, глаза его горели от плохо скрываемого бешенства.

– Это Аджаст, младший брат принца... – шепнул ему Жрец. – Пришлось спутать его сетями, чтобы не убежал, – и Абигайл увидел, что руки мальчика неподвижны.

– Вы сделали из меня посмешище! Люди потом будут говорить, что когда весь город сражался, я трусливо отсиживался в Храме вместе с малышкой!.. – выкрикнул мальчиш-

ка. Его лицо побелело от накопившейся обиды.

– Без сомнения, ты – храбрый парень, – отвечал служитель, – но попадись ты в руки врагам, они легко узнали бы от тебя, *что* мы прячем здесь... – и он широким жестом обвел притихшую детвору.

– Они бы нипочем не узнали! – запальчиво заявил малец.
– *Ты умеешь убивать свои мысли?..* – тихо спросил Жрец.
Мальчишка сконфуженно примолк, сердито посверкивая глазами.

«А из него будет толк!..» – подумал Абигайл.

Когда все были готовы, Жрец и его духовные братья сняли белые плащи и остались в чёрном. Главный неслышно прошептал заклинание, и они очутились вдруг в незнакомом месте... Храм и Город исчезли, вокруг расстилалась мирно дремлющая равнина. Лишь ночной ветерок тревожил серебрящийся под луною ковыль, да кричала где-то ночная птица. Советник поёжился: «Свежо...» Оглянувшись, он заметил на востоке зарево. «Город горит?..» Жрец между тем сотворил Портал – овальное светящееся пятно.

– С его помощью мы окажемся на побережье в устье реки, – объяснил Жрец. – Там ждёт корабль из Заморья. Мы должны успеть, это последний... Другого не будет.

Абигайл понимал, о чём он говорит: они перенесутся не только в пространстве, но и во времени – в те дни, когда корабли из Дальних Земель ещё могли беспрепятственно подбираться к берегам Королевства Людей. Перемещения тако-

го рода всегда были очень опасны – можно запросто заблудиться! – и оставалось надеяться на могущество храмовника.

Один за другим, они прошли через портал. Верховный Жрец шёл первым, за ним два воина и агил – на случай, если по ту сторону окажется кто-нибудь чужой, затем – дети. Аби-гайл и двое старших служителей замыкали процессию. Советник уже коснулся рукой прозрачного пятна, ощутив, как уплотнился воздух в том месте, где пространство и время были сжаты волей неведомых сил, но что-то тоненько свистнуло – и один из жрецов упал в траву. По его лицу побежала ярко-красная змейка.

– Уходи!.. – приказал ему второй.

Но советник не привык, чтобы ему указывали.

Служитель развел руки в стороны и поднял их вверх – и в то же мгновение вокруг на несколько шагов стало светло, как днём. При этом свете было видно, что из глаза убитого торчит стрела. А ещё они увидели, как из леса – все деревья и кусты в нём стали серо-прозрачными, точно мутное стекло, – приближается конный отряд: светловолосые воины на белых лошадях.

– Вальгесста... – молвил монах. Сделав пассы руками, он что-то прошептал, и трава между ними и преследователями загорелась. В их сторону тут же полетели маленькие светящиеся шарики, но наткнувшись на защитное поле, они взрывались в воздухе и гасли.

– Уходи! – повторил храмовник. – Я не смогу долго дер-

жать заграждение, а портал сейчас исчезнет!

– А если защита исчезнет раньше? – возразил советник. – Кто-то должен тогда помешать им пройти!

– Едва исчезнет защитное поле, как ты будешь убит, так что лучше иди сейчас. Ты нужен на той стороне...

Абигайл хотел поспорить, но монах пристально посмотрел на него, и подчиняясь его воле, старый воин шагнул в переход.

Когда он исчез, служитель глубоко вздохнул, глядя на свои ладони:

– Да простят меня Светлые силы! – и начал шептать заклинание.

Древнее и страшное, оно могло быть сказано живущим один только раз, ибо слова эти были настолько ужасны, что убивали и того, кто осмеливался их произнести. Выговаривая их, храмовник чувствовал, как они рвут ему горло, – изо рта потекла кровь, и едва договорив, он упал, бездыханный.

Но та же участь постигла и преследователей. Всех, кроме одного.

Единственный уцелевший всадник привстал на стременах, и пронзительно вскрикнув, послал своего коня в стремительно уменьшающийся портал. Ветер сорвал с его головы накидку, и лунный свет заиграл на длинных золотых волосах. Сделав немислимый для обычного животного скачок, конь и его повелитель исчезли в светящемся пятне. Еще секунда – и портал погас.

На равнине снова воцарились ночь и тишина.

Здесь был ясный морозный зимний день. Их ждали лодки – узкие, длинные. Корабль – изящный красавец с высокими бортами, предусмотрительно встал на якорю подальше от берега.

– Быстрее, быстрее!.. – торопил детей Жрец. Он и воины помогали ребятишкам рассаживаться в лодки.

Вот уже несколько челнов скоро понеслись к кораблю. Из портала появился Абигайл.

– Плохо дело!.. – крикнул он остальным.

Схватив за шиворот какого-то замешкавшегося малыша, он буквально швырнул его в лодку. Оставшиеся на берегу дружно заревели.

– Тянули тебя за язык!.. – рассердился Верховный Жрец. Впервые за всё это время он вышел из себя.

Абигайл спохватился и умолк на полуслове. Подхватив еще пару ребятишек, он шагнул в воду – волны отнесли лодку от берега. Усадив малышей на широкую деревянную скамью, он вернулся обратно. Ледяная вода обжигала ноги сквозь кожаные сапоги.

Младший принц с каменным лицом смотрел на корабль. Его пытались отправить в числе первых, но упрямец заявил, что покинет берег только после всех остальных.

– Когда-нибудь я стану королём, – надменно пояснил он. – Будущие подданные не должны видеть во мне труса.

– Чего ждёшь? – прикрикнул на него советник, и, взяв ещё двоих, понёс их в лодку. Второй раз идти было намного тяжелее: каждый шаг давался с огромным трудом, он вспотел, сердце колотилось как бешеное... «Ну-ка, давай!..» – мысленно прикрикнул он сам на себя.

К кораблю понесли ещё две лодки. Оставалась последняя, – и ещё пятеро детей на берегу, в том числе и Аджаст.

Из портала с гиканьем вырвался златовласый всадник.

– Вэллария!.. – радостно вскричал Абигайл, и тут же осёкся: взрыв копытами песок, белый конь, подчиняясь воле хозяйки, поднялся на дыбы, а потом всей тяжестью обрушился на одного из воинов, стоявших у него на пути.

Дети бросились в воду... Самого маленького волною сбilo с ног, и он едва не захлебнулся – принц еле успел вытащить товарища. Абигайл подхватил неудачника и перевалил малыша через борт. Это стоило ему последних сил. Остальные лезли сами – он только поддерживал их... Тяжёлая ледяная волна ударила старика в бок, одежда намокла, делая его неуклюжим и неповоротливым. Один из ребят сорвался в воду – нечеловеческим усилием Абигайл вытащил его наверх и помог забраться в лодку. Взглянув назад, он увидел, что на берегу разыгралось настоящее сражение.

– А-ашш!.. – крикнула Вэллария, нанося одновременно смертельный удар воину, что бросился на нее с мечом, и сбивая конём агила.

Этот странный возглас хлыстом стегнул по волнам, и они

опрокинули лодку, что отчалила от берега предпоследней. И женщина снова крикнула, но Верховный Жрец поднял руки, словно закрывая собою остальных и, видимо, у него это получилось, потому что её крик теперь не причинил вреда. Тогда она бросилась на противника, но у того в руках появился длинный жезл, и между ними завязалась борьба, в которой никто не хотел уступить.

–... у-уплыва-ай!... – донеслось с берега.

Абигайл оттолкнул от себя лодку и решительно шагнул вперёд. И тут он боковым зрением увидел, что на корабле поднимают якорь. Между тем, расстояние между оставшимися лодками и судном было ещё довольно значительным.

– Стойте!.. Приказываю вам, остановитесь!.. – прогремел Абигайл, перекрывая шум волн.

Движение на корабле замедлилось. Советник в отчаянье взглянул на берег, где в причудливом танце кружились на песке белый плащ с цветком Вальгессты и чёрное одеяние Жреца: монах заставил свою соперницу спешиться, но было видно, что она и сильнее и проворнее.

– Уплывайте! – крикнул ему агил. – Я останусь на подмогу!.. – и бросился на берег

Улучив момент, Вэллария сделала обманное движение и послала в сторону уплывающих разрывной шар.

Она всегда слыла меткой – и прямое попадание убило гребца в последней лодке. Неуправляемое суденышко беспомощно заколыхалось на волнах. Выругавшись, Абигайл

отстегнул пояс с оружием, сбросил намокшую накидку, и кинулся к осиротевшей посудине. Агил, оглушённый взрывом, без памяти распростёрся на песке. Тем временем Вэллария коварным приёмом обезоружила Жреца и опрокинула его навзничь. Но прежде, чем меч врага вонзился в его грудь, Жрец успел договорить заклинание, начатое ещё перед схваткой, и между златовласой и лодками возникло наконец защитное поле.

Ах, как кричала она в ярости и как была она страшна!.. Но тщетно металась колдунья по берегу, посылая вслед кораблю проклятия – последний сын Храма Солнца успел защитить плоды своего виноградника!

Внезапно Вэллария остановилась... Её лицо исказила улыбка, больше похожая на судорогу: вытянув вперёд руку, она сказала что-то, подув на пальцы, и ледяной панцирь стремительно покрыл воду, догоняя убегающих, и едва не раздавил в своих тисках отставший челн, но судьба благоволила к беззащитным. Они успели подняться на корабль, и маленький принц, стоя на корме уплывающего корабля, крикнул:

– Я вернусь!!! Я обязательно вернусь – и отомщу тебе за всё!...

... И много лет спустя агил будет помнить этот день словно картину, составленную из мозаичных камешков. Не последовательность мгновений – одно за одним, а отдельные

мельчайшие подробности: белый морской песок и шевелящиеся комки бурых водорослей у кромки воды... Искрящиеся сосульки в бороде высокого сурового старика, что упрямо налегал на вёсла, сжав костистые кулаки... Его глаза – тёмные, пронзительные, источающие торжествующее презрение к той, что бесновалась на берегу, – и её взгляд, полный бесильной ненависти... Золотые волосы, так красиво выющиеся на ветру... Тяжелые, масляно-блестящие волны и низкое-низкое небо цвета грязного снега... Влажный киль перевернутой лодки, печально покачивающийся на волнах, выброшенное на берег маленькое тельце... И корабль, уходящий к горизонту...

А потом ещё – удаляющийся перестук копыт... Он слушал его, вжавшись головой в песок и затаив дыхание, ведь то был звук шагов смерти, что опять прошла мимо. И странный чужой голос – голос Тезариуса, исходящий из его же собственных уст:

– Дважды одолела ты меня, но уж третий-то раз – будет мой...

– Поехали, чего копаешься?!.. – высунулся из кареты дядюшка.

Зануде не очень хотелось продолжения приключений: она чувствовала себя уставшей, да и пахло в экипаже нехорошо – кабан, всё-таки... Но делать было нечего, и она неохотно полезла внутрь. Каково же было её удивление, когда вместо

старичка-торговца она обнаружила там рыжего пузатого бородача весьма бойкой наружности!

– А-а... простите, это кто? – поинтересовалась она у родственника.

– Хе! – осканился кабанище. – Ты себе даже и представить не можешь! – но вдаваться в подробности не стал.

– Ну, ладно, – пробормотала девушка, совсем растерявшись, и поздоровалась с незнакомцем. Но тот лишь обиженно надул губы, точно незаслуженно наказанный ребенок, и отвернулся к окну.

Они долго кружила по городу, пока не оказались на окраине.

– Выходим!.. – скомандовал дядя Винки.

Длинная пустая улица, уходящая к реке, наводила тоску. «Что это за место? Никогда здесь не была... И что ему тут надо?» – сердито думала Зануда. Тем временем, дядюшка тоже выбрался наружу, волоча за собой пузатого бородача.

– Веди!.. – грубо приказал он ему.

Незнакомец что-то прохныкал на непонятном языке, но дядя Винки молча дал ему тычка в спину, и тому пришлось подчиниться.

Пыльная дорога привела их к большому, по виду заброшенному дому, огороженному высоким покосившимся забором.

– Здесь?.. – рыкнул дядюшка, осматриваясь.

Пузан коротко проскулил что-то в ответ. Дядюшка при-

поднялся на цыпочки и заглянул через забор.

– За мной! – велел он, проведя рекогносцировку. Распахнув ударом ноги ветхую калитку, та в ответ жалобно скрипнула, дядя Винки втолкнул пузана во двор и протиснулся вслед за ним. – Гляди в оба!.. – приказал он Зануде.

Заросшая травой дорожка вела в глубину запущенного сада, где стоял дом. Прямо перед калиткой валялся спортивный велосипед, переднее колесо его было сплющено о камень. Дядюшка хмыкнул, и нагнувшись, провёл лапой по рулю. Потом понюхал свою лапу и снова хмыкнул.

– Так я и думал! – хрюкнул он, но Зануда не поняла по его интонации – доволен он результатами исследования или нет.

Не успели они сделать и пяти шагов по направлению к дому, как сзади раздалось громкое утробное рычание. Испуганно обернувшись, Зануда увидела, что у калитки, отрезая им дорогу назад, стоит огромный лохматый пес. Пузатый что-то крикнул, и огромный зверь тут же кинулся на них... Но дядюшка не растерялся – бросившись навстречу собаке, он ловко поддел пса клыками, и распоров ему брюхо, отбросил в сторону, точно всю жизнь прожил в кабаньей шкуре... Ужасный визг огласил окрестности, и тяжело грянувшись оземь, раненое животное испустило дух. А дальше произошло ещё более странное: едва застыв, лохматая собачья туша стала стремительно уменьшаться в размерах, и через мгновение исчезла, как им показалось, совсем. Однако, подбежав к тому месту, где на земле остались влажные бу-

рые пятна, Зануда увидела маленькую деревянную фигурку – грубое подобие человечка, выкрашенное в чёрный цвет. Присев на корточки, она протянула руку, чтобы взять её, но дядюшка, едва не наступив ей на пальцы, придавил деревяшку копытом.

– Не трожь!..

– Что вы тут раскомандовались! – выпрямившись, закричала девушка. Она была настолько потрясена событиями последнего часа, что ей просто необходимо было выплеснуть эмоции, иначе бы лопнула!

На дядю Винки её вопли не произвели никакого впечатления.

– Делай, что тебе старшие говорят! – невозмутимо прохрюкал он, и потопал к дому, волоча за собой упирающегося пузана. – Можешь остаться тут... – бросил он ей через плечо.

– Нет уж, дудки... – пробормотала Зануда, глядя как они удаляются. – Одна я здесь не останусь! – и побежала за ними.

Внутри дом выглядел еще хуже, чем снаружи: прогнившие полы, вековая пыль и паутина... Остатки некогда богатого убранства лишь подчеркивали его нынешнее плачевное состояние. Дядюшка шумно повел влажным пятакон:

– Ну, и где?..

Пузан в ответ молча ткнул пальцем куда-то в пространство. Там, в дальнем конце большой залы, стоял на каминной полке осколок зеркала.

– Пойдем-ка, посмотрим... – пропыхтел дядя Винки.

Путь к зеркальному осколку затрудняла огромная дыра в полу – когда-то здесь, видимо, был подпол. Теперь же доски провалились, и пробраться к камину можно было, только прижимаясь к стене. Двигаясь боком, дядюшка вполне успешно преодолел половину расстояния, но тут рыжебородый, которого он крепко держал за руку, изо всех сил толкнул его – и дядя Винки с проклятиями грохнулся в эту дыру, подняв несметные тучи пыли.

– Держи его!.. – заорал он оттуда.

Но было поздно: когда Зануда опомнилась, коварный пужан был уже у выхода.

И тут раздался страшный треск ломаемой двери, в образовавшийся проём, разгоняя затхлые сумерки мёртвого дома, хлынул яркий солнечный свет, и в дом ворвались люди. Рыжебородый заметался, пытаясь прорваться к окну, и это ему почти удалось – он уже вскочил на подоконник, – и тут же замер, окаменев, а затем, словно деревянный, рухнул вниз. Все бросились к пойманному, забыв о дядюшке, который тем временем почему-то притих в своем погребе.

– Господин комиссар? – ахнула Зануда, узнав в одном из людей Рэга Шеридана. – Что случилось?

– Что случилось?.. – сварливо переспросил полицейский. – Это я у вас должен спросить, милочка! Нет, подумайте только: *тьетьль в городе!* – и он носком форменного ботинка пошевелил лежащего на полу. – Забирайте его! – командовал он тем, что пришли с ним. – Наручники нужны?

– Нет, – странным глухим голосом ответил один из них. – Сети достаточно крепки, а из железных оков эта бестия выскользнет без труда.

Подняв пленника, они выволокли его на улицу: Зануда выглянула им вслед, ожидая еще чего-нибудь экстраординарного, но неизвестные вполне нормально добрались до калитки, сели в большой пикап, и уехали, оставив двоих.

– Кто эти люди?.. – спросила она у комиссара.

– Смотрители, – тотчас отозвался он, прохаживаясь по комнатам и осматриваясь. – Кстати, а где твой любимый дядюшка?

– Здесь я, чёрт бы вас всех побрал! – раздался в ответ сердитый бас. – Помогите-ка мне вытащить эту штуковину!

Вдвоем с Шериданом, они подошли к краю провала. Там на дне дядя Винки ворочал небольшой сундук.

– Что это ты там откопал, приятель? – поинтересовался комиссар.

– Да вот... – неопределенно отозвался дядюшка.

Тут вернулись те двое, что остались. В руках у них были какие-то штуковины, похожие на маленькие антенны.

– Сейчас мы все здесь проверим, – сказал один из них. – Но вам лучше выйти на воздух, а то фон исказить будете.

– Как скажете! – преувеличенно любезно отозвался комиссар. – Тут у нас, правда, один хряк в подпол провалился...

Совместными усилиями дядя Винки был извлечен нару-

жу. Вслед за ним подняли небольшой сундучок.

– Не возражаете, – пропыхтел дядюшка, – если я оставлю эту штуку себе? – зрители молча переглянулись. – Понял... – покорно отозвался дядя Винки, и с сожалением отодвинулся от сундука.

Втроем они вышли на улицу. Комиссар достал сигару, дядя Винки – любимую трубку. Закурили, пуская к небу пухлые клубы дыма...

– Я почему-то сегодня только заметила – у них такая странная эмблема, у зрителей, то есть... – ни к кому конкретно не обращаясь, проговорила Зануда. – Что она означает?

– Этот знак... – замялся комиссар, – а не замечали вы его раньше потому... Э-ээ... Ну, словом, потому что они используют его только в *крайних* случаях... Когда нужна сильная защита. Да вы побледнели, сударыня! Вам нехорошо? – он с тревогой всмотрелся в лицо девушки.

Она же замерла на мгновение, глядя куда-то в пространство. Её и впрямь побледневшее лицо застыло точно каменная маска – словно она внезапно увидела перед собою нечто ужасное... Или что-то вспомнила...

– Нет, всё нормально, – проговорила она спустя несколько секунд, и чтобы сгладить неловкость, потянулась к волосам, желая поправить причёску. Дрожащие пальцы её тут же сломали заколку, и густые чёрные волосы блестящей волной легли на плечи.

– Какая досада! – рассердилась она сама на себя, рассматривая обломки заколки. Маленькое происшествие не ускользнуло от внимательных глаз полицейского.

Но он приписал её волнение суматохе прошедшего часа. Да и откуда ему было знать, что его юная собеседница уже видела подобные обереги. На плащах тех, кто однажды поздним осенним вечером ворвался в её студенческую комнатушку.

...Едва забрезжил рассвет, Гилленхарт двинулся обратно в сторону Города. Так же как и накануне вечером он брёл вперёд в состоянии бездумного отупения, – все чувства разом умерли в нём. Только в голове гудело точно колокол... Или барабан?.. Полубезумный, он кружил по сожжённым улицам; не один раз на него пытались напасть, но судьба благоволила ему, и он уходил от врагов невредим... Наконец, ноги принесли его к заливу, отделяющему Город от королевского дворца. Запрокинув голову, он долго смотрел из-под полуприкрытых век на острые скалы, среди которых прятались дворцовые шпили и башни. Сердце подсказало: дворец пуст... Горестно взревев, точно дикий зверь, вернувшийся с охоты и обнаруживший свое логово разорённым, рыцарь бросился прочь...

Только стихли его шаги, как к причалу крадучись спустилась стая пришельцев самой разной масти. Толкаясь и переругиваясь, хватчики расселись в брошенные лодки, и то-

ропливо налегая на весла, направились в сторону дворцовой громады, предвкушая поживу. Далеко отплыть они не успели: гребни невысоких волн вдруг оборотились во множество прозрачных рук, и утянули лодки под воду, а заодно – и тех, кто там был. Маленькая птичка, наблюдавшая за расправой с берега, довольно пискнула и вспорхнула ввысь: заколдовав воды залива, она сделала всё, что могла, в память о той, которую любила и ненавидела...

Покружившись над разорённым городом, птица направилась в сторону побережья, старательно огибая то место, где дрожащей воронкой уходила в небо Тёмная Башня: гудящий смерч, словно напившись дымом городских пожарищ, стал намного шире и выше. Но на какое-то мгновение ей показалось, будто голос того, чей дух был заточен в Башне Забвения, зовет её!.. Покорившись призрачному зову, она уже легла на крыло, чтобы сменить направление, и тут, откуда ни возьмись, налетел огромный ворон.

– Карра!.. – крикнул он почти по-человечьи, и бедняжка едва увернулась от его клюва.

Сложив крылья, птица камнем ухнула вниз. Ворон спикировал за ней. Он легко бы настиг её, но у самой земли его жертва юркнула в клубы дыма и исчезла. – Кар-ра! – повторил неудачливый охотник и, предельно снизившись, медленно полетел вдоль улицы, выискивая пропавшую.

И он действительно вскоре отыскал её, только теперь она была уж в человеческом обличье. Недобро усмехаясь, ведьма,

что было сил, натягивала тетиву лука, подобранного ею тут же. Острые стрелы смотрело прямо в глаз оторопевшему ворону.

– Так кто кого? – ласково спросила ведьма.

Захваченный врасплох, Карра метнулся в сторону. Стрела пробила ему крыло навывлет. Вторую стрелу ведьма отправила в грудь одинокому всаднику, на свою беду вывернувшегося из-за угла разрушенного дома. Раненый ворон тяжело спланировал на землю. Кирия схватила под уздцы лошадь убитого ею и ловко запрыгнула в седло. Пришпорив животное босыми пятками, она направилась прямо на сидящую в пыли птицу. Тяжелые копыта ударили рядом с поверженным вороном...

Оглядываться назад ведьма не стала, уверенная, что растоптала обидчика.

Гилленхарт в конце концов, несколько раз чудом избежав гибели, пробрался к казармам. Они пострадали меньше, чем многие здания Города – основные бои проходили в стороне, ближе к Арсеналу. Какое-то время он тупо смотрел на то, что еще недавно было его домом, потом, осознав, что и здесь никого нет, почувствовал ужасную растерянность... В душе образовалась невыносимая пустота: что теперь?..

Сбоку раздался шорох... Приглядевшись, он заметил в пыли комок перьев и дотронулся до него носком сапога. Комок отпрянул в сторону, сверкнул темным глазом.

– Бедолага! – жалость к раненой птице напомнила ему, что он сам – ещё жив. Осторожно взяв ворона в руки, юноша шагнул с ним во двор казармы. Ворон слабо клюнул его в палец. – Не балуй! – тихо сказал Юстэс.

– Кар-ра! – хрипло отозвался раненый.

– Э, брат, да мы с тобой знакомы!.. – колодец во дворе был цел. Отыскав смятое ведро, Юстэс напился сам, напоил из пригоршни клювастого приятеля. – Где же твой хозяин, а?..

Карра заволновался и что-то невнятно пробормотал.

Юстэс медленно обвел взглядом почерневшие ряды деревянных зданий. Они в ответ скорбно глядели на него провалившимися глазницами обгоревших окон.

– Надо выбираться отсюда... – сказал, обращаясь то ли к ворону, то ли к самому себе. И в этот момент ему показалось, что в мёртвом провале одного из окон что-то шевельнулось. – Бьюсь об заклад, мы тут не одни... – прошептал он ворону, сажая его на остов колодезного сруба. Ему почему-то пришло в голову, что внутри прячется кто-то из своих. Совершенно не таясь, он торопливо подбежал к дому и переступил через обгоревший порог. – Эй, кто здесь?..

Расплата за необдуманную поспешность последовала сразу же: откуда-то снизу его ударили острым в бок, и он успел только заметить, как мелькнул и скрылся в дверях некто маленький и рыжий.

– Стой!.. – прохрипел он, невольно опускаясь на колени и хватаясь рукой за дверной косяк, чтобы не упасть совсем. –

Стой, дьявол тебя подери!.. – другая рука нащупала рану. Ладонь сразу стала влажной и липкой. Усилием воли он поднялся и вышел наружу. – Стой...

Но нападавший был уже у ворот: проскользнув между покосившихся створок, он скрылся из виду. Лицо Юстэса перекосилось от досады и боли. Сев на землю, он кое-как стянул рубаху.

– Да-а, скверно... – пробормотал он. Ворон внимательно смотрел на него, склонив голову набок. – Глупо получилось! – оправдываясь перед ним, пояснил юноша. – Сто раз мог умереть – и не помер, а вот поди-ка ты... – кровь лила сильно, и Юстэс почувствовал головокружение: ворон и колодец тихо уплывали куда-то в сторону.

Скомкав снятую рубаху, он прижал её к ране. Грязная ткань быстро окрашивалась в красное. Глядя, как она меняет цвет, Юстэс вдруг засмеялся: откинув назад голову, он хохотал все громче и громче, временами повизгивая и срываясь на стон. Ворон хрипло и тревожно каркнул.

– Бог мой!.. – еле проговорил человек сквозь смех. – Ведь ничего не жалко! Ни-че-го!.. – ворон снова крикнул в ответ. – Думал, за плечами жизнь, оказалось – пустота... Тебе тоже смешно, крылатый?.. Я ничего не оставил в память о себе. Ничего... Никто не зажжёт по мне свечи и не прочитает молитвы... Матушка бы, верно, помолилась за меня. Как думаешь, помолилась бы? Матери всегда просят Небеса за своих детей... – голос его на мгновенье прервался. Юст-

эс смежил веки, точно вспоминая что-то, а потом его плечи снова затряслись от смеха. – А ведь гадалка наврала! – пробормотал он, не открывая глаз. – Нет, про любовь и богатство – это она верно угадала. Но она сказала, что убьёт меня мой лучший друг... Выходит, ошиблась?..

– Или ты умрешь не сейчас!. – сварливо возразил ему вдруг кто-то.

Юстэс в недоумении воззрился на ворона, – все предметы были нечёткими, точно в тумане, но птица сидела, нахохлившись, и помалкивала. Потом, опустив глаза, он осознал, что рядом с ним появились чьи-то грязные, дорогой кожи сапоги. С трудом задрав голову, Юстэс увидел хмурое лицо... Коротышки. В одной руке тот держал меховую суму, доставшуюся Гилленхарту от хоромона, в другой – короткий меч.

– Ты?.. – вяло удивился раненый.

– Почему бы нет? – сухо переспросил тот.

– Пришел добить меня? – криво улыбнулся Юстэс.

– А я что, записывался к тебе в лучшие друзья?

Присев на корточки возле раненого, он покопался в заплечном мешке и выудил оттуда коробочку с густой мазью. Отняв от раны пропитавшуюся кровью рубаху, он ловко наложил жирный слой снадобья. Юстэс почувствовал, как боль утихает, и по телу разливается приятная прохлада. Его спаситель снова порылся в своей котомке, и достал склянку, запечатанную туго притёртой пробкой.

– Глотни-ка! – велел он, откупорив пузырек и поднеся его

к губам Юстэса. – Да немного!.. Хорош!..

Рана тем временем схватилась коркой.

– А я ведь по дороге сюда встретил, знаешь кого?.. – спросил Коротышка. – Руруса!.. Прямо у ворот!.. Нет, каков проныра! Ведь это он твои камушки утачил! – и встряхнул в руках меховую суму. -

– Значит, это он меня? – Гилленхарт осторожно потрогал пальцами затянувшуюся рану: в душе Юстэса зашевелилось смутное подозрение. Уж больно складно всё как-то получалось!

– Вот ведь зараза!.. Ну, ничего, я его тоже зацепил хорошо! Думал даже, что прибил гадёныша... Да только он прикинулся, мерзавец,дохлым... А пока я камушки разглядывал, он и смылся!

– Ты сюда... зачем пришёл?

– Тебе правду сказать или соврать? – усмехнулся Коротышка, снова потряхивая сумой. – Нет, я же не знал, что ты тут! – добавил он тут же, оправдываясь. – Думал, дай забегу по дороге на всякий случай... Я вообще к Храму пробираюсь, – и он похлопал по кожаным ножнам, прикреплённым к поясу, где был кинжал, который он выменял у Гилленхарта. – Уходить, брат, надо! Вон, видишь?.. – Коротышка ткнул пальцем куда-то вверх и в сторону.

Юстэс последовал взглядом туда, куда он указывал. Край неба закрывал медленно вращающийся смерч.

– А убивать тебя я не хочу! – мрачно заявил Коротыш-

ка. – Эти камушки, даже если поделить, на три жизни хватит. Только бы выбраться отсюда! Вдвоём-то сподручнее будет... – и он выжидающе посмотрел на Юстэса, словно тот мог и отказаться. Но юноша согласно кивнул и поднялся на ноги:

– Идём...

– А это? Попролам? – и Коротышка указал на наследство хормона.

– Ты спас меня. Ещё несколько времени тому назад я понял – моя жизнь мне ничего не стоит. Но и эти камни на самом деле ничего не значат. Потому сделка наша верная. Получишь, сколько просишь...

– Побожись, что не обманешь! – требовательно насупился рыжий.

Юстэс поклялся. Тогда Коротышка вытряхнул драгоценные камни на его окровавленную рубаху и на глазок разделил кучку на две части. Одну – ссыпал в свою котомку, другую – увязал в узелок из лохмотьев и протянул юноше вместе с меховой сумой:

– Это твоё. Сам береги своё добро, ну, а я позабочусь о своей доле...

Выйдя из ворот, они крадучись, перебежками, стали пробираться по улицам в направлении Храма.

Захваченный город был страшен.

Заваленные трупами улицы – лёгкая добыча для всякого рода бестелесных духов; разрушенные здания, некогда вели-

чественные и прекрасные, и удушающий смрад пожарищ... Порой Юстэсу казалось, что они попали прямиком в ад! Сходство было ещё более удручающим из-за того, что городские развалины кишмя кишели чудовищными созданиями – большими и малыми...

– Чую, сожрут нас раньше, чем мы доберёмся до Храма! – сказал Коротышка, после того как в нелёгкой схватке приятели уложили очередную образину. – И ведь ты посмотри, какие рожи!.. Я такие и не встречал раньше! – и он бросил долгий озабоченный взгляд туда, где гудел столб Тёмной Башни. – Не иначе, Безумный Король проснулся!...

– О чём ты?..

– Тьетли болтали меж собой, что Тёмные сумели разбудить дух Проклятого, и с его помощью устроили всю эту заваруху.

– Зачем ему это?

– Они пообещали ему воскрешение... Берегись!..

Над головами людей пролетела, тяжело хлопая крыльями, гарпия. Её волосатое брюхо так раздулось, что она еле держалась в воздухе. Скользнув взглядом по нашим спутникам, она коротко крикнула и потащилась дальше.

– Ишь, отъелась! – с ненавистью бросил ей вслед Коротышка. – Стрелу бы вклепить в глаз! Да сразу примчится целая стая её родственничков!..

– Уже летят! – отирая пот со лба, выдохнул Юстэс.

Вдоль разрушенной улицы, почти прижавшись к земле, на

них надвигался многоглавый и многоголосый клубок. Приятели забились в какую-то щель в развалинах, тщетно надеясь, что их не заметят. Но не тут-то было!

...И даже спустя долгие-долгие годы Коротышка будет покрываться холодным потом, вспоминая эти мгновенья: невыносимые крики злобных тварей, их пустые глаза, одержимые лишь жаждой крови, скрежет скользких когтей, а потом – сверкнувшую вдруг прямо рядом с ним длинную узкую молнию и мерзкий запах палёного пера... Но ничего слаще этого запаха не было в мире! Потому что так пахли, обугливаясь и сторя под ударами юного рыцаря, туши гарпий. Оружие, доставшееся от безымянного скелета, снова выручило их самым чудесным образом: луч света, вырвавшийся из расщеплённого конца обоюдоострого лезвия, одинаково легко крушил и мягкие тела врагов, и каменные груды, и почернелые остовы вековых деревьев, чьи кроны ещё вчера так горделиво сияли золотом уходящей осени. Последней осени Города Людей...

А потом Юстэс повёл мечом в ту сторону, где над горою тёмно-сизых останков городских кварталов дрожала в дымной пелене светлая стрела храмовой громады, и луч проложил прямую дорогу в оплавленных камнях.

Вот только идти по дороге этой сам он уже не смог. Меч выпал из ослабевших рук воина, и он бессильно опустился на землю.

– Ты что? – испугался Коротышка. – Ты что... – бестол-

ково бормотал он, подхватывая своего рослого спутника и пытаясь поставить его обратно на ноги. Но тот, будто пустой мешок, безвольно валился обратно.

– Не могу... – прошептал он еле слышно. – Вся сила ушла... в меч...

Коротышка посмотрел на сияющий вдали купол Храма, потом – на неподвижно лежащего юношу, снова – на Храм... Ворон каркнул и, растопырив крылья, закружился по земле у его ног.

– А-а... чёрт! – рыжий стукнул кулаком по своей же раскрытой ладони, нагнулся, ухватил приятеля поперёк туловища и, крикнув, взвалил его себе на плечо.

Придерживая одной рукой свою ношу, он ухватил ещё и меч, и затопал вперёд, закусив губу. Ворон торопливо заковылял за ним вслед. Коротышку шатало, пот заливал ему глаза, но он упрямо шёл и шёл, так, словно прогуливался по палубе, и это не ноги его дрожали и подгибались от неимоверной усталости и напряжения, а просто шалила, качая корабль, морская волна...

...Широкие ступени, с четырёх сторон поднимавшиеся к стенам Храма, были чисты и светлы, как и в мирное время. Казалось, грязная накипь военного лиха не смогла дотянуться до этих мраморных плит, растеряв всю свою силу на разорённых ею же улицах. Но подобравшись ближе, спутники поняли, что на самом деле заслон ей поставили Тени: призрачные гиганты преградили путь сотням недругов,

рававшихся к святыне Людей, и площадь перед Храмом стала полем битвы. Пришедшие могли только представить себе, какая страшная сеча кипела тут всего несколько часов назад, но теперь здесь было тихо, лишь ветер шевелил одежды погибших, да шуршали опавшие листья...

Признав своих, Тени пропустили их к дверям Храма.

Скинув Гилленхарта на мраморный пол – вышло у него это не очень аккуратно, Коротышка бросил рядом с ним остальную амуницию. Сам привалился к стене, перевёл дух, огляделся... Чёрный дрожащий столб на западной стороне стал еще выше и шире. Теперь он больше напоминал гриб – вершина его расплылась над гибнущим Городом в гигантский неровный круг, словно некая невидимая преграда на небесах расплющивала её и не давала подняться выше.

– Вот ведь погибель!.. – пробормотал Коротышка, заворожённо наблюдая, как чернота медленно и неотвратимо пожирает светлое пространство. Потом опомнился, сплюнул, утёр губы рукавом, и достал из-под одежды потёртые кожаные ножны.

– Ну, что? Опробуем твой подарок?.. – спросил он у Юстэса, показывая ему извлечённый из ножен кинжал. Тот взглянул и ничего не ответил, и глаза у него были совсем потухшие.

Повертев кинжал в руках, Коротышка вставил клинок в еле заметное отверстие в дверях. Сжал рукоятку, попробовал повернуть... Туда, сюда... Не получалось.

– Ишь ты!.. – злобно пропыхтел он. – Входит, как родной, в скважину-то, а проворачиваться не хочет!

Поднатужившись, Коротышка ухватился за кинжал обеими руками, так, что спина его взбугрилась узлами мышц, но непокорный замок не сдавался. Раненый ворон беспокойно закричал, вытянув шею.

– Что?.. – не оборачиваясь, переспросил его Коротышка, продолжая возиться с замком.

Ворон снова прокричал непонятное, точное силился что-то объяснить. Коротышка отпустил кинжал и повернулся к крикуну. Тот широко разинул клюв и громко каркнул... Рыжий внимательно посмотрел на юношу.

– Ты уверен?.. – спросил он ворона и, не дожидаясь ответа, легонько пнул Юстэса ногой. – Эй, твой приятель говорит, что *ты можешь* открыть эти двери...

Гилленхарт медленно поднял голову. В его помутневших глазах появилось осознанное выражение.

– Он? Говорит тебе?..

– Ну, да! – рассердился Коротышка, и нетерпеливо пояснил: – Я разбираю язык зверей, чуешь? И птиц и всех прочих тварей...

В ответ Гилленхарт лишь вяло качнул головой и закрыл глаза. Его маленький приятель начал заводиться, и тогда ворон снова что-то прокаркал.

– Он говорит, – перевёл Коротышка, – что это он привёл тебя сюда... – Юстэс хрипло засмеялся. – Он был сначала

той птицей, что напала на тебя в детстве, – продолжал Коротышка, – потом превратился в человека, того, что спас тебя в пустыне. Его звали Али...

Юноша резко оборвал свой смех:

– Зачем он сделал это?

Коротышка выжидающе посмотрел на пернатого. Тот раскатился долгой деревянной трелью.

– Его хозяин – некий брат Або, – пояснил рыжий. – Монах, что ли?.. Ты знал его под именем Фурье... А ещё он говорит, что тебя заклили убить Собирающую Души, но ты её не убил, и поэтому мы не сможем уйти отсюда. Вот так... – философски закончил он, отчего-то успокоившись, и сел рядом с Юстэсом, уткнувшись подбородком в колени. – Вот так! – повторил он почти весело. – Не уйти нам... и эта дрянь проглотит нас вместе с этим паршивым городишком... И всё из-за какой-то бабы. Всегда знал, что от баб – одни беды!

Ворон вдруг резко каркнул, разбежался, и неуклюже взмыл в воздух. Припадая на крыло, он медленно улетел прочь.

– Куда его понесло? – пробормотал Коротышка, толкнув Юстэса в бок. Но тот не ответил. – Ладно, посидим тут, передохнём... Тени защитят нас, если кто-то вздумает сюда сунуться... А там... – и не договорив, закрыл глаза, и, казалось, задремал.

Медленно потекли часы...

Юстэс находился в том состоянии, когда исчезают и мыс-

ли, и чувства, – и зыбкая грань между жизнью и небытием приобретает вдруг зримые очертания. Может быть он так и ушёл бы в мир иной, незаметно для себя самого, но перед ним вдруг возникла высокая человеческая фигура, а рядом с ней – ещё одна, пониже.

– Я же говорил – Карра не зря нас зовёт! – радостно проговорил тот, что был пониже. Ворон, сидевший у него на плече, согласно каркнул. – Умница!..

Высокий же незнакомец некоторое время молча рассматривал измученных странников, а потом простёр руку над головою Гилленхарта, и юноша почувствовал, как в затылок ему вливается тёплый невидимый поток. Этот поток быстро побежал по усталому телу, наполняя его жизненной силой, точно река по старому, высохшему руслу. Коротышка тем временем очнулся и торопливо вскочил на ноги:

– Ты кто такой?! – грозно воскликнул он.

– Это Рутан Светлый! – встал между ним и чародеем агил.

Но ладони пришельца вдруг вспыхнули огнём – и в воздухе возник зеленовато светящийся овал в рост человека. Недолго думая, Коротышка выхватил заветный кинжал – и тут же был отброшен назад. Крепко ударившись о мраморную стену, он потерял сознание, а когда очнулся – рядом никого не было...

...Пальцы Юстэса ощутили влажный песок. Он открыл глаза: берег, река... Яркий день. Солнечный диск в осле-

пительно голубом небе. За дни осады он уже успел забыть, что небо может быть таким... И тревожно-сладкое ощущение невозможности происходящего: этот день уже был! Был раньше!.. Он знал это точно. И невыразимая тяжесть легла на сердце – он знал теперь так же, *что* должно произойти сейчас.

Медленно, точно осуждённый на казнь, Гилленхарт вошел в воду, волоча за собою ставший невыносимо тяжёлым меч. Кто сказал, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды?

Заныла раненая скиссором нога... Настоящая боль это была или только воспоминание о ней?..

Он остановился, посмотрел на своё отражение, и не узнал себя. Сжав меч обеими руками, он размахнулся и изо всех сил ударил по воде. Тучи брызг поднялись над ним, и сквозь сверкающую пелену он увидел на берегу всадника – женщину на прекрасном белоснежном коне. Из-под головного покрывала цвета снега, выбивались длинные золотые локоны; спускаясь до колен всадницы, они переплетались с лохматой гривой коня.

Держа меч, он приблизился к ней.

Ему хватило одного краткого мига, чтобы снова увидеть: она воистину была прекрасна!.. И вновь, как и тогда, он преклонил перед нею колени...

Она же смотрела на него сверху вниз, но в этот раз он заглянул ей в глаза – и поразился странной смеси жестокости, радости и печали. А потом рыцарь поднял меч – и световой

луч испепелил последнюю хранильницу тайн Вальгессты.

...Конус света – такой беспощадно ослепительный! – уходил прямо в разверзшуюся небесную высоту, пронзительно голубую по краям, иссиня-чёрную там, где в её нежную плоть вонзался свет, точно его сила сжигала синеву до пепла. Кинжал, торчащий в узкой щели, рассекавшей надвое храмовую плиту, откуда вырывался этот световой поток, раскалился добела.

– Это портал, ведущий в твой мир, рыцарь, – голос Рутана был тихим, но слова его легко перекрывали шум битвы, доносящийся из-за храмовых дверей. – Теперь можно вернуться... Но я буду честен: после перехода ты станешь бессмертным... И ты – и те, кто последуют за тобой. Подумай – ещё есть выбор!.. Ты можешь остаться и разделить судьбу Города. Поверь, это лучше, чем грядущая бесконечность.

– Так ли это, колдун? – недоверчиво улыбнулся Гилленхарт.

Вместо ответа Рутан расстегнул ворот своего одеяния: его грудь украшал тонкий длинный шрам.

– Тогда, на корабле, я сумел освободиться от боли и страдания, – сказал он. – Но сколько такого ещё будет в моей вечности?..

Перед глазами Юстэса воочию встала страшная ночь расправы над пленниками на пиратском корабле.

– Это был ты?!

Чародей молча кивнул:

– Дух, заточенный в Тёмной Башне, послал меня. Ты должен был получить этот кинжал. Ключ к переходу.

– Безумный Король? Но почему?! – не веря своим ушам, воскликнул юноша.

– Он и я – когда-то были одним целым... – загадочно ответил Рутан. – Акра уже погибала однажды, – продолжил он. – Тогда Королева сумела отворить портал, и впустила Нигильгов. Они уничтожили всё! Проклятый вызвал тебя, и с помощью Ортила отправил в прошлое. Ты исправил всё, что мог. Город погиб, но жизнь продолжается. И детей спасли – род Человеческий возродится...

– Но... Почему я?

– У Времени – свои законы. Никто из прежних участников этой драмы не смог бы ничего изменить. Только человек Извне...

Юноша хотел продолжить расспросы, но в этот момент агил, до той поры молча стоявший рядом, с нечеловеческой быстротой схватил меч нигильга, лежавший у его ног, и обрушился на чародея!.. Сверкающее лезвие мелькнуло в воздухе быстрее молнии, но пронзило лишь пустоту – там, где только что стоял волшебник: Рутан бесследно исчез.

– Что ты делаешь?!.. – только и успел крикнуть Юстэс, и это были его последние слова: не останавливая движения, агил крутанулся вокруг своей оси, и чужеземный клинок легко отсёк человеку голову.

С минуту постояв над неподвижным, залитым кровью телом своего друга, агил бросил меч и, раскинув руки, вошёл в изливающийся светом портал.

Когда его силуэт расплавился в кипящем свете, из-за дальней колонны выскользнул Коротышка.

– Погоди!.. – пробормотал он, поправляя на плече лямки мехового мешка, и поднимая с пола брошенный меч. – Я те покажу бессмертие!.. – и шмыгнув носом, решительно шагнул вслед за исчезнувшим предателем.

– Нет уж, господин комиссар! Пусть сначала этот прохиндей вернёт мне мой человеческий облик, а тогда делайте с ним, что хотите! – дядя Винки возвышался над письменным столом шефа полиции, точно скала, и грозный вид его не сулил ничего хорошего.

– С тьетлем разбираются Смотрители, – невозмутимо отвечал Шеридан, попыхивая изжёванной сигарой. – Все оказалось гораздо серьёзнее, чем мы предполагали.

– Куда уж серьёзнее! – завопил, теряя самообладание, несчастный оборотень, машинально проведя лапой по заросшей шерстью кабаньей личине. – Они развоплотят его, и я останусь в таком дурацком виде навсегда!

– Ну и что же?.. Тебе ведь не привыкать, Коротышка, – раздался знакомый обоим присутствующим голос. – Или я ошибаюсь? – в кресле, стоящем рядом с окном, оказался Макс Линд. Скрестив руки на груди, он насмешливо смот-

рел на толстяка.

Взревев от ярости, кабан взрыл задней лапой паркет, и бросился на насмешника, нацелив клыки прямо обидчику в голову. Он несомненно размозжил бы человеку череп, но Линд выставил вперёд руку, на которой сверкнул яркий перстень, и нападавший был вынужден резко остановиться, точно налетел на невидимую преграду.

Тяжело дыша, дядя Винки с ненавистью уставился на журналиста. Его крохотные глазки покраснели от гнева.

– Спокойно, маленький пират... Спокойно! – точно няня ребенку, проговорил неожиданный гость. – Твою беду мы легко поправим, – и сделав изящный пасс рукой, щёлкнул пальцами.

Тотчас, словно по мановению волшебной палочки, звериная шкура сползла с толстяка. Вместе с одеждой... Оставшись в чём мать родила, дядя Винки нисколько не смутился, и деловито сопя, тут же принялся выбирать из клочков звериной оболочки свои вещи. Тщательно застегнув последнюю пуговку, он оглядел себя в зеркало, и, подобрав трость, неторопливо направился к выходу из кабинета.

– Обождите минуточку, господин Винсент, – попросил Линд.

Толстяк взялся за ручку двери:

– У вас есть ко мне какие-то вопросы? – надменно переспросил он. – В таком случае, обратитесь сначала к моему адвокату.

– В этом нет надобности, – лучезарно улыбнулся журналист. – Поскольку вопрос у меня только один: *зачем вы отрубили голову барону Юстесу фон Гилленхарту?*..

Комиссар, услышав такое, поперхнулся табачным дымом, и громко надрывно раскашлялся.

– Во-первых, – невозмутимо отвечал дядя Винки, приоткрывая дверь, – он уже был мёртв... А во-вторых, это был не барон, – и с этими словами толстяк удалился.

– А-а... – только и сумел вымолвить комиссар, откашлявшись, и бестолково тыча окурком сигары в сторону захлопнувшейся двери. – А?..

– Да пусть себе уходит, – спокойно отозвался Линд. – Я выяснил то, что хотел.

– Ты – не человек, Даниил, и не умеешь плакать.

– Боги лишили меня этого дара, чародей...

Повелитель Драконов и Рутан Светлый стояли посреди огромной выжженной пустоши, серой от пепла. Бесцветное небо печально глядело на разорённую, безжизненную землю. Тихо завывал ветер, точно боясь спугнуть погребальную тишину, плотным покрывалом укутавшую всё вокруг, и лишь где-то вдали, чуть слышно вздрагивал колокол. Прозрачный хрустальный звук тревожил печальную тишь, и ветер в ответ ему вздувал с земли пыль и пепел, и тут же утихал бессильно и сердито.

– Когда-нибудь здесь снова вырастет трава. Поднимутся

сады... Огонь драконов очищает землю, но не лишает её жизни! – быстро и угрюмо проговорил Даниил.

– Я не виню тебя, – возразил Рутан. – Ты поступил правильно. Так, как должен был... С непомерно возросшей мощью Тёмной Башни не справились бы даже нигильги, хотя они-то уж умеют многое.

– Всё так, – подтвердил чернодел. – Но я нарушил обещание, данное *ей*... – его лицо на мгновение исказила боль.

– Часто приходится жертвовать малым ради чего-то большего, – уклончиво ответил Светлый.

От ног Даниила поползла в земле, постепенно расширяясь, багровая трещина.

– Что ты собираешься сделать?

– Тезариус... – хрипло выдохнул Повелитель Драконов. – Он – всему виной!.. Он пустил рыцаря по ложному следу! Чужеземец должен был убить *только* Вэлларию!.. Демон ускользнул от расплаты, но я отправлю по его следу неутомимого убийцу – и он уничтожит и его, и ...и того, другого. И весь род его! Под самый корень!..

Из пылающей огнем расселины показалась голова дракона.

– Хальгиг!.. – почти нежно позвал его Даниил, точно мать любимое дитя. – Он – самый молодой. И последний... Тёмная Башня, издыхая, уничтожила всех его сородичей, – он хрипло рассмеялся: – Мне теперь нечем повелевать!

Хальгиг тем временем полностью выполз наружу. Огром-

ный, прекрасный, страшный...

– Он родился в тот самый день, когда чёрный и белый рыцарь Извне пришли на эту землю, – поглаживая бугристый бок дракона, сказал Даниил. – А теперь скажи мне, Светлый, отчего же не сбылось предсказание?..

Чародей едва заметно улыбнулся.

– Почему не сбылось? Всё вышло так, как было предсказано: уничтожена Башня – сила, грозившая гибелью всему Сущему... Нигильги – эти пожиратели миров – остались ни с чем...

– А наша земля? – запальчиво выкрикнул чернодел. – Сказано было, что спасётся она и род Человеческий вместе с ней, а взамен того... – и он обвёл рукой безжизненную пустыню вокруг..

– Все напророченное – сбылось... – тихо ответил Рутан. И перед мысленным взором его встал далёкий морской берег, где кружились на песке в смертельном танце двое – в белом и чёрном, а поодаль покачивался на волнах корабль. – Всё сбылось, – медленно повторил он. – Поверь мне.

Даниил злобно поглядел на него, но было в глазах чародея нечто такое, что заставило его остыть.

– Ладно... – процедил он сквозь зубы. – Мне теперь уж всё равно... Лети, мой друг!.. – и с силой хлопнул дракона по крупу.

Расправив огромные крылья, Хальгиг медленно поднялся ввысь, застыл на мгновение светлым причудливым облаком,

и плавно развернувшись, скользнул к горизонту.

Они долго смотрели ему вслед, пока он не растаял в дали.

– Вот так! – с мрачным удовлетворением сказал Даниил, когда зверь исчез. – Дракону не нужны порталы. Он найдет их, где бы они не спрятались... Найдёт и уьёт!

– Твоя боль ослепляет тебя, – скорбно покачал головою Рутан. – И я ничем не могу помочь. Разве что... – и с этими словами, он набрал в руку горсть пепла, и сжал её в ладони.

Даниил недоуменно и недоверчиво посмотрел на него, не понимая, куда тот клонит.

– Всё живое рано или поздно становится прахом, – продолжал чародей. – Со временем прах этот мёртвый может превратиться в алмаз... Только природе нужно на это очень много времени. Целые тысячелетия пронесутся над поверхностью земли, прежде, чем в её недрах то, что когда-то цвело и любило, станет крохотной сверкающей каплей... Я же это сделаю для тебя гораздо быстрее.

Он разжал руку: на его ладони лежал маленький драгоценный камень.

– В память о ней... – и чародей протянул алмаз Даниилу. – Пусть подземные гномы выкуют тебе оправу для него.

Вместо ответа Даниил вытащил кинжал, и выковырнул лезвием красный камешек из перстня у себя на пальце. Выброшенный рубин утонул в пыли... На его место Повелитель драконов вставил подаренный алмаз.

...Когда Даниил, прыгнув вниз, исчез в расселине, Рутан

подобрал рубин, бережно вытер его и спрятал: кровь дракона – мощный оберег от нечисти.

Потом широкими пассами он тщательно заделал трещину в земле.

Помедлив немного, чародей достал из мешочка, прикрепленного к поясу, несколько маленьких деревянных фигурок. Внимательно рассмотрев каждую, он убрал их обратно. Кроме одной.

– Негоже драконам куролесить в чужих мирах!.. А посему, пошлём-ка мы Стража...

Проговорив заклинание, он сотворил портал и швырнул туда деревянную фигурку: «...*Придёт Страж, и явится Дракон – и то будет конец всему...*»

Слепую нищенку в Замок привела сердобольная тётка Жоржетта. Та, что вечно привечала и кормила всех окрестных собак и кошек.

– Нет, вы представляете, она просила подаяние прямо на улице! – возмущенно рассказывала тётушка остальным домочадцам. – Это в нашем-то городе!... Я было подумала, что это – артистка. Ну, из тех, что выступают на Центральной площади, но это всамделишная нищенка!... Виктор, как мэрия могла такое допустить?!

Папа в ответ сконфуженно пожал плечами, и распорядился отвести старушке комнату рядом с Кухней.

– Надо будет пригласить доктора Сибелиуса, чтобы осмот-

рел её, – решили тетушки. – Вы согласны, милочка?...

Но слепая старуха, поставив рядом с кроватью свой посох, молча вытянулась на постели, и ничего не ответила. Тетушки попытались её разговорить, потолкавшись вокруг ещё с полчаса, но гостья упорно хранила молчание, и они отступили, оставив её одну, и велев Орфе покормить слепую.

Служанке было некогда – на следующий день начинался долгожданный Карнавал, и оттого всё в доме было вверх дном. Нагрузив поднос разной снедью, она поручила новую гостью заботам Мэрион, которая так кстати попалась ей под руку. Насвистывая, девочка поднялась по ступенькам, ведущим из Кухни, и толкнула ногой дверь в комнату, где поселили нищенку.

– Добрый день, мадам, – вежливо поздоровалась Рио, и поставила поднос на стол.

Старуха не шевельнулась. «Она вообще живая?..» От этой мысли ей стало немного не по себе. Косясь на странную гостью, Мэрион торопливо расставила тарелки и чашки.

Слепая вдруг резко поднялась и села на кровати. Мэрион невольно отшатнулась назад: она узнала её! Это была та самая старуха, что встретилась ей в саду заброшенного дома!..

– Кушайте, пожалуйста... – проговорила Рио, и опрометью бросилась вон.

Что это там говорил Толстяк, точнее, его отец?.. Кажется, он упоминал о какой-то прорицательнице?.. Осторожно повернув ключ, торчавший из двери снаружи, девочка слегка

успокоилась: по крайней мере, слепая не выберется из комнаты. Да и вообще, что такого необычного в её появлении? Ведь Лостхед всегда служил приютом для самых странных личностей... Но на душе у неё почему-то было тревожно, и вытащив ключ, она упрятала его в карман.

Позвонив Толстяку, она выяснила, что Папаша Дю как раз дома.

– Чудненько! – обрадовалась Мэрион. – Знаешь ли, я тоже хочу пообедать с вами, – заявила она приятелю. – Мне надо кой о чем потолковать с твоим предком...

– Может, не стоит портить ему пищеварение? – уточнил на всякий случай Дю-младший, которого насторожили людоедские интонации в голосе подружки, но та уже бросила трубку. – Ну, ладно... Видимо, папу спасти не получится...

Оседлав старенький велосипед, Рио мигом оказалась у кондитерской.

Обогнув здание, она подъехала к жилому парадному и утопила пальцем кнопку звонка. Открывать ей не торопились: квартира семейства её приятеля располагалась на втором этаже, и пришлось ждать, пока кто-нибудь из обитателей дома соизволит спуститься вниз. Пританцовывая от нетерпения, она оглядела непривычно пустынную улицу – и чувство необъяснимой тревоги вдруг опять холодной рукой сжало её сердечко: на пересечении улиц девочка заметила странную высокую фигуру в плаще и шляпе... Ей почудилось, что она уже видела её раньше...

Но тут ей открыли, наконец, и она вошла внутрь, тотчас забыв об увиденном.

Служанка проводила Мэрион в гостиную, где она присоединилась к обедавшим. Мадам Дю подозрительно осмотрела девочку с головы до пят: как опытная мать, она предполагала, что внезапное появление подобной персоны в доме может повлечь за собой непредсказуемые последствия, но гостя приняла самый что ни на есть примерный вид, и хозяйка успокоилась.

Готовили в доме кондитера на славу, и Рио даже забыла на время, зачем пришла. Напомнил же ей об этом сам хозяин.

– Малый сказал, что ты хотела меня о чем-то спросить?.. – благодушно пропыхтел он, когда служанка принялась разливать чай.

– О, да! – спохватилась Рио. – Тётя Жоржетта приволокла сегодня ... простите, привела к нам одну бабку... гм... то есть, пожилую леди... Хотя на вид она – совсем не леди... – девочка немного замялась под пристальным взглядом мадам Дю. – Это слепая нищенка. Но худо-то не то, что она бедная и грязная, а то, что я видела её раньше! В том самом заброшенном доме, где господин комиссар и мой дядюшка выловили всамделишного тьетля. Ну, то есть они не там его поймали, просто тот дом на деле оказался Дырой... Во-от... И помнится мне, что вы толковали как-то о какой-то предсказательнице...

Выслушав ее, Господин Дю помрачнел.

– Слепая Мирта? – пробормотал он вполголоса. – Маловероятно, конечно... Знаешь, девочка, сдается мне, что твоя тётушка совершила непростительную глупость. Гостеприимство всё-таки должно иметь некие разумные границы!

– Насчет глупостей – мои тётушки большие выдумщицы! – охотно подтвердила Мэрион, и захихикала, но тут же подавилась смешком под укоризненным взглядом мадам Дю.

– Вот что, – решительно заявил кондитер, снимая с шеи обеденную салфетку. – Давай-ка прогуляемся в вашу сторону. Да и Виктора я давненько не видал... Полагаю, он не обидится, если я заявлюсь без приглашения, – последняя фраза была адресована супруге, которая уже собиралась что-то возразить.

– Нет! – заверила его маленькая гостья. – У нас вообще никто приглашений особо не дожидается... Наоборот, вечно заявляется, кто попало! – добавила она простодушно.

Мадам Дю поджала губы, но ничего не сказала. Служанка за её спиной позволила себе слегка улыбнуться: уж в Городе-то всем было известно о простецких нравах, царящих в Замке Лостхед! Недаром *приличные* слуги там выдерживали не больше недели!

Хозяин и девочка спустились вниз и прошли коридором в служебные помещения. Папаша Дю заглянул на несколько минут к себе в комнату, а когда он снова присоединился к ней, она заметила у него под пиджаком пистолетную кобуру.

«Ого!.. – с уважением подумала она про себя. – А папа-то

у Толстяка не промах!...» – до сей поры она считала почтенного кондитера очень мирным существом – кем-то вроде Санта-Клауса.

Они вышли в зал кондитерской, где за столиками и у барной стойки было полно народу. Мэрион невольно засмотрелась на разноцветные витрины, ломившиеся от разнообразных лакомств, какие только можно было себе вообразить в самом сладком сне, и не сразу поняла, что в кондитерской наступила тишина... Умолкли вдруг не только люди, но даже вентиляционные установки, холодильники и кофеварки, – всё на свете замерло, затихло, и замедлило свое движение, словно время растянулось в пространстве до бесконечности...

А потом она увидела, как медленно-медленно отворяется стеклянная дверь – и входит тот самый высокий незнакомец в плаще и шляпе, скрывающей лицо, – он один казался живым в наступившем всеобщем оцепенении...

Дальнейшее она помнила обрывками: побледневшее лицо кондитера, его рука, шарящая под пиджаком, грохот выстрела... И низкий, искажённый голос пришельца, – словно ди-джей, балуясь, прижал пальцем пластинку:

– Мне нужен конь, трактирщик!..

Что-то пролетело мимо неё и упало – ей показалось, что это была выбеленная от времени кость, огромная лошадиная бабка... И тут же на этом месте, ломая мраморный пол, вздыбился громадный чёрный конь: крылатый и огненногла-

ый. Точно бешеный смерч, пробил он стены на своём пути, направляемый рукою таинственного незнакомца, и исчез вместе с ним, оставив после себя разрушения и хаос...

А потом пронзительно и слаженно завизжали в два голоса, перекрывая всё остальное, мадам Дю и её служанка, радостно завопили поварята, завыли сирены... На тротуар, крошашинами разбитое витринное стекло влетела машина «скорой помощи», собралась толпа, побежали санитары с носилками... Промелькнуло растерянное лицо Рэга Шеридана...

Кондитер, помятый и растрёпанный, но не утративший великосветского лоска, выудил из-под стола хлопавшую глазами Мэрион, и вытащил её на улицу через пожарный ход.

– Самое интересное сейчас будет у вас дома!.. – крикнул он, задыхаясь от бега.

Услышав такое, Рио вцепилась в его руку, и поскакала так, что не он теперь тащил её по улице, а она его.

– А я?! – завопил им вслед Толстяк Дю.

Парочка приостановилась, подождала, пока он нагонит их, и схватив его за руки с двух сторон, вприпрыжку припустила по улице, вызывая недоумённые взгляды прохожих.

Перерезая дорогу отчаянно звенящим трамваям и экипажам, они мчались в гору по улице, ведущей к Замку. Вслед им неслись проклятия разъярённых водителей и извозчиков. Противно взвизгнули шины и, подрезая бегущих, почти поперёк дороги притормозило длинное серебристое авто. Распахнулась дверца:

– Кажется, нам по пути? – за рулем скалился белоснежной улыбкой Макс Линд.

– Наш пострел везде поспел!.. – огрызнулась Мэрион, но Папаша Дю рванул заднюю дверь, швырнул их с Толстяком на сидение, и проворно плюхнулся сам рядом с водителем.

– Гони, братец!..

Подлетев к Замку, Линд, не сбавляя скорости, направил машину прямо в закрытые ворота. Его пассажиры – все трое – невольно зажмурились, ожидая неминуемого столкновения с железной громадой, но массивные створы вдруг сами по себе с неестественной быстротой раздвинулись в стороны, словно испугавшись внезапного вторжения.

Выскочив из автомобиля, все четверо гурьбой ворвались в парадное.

В Замке шла обычная жизнь.

Тётки играли в гостиной в карты. Из бильярдной доносились звучные удары шаров. Из комнаты в комнату носились озабоченные представительницы прекрасной половины человечества, занятые подготовкой к завтрашнему празднеству; особи другой половины слонялись по углам, курили, читали газеты, самые благоразумные – давно спрятались в садовых беседках, стараясь лишний раз не попадаться своим дамам на глаза.

– Где она? – спросил Папаша Дю.

– За мной! – тоном полководца скомандовала Мэрион, и повела своих компаньонов вниз, к Кухне.

Маленький коридор, ведущий от лестницы к спуску в святая святых Замка, был наполнен густыми восхитительными ароматами свежевыпеченной сдобы, тушёного мяса, специй и еще чего-то вкусного. Дверь, за которой девочка оставила слепую старуху, была закрыта. Мэрион достала ключ и проворно повернула его в замке.

Комната была пуста.

– Ни бабки, ни посоха... – растерянно объявила Рио, хотя все и без неё видели, что никого нет. Еда на столе так и стояла нетронутая.

– У неё был посох? – мрачно переспросил кондитер. – Такой длинный, выше человеческого роста, белый, со стеклянным глазом, вделанным в рукоять? – уточнил он, получив утвердительный ответ.

– Ну, да...

Расспросы тех, кто попался под руку, ни к чему не привели. Как удалось странной нищенке выбраться из запертой комнаты, и куда она делась – никто не знал. Собственно, и спрашивать-то особо некого было – все были заняты предстоящим Карнавалом. Подключив к поиску многочисленных тётушек, выяснили, что в Замке старухи вроде бы нет.

Утомившись, все члены «поисковой» группы собрались в гостиной.

– Интересно, пропало ли что-нибудь?.. – подумал вслух Толстяк Дю.

– Если это действительно была Слепая Мирта, а я уверен, что это была именно она, то ей нужна только *одна* вещь... – отозвался его отец, тяжело опускаясь в кресло.

– Какая же? – спросил Виктор фон Гилленхарт, вовлечённый в их беготню как хозяин дома.

– *Глаза*... – ответил тут же Макс Линд. Так, словно речь шла о чём-то совершенно естественном.

– Простите, сударь? – недоверчиво переспросил хозяин. – Я вас правильно понял?.. Глаза? Но...

– Да, вы совершенно правильно меня поняли, – подтвердил, улыбаясь, Макс Линд.

– Боже, какие ужасы вы говорите! – хором возмутились тётушки.

В гостиной поднялась маленькая буря – они принялись наперебой высказывать самые разные предположения относительно личности подозрительной гостьи и её намерений. В самый разгар споров – как это обычно бывает в хорошо сделанном триллере – в гостиную медленно въехала детская колясочка, толкаемая Карапузом. В колясочке лежал Подкидыш.

– Он потелял свои глазки! – громко объявил старший брат.

На мгновенье наступила тишина: все увидели, что на лице младенца... Нет, там не было кровавых ран или зияющих глазниц – просто пустое место, точно неведомый художник забыл дорисовать ребёнку глаза. И в этой тишине голос кон-

дитера отчётливо и растерянно произнес:

– Но... но ведь ей нужны были *драконы глаза!*..

И голос Линда в ответ – как всегда спокойный и чуть насмешливый:

– Откуда вы это знаете, господин Харди, а?..

...Когда Нашествие смело с лица земли деревню, где жила семья трактирщика, Харди с женой и детьми, и ещё несколько семей односельчан сумели выбраться высоко в горы и спрятаться там. Чуть позже к ним прибилась еще несколько групп беглецов из соседних поселений. Вместе они устроили себе на горных лесистых кручах убежища. Было холодно, сыро, голодно, – пищей им служили лишь мелкие зверюшки, ягоды и редкая дичь, – но они были живы, враг обошёл их стороной, – и это вселяло в их измученные души какое-то подобие надежды...

Они видели со своих высот, как однажды засветились Небеса над осаждённым Городом, и видели зарево, которое сказало им о печальной участи Акры. А спустя несколько дней, ранним-ранним холодным утром их разбудил необычный гул: то летели неровным и страшным строем драконы – словно великая медная туча – и не было им числа!

Крылатые звери пронеслись над их головами почти целые сутки, а потом небо очистилось – впервые за долгие дни, – и люди увидели, что Долина превратилась в пепел, но исчез и гигантский чёрный смерч Башни Забвения, затяги-

вавший в свой круговорот все сущее.

– Хвала Даниилу!.. – сказал тогда кто-то.

Потом, провалившись в горную речушку, сильно простыл и умер один из детей. Вслед за ним схоронили ослабевшую от голода старую женщину, которая в своё время вывела беглецов из захваченного селения. Слегло еще несколько человек. А впереди маячила суровая зима... В сердца людей закралось отчаяние.

Но не холод и голод погубили маленькую колонию беглецов.

Однажды, вернувшись с охоты мужчины принесли на носилках незнакомого юношу, почти мальчика. Они нашли его в лесу, раненого. Незнакомец был без сознания и бредил. Из его бессвязного бормотания люди поняли, что он – житель какой-то потаённой горной деревеньки, сохранившейся там еще со времён предыдущих нашествий.

– Что его понесло-то в лес одного?– удивлялись люди.

Ужасные раны от когтей на теле юноши говорили о том, что ему пришлось в одиночку сразиться с каким-то крупным хищником.

– Его выгнали... – сказал вдруг один старик, внимательно рассматривая обнаженное тело незнакомца.

– Что? – переспросили остальные.

– Его выгнали. Видите эти пятна и нарывы?.. Это Чёрный Недуг ... И горе нам, ибо теперь мы тоже обречены...

– Да что ты такое говоришь, старик! – закричали тогда

люди. Но он посмотрел на них выцветшими прозрачными глазами, и под его взглядом они умолкли. А незнакомец вытянулся – и затих... Навсегда.

В ту же ночь колонию покинуло несколько человек... Но это их не спасло. Позже, спускаясь с гор, Харди видел их тела.

Он был единственным, кто выжил, – возможно, потому что рождён был в другом мире, – но только жить ему не хотелось. Почти безумный, скитался он по пустыне, в которую превратилась некогда цветущая Долина. Кое-где сохранились в ней маленькие островки жизни, где уцелевшие Люди, Нелюди и Белоглазые пытались начать всё сначала, но теперь уже – вместе. В одном из таких мест повстречал он слепую женщину, ведомую посохом, в рукоять которого был вделан стеклянный глаз. По дорогам бродило немало калек и увечных, и он обратил на неё внимание только из-за этого посоха. Но она, поравнявшись с ним, вдруг вцепилась в его руку:

– Ты-то мне и нужен!...

– Да кто ты? И что тебе надобно? – закричал он, пытаясь вырваться. И она сказала ему.

А потом они пробрались через разрушенные стены в мёртвый Город. Это было небезопасно, но судьба оказалась милостива к ним. Там, под грудями разбитых камней на месте Храма, отыскиали они треснувшую мраморную плиту, в которой, словно ключ, торчал кинжал, – едва Харди расчи-

стиль её, как из трещины ударил ввысь яркий свет.

– Это и есть Переход в твой мир, моряк, – сказала слепая. – А теперь – возьми меня за руку, как мы договаривались... Да кинжал не забудь! Пригодится.

– И что же она сказала вам, господин Дю? Или лучше называть вас Харди? – спросил журналист, когда кондитер умолк.

– Она сказала, что ей нужны глаза. Глаза дракона... Потому что ничьи другие, так уж повелось, нельзя вставить взамен своих, мёртвых. А там больше не осталось ни одного дракона – всех убила Темная Башня. Но Мирта уверяла, что один из них – уцелел, и искать его надо в моём мире. Волшебница предложила сделку: она помогает мне найти Портал, а я служу для нее проводником.

– Она, конечно, умолчала о том, что подобный переход влечет за собой бессмертие? – уточнил тоном следователя Линд.

– В те дни меня бы это не напугало... – печально улыбнулся кондитер.

– Итак, вы проникли обратно в наш мир и принесли с собой Чёрный Недуг – чуму... – продолжил журналист.

Кондитер вздрогнул, взгляд его потяжелел:

– А вот с этим я готов поспорить!

– Ваш иммунитет оказался намного сильнее, нежели у остальных, но вскоре и у вас обнаружился признаки болез-

ни, – безжалостно возразил Макс Линд. – Вашу жизнь спас переход через Портал.

– Хотите сказать, что именно я виновен в смерти тысяч людей?!

– Нет, – спокойно отвечал обвинитель. – Это был последний «подарок» Безумного Короля. Удар был направлен против тамплиеров – вы ведь вышли, так сказать, на свет божий именно в их крепости.

– Но почему?! – нетерпеливо спросил кто-то.

– Всему своё время! – строго ответил журналист. – И что же было дальше?

– Мы немало побродили по свету, – пожал плечами бывший трактирщик. – Разумеется, наше возвращение обратно не совпало по времени с возвращением остальных героев этой истории. Такая вот забавная штука получилась... Хальгиг – дракон, которого послал Даниил отомстить за смерть Королевы Чары, оказался здесь первым. Он был молод, весел... – тут господин Дю невольно улыбнулся, очевидно припоминая что-то. – Дракон от души покуролесил в новом мире! Он-то, кстати, и послужил прототипом всех бесчисленных сказаний об этих существах, – и европейских, и восточных...

– А вы, я так понимаю, вошли в легенды, как один из самых яростных и удачливых драконоборцев? – уточнил журналист.

Папаша Дю скромно потупился.

– Было дело... Впрочем, мы же оба были бессмертны! Это уравнивало наши шансы... Но Хальгиг был слишком доверчив, и однажды я сумел одолеть его... – тут он замолчал.

– Продолжайте.

– Да, папа, рассказывай же дальше! – возбужденно поддакнул Дю-младший, который слушал этот занимательнейший диалог с широко раскрытыми глазами.

– Дальнейшее не делает мне чести, – неохотно признался кондитер. – Уразумев, что мне не одолеть дракона в честном поединке, я, в очередной раз сменив имя и обличье, подружился с ним. И однажды, воспользовавшись его доверием, я напоил приятеля сонным зельем, и ослепил... Оружием послужил мне всё тот же кинжал, что был ключом к Переходу. Потом Мирта и я бросились бежать... Ярость обманутого зверя была страшна! Он быстро отыскал нас – драконы видят ведь не только глазами. Я отвлек внимание разгневанного ящера на себя, пока моя любимая – да, я любил её! – пряталась в пещере. Его пламенное дыхание опалило меня до костей – и он улетел прочь... О, какая же адская это была боль!.. Но потом стало ещё больнее, хотя мне казалось, что глубже этих пределов и быть не может: Мирта бросила меня. Я стал ей не нужен...

– Вы любили эту старую уродину? – недоверчиво поморщилась Мэрион.

– Она была красива в то время... Нуждалась в моей защите и покровительстве. Как мне казалось... Я ведь только что

потерял семью – и сердце хотело любви, как целительного бальзама. Я не понимал, что мною просто пользуются.

– Однако предательство ей, видать, тоже не пошло на пользу, – заметил кто-то.

– Да, – ответил кондитер. – Я не знаю, что случилось, но она не сумела тогда воспользоваться украденным... Ко мне же постепенно вернулся человеческий облик – не без помощи магии, конечно. Потом я случайно услышал, что Гилленхарт вернулся обратно в родные края – и понял, что мне стоит поселиться поближе к Замку Лостхед. Его, правда, тогда так не называли – это прозвище прилипло к родовому гнезду барона только после похищения его головы... И вот с тех пор история семейства протекает на моих глазах. Я знаю, что рано или поздно Хальгиг появится здесь, а значит, и моя неверная милая тоже... И как видите, она уже тут.

– Что-то я никак не возьму в толк, милейший, – прошамкала тётка Розалия, – когда это всё с вами случилось? И где?.. В загробном мире?

– В параллельном... – ответил за рассказчика Макс Линд.

– Понятно, – удовлетворенно кивнула та. – Сейчас это модно. Все эти рассказы...

– Да, – откликнулся дядя Антуан. – Пора уже делать бизнес на путешествиях в параллелье. Если бы, конечно, оно существовало на самом деле.

– Оно – существует! – очень серьёзно возразил журналист. – И кое-кто, вопреки установленным законам, собира-

ется прибрать его к рукам... Кстати, господин Дю, куда вы дели кинжал?

– Я его продал.

– Продали?!

– Да. Отдал его в уплату. Тому, кто помог мне вернуть нормальный человеческий облик.

– И кто же ваш спаситель?... Нет, ну честное слово, трактирщик, я что, клещами должен вытаскивать из вас каждую подробность?

– Один монах... Его звали Фурье. Он был настоятелем в монастыре цистерцианцев. Большого ума человек! Чернокнижник... Слышал, его потом казнили по обвинению инквизиции.

– Нет, – сухо отозвался журналист, делая пометки в своем блокноте. – Он инсценировал собственную смерть, как это делал неоднократно и до и после того... И вполне благополучно дожил до наших с вами дней. Умер он совсем недавно – и только потому, что кто-то отрубил ему голову. Случайно, не знаете, кто бы это мог сделать?

Кондитер потрясенно покачал головой.

– Отец Себастьян?! Я не знал...

В этот миг в гостиную ворвался дядя Винки. Он был в ярости:

– Из моей комнаты пропала очень дорогая вещь! – с ходу заявил он, не обращая внимания на остальных. – Я не потерплю воровства! И требую, чтобы тот, кто это сделал,

немедленно вернул её обратно!

– И я даже знаю, что пропало! – перебил его Макс Линд. – Меч нигильга. Дядя Винки сощурился и запыхтел. Не обращая на него внимания, Линд вытащил телефон: – Пора вызывать подкрепление!

– А вы сами-то вообще, что тут ищете? – засучивая рукава, начал приближаться к нему дядюшка. – Чего вы тут всё вынюхиваете?! – было ясно, что задира всерьёз собирается задать взбучку нахальному журналисту.

– Спокойно, Коротышка! – невозмутимо приказал Линд, набирая номер.

Но расшвирипевший толстяк то ли не услышал последних слов, то ли не придавал им значения: подлетев к журналисту, он рванул его за грудки и поднял с места. Телефон выпал из рук Линда на пол, вслед за ним посыпались пуговицы с рубашки. Ворот сорочки Линда распахнулся и все увидели длинный багровый шрам на его груди.

– Я сказал: спокойно! – прорычал Линд в ответ, и неуловимым движением отправил дядю Винки в нокаут. – Теряешь сноровку, – заметил он тут же совершенно спокойно, и нагнулся поднять телефон.

В этот момент в гостиную вошло несколько человек: доктор Сибелиус, приехавший на «скорой», а с ним комиссар Шеридан, сёстры Амстьен, Дуния с Дедушкой, Мама, Зануда и ещё домочадцы, которые только что узнали о трагедии, случившейся в доме.

Сибелиус тотчас стал осматривать пострадавшего малыша. О Линде на время забыли и он, усевшись в углу, беспрепятственно занялся телефонными разговорами. Дядя Винки – надутый и нахохленный – расхаживал мимо него взад и вперёд, то и дело бросая на обидчика испепеляющие взгляды, и всем своим видом давая понять, что просто так он этого дела не оставит.

– Я ничего не понимаю! – сдался после тщательного осмотра доктор Сибелиус. – Тут даже нет травмы! Это какое-то колдовство!

– Не было ли каких-то особых обстоятельств, связанных с появлением этого ребенка в вашем доме? – спросил Рэг Шеридан.

– Э-э... Ну, его принес Аист... – чуть замявшись, ответил Папа.

– Это понятно, – отмахнулся комиссар, – уж детей, как известно, – либо Аист, либо в капусте... Вам этот аист не показался подозрительным?..

– Нет...

– Он уронил ребёнка в котел с овсянкой! – ябедой квакнула из какого-то угла Мэрион. Все дружно повернулись в её сторону.

– Можно ли взглянуть на этот самый пресловутый котёл? – заинтересовался Шеридан.

– Вообще-то мне ничего неизвестно об этом, – в замешательстве ответил Папа. – А котел... что же, котёл у нас есть.

На Кухне... Если хотите, можно посмотреть.

– Да, это было бы интересно! – раздался от входа в гостиную властный голос. Там, никем ранее не замеченные, появились несколько человек в форме Смотрителей. – И мы хотели бы исследовать *весь* Замок, – продолжал тот, в ком угадывался старший.

– Это обыск? – хором возмутились тётушки.

Вместо ответа, главный из Смотрителей с надменным видом протянул Виктору фон Гилленхарту конверт с массивной сургучной печатью.

– У нас есть разрешение, – пояснил он остальным, покуда хозяин просматривал содержимое письма.

– Именем святой инквизиции? – растерянно перечитал отец вслух, несколько раз пробежав глазами текст послания. – Что это всё значит? – обратился он к Шеридану.

– Дружище, я знаю об этом не больше, чем вы! – отвечал комиссар. – Но только завтра – Карнавал, и активность негативных аномальных сил и существ значительно возросла, как обычно об эту пору. Нам необходимо подстраховаться. Тем более, что в Городе обнаружена действующая и очень сильная Дыра – тот самый заброшенный дом.

– Ладно! – сдался хозяин. – Тогда начнем с Кухни.

Все присутствующие, а набралось их не меньше полусотни, дружно двинулись по переходам вниз. Макс Линд шел одним из последних – и чья-то сильная рука вдруг схватила его и втащила в одну из комнат.

– А теперь выкладывай, наконец, кто ты на самом деле и зачем сюда явился? – и он почувствовал, как в его горло уткнулось что-то неприятно острое.

– Давай, Коротышка, я тебе потом все объясню! – миролюбиво предложил журналист, пытаясь вырваться.

– Нет, сейчас! Или я тебя убью.

– Я всего-навсего ищу одну ведьму... – процедил сквозь зубы Макс Линд. Разговаривать нормально он не мог, поскольку кулак противника, сжимавший нож, сильно упирался ему в челюсть. – Время истекает, а я до сих пор не знаю, кто она...

– Вот именно! – радостно и злобно подтвердил дядя Винки, свободной рукой доставая откуда-то стеклянную колбу песочных часов, где за голубоватым стеклом одиноко порхала одна-единственная светящаяся снежинка. – Время, отведенное Тезариусом, истекает, и я не позволю, чтобы что-то случилось за эти последние мгновенья! Эта история должна закончиться! И у неё будет счастливый конец.

– Но ведьма может вызвать дракона – и тогда всё погибнет! – возразил Линд.

– Ведьма – далеко. В своём нарисованном мире, – хищно раздувая ноздри, отвечал дядя Винки. – И не вернется уже сюда! Я о том позаботился!.. А что касается дракона – наверняка, он давно мертв. Он не мог выжить без глаз! И тебе это должно быть известно!.. Так что мы немного обождём, – он бросил мельком взгляд на песочные часы, – а потом зажи-

вём нормальной, я бы даже сказал, скучной жизнью обычных людей... – и ещё сильнее надавил ножом на горло пленника.

– Коротышка! – в голосе Линда прозвучало неприкрытое отчаянье. – Дракон жив!

– Он не мог выжить! – тоном учителя младших классов наставительно пропыхтел толстяк, перекладывая нож в другую руку, и сжимая горло противника.

– Мог!.. Для этого... ему просто нужно было вселиться в человека... – прохрипел Линд, и закончил шепотом: – И дождаться своего часа...

...Железо одело её тело, и в руке своей она обнаружила меч. А потом откуда-то сверху скользнула крылатая тень, и оседлав огромного зверя, она вознеслась вместе с ним ввысь.

Сонмы мерзких тварей нападали на неё со всех сторон, и не раз казалась – гибель близка! И страх сковывал сердце ледяной коркой...

Но потом она вдруг вспомнила, что находится в нарисованном мире – мире, созданном её собственным «Я», и рассмееялась: ведь она может всё изменить! Как и любой из нас.

А когда вернулась к разорённому Замку, перед ней вновь очутился давешний рыцарь.

– Вот и всё, – сказал он, – ты победила собственных демонов!.. Возвращайся, но помни: тот, кому многое дано, призван нести людям свет! Не засоряй чужие души испражнениями собственной... Заставь себя взглянуть на мир по-дру-

гому – глазами Бога! – и ты увидишь, как он прекрасен! И мир станет таким на самом деле, ибо что ты мыслишь – то тебе и даётся...

И она очутилась на Земле.

Лостхед, Долина, Зелёная Чаша – казались теперь сном. Как ни пыталась, Каггла не смогла отыскать даже слабого намёка на их реальное существование. Постепенно она смирилась с этим – и прошлое стало иллюзией. А потом и вовсе стёрлось их памяти.

Летели годы...

Скандальную известность создателя шокирующих полотен, сменило настоящее признание истинного Мастера. Только иногда, просыпаясь по ночам от боли в спине, – ей чудилось иной раз, будто когда-то был там то ли горб, то ли крылья, – она ощущала странное волнение, и хватала кисти – и на холсте выходили удивительные пейзажи: зелёная долина, обрамлённая горами, высокий, красивый замок, старый мост над неведомой рекой, церквушка, венчающая холмы над садами цветущих яблонь... Она рассматривала эти картины и силилась вспомнить, где же видела то, что ожило на них, повинувшись загадочным капризам памяти? И не могла...

...Шумная, возбуждённая толпа гостей и домочадцев спустилась в Кухню. Смотрители достали короткие жезлы и стали обшаривать дюйм за дюймом, вода этими штукovinaми.

Один из них подошёл совсем близко к очагу – и верхушка жезла затрещала, помигивая беглыми красными огоньками.

Они переглянулись:

– Сильная аномалия!

И тут что-то сильно зашумело – там, где в тёмной выси терялись уходящие вверх цепи котла, и из темноты на людей спикировала целая стая грифонов!.. Сильный порыв неведомо откуда взявшегося ветра наглухо захлопнул входную дверь – и все, находившиеся тут, оказались в смертельной ловушке. *«Никто не посмеет нарушить твой покой, дорогая...»*

Крики и визг перекрыли стоны и проклятья раненых – двое Смотрителей мгновенно пали, сраженные каменными клювами. Ужасные создания с остервенением накинулись на остальных.

– Что же ты медлишь, Страж? – закричал Линд, уворачиваясь от огромного крыла, едва не разбившего ему голову. Он обращался к Дуние. Но та, сделав несколько взмахов боевым топором, рухнула под ударом грифона.

– Это – конец! – прошептал журналист, и еле успел вытянуть руку, чтобы блеском магического перстня отогнать прочь другое чудовище. Отогнать, но не остановить!

Грифоны, атакуя всем скопом, изорвали в лохмотья тело ещё одного Смотрителя – и мирная обитель превратилась в арену кровавой бойни.

Но вдруг одна из стен треснула от мощнейшего удара...

Тут же раздался ещё один удар, сотрясший громаду Замка до самого основания – и часть стены рухнула совсем. Сквозь образовавшийся пролом они увидели крылатого чёрного коня, парящего в воздухе. На его спине сидел человек, укутанный в плащ, лицо его скрывали поля остроконечной шляпы. Конь заржал и ударом передних копыт расширил пролом. Грифоны, отвратительно вереща, всей стаей тут же развернулись ему навстречу. Плащ всадника слетел вниз – и люди зажмурились от ослепительного блеска серебристых доспехов.

– Страж?! – потрясенно выдохнул Линд.

Чудесный всадник взмахнул непомерно длинным мечом, и пришпорив коня, взмыл ввысь.

Ожившие чудища, крича, стремительно последовали за ним. Теснясь и толкаясь, свирепая орда вырвалась через пролом наружу. Голубое небо исчертили тёмные трассы – тяжёлые с виду, твари оказались на удивление проворными!.. На головы людей брызнул каменный дождь – серебряный всадник одержал первую победу! – и тут же когтистая лапа оставила кровавый след на шелковистом боку его коня.

Коротко вскрикнув, всадник послал крылатого вперёд и вверх: неуловимое движение – точно росчерк молнии – и еще один враг мгновенно рассыпался на тысячи тяжелых капель, а за ним ещё и ещё... В непрерывно мельтешащей туче нападающих образовалась заметная брешь. Сбивая на лету верхушки деревьев, твари отступили и сгруппировались, – на

это им понадобились считанные секунды, а затем, с леденящими душу воплями, всей массой бросились на летучего рыцаря... Издав в ответ боевой клич, всадник пришпорил коня им навстречу: острое меча расщепилось, оттуда ударил световой луч – и земля содрогнулась от ударов падающих осколков.

Но один из уцелевших грифонов с разлету врезался в широкое чёрное крыло коня и разорвал его в клочья. Теряя высоту, Страж отчаянно отбивался от наседавших чудовищ, коих осталось уже менее десятка, – но сразу двое одновременно напали на раненое животное – и на серебряные доспехи хлынула тёмная кровь. Проворно высвободив ноги из стремян, Страж соскользнул со спины крылатого друга – конь и его убийцы, увлекшись преследованием, тяжело рухнули наземь. Рыцарь же с немислимой ловкостью сумел вскочить на закрик ближайшего из противников, и пока тот, злобно крича, пытался сбросить его, обратил в каменное крошево еще одного злодея. Но пленённый грифон сделал резкий вираж, и Страж, не удержавшись, сорвался. Люди, наблюдавшие за невиданным сражением, ахнули! Ударившись о землю, отважный рыцарь затих, недвижим...

Оставшиеся грифоны с торжествующими криками дружно спикировали на блистающую в траве серебристую глыбу, но зачарованные доспехи надежно хранили своего хозяина, и удары массивных клювов не причинили поверженному вреда.

Раздосадованные, чудовища обратили свои взоры на людей, до сей поры пассивно наблюдавших за воздушным сражением: никто из зрителей не мог до конца поверить в реальность происходящего! Взмыв в воздух, грифоны понеслись к Замку.

Непонятно, что же произошло с людьми в тот момент, но только никто из них не двинулся с места. Многие после вспоминали, что почувствовали: ноги будто бы налились свинцом. Точно околдованные, они смотрели, как к ним приближается крылатая смерть...

...Она наблюдала, как рабочие в синих комбинезонах завершают последние приготовления. Высокие светлые залы – торжественно-спокойные, напоенные прозрачной тишиной и светом – залы одной из самых знаменитых выставочных галерей на несколько долгих дней были подарены ей. Ей и её картинам.

Есть мгновения, когда чувствуешь, что всё предыдущее было только ради них – коротких и сладостных. Только они останутся, когда душа улетит в беспредельные дали – навстречу новому перевоплощению. И в далёком-далёком «потом», что будет уже и не в твоей жизни, они вспомнятся вдруг лёгким облачком – смутно и неясно – даже и не поймешь о чём, и учащённо забьётся сердце... И впитывая всем своим существом всё-всё-всё, что происходило сейчас – и этот свет, льющийся из огромных окон, и солнечных зайчи-

ков на мраморных полах, и приглушённые голоса, и матово блестящую поверхность полотен, закованных в лёгкое дерево, она ясно ощущала: именно эти минуты оставит ей Творец напоминанием о прожитом – тревожно-радостную суету последних завершающих штрихов, а не то, что случится позже, когда в раскрытые двери потечёт праздничная толпа.

Каггла медленно пошла вдоль стены, рассматривая то, что уже развесили. Остановилась... Река, мост, лес, сквозь утренний туман – рассвет... Этот мирный пейзаж, окаймленный рамой, всегда вызывал у нее лёгкую щемящую тоску – светлую и непонятную. Она никогда в жизни не видела ни этой реки, ни этого моста... Может, в детстве?

– *Они ждут тебя...* – мужской голос, сказавший это, был тихим, словно шёл откуда-то издалека.

Каггла обернулась к невидимому собеседнику. Но рядом никого не было. Она посмотрела на светловолосого паренька, возившегося поодаль с проводами. Он улыбнулся в ответ на её удивленный взгляд:

– Вы что-то хотите?

– Нет... – она растерянно провела рукой по волосам. – Мне показалось просто...

Ею вдруг овладела сильная тревога!

Она огляделась по сторонам: в огромном зале было по-прежнему светло и спокойно. В снопе солнечного света, бьющего из окон, танцевали крохотные пылинки. На какое-то мгновение перед глазами вдруг возникло видение: в тём-

но-синем воздухе, каким бывают окрашены зимние сумерки, пляшут белые снежинки... Она прикрыла глаза, видение исчезло.

– Ты должна их спасти...

На картине, где старый деревянный мост утыкался в песок, колыхалась едва видимая тень – рыцарь в доспехах, словно сотканный из тумана. Сквозь прорези его шлема сверкали голубые огоньки...

Воздух галереи сгустился и задрожал, и мир вокруг словно бы раздвоился – одна картинка наложилась на другую, будто у нее открылось двойное зрение. Она видела одновременно то, что происходило в зале *сейчас* – в истинном времени и измерении, но было и *другое*: огромный горящий камин – пламя бушевало в жаркой пасти, пожирая толстые брёвна, а напротив, будто бы в немыслимом далеке, – на другом конце зала, – возникли двери из прозрачного стекла – и за ними три высоких силуэта. Два мужских и один женский...

И тут кто-то словно перевернул назад страницы её памяти.

Сквозь трескучие языки пламени, как через плотную занавесь, она увидела мгновенно появившуюся и тут же исчезнувшую картину: зелёную долину с высоты птичьего полета, острое полуразрушенной замковой башни, и стремительно накрывающие её хищные тени чудовищных птиц.

– Мэрион! – вскрикнула Каггла.

– Она тоже погибнет, если ты не придешь и не остановишь

их... – сказала тень.

Отделившись от картины, она огромной тучей колебалась теперь рядом с нею.

Люди работавшие в галерее, в недоумение оборачивались на художницу, силясь понять, что происходит с этой маленькой синеглазой женщиной, вдруг заметавшейся по залу.

– Госпожа Гилленхарт! – видя неладное, к ней поспешил администратор.

Не замечая его, Каггла остановилась. Где же выход?..

– Там... – подсказала тень, качнувшись в сторону огня. – Или там! – и указала копьём в сторону стеклянных дверей, за которыми на фоне ночного неба беззвучно взрывались огни фейерверка. – Выбирай.

Каггла подошла к камину... Такой же был в нарисованном Замке, где она коротала вечера вместе с таинственным слугою – полузверем-получеловеком... И такой же был в гостиной настоящего Замка. *Настоящего?*.. Кажется, она совсем запуталась!

От камина веяло нестерпимым жаром. Там бушевала огненная буря... Нет, тут она не пройдёт!

– Сюда!.. – звали её те трое, что бились в запертое стекло. Она заколебалась.

– Я могу пройти через двери? – спросила она у Тени.

– Да! – тотчас отозвался призрачный рыцарь. – Но тогда нигильги тоже пройдут...

– Что же делать? – в отчаянье всхлипнула Каггла. И сде-

лала шаг к огню.

– Иди к нам! – завыли-забесновались силуэты за стеклом. – Хочешь, чтобы всё снова было как прежде? Пустота, одиночество и уродство?

Каггла остановилась. Дико заныла спина... Уродство? Она усмехнулась – в памяти мелькнуло и погасло: пещера, свечи на столах, визг скрипок, и огромный тролль с деревянным кубком в лапе: «А ну-ка, кто здесь хочет быть красивой?..» – и отчаянный выкрик: «Я!..Я!!Я!!!...»

– Мы дадим тебе всё!.. – фигуры нигильгов потемнели и приобрели чёткие очертания.

Теперь она могла разглядеть их лица – они были прекрасны. Совсем как тогда, на балу...

«...Время пришло... – мелодичный голос Княгини эхом зазвучал в её ушах. – Тебя устроит *наша* цена?.. Человек – существо ограниченное, я говорю это не в обиду тебе, просто вы *так устроены*... Другие вряд ли смогут назначить тебе большее – ведь и предлагать-то особенно *ничего*... Бесмертие, вечная молодость, здоровье, богатство, успех, талант, возвращение ушедших... Как видишь, список довольно мал, но это *не наша вина*...»

– А любовь? – Каггла спросила очень тихо, но те трое услышали её и замерли.

– Что?!..

– Любовь... – повторила она. И шагнула к огню.

Огонь и боль... Всё пустое – в пепел...

И по венам – чистой кровью Свет...

...Шесть крылатых тварей – огромных, заслонивших собою небо – и маленькая синеглазая горбунья.

Они бы запросто разорвали её на клочки, но она махнула рукой, точно стирая неправильно написанное, и кошмар исчез.

Художник, как и создатель, властен над сотворенными им мирами.

– Каггла!!! – радостно завопила Мэрион, первой очнувшись после долгой-долгой тишины, наступившей в разорённом, усыпанном каменными осколками саду. – Кагглюся!!! Ур-рааа!! И откуда ты взялась только! И чего не появилась раньше, а?.. – строго спросила она тётку, начиная смутно подозревать, что явление последней в самый разгар «праздника» отнюдь не случайность. – Ждала, пока нас тут всех слопают?

Возле горбуньи бесшумно возникли Смотрители.

– А вам что нужно? – насторожилась девочка. – Э-э! Что такое?! – возмутилась она, видя что те берут тетку в «кольцо».

– Они ищут ведьму, – спокойно и устало пояснила Каггла. – Они думают, что это – я.

– А это – не ты? – с некоторым разочарованием переспросила Мэрион.

– Нет... – улыбнувшись, качнула головой горбунья.

И посмотрела туда, где возле Бабушки стояли Мама и Зануда. Налетевший ветер трепал их длинные чёрные волосы...

– Но я обязательно покажу её тебе! – не сводя глаз с двух женщин, пообещала тётка.

Зануда побледнела.

– Да, будьте так любезны! – громко сказал Макс Линд, поправляя перстень на разбитом в кровь грязном пальце.

Смотрители переглянулись. Наступила нехорошая тишина...

– Да уж не сомневайтесь!.. – пообещала Каггла, и взгляд её заledenел.

Она медленно пошла вперед, по направлению к матери и дочери. Те попятнулись... Инквизиторы и Линд, не отставая, последовали за ней – шаг в шаг.

– Смотри, моя девочка...

До подозреваемых оставалось несколько метров. Шаг, другой... и ещё...

– А вот она!.. – точно в старой детской страшилке внезапно выкрикнула Каггла, и резко метнувшись в сторону, крепко ухватилась за тонкое запястье стоявшей неподалёку Зеллы Амстьян.

Что тут началось!..

Возможно, Каггле и не поверили бы, но застигнутая врасплох ведьма растерялась, – на это и рассчитывала горбунья, совершая свой маневр! – и вместо того, чтобы всё отрицать,

выдала сама себя.

– Ты опоздала! – крикнула она, и ловко вывернулась из рук обидчицы. – Страж – мёртв!.. А я разбужу Дракона! – и с этими словами Зелла кинула в траву что-то круглое и зелёное.

– Что это? – посерев, прошептал Макс Линд.

– Зелепусы... – пожалала плечами Мэрион.

– *Драконьи глазки!* – ехидно поправила её ведьма.

Смотрители бросились к Зелле. Но она только рассмеялась, и сотворив заклинание, исчезла.

– Ищите! – приказал старший инквизитор. – Крепостные стены Замка – ловушка для неё, и ей не вырваться наружу! Она должна быть где-то здесь!

– Почём вы знаете? – поинтересовалась Рио.

– Потому что я это предусмотрел! – ответил вместо него Линд. Но в его голосе не слышалось торжества или самодовольства, свойственного предусмотрительным взрослым. Напротив, он выглядел очень озабоченным.

Смотрители вооружились жезлами и принялись обшаривать сад. Остальные дружно стали помогать им. А поскольку все старались изо всех сил, то снова возникла суматоха.

– Ловите зелепусо.... Тьфу!.. Ловите драконьи глаза! – громовым голосом приказал, перекрывая общий шум, дядя Винки. – Без глаз Дракон – ничто!

Шумное сборище тут же разделилось. Ловить зелепусов оказалось гораздо занятнее, чем искать невидимую ведьму.

– Господа!!! – хором завопили возмущённые «преступники», старательно уворачиваясь от чужих рук. – Да вы совсем обалдели!! Чего творите?!

Пока остальные гонялись за шустрыми зелёными в зелёной же траве, дядя Винки подошел к неподвижно лежащему рыцарю. Из-за грифонов и ведьмы об отважном смельчаке все забыли. Рядом с дядюшкой оказался Макс Линд.

– Помогите-ка мне! – велел толстяк, пытаясь разжать облитую серебром рукавицу, крепко сжимающую длинный меч.

Но Линд вместо того опустился на колени возле поверженного, и осторожно поднял забрало шлема.

– Орфа?! – потрясённо прошептал он. – Орфа... Кто бы мог подумать! Бедная девочка!

– Она – воин! И нечего тут... Того гляди, Дракон явится! – резко оборвал его дядя Винки, беря меч за рукоятку обеими руками. – И-и-эх! – и размахнувшись, он на пробу сделал круговой замах над головой.

Беготня в саду усилилась... Зелепусы отчаянно не давали себя поймать. Они не понимали, что происходит, как и многие из преследователей, и приняли поднявшийся переполох за весёлую игру.

Мэрион тоже носилась по саду, как угорелая, вместе с остальными: она хотела отловить незадачливых приятелей и спрятать их, пока всё не утихнет. Она не верила, что Зелепусы могут представлять собой какую-то опасность.

Но вскоре «догонялки» приняли серьёзный оборот. По приказу Смотрителей Рэг Шеридан вызвал подкрепление, а сами инквизиторы начали настоящую охоту на неуловимых: и то тут, то там сквозь листву хлестали красноватые всполохи, бьющие из отверстий на концах жезлов. От этих выстрелов нечаянно загорелась резная деревянная беседка. Переулочек огласил рёв пожарной сирены, заметались по узкой улице синеватые огни полицейских «мигалок». Крики, визг, суета... Хранители раскинули по саду невидимые сети – в них тут же запуталась половина народу. Ошалевшие от испуга Зелепусы в конце концов совершенно случайно оказались возле Бабушки:

– Спаси нас, добрая женщина!.. – завопили они фальцетом.

– Идите ко мне, мои маленькие! – бабуся наклонилась и протянула к ним руки. – Что такое вообще происходит! – старуха отнюдь не одобряла происходящее.

Народ не сразу заметил, что Зелепусы обрели убежище, и большинство продолжало бестолково носиться по саду с криками и воплями.

– Держите-ка их крепче!.. – приказал старушке дядя Винки. Он, один из немногих, сохранял полное спокойствие. Крепко сжимая в руках меч, он перебрался к тому месту, где стояла Бабушка.

– Смотрите в оба! – велел он всем, кто случился поблизости. – Дракон, если конечно он явится, непременно придёт за

ними! И уж тогда мы посмотрим... Посмотрим, кто кого! – зловеще добавил он, тревожно осматриваясь по сторонам.

Суматоха стала тише. Остальные участники понемногу подтягивались к центру событий. Хмурые лица дядюшки, Линда и Смотрителей заражали и без того измученных людей неясной тревогой. Над вечереющим садом повисло напряжённое затишье... Негромко переговариваясь, люди разбились на группки. Кто-то устало сел прямо на траву, другие расположились на дорожках и скамейках. Тянуло гарью. К этому запаху примешивался будоражащий аромат цветущих роз.

– Чего мы ждём? – спрашивали одни, другие отмахивались: – Тише! Тише!.. – и все смотрели в полыхающее закатом небо, ожидая, что на горизонте вот-вот появится зловещая чёрная точка.

Мэрион тоже вместе со всеми до боли в глазах всматривалась в бледно-сиреневые сумерки. Какое-то непонятное движение сбоку отвлекло её. Она повернулась:

– Бабушка... Бабушка?!

Там, где только что стояла старая хозяйка Замка, стремительно росло ввысь *Нечто*...

... Он был прекрасен. Громадный, сверкающий, могучий. Звериная грация и нечеловечески мудрые глаза. Он был *совершенен!*

Люди, Замок, сад – всё замерло в невольном и едином по-

рыве страха и восхищения. Словно пред ними явился забытый древний бог.

Кто-то заплакал, кто-то встал на колени, и общий стон пронёсся ветерком над головами:

– Дракон...

Монстр медленно повел великолепной изогнутой шеей, опоясанной кольцами шестигранных чешуек, и из его груди родился страшный и гулкий рык. Этот звук лавиной раскатился по окрестностям, заставив содрогнуться далёкие горы.

Гигантский хвост Дракона ожил и, взметнувшись волной, одним движением уничтожил половину деревьев сада. Следующая волна почти целиком снесла Восточную Башню Замка.

Только дядя Винки – как он был сейчас не похож на того ворчливого, одышливого обжору, каким казался в обычной жизни! – только он сумел преодолеть охватившее всех оцепенение, и с криком подскочив к гиганту, ударил его мечом по лапе.

Хальгиг разинул пасть, утыканную белоснежными зубами – каждый размером с человека – и огненный выдох уничтожил металл в руках нападавшего.

– Ух-ха-хаа-аа!.. – визгливый хохот разрезал тишину онемевшего вечера. – Убей их!.. – и в мрачнейшем небе вихрем промелькнула Зелла. – Убей!..

Дракон вздыбился ещё выше, стал еще больше...

– Бабушка... – прошептала Мэрион, не в силах отвести

глаз от сверхъестественного создания.

...О, дитя! О, бутон надежды!

Ангел маленький, сладкий и нежный,

В глазах твоих – глубина мироздания

Жизнь ты моя, ты – моё оправдание!

Эту песенку она пела ни одному поколению. Пела тем, кто рождался, рос и старился на её глазах. Но даже когда ваше дитя превращается из пухлого и прекрасного малыша в некрасиво обрюзгшего толстяка или увядшую женщину с потухшими глазами – разве вы перестаете их любить?.. Она встречала их первый крик и слышала самый последний вздох, видела, как они растут и расцветают, влюбляются, увядают и гаснут... Она любила их всех. Всем сердцем!.. А оно у драконов – огромно!..

– Чего же ты медлишь?! – противный визг ведьмы больно ударил по нервам.

Подлетев к Дракону, Зелла замахала руками у него перед носом. Линд, выхватив у одного из Смотрителей жезл, разрядил его прямо в летунью. Но магический заряд не причинил ей никакого вреда.

Ведьма расхохоталась:

– Вам не справится со мной!.. Мелкие, ничтожные букашки!

Хальгиг медленно махнул передней лапой – в его сжатых

когтях сверкнуло что-то крохотное – и этим предметом он стукнул ведьму по голове. От неожиданности она выпучила глаза и... мгновенно вспыхнув, прямо в воздухе сгорела дотла.

– Бабусенька плибила ведьму повалёшкой!.. – восторженно завопил Карапуз.

Весь вечер ребёнок просидел на дереве – и оттуда ему было очень хорошо видно, что Дракон сжимал в лапах серебряный черпак, коим в бытность свою в человеческом обличье, помешивал незабвенную овсянку. Бабушка и тут не смогла расстаться с любимой вещицей! (А может, она потому с ней никогда и не расставалась?..)

Опомнившиеся Смотрители наставили на Дракона оружие, но Хальгиг легонько дунул, и они кубарем покатались по траве.

Осторожно, очень осторожно, Хальгиг повернулся – все движения его огромного тела были на диво грациозны, – и пригнувшись под ветвями, вытянулся туда, где лежало безжизненное тело Орфы. Огромная рогатая голова нависла над серебристыми доспехами... Люди ахнули и затаили дыхание. Несколько минут Дракон пристально всматривался в девичье лицо – бледное, с погасшими глазами, неподвижно устремлёнными в небо. Из его тёмно-зелёных очей вдруг скатилась огромная хрустальная слеза. Тяжёлой каплей она упала прямо на стылую щёку девушки-воина и разбилась на тысячи драгоценных частей. Орфа вздрогнула... Её глаза

Ожили...

– Здравствуй! – слабо улыбнувшись, прошептала она одними губами.

– Прощай! – прошелестел Дракон. От звука его голоса зашумели-заволновались листья деревьев. – Я возвращаюсь...

Плавно выпрямившись, Хальгиг легко, точно невесомый, отделился от земли. Его силуэт стал прозрачным как стекло, и он был бы невидим, но закатное солнце заиграло на его броне алмазными бликами. Сияющий и ослепительный, он поднимался всё выше и выше – навстречу загорающимся бледным звёздам.

Удаляясь, Дракон уже почти сравнялся по высоте с тонким полукружием месяца, как вдруг снова устремился вниз, будто торопясь догнать алый диск уходящего светила... По саду зашумел ветер – точно перед дождём, – по толпе прокатилось волнение, но смутные очертания фантастического существа стремительно скользнули по воздуху мимо – к открытому окну детской.

Там, на руках у Сибелиуса, тихо лежал Подкидыш. Высокий лоб доктора прорезала глубокая скорбная складка: он смотрел на кроху, и чувствовал, как отчаянье, охватившее его с той минуты, когда он увидел малыша, становится всё сильнее и горше. Душа его ужасалась содеянному, и страдала от собственного бессилия... Погружённый в собственные раздумья, он, находясь рядом с ребенком, пропустил всё, что произошло в Замке за последние несколько часов. Те же без-

радостные мысли помешали ему удивиться, когда его плеча вдруг что-то коснулось... Безучастно, точно во сне, он оцепенело наблюдал, как полупрозрачная когтистая лапа накрыла личико младенца...

Опомнившись, Сибелиус хрипло вскрикнул, но чудовищная длань исчезла, и он успел увидеть, как к горизонту улетает длинная вытянутая тень. Растерянный, он подскочил к окну, чтобы позвать на помощь, и осёкся: из кружев и пелёнок на него смотрели малахитовые глаза ...

– У сегодняшнего вечера длинная предыстория. Время позднее, а мой рассказ может затянуться надолго!

Макс Линд с перевязанной бинтами головой торжественно восседал в любимом папином кресле. Повязка на голове, похожая на восточный тюрбан, придавала его облику нечто царственное. Ещё более усиливал это впечатление тот интерес, с каким внимали его неторопливым словам многочисленные слушатели, расположившиеся тут же, в гостиной.

– Рассказывайте! Рассказывайте!.. – раздалось отовсюду, едва он сделал паузу.

– Да рассказывайте же, черт бы вас побрал! – громче всех буркнул Рэг Шеридан.

Он, да ещё доктор Сибелиус были единственными посторонними, кого оставили в тот вечер в Замке, кроме постоянных гостей и домочадцев. Несколько журналистов пытались было спрятаться в доме, но их изловили и вежливо выста-

вили вон. Выпрояживанием соглядатаев занималась лично Дуния очнувшаяся к тому времени после неудачного сражения с грифонами, и спорить с ней никто из них не осмелился.

– Хорошо, – отвечал Линд. – Я попробую с самого начала. Но только то, что знаю сам... Думаю, все вы слышали о крестовых походах?.. Опустив подробности, остановлюсь на ордене тамплиеров. В пору своего расцвета Братство обладало несметными сокровищами, но не только это давало ему огромную власть и силу: избранные адепты Ордена владели многими тайнами, уводящими к самым основам происхождения мира. Именно это и послужило причиной тотального уничтожения храмовников: Хранители Времени посчитали, что их знания опасны...

– Хранители Времени?... – переспросило сразу несколько голосов.

– Да, – скривившись, точно нечаянно сболтнув лишнее, Линд сухо пояснил: – Те, кто следит за *порядком и равновесием*.

– Вы, голубчик, часом, не из их числа? – пыхнув сигарой, осведомился комиссар. Но Линд сделал вид, что не услышал, и продолжил дальше:

– Великий магистр Жан де Моле был последним главой Ордена и – последним из *посвящённых*. Старик выдержал пытки и издевательства, коим его подвергли приспешники Филиппа Красивого, – французского короля, положившего конец существованию Братства. Большая часть сокровищ

тамплиеров исчезла бесследно, равно как и многие великие тайны, основы которых они узнали на Востоке... Но перед смертью Великий магистр все-таки шепнул пару слов одному человеку... Было ли это следствием помрачения рассудка из-за невыносимой боли? Ведь Моле произнёс их уже на костре!.. Или он сделал это осознанно, не желая, чтобы его знание вместе с ним обратилось в пепел?.. Слепая игра случая рассудила так, что рядом с ним в тот момент оказался только *палач*... Да-да!.. Тот, кому впоследствии суждено было стать вершителей многих судеб, был палачом!..

Макс Линд умолк. Сомкнув ладони, он долго смотрел, задумавшись, на свои руки, точно перед его мысленным взором проходила череда событий давно минувших дней. Дней столь давних, что время превратило их в легенду.

– Его звали... Да совсем неважно, как его звали!.. Он сам забыл имя, данное ему при крещении. В разные периоды истории он появлялся под различными именами – помимо многого прочего, этот человек научился перемещаться во времени и пространстве... Сначала все свои силы и умения он тратил на банальное накопительство, всевозможные развлечения и пороки, какие только доступны человеческому существу. Хранители замечали его в Вавилоне и Риме в период расцвета этих столиц мира. Но вскоре, пресытившись, он начинает понимать призрачность обычной власти и богатства... Теперь его интересуют другие вещи: он встречается с философами, учеными и мыслителями, изучает науки, ис-

кусства... Но основной стержень его интересов – магия, и он достаточно преуспевает в том!.. К тому моменту у него были последователи, коих он вербовал очень просто: оживлял умерших, что давало ему полную власть над ними... Кончается всё банально: вбив себе в голову мысль о том, что этот мир несовершенен, он решает начать всё заново. Излюбленный ход многих гениев, слишком возомнивших о себе... Овладев основами управления энергией, он едва не уничтожил всё земное. Но тут вмешались Хранители...

– Что же они сделали? – спросил кто-то.

– Сдвинули время солнечного затмения... – загадочно ответил Линд. – Благодаря этому Ахайя, как звали его те, кто были обязаны ему продлением жизни, был выброшен в иное измерение вместе с другими участниками безумной аферы... Они очутились в параллельном мире. В мире, раздираемом изнутри враждой между двумя старейшими расами, населявшими его, и нашествиями врагов Извне.

И кивком головы указав на Папашу Дю и дядю Винки, Линд сказал:

– Вот эти люди лучше меня расскажут вам о тех краях!..

Кондитер и дядюшка не заставили себя долго упрашивать. Их рассказ затянулся до самого утра. Особенно разошёлся дядя Винки, описывая все перипетии своего житья в мире Зелёного Солнца. Голос Папаши Дю вплетался в повествование лишь изредка: когда, по его мнению, дядюшка совсем уж завирался.

– Хорошо, – устало вздохнул Папа, когда дядя Винки, наконец, умолк. – Но какое отношение всё это имеет к моей семье?

– Самое прямое! – заявил Линд. – Один из приверженцев Ахайи, возвращенный им к жизни, по чистой случайности остался здесь – в нашем мире. Некий брат Або... Барон Юстэс фон Гилленхарт знал его под именем монаха Фурье. Вам же он был знаком как отец Себастьян...

Изрядно уставшие за ночь слушатели оживились:

– Не может быть!..

– Да-да! Мало того: незабвенный барон был прямым его потомком. Потому именно его монах и посылает в параллель, когда узнает, что Ахайя собирается вырваться из своего заточения.

– Как же он это узнал?

– Ахайя умел многое и, в том числе, он был великим провидцем... Он предвидел вынужденное предательство своих учеников – и в противовес Тёмной Башне, которую они создали, увидев, что безумие их учителя грозит катастрофой, сотворил Храм Солнца, дабы они уравновешивали друг друга. В храме был мощнейший портал перехода из одного мира в другой. Его создатель собственноручно наложил заклятье на Переход для того, чтобы сам он не мог пересечь границу между мирами...

Кроме этого, он сделал и еще кое-что.

Так же как и погибшему на костре Жаку де Моле, ему бы-

ла нестерпима даже мысль о том, что все накопленные знания исчезнут вместе с ним. Слишком дорогую цену он заплатил за них!.. Тогда он взял камень – обыкновенный камень – и с помощью заклинанья вложил в него всё, что собрал его ум за долгие столетия. Много позже, когда Вэллария найдет способ связаться с духом Проклятого, он пообещает ей этот Камень в обмен на освобождение и воскрешение. Но при этом Безумец сам же пошлет к Або-Фурье ворона с весточкой...

– Интересно получается... – заметил Шеридан. – Это как партия в шахматы с самим собой! Причем, сам не знаешь, какая рука выиграет.

– Примерно так, – согласился Борода. – Две стороны его натуры – тёмная и светлая – пытались одолеть друг дружку.

– Значит, – переспросил Папаша Дю, – Вэллария охотилась за душами *настоящих* людей исключительно для Ахайи? И как же она сумела найти портал?

– Безумец помог ей... И сам же с помощью брата Або натравил на неё Гилленхарта. Попутно наш юный рыцарь предотвратил пришествие нигильгов, сразив Королеву Чару, которая, желая спасти род людской, собиралась открыть пожирателям миров портал... Тут свою лепту внес колдун Те-зариус: узнав, что пришелец должен убить Собирающую Души – то есть Вэлларию, он изменил заклятье, наложенное монахом на Гилленхарта, и сделал так, что сначала жертвой его меча стала Королева Людей. Хитрец рассчитывал остать-

ся победителем, но ему это не удалось...

– Как знать!.. – неожиданно подал голос дядя Винки. – Эта история ещё не окончена!

Все дружно повернулись в его сторону.

– Что вы хотите этим сказать? – удивился Линд.

– А то, что вместо Гилленхарта домой возвратился его убийца!..

...Дождь, грязь, холод... Тучи воронья над гнилыми полями... И колокольный звон.

В тот проклятый год окрестные деревни сожрала чума. Господский дом она тоже не пощадила – перед карающей десницей Всевышнего равны и рыцарь, и купец, и простолюдин.

Старый барон фон Гилленхарт, за одну неделю схоронив сыновей и их семьи, начисто лишился рассудка, и целыми днями сидел у огня камина, глядя на яркое, трескучее пламя... Мутные глаза старика прояснялись лишь, когда взгляд его останавливался на золотых локонах маленькой внучки. Но просветление обычно бывало недолгим, и он снова напряженно смотрел на пламя – неотрывно и не мигая, точно ждал чего-то... В разбитые окна дул ветер, по каменному полу нагло шуршали крысы. Тлен и разрушение медленно уничтожали то, что создавалось несколькими поколениями.

Но однажды в замке появился высокий измождённый незнакомец. Его лицо было сильно изуродовано шрамами.

– Мое имя – Юстэс фон Гилленхарт, – сипло заявил он старику. – Я ваш сын.

И старый барон не стал спорить: он собирался умирать, но ему не на кого было оставить маленькую Аньес.

– Её назвали в честь матери... – проскрипел он, представляя девочку «дяде».

Больше в своей жизни старик ничего никому не сказал. Даже про то, что неожиданный гость появился из огня камина... А через три дня приходской священник закрыл его глаза.

Люди невзлюбили молодого барона: был он слишком суров, своенравен и неразговорчив. В церковь хаживал редко, а тут ещё поползли слухи о его несметных сокровищах! Молва тут же приписала рыцарю сношение с чёртом. Он же лишь усмехался про себя: настоящий демон жил внутри него, и имя ему было – Тезариус.

Единственной отрадой барону была подросшая племянница. Мнимый дядя любил девушку без памяти и всерьёз подумывал на ней жениться – раз того требовали законы чужого мира, но престарелая нянька, что выходила в своё время всех детей в этом доме, сказала ему:

– Нешто можно жениться на собственной дочери? Или вы, господин мой, забыли, за что вас в своё время выгнали из родительского дома?..

– За что? – чуть не выдал себя вопросом самозванец.

Но нянька не заметила несурaziцы, и спокойно объясни-

ла:

– За то, что вы соблазнили жену брата своего!..

И пришлось барону жениться на другой... Был он счастлив в любви или нет? Но только Аньес всегда могла рассчитывать на его защиту и покровительство: *«Никто и ничто не потревожит твой покой в этом доме!»* – так сказал он ей однажды.

Барон остался верен слову, и спустя много лет, когда муж Аньес был казнён по огульному обвинению в государственной измене, и ей с детьми пришлось бежать, спасаясь от гнева тогдашнего монарха. Презрев мнение государя и церкви, он предоставил убежище опальной семье. Отряд же королевских солдат, посланный за беглянкой, бесследно исчез в лесах, принадлежавших Гилленхартам.

– Кто же всё-таки убил мнимого барона? – спросили дядюшку, когда он окончил свой рассказ.

Дядя Винки пожал плечами:

– Не знаю. Просто искатель приключений... Какой-то молодой задира, из тех, что слонялись от турнира к турниру, от пирушки к пирушке... Я не успел это выяснить, меня отвлекла пропажа его головы.

– Зачем вы покойному-то голову отрубили? – стали возмущаться тётушки.

– Надо было покончить с Тезариусом! – огрызнулся дядя. – Чтобы он больше ни в кого не вселился. По-другому не

убить бессмертного... А мнимый барон, как вы понимаете, пройдя через портал, обрёл бессмертие. Потом я запечатал отрубленной голове рот воском и спрятал её в замке, чтобы после избавиться от неё. Но она пропала...

– Кто?

– Голова! – начал сердиться толстяк.

– Но мы же её нашли?! – поправил рассказчика Шеридан.

– То-то и оно! – дядюшка торжествующе вытянул вверх указательный палец. – Голова была *распечатана*! Следовательно, Тезариус – на свободе!

– Священника тоже вы убили, судя по почерку? – пододвигаясь поближе, ласково спросил комиссар.

– Не-ет! – отпрянул от него дядя Винки. – Нет!

– Убивший священника, охотился за Камнем, – подал голос Макс Линд. – У кого Камень – тот и убийца.

– Кстати, вы – последний, кто видел его живым! – радостно спохватился дядя Винки.

– У меня железное алиби! – улыбнулся журналист.

– Знаем мы ваше алиби! – фыркнул дядя Винки. – И вообще: вы сами-то, кто таков будете?.. А?!

Но журналист нахально пропустил его вопрос мимо ушей.

– То-то я все не мог понять, – радостно воскликнул он, как человек, разрешивший долго мучившую его загадку, – почему мои датчики всё время показывали присутствие пришельцев Извне!.. Ведь в жилах Гилленхартов течет на самом деле кровь агила – существа, отличного от человека... Пото-

мок же *настоящего* барона здесь только один!

– Интересно узнать, кто? – ледяным голосом спросил Папа.

– К сожалению, дорогой Виктор, не вы... Я, конечно, ни в чем вас не упрекаю, упаси Боже! – отмахнулся Линд. – За давностью лет это уже не имеет значения, предъявлять юридические претензии вам никто не станет, – тут Линд усмехнулся. – А доказывать ваше неземное происхождение, сами понимаете, довольно сложно. Но я позволил себе наглость покопаться в корнях генеалогического древа. Ветвь, ведущая свое начало от Аньес – незаконнорожденной дочери барона-человека, вот истинное продолжение рода!.. И насколько мне известно, здесь присутствует только один человек, имеющий полное право носить сию благородную фамилию, а именно – Каггла фон Гилленхарт.

Повисла неловкая тишина.

Каггла не слышала последних слов нахального журналиста. Пользуясь тем, что домашние и гости заслушались рассказами Коротышки и Папаши Дю, она незаметно покинула гостиную. Длинными переходами горбунья пробралась к гостевым комнатам. Перед дверью, ведущей в покои сестёр Амстьен, она замялась: комната была заперта.

– Эх, сюда бы сейчас Рио! – пробормотала она, вспомнив, как ловко племянница проникла в логово дяди Винки.

Подёргав ручку, она несколько раз безуспешно толкну-

ла дверь плечом. Безрезультатно... Отступив, она торопливо огляделась в поисках чего-нибудь подходящего. Тёмный прямоугольник дверного проема беззвучно раскрылся, и она увидела звёзды в окне напротив.

– Заходи... – прошелестел тихий бесцветный голос.

– Кора?! – вздрогнула от неожиданности горбунья.

На фоне более светлого окна обрисовался силуэт человека. Молча, он качнулся в сторону.

Каггла медлила.

– Не бойся! – в комнате вспыхнул маленький ночник. – Заходи. Я знаю, что тебе нужно.

Глубоко вздохнув, художница перешагнула порог. Кора сидела в кресле. Бледная, усталая, совсем не похожая на прежнюю очаровательную красавицу.

– Я отдам тебе то, что ты ищешь, – тихо сказала она, глядя в пространство. – А ты позволишь мне спокойно исчезнуть отсюда.

– А что я ищу?.. – насторожилась Каггла.

Вместо ответа Кора указала на журнальный столик. Там, на подстилке из мягкой выделанной кожи, лежал невзрачный камень.

– И ещё... – она протянула горбунье фигурку из дерева. – Это Красавчик. Его можно оживить, правда, настоящим человеком он уже не станет. Но будет не хуже, чем был.

– Зачем твоя сестра охотилась за мной? – спросила Каггла.

– Сестра? – едва заметно улыбнулась Кора. – Она была

мне матерью. Её звали Кирия.

Каггла ощутила легкое покалывание в кончиках пальцев. Вытянув вперед руку, она посмотрела на свою кисть: там мерцали голубоватые искорки.

– Да... – кивнула Кора. – Именно это... Дар создавать Порталы... После гибели Акры моя мать долго скиталась, пока не встретила посланника Нигильгов. Он предложил ей выгодную сделку... Когда Кирия явилась в Замок, агил узнал свой собственный украденный голос, и взбесился!.. Это было на руку моей матери: она превратилась в рыцаря, и сразила барона на турнире. Она же выпустила дух Тезариуса – демон и ведьма заключили перемирие. Им нужен был замок, как связующее звено между этим миром и другими мирами. Один хотел власти... Другая... У неё были свои планы. В результате у них ничего не получилось – они не смогли договориться. А заветный дар достался маленькому сыну Аньес: мальчик просто коснулся рук умирающего, когда того привезли домой после злополучного состязания... Дар или проклятье – кто теперь разберёт? – ведь агил заполучил его от демона, вселившегося в него! – но оно переходит в вашем роду по наследству.

Каггла взяла камень и завернула его в замшу.

– Думаю, не мне решать твою судьбу... – сухо сказала она.

– Нет! – улыбка Кору стала ярче. – Именно тебе!.. И ты сможешь: выведешь меня за ворота Замка. Самой мне не вырваться из ловушки – Линд и Смотрители установили за-

щиту.

– Ещё чего! – фыркнула горбунья.

– Иначе ты не узнаешь, как оживить Красавчика...

Каггла растерялась.

– Решай быстрее! – почти грубо сказала Кора. – Если сюда доберутся Смотрители...

Но Каггла продолжала колебаться. Тогда Кора поднялась со своего места и пристально посмотрела ей прямо в глаза:

– Хочешь, чтобы меня живьём сожгли на костре? – жарко выдохнула она. – Хочешь этого?!

– Что ты такое говоришь! – удивлённо пробормотала Каггла. – Мы же цивилизованные люди!

– Эта история – не для людей, – печально покачала головой Кора. – И они – *не люди*.

...Господин Торокара с раннего утра был в отличнейшем настроении!.. За окном его роскошного гостиничного номера шумел праздничный город – сегодня начинался Карнавал. Но вовсе не это обстоятельство заставило его мычать весёлый мотивчик во время бритья. Просто всё складывалось очень удачно.

«Вовремя подвернулась эта глупая ведьмочка!..» – думал он, намыливая подбородок. «Как нельзя более кстати! Если бы не она, чёрт знает, сколько ещё проторчал бы Дракон в Замке... Ха! Вот уж не думал, что старый ящер окажется таким сентиментальным!.. Отдать глаза какому-то челове-

скому мальцу, зная, что в этом случае сам он долго не протянет!..»

Промокнув лицо пушистым полотенцем, Торокара придирчиво посмотрел на себя в зеркало.

«Сегодня же скомандую юристам, чтобы нажали на Гилленхарта – пусть подписывает закладную на Замок...»

– Теперь этого уже не нужно, – сказала отражение в зеркале.

– Почему, мой господин? – подобострастно спросил Торокара.

– Замок остался без защиты. Мы и так его возьмём!.. – и отражение рассмеялось. Синхронно с ним засмеялся и Торокара.

– Я потратил много времени! – недовольно сказала зеркало. – С тех пор, как это чудовище, потеряв zenки, умирая, притащилось в Замок и укусило жену тогдашнего хозяина Лостхеда... Сколько же прошло лет? Триста? Четыреста?... Ну, да неважно... Вселившись в ту женщину, он спутал мне все карты, но уж теперь-то будет по-моему!..

– Да, господин Тезариус, – кланяясь, проговорил Торокара. – Да, мой повелитель!

Протянув к зеркалу руку, он положил ладонь на запотевшую поверхность. Отражение сделало то же самое, и когда их пальцы соприкоснулись, оно исчезло.

...Шумная площадь перед Ратушей была запружена наро-

дом. Тысячи людей с нетерпением ожидали сигнала к началу праздника.

Сквозь толпу, отчаянно работая локтями, пробирались двое – рыженькая девочка и маленькая горбунья с удивительно синими глазами.

– Но что мы скажем им?.. Что?! – в который раз уже спрашивала девочка. В её голосе звенели слёзы.

– Мы... скажем, что он – вор! – задыхаясь от быстрой ходьбы, говорила горбунья. – Вор и чернодел...

На городских стенах ударили пушки. Полдень.

Музыка, шум, гам... Улыбающиеся лица, воздушные шары, конфетти, гирлянды, цветы – всё сплелось перед глазами девочки в яркий красочный круговорот. Последним усилием Рио раздвинула плотно стоящих людей у самых ступеней Ратуши.

– Опоздали!.. – завопила она: из огромных, белых с позолотой, дверей Ратуши показались мэр, несколько его помощников, ещё какие-то люди, а впереди всех – Торокара.

На груди у него болтался на блестящей цепочке тёмный шарик. Искушённый взгляд разглядел бы в тёмных глубинах этой подвески миниатюрную копию Замка Лостхед. Ещё пару часов назад Замок спокойно стоял на своем месте, пока не явился этот ужасный человек, и щёлкнув пальцами, не пробормотал страшное заклинание. И теперь Замок, и те его обитатели, что оказались в тот момент внутри, стали пленниками Торокары.

Злодей поднял руку, призывая собравшихся к тишине. Повинуясь его чарам, на площади стало тихо, лишь громко ворковали голуби на крышах.

– Не слушайте его!.. – выкрикнула Рио. Но её протест тут же погасила чужая воля, и она онемела.

Со ступеней Ратуши полились медленные тягучие слова древнего заклęcia. Разом застыв на месте, люди с трепетом внимали его звукам. Холодное оцепенение обволакивало их души, заставляя сжиматься, замирать и подчиняться власти говорившего. Музыка оркестра захлебнулась на полуслове, и гнетущая тишина подмяла под себя летнее утро. И только невесть откуда появившиеся вороны на деревьях зловеще каркали в ответ на падающие в безмолвие тяжёлые слова, точно поддакивая.

Мэрион чувствовала, как гаснут мысли, деревенеют руки и ноги, исчезают цвета, и всё становится серым, и из последних сил вытащила из кармана маленький мешочек. Тот самый, что сестра купила у тётля ей в подарок. Потянула за шелковый шнурок...

И... ничего не случилось. Вороны продолжали каркать.

Только от башни колокольни отделилась какая-то бесформенная серая тучка. Порхая как бабочка, – вверх-вниз... зигзаг... вниз – вверх... зигзаг... – забавница подлетела напрямиком к Ратуше. И все увидели, что это – слон! Только очень круглый и с крылышками.

Весело протрубив, летун заложил крутой вираж и, проле-

тая над колдуном, уронил здоровенную лепёху. «Бомба» со смачным шлепком угодила точнехонько в голову новоявленному «фюреру».

Облепленный с головы до ног болотного цвета жижей, Торокара сбился, закашлялся... По очнувшейся толпе покатились смех. Вспугнутые вороны разом поднялись в небо и с тревожным клекотом унеслись прочь, бесследно растаяв в голубой выси. А мощная и неудержимая, как цунами, волна смеха, нарастая, захватывала всё новые и новые ряды. Гомерический хохот поднялся над площадью, и наваждение прошло!

Кто смешон – тот не страшен.

– Брат Або... простите, отец Себастьян, нарочно или случайно уничтожил пост Смотрителей Времени, что располагался в Обсерватории. Поэтому, видимо, Кирия и приняла его за Тезариуса. Теперь потребуется несколько лет, чтобы восстановить защиту...

Макс Линд и Каггла медленно шли по Набережной.

– Долина станет местом повышенного внимания... э-э... так называемых потусторонних сил, – говорил журналист. – Она и раньше-то была слабым звеном в цепи обороны Прощённого мира...

– Почему вы нас так называете? – перебила художница.

– В память о Распятом... – ответил Линд.

Каггла бросила взгляд на тёмный шарик, висящий на це-

почке, обвитой вокруг её запястья.

– А как же быть с Замком? С моими родными?

Макс Линд остановился. Каггла по инерции ушла немного вперед.

– Если я предложу вам их жизни в обмен на Камень? – тихо спросил он.

Она резко обернулась:

– А я могу вам верить?!

– У вас есть выбор? – жёстко парировал Линд. – Впрочем, конечно, есть. *Как у всех...* – и вздохнув, добавил чуть мягче: – Я – простой охотник на ведьм, но я знаю того, кто получив эту вещь, вернёт ваших близких.

Помедлив, Каггла открыла свою сумочку:

– Вот! – глядя ему в глаза, протянула она замшевый сверток.

Он взял его и небрежно засунул в карман. Вещь была довольно объёмная, но Каггла заметила, что карман его пиджака несколько не оттопырился.

– Смотрите! – сказал он ей, вытягивая руку.

На его раскрытой ладони появились большие песочные часы голубого стекла, отделанные серебром. Только вместо песка там порхала одна-единственная искрящаяся снежинка. Она мерцала какое-то время, а потом – исчезла.

– Вот и конец этой истории! – весело сказал он и разбил часы о гранитный парапет. – Мы успели... И знаете, что самое замечательное?

– Что? – машинально переспросила женщина, глядя на сверкающие осколки.

– Ваш выбор!

Закатное солнце огромным красным шаром уходило за тёмные пики леса. От речной воды потянуло прохладой.

– Мне пора, – сказал он просто, будто торопился домой к ужину.

Повинуясь наитию, она провела в воздухе рукой, обрисовав невидимую дугу, и пространство в очерченном овале засветилось зеленым.

– Спасибо! – улыбнулся он. Шагнул в просвет – и исчез.

...Над меловыми скалами, сторожащими берег, парили чайки. Их резкие насмешливые голоса перекрывали порой неумолчный шум прибоя и ветра. Среди нагромождения белых камней внезапно появилось в воздухе зеленоватое свечение, и оттуда возник человек. Но чайкам не было до него никакого дела: людям – землю, птицам – небо...

Подойдя к самому обрыву, человек достал небольшой сверток, немного помедлил, а потом, сильно размахнувшись, швырнул его в пенное кружево кипящих волн.

Глубоко вздохнув, человек окинул взглядом белые скалы: когда-то именно отсюда он пустился в погоню за маленькой неразумной ведьмой, что поддалась на посулы Нигильгов.

С тех пор выросли и уже состарились деревья когда-то сожжённой дотла Долины, ушли в землю и поросли травой раз-

валины погибшего Города, чьё имя сохранили только легенды... И вот он снова здесь. Но кто он теперь: палач, которому нечаянно достались последние слова Великого магистра тамплиеров?.. Бог-неудачник?.. Великое ничтожество, ослеплённое собственной гордыней?.. Или всего лишь забытый чародей из старой сказки? – разве только Повелитель Драконов узнает его по рубиновому кольцу... Прошлое стогрело вместе с тёмной половиной его души в Башне Забвения – и он хотел начать все сначала.

Раскинувшаяся перед ним морская ширь завораживала взгляд игрой цвета. Он застыл на месте, снова и снова изумляясь величию Гения, создавшего такую невысказанную красоту. Ветер дул в лицо, донося мелкие брызги, глаза слепило солнце, а он все стоял и смотрел, и чувствовал как нисходит давно забытое ощущение радости и восторженного благоговения: что бы ни происходило в этом мире – всё правильно, всё – по мере.

Крики чаек вывели его из задумчивости... Он в последний раз окинул взглядом океанскую равнину – вплоть до горизонта, помахал птицам рукой, – линии на его ладони вспыхнули багровым, и развернувшись, зашагал прочь.

...Дракон уносился все дальше и дальше. Тугие прохладные струи встречного ветра омывали его сверкающее тело. Вечерняя земля далеко внизу была тиха и прекрасна: кудрявые рощи, иссиня-чёрные извивы рек, белоснежные шапки

гор, подожжённые закатом... Всё дышало покоем – лёгкое затишье перед летней ночью.

На плече Дракона сидела женщина. В её руках белел длинный посох. Она что-то быстро и взволнованно говорила, и ветер уносил её слова.

– Мы успеем добраться раньше, чем силы покинут меня, – терпеливо, видимо, в который уж раз, отвечал ей Дракон. – Да, я-то ослеп, но ты ведь *знаешь дорогу*... Не-ет, я вовсе не потому сохранил тебе жизнь! У тебя ныне глаза ребенка – и ты не сможешь предсказывать худое!..

– Даниил снова скроет тебя под землей! – горячо возразила женщина. – Ты не увидишь солнца!

Хальгиг лишь улыбнулся в ответ:

– Я тебе так скажу: хочешь солнца – сам стань светом!

P.S.

– А привидение?.. – спросите вы.

Ну, что вам сказать? Признаюсь, оно вообще здесь ни при чём. Так, совершенно посторонний, заблудившийся призрак. Иначе, какой же замок без привидения?..

В оформлении обложки использовано фото Maria Pop «Knight Armor» с <https://www.pexels.com/>